УДК 94(4)
ББК 63.3(4 Алб)
С51

Издание осуществлено при содействии и поддержке Шакира Вукая, Посла Республики Албании в Российской Федерации в 1998—2002 гг.

Рецензент
доктор исторических наук А.А. ЯЗЬКОВА

Смирнова Н.Д.

История Албании в XX веке / Н.Д. Смирнова; Ин-т всеобщей истории. — М.: Наука, 2003. — 431 с. — ISBN 5-02-008867-6 (в пер.).

Монография известного специалиста по истории Албании и международных отношений на Балканах Н.Д. Смирновой (1928—2001) — первое научное исследование в российской и зарубежной историографии, посвященное ключевым проблемам истории Албании XX в. — от завоевания независимости до драматических событий последнего десятилетия. Книга написана на основе изучения архивных и библиотечных фондов Албании, Болгарии, Италии, СССР (России), Югославии, а также личных впечатлений, почерпнутых автором во время неоднократных поездок в Албанию.

ТП-2003-I-№ 278

ISBN 5-02-008867-6

© Российская академия наук, 2003
© Издательство "Наука", художественное оформление, 2003

Предисловие

Албания — европейская страна, судьбы которой на протяжении многих веков были тесно связаны с Балканами и с прилегающими районами Азиатского континента. В Албании соседствовали разные национальности и конфессии.

В XX в. она обрела независимость и одновременно оказалась полем острого соперничества великих держав. Она в полной мере испытала на себе социальные эксперименты "социалистической эпохи" и оказалась в эпицентре югославской драмы в начале 90-х годов.

Истории Албании не слишком "повезло" в советской и российской историографии. Многие годы историей Албании занималось сравнительно небольшое число специалистов. Соответственно было издано лишь несколько книг, главным образом раскрывающих историю народов, живших на территории современной Албании в эпоху древности, средневековья и отчасти новой истории.

Мы помним имя советского исследователя И.Г. Сенкевич, перу которой принадлежал ряд трудов по истории Албании XIX в.

Но совсем мало работ касалось истории Албании в XX столетии.

И бесспорно самой значительной фигурой среди исследователей албанской истории была доктор исторических наук Нина Дмитриевна Смирнова (1928 – 2001).

Она много и плодотворно работала в области итальянской и балканской истории. Книги и статьи, доклады на многочисленных внутренних и международных встречах и конгрессах отличали энергия и необычайная активность Н.Д. Смирновой.

Но чем бы она ни занималась, албанская история оставалась ее постоянной, часто скрытой и во многом нереализованной любовью. Последние 10 – 15 лет Нина Дмитриев-

на оставалась единственным в России специалистом по истории Албании. Ее мечтой было написать сводный труд по албанской истории в XX в. Она хотела совместить в этом труде исследовательский и популяризаторский жанры.

Автору пришлось преодолевать многочисленные трудности. Прежде всего, явно ощущался дефицит документов. Для их получения нужны были командировки в Албанию, работа в албанских библиотеках и архивах, что было практически невозможно. Н.Д. Смирнова использовала любые возможности для установления контактов с албанскими историками, общественными и политическими деятелями.

Ее хорошо знали в Албании, многие албанские историки — от молодых до Президента Албанской Академии наук — почитали и уважали ее.

В последние годы жизни Н.Д. Смирнова почти полностью сконцентрировалась на работе над книгой об Албании в XX в.

Посол Албании в России много помогал ей, в том числе и с получением литературы.

В итоге основные контуры будущей книги были прорисованы и рукопись была почти готова. Но внезапная болезнь закончилась трагически.

В наследии Н.Д. Смирновой оказалась рукопись этого самого труда.

Уже первое знакомство с рукописью показало, что автор успела реализовать лишь половину своего замысла. Перед нами — общий очерк албанской истории, основные линии развития этой страны в XX столетии в том виде, в каком они виделись исследователю. В рукописном наследии автора обнаружено много заметок и набросков, из которых можно представить, что она намеревалась написать большой историографический раздел и дополнить популяризаторскую часть исследовательским материалом. Но увы, этот замысел остался нереализованным.

Коллеги и друзья Н.Д. Смирновой по Институту всеобщей истории РАН решили опубликовать подготовленный ею очерк албанской истории XX в.

Как увидит читатель, в книге нет сносок и комментариев, отсутствует историографический раздел. Главы книги написаны в популярном стиле.

Но и в таком виде книга Н.Д. Смирновой, по-моему мнению, представляет собой значительный вклад в современную историографию Албании и Балкан в целом.

Это — фактически первый и единственный в российской историографии труд, раскрывающий историю Алба-

нии в XX в. Он поможет понять место и роль этой страны в европейском регионе, в сложных и драматических международных событиях на континенте. С этой книгой для нас открываются совсем почти неизвестные для российского читателя страницы внутриполитической албанской истории в межвоенный период и в последние 50 лет.

Уверен, что издание этой книги будет стимулировать дальнейшее исследование албанской истории и может быть использовано при чтении университетских курсов по европейской и мировой истории.

Публикация этого труда станет и нашей данью памяти известному ученому Н.Д. Смирновой, многие десятилетия работавшей в системе Академии наук.

Мы должны быть признательны албанскому посольству в Москве (и ее тогдашнему послу господину Шакиру Вукаю) за помощь и поддержку этой книги.

Академик *А.О. Чубарьян*

Несколько слов...

Мне выпала честь написать несколько слов о профессоре Нине Смирновой, об этой замечательной дочери русского народа, которая своей настойчивостью, волей и высокой требовательностью к себе и исторической правде, нередко возражая своим коллегам, так много сделала для Албании и албанского народа.

Заочно я с нею познакомился давно, еще тогда, когда наши народы по абсурдным, с нынешней точки зрения, причинам были разделены "железным занавесом". Однако, несмотря на то что твердила тогда официальная пропаганда в Албании и Советском Союзе, профессор Смирнова продолжала объективно освещать проблемы албанской истории. Идя по стопам русских историков, занимающихся албанской историей и правдиво преподносящих ее, Смирнова написала и издала очень ценные работы о нашей стране, нашем народе и, в частности, о Косове.

Вместе с небольшой группой российских историков и исследователей она подготовила и издала "Краткую историю Албании" — весьма ценный и полезный труд по изучению нашей истории.

Впервые я встретился с Ниной Дмитриевной в 1998 г., когда прибыл в Москву как Чрезвычайный и Полномочный Посол Албании в России. Сразу заметил, что у этой женщины твердый характер, что она — скрупулезный исследователь, который никогда не пойдет на компромиссы и уступки перед исторической истиной. Увидел, что это настоящая патриотка своей страны, которая и тогда, когда занималась историей других стран и народов, исходила из интересов собственной страны — России. Впоследствии я часто наблюдал, как она в публичных и нередко критических выступлениях относительно событий на Балканах, в частности в бывшей Югославии, показывала себя блестящим аналитиком и прогнозистом этих событий. Она была

настоящим ученым, всегда говорила и писала на основе достоверных фактов без всяких пристрастий и предвзятости, выступая иногда против коллег и некоторых политиков, находящихся у власти.

Я видел в ней настоящего ученого-гуманиста, одинаково любящего всех: и русских, и албанцев, и греков, и сербов, и итальянцев, и т.д.

Те годы (1998—2002), когда я работал в Москве, были насыщены проблемами и событиями, связанными с албанским вопросом. Это было время, когда сербский национализм, представляемый Милошевичем и его окружением, старался добиться того, чего не успел достичь в течение более чем века — уничтожения албанского фактора в Косове и превращения этого края из албанского в сербский. Было именно то время, когда официальный Белград претворял в жизнь старые планы и когда сербский национализм утратил разум и логику.

Именно в это время Нина Смирнова, как мало кто в России, выступала перед российской и международной общественностью в защиту албанского народа, в защиту исторических прав албанцев в Косове. Своими публикациями, выступлениями на различных национальных и международных мероприятиях она на основе проверенных и достоверных фактов старалась доказать, что Косово — это албанская территория, что албанцы автохтонный народ на этих территориях, что албанцы и греки являются самыми древними народами Балкан, что албанцы намного веков раньше размещения славян на Балканах проживают на своей земле в самой Албании, в Косове, Западной Македонии. Именно Нина Дмитриевна первая в российской историографии написала, что "Косово впервые вошло в состав Сербии в 1913 г., а после первой мировой войны и создания Югославии — в состав последней". Именно она, опираясь на достоверные факты и документы, *написала о мерах*, постоянно принимаемых Белградом, начиная с оккупации Косова в 1912 г., по депортации албанцев в Турцию и другие страны, о планах колонизации Косова, о репрессиях, насилии и геноциде со стороны сербов по отношению к албанцам.

Она первой заявила перед российской общественностью, "что применение силовых приемов в целях удержания Косова в составе Югославии фактически приводит к утрате Сербией этого края. После масштабного кровопролития и этнических чисток дальнейшее сосуществование сербов и албанцев в составе Сербии или хотя бы Югославии представляется невероятным". В действительности

так и произошло. Именно насилие, кровопролитие, геноцид в отношении албанцев привели к отделению Косова от Сербии, так как Югославии больше нет.

Мы, албанцы, считали своим долгом оказать поддержку изданию этой книги, которую Н.Д. Смирнова оставила в рукописи.

Пользуясь случаем, хотел бы выразить свою благодарность академику А.О. Чубарьяну за его вклад в издание этой книги.

Шакир Вукай

Посол Республики Албании
в Российской Федерации (1998 – 2002)

Штрихи к портрету автора

Передо мной лежит рукопись книги по истории Албании XX века. Она написана Ниной Дмитриевной Смирновой, известным историком международных отношений и крупнейшим в России албанистом. Я листаю ее со смешанным чувством удовлетворения и горечи. Удовлетворение оттого, что монография выйдет в свет, а горечь — оттого, что ее автор никогда не увидит ее напечатанной. Нина Дмитриевна ушла от нас 28 июня 2001 г.

Я предупреждаю читателя, что не собираюсь писать о книге или излагать научную биографию ее автора[1]. Я хочу рассказать, как смогу, о моем милом друге, или, вернее, подруге, с которой мы прошли огромный отрезок жизненного пути, сблизившись несмотря на большую разницу в возрасте (13 лет). Так несправедлива судьба, заставившая *меня* писать о ней — младшей, а не наоборот — ее обо мне.

Нина Смирнова пришла к нам в Институт истории АН СССР, в сектор новейшей истории сразу после окончания истфака МГУ. Нине было всего 22 года (род. 27 февраля 1928 г. в Ленинграде).

Тогда, познакомившись с этой тоненькой, небольшого роста девочкой, с длинной, почти до колен, русой косой, я, конечно, и думать не могла, что мы станем друзьями-единомышленниками, то радовавшимися своему согласию, то спорящими до обиды, что не помешало нам пронести дружбу сквозь долгие и такие непростые годы нашего советского и постсоветского бытия.

Наше с Ниной Смирновой дружеское сближение началось во второй половине 1950-х годов, а к началу 60-х у нас сложилась небольшая компания, в основном из институтских коллег. Мы собирались у кого-нибудь по праздникам и дням рождения.

---

[1] Краткое изложение научного пути Нины Дмитриевны Смирновой см.: Новая и новейшая история. 2002. № 2. С. 219–220.

На этих "вечеринках" сначала мы больше танцевали, но само время – после XX съезда партии – толкало на откровенные беседы. Вспыхнувшие во время "оттепели" надежды на коренные преобразования сменились разочарованием ... Танцы уступили место обсуждению наболевших вопросов, спорам и прослушиванию кассет с запрещенными песнями А. Галича. Мы передавали друг другу ходившие в Москве по рукам копии самиздата. А в самиздате тогда на машинке перепечатывали М. Булгакова и А. Солженицына. Мы абсолютно доверяли друг другу и в этом не обманулись.

Нина Смирнова, обладавшая неиссякаемым чувством юмора и острым язычком, вносила много оживления в наши встречи. Ее юмор и критический настрой требовали большей аудитории. В те годы были распространены "капустники". Бывали таковые и у нас в институте. Автором и действующим лицом в них постоянно выступала наша подруга.

В нашем небольшом дружеском кружке все, кроме Н. Смирновой, занимались "старыми" европейскими странами, Соединенными Штатами Америки, государствами Латинской Америки. Нина, изучавшая албанский язык еще на истфаке, стала исследовать жизнь и историю маленькой Албании, о которой у нас практически мало было известно. Зная язык, она попала в Тирану переводчиком (1955–1956), потом (в 1957 г.) защитила кандидатскую диссертацию на тему "Образование Народной Республики Албании" и с течением времени выросла в крупнейшего историка-албаниста. Ее докторская диссертация была посвящена возникновению и деятельности Албанской партии труда.

Часто посещая Албанию, Нина Дмитриевна полюбила этот небольшой народ, с независимой и гордой душой, волею рока часто оказывавшийся в кризисных ситуациях на востоке Европы. Мне представляется, что именно особенности исторического развития Албании привели Н.Д. Смирнову к изучению международных отношений, вызвали интерес к клубку противоречий на Балканах и в соседних странах. Здесь сыграли роль не только пытливый ум и талант ученого, но и ее лингвистические способности, что всегда важно не только для дипломата, но и для историка. Она владела не только трудным албанским языком, но знала французский, итальянский, английский, читала по-немецки, с течением времени, бывая в Греции, встречаясь и работая со своими друзьями-историками, стала понимать и греческий. Так расширилась область ее научных интересов и исследований. Из шести написанных ею монографий две посвящены международным проблемам: "Балканская политика фашистской Италии. Очерк дипломатической истории (1936–1941)" (М., 1969) и "Политика Италии на Балканах.

Очерк дипломатической истории. 1922–1935 гг." (М., 1979), – а остальные четыре – это книги по Албании[2].

Научная деятельность Нины Дмитриевны на протяжении всей ее жизни была связана с историческими институтами Академии наук. Сначала это был Институт истории, где она работала с 1950 по 1968 г., когда наш институт по решению высших органов власти был разделен на две части: Институт истории СССР (теперь Институт российской истории) и Институт всеобщей истории. Но Нина Смирнова, работавшая в секторе неславянских стран народной демократии, вместе с этим сектором стала сотрудником Института славяноведения и балканистики и оставалась там до 1974 г., когда перешла на работу в Институт всеобщей истории – сначала в группу по истории Италии, затем в сектор международных отношений, где и работала до конца жизни.

В 1990-е годы раскрылась еще одна грань таланта Нины Дмитриевны: не оставляя исследовательской работы, интенсивно занимаясь публикацией архивных документов, она нашла силы и время заняться публицистикой. Она горячо принимала к сердцу драматические события, потрясавшие нашу страну, и я думаю, что обращение к публицистике было для нее логичным шагом и даже велением души. Это был выход обуревавших ее переживаний и мыслей, это отвечало ее темпераменту. В публицистике Нина Смирнова проявила острую политическую наблюдательность и способность прямо и резко высказать свое мнение о людях и событиях сегодняшнего дня, особенно по тем вопросам, в которых она была специалистом-историком.

Начав с открытых писем в газету "Известия", Нина Дмитриевна вскоре стала сотрудничать в журнале "Новое время", ее статьи появились в "Коммерсанте", "Парламентской газете". Мы увидели нашу Нину на экране телевизора в острых международных передачах, услышали ее голос по радио. Это было время распада Югославии и косовского конфликта. Ее симпатии, разумеется, были на стороне албанцев, а к Милоше-

---

[2] *Смирнова Н.Д.* Образование Народной Республики Албании. М., 1960; *Г.Л. Арш, И.Г. Сенкевич, Н.Д. Смирнова.* Краткая история Албании. М., 1965; Белград, 1968; *Н.Д. Смирнова.* Албанская партия труда. Дис. ... докт. ист. наук. М., 1974; Наконец, предлагаемая вниманию читателя "Албания в XX веке"...

Кроме того, перу Н.Д. Смирновой принадлежат многочисленные статьи в исторических журналах, главы в коллективных изданиях: Европа в международных отношениях. 1917–1939. М., 1979; Средиземноморье и Европа. М., 1980; Краткая история Албании. М., 1992, и др. Она являлась одним из составителей, автором предисловия и членом редколлегии сборника архивных документов: КПСС и Компартия Греции: К истории взаимоотношений с 1953 по 1977 год. Салоники, 2000.

вичу она — со свойственной ей горячностью — относилась как к личному врагу.

Нина Дмитриевна далеко не отличалась здоровьем, но упорно не поддавалась многочисленным недугам. Теперь понятно, с какой перегрузкой она жила и работала и не отказывалась от поездок за рубеж[3], ибо хотела видеть мир своими глазами. Ее последнее турне — встреча Нового 2000 года в Париже и научная командировка в Австрию. Осенью того же года она заболела, и болезнь оказалась тяжелой... Но Нина не отрывалась от занятий даже в больнице, даже в перерыве между госпитализациями. За двое суток до конца, ночью, к ней приехали репортеры из "Маяка" и она выступала в прямом эфире по балканским проблемам. Такова была ее неуемная жизненная энергия.

Как мы видим, последняя книга Нины Дмитриевны тоже посвящена Албании. Как-то она сказала мне, что хочет в ней многое заново обдумать, может быть переосмыслить, сказать о том, что открылось ей за последние годы в истории Албании (к которой она приросла душой), а также и в мировой истории сложного XX в. Я убеждена, что книга найдет своего читателя, но, по всей вероятности, встретит и критику; ведь ее автор отличался независимостью суждений и упорной защитой своей концепции.

В заключение хочу сказать, что мы — друзья Нины Дмитриевны Смирновой — глубоко и искренне благодарны Посольству Албании за всемерную поддержку издания этой книги.

И.А. Белявская
4 февраля 2003 г.

---

[3] Из каждой поездки она неизменно привозила семена чудесных цветов, которые так любила.

От автора

Свою первую статью по истории Албании я опубликовала в августе 1952 г. в журнале "Вопросы истории", органе Института истории АН СССР. В те далекие времена печатание на страницах научных журналов работ молодых авторов всячески приветствовалось: их пропускали в первую очередь и поощряли материально, давая существенную прибавку к обычной ставке гонорара. Помню, что на казавшуюся в то время колоссальной сумму денег я купила огромный (только такой и был в продаже) письменный стол. Так, со статьи по истории национально-освободительной борьбы албанского народа в годы второй мировой войны начался мой долгий путь в науке. Это потом появились степени и звания, лекционные курсы на истфаке МГУ им. М.В. Ломоносова и в МГИМО, дипломники и аспиранты, книги и статьи не только по Албании, но и по истории балканской политики итальянского фашизма, о советско-итальянских отношениях 1939—1940 гг., о международных отношениях на Балканах в межвоенный период и во время "холодной войны". Но тогда, в 1952 г. я была первым и какое-то время единственным историком, занимающимся в исследовательском плане никому не известными проблемами малоизвестной страны.

Сейчас я понимаю, что редкая специализация и самоуверенность молодости позволили мне раньше многих сверстников сделать первые результативные шаги на очень опасном поприще, которым в сталинские времена и позже являлось занятие историей. Ведь в этом же номере, где была помещена моя статья, редколлегия журнала, состоявшая из тогдашних корифеев науки (П.Н. Третьяков, Б.Д. Греков, Н.М. Дружинин, А.Л. Сидоров, А.Д. Удальцов) и "укрепленная" мало кому известным историком, но зато зятем В.М. Молотова А.Д. Никоновым, дружно признавалась в серьезных ошибках, выявленных журналом "Большевик" и на многочисленных читательских конференциях. «Особенно нетерпимым недостатком журнала

"Вопросы истории", — каялись они, — является отставание в разработках проблем, вставших перед исторической наукой в связи с выходом в свет гениального труда И.В. Сталина "Марксизм и вопросы языкознания". Журнал не возглавил работу по пересмотру устаревших концепций и положений исторической науки в свете всего того нового, что внес И.В. Сталин в теорию исторического материализма».

В 1999 г., когда завершалась моя работа над книгой, предлагаемой читателю в начале третьего тысячелетия, молодое и среднее поколение россиян не знало, что при жизни Сталина каждый из выходивших из-под его пера трудов подробно изучался и обсуждался в сети партийного просвещения, а цитирование его "гениальных открытий" во всех областях знаний являлось непременным условием для успешного прохождения всех без исключения диссертаций и научных статей гуманитарного профиля через сито ученых и редакционных советов. Мне вспоминаются страдания тогдашних аспирантов-американистов, коллективно выискивавших в новой работе Сталина что-нибудь такое, что можно было бы вставить в обязательную историографическую часть диссертации, увязав критику почему-то ненавидимой вождем яфетической теории давно скончавшегося (в 1934 г.) академика-лингвиста Н.Я. Марра с проблемами американского империализма.

Все без исключения труды историков подвергались строгой цензуре отдела науки ЦК КПСС, а специалистам по истории социалистических стран кроме того вменялось в обязанность учитывать замечания соответствующих национальных партийных инстанций. В результате все неугодные правящим элитам дискуссионные проблемы автоматически исключались, а роль коммунистических партий и их лидеров — тех, которые в то время находились у власти, — преувеличивалась. Естественно, когда менялся правящий лидер и приходил новый, то переписывалась и история.

Особенные трудности возникали при трактовке периода социализма. История каждой из стран должна была освещаться по единой схеме. У меня постоянно возникали осложнения с "моей Албанией". Дело в том, что применительно к Албании некоторые основные признаки, характеризующие режим народной демократии или социалистическую революцию, отсутствовали. Да и сама "руководящая и ведущая" КПА (Коммунистическая партия Албании) была настолько молода и слаба, что любой думающий человек не мог реально представить себе, как ей удалось самостоятельно возглавить партизанское движение через полгода после образования и затем встать во главе государства, контролируя практически все рычаги власти. С особенной настойчивостью найти пресловутые признаки от

меня требовали редакторы коллективных трудов. Изобрести их я не могла и тогда придумала такую спасительную, как мне казалось, схему: дескать КПА при братской помощи ВКП(б)/КПСС восприняла готовые формы организации власти (Советы), наполнив их затем социалистическим содержанием...

Все вышеназванные трудности создавали множество препятствий на пути правдивого освещения истории. Даже самый добросовестный исследователь становился невольным фальсификатором, не имея к тому же доступа к архивам. Вот почему задача объективной трактовки событий и их анализа встала сразу же, как только появились возможности. Они же открылись только в последнее десятилетие XX в.

В основу настоящей монографии, отражающей мой взгляд на историю Албании в XX в., положены главы, написанные мною для вышедшего в свет в 1992 г. в издательстве "Наука" коллективного труда "Краткая история Албании". В них нашли отражение результаты моей работы в Архиве внешней политики Российской Федерации и в Российском Государственном архиве социально-политической истории (Москва), в Государственном архиве Болгарии (София), в Архиве Союза коммунистов Югославии, Государственном архиве и Военно-историческом архиве (Белград), в Историческом архиве Министерства иностранных дел Италии (Рим). Уникальные материалы мне удалось получить в Архиве национально-освободительной борьбы в Тиране, где я работала в 1955—1956 гг. в представительстве Государственного комитета по делам экономических связей с зарубежными странами при Совете министров СССР. Руководство комитета выделило мне один "библиотечный день" в неделю, и я ездила на окраину Тираны, где архивохранилище располагалось во флигеле городской тюрьмы. Тогдашний начальник архива полковник Вели Деди, партизан и участник гражданской войны в Испании, предоставлял мне транспорт — место в коляске мотоцикла. Единственный посетитель, я не встретила в читальном зале ни одного человека. На мой вопрос, с чем связано такое отсутствие интереса к изучению документов, В. Деди вполне откровенно сказал: "Товарищ Нина, я знаю, что в Советском Союзе каждый выезжающий за границу тщательно проверяется. У меня же нет таких возможностей. Поэтому я своих и не пускаю".

После падения коммунистического режима в Албании в 1991 г. стали появляться различного рода документальные свидетельства, позволяющие пролить дополнительный свет, а зачастую и существенно скорректировать представления о процессах, развивавшихся в албанском обществе как в межвоенный

период, так и в годы второй мировой войны. Тогда, начиная с 1942 г., закладывались основы политической и социально-экономической модели сталинского образца под руководством Коммунистической партии Албании, переименованной в 1948 г. в Албанскую партию труда (АПТ).

Обнародование стенограммы самого одиозного и засекреченного в прошлом Бератского пленума ЦК КПА 23 – 27 ноября 1944 г. позволило представить в новом свете отношение коммунистов к таким действовавшим тогда на территории Албании организациям, как "Балы комбтар" ("Национальный фронт"), "Легалитет" ("Легитимность") и др. Материалы пленума свидетельствуют о глубоких разногласиях и о жестких методах борьбы внутри руководства компартии, а также высвечивают дотоле завуалированную роль югославских эмиссаров, их влияние на политику КПА в годы национально-освободительной борьбы. Албано-югославские отношения, не нашедшие отражения в уже упоминавшейся "Краткой истории Албании" по целому ряду причин, главной из которой являлась недостаточная документальная база, в настоящей работе представлены с возможной полнотой.

Снятие идейно-политических запретов, наложенных в коммунистической Албании на изучение ряда исторических событий, а также жизнедеятельности видных политических и общественных деятелей, способствовало возвращению их на страницы истории. Такие выдающиеся представители албанской культуры, как епископ Фан Ноли или поэт Сейфула Малешова, память о которых, как казалось, была навсегда стерта официальной "марксистско-ленинской" историографией, получили наконец шанс вернуться на подобающее им место. Я писала о них, испытывая к ним огромное уважение и признательность, в частности за вклад, который они внесли в пропаганду в Албании русской литературы. Непреходящее влияние на духовную жизнь албанцев российской культуры на протяжении всего XX в. является предметом особого изучения. Мне же хотелось привлечь к этим деятелям внимание как к политикам, проявившим себя с самой положительной стороны в сложнейшие периоды албанской истории.

Личные впечатления сыграли не последнюю роль в познании проблем страны, жизни ее людей. Мой статус научного сотрудника Академии наук СССР, временно откомандированного в середине 50-х годов в качестве переводчика в советскую экономическую организацию, координировавшую работу наших специалистов, позволял мне общаться с моими коллегами-историками и ездить по новостройкам, познавая страну изнутри. Так, например, однажды меня и Ирину Сенкевич, в то время аспирантку нашего института, находившуюся в Албании в

научной командировке, повез в подшефную деревню Института наук (предшественника Академии наук) в Фуш-Круе заместитель директора Василь Кономи. Он выполнял общественное поручение: агитировал местных крестьян за вступление в сельскохозяйственный кооператив, а мы в качестве представителей великого Советского Союза, как тогда было принято говорить, служили, по всей вероятности, неким наглядным пособием, вещественным доказательством того прогресса, который несла коллективизация. Крестьяне упорно отнекивались. Посетовав на то, что призывы не достигают цели, Василь повез нас к своим друзьям — многочисленной семье переселенцев из Косова, изгнанных из родных мест в 20-е годы югославским королевским режимом. В процессе общения, обнаружив непривычную для албанской деревни открытость и активность женщин-мусульманок, мы узнали, что семейство происходило из тех мест, где еще сохранялись в быту традиции матриархата...

Переводческая работа в конце 50-х годов на различного рода международных совещаниях на высшем уровне позволила значительно расширить понимание характера взаимоотношений в политико-экономической системе социалистических стран, будь то совещания Совета экономической взаимопомощи или стран — участниц Варшавского договора. Особенно запомнились события, связанные с развитием процесса переориентации Албании с Советского Союза на Китай (1960—1962). Увлеченный перспективами универсального использования баллистических ракет, способных поразить любой объект на земном шаре, Н.С. Хрущев без сожаления расстался с единственной на всем Средиземноморье военно-морской базой в албанской Влёре, изгнав Албанию из соцлагеря. После разрыва с Югославией в 1948 г. этот шаг привел СССР к невосполнимой утрате своего влияния на Балканах. Посткоммунистической России, вынужденной начинать в лучшем случае с нулевой, если не с минусовой отметки, так и не удалось вернуть позиции в этом регионе, потерянные в сталинско-хрущевские времена.

Посещение страны осенью 1990 г. после почти 30-летнего перерыва в советско-албанских отношениях произвело удручающее впечатление. Сталинская модель казарменного коммунизма была доведена до абсурда подражанием китайским великим и малым "скачкам", унижением человека и уничтожением его как личности. Экономика пребывала в состоянии глубокого коллапса, из которого пытался вывести страну принятием паллиативных мер последний коммунистический лидер Рамиз Алия, прозванный албанским Горбачевым. Албания 1990 г. еще долго продолжала ассоциироваться в моей памяти с исху-

давшей козой, которая паслась на пустынной выжженной солнцем горной дороге к перевалу Логора. Она стояла на задних ногах, стараясь обглодать последние уцелевшие клочки коры с верхней части хилого деревца.

Тирана была городом пешеходов и велосипедистов, которые заполняли в часы пик всю проезжую часть центральных улиц. Опасаясь "обуржуазивания" нищего народа, власти запрещали иметь в личной собственности автомашины. Люди предпочитали ходить по тротуарам еще и потому, что мрачные автоматчики, знавшие только одно выражение "А ну-ка проходи!", отгоняли прохожих от огромного здания ЦК АПТ и въезда в "блок", как называли огороженный сплошной стеной квартал, где проживали опасавшиеся покушений "слуги народа". Запрещалось приближаться к особнякам иностранных представительств из опасения, что кто-нибудь рискнет попросить политическое убежище даже ценою жизни: пуля в спину смельчака гарантировалась.

Переход от тоталитаризма к демократии произошел в Албании относительно мирным путем, если не считать жертв во время молодежного движения в декабре 1990 г. На гребне волны общенародного протеста поднялась фигура лидера Демократической партии, первой из политических партий своим созданием положившей конец гегемонии АПТ, 47-летнего врача-кардиолога Сали Бериши. Избранный вскоре президентом страны, Бериша имел все шансы войти в историю как человек, заложивший основы новой поистине демократической республики, достойно вступающей в XXI в. Однако упоение властью, склонность к авторитарным методам привели его уже через пять лет к бесславному концу правления — судьба не такая уж редкая для ниспровергателей коммунизма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Американские покровители Бериши, делавшие ставку на него как на единственную сильную личность, способную обеспечить спокойствие и порядок в стране не очень цивилизованными методами, могли бы сказать о нем, как президенты США говорили о своих латиноамериканских "подопечных": "Он — сукин сын, но это наш сукин сын!"

Периодически посещая Албанию в эти трудные годы ее истории, я могла наблюдать нарастание кризисных явлений, которые привели в марте 1997 г. к вспышке насилия, к краху государственности, к глубочайшему потрясению социально-политических и экономических основ жизни страны. Вдруг оказалось, что об Албании очень мало знают не только широкая читательская публика, но также публицисты и историки, пишущие по балканским проблемам. На страницы газет и журналов выплеснулись самые фантастические объяснения

того, что же произошло на самом деле и каковы истоки этой ставшей общенациональной трагедии. Говорилось о восстании обманутых вкладчиков, пострадавших в результате махинаций финансовых инвестиционных фондов ("пирамид"), о вражде южных этнических групп — тосков — с северными — гегами, о мафиозных разборках наркодельцов и т.д. Одним словом, хочется напомнить о заметках В.И. Ленина, читавшего и делавшего выписки из книги историка А. Вирта "Всемирная история современности", вышедшей в Лейпциге в 1913 г. Он трижды отчеркнул и снабдил пометой "прехарактерно!!!" следующую фразу: "Еще и теперь Албания менее известна, чем большая часть Центральной Африки", а также отметил замечание Вирта о том, что "албанцев никогда не подчинишь насилием".

* * *

Современная Албания — одна из самых маленьких стран Балканского полуострова. На 28 тыс. кв. км ее территории проживает 3 млн 249 тыс. жителей (официальные статистические данные 1995 г.). Одна лишь Черногория уступает ей и по территории — почти в два раза, и по численности населения — в пять раз. Средняя продолжительность жизни 71,4 года, плотность населения 112,9 жителей на кв. км. В сельской местности проживало в 1995 г. 57,6% населения. Страна вытянута вдоль побережья Адриатического и Ионического морей, причем морская граница составляет немногим более 300 км.

Албания является многонациональным государством с небольшими вкраплениями славянского населения на севере и северо-востоке и с более значительными по численности греческими анклавами в южной части страны. По периметру государственных границ Албании в сопредельных странах (Черногория, Югославия, Греция) проживает довольно многочисленное албанское население. Незначительное в Черногории (приблизительно 40 тыс. человек), оно достигает внушительных цифр в Югославии (область Косово — около 1,5 млн) и Македонии (приблизительно 500 тыс. в западных районах). О численности албанцев в Греции официальных сведений нет. Известно лишь, что наряду с волной экономической эмиграции из Албании после 1990 г. там существуют поселения албанцев (с XV—XVI вв. и даже ранее) вокруг Афин и в Эгейской Македонии.

Из Греции албанские переселенцы пришли в XVII — начале XVIII в. в Россию. В 1768 г. по призыву командующего русской эскадрой на Средиземном море графа А.Г. Орлова многие албанцы поступили на русскую службу, храбро сражались, а после окончания боевых действий вместе с семьями переселились

в Россию. Еще большее число албанцев участвовало в рядах добровольческой флотилии во время русско-турецкой войны 1787—1791 гг. Они обосновались в Одессе и ее окрестностях. Память об этом сохранилась в названиях одесских улиц Большая и Малая Арнаутская (по-турецки албанцы назывались арнаутами). Из албанских поселений на юге России до наших дней сохранилась деревня Каракурт, находящаяся сейчас на территории Украины. Албанцы воевали под штандартами знаменитых русских флотоводцев Ф.Ф. Ушакова и Д.Н. Сенявина. Сформированный еще во времена Екатерины II Албано-греческий дивизион был отмечен за заслуги перед Россией крестом Св. Георгия и увековечен на стенах Георгиевского зала Московского кремля.

Политика федерального правительства Югославии (СРЮ) после 1996 г. в целях изменения этнического состава края Косово и военные действия на его территории привели к сложным миграционным процессам. Увеличилась численность албанской диаспоры в Италии, где бежавшие в конце XV — начале XVI в. от турецкого нашествия албанцы-христиане образовали компактные поселения на о-ве Сицилия и в Калабрии. Они интегрировались в общественно-политическую жизнь страны, но не ассимилировались полностью, сохранив и развив свои язык и культуру. Итало-албанская (арбрешская) литература XIX — начала XX в. входит в сокровищницу общеалбанской культуры. Итальянские арбреши участвовали в походах Джузеппе Гарибальди, а его ближайший соратник Франческо Криспи, по происхождению арбреш, стал первым премьер-министром объединенной Италии. Симптоматично, что во время массового исхода из Албании летом 1990 г. именно арбрешские районы Юга Италии послужили прибежищем для албанских беженцев.

Албанцы, один из древнейших народов Балканского полуострова, ведут свое происхождение от иллирийских племен. В новое время они выделились в две этнолингвистические группы: геги на севере и тоски на юге. Однако во второй половине XX в. четкая граница исчезла. Считалось, что она проходила в центре страны по реке Шкумбини. Гегский диалект албанского языка, сохранившийся в более или менее чистом виде в северных горных районах, отступил, подчинившись законам общего процесса движения к созданию единого языка как атрибута вполне сложившейся нации. Основой его стала тоскская форма литературного албанского языка, принятая как в самой Албании, так и за ее пределами, например в Косове. Самоназваниями албанцев и Албании являются соответственно *шкиптар* (shqipëtar) и *Шкиприя* (Shqipërija), происходящие от глагола "шкиптой" (shqipëtoj), т.е. "говорить понятно, на на-

шем языке". Эти названия стали вытеснять, начиная с XVI в., привычные для европейцев словообразования с корнем *алб* и *арб*. Албанский язык является отдельной ветвью индоевропейской семьи языков. Предполагается, что он продолжает один из исчезнувших палеобалканских языков — иллирийский или фракийский.

Главными конфессиями в Албании являются мусульманство, православие и католичество. Христиане, вынужденные жизненными обстоятельствами обращаться в мусульманство после турецкого завоевания Балкан, албанцы всегда отличались веротерпимостью. Как утверждал Пашко Васа Шкодрани, один из ведущих идеологов албанского Возрождения конца XIX в., "религией албанца является албанизм". Официальный 25-летний запрет на религию, установленный во времена коммунистического режима, способствовал утверждению атеистических взглядов на жизнь. В стране выросло поколение людей, с детских лет не переступавших порог церкви или мечети. Смешанные браки между православными и мусульманами (католики реже вступают в брак с представителями других конфессий) также стирают религиозные границы. Однако в период развития вооруженных конфликтов на Балканах в средствах массовой пропаганды, освещавших происходившие в регионе процессы, Албанию называли мусульманской страной, представляющей потенциальную угрозу для христианских стран Европы.

За весь период существования независимого албанского государства перепись населения с учетом религиозной принадлежности проводилась трижды — в 1923, 1938 и 1942 гг. Согласно последней, 70% албанцев называли себя мусульманами, 20 — православными, 10% — католиками. При отсутствии интереса властей в послевоенный период к выявлению религиозных пристрастий трудно судить об истинном положении вещей. Человек мог родиться в мусульманкой семье, но, став самостоятельным, принимал католичество как символ приобщения к западноевропейским духовным ценностям. К концу века выросла популярность бекташизма*, приверженцы которого гордятся своими предшественниками, прославившимися значительным

---

* Бекташи — дервишский орден, созданный в Османской империи в XV в. и названный в честь его основателя Хаджи Бекташи Вели. Запрещен в 1826 г., но продолжал существовать на полулегальном положении. В 1925 г. после изгнания из Турции правительством Ататюрка его центр переместился в Албанию. В 1967 г. на деятельность бекташей был наложен запрет, как и на все другие религиозные общины. В феврале 1996 г. Народный кувенд (парламент) Албании утвердил празднование навруза (Нового года) в качестве официального государственного праздника.

вкладом в развитие албанской культуры и в антитурецкую национально-освободительную борьбу. Механическое перенесение сведений 50—60-летней давности на положение дел в посткоммунистической Албании создает ложное представление о степени влияния религиозного фактора на суть социально-политических процессов, происходивших в стране. Созданная в 1912 г. как светское государство Албания продолжала оставаться таковой и при князе-протестанте Вильгельме Виде, и при короле-мусульманине, женатом на католичке, Ахмете Зогу, и при воинствующем атеисте Энвере Ходже, запретившем в 1967 г. все конфессии разом.

После краха коммунистического режима в 1991—1992 гг., когда были декларированы демократические свободы и восстановлена свобода совести, в стране обнаружились протестанты, свидетели Иеговы, баптисты, мормоны и представители других неизвестных ранее в Албании религиозных групп. Деятельность некоторых из них внушала опасения попытками увеличить число своих сторонников, сея недоверие и враждебность в отношении других конфессий. В результате властям пришлось выслать из страны наиболее агрессивных агитаторов — одного шведского протестанта и одного египетского фундаменталиста...

Сложные проблемы, перед которыми стояла Албания в XX в., никогда не лежали в плоскости соперничества между тосками и гегами, т.е. между Югом и Севером, или между христианами и мусульманами. Этнические и религиозные критерии оказались размытыми уже в XIX в., когда по всей Европейской Турции турками называли всех мусульман, независимо от происхождения, греками — православных, латинами — католиков. На населенных албанцами территориях побеждала общенациональная идея, помогая выстоять как против ассимиляторских поползновений турецких властей и мусульманских проповедников, так и против двусмысленной политики Константинопольской патриархии, объективно препятствовавшей освободительному движению христиан Балканского полуострова.

Албанское национально-освободительное движение развивалось менее успешно по сравнению с другими народами Балкан. Этому препятствовали и разобщенность албанцев, разбросанных по разным административным единицам Османской империи, и политика великих европейских держав, выступавших в поддержку лишь своих стратегических союзников. Так, например, в период Восточного кризиса 1875—1881 гг. антитурецкая борьба албанцев Косова, возглавленная общенациональной организацией — Лигой Призрена — и ставившая своей целью завоевание автономии для всех терри-

рий, населенных албанцами, не нашла поддержки ни у своих балканских соседей, ни у великих держав. Последние, а именно Австро-Венгрия и Франция, активно продвигали проект создания в Северной Албании католического княжества "Албанские горы" на основе католической области Мирдита и препятствовали попыткам объединения обоих автономистских албанских движений.

Сформировавшееся в конце XIX в. отношение к Албании у ее великих и малых соседей как к простому географическому понятию, как к плацдарму, которым надо овладеть, чтобы использовать в своих целях, сохранилось и в XX в. Едва успев завоевать независимость в 1912 г., албанцы были вынуждены сопротивляться попыткам ее ликвидации. Италия стремилась овладеть если не всей Албанией, то по меньшей мере Влёрой, чтобы "запереть" Адриатику и превратить ее в "Итальянское озеро". Сербия, а затем Югославия, строила планы выхода в Адриатику через Шкодру (Шкодер, Скутари), а если повезет, то и в Ионическое море в случае осуществления титовского проекта Балканской федерации. Греция претендовала на Южную Албанию (так называемый Северный Эпир) как первый шаг на пути осуществления вожделенной "мегали идеа" ("великой идеи").

На протяжении всего XX в. Албания стремилась найти свое самостоятельное место на Балканах, стать субъектом европейской политики, обрести балканскую идентичность. Однако этому препятствовали как объективные (они же чрезвычайные) обстоятельства, так и недальновидная политика собственных правительств. В итоге — судьба вечного маргинала.

* * *

Представляя на суд читателей результат многолетних исследований истории Албании, сконцентрированный в книге "История Албании в XX веке", я не претендую на истину в последней инстанции. Это просто невозможно, принимая во внимание состояние источников. Многие из них все еще недоступны, а может быть, и утрачены. Я писала о стране, которую наблюдала в основном со стороны и стремилась раскрыть ее национальную специфику. Не исключено, что такой взгляд может натолкнуть самих албанцев на изучение тех страниц истории, которые оказались недоступными для понимания постороннего человека. Но несмотря на трудности, возникающие перед любым иностранцем, мне кажется, что осмысление пути, пройденного албанским народом, представляется осуществимым и оправданным, если имеется такая потребность и гарантировано содействие друзей и коллег. Я хотела бы вспомнить о беседах с уже ушедшими в мир иной Алексом Будой и Стефа-

натем Поло, дружба с которыми сохранилась даже после 30-летнего перерыва в советско-албанских отношениях. Мне помогали многие, но есть имена, которые мне особенно близки. Из "старых", из мира 50-х, это Лири Белишова, Арбен Путо, Кристать Фрашери, Софокли и Дрита Лязри, Юсуф Алибали, Тоди Любонья. Из "новых посткоммунистических" это Паскаль Мильо, Ислям Ляука, Зэф Пречи, Пэлумб Джуфи и др. Издание книги было бы невозможным без финансовой помощи, предоставленной албанскими друзьями.

Глава I
Тернистый путь к независимости

Эстафета идей Возрождения: от Сами Фрашери к Исмаилу Кемали

Современная албанская историография выделяет антиосманские восстания 30–40-х годов XIX в. в качестве начального этапа албанского национального Возрождения – широкого общественного, политического и культурного движения, увенчавшегося в ноябре 1912 г. провозглашением независимости. На рубеже веков (со времени поражения Албанской лиги Призрена в 1881 г. по 1908 г.) стал развиваться процесс, основной характеристикой которого явился рост национального самосознания албанцев на фоне относительного спада вооруженной борьбы. Но если в конце XIX в. центр формирования албанской нации и национальной государственности находился в Косове, то в начале XX в. он переместился в южные районы.

В XVII–XIX вв. восстания на Балканах обычно вспыхивали во времена войн между европейскими государствами и Турцией. Инонациональным окраинам империи бороться против многовекового чужеземного ига было намного легче, если предоставлялась возможность опираться на поддержку одной или нескольких великих держав. В начале XX в. освободительные задачи удалось решить подавляющему большинству балканских народов. Албанцам, одними из последних на Балканах вступившим на путь завоевания независимости, пришлось бороться в одиночку как против Османской империи, в окончательном распаде которой на какое-то время оказались незаинтересованными все великие европейские державы, так и против территориальных претензий соседей, стремившихся расширить границы своих государств. В этот период приоритеты общенационального движения выстраивались таким образом, что на первый план выдвигалась задача объединения албанских земель в рамках Османской империи и придания им автономного статуса, и только после достижения этого – завоевание полной независимости.

Турецкие власти воспользовались сложившейся обстановкой, чтобы восстановить свои связи с албанцами-мусульмана-

ми. Был возобновлен набор в личную гвардию султана. Возродилась также и старая традиция, несколько поколебленная в период Восточного кризиса, — назначать албанских феодалов на важные военные и административные посты в империи. Албанская знать наряду с феодалами некоторых других национальностей империи — курдами, арабами, черкесами — составляла опору султанского трона. Щедрые подарки и награды, которыми осыпала Порта албанскую знать, побудили некоторых бывших участников национального движения отойти от него.

Привилегии, предоставлявшиеся верхушке, не распространялись на основную массу населения. Более того, с середины 80-х годов XIX в. притеснения со стороны властей, налоговый гнет усилились. Администрация вводила новые налоги, а в ряде случаев пыталась собрать недоимки за прошлые годы. Тяжелым бременем продолжала оставаться обязательная воинская повинность. Албанцев отправляли служить в отдаленные уголки империи, используя их в карательных целях против других народов.

Внешнее замирение мятежных албанских районов только на время откладывало неминуемый взрыв недовольства, который мог произойти при любом изменении внутренней или внешней ситуации. Опасность его повышалась тем, что в недрах общества шли поиски идейных основ освободительного движения. Осознание албанцами общности языка, обычаев, культуры независимо от региональных и религиозных различий стало приобретать общенациональное звучание и размах, вторгаясь в сферу политики.

Значительную роль в пропаганде национальных задач играли албанские культурно-просветительные общества. Внутри Албании само их существование попадало под запрет, и поэтому они возникали за ее пределами. В конце XIX в. важным центром национально-просветительной деятельности становится Бухарест. Сами названия созданных там обществ — "Дрита" ("Свет") и "Дитурия" ("Знание") — говорили об их задачах. Они подготавливали и печатали учебные тексты и разного рода просветительские материалы.

Национальные организации албанских эмигрантов появились также в Болгарии и Египте. Возникшее в Софии общество "Дешира" ("Стремление") располагало современной по тем временам типографией под названием "Мбродесия" ("Прогресс"), печатавшей литературу на албанском языке. В Египте было создано общество "Башкими" ("Единение"). Его активными участниками являлись Андон Зако Чаюпи, Яни Врето и Тими Митко, признанные впоследствии классиками албанской литературы.

Наибольшую известность своей культурно-просветительной, а затем и политической деятельностью получил созданный в 1879 г. в Стамбуле Центральный комитет по защите прав албанской нации, вошедший в историю Албании под названием "Стамбульский комитет", или "Стамбульское общество". Он имел свою типографию, сеть корреспондентов как в самой Албании, так и за ее пределами. Комитет не замыкался на сфере культуры и образования, выступая в кризисные моменты в роли выразителя и пропагандиста идей национального движения.

Все эти общества поддерживали связи с Албанией, посылали туда буквари, литературу на албанском языке, оказывали помощь в организации школ. Большое внимание уделялось ими проблеме общеалбанского алфавита. Он был разработан на латинской основе видным ученым и общественным деятелем Сами Фрашери и одобрен в 1879 г. в Стамбуле авторитетными в своей среде албанскими деятелями культуры, группировавшимися вокруг "Стамбульского общества".

До конца XIX в. стамбульский алфавит имел довольно широкое применение, но не являлся единственным. Разбросанность албанских культурных центров способствовала тому, что появлялись различные модификации, возникавшие на все той же латинской основе. Поэтому через какое-то время началось новое движение за унификацию, за создание единого алфавита, что должно было также способствовать сближению двух главных диалектов албанского языка — тоскского и гегского.

К концу XIX в. в албанском национальном движении наметились (впрочем, не вполне четко) три направления, которые условно можно обозначить как феодальное, реформистское и национально-буржуазное.

Реформистское направление представляли крупные торговцы, землевладельцы, беи, связанные с производством продукции на рынок, выходцы из феодальных семей, занимавшиеся предпринимательством. Их политической программой являлась автономия Албании и проведение буржуазных реформ. Эта группа участников национального движения, так же как и албанские феодалы, не требовала отделения от Турции. Она надеялась, что реформы, проведенные в Албании или во всей Османской империи, уничтожат царившую в стране анархию и обеспечат условия для предпринимательской деятельности.

Часть сторонников реформистского движения считали, что близкая гибель Османской империи как многонационального государства неизбежна. Для них автономия Албании в составе Турции должна была стать подготовительным этапом к автономии Албании в составе другого иностранного государства. При

этом чаще всего в качестве будущего покровителя называлась Австро-Венгрия.

Что касается национально-буржуазного направления в освободительном движении, то оно объединяло как радикалов, так и умеренно настроенных деятелей. Выходцы из разночинных слоев албанского общества, они положили начало формированию интеллектуальной элиты.

Международная обстановка в конце XIX в., по оценке представителей патриотического движения, не располагала к активным действиям. Основной задачей в этот период они считали развертывание деятельности на ниве просвещения. "Сейчас, кроме издания книг и организации школ, мы ничего не можем предпринять, так как Европа в настоящий момент настроена против восстаний в Румелии и, если они начнутся, заставит Турцию подавить их силой", — писали в 1888 г. одному из своих постоянных корреспондентов братья Сами и Наим Фрашери, идеологи "Стамбульского общества".

Однако именно тогда, в атмосфере относительного затишья, духовные и политические лидеры национального албанского движения не только занимались выработкой программных требований, но и активно пропагандировали их как среди своих соотечественников, так и в европейских столицах.

В августе 1898 г. "Стамбульский комитет" выступил с манифестом, обращенным к правительствам европейских держав и озаглавленным "Чего хотят албанцы?" В нем подвергалась резкой критике ассимиляторская политика турок, пытавшихся уничтожить любое проявление национальных чувств албанцев и запрещавших им обучение на родном языке. Критикуя правительства соседних стран за шовинистическую политику и посягательства на албанские земли, С. Фрашери, а именно он и был автором манифеста, категорически отвергал идею протектората над Албанией любой великой державы.

В манифесте следующим образом формулировались политические требования момента: "Албания будет стремиться любым способом добиться своего рода автономии, а именно объединения четырех вилайетов в один, но автономный с особым регламентом для него, с албанским языком в качестве официального языка местного управления, с генерал-губернатором, назначенным Портой, но правящим под контролем Национальной ассамблеи. Все же остальные чиновники должны быть албанцами, так как до сего времени мы натерпелись от чужаков, от тех разбойников и увешанных орденами тупиц, прибывавших, чтобы грабить нашу страну. Средства, полученные от налогообложения, таможенной службы и т.п., должны направляться исключительно на внутренние нужды, а Турция раз в году будет получать определенную сумму отчислений".

Предусматривалось создание автокефальной православной церкви, отделение ее от греческой патриархии, традиционно выступавшей против освободительного движения и лелеявшей ассимиляторские замыслы, борясь тем самым против укрепления албанского национального самосознания. Отвергая идею протектората великих держав над Албанией, автор манифеста высказывал уверенность в способности албанцев самостоятельно управлять страной.

В манифесте нашли отражение основные положения платформы, которая могла бы объединить все течения албанского освободительного движения. Он определил задачи переходного периода, который совпал с рубежом веков.

Теоретическое и практическое воплощение идей этого периода связано с деятельностью трех крупнейших фигур албанской истории и культуры: братьев Сами и Наима Фрашери, а также отца албанской независимости Исмаила Кемали.

Сами Фрашери (1850—1904) является, без всякого сомнения, наиболее выдающейся личностью в этой триаде, а может быть, и самым крупным албанским культурным и общественным деятелем XIX в. Ученый-лингвист поистине энциклопедических знаний, албанец Сами Фрашери вошел в историю турецкой культуры под именем Шемседдин-бея как составитель нормативного словаря турецкого языка, французско-турецкого, турецко-французского, арабско-турецкого словарей и 6-томной турецкой энциклопедии. Огромен вклад Сами Фрашери в развитие албанского языка и албанской письменности, публицистики, газетного дела. По его инициативе в Стамбуле в 1884 г. стала издаваться первая албанская газета "Дрита" ("Свет"), получившая впоследствии название "Дитурия" ("Знание").

Наконец, Сами Фрашери проявил себя и как глубокий политический мыслитель, автор трактата "Албания, каковой она была, есть и будет", опубликованного в 1899 г. в Бухаресте. Эта небольшого формата книжечка стала программой движения за независимость Албании, обозначив и обосновав его стратегию и тактику.

После краткого очерка истории Албании Сами Фрашери нарисовал довольно неприглядную картину тогдашнего положения дел. Злоупотребления турецких чиновников, воинская повинность, лишавшая хозяйство страны наиболее продуктивной рабочей силы, грабительская налоговая система — вот что было питательной средой для бедности, темноты и бескультурья. Предвидя неминуемый распад Османской империи, он предостерегал албанский народ от другой опасности — быть разделенным, превратиться в национальное меньшинство в соседних балканских государствах. Ведь именно тогда, на рубеже

XIX и XX вв., начала формироваться политика великих держав, получившая впоследствии название *политика балканизации*, т.е. навязывание формирующимся государствам таких границ, которые зачастую перерезали живое тело нации, создавая источники будущих конфликтов. Сами Фрашери призывал бороться против вмешательства великих держав, считая естественными союзниками албанцев в их освободительной борьбе угнетенные народы Европейской Турции.

Полное отделение Албании от Турции — вот тот единственный путь, который сможет привести к высвобождению творческой энергии народа. Унизительное положение албанских вилайетов как части подлежащего разделу османского наследства возмущало С. Фрашери до глубины души, и он со всей страстью патриота обрушивался на тех своих соотечественников, которые связывали свое благополучие с возрождением империи. "Допустим, — писал он, — что империя возродится и будет существовать еще некоторое время. Но и в этом случае Албания не сможет жить, так как возрождение Турции означает гибель для Албании".

Будущее своей страны С. Фрашери видел в создании демократической республики ("демократия старейшин"), в которой все органы государственной власти избираются народом. Монархию он отрицал. "Если Албания станет самостоятельной, мы не будем нуждаться ни в мусульманских, ни в христианских принцах, которые грабили бы нас и пили нашу кровь", — писал он. По его плану государственного устройства во главе страны должен стоять президент и совет старейшин из 15 членов, а законодательные права осуществлять парламент.

С. Фрашери считал, что каждый албанец обязан руководствоваться в своей жизни едиными для всех соотечественников понятиями, своего рода пентаграммой, на гранях которой написано: вера, справедливость, нация, язык, Албания. "Мы все братья, все одно целое, один ум, одна цель, одна вера", — писал он в заключение. По вероисповеданию он принадлежал, как и вся его семья, к мусульманам-бекташам. Однако призыв к единству веры выражался у него не в следовании принципам ислама, понимание которых у бекташей отличалось от фундаменталистов, а в любви к Албании и в вере в нее. "Албанец был албанцем до того, как он стал христианином или мусульманином", — считал С. Фрашери. Эта мысль, выраженная в лаконичной формулировке другого просветителя Васо Паши — "религией албанца является шкиптаризм", служение Албании, "албанской идее", — стала основополагающей в деятельности албанских политических и общественных деятелей XX в.

Наим Фрашери (1846—1900) снискал известность в качестве самого яркого представителя албанской литературы периода

Возрождения. Судьба определила Наиму и его брату Сами одинаковое число лет жизни — 54 — и одно и то же призвание — служение делу свободы родины. Наим Фрашери принимал участие в создании комитетов Албанской лиги Призрена на юге Албании. После разгрома лиги он обосновался в Стамбуле и включился в культурно-просветительную деятельность на благо албанского народа, поддерживая тесные связи с землячествами в Египте и в Румынии.

В албанской типографии в Бухаресте впервые вышла из печати его знаменитая поэма "Стада и пашни". Полное романтизма описание красот природы было призвано пробудить любовь к родине и чувство национального самосознания, восславить труд простых людей, стараниями которых создается красота и процветание земли. Идеи свободы воплощаются в образе красавицы-ласточки, пролетающей над горами и городами Албании, — над Круей, где народный герой XV в. Скандербег поднял знамя сопротивления османскому нашествию, и над Лежей, где покоится его прах.

Поэма перекликалась с другим произведением, также относящимся к разряду лирических, но несущим вполне определенную идейно-политическую нагрузку, — поэмой "Истинное желание албанцев". Написанная на греческом языке, она содержала призыв ко всем народам, страдавшим от гнета Османской империи. Выбор языка произведения был обусловлен, вероятно, тем, что оно предназначалось не только албанцам. Наим Фрашери писал, что истинным желанием его народа является дружба со славянами и греками и совместная с ними борьба против угнетателей.

Героическое прошлое албанского народа, отраженное в эпической поэме "Скандербег", взывало к восстанию против иноземных поработителей. В других своих поэтических и прозаических произведениях Наим Фрашери вспоминал о походах Гарибальди и об участии в них итальянских арбрешей. Приверженец и пропагандист идей французского Просвещения, он выступает в своих трудах по вопросам философии и морали в качестве последовательного сторонника демократии, противника монархического правления.

Просветительской деятельностью занимались не только братья Фрашери. В одно время с ними жили и творили Яни Вретто, Константин Кристофориди, Иероним де Рада, Андон Зако Чаюпи, Тими Митко и др. Труды этих поэтов, писателей, лингвистов составили эпоху в развитии албанской культуры и были высоко оценены еще при их жизни. А в целом их патриотическая деятельность создала предпосылки для нового подъема освободительного движения, принявшего форму ежегодных вооруженных восстаний против владычества Османской империи.

Эстафета просветителей XIX в. была подхвачена новым поколением политических и общественных деятелей, наибольшую известность из которых получил Исмаил Кемали.

Исмаил Кемали (1844—1919) происходил из богатого и знатного рода беев Влёры. В юности он вместе с семьей поселился в Стамбуле и сделал блестящую карьеру в имперской администрации. За свои открыто высказывавшиеся критические взгляды на окружающую действительность, а также за связи с албанскими патриотическими организациями он впал в немилость султана.

В апреле 1900 г. Исмаил Кемали был назначен губернатором в Триполи. Заподозрив в этом перемещении из столицы на окраину империи угрозу для жизни, он бежал вместе с сыновьями в Европу и обосновался в Лондоне. В эмиграции И. Кемали сблизился с младотурецким движением, в котором его привлекала идея борьбы против абсолютизма. Однако перспектива укрепления центральной власти за счет ущемления прав нетурецких народов его не устраивала, и на младотурецком конгрессе в Париже в 1902 г. он открыто заявил об этом, поддержав делегатов от национальных окраин.

Выступления в печати и статьи Исмаила Кемали в первые годы эмиграции посвящались обоснованию права албанского народа на собственный язык, национальные школы и прессу. Тогда он еще не считал перспективной борьбу за автономию Албании, так как сомневался в возможности закрепления победы даже в случае ее достижения. Ослабленная после отделения от Турции, Албания не сможет противостоять захватническим планам соседей. «Что касается албанцев, — писал он, — то любое открытое революционное движение может вызвать разве что "законное" вмешательство извне».

Исмаил Кемали придерживался идеи культурной автономии албанцев, видя в интеллектуальном и экономическом развитии нации путь к признанию ее на международной арене В 1907 г. он выступил с проектом греко-албанской федерации, основывающейся на принципах равноправия обоих народов. Однако эта явно неплодотворная мысль владела им недолго, и он постепенно стал приходить к осознанию необходимости бороться за автономию Албании. В итоге из сторонника младотурецкого движения он превратился в его критика, возглавив так называемую "либеральную оппозицию" в парламенте.

Созданная в декабре 1908 г. партия "Ахрар" ("Либералы") представляла интересы феодально-компрадорских кругов Турции и выступала против младотурецкого режима. Один из пунктов ее программы — децентрализация управления и автономия национальных областей — находил поддержку у нетурецкой буржуазии. Пользуясь этим, Исмаил Кемали объединил во-

круг себя албанских и других нетурецких депутатов парламента. Однако его причастность к попытке контрреволюционного переворота в Стамбуле в апреле 1909 г. вновь заставила его избрать путь эмиграции. Опасаясь ареста, он и другой албанский депутат парламента Мюфид Либохова бежали в Грецию.

Албания в начале XX столетия

К началу XX в. иностранный капитал, защищенный сохранявшимся в Османской империи режимом капитуляций, довольно глубоко проник в экономику Албании. Иностранные предприниматели и акционерные общества завладели минеральными, лесными и прочими богатствами. В 1891 г. французская компания получила концессию на добычу крупнейшего в Европе месторождения битума в Селенице. В 1909 г. итальянские предприниматели приобрели через подставных лиц право на разведку и разработку запасов медной руды в Мазреке (около Шкодры). Им же принадлежали сыроварни, мельницы, установки по выжимке оливкового масла в Южной Албании.

Основная борьба за Албанию развернулась между Австро-Венгрией и Италией. На долю австрийцев приходилось три четверти экспортно-импортных операций Шкодры и две трети — Дурреса, двух главных портов, через которые шли торговые потоки из албанских вилайетов. К 1910 г. Италии удалось вытеснить Австро-Венгрию с торгового рынка Южной Албании. Даже в Северной Албании, где австрийцы традиционно занимали прочные позиции, утвердилось итальянское Общество импортно-экспортной торговли с Черногорией и Албанией с центром в Милане.

Италия и Австро-Венгрия создавали в Албании банковские учреждения, почтовые конторы, контролировали морские перевозки. Свое экономическое проникновение они подкрепляли культурной и религиозной пропагандой, опираясь на сеть школ, созданных на щедрые субсидии правительственных и церковных организаций. Итальянское влияние стало особенно сильным после 1896 г., во времена правления кабинета министров, возглавлявшегося арбрешем, участником гарибальдийских походов Франческо Криспи. Тогда открылись начальные и профессиональные школы в Шкодре, Дурресе и Влёре с преподаванием на итальянском языке. Это несколько нарушило монополию австрийцев, до того безраздельно доминировавших на севере, строивших школы, больницы, церкви. В качестве официально признанной покровительницы албанской католической церкви Австрия субсидировала как само духовенство,

так и выходцев из привилегированных слоев албанского общества. Молодым людям из состоятельных семей предоставлялись льготы на получение образования в Австрии. Причем вероисповедание не имело значения. Так, в годы первой мировой войны получил возможность повысить свой профессиональный уровень в Австрии мусульманин будущий король Албании Ахмет Зогу.

Выгодное стратегическое положение Албании в Восточном Средиземноморье и на Балканах обрекло ее на роль вечной приманки для государств, претендовавших на господствующие позиции в регионе. "Албания сама по себе не представляет никакой важности, — говорил в 1904 г. министр иностранных дел Италии Т. Титтони, — все ее особое значение сосредоточено в гаванях и побережье, владение которым для Австрии и Италии равносильно беспрепятственному господству на Адриатическом море. Однако этого не позволят ни Австрия Италии, ни Италия Австрии, и если одна стремится к этому, то другая всеми силами должна этому сопротивляться".

Проникновение иностранного капитала при сохранении архаичной системы организации хозяйства, сложившейся на территории империи, мало способствовало экономическому развитию Албании, где почти 90% населения занималось сельскохозяйственным трудом. Турецкое аграрное законодательство второй половины XIX в., разрешившее свободную куплю-продажу земли, усилило концентрацию земельной собственности. В результате уже к началу XX в. лучшие пахотные земли в плодородных речных долинах сосредоточились в руках крупных землевладельцев. Обширные земельные угодья принадлежали государству, султанской семье, а также мусульманским и христианским религиозным учреждениям.

Концентрация земельной собственности шла путем обезземеливания крестьянства, наступления на мелкую свободную крестьянскую собственность, сохранившуюся по преимуществу в труднодоступных горных районах страны. "В Албании... всю лучшую и плодородную землю занимают чифлики (помещичьи владения. — *Н.С.*). Свободные же крестьяне остались только в таких диких местах, где даже мухи не могут найти себе пропитание", — писала албанская демократическая газета "Дрита" 1 сентября 1906 г.

Безземельные крестьяне (чифчи) арендовали землю у помещиков (беев) и сельских богатеев (ага) на условиях полуфеодальной аренды, отдавая владельцу треть или половину урожая. Кроме того, они были связаны всевозможными кабальными повинностями и обязательствами по отношению к землевладельцу. В начале XX в. в Албании получает широкое распространение особая форма арендной платы — кесим. Размер ее в

деньгах или продуктах устанавливался в зависимости от качества и количества арендуемой земли.

Распространение кесима, а он постепенно вытеснил все остальные виды арендной платы, приводило к еще большему закабалению крестьян, так как в неурожайные годы они не могли его выплатить и попадали в долговую зависимость к землевладельцу. Но даже в лучшие, урожайные годы крестьянину едва хватало его доходов для того, чтобы внести аренду и погасить задолженность перед государством. Кроме феодальной десятины (ашара), размер которой в начале XX в. формально был равен не 10, а 12,5% урожая (2,5% — надбавка турецкого правительства на нужды турецких школ), крестьяне платили налог на овец (джелеп), на жилые постройки (мусакафат), поземельный налог (эмляк), дорожную и школьную подати. Налогами облагались рубка леса, рыбная ловля, пчеловодство и т.п.

Ашар и некоторые другие налоги собирались через откупщиков, которые путем различных махинаций доводили фактический размер ашара до четверти и даже до трети урожая. Турецкое правительство сохраняло откупную систему не только по экономическим соображениям, но и потому, что выбиравшиеся из местных привилегированных слоев откупщики составляли одну из опор турецкого господства в Албании. Тяжелой ношей для неимущих слоев деревни и города стало ростовщичество: грабительские поборы по ссудам составляли 150—200% годовых.

Деревня жила в крайней нищете. В 1906 г. газета "Дрита" так характеризовала жизнь крестьян на юге Албании: "Бедность их не поддается описанию. Если бы такая бедность была в какой-либо другой стране Европы, то все бы начали заниматься воровством... Когда зайдешь в деревню, то видишь готовые рухнуть крестьянские дома, держащиеся на одних лишь подпорках. В провалах окон не видно ни рам, ни стекол". Доведенные до отчаяния голодом и бесконечными поборами люди бросали свой жалкий скарб, нанимались батраками в соседние поместья, уезжали за границу. Слово "курбет", т.е. "чужбина", прочно укоренилось в лексике албанцев, пройдя через весь XX в. В конце XIX в., когда масштабы выезда являлись еще незначительными, основная масса эмигрантов направлялась в близлежащие страны — Болгарию, Румынию, Италию, Грецию. С усилением эмиграции в первом десятилетии нового столетия поток вынужденных переселенцев устремился за океаны — в США и даже в Австралию.

Рыночные отношения с большим трудом утверждались в Албании, как впрочем и на всей территории полуфеодальной Османской империи, превратившейся в полуколонию империалистических держав. Тем не менее в начале XX в. в ряде рай-

онов уже появились крупные земледельческие хозяйства с применением труда наемных рабочих и относительно новой сельскохозяйственной техники. Одновременно формировался класс новых собственников из числа торговцев и богатых крестьян за счет покупки земли у представителей старинных феодальных семейств, которые не хотели или не могли приспособиться к меняющимся экономическим условиям.

В промышленном секторе экономики, который не играл существенной роли в албанском хозяйстве в целом, становление капиталистических отношений протекало медленно. Тогда в Албании существовало около 20 мелких предприятий мануфактурного типа: несколько механических лесопилен, мыловарни, ремесленные мастерские по производству шелковых и шерстяных тканей, солеварни, табачная фабрика и т.п. Они работали на весьма узкий местный рынок.

Медленно увеличивалась численность рабочего класса. Он был немногочисленным и разобщенным. Только на добыче битума в Селенице, самой крупной промышленной единице Албании, насчитывалось до 100 рабочих. Обычно же на албанских "предприятиях" трудились 10—15 человек. Это были мастерские, выполнявшие функции производства и сбыта товара, где хозяин являлся и мастером и торговцем. Заведения с однородным ремесленным профилем занимали в городах отдельные кварталы. Подмастерья и наемные рабочие, как правило, сохраняли связь с деревней и надеялись вернуться туда, разбогатев. Продолжала существовать система ученичества с жестокой эксплуатацией детского труда. Ученики — мальчики шести-семи лет — работали по 10—13 часов в сутки только за еду.

Цеховая ремесленная организация, потеряв со временем патриархальный характер, сохранила старые формы и традиции. Ремесленники одного эснафа (цеха) праздновали день святого — покровителя их ремесла и беспрекословно подчинялись хозяину. Старые традиции помогали эксплуатировать рабочих, устанавливать минимальную зарплату и регулировать продолжительность рабочего дня. Из средств борьбы против конкуренции эснафы превратились в средство эксплуатации рабочих, подмастерьев, учеников. Рабочие не имели своих профессиональных организаций, их выступления против эксплуатации носили стихийный характер. Наиболее заметной из них стала забастовка рабочих-сапожников Шкодры в 1902 г., требовавших повышения зарплаты на 20%. Продолжавшаяся две недели, она в конце концов была жестоко подавлена турецкими властями.

Немногочисленная албанская буржуазия росла медленно. Помимо препятствий, чинимых иностранным капиталом, который не поощрял развитие национальной промышленности, на

пути ее формирования вставала проблема необеспеченности в Османской империи жизни и имущества собственника, особенно христианина. Турецкая администрация и ее законодательство не только не защищали права этой категории собственников, но и всячески препятствовали их деятельности. Судьба существовавших и вновь создаваемых предприятий зависела не только от местных властей, но и от центральной стамбульской администрации. Прежде чем основать какое-либо торговое дело или компанию, предприниматель должен был пройти долгий путь мытарств по многочисленным инстанциям, затрачивая огромные суммы на взятки чиновникам.

Города и области Албании имели плохую связь между собой из-за бездорожья и сохранения на всей территории империи внутренних таможен. Эта разобщенность приводила к тому, что иногда было дешевле получить товар из-за границы, чем перевезти его из соседнего города. Албанские торговцы предпочитали внешнеторговые сделки, а также посредническую деятельность по реализации иностранных товаров. К тому же звание представителя какой-либо иностранной фирмы освобождало от многих затруднений и в той или иной степени защищало от произвола турецких властей.

Антиосманская борьба набирает силу

Власть османских завоевателей над Албанией держалась не только на военной силе. Политика стамбульской администрации поддерживалась как мусульманским, так и христианским духовенством. Мусульманские религиозные учреждения владели обширными земельными богатствами и боялись их потерять в случае отделения Албании от Турции. Позиция высшего католического духовенства зависела от той линии, которой придерживалась Габсбургская монархия при каждом очередном повороте в европейской политике. Пастыри получали щедрые субсидии непосредственно от имперского министерства иностранных дел и старались предотвращать неконтролируемые порывы народных масс.

Православные священники и учителя греческих церковных школ, следуя установкам Константинопольской патриархии, направляли свою деятельность в Албании на пропаганду шовинистической идеи "Великой Греции", т.е. они были заинтересованы в подавлении национального албанского самосознания. Турецкие власти вместе с греческим духовенством организовывали преследования и бойкот тех семей, которые посылали детей в албанские школы.

В отношении горных районов Севера политика турецкой администрации определялась тем, что там ее власть в полном смысле этого слова никогда не признавалась местными органами самоуправления, сложившимися на основе патриархально-родовой организации. Еще в XVII в. в интересах подчинения горцев и использования их вооруженных отрядов была введена система байраков (байрак — по-турецки *знамя*), включавших в себя территорию одного или нескольких родов и посылавших в ополчение определенное количество солдат. Принадлежавшие к местной родовой знати байрактары (знаменосцы) выполняли военные и административные функции. Их семьи владели лучшими землями, пастбищами, они пользовались многими привилегиями — как традиционными, по нормам обычного права, так и предоставленными турецкой администрацией. От личной позиции байрактара зависело то, куда он поведет свой род в случае возникновения кризисной ситуации — на поддержку турецких властей, которым он во многом обязан материальным благополучием, или против них, следуя в русле общеалбанского освободительного движения.

Когда в начале XX в. турецкое правительство в очередной раз увеличило размеры многих налогов, новая волна протестов захлестнула европейские провинции империи. Не остались в стороне и албанцы: они поддержали Илинденское восстание 1903 г. в Македонии; а в 1904 г. перешли на сторону арабских повстанцев в Йемене, куда они были посланы на подавление волнений. Но не только фискальная политика дестабилизировала обстановку в Турции. Начавшееся движение буржуазных реформаторов (младотурок) подрывало устои султанской власти. Оно развивалось параллельно с более сильным освободительным движением нетурецких народов, заинтересованных в отделении от империи, а не в ее укреплении. Однако различие в целях не исключало обращения к одинаковым методам для их достижения. Поэтому опыт русской революции в 1905 г. оказался востребованным всеми.

Прогрессивные зарубежные издания знакомили своих албанских читателей с революционными событиями 1905 г. в России и призывали сделать соответствующие выводы. В жестокости царского и султанского режимов виделись их слабость и неминуемая гибель, а опубликование царского манифеста от 17 октября 1905 г. убеждало в необходимости решительных действий. "Смелый и благородный русский народ добился удовлетворения своих справедливых требований, заплатив кровью... Вот, дорогие албанцы, еще один пример того, как завоевываются честь и благополучие, необходимые народу, его земле и государству, — писала в ноябре 1905 г. газета "Шпреса е Шкюпнис" ("Надежда Албании"). — Пример, показывающий,

что ничего нельзя добиться, если не трудиться и не страдать, а иногда, если это нужно, то и не пролить кровь".

Революционные события 1905 г. не оказали непосредственного воздействия на настроения широких масс. Большинство народа не знало о том, что происходит не только в России, но и в мире в целом. Тем не менее на формирование взглядов общественно-политической элиты албанского общества влияние было несомненным. Ведь большинство албанских изданий выходили тогда в Болгарии и Румынии, а исторические связи этих стран с Россией, с ее культурой (в том числе и с культурой политической) имели глубокие корни.

Выступления против произвола турецких чиновников стали вспыхивать в разных концах Албании. В мае 1905 г. в Гирокастре горожане убили турецкого губернатора (мютесарифа) и отказались принять другого, назначенного на его место. Тогда же в районе Люшни крестьяне изгнали сборщиков налогов, а в Круе горожане и жители окрестных деревень с оружием в руках потребовали от местных турецких властей отмены налога на скот. Летом 1906 г. в горной католической области Курбин, недалеко от Круи, издавна пользовавшейся привилегиями, горцы отказались платить новые налоги. В ответ на произвол посланных туда карателей албанцы разрушили жандармские посты и телеграфную линию. Военные действия между турецкой армией и отрядами восставших продолжались там более полугода. Только ценой отказа от взимания налогов и принятия на себя обязательства возместить ущерб, причиненный военными действиями, властям удалось восстановить спокойствие. В мае 1907 г. вспыхнуло восстание в Эльбасане, где наряду с требованиями к правительству сменить губернатора и начальника жандармерии звучали призывы к независимости. Оно было подавлено при помощи военной силы и традиционного "метода убеждения" — подкупа знати.

Разрозненные антитурецкие выступления 1903—1907 гг. не слились в единый поток. Албанская национальная буржуазия и малочисленный рабочий класс не играли заметной роли в жизни общества и не проявляли большой активности в освободительном движении. Ведущую роль в нем продолжали играть феодалы, заинтересованные не столько в отделении Албании от империи, сколько в сохранении и расширении своих социально-экономических позиций и административной самостоятельности. Только распад империи мог заставить их пойти до конца по пути создания независимости албанского государства. Однако на рубеже XIX—XX вв. положение Османской империи не казалось уже столь безнадежным. Великие державы были заняты другими делами, и на какое-то время проблема турецкого наследства отступила на второй план.

В конфиденциальных переговорах, которые проходили в европейских канцеляриях, подчеркивалась необходимость сохранения статус-кво на Балканах. Эта позиция была согласована в мае 1897 г. в ходе обмена мнениями между правительствами России и Австро-Венгрии, когда они достигли договоренности о проведении совместной политики относительно "бурлящего Балканского полуострова" и о том, чтобы "поддерживать настоящее статус-кво столь длительное время, сколько позволят обстоятельства". Предоставление независимости Албании, как это ранее предусматривалось в одном из австро-венгерских дипломатических документов, сочли преждевременным и отложили на будущее.

Тем временем стали вырисовываться перспективы и цели национально-освободительного движения. В южных и центральных районах активизировалось четническое движение, руководимое тайными патриотическими комитетами. Первый комитет "За свободу Албании" был создан в городе Монастире (Битола) в 1905 г. преподавателем турецкой гимназии Байо Топулы. Комитет имел свой устав, согласно которому каждый его член должен был вовлечь в движение пять новых участников. Первоначально комитеты выполняли национально-просветительные функции, пропагандируя албанский язык и албанскую культуру и укрепляя чувство национального самосознания. Так, в статье 1 устава Монастирского комитета говорилось о его ближайших целях: "Комитет, который основан в Албании уважаемыми людьми и местными патриотами, ставит целью: возродить Албанию; воспитывать чувства братства, любви, единения; открыть дорогу цивилизации путем книгопечатания; посылать людей во все концы Албании, чтобы они сеяли знания; привлекать на свою сторону горцев, разъясняя им цели комитета, и употреблять все возможные средства ради защиты нации и спасения ее от гнета и темноты".

В результате пропаганды идей возрождения Албании активистам Монастирского комитета удалось создать подчиненные ему подкомитеты в Охриде, Эльбасане, Струге, Дибре (Дебаре), Тетово, Корче, Дьякове (Джяковице), Пейе (Пече) и Приштине, привлекавшие в свои ряды представителей самых разных слоев населения. Это были учителя и военные, беи и чиновники. Руководство комитета налаживало связи с албанскими эмигрантскими обществами, которые охотно предоставляли страницы своих газет и журналов для пропаганды деятельности и целей комитета. В январе 1906 г. комитет принял решение об организации вооруженных чет в целях подготовки всеобщего антитурецкого восстания. Их деятельность в период 1906—1907 гг. ограничивалась выступлениями локального характера против злоупотреблений турецкой администрации, а также агитацией среди насе-

ления. Албанские отряды установили тесные связи со славянскими четами Македонии. "Нужно признать, — писал в своих воспоминаниях активный участник четнического движения, поэт-демократ Михаль Грамено, — что, действуя вместе с болгарскими патриотами, мы состояли с ними в отношениях братской дружбы и многое заимствовали из их организации".

В начале лета 1908 г., когда в Албании и других частях Европейской Турции усиливалось освободительное движение, младотурецкий комитет "Единение и прогресс" начал подготовку к решительному выступлению против султанского режима. Антиимпериалистические лозунги младотурок, их обещания восстановить конституцию, облегчить налоговый гнет, предоставить равные права всем народам Османской империи привлекли на их сторону албанских и македонских четников. Один из лидеров младотурок, албанец по национальности Ахмед Ниязи-бей согласился даже поддержать требования о самоуправлении Албании.

Известно, что выступления албанцев, в том числе и комитета "За свободу Албании", в поддержку младотурок способствовали успеху последних. Однако победа младотурецкой революции в июле 1908 г. не привела к существенному улучшению положения в национальных албанских районах. Произошло смягчение политического режима и восстановление некоторых весьма скромных конституционных свобод, что сделало возможным тем не менее открытие школ с преподаванием на родном языке, национальных клубов, издание албанских газет и журналов. К тому же именно в период, непосредственно последовавший за победой младотурок, произошло знаменательное событие — проведение в Монастире 14—22 ноября 1908 г. I всеалбанского конгресса с участием делегатов от национальных клубов в самой Албании, а также из Италии, Египта, Болгарии, Румынии и Америки.

Официально его созвали для того, чтобы выработать единый албанский алфавит, что и было в основном достигнуто, ибо для школ рекомендовались (и для тосков, и для гегов) два схожих между собой алфавита на латинской основе. Но особую важность конгрессу придавал тот размах, который приняло обсуждение политических задач албанского национально-освободительного движения. По словам российского консула в Монастире П. Каля, "главной целью албанского конгресса был не столько вопрос об азбуке, сколько желание объединить всех албанцев. Желание это, повторявшееся во всех речах, без исключения, в открытых заседаниях, несомненно, служило также одной из главных тем и в тайных сессиях конгресса". Именно там, на закрытых заседаниях, развернулась борьба мнений вокруг вопроса о политическом будущем Албании, об отношении

к великим державам. Радикально настроенные патриоты стояли на позициях вооруженной борьбы за автономию, в то время как реформисты выступили за продолжение тесного сотрудничества с младотурками, надеясь на "законное" удовлетворение национальных чаяний.

Итогом обсуждения стал политический документ — национальная программа действий, содержавшая 18 пунктов, — который предполагалось довести до сведения турецкого правительства. Программа содержала требования официального признания существования албанской нации и языка, назначения в вилайеты с албанским населением албанских чиновников, выборности всех местных органов власти, открытия национальных школ с преподаванием на родном языке, основания албанского университета и т.п. Особую группу вопросов составляли требования экономического характера, предусматривавшие поощрение развития торговли, добывающей и обрабатывающей промышленности в интересах албанской буржуазии.

Решения конгресса имели большое значение для развития национального албанского движения. Выработанная на нем общенациональная платформа сплотила борцов за освобождение в очень трудное время, когда младотурки начали кампанию по выборам в парламент под лозунгами "османизма", ограничив и без того ущемленные права населения нетурецких окраин. И тут стало ясно, что центральное правительство не собиралось выполнять обещания, данные албанцам накануне революции. Оно не только не предоставило автономию албанским районам, но при выборах в парламент осенью 1908 г. посредством разного рода формальных преград, например высокого имущественного ценза, и злоупотреблений властью постаралось воспрепятствовать избранию неугодных ему инонациональных депутатов. Тем не менее 26 депутатов-албанцев прошли в парламент, и во главе этой группы встал вернувшийся из эмиграции Исмаил Кемали. Созданная и возглавленная им партия "Ахрар" ("Либералы") не имела отношения к национальному албанскому движению, представляя интересы феодально-компрадорских кругов, боровшихся с младотурецким режимом. Поэтому при попытке контрреволюционного переворота в Стамбуле в апреле 1909 г., предпринятого дворцовыми кругами и поддержанного либералами, албанские национальные комитеты и македонские четы поддержали младотурок, обратившихся к ним за поддержкой.

Низложение султана Абдул-Хамида II и возведение на престол султана Мехмеда V привело к переходу всей полноты государственной власти в руки младотурецкого комитета. Несмотря на то что именно поддержка албанцев во многом обеспечила успех младотуркам, после упрочения их режима начались гоне-

ния на национально мыслящих албанцев. Была издана серия законов, запрещавших деятельность национальных комитетов и других подобных организаций.

Недовольство албанцев политикой младотурок росло по мере того, как усиливались пантюркистские тенденции. Опасаясь антиправительственных выступлений албанского населения, младотурецкая администрация предприняла превентивные меры: в ряд горных районов были направлены войска, которым предстояло разоружить население и при помощи дополнительного рекрутского набора ослабить ряды эвентуальных повстанцев. Как часто случалось с карательными акциями против горцев, летние экспедиции 1909 г. потерпели полную неудачу.

С лета 1909 г. начались вооруженные выступления албанцев, возмущенных усилением национального гнета. В июле в Дибре и в сентябре в Эльбасане проходили национальные албанские конгрессы. Попытки младотурок придать конгрессам, особенно дибрскому, мусульманскую направленность, добиться выражения солидарности с младотурецким режимом не увенчались успехом. Более того, конгресс в Дибре принял решение об открытии албанских начальных и средних школ, а также об отделении школы от церкви, что имело большое значение в свете настойчивых попыток правительства разжечь религиозную вражду между мусульманами и христианами, противопоставить их друг другу.

Крестьянские антитурецкие выступления, патриотическое движение за автономию сливались в едином потоке с деятельностью эмигрантских организаций, направленной на подготовку всеобщего вооруженного восстания, на популяризацию его целей за рубежом. Наряду с давно и плодотворно работавшими на благо развития национального самосознания обществами в Болгарии, Румынии, Египте появились новые организации. В 1907 г. в Буэнос-Айресе было создано общество "Лизья шкипtаре" ("Албанская лига"), в 1908 г. в Одессе — общество "Перлиндья" ("Возрождение"). Несколько организаций были созданы в США. В Буффало появилось общество "Малы и мемезеут" ("Тоска по родине"), в Нью-Йорке — "Коха е лирис" ("Время свободы"), в Сент-Луисе — "Лизья" ("Лига"). Значительный вклад в деятельность албанского землячества в США внесли такие представители албанского Возрождения, как публицист и педагог Петро Нини Люараси и его сподвижник Сотир Пеци. Но наибольшую известность завоевал молодой священнослужитель Фан Ноли, ставший вместе с Люараси и Пеци одним из основателей общества "Беса бесен" ("Великая клятва верности") в Бостоне.

Один из выдающихся политических и культурных деятелей Албании XX в., епископ Теофан (сокращенно Фан) Стилиан

Ноли прожил долгую жизнь (1882—1965). Он происходил из многодетной среднезажиточной крестьянской семьи из деревни Ибрик-Тепе близ Адрианополя (Эдирне), жителями которой являлись православные албанцы, потомки военных колонистов времен Византийской империи. Они отличались высоким профессионализмом и после падения Константинополя перешли на султанскую службу, сохранив вероисповедание и права на владение плодородными землями. В своей биографии Ф. Ноли рассказал о случившемся с его дядей, попавшим вместе с другими солдатами турецкой армии в плен к русским в Болгарии. Воспитанный в строгих христианских традициях, дядя попросился на богослужение во время одного из церковных праздников, чем весьма озадачил охрану. На вопрос, почему же он воюет за "бусурманов", назидательно разъяснил: "Религия — религией, а профессия — профессией". Что касается военной карьеры рода Ноли, то она закончилась со смертью деда Фана, погибшего на Малаховом кургане в годы Крымской войны.

Фан Ноли не отличался крепким здоровьем. Он был явно непригоден ни к тяжелому крестьянскому труду, ни к несению военной службы, что и предопределило его дальнейшую судьбу. Его отдали в начальную школу, а затем в греческую гимназию в Адрианополе. Так, в соответствии со сложившимися в этой небольшой православной общине традициями он получил полусветское-полурелигиозное образование. Отец привил ему преклонение перед личностью Наполеона. Но самым почитаемым героем стал для него Скандербег, этот незаурядный военный и государственный деятель средневековья, возглавивший борьбу албанского народа против османского господства и остановивший завоевателей у берегов Адриатики.

В гимназические годы Фан Ноли начал знакомиться с произведениями мировой классической литературы. Увлечение Шекспиром и поиски заработка привели Фана Ноли в одну из бродячих театральных трупп. Его актерская судьба была недолгой, но счастливой: за два года он переиграл почти все ведущие роли классического репертуара, объездив с труппой Грецию, Турцию, Египет. Когда романтическое увлечение актерской деятельностью прошло, он на какое-то время обосновался в Фаюме (Египет), где преподавал греческий язык в школе и одновременно служил в местной церкви.

Трехлетнее пребывание в Египте стало поворотным моментом в жизни Фана Ноли. Там он приобщился к деятельности патриотических албанских организаций и проникся их идеями. Именно тогда у него созрело желание посвятить свою жизнь борьбе за свободу Албании.

Весной 1906 г. с томиком Ф. Ницше в руках Фан Ноли пересек Атлантический океан на утлом суденышке, переполненном

бедняками – эмигрантами из всех уголков Европы. Богатая Америка встретила его сурово. Иллюзии, если они и имелись, быстро исчезли при столкновении с реальностью. "Здесь оказался не Новый Свет, а Грязный Свет", – писал он друзьям, оставшимся в Египте. Он обосновался в Бостоне. Уникальные лингвистические способности помогли ему легко преодолевать языковые барьеры, разделявшие пеструю иммигрантскую среду. Огромная работоспособность, дар красноречия в сочетании с поистине фанатичной одержимостью добиться для земли праотцов освобождения от чужеземного ига выдвинули его в ряды лидеров патриотического албанского движения. Он действовал в двух основных направлениях: развернул борьбу за создание автокефальной албанской церкви и собирал средства на поддержание патриотических органов печати.

Введение богослужения на албанском языке вместо греческого, замена греческих священников албанскими, разрыв со Стамбулом по религиозной линии – все это способствовало дальнейшему развитию национального самосознания албанцев. Греческая патриархия в Стамбуле пыталась воспрепятствовать движению за отделение церкви, начатому албанскими прихожанами Бостона. Тогда они обратились за помощью к синоду русской православной церкви и 8 марта 1908 г. в кафедральном соборе Св. Николая в Нью-Йорке архиепископ Платон Рождественский посвятил Фана Ноли в священники с правом отправления литургии на албанском языке. Этим актом был оформлен разрыв с Константинопольской патриархией, а албанская церковь в Бостоне стала считаться дочерней по отношению к русской церкви в Америке. Через год Фан Ноли стал первым директором газеты "Диелы" ("Солнце"). Во многом благодаря его усилиям в 1912 г. в Бостоне создается паналбанская федерация "Ватра" ("Очаг"), объединившая патриотические албанские организации в Америке и дожившая до конца XX в.

Восстания 1910–1912 годов

Денационализаторская панисламская политика младотурок убеждала самые широкие слои албанского населения в том, что только сила может заставить центральное правительство отказаться от попыток остановить стремление к независимости. Зимой 1909/10 г. сопротивление младотурецкому режиму приняло самые различные формы. Движение за признание прав албанского языка на существование и развитие шло параллельно с борьбой за запрет использования мобилизованных в армию албанцев вне пределов страны и против системы рекрутских наборов как таковых.

Школьное движение, пропаганда албанского языка наталкивались на жесткое противодействие со стороны младотурок. Когда стало ясно, что запреты оказывают обратный эффект, в ход пошли методы убеждения в неправомерности употребления латинского алфавита как орудия "неверных" европейцев, стремящихся захватить Албанию. Мусульманское духовенство убеждало албанцев, что латинские буквы оскорбляют веру.

В защиту албанских школ и латинского алфавита проходили митинги во многих городах Албании от Пермета на юге до Шкодры на севере. Зарубежные эмигрантские общины в Болгарии, Румынии, США проводили разнообразные акции в поддержку албанского языка и албанских алфавитов на латинской основе. В Косовском вилайете борьба вокруг албанского алфавита слилась с движением крестьян и городских жителей против турецкой администрации.

Любая попытка повысить размеры налогов, что периодически предпринималось властями, наталкивалась на сопротивление населения. Вызванные этими актами волнения в Косове и Дибре осенью 1909 г. заставили центральную власть послать на усмирение карательную экспедицию, которая в очередной раз потерпела неудачу. Албанцы категорически отказались вести какие-либо переговоры, а турки, понимая, что в горной местности пехота беспомощна, а артиллерия бесполезна, отступили, не начав военных действий. Правда, в предгорье солдаты занимались мародерством и грабежами, что вызвало против них массовое озлобление мирного населения. А когда волнения распространились на районы Мати и Шкодры, власти просто не решились послать туда армию.

Весной 1901 г. в Косовском вилайете стали создаваться вооруженные отряды: население готовилось к любым неожиданностям. Одновременно в Стамбуле с парламентской трибуны прозвучало требование албанских депутатов прекратить ущемление прав албанской нации. Депутат Хасан Приштина предупредил, что если политика не изменится, то всеобщее восстание неизбежно. Когда же министр внутренних дел попытался отрицать само существование албанской нации, говоря, что ее попросту нет, то со скамей, занимаемых албанскими депутатами, послышались голоса: "Вар, эфендым, вар!" ("Есть, господин, есть!").

Прогноз Хасана Приштины оправдался, и в вилайете начались массовые выступления крестьян и горожан против злоупотреблений турецкой администрации. Так, крестьяне отказались впускать в села турецких чиновников до тех пор, пока правительство не восстановит дома, разрушенные военными отрядами в прошлые годы. В Приштине волнения начались в знак протеста против введения налога на ввозимые в город то-

вары. К протестам присоединились и феодалы, но после первых же карательных мер со стороны властей они отошли от движения. Крестьяне нападали на военные гарнизоны, блокировали выходы из городов. В Пече был убит турецкий военный комендант и ранен губернатор. Восстание охватило Дибру, создалась угроза Призрену.

Правительство решилось на масштабную карательную экспедицию. В середине апреля 1910 г. ее возглавил один из самых знаменитых турецких военачальников Шевкет Торгут-паша, в распоряжении которого находилось около 16 батальонов пехоты и артиллерия. Но разбросанные по всему вилайету войска не смогли оказать сопротивление повстанцам и отступили в его западную часть к Феризовичу. Пока Торгут-паша ждал подкрепления, албанцы смогли перерезать дорогу на Скопье, заняв Качаникское ущелье. Лишь прибытие резервных частей из Малой Азии и подкуп одного из командиров повстанцев позволили создать туркам ощутимый перевес в силах. В результате через четыре месяца после начала восстания его удалось подавить. Сам Торгут-паша вспоминал впоследствии: "Ежедневно шли ожесточенные бои, и у повстанцев, сражавшихся за каждую скалу, каждый дом, можно было отвоевать их только ценой жизни".

Предпринятые вслед за этим репрессивные меры должны были навсегда отбить у албанцев волю к сопротивлению. Закрывались албанские школы и культурно-национальные клубы, запрещались газеты и книги. Младотурки пошли на жестокие меры против албанского национального движения, потому что оно, особенно восстание албанцев Косовского вилайета, способствовало росту освободительного движения в Македонии и арабских областях Османской империи. Общенародный характер восстания, героизм и самоотверженность повстанцев вызвали волну симпатий к ним за рубежом. Сербская и болгарская социал-демократические партии решительно осудили действия младотурок. "Этот режим вандалов XX в. достиг кульминации в проявлениях варварства и бесчеловечности при подавлении албанского восстания", — заявили они в совместном меморандуме.

Налицо был кризис младотурецкого режима на национальных окраинах. Причем враждебную центральному правительству позицию занимали не только местное нетурецкое население, но и часть оппозиционно настроенных турецких чиновников и офицеров, которые вели агитацию в Албании и Македонии против отправки войск в Йемен на подавление арабского повстанческого движения. Призванные в провинциях Европейской Турции войска, состоявшие из албанцев и македонцев, отказывались под влиянием этой пропаганды воевать в Йемене.

Восстание 1910 г. было первым массовым вооруженным выступлением албанцев после младотурецкой революции 1908 г. Беспощадная расправа над мирным населением убедила албанцев в том, что младотурецкое правительство мало чем отличалось от деспотического режима Абдул-Хамида II. Наложенный на все формы национально-культурной деятельности запрет свидетельствовал о невозможности продолжения легальной патриотической пропаганды. Оставался один путь — вооруженная борьба.

Зимой 1910/11 г. возобновили свою деятельность албанские национальные комитеты, готовя народ к новому восстанию. Они вели запись добровольцев, приобретали оружие, делали продовольственные запасы. Комитеты действовали во многих городах и селениях Косова, в районах Корчи, Гирокастры, Пермета, Влёры, Дурреса, Шкодры, Дибры. В начале 1911 г. было создано так называемое "Черное общество", или "Общество черных братьев", которое к марту 1911 г. сформировало в районах Корчи, Эльбасана и Дибры семь вооруженных отрядов.

Вне Албании, на о-ве Корфу, возник Центральный албанский комитет. Члены его, в том числе Исмаил Кемали и известный албанский публицист Никола Иванай, установили связь с различными политическими организациями соседних с Албанией государств. В Италии, Болгарии, Черногории были образованы комитеты содействия албанскому восстанию. К 1911 г. относится поездка Ф. Ноли в Европу в качестве представителя американского общества "Ватра". Он посетил Одессу, Кишинев, Бухарест, Браилу, Констанцу, Софию, т.е. наиболее важные центры албанской эмиграции, в интересах координации совместных действий в поддержку освободительного движения. В Софии он совершил богослужение на албанском языке в знаменитом храме Александра Невского для албанцев из местного землячества.

Созданный в Риме по инициативе Николы Иваная итало-албанский комитет опирался как на проживавших в Италии албанцев, так и на симпатизировавшую освободительному движению итальянскую молодежь. Албанский комитет в Софии пользовался поддержкой студенчества и интеллигенции. В столице Черногории Цетинье с осени 1910 г. существовал благотворительный комитет, который после поражения албанского восстания оказывал помощь беженцам. Призывая черногорцев оказать помощь албанцам, комитет писал в одном из своих воззваний: "Албанцы — наши братья, наши многовековые соседи, с которыми нас связывают кроме общечеловеческого чувства долга узы соседства и многие традиции, сохранившиеся с прошлых времен". Большую помощь при подготовке к восстанию оказали албанцы Египта и, в частности, популярный среди ал-

банской диаспоры издатель первого сатирического журнала "Шкопи" ("Дубинка") Атанас Ташко. Обладавший широкими связями с деятелями патриотического албанского движения, он зарекомендовал себя в качестве убежденного сторонника решительной борьбы за независимость.

С приближением весны 1911 г. обстановка в Албании накалилась. Крестьяне отказывались платить налоги и изгоняли сборщиков. Население воспротивилось очередному рекрутскому набору, массовым стало дезертирство из армии. Албанцы группами уходили в горы, пополняя ряды повстанцев.

В конце марта произошло нападение повстанцев на турецкие фортификации в горной, пограничной с Черногорией местности у Шкодры. Их поддержало местное население, и началось затяжное и кровопролитное противостояние. Плохо вооруженные горцы в течение трех месяцев сдерживали натиск армии Шевкета Торгут-паши. 17 июня он пошел на мирные переговоры, обещав амнистию тем, кто в десятидневный срок сложит оружие. На это последовал решительный отказ.

Члены албанского комитета в Подгорице при активном участии Исмаила Кемали и популярнейшего в Северной Албании поэта и публициста Луидя Гуракучи выработали условия, на которых албанцы согласились бы прекратить сопротивление. Это был программный документ, принятый вождями горных районов 23 июня 1911 г. в черногорской Гече.

"Меморандум из Гречи", или "Красная книга", состоял из 12 пунктов, в которых формулировалось требование территориально-административной автономии для Албании, т.е. для всех населенных албанцами районов. "Красная книга" содержала требование о предоставлении широких прав органам местного самоуправления и экономической самостоятельности. Средства, получаемые от сбора налогов, должны были использоваться для строительства дорог, школ только на территории страны. Албанские предприниматели получали преимущественное право на разработку природных богатств. Признавался обязательным для местной администрации албанский язык, который следовало знать и высшим чиновникам, назначавшимся из Стамбула. Текст "Красной книги" передали дипломатическим представителям великих держав в Стамбуле с целью получить их поддержку, кроме того этот документ был положен в основу переговоров с турецким правительством.

Переговоры начались 2 августа 1911 г. в Подгорице. Турецкий посланник в Черногории Садреддин-бей проигнорировал требование автономии и предложил новые условия амнистии. Прибывшие к месту встречи повстанцы отказались принять и этот вариант. Только под воздействием щедрых обещаний Садреддин-бея руководство пошло на турецкие условия. Соглаша-

тельская политика лидеров вызвала всеобщее возмущение. Еще большим разочарованием и недовольством явилось отношение европейских держав к восстанию. Надежды на их поддержку не оправдались, ибо на тот момент им не импонировало возникновение, а тем более поощрение любых осложнений на Балканах. Опасения, что столкновения на границе с Черногорией могли привести к войне, стали причиной дипломатического демарша России и Австро-Венгрии в Цетинье и Стамбуле. Угроза вооруженного конфликта была ликвидирована.

Вспыхнувшее в Южной Албании восстание оказалось менее организованным по сравнению с восстанием в северной части страны. Более умеренными выглядели и выдвинутые там требования. В программе, принятой южными албанцами 21 июля на собрании знати в монастыре Цепо, около Гирокастры, об автономии не говорилось. Стамбульское правительство заверялось в лояльности, от него ожидались лишь некоторые послабления, в том числе получение разрешения на открытие албанских школ и проведение по всей стране некоторых административных реформ по примеру тех, которые правительство предполагало провести на севере страны.

Начавшаяся в конце сентября 1911 г. итало-турецкая война обострила обстановку на Балканах. Для албанцев ослабление позиций империи открывало перспективы освобождения, но в то же время таило в себе новые опасности. Участь африканских провинций империи, ставших жертвой откровенного колониального разбоя со стороны империалистической Италии, заставила албанских патриотов задуматься о том, что их страна может подвергнуться расчленению или оккупации. "Действия итальянского правительства должны быть осуждены всей Европой, всем цивилизованным миром, — писала 4 декабря 1911 г. газета "Коха" ("Время") после кровавой битвы за Триполи. — Но, к несчастью, Европа остается равнодушной и позволяет проливать кровь невинных. Эта война показала нам, что все свои надежды мы должны возлагать на собственные силы, а не на справедливость Европы, которая принимает сторону сильного, а не правого".

Острый внутриполитический кризис, созревший в Турции к началу 1912 г., вызвал к жизни новый подъем албанского освободительного движения. Собравшиеся в Ницце албанские политические деятели договорились о создании Центрального албанского комитета, который должен был выработать общие требования и представить их на сессии нового турецкого парламента. Кроме того, комитет взял на себя подготовку всеобщего восстания. С этой целью члены комитета Исмаил Кемали и Луидь Гуракучи предприняли в марте—апреле поездку по Албании. По ее результатам было принято решение поднять

восстание в Косове. Оно началось с мелких столкновений и вскоре перекинулось на юг, захватив албанские районы Македонии.

Упорные вооруженные бои продолжались все лето. Повстанцам удалось занять ряд городов Центральной и Южной Албании, а 13 августа они вошли в Скопье. Стали распространяться слухи о возможном походе на Салоники и даже на Стамбул. Однако события приняли иное направление. Соглашательское крыло в руководстве повстанческим движением — депутат турецкого парламента от Косова Хасан Приштина и его сторонники — поверило обещаниям младотурецких властей и подписало с ними компромиссные условия замирения, разработанные в августе 1912 г. в Скопье. Обещаниями "реформ" и преобразований удалось убедить рядовых участников восстания покинуть Скопье и отказаться от планов похода на юг. Но часть военных командиров не согласилась с действиями Хасана Приштины, уйдя в горы и продолжив борьбу. Среди них был Байрам Цурри, выходец из знатной косовской семьи, жившей в Дьякове (Джяковице).

Восстание 1912 г. впервые приняло всеобщий характер, охватив практически все балканские вилайеты, где проживали албанцы. Значение его состояло в том, что оно существенно ослабило позиции Турции в Албании и на Балканах в целом.

Провозглашение независимости

Рост национально-освободительного движения в Албании и Македонии и поражение Турции в Триполитанской войне побудили правительства балканских государств предпринять решающую попытку положить конец османскому владычеству на Балканах, а заодно и урегулировать свои территориальные проблемы.

Антиосманский союз стал складываться с октября 1911 г., с болгаро-сербских переговоров при непосредственном участии российской дипломатии. Трудности возникли из-за того, что для Болгарии приоритетным направлением считалось антитурецкое, а для Сербии — антиавстрийское решение вопроса о судьбе славян в Габсбургской монархии. Однако в предвидении, как тогда казалось, неминуемого распада Османской империи победил болгарский вариант.

13 марта 1912 г. в Софии состоялось подписание договора о дружбе и союзе между Болгарией и Сербией с секретным приложением, в котором за Сербией признавались права на территории с компактным албанским населением в Шкодринском и Косовском вилайетах. По разделу Македонии достигнуть пол-

ного согласия не удалось, и стороны согласились на установление кондоминиума в наиболее спорных районах. Верховный арбитраж предоставлялся российскому императору. Осенью 1911 г. начались переговоры между Болгарией и Грецией, завершившиеся подписанием 29 мая 1912 г. болгаро-греческого союзного оборонительного договора. Устное болгаро-черногорское соглашение в сентябре 1912 г. о совместных военных действиях против Турции поставило точку в балканском союзе.

9 октября черногорские войска начали военные действия против Турции. 18 октября в войну вступили Болгария, Сербия и Греция. В течение трех-четырех недель основные силы турецкой армии был разгромлены. Войска союзников угрожали Стамбулу. В ноябре 1912 г. турецкое правительство запросило перемирия.

В начале войны албанцы поддержали балканских союзников, выступивших против их общего врага. Тем более что незадолго до начала войны, в августе 1912 г., черногорский король Николай пригласил Исмаила Кемали в Цетинье, чтобы обсудить условия, на которых албанцы могли бы присоединиться с балканским союзникам. Однако вскоре положение резко изменилось. Командование балканских армий рассматривало свое пребывание в Албании как оккупацию подлежащей разделу турецкой территории и враждебно встречало любое проявление национальных чувств. Для албанцев пришло время решительных действий.

Внутри Албании никакие легальные формы пропагандистской или организационной деятельности были невозможны. Поэтому кампания в поддержку независимости Албании развернулась за рубежом. По приглашению румынского премьер-министра Таке Ионеску и королевы Елизаветы представители албанских эмигрантских организаций собрались 5 ноября 1912 г. в Бухаресте. Они приняли решение о проведении в Албании национального конгресса, который должен был избрать временное правительство, и утвердили текст обращения к европейским державам с требованием признания автономии Албании. В страну были посланы эмиссары, а миссию выразителя интересов всех албанцев за рубежом принял на себя отправившийся в Вену Исмаил Кемали.

К этому времени большая часть Албании попала под власть оккупационных сил балканских союзников. Черногорцы держали под осадой Шкодру. Сербы, заняв Косово, подступили к Мирдите и Мати. Другая часть сербской армии вела бои на подступах к Тиране. Греческие войска вторглись на юг, продвигаясь в направлении Влёры.

В Вене И. Кемали нашел поддержку. Благожелательная позиция Австро-Венгрии объяснялась тем, что ни она, ни стоящая

за ее спиной Германия не были заинтересованы в усилении Сербии и в получении ею выхода на побережье Адриатики. Аналогичную позицию занимала и Италия, вынашивавшая планы подчинения Албании своему влиянию, чтобы "закрыть" Адриатическое море, превратив его во "внутреннее итальянское озеро".

18 ноября группа албанских патриотов вручила дипломатическим представителям великих держав в Стамбуле "Призыв албанского народа". Выражая протест против открыто разрабатываемых планов расчленения Албании, составители документа, под которым стояло более 40 подписей, выражали твердую решимость бороться за то, чтобы "гарантировать албанскому народу его этническое и политическое существование". Днем позже в Триесте, перед отплытием в Албанию на пароходе, предоставленном ему австрийским правительством, выступил И. Кемали. Он заявил, что "сразу же после его прибытия в Албанию будет провозглашена независимость и избрано временное правительство".

Первоначально всеалбанский конгресс предполагалось созвать в Дурресе. Побережье блокировалось греческим флотом, и высадка немногочисленного "каравана независимости" должна была произойти тайно, с небольшой лодки. Операция прошла успешно. Но оказалось, что префект Дурреса получил распоряжение об аресте И. Кемали, и тот был вынужден срочно покинуть город. Переждав день в имении знакомого бея, он отправился окольными путями во Влёру. В Фиери ему встретились спешившие на конгресс посланцы из Косова. А по прибытии во Влёру он узнал, что с 25 по 27 ноября население ряда городов Центральной Албании — Тираны, Эльбасана, Каваи, Люшни и недавно покинутого им Дурреса — заявило о поддержке идеи независимости.

Всеалбанский конгресс открылся 28 ноября 1912 г. во Влёре. Не всем из приглашенных удалось выбраться из занятых балканскими союзниками районов к началу работы. Поэтому на первом заседании присутствовало относительно мало участников, если принять во внимание заявку на общеалбанское представительство, всего 37 делегатов. Правда, к концу их число перевалило за 50. Восторженно встреченный собравшимися И. Кемали был единодушно избран председателем.

Акт о провозглашении независимости Албании, принятый в первые часы работы конгресса, покончил с многовековым господством Османской империи. В произнесенной И. Кемали речи признавалось, что в условиях, созданных балканской войной, "единственным путем спасения является отделение Албании от Турции", что Австрия, Италия и "даже покровительница славян Россия" поддержали справедливое дело албанского на-

рода. В заключение он наметил главные задачи, которые безотлагательно должен был решить конгресс: "сделать Албанию независимой под эгидой временного правительства; избрать совет старейшин в качестве вспомогательного и контролирующего органа при правительстве; направить в Европу делегацию в целях получения поддержки албанского вопроса со стороны великих держав". После этого делегаты подписали декларацию о том, что "Албания с этого дня становится свободной и независимой".

У входа в дом, где заседал конгресс, был поднят флаг Скандербега, прочно утвердившийся в албанской государственной символике — двуглавый черный орел на темно-красном фоне. В тот же день о своей солидарности с декларацией о независимости заявили города Берат, Дельвина, Пермет, Гирокастра и некоторые другие.

Известие о провозглашении независимости и о создании правительства восторженно приветствовало население как в самой Албании, так и в албанских землячествах за рубежом. Участников влёрского конгресса и членов первого правительства во главе с 68-летним Старцем, Исмаилом Кемали, приветствовали как национальных героев. Несмотря на то что находившиеся под юрисдикцией албанского правительства территории оказались отрезанными от внешнего мира, известия о происшедшем просачивались в Европу. В России один из первых сочувственных откликов на события в Албании появился в большевистской "Правде" 10 и 11 декабря 1912 г. В пространной статье "Шкипитары — орлы" подчеркивалось, что албанскому народу пришлось вести борьбу не только против турецкого правительства, но и против Австро-Венгрии, пытавшейся подчинить Албанию своему влиянию. Разбирая сложные внутренние и внешние условия, в которых произошло освобождение Албании от многовекового ига, анонимный автор "Правды" писал, что завоевание свободы явилось результатом прежде всего длительной героической борьбы народа.

Провозглашение независимости 28 ноября 1912 г. считается самым великим событием истории Албании XX в., а день поднятия национального флага (Dita e Flamurit) как символа албанской государственности — Праздником Всех Албанцев. В памяти народной за Влёрой прочно закрепился эпитет *священная*. Он стал как бы символом независимости, подтвердив эту славу в боях против итальянских оккупантов в 1920 г.

Глава II
Обретение утраченной свободы

400 дней правительства Исмаила Кемали

Работа Национального собрания во Влёре проходила с 28 ноября по 7 декабря 1912 г. После принятия декларации о независимости собравшиеся приступили к решению насущных вопросов – формированию правительства и комиссии, в задачу которой входила защита интересов Албании за рубежом.

Исмаил Кемали, единодушно утвержденный в качестве председателя Временного правительства, вынес на утверждение собрания список членов кабинета, составленный из представителей знати и бывших чиновников османской администрации. Он исходил из того, что именно такие люди могли расположить к себе как великие державы, так и Турцию. Но критерии подобного рода не нашли понимания у части делегатов, и состав правительства подвергся пересмотру. В итоге 4 декабря несколько "демократизированный" кабинет был утвержден. В него вошли восемь министров. И. Кемали занял также пост министра иностранных дел, его заместителем по кабинету стал католический священник Никола Качорри, а Луидь Гуракучи – министром образования. В тот же день делегаты избрали совет старейшин из 18 членов – орган с весьма неопределенными функциями. С одной стороны, он должен был как бы заменить национальное собрание после окончания его работы, а с другой – не имел права законодательной инициативы, ограничиваясь задачами контрольно-совещательного характера по отношению к правительству. Возглавил его муфтий Вехби Дибра.

Эти первые попытки государственного устройства ограничивались самыми необходимыми в тех условиях актами. При абсолютном господстве на Балканах и в Европе монархической формы правления естественным выбором стало решение добиваться установления в Албании конституционной монархии во главе с христианским принцем из какой-либо европейской династии.

В то время как национальное собрание занималось вопросами формирования властных структур, сфера его влияния сузи-

лась. Кроме самой Влёры юрисдикция Временного правительства распространялась на города Люшня, Фиер, Берат и Гирокастра. Правда, в некоторых из них наряду с новой албанской администрацией продолжала существовать и старая, турецкая. Греческий флот продолжал блокировать побережье, считая его вражеской, т.е. турецкой, территорией. Центральную Албанию, включая Эльбасан и Дуррес, заняли сербские войска, объявив ее частью Сербии. Черногорцы осаждали Шкодру.

28 ноября 1912 г. И. Кемали обратился к правительствам великих держав с призывом признать независимость Албании. "Албанцы, входящие в семью народов Восточной Европы и гордящиеся тем, что они являются ее древнейшим народом, — говорилось в телеграмме, разосланной министрам иностранных дел, — преследуют только одну-единственную цель: жить в мире со всеми балканскими государствами и стать стабилизирующим началом в регионе". Далее выражалось убеждение, что правительства великих держав вместе со всем цивилизованным миром с благожелательностью примут албанцев в свое лоно, "защитив от любого посягательства на их национальные права, а территорию от расчленения". В телеграммах, направленных членам Балканского союза, были сделаны два добавления. Они содержали требования прекратить враждебные действия и вывести войска союзников с захваченных ими албанских земель. Сообщение о провозглашении независимости Албании было послано также в Бухарест и Стамбул.

Российский министр иностранных дел С.Д. Сазонов незамедлительно сообщил информацию о событиях в Албании в дипломатические представительства империи в Белграде, Софии, Париже, Лондоне, Вене и Берлине. Он соглашался с неизбежностью создания независимого албанского государства в скором времени, но, зная о сербских намерениях получить выход в Адриатику через албанские земли, специально уведомил белградское правительство, что Россия эти планы не поддержит. В Петербурге не хотели осложнять отношения с другими державами. "Сербы не должны ставить нас перед необходимостью публично отрекаться от солидарности с ними, поддерживая то, что мы считаем излишним", — писал он.

Хотя на тот момент в правящих кругах европейских держав сформировалось в принципе благоприятное отношение к идее признания албанской независимости в форме автономии, тем не менее никто не спешил заявить об этом официально. Перед ними стояла задача подведения итогов Первой балканской войны. 3 декабря 1912 г. Турция подписала условия перемирия с Болгарией, Сербией и Черногорией. В середине декабря в Лондоне приступили к работе сразу две международные конференции. На одной шли переговоры между Турцией и балкан-

скими союзниками, а на другой под председательством министра иностранных дел Великобритании Э. Грея заседали послы пяти великих держав в качестве полномочных представителей своих правительств. Именно эта конференция должна была продиктовать представителям воюющих сторон условия мира и выработать план раздела между балканскими странами отвоеванных у Турции территорий.

В центре внимания Лондонской конференции послов находился албанский вопрос. Провозглашение независимости Албании, хотя никем и не признанное, существенным образом меняло расстановку сил на Балканах. На первом заседании 17 декабря по предложению Австро-Венгрии и при поддержке Италии и Германии было принято решение о создании автономной Албании под верховной властью султана и под контролем шести великих держав. В коммюнике для печати специально оговаривалось предоставление Сербии экономического выхода в Адриатику. Протокол самого заседания раскрывал эту формулу: экономический выход через свободный и нейтральный албанский порт, обслуживаемый железнодорожной веткой под охраной специальных интернациональных сил и обеспечивающий свободу транзита всех товаров, включая военное снаряжение. Такое "благожелательное" отношение к нуждам Сербии официально лишало ее права на территориальные приобретения за счет Албании. Обещанный экономический выход также оказался недостижимой целью, так как железнодорожной ветки тогда не существовало.

Определение границ Албании вызвало острые дискуссии. Позиции сторон относительно создания жизнеспособного государства с достаточной для его самостоятельного существования территорией неоднократно менялись. Россия старалась добиться удовлетворения разумных, с ее точки зрения, территориальных претензий дружественных ей Сербии и Черногории, что наталкивалось на сопротивление ее главных оппонентов — Австро-Венгрии и Италии. После ожесточенных споров, грозивших не раз перерасти в вооруженный конфликт между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Черногорией и Сербией — с другой, Лондонская конференция к весне 1913 г. установила северную и северо-восточную границы Албании. Австро-Венгрия сначала "уступила" Сербии Дибру, а затем Джяковицу, Призрен и Печ, отказавшись тем самым от своего же первоначального проекта, предложенного конференции послов 20 декабря 1912 г.

Таким образом, обширные территории с преобладающим албанским населением отторгались от Албании. Как констатировалось в письме, направленном представителями Временного албанского правительства Мехметом Коницей и Филиппом

Ногой конференции послов, при определении северных границ Албании не принимались во внимание ни этнический принцип, ни интересы самих албанцев, а только лишь желание предотвратить столкновение между Австрией и Россией. Взамен последняя согласилась не поддерживать черногорские притязания на Шкодру. Однако, несмотря на это, черногорские войска не только продолжили осаду Шкодры, но и смогли занять ее обманным путем.

Командовавший обороной Шкодры Эсад Топтани, один из крупнейших землевладельцев Центральной Албании, в конце апреля 1913 г. сдал город. Согласно британским источникам, Эсад получил от Сербии сумму в 16 тыс. ф. ст. в поддержку его притязаний на титул правителя Албании под сюзеренитетом султана, при условии отказа в пользу Черногории от Шкодры и территорий к северу от реки Дрин. Понадобилось срочное вмешательство министра иностранных дел Австро-Венгрии графа Л. Берхтольда, пригрозившего односторонним применением военных санкций — вплоть до бомбардировки Черногорского побережья, чтобы король Николай отступил. 14 мая 1913 г. Шкодра перешла под управление международной военной комиссии во главе с командующим объединенной эскадрой британским адмиралом С. Бёрнеем.

Первая балканская война завершилась подписанием Лондонского мирного договора 30 мая 1913 г. между балканскими союзниками и Турцией, который определил территориально-политическое устройство на Балканах. Албания выводилась из договорного процесса, а урегулирование границ и "другие вопросы, касающиеся Албании", передавались на усмотрение великих держав. Правда, перспектива поживиться за ее счет никогда не упускалась из виду ее соседями. Так, 19 мая 1913 г. в Салониках была подписана греко-сербская "конфиденциальная декларация", как назывался этот документ, о разделе сфер влияния в Албании. Стороны обязались уважать особые интересы каждой из них на побережье Адриатики с разделительной линией между ними по реке Семан на юге. Однако это секретное соглашение не вступило в силу. Подписав мир с Турцией, бывшие союзники стали готовиться к выяснению отношений друг с другом на почве дележа высвобожденных из-под турецкого господства территорий.

29 июня 1913 г. началась Вторая балканская война, инициированная Болгарией и почти молниеносно ею проигранная. Подписанный 10 августа под неусыпным вниманием великих держав Бухарестский мирный договор позволил им вплотную заняться урегулированием албанских дел.

Еще на заключительном этапе войны, 29 июля Конференция послов приняла решение о статусе нарождающегося албан-

ского государства. Албания провозглашалась автономным суверенным наследственным княжеством, гарантом которого выступали шесть великих держав. Они же отвечали за соблюдение ею нейтралитета. Все формы зависимости Албании от Турции полностью отвергались. Контроль за гражданской администрацией и финансами поручался Международной контрольной комиссии (МКК), составленной из представителей шести государств-гарантов и одного делегата от Албании. Принца предполагалось назначить через шесть месяцев "или позже". До окончательного сформирования властных структур порядок в стране должен был обеспечиваться международной жандармерией из числа шведских армейских офицеров. Наряду с этим конференция обратилась к сербскому правительству "с настойчивым напоминанием" о необходимости без промедления покинуть территорию Северной и Северо-Восточной Албании.

Осенью 1913 г. после бесконечных споров и обсуждений многочисленных проектов в Албанию выехали две разграничительные комиссии, которым предстояло вынести окончательное решение по северным и южным границам. "Северная" комиссия после двух с половиной месяцев работы в сложных полевых условиях, раздираемая непримиримыми противоречиями, постановила 14 декабря сделать перерыв до 1914 г. Однако до начала первой мировой войны комиссия так и не смогла собраться. Успехи комиссии на южном направлении позволили ей прийти к согласию. 17 декабря 1913 г. во Флоренции был подписан протокол, определивший границу, которая с незначительными изменениями сохранилась до наших дней. Вне Албании осталась большая часть прибрежных районов Чамерии, населенных албанцами, а в округе Гирокастра — греческое меньшинство. Греции, почти вдвое увеличившей свою территорию по условиям Бухарестского договора, не удалось добиться присоединения Южной Албании (так называемого Северного Эпира), на что она претендовала. Так обозначилась проблема, которая почти постоянно возникала во взаимоотношениях между Грецией и Албанией на протяжении всего XX в.

Определение государственного устройства страны и ее границ проходило на фоне внутреннего хаоса на той территории, которая называлась *Албания*. Правительство Исмаила Кемали считалось лишь одной из существующих локальных властей. Все его попытки при поддержке Рима и Вены добиться признания в качестве основного не увенчивались успехом. Даже в таком сугубо процедурном вопросе, как выделение в контрольную комиссию седьмого (албанского) представителя, И. Кемали потерпел неудачу. Ему не удалось провести своего давниш-

него соратника Л. Гуракучи в противовес ставленнику "великих" – крупному феодалу и министру внутренних дел во влёрском правительстве Мюфиду Либохове.

МКК предпочла начать с нуля. Как будто не было ни движения за независимость, ни самого факта провозглашения независимости. Приступая к работе, комиссия констатировала существование нескольких "локальных властей": Временное правительство во главе с Исмаилом Кемали во Влёре; правительство "Сената Центральной Албании" во главе с генералом Эсадом Топтани; Шкодра, управляемая международными оккупационными властями под командованием британского полковника Дж. Филлипса; горные районы Великая Мальсия и Мирдита на севере, жившие по "законам гор"; никому не подчинявшиеся "автономные администрации" Лежи и Шенгина; занятые греками южные районы.

Правительство И. Кемали не признавалось де-юре, но де-факто с ним были вынуждены считаться все – и соседние албанские "правители" и международные органы. Несмотря на то что первостепенная задача состояла в завоевании международного признания, правительство действовало и по двум внутренним направлениям. Оно устанавливало контакты с северными районами, борясь за единство населенных албанцами земель, и делало попытки наладить общественно-политическую и хозяйственную жизнь районов, подпадавших под его юрисдикцию.

По поручению правительства летом 1913 г. Л. Гуракучи совершил поездку по северным районам. Будучи уроженцем тех мест – он происходил из семьи состоятельных торговцев из Шкодры, – католик по вероисповеданию, Л. Гуракучи смог убедить влиятельных вождей горских племен, среди которых имелись как его единоверцы, так и мусульмане, поддержать правительство И. Кемали. Тогда же была предпринята попытка привлечь на свою сторону Эсада Топтани, который к тому времени обосновался в своих обширных владениях в Центральной Албании. Ему предложили занять пост министра внутренних дел, на что он согласился. Приехав 1 августа во Влёру за назначением, амбициозный генерал вскоре отбыл в Дуррес, где приступил к формированию якобы правительственной, а на деле своей личной жандармерии. Одновременно он подготавливал почву для выступления при первой благоприятной возможности против И. Кемали. И такой случай вскоре представился.

Сербское правительство, поглощенное Второй балканской войной, смогло приступить к "освоению" полученных им от великих держав албанских земель лишь после подписания Бухарестского мирного договора 10 августа 1913 г. Заставить свобо-

долюбивых албанцев признать новую, чуждую им администрацию можно было только силой. Вспыхнувшее в сентябре восстание в некоторых населенных албанцами районах Косова и Македонии под лозунгами национального освобождения и воссоединения с Албанией было зверски подавлено. Более того, сербская армия стала продвигаться в глубь собственно албанской территории, стремясь установить новую "стратегическую границу". С протестами против массового уничтожения мирного населения выступили социалисты Сербии и Болгарии. Но решающую роль сыграл ультиматум, предъявленный Австро-Венгрией сербскому правительству 18 октября 1913 г. Угроза принятия "необходимых мер" в целях недопущения изменения границ Албании в пользу Сербии заставила сербское правительство отступить и начать вывод войск с захваченных территорий.

Сентябрьские события вдохновили Э. Топтани на серию сепаратистских действий. К моменту прибытия в Албанию МКК в октябре 1913 г. он составил список требований к правительствам великих держав, согласно которым в категорической форме предлагалось перенести столицу Албании в Дуррес и отправить в отставку И. Кемали. Себя он видел на посту нового премьера. Не дожидаясь согласия МКК, Э. Топтани на собрании своих сторонников заявил о разрыве с Влёрой и о создании возглавленного им "Сената Центральной Албании" с правительственными функциями. Борьба за смещение И. Кемали вступила в решающую фазу.

Влёрское правительство, занятое проблемой признания независимости Албании, не смогло укрепить свои позиции внутри контролируемой им территории, границы которой неумолимо сужались. Лозунг борьбы против средневековья не вышел за рамки благих пожеланий. Когда И. Кемали только шел к власти, в его воображении Албания рисовалась разделенной на кантоны подобно Швейцарии. Но его соратники высказались категорически против этой идеи, ведущей к закреплению региональной разобщенности. Он согласился с ними, и 22 ноября 1913 г. увидело свет "Временное положение о гражданской администрации Албании", согласно которому предполагалось деление на префектуры, супрефектуры, области. Власть префектов ограничивалась генеральными советами, четверть членов которых назначалась из числа "крупных собственников, промышленников и образованных людей", а остальные избирались. Энергичный министр образования Л. Гуракучи начал осуществлять на практике то, за что боролись идеологи албанского Возрождения: создавалась сеть общеобразовательных школ с преподаванием на албанском языке, велась просветительская работа среди широких кругов населения, албанский

язык объявлялся обязательным для всех ветвей государственной администрации. Упразднялись шариатские суды, замененные светской судебной системой. Задаче привлечения денежных средств на восстановление и развитие народного хозяйства отвечало создание Национального банка. Концессию на его организацию получила в середине 1913 г. банковская группа во главе с австрийским "Винер Банкферайн" и итальянским "Банко коммерчале итальяно".

Ни одно из этих начинаний не было доведено до конца. Решение Конференции послов о придании Албании статуса наследственной монархии выбило почву из-под ног И. Кемали. Не признанное никем правительство не имело голоса в процессе выбора князя, однако рассчитывало на то, что его заслуги зачтутся при формировании новой администрации. Поэтому даже после получения сообщения о решении великих держав предложить албанскую корону князю Вильгельму Виду И. Кемали не снизил активности. Но некоторые из таких его акций, как поддержка проекта албано-болгаро-турецкого союза или планов воссоединения Косова и Чамерии с Албанией, подорвали его авторитет в МКК. Члены комиссии не без основания заподозрили И. Кемали в благожелательном отношении к кандидатуре мусульманского претендента на албанский престол и даже в попытке заговора против МКК с целью отстранить ее от албанских дел. Дни И. Кемали на посту главы правительства были сочтены.

После непродолжительных согласований его пригласили на заседание МКК, на котором было принято решение об отставке Временного правительства во Влёре и о передаче управления в руки МКК. В официальном сообщении, датированном 22 января 1914 г., говорилось, что "председатель Временного правительства, будучи убежденным в том, что единственным средством к прекращению состояния смуты и анархии, царящих в стране, является конституирование единого правительства для всей Албании и что в настоящих условиях этого можно достичь только передачей власти в руки Международной контрольной комиссии, представляющей великие державы, возобновляет свою просьбу, с которой он уже обращался". В заключение отмечалось, что члены комиссии, "отдав должное патриотическим чувствам Его Превосходительства Исмаила Кемальбея", согласились с ним. Так завершились 400 дней правления первого правительства независимой Албании.

Комиссии осталось уговорить сделать такой же "патриотический шаг" постоянного оппонента И. Кемали, главу "Сената Центральной Албании" Э. Топтани, но этого удалось добиться лишь 30 января, причем он выговорил себе в качестве предварительных условий пост главы делегации, приглашающей

В. Вида на албанский престол, престижное место в новой администрации, невмешательство МКК во внутренние дела его "государства" вплоть до прибытия княжеской четы и формирования правительства. Только после получения соответствующих гарантий Топтани согласился официально сложить свои полномочия 12 февраля в Дурресе в присутствии всех представителей великих держав.

Албанская государственность под угрозой гибели

Первым албанским монархом в XX в. стал 35-летний капитан прусской армии, близкий родственник германского императора Вильгельма II и племянник румынской королевы Елизаветы, князь Вильгельм Вид. Он был выбран из большого числа претендентов на албанский престол "шестеркой великих" по представлению австрийского и итальянского правительств. В то время, когда МКК разбиралась с многочисленными жалобами на злоупотребления местных властей, сыпавшимися со всех концов Албании, и вырабатывала планы того, как заставить И. Кемали и Э. Топтани без кровопролития "добровольно" отказаться от власти, новоиспеченного албанского монарха мучили сомнения. Два с лишним месяца понадобилось гарантам албанской независимости, в первую очередь венскому императорскому двору, чтобы уговорить его принять корону.

Смутные времена, наступившие в Албании, могли внушить опасения своей непредсказуемостью даже коренному жителю, не говоря уже о представителе знатного европейского рода, привыкшему к благополучной размеренной жизни германской провинции. После того как владетельный князь Нойвида стал офицером генштаба, обзавелся семьей и детьми и его жизнь пошла по пути, накатанному не одним поколением предков, он не мог и представить себе, что судьба может так неожиданно вырвать его из привычной среды. Российский делегат в МКК А.М. Петряев так описывал ситуацию в Албании в январе 1914 г.: "Число самозванных правителей здесь увеличивается с каждым днем. Всякий набравший шайку в несколько вооруженных лиц провозглашает себя правителем до тех пор, пока его не сменит другой, более сильный. Беспристрастные наблюдатели из албанцев говорят о временах турецкого управления как о чем-то совершенном в сравнении с теперешнею анархией".

Неурегулированные границы албанского государства вызывали у его соседей соблазн воспользоваться этим и удовле-

творить свои территориальные амбиции. Не на последнем месте были и соображения материального свойства. Княжество Нойвид, славившееся разве что великолепными охотничьими угодьями, не относилось к числу крупных и богатых германских земель, поэтому естественным желанием В. Вида стало получение подобающего ему как монарху денежного обеспечения. Правительства шести держав согласились и на это. 6 февраля 1914 г. он обратился к послам Франции, Великобритании и России в Берлине с сообщением, что послы Австро-Венгрии и Италии известили его о немедленном предоставлении в его личное распоряжение одним из австро-венгерских банков и одним из итальянских под гарантии соответствующих правительств аванса в 10 млн фр. в счет общей суммы в 75 млн фр. на нужды албанского правительства. Выразив уверенность, что и другие великие державы присоединятся к двум вышеупомянутым, князь подытожил: "Доводя все изложенное до вашего сведения, я имею честь объявить о своем решении восшествовать на трон Албании и отправиться туда в скором времени".

Въезд в Албанию монарха был обставлен с большой пышностью. 7 марта 1914 г. В. Вид и его супруга София прибыли в Дуррес на военном австрийском корабле, эскортируемом судами итальянского, британского и французского флотов. Всю дорогу от Нойвида до Дурреса княжескую чету сопровождала албанская делегация во главе с Э. Топтани. Казавшийся на голову выше субтильного Вида, одетый в парадный мундир турецкого генерала Эсад-паша всем своим поведением подчеркивал, что именно он привез монарха. В порту их встречала в полном составе МКК, специально прибывшая из Влёры. Новое государство и его главу признали как основные европейские, так и все балканские государства.

Назначенное Вильгельмом I (так официально стал называться первый албанский государь) правительство мало отличалось по социальному составу от того, какое было у И. Кемали — все те же бывшие чиновники османской империи и представители албанской феодальной знати. Премьер-министром стал Турхан-паша Пермети, до этого несколько лет занимавший пост посла Блистательной Порты в Санкт-Петербурге. Один из его современников, видный албанский общественно-политический деятель Сейфи Вламаси писал в воспоминаниях, что блестящий собеседник и полиглот Турхан-паша был обязан своим назначением русскому царю. Вряд ли это утверждение соответствовало действительности, поскольку преобладающим влиянием в Албании пользовалась Австро-Венгрия. Впрочем это не имело большого значения. Выбор на пост премьера царедворца, с пренебрежением относившегося к албанскому народу как

к стаду баранов, был столь же нелогичен, как и другие назначения. Ключевые позиции — посты военного министра и министра внутренних дел — получил Э. Топтани, деятельность которого направлялась скорее на подрыв обороноспособности страны, ибо всю силу своей энергии он использовал на дискредитацию монарха и на завоевание личной власти. Министром труда стал наследственный глава Мирдиты Пренк Биб Дода, а министром юстиции — Мюфид Либохова, оба из правительства Исмаила Кемали. Всего в кабинет министров вошли шесть пашей и беев, двое православных из числа состоятельных горожан (министры финансов и культов), а также лидер косовского ирредентистского движения Хасан Приштина (министр почт и телеграфа).

Вслед за прибытием монарха и формированием правительства последовало дарование Албании первой конституции, разработанной в недрах МКК. "Органический статут Албании", датированный 10 апреля 1914 г., состоял из 17 глав и 216 статей. Албания провозглашалась суверенным, конституционным, наследственным княжеством под гарантией шести великих держав. Они же выступали гарантами границ "неделимой Албании" и ее нейтралитета. Специально оговаривалось право предпринимать меры самозащиты в случае угрозы территориальной целостности страны, хотя армии как таковой по конституции не предусматривалось. Вооруженные силы состояли из жандармерии, руководимой голландскими офицерами, и милиции, набираемой в поддержку действий жандармерии по указу князя из местных жителей, призванных обеспечить общественный порядок.

Законодательным органом являлась национальная ассамблея, в которую входили главы официально признанных конфессий (мусульман, католиков, православных, бекташей), верховный комиссар Национального албанского банка, а также избранные косвенным голосованием депутаты с мест и назначенные непосредственно князем. Сохранялись турецкие названия административных единиц (санджаки, нахии, казы), унифицировались различные категории собственности, признававшиеся османским законодательством. Официальным языком стал считаться албанский.

Несмотря на международно-правовое признание независимости Албании, в статуте содержались положения, ущемлявшие ее суверенитет. Так, вопреки решительным возражениям албанского представителя в МКК продолжал действовать режим капитуляций, ставивший албанских граждан в неравноправное положение по отношению к иностранцам. На бумаге князь наделялся обширными полномочиями, но на деле его власть не распространялась за пределы Дурреса, а нали-

чие МКК создавало положение двоевластия. В. Вид был лишен возможности самостоятельных действий даже в рамках, определенных статутом. Но иначе и быть не могло. В Албании сложилась уникальная ситуация. Ни в одной балканской стране, обретшей независимость, не существовало такого положения, когда вся система власти жестко навязывалась извне, даже без формального обращения к воле "облагодетельствованного" народа. МКК, наделенная лишь контрольными функциями, на практике принимала решения за князя и за его правительство.

Весной 1914 г. обострился вопрос о выводе греческих войск с юга страны. Греческое правительство отказывалось выполнить международные обязательства по освобождению оккупированных албанских территорий под тем предлогом, что оно не могло оказать влияния на власти самопровозглашенной в начале марта того же года в Гирокастре "Автономной республики Северный Эпир", во главе которой стоял бывший министр иностранных дел Греции Г. Зографос. Более того, при непосредственном участии греческих солдат и офицеров 2 апреля в целях расширения границ "автономии" был инспирирован антиалбанский путч в Корче. Ликвидировали мятеж отряд албанской жандармерии и корпус добровольцев, сформированный из крестьян окрестных сел уроженцем этих мест видным деятелем освободительного движения Темистокли Гермени. Борьба вокруг вопроса об автономии захваченных греками районов была перенесена на международную арену.

Попытки князя Вида разрядить ситуацию путем непосредственных переговоров с Зографосом потерпели неудачу. Греки сыграли на противоречиях между членами МКК. Страны Антанты и Тройственного союза, представленные в комиссии равным числом делегатов, стремились привлечь Грецию на свою сторону в преддверии надвигающегося столкновения. Проавстрийски настроенный князь Вид мог склонить чашу весов в пользу Центральных держав, а поэтому его полностью исключили из переговорного процесса, начавшегося 10 мая на греческом острове Корфу. Длившиеся неделю дебаты завершились подписанием протокола между членами МКК и представителями эпиротов — "председателем Временного правительства", которое так и не смогло стать постоянным, Г. Зографосом и "министром иностранных дел" А. Карапаносом. Двум южным провинциям, Корче и Гирокастре, предоставлялась ограниченная автономия в рамках Албании. Таким образом, МКК сама нарушила принятый ею месяцем ранее "Органический статут", создав государство в государстве. Князь не мог *общаться с подведомственной ему территорией без согласия* МКК или минуя ее.

Корфуский протокол должен был вступить в силу после его ратификации албанским и северо-эпирским правительствами, а также великими державами. Известие о содержании протокола всколыхнуло албанское общество. Началась борьба против его ратификации, что не могло не встретить понимания в княжеской администрации. Однако после решительного давления, оказанного на него представителями великих держав, князь Вид уступил, и 23 июня албанское правительство ратифицировало протокол, высказав надежду, что после этого вооруженным действиям будет положен конец. Эпироты тем не менее оружия не сложили.

6 июля 1914 г. в Дельвине состоялся "панэпирский конгресс", которому предстояло ратифицировать Корфуский протокол. Присутствовавшие потребовали от МКК пересмотреть ряд пунктов соглашения, чтобы в перспективе узаконить полное отделение спорных территорий от Албании. В то же время в прямое нарушение достигнутых договоренностей регулярные части греческой армии при поддержке так называемых "священных дружин", сформированных из радикально настроенных греков-националистов, перешли границу автономной зоны и начали марш на север. Население в панике бежало в направлении Влёры. Обосновавшиеся на подступах к городу в оливковых рощах люди напрасно ожидали продовольственной помощи от дурресского правительства. Собственных средств у него и у МКК было явно недостаточно, а занятая своими проблемами Европа не спешила раскошелиться. Ведь к этому времени уже прозвучали выстрелы в Сараево. Призывы к организациям Красного Креста также не всегда достигали цели. "Все сведения, получаемые нами и основанные на рассказах очевидцев, — писал в те дни из Влёры А.М. Петряев, — рисуют картину систематического истребления и разорения мусульманского населения. Всюду, где прошли до сих пор эпироты, они оставили сожженные мусульманские села и перебитое население, которое не успело спастись бегством".

В середине мая развернулись события в Центральной Албании, которые в еще большей степени, чем действия греческих сепаратистов, подорвали власть Вида. В небольшом городе Шияк, расположенном на полпути из Тираны в Дуррес, началось крестьянское восстание. В основе своей оно было вызвано социальными причинами — подневольным трудом в условиях феодальных порядков, процветавших в албанской деревне. Неимущие крестьяне, несколько поколений которых пребывали в нищете на помещичьих землях, не только не увидели изменений к лучшему в своем бесправном существовании после воцарения Вида, но почувствовали новую опасность. Иноверец, он не только призвал в свое правительство

ненавистных им пашей и беев, но и покушался на религиозные (мусульманские) устои. На первых порах повстанцы требовали устранения из правительства помещиков, уважения к мусульманской религии и материального поощрения религиозных служителей.

Э. Топтани использовал эти настроения и привлек на свою сторону часть крестьянских вождей, обещав им землю и освобождение от налогов. В правительстве и при дворе началась паника. Отряды жандармерии и горцев из Мирдиты двинулись против крестьянского ополчения. Они заняли Шияк и собрались было выступить в направлении Тираны, как неожиданно остановились. По свидетельствам очевидцев, горцы были за ночь распропагандированы повстанцами. "Нас пригласили защищать Вида, а не воевать", — заявили они командующему правительственными войсками и отошли к Дурресу, остановившись на оборонительных рубежах около города.

Княгиня София и голландские советники убедили Вида в лицемерии Эсада, и тогда князь пошел на решительные действия. 19 мая отряды жандармерии окружили дом вероломного паши в Дурресе, заставили его сдаться, а затем переправили в итальянскую дипломатическую миссию, которая обеспечила ему выезд. По прибытии в Рим Эсад был встречен как герой, пострадавший из-за происков австрийцев. Неожиданное изгнание повысило его авторитет и среди повстанцев, которые в отсутствие вождя пошли на штурм Тираны под лозунгами отречения Вида и призвания на престол турецкого принца.

28 мая окончательно деморализованный князь объявил о сформировании нового правительства во главе со все тем же Турхан-пашой Пермети, но уже без Э. Топтани. Персональный состав кабинета слегка изменился, но социальный — остался прежним. Первое заседание принесло новое огорчение Виду: министры не одобрили меры, принятые против Эсада.

Тем временем крестьянское восстание продолжало шириться, охватывая новые районы страны. Определились руководящее ядро и его цели. 3 июня в Шияку состоялось собрание, на котором был сформирован Генеральный совет движения во главе с помещиком-туркофилом Мустафой Ндроки и принята политическая программа. Его заместителем стал младотурок майор турецкой армии Дженаби Адили, а главнокомандующим — Кямиль Хаджифеза. Протурецкие настроения верхушки маскировались борьбой за мусульманскую веру, что должно было способствовать приглушению социальной направленности выступлений крестьян. Поэтому, не выдвигая гласно на этом этапе непопулярный в массах лозунг воссоединения с Турцией, руководство тем не менее делало все для того, чтобы

постепенно подвести к осознанию его неизбежности. Так, политическая программа, посланная в МКК, содержала следующие требования: отречение Вида, введение в МКК турецкого представителя и перевод албанской письменности на арабский алфавит. Собравшиеся приняли решение направить делегацию в Стамбул, чтобы пригласить на албанский престол Бурханэддина, сына султана Хамида.

Пока в Шияку заседало руководство движения, крестьяне захватили зернохранилище в поместье беев Топтани. Генсовет, отвлекая их от решения экономических проблем методами экспроприации, направил их энергию на осуществление военных задач. Заняв почти всю Центральную Албанию (за исключением Дурреса, который не удалось взять штурмом), повстанцы направились на юг. Все новые и новые силы вливались в их отряды, когда они овладевали Люшней, Фиером, Бератом. Натолкнувшись на отряды эпиротов, захвативших Корчу, они пошли на Влёру.

Из-за рубежа к старейшинам Влёры обратился Исмаил Кемали с призывом договориться с повстанцами, но при условии, что в городе будет сохранен национальный флаг "как единственно оставшийся символ независимости, без чего страна попадет в качестве трофея в руки соседей". Соответствующее обязательство было дано Хаджифезой, но когда в город вошли члены генсовета, то во Влёре, как и в других городах, национальный флаг уступил место турецкому. Это произошло 1 сентября 1914 г. К тому времени война в Европе стала свершившимся фактом.

Осажденный в Дурресе князь Вид в последние дни августа напрасно просил у своих гарантов выделить международный контингент войск для личной защиты. Даже кайзер Вильгельм II стал склоняться к тому, чтобы заменить "тряпку" Вида на крепкого мусульманского правителя.

Шаткие позиции первого албанского монарха внутри страны осложнились потерей его последнего козыря — доверия Австрии. В первых числах августа австрийский министр иностранных дел Л. Берхтольд обратился к Виду с призывом "встать во главе албанцев и выступить против Сербии", не приняв во внимание, что даже для чисто символического жеста у того не было ни сил, ни средств. Министр соблазнял монарха перспективой роста авторитета и популярности в народе, если он выразит "живейшее желание добиться воссоединения Косова". Одно это должно было бы сплотить всех албанцев против традиционного врага. Вид не внял увещеваниям Берхтольда, что лишило его расположения высокого покровителя. "Князь Вид отныне не представляет никакого интереса для политики Австро-Венгрии", — констатировали в австрийском ми-

нистерстве иностранных дел. Берхтольд незамедлительно договорился со своим итальянским коллегой не выделять Виду обещанных ранее 75 млн фр. Этот последний удар, нанесенный в то время, когда великие державы перешли от языка ультиматумов к языку пушек, решил судьбу Вида. Иностранные военные, а он носил в то время звание майора прусской армии, должны были возвратиться к месту службы.

3 сентября 1914 г. князь Вид отбыл в Германию. Российская печать того времени, обыгрывая его фамилию и итальянскую транскрипцию города Дурреса (Дураццо), писала, что у князя был "дурацкий вид". Перед отъездом он выступил с обращением к албанцам. В нем говорилось об искренности его желания помочь "отважной и благородной нации" в ее патриотическом стремлении наладить жизнь в стране. Но началась война в Европе. "В этих обстоятельствах, — заключал он, — я решил уехать на какое-то время на Запад, дабы не оставить незавершенным дело, которому я готов посвятить все мои силы и всю мою жизнь. Но я хочу, чтобы вы знали, что и вдали, так же как и рядом с вами, я не перестану думать о прогрессе вашей благородной и родной вам страны".

Вид не говорил об отречении, сохраняя за собой право когда-нибудь вернуться в Албанию. Однако этого не произошло. В мемуарах он указал причины своей неудачи. Их было более десятка: отсутствие армии, двоевластие, соперничество держав, покушение соседей на целостность страны, крестьянское восстание, поощрение Эсада со стороны МКК, потеря Косова и Чамерии и т.п. Исследователи добавляют еще столько же, но более общего характера: экономическая отсталость, позднее вхождение в семью независимых балканских государств, религиозная неоднородность, тесная связь албанской элиты с османской и многое другое. Главное же сводилось к тому, что потерпела сокрушительное поражение попытка великих держав навязать свою волю албанскому народу, игнорируя его национальные и духовные особенности, исторический путь, пройденный им в борьбе за независимость. Своим воцарением на чуждый ему албанский престол Вильгельм Вид прервал процесс, начатый народом во главе с правительством Исмаила Кемали в ноябре 1912 г.

Театр военных действий в нейтральной стране

Важность установления контроля над Балканами в начавшейся мировой войне была несомненной. Однако ни одна из противостоящих друг другу коалиций не могла на это рассчитывать с

полной уверенностью. Сами балканские страны, за исключением Сербии и Черногории, не определили свои предпочтения и объявили себя нейтральными. Они, так же как и Италия, одна из наиболее ангажированных в Албании держав, решили подождать до того момента, когда военные действия позволят яснее определить обстановку и в зависимости от этого сделать окончательный выбор.

Тем временем в Албании воцарилась полная анархия. Вся территория страны, зажатая между оккупационными зонами Греции и Сербии, оказалась захваченной крестьянскими повстанцами. Несколько в стороне от бурных событий в Центральной Албании держалась Шкодра, старейшины которой сформировали новый административный совет города. Фактическую независимость традиционно сохраняла Мирдита.

Для Италии закрепление на Адриатическом побережье Албании имело первостепенное стратегическое значение, и поэтому в правительственных кругах приняли решение ввести в игру Эсада Топтани. Уже во второй половине августа он покинул гостеприимные Апеннины и стал постепенно, кружным путем, перебираться поближе к конечной цели — к Дурресу. Его маршрут пролег через Афины к Нишу, куда сербское правительство переехало после начала военных действий. Там 17 сентября 1914 г. был подписан договор, статья 1 которого начиналась словами: "Сербия и Албания заключают между собою вечный мир и полны решимости жить в дружбе". Далее шли статьи, в которых в общих чертах говорилось о том, как Сербия намеревалась помочь албанцам в создании правительства, законодательных и исполнительных органов и т.п. Для обеспечения ввода в действие этого договора, отмечалось в статье 12, "Сербия обязуется выделять ежемесячно 50 000 динаров вплоть до образования правительства". И хотя под текстом этого договора, разработанного в Министерстве иностранных дел Сербии, стояла лишь одна подпись — Э. Топтани, деньги были незамедлительно выделены, за счет чего он смог набрать наемников из Дибры.

Крестьянское ополчение не могло противостоять отрядам Эсада, и 2 октября он вступил в Дуррес. Провозгласив себя главой генсовета, который снова получил название Сената Центральной Албании, Э. Топтани сразу же объявил о своих симпатиях к Антанте. К тому времени правительства Центральных держав заручились согласием Турции на вступление в их коалицию, и венский двор, обуреваемый желанием создать в Албании плацдарм для нападения на Сербию, изменил свои религиозные симпатии в пользу ислама. Это обстоятельство заставило Э. Топтани, в свою очередь, превратиться из сторонника приглашения в Албанию мусульманского монар-

ха в противника этой идеи. Точнее, единственным мусульманским кандидатом на роль правителя Албании он видел только себя. Повстанцы, прощавшие ему — паше и богатейшему помещику — принадлежность к ненавистному им социальному слою угнетателей лишь потому, что он выступал под мусульманскими знаменами, в конце концов отвернулись от него. Сделав ставку исключительно на силу, Эсад перешел к открытому террору против своих недавних сторонников. Большинству членов генсовета удалось бежать, а К. Хаджифеза был взят в плен, затем освобожден, затем снова арестован и, наконец, казнен.

Эсад занял дворец Вида в Дурресе, направил наместников в Эльбасан и Берат, начал переговоры с Пренком Биб Додой, установившим контроль над Шкодрой. "Он считает себя хозяином Албании, — писал итальянский консул в Дурресе Р. Пьячентини своему министру иностранных дел С. Соннино, — но не является таковым. За ним молчаливо следят и враги и друзья, выжидая дальнейшего развития событий. Он демонстрирует дружеские чувства в отношении Италии и надеется на нее".

2 ноября 1914 г. Турция вступила в войну на стороне Центральных держав, и султан объявил "священную войну" против врагов ислама. Крестьянское движение получило дополнительный импульс. Началась вооруженная борьба против Эсада, во главе которой встал зажиточный крестьянин из окрестностей Тираны, 38-й летний Хаджи Кямили. Разгромив одно из имений Эсада, он пошел на Тирану, заставив сдаться местный гарнизон. Вскоре вся Центральная Албания оказалась под властью повстанцев. 16 декабря на заседании своего правительства — Нового совета — Хаджи Кямили объявил о свержении Эсада и об объединении с Турцией.

Относительная легкость, с которой вооруженным допотопными ружьями крестьянам удалось овладеть почти всей страной, объяснялась тем, что и местные гарнизоны могли им противопоставить точно такие же примитивные средства. Достаточно сказать, что город Берат, неоднократно переходивший из рук в руки, подвергаясь атакам и крестьян и греков, держал оборону с помощью военно-морских артиллерийских орудий, переданных в начале XIX в. адмиралом Нельсоном правителю Южной Албании янинскому паше Али Тепелене. Кроме того, успеху Хаджи Кямили способствовало также то, что он отменил взимание одной трети урожая в пользу помещиков, а также начал делить их земли между крестьянами.

Блокированный в Дурресе Эсад спешно искал поддержки извне. Еще тогда, когда крестьянское восстание набирало силу, в самом начале декабря, он думал обратиться к сербскому пра-

вительству с просьбой направить войска в Эльбасан, чтобы тот не достался повстанцам. Такие слухи дошли до Соннино из сербских дипломатических источников, но итальянские представители в Дурресе их опровергли. Эсад просил о помощи Италию, и в Риме стали рассматривать способы вмешательства в албанские дела. "Оккупация Валоны (итальянское название Влёры. — *Н.С.*) — вот что сейчас сможет наилучшим способом продемонстрировать, что в Албании мы являемся наиболее заинтересованной страной и не допустим, чтобы там что-либо произошло без нашего ведома", — писал, обращаясь к Соннино, итальянский посол во Франции Т. Титтони.

После соответствующего согласования в столицах Антанты итальянское правительство приняло решение о высадке итальянских войск во Влёре. Подготовка к этой акции велась с начала декабря. 20 декабря 1914 г. Эсад от имени сената Дурреса послал приглашение итальянцам, обещав поддержать их всеми имеющимися силами. 25 декабря высадка во Влёре состоялась без каких-либо инцидентов. Однако это не удовлетворило Эсада, и он продолжал настаивать на более весомых формах помощи, а именно на введении сухопутных войск непосредственно в Дуррес. Соннино разъяснил своим представителям в Албании, что "Эсаду будет оказываться помощь оружием, и, может быть, деньгами, но в минимальном размере, чтобы у него не угасло желание быть нам благодарным". Кроме того, для поддержания его морального духа на рейде стоял военный корабль "Мизурата" на случай вынужденного бегства из города. Такое зыбкое равновесие сохранялось всю зиму.

Эсада в то время спасало то, что в руководстве повстанцев возникли разногласия по поводу конечных целей и задач их движения. Часть вождей считали, что после изгнания Эсада необходимо реставрировать режим Вида. Другие же, которых было большинство, называли такие планы предательскими. Они видели будущее Албании в составе Турции. Сам Хаджи Кямили придерживался необходимости возвращения в лоно исламского государства, но, как приверженец одной из нищенствующих мусульманских сект (мелами), проповедовал отказ от богатства и выступал за перераспределение "излишков" между бедняками, сиротами и калеками. Австрийский дипломат, объясняя истоки популярности Хаджи Кямили, сравнивал его с вождем мексиканских крестьян Панчо Вильей, имя которого гремело по всему миру. Соотечественники относились к Х. Кямили более критично. Одни называли его безумцем, а другие, оценивая возможности всех крестьянских лидеров в целом, утверждали, как это, в частности, делала выходившая в Шкодре газета *"Популы"* ("Народ"), что *"с чабанами и деревенскими* пастухами государства не построить".

В мае 1915 г., когда угроза сербского вторжения стала реальностью, Хаджи Кямили избрали главнокомандующим повстанческой армии. Тогда политические разногласия отошли на второй план, и движение снова стало единым. Но дни его были сочтены. 2 июня сербские войска начали наступление в Центральной Албании. Формальным предлогом выдвигалась необходимость уничтожения турецкого (мусульманского) анклава. 11 июня сербы вступили в Тирану, а через два дня подошли к Дурресу. Только резкий протест итальянского правительства спас город от оккупации. Сербы ограничились вызволением Эсада из полугодовой блокады, но этим они не удовлетворились и вместе с карателями "правителя Албании" стали охотиться не только за участниками крестьянского движения, но и патриотически настроенными горожанами, видевшими в них противников албанской независимости. Хаджи Кямили и 40 его сторонников попали под чрезвычайный трибунал и по его приговору подверглись публичной казни. Многие были убиты без суда и следствия.

Драматические события в Центральной Албании развертывались на фоне разгоравшегося пожара мировой войны. 23 мая 1915 г. вступила в войну на стороне Антанты Италия. Этому решению предшествовали длительные переговоры, завершившиеся подписанием 26 апреля в Лондоне секретного договора между Италией и державами Тройственного согласия. Одним из условий перехода Италии в стан Антанты стало обещание получить "в полное суверенное владение Валону (Влёру), остров Сасено (Сазани) и территорию, достаточно обширную, чтобы обеспечить защиту этих пунктов". Небольшой островок Сазани как бы охраняет вход в бухту, являясь немаловажным стратегическим дополнением того комплекса, который получил в Италии название "Гибралтара Адриатики".

Осуществление итальянских планов в Адриатике маскировалось необходимостью защиты восточных границ государства. Достижения этой цели предполагалось добиться путем создания одного оборонительного и одного стратегического центра. Первым являлась Венеция, а вторым — находившаяся под австрийским господством Пула, которая при условии владения албанским портом Влёра ставила адриатический бассейн под абсолютный итальянский контроль и полностью блокировала на континенте Австро-Венгрию, главного в тот период соперника Италии на Балканах.

Под протекторат Италии попадало "небольшое автономное нейтральное государство", которое предполагалось создать в Центральной Албании. Ее северные и южные районы могли быть разделены между Черногорией, Сербией и Грецией, "если таково желание Франции, Великобритании и России".

Таким образом секретный договор 1915 г. ликвидировал решения Лондонской конференции послов 1913 г. о гарантии и защите великими державами независимости и целостности албанского государства. Оно просто переставало существовать в случае осуществления этих планов.

Вступление Италии в войну и действия Сербии в Центральной Албании вдохновили Черногорию на оккупацию албанского севера. 27 июня им удалось захватить только Шкодру, но сопротивления горцев Великой Мальсии они не преодолели ни тогда, ни в следующие шесть месяцев оккупации города.

Относительное летнее затишье прервалось глубокой осенью 1915 г. наступлением австро-венгерской армии против Сербии и Черногории. В ночь с 13 и 14 октября выступила против Сербии Болгария. В Албании сербы и черногорцы оказались зажатыми между австро-венгерскими и болгарскими войсками. Не получив своевременной помощи от находившейся в Греции Восточной армии Антанты, сербские войска стали отступать несколькими колоннами через Албанию к Адриатическому морю, потеряв половину своего состава. В этом изнурительном переходе едва не погиб наследник сербского престола, будущий король Югославии Александр. На побережье в портах Шенгини, Дуррес и Влёра остатки армии были погружены на военные корабли союзников и через Корфу доставлены на Салоникский фронт. Черногория вышла из кровавой игры в январе 1916 г., капитулировав перед Австро-Венгрией.

В начале февраля 1916 г., спасаясь от наступавшей австро-венгерской армии, бежал из Дурреса в одно время с сербами Эсад Топтани. Он искал прибежище в Италии, но там ему не простили заигрываний с сербами, и он был вынужден уехать во Францию. Через несколько месяцев, в августе того же года, Эсад объявился в Салониках, торжественно встреченный главнокомандующим Восточной армии Антанты французским генералом Морисом Саррайлем. В тот момент он настолько проникся значимостью своей персоны, что смог позволить себе покровительственный жест в отношении присутствовавшего на приеме наследника сербского престола Александра: подвез того до резиденции на своем автомобиле. На антантовские деньги Эсад сформировал батальон из албанских наемников во главе с Халитом Лэши, представителем влиятельного в Албании рода байрактаров из Дибры, который числился майором французской армии. Неизвестно, в каких военных операциях участвовал сам Эсад и участвовал ли вообще. По свидетельствам современников, он в основном занимался подготовкой к возвращению в Албанию, сформировав из своих приверженцев в Салониках временное правительство.

Австро-венгерские войска оккупировали почти всю Центральную Албанию. В Эльбасане они встретились с союзной болгарской армией, наступавшей из Македонии. На юго-востоке разграничение с оккупационной зоной пока еще нейтральной Греции шло по линии Поградец-Берат, а на юге — по нижнему течению Вьосы — с укрепившимися во Влёре итальянцами. Позиции враждующих армий оставались в этой части Албании практически неизменными вплоть до окончания войны. Перемещения шли внутри каждой из оккупационных зон. Так, болгары уступили австрийцам территорию от Эльбасана до Охрида, а когда в результате внутриполитической борьбы в Греции создалась угроза ее выступления на стороне Центральных держав, то итальянские и французские войска вытеснили греков из большей части Южной Албании.

Оккупационные власти обеих коалиций старались потакать национальным чувствам албанцев, чтобы обеспечить тылы своих армий, занятых военными действиями на других, более важных фронтах. Австро-венгерское командование разрешило вывешивать национальные флаги, открывало школы с преподаванием на албанском языке, вверяло албанским чиновникам местные органы самоуправления, но под своим жестким контролем. Центральный административный аппарат, включавший в себя управления по делам финансов, образования и юстиции, разместился в Шкодре. В Вене издавалась и распространялась по всей Албании газета "Влазния" ("Братство"), которая занималась пропагандой якобы благотворной роли, которую играла Австрия в качестве защитницы албанцев от враждебной деятельности итальянцев и сербов. Уже в годы войны расширилась надолго сохранившаяся практика посылки албанской молодежи в австрийские учебные заведения.

Наибольшую известность среди австрийских стипендиатов того времени получил будущий "король албанцев", выходец из влиятельного рода байрактаров области Мати, Ахмет Зогу (1895—1961). Отправленный в Стамбул в восьмилетнем возрасте, он прошел через все ступени обучения воинскому мастерству — от специализированного лицея до военной академии. В поле зрения австрийской дипломатии он попал в первые месяцы оккупации Шкодры войсками Габсбургской империи. Вместе с другими представителями знатных семей Северной Албании А. Зогу был приглашен в ноябре 1916 г. в Вену на коронацию императора Карла I, где и оставался в течение двух лет до ноября 1918 г., изучая военное искусство и основы западноевропейского парламентаризма, как сообщали его биографы.

Оккупационные власти стран Антанты в Южной Албании, движимые желанием создать зону спокойствия в тылу своей

Восточной армии, также прибегали к методам поощрения национальных чувств албанцев, их стремления к независимости. Наибольшую известность и громкий резонанс в Европе получила история создания так называемой Автономной провинции Корчи, просуществовавшей немногим более года — с 10 декабря 1916 г. по 16 февраля 1918 г.

Когда осенью 1916 г. французские войска вытеснили из Корчи и ее окрестностей греков, командующий округом полковник А. Декуэн подписал с представителями области протокол, который провозглашал создание автономной области, "управляемой албанскими должностными лицами под защитой французских военных властей". Впоследствии он обосновывал целесообразность именно такого решения следующими соображениями: "Мы просто должны были сделать для местного населения больше, чем делали до сих пор, а именно предпринять нечто такое, что могло бы окончательно привязать к нам албанское население. С провозглашением независимости Корчи новое государство будет с нами, а это позволит нам контролировать обширное оперативное пространство, используя минимальное число французских военных". Об этом же сообщал в Париж и тогдашний главнокомандующий Восточной армии генерал М. Саррайль: "Корча хотела быть независимой, и она таковой стала. Отныне в этой области воцарилось спокойствие".

Управление автономией осуществлялось административным советом из 14 членов (поровну христиан и мусульман), каждый из которых в течение месяца по очереди выполнял функции главы республики. Государственным флагом объявлялся "традиционный штандарт Скандербега с лентой цветов Франции", а официальным языком — албанский. Была выпущена даже почтовая марка с надписью на албанском языке: "Корча — Албанская автономия". Открылись упраздненные греческими оккупантами албанские школы. В пределах области создавались мобильные отряды албанской жандармерии. Руководитель местных повстанческих отрядов Т. Гермени стал префектом полиции. Албанские патриоты смогли использовать возможности, которые предоставляли им французские военные власти, для приобретения навыков администрирования. Однако идиллия в албано-французских отношениях продолжалась недолго. После вступления Греции в войну на стороне Антанты союзники начали больше прислушиваться к выдвигаемым Грецией территориальным претензиям на Балканах в целом и к Албании в частности. Автономные права Корчинской республики стали урезаться, а против наиболее известных сторонников независимости начались преследования. Так, в октябре 1917 г. по сфабрикованному греческими секретными агентами обвине-

нию в контактах с австрийскими и болгарскими агентами был осужден военным судом в Салониках и расстрелян Т. Гермени. 16 февраля 1918 г. постановлением командующего одной из французских оперативных зон в Албании генерала Салля протокол от 10 декабря 1916 г. был аннулирован, автономия упразднялась, а вся полнота власти переходила к французским оккупационным властям.

Атмосфера вокруг автономии сгущалась. Сам факт провозглашения Корчинской республики, как ее тогда часто называли, возбудил недовольство в стане Антанты. В Риме его сочли односторонним нарушением секретного Лондонского договора и вторжением Франции в чужую сферу. Ответом явилось выступление главнокомандующего итальянских войск в Албании генерала Дж. Ферреро 3 июня 1917 г. в Гирокастре с воззванием, обращенным ко всем албанцам, "живущим ли свободно в своей стране, скитающимся ли по миру или еще находящимся под иностранным господством". Генерал напоминал об албано-итальянских культурных связях и общности интересов для того, чтобы дважды в своей краткой речи подчеркнуть: Италия торжественно выступает в поддержку независимости Албании под эгидой и защитой Италии. Реакция Франции была немедленной. Уже 5 июня из стен министерства иностранных дел вышел циркуляр послам в Рим, Лондон и Петроград, в котором прокламация Ферреро называлась противоречащей Лондонскому договору. Тогда секретность договора еще сохранялась, а поэтому и документ носил информационно-конфиденциальный характер.

Тем временем позиция Италии в албанском вопросе получила поддержку в выступлении министра иностранных дел Соннино. 21 июня 1917 г. он ответил всем критикам с трибуны парламента, заявив, что для Италии урегулирование адриатического вопроса является жизненной необходимостью и главное в этом — "бесспорное и прямое обладание Валоной (Влёрой) и ее окрестностями". Обращение же Ферреро к албанцам, по мнению министра, вызвано желанием отдать им дань уважения, "выразить особую заботу итальянского правительства о судьбе этого мужественного народа и продемонстрировать готовность защищать эту страну от интервенции или интриг другой державы". Однако жертвенный тон итальянских политиков не ввел в заблуждение ни союзников по Антанте, ни албанцев. Влиятельная организация албанских эмигрантов в США "Ватра" выступила 17 июля с резким протестом против итальянских претензий на протекторат над Албанией, что противоречит всем прежним договоренностям и открывает путь закулисным махинациям. "Ни албанцы, ни другие балканские народы не допустят такого решения", — говорилось в нем.

Итальянская пропаганда продолжала вести кампанию по утверждению своих прав на покровительство Албании, когда в страну пришло известие о событиях в России. Выходившая в Шкодре католическая газета "Поста е Шкюпниес" ("Почта Албании") сообщила 8 ноября 1917 г. о восстании в Петрограде, где "победили рабочие и солдаты". Через несколько дней, 14 ноября, та же газета в статье "Новое восстание в России" прокомментировала Декрет о мире, провозглашенный II Всероссийским съездом Советов. Анонимный автор статьи, судя по ее тону явно не симпатизировавший большевикам, тем не менее с одобрением отнесся к провозглашенной ими политике мира, "что стало желанием всех народов".

1 декабря 1917 г. появилось сообщение об обращении Совнаркома РСФСР к правительствам и народам воюющих стран с предложением присоединиться к переговорам о перемирии. От препарированного текста документа отсекалось все то, что касалось призыва к борьбе "революционных рабочих масс против всяких империалистических планов и захватных стремлений". Политическая подоплека появления такой урезанной публикации стала ясной из редакционной статьи газеты "Влазния" ("Братство"), издававшейся на албанском языке в Вене и отражавшей официальную точку зрения австро-венгерского правительства. "Большинство русского народа, — писала газета, — очень хорошо поняло, что эта кровавая война служит только одной цели — удовлетворению низких устремлений некоторых политиканов, связавших свою судьбу с интересами Англии и Франции".

Возлагая вину за разжигание первой мировой войны на страны Антанты, австро-венгерское правительство стремилось обелить свою политику на Балканах вообще и в Албании в частности. Этой же целью диктовалось распространение по всей Албании в конце 1917 г. текста, переведенного в Австрии секретного Лондонского договора, той его части, где речь шла о разделе Албании. Нехитрый расчет на то, что этим будут окончательно скомпрометированы соперники — правящие круги Италии и Франции, — подтвердился лишь частично. Римским политикам пришлось изменить тональность своих выступлений в Албании и перед албанцами. Они ссылались на то, что Лондонский договор в силу изменившихся условий утратил первоначальный смысл, а итальянское правительство "живо демонстрировало всегда и демонстрирует сейчас благожелательную заинтересованность в судьбе албанского народа". Подтверждением этой позиции стало выступление Соннино перед палатой депутатов 23 февраля 1918 г. Как бы развивая обнародованную за полтора месяца до этого идею, изложенную в "14 пунктах" президента США В. Вильсона, о гарантиях поли-

тической независимости большим и малым государствам, Соннино заявил: "Мы выступаем за независимость Албании в соответствии с общими принципами уважения прав и самоопределения наций".

Всей логикой событий последнего года войны албанцы подталкивались в сторону "главного оккупанта" — Италии. Албания находилась в состоянии полной разрухи. Разграбленная и опустошенная армиями воюющих держав, хотя сама формально и не воевавшая, без правительства и без четко очерченной территории, страна обрекалась на зависимое от своей адриатической соседки существование. Итальянские войска заместили ушедших с севера страны австрийцев и венгров. Причем в Шкодре этот процесс смены оккупантов едва не закончился столкновением между сербами и итальянцами. По планам командования союзных войск город должны были занять итальянцы. Но сербы, пользуясь промедлением итальянской армии, подтянули к Шкодре свои воинские части, предназначенные для ввода в Черногорию. Только вмешательство батальона французских альпийских стрелков, переброшенных из Косова, предотвратило конфликт. Официальное введение режима межсоюзнического правления из представителей армий Антанты сняло напряженность. Соглашением итальянского и французского командующих были определены оккупационные зоны союзников на юге с последующим утверждением их границ министрами иностранных дел.

В Риме ранее других осознали, что без уступок албанцам в их стремлении к самостоятельному политическому и культурному развитию утверждение итальянского влияния в регионе будет невозможно. Австро-Венгрия перестала существовать в качестве главного соперника Италии на Балканах, но на основе освободившихся из-под господства империи и уже существовавших ранее славянских государств создавалось крупное по балканским масштабам федеративное объединение, готовое взять на себя эти функции.

Итальянские оккупационные власти при активной дипломатической поддержке приступили к сколачиванию группировки из числа италофильски настроенных верхушечных слоев общества. Им нужно было создать некий суррогат правительства, способный как минимум гарантировать сохранение прав на обладание Влёрой и ее окрестностями. В свою очередь албанские патриоты попытались сыграть на небескорыстном интересе итальянских политиков к Албании для достижения своих целей — восстановления ее независимости. На протяжении всего 1918 г. предпринимались усилия по проведению общенационального собрания то в Шкодре, то в Эльбасане, то в Леже. И все они терпели неудачу. Почему же не воспользоваться

итальянским покровительством? Уже на исходе года в Рим отправился Луидь Гуракучи, чтобы наладить контакты с пережидавшими там военное лихолетье италофилами Турханом Пермети, Мюфидом Либоховой, Мехди Фрашери, Мустафой Круя и др. Переговоры проходили при непосредственном участии главы албанского отдела министерства иностранных дел Италии полковника Кастольди и увенчались успехом. Все вышеупомянутые лица возвратились в Албанию, чтобы включиться в активную политическую жизнь.

Первоначально предполагалось провести собрание представителей от всех областей Албании, входивших в итальянскую оккупационную зону. Оно должно было сформировать "национальный совет", который под неусыпной заботой итальянской делегации на мирной конференции в Париже выразил бы чаяния албанского народа. Однако первоначальный сценарий оказался несколько измененным. Собравшиеся в Дурресе делегаты от всех областей Албании (за исключением оккупированных сербами и французами территорий, а также "итальянской" Влёры) постановили создать правительство.

Воззвание Временного правительства, принятое 25 декабря 1918 г., содержало констатацию приверженности "благородным принципам", провозглашенным президентом США В. Вильсоном, и установлениям Лондонской конференции 1913 г., которая признала и провозгласила независимость Албании. Участники конгресса сообщили о формировании Временного правительства в составе 14 членов и обнародовали его. Председателем правительства стал Турхан-паша Пермети, занимавший этот пост еще при князе Виде. Министрами стали некоторые из тех, кто уже участвовал в прежних кабинетах, например министр просвещения Луидь Гуракучи, впервые получивший этот пост еще из рук Исмаила Кемали.

Образование правительства, а не некоего совета, как того хотели итальянцы, свидетельствовало о маленькой победе албанских борцов за независимость. Но это был лишь формальный успех. На деле функции дурресского правительства исчерпывались участием некоторых его членов в составе итальянской делегации на Парижской мирной конференции, открывшейся 18 января 1919 г. Албанских делегатов из числа министров своего кабинета возглавил Турхан-паша. Кроме официальной албанской делегации в Париж прибыли представители албанских землячеств из Стамбула, Румынии, США. Группа влиятельных политических деятелей из бостонской "Ватры" ("Очаг") выступала как самостоятельно, так и в составе официальной делегации, ибо двое из них — Мехмет Коница и Михаль Туртулы, — войдя в дурресское правительство, тем не менее расходились с ним по ряду вопросов. В частности, подобно

большинству зарубежных патриотических обществ, "Ватра" отвергала планы установления итальянского протектората над Албанией. Уже после открытия конференции в Париж прибыла при содействии миссии американского Красного Креста на Балканах делегация Косовского комитета — ирредентистской организации, созданной албанцами сразу после получения известия об отторжении края от албанских земель в 1913 г. Особняком от всех делегаций держался находившийся в Париже Эсад Топтани.

Глава III

Борьба за независимость, территориальную целостность и демократию (1918–1924)

Битва за Влёру

Созданное в конце декабря 1918 г. в Дурресе правительство во главе с Турханом Пермети не отвечало задачам возрождения Албании. Заявив о себе как о выразителе интересов албанского народа, оно не выдвинуло программы своей деятельности ни в момент сформирования, ни позже. Туманная ссылка в обращении к народу на признание положений Лондонской конференции 1913 г. относительно государственного устройства Албании могла служить призывом к реставрации автономии во главе с иностранным князем под контролем великих держав, что практически не представлялось возможным. Правда, в кулуарах Парижской мирной конференции муссировались проекты восстановления Международной контрольной комиссии (МКК) в составе Великобритании, Италии, Франции и США. Но в таком решении вопроса не была заинтересована Италия, претендовавшая на изменение в свою пользу положений другого документа, вышедшего из Лондона – секретного договора 1915 г. Рим рассчитывал только на полный контроль над всей территорией Албании при условии официального его признания.

Позиция албанской делегации на конференции отличалась робостью в выдвижении самостоятельных требований. В феврале 1919 г. ею были направлены в адрес руководства международным форумом два меморандума. В них содержались предложения по расширению границ Албании, произвольно урезанные Берлинским конгрессом 1878 г. и Лондонской конференцией 1913 г. Эти предложения остались без ответа, и тогда в марте 1919 г. делегация представила другой вариант решения албанского вопроса в рамках горячо обсуждавшегося принципа самоопределения наций. Предполагалось ввести на албанских территориях, оставшихся за пределами границ 1913 г., американскую администрацию на один-два года с целью организовать плебисцит, призванный решить их дальнейшую судьбу. Однако и этот проект остался без внимания.

Обращение к американскому арбитражу объясняется теми иллюзиями, которые питали в тот период албанцы, да и не только они, в отношении миротворческой миссии президента В.Вильсона в послевоенной Европе. Позже всех вступившие в войну США не были замешаны в закулисных торгах судьбами малых народов, и довольно многочисленная албанская диаспора рассчитывала на понимание проблем своей исторической родины. К тому же и американская сторона на первых порах демонстрировала такую готовность. Накануне отбытия Вильсона в Европу его посетил на президентской яхте "Мэйфлауэр" Фан Ноли, познакомивший с сутью албанского вопроса. "Если бы я имел только один голос на мирной конференции в Версале, то я и его отдал бы на благо Албании", — обнадежил президент. В конце февраля 1919 г. по его инициативе в Албанию был направлен консул США в Турине Джозеф Хавен, который за два месяца объехал всю страну, изучая настроения народа, в большинстве своем высказывавшегося в поддержку независимости Албании.

Среди албанских делегатов на мирной конференции наметился раскол. Проамерикански настроенным представителям диаспоры противостояли италофилы из дурресского правительства, исходившие из якобы существующей общности интересов Албании и Италии. Италофилы не отказывались от попыток договориться непосредственно с итальянцами об обеспечении ими "благожелательной временной помощи" албанскому государству. На трон Албании предполагалось пригласить принца из царствующей в Италии Савойской династии. Албанская католическая печать обосновывала это необходимостью опоры на "сильную и цивилизованную руку истинного друга", ибо пока народ не подготовлен в достаточной степени к самостоятельной жизни "ни умственно, ни экономически, ни политически".

"Внешняя политика Италии должна быть такой, чтобы она встретила одобрение народа, — демагогически заявил итальянский министр иностранных дел Т. Титтони в июне 1919 г., определяя политику нового кабинета*. — Навсегда ушло время тайных соглашений". Однако спустя немногим более месяца, 29 июля, в Париже он заключил с находившимся там греческим премьер-министром секретный договор, получивший известность как "соглашение Титтони—Венизелос" об очередном плане раздела Албании. В рамках урегулирования так называемого "адриатического вопроса" итальянская дипломатия обязалась поддерживать греческие претензии на Корчу и Гирокаст-

* 21 июня 1919 г. кабинет В. Орландо — С. Соннино подал в отставку, уступив место тандему Ф. Нитти — Т. Титтони.

ру в обмен на признание за Италией мандата на всю "усеченную" Албанию, а также права на аннексию Влёры.

Известие о существовании тайного итало-греческого сговора за счет Албании подняло волну протеста в патриотически настроенных кругах албанского общества. В адрес конференции стали поступать многочисленные письма и обращения в защиту права албанского народа на независимое существование как из самой страны, так из многочисленной диаспоры. Известно эмоциональное обращение Сотира Колеа, популярного собирателя фольклора и издателя выходившей в Лозанне газеты "Шкиприя" ("Албания"), к приобретшему к тому времени скандальную известность своими призывами к насильственным захватам Габриэле Д'Аннунцио: "О, поэт, неужели Вы думаете, что Италия станет более великой, если ей удастся отторгнуть от албанской родины беззащитную Влёру? И удостоится ли Италия чести быть запечатленной на самых ярких страницах истории, если она похитит свободу у маленького и слабого народа, который никогда не делал ей плохого? Неужели он не заслужил другого с собой обращения?"

Несмотря на разоблачения закулисных соглашений Италии, в Риме не собирались отказываться от своих планов. Более того, итальянские политики продолжали действовать в двух направлениях — на самой конференции, добиваясь реализации прежних договоренностей, и в Албании среди своих приверженцев. В результате появились два документа: секретный договор между итальянским и дурресским правительствами от 20 августа 1919 г. и меморандум правительств США, Великобритании и Франции от 9 декабря того же года. По первому из них в Албанию назначался итальянский верховный комиссар, непосредственно подчиненный Министерству иностранных дел Италии. В его функции входил контроль над деятельностью временного правительства. Ни одно из решений в административной и хозяйственной областях не могло приниматься без его одобрения и т.п. Что касалось меморандума великих держав о претензиях Италии в Адриатике, то он в части Албании подтверждал итальянский суверенитет над Влёрой и ее окрестностями, а также мандат над остальной территорией страны. Границы с Югославией предполагалось установить по состоянию на 1913 г. с перспективой предоставления ей экономического выхода в Адриатику. Вопрос о разграничении на юге предстояло разрешить в ходе дальнейших межправительственных консультаций, причем албанское правительство должны были представлять итальянцы.

Весть об очередном закулисном сговоре заставила албанцев искать собственные пути выхода из сложившейся ситуации. Недовольство оккупационным режимом вылилось в борьбу не

только против иноземных захватчиков, но и против дурресского правительства, предававшего национальные интересы страны. Началось движение за созыв такого представительного собрания, которое могло бы провозгласить право Албании на самостоятельное государственное существование. Однако ситуация осложнялась тем, что приходилось действовать против желания дурресского правительства и итальянских властей, используя все легальные возможности и стараясь избегать открытого противостояния.

Инициативу созыва форума взяла на себя патриотическая организация "Краху комбтар" ("Национальное крыло"), созданная нелегально во время правления князя Вида в Дурресе, а после его отъезда переместившаяся в Шкодру. Она объединяла в своих рядах представителей всех слоев общества независимо от их политических пристрастий, но готовых бороться за защиту национальных интересов Албании и албанцев. Члены организации с гордостью называли себя националистами, т.е. теми, "кто борется за независимую этническую Албанию и ради достижения этой цели не пойдет ни на какие компромиссы". История этой организации практически не изучена. Причиной стал как конспиративный характер ее деятельности, так и то, что в разное время в состав ее руководства — в Центральный комитет — входили лица, отмеченные в так называемой марксистской историографии печатью предательства интересов родины, реакционности и прочих действительных или мнимых пороков. Это были Риза Дани и Малик Бушати, Сотир Пеци и Сейфи Вламаси. В период подготовки конгресса самое активное участие в его организации принял 25-летний полковник Ахмет Зогу.

Помещение для проведения форума было предоставлено муниципалитетом небольшого городка Люшня в Центральной Албании, который от имени сформированной им Национальной комиссии разослал приглашения на январь 1920 г. во все префектуры Албании. Девиз конгресса — обеспечение полной независимости Албании и укрепление албанского единства — объединил представителей самых разных политических направлений как внутри страны, так и действовавших за рубежом. Достаточно сказать, что прислал своих представителей даже Эсад Топтани.

Идея созыва конгресса получила широкий отклик. В Люшню стали поступать резолюции народных митингов, решения муниципалитетов, обращения прогрессивных организаций, поддержавших идею созыва конгресса. Муниципалитет Эльбасана так отозвался на призыв комиссии: "Правительство не выполнило своих задач в рамках, установленных собранием в Дурресе, действуя в ущерб самоуправлению родины и с превышением своих полномочий. Поэтому очевидна необходимость

созыва всеобщего форума в Люшне и посылки на него делегатов". Все попытки итальянских оккупационных властей и правительства Дурреса воспрепятствовать созыву конгресса окончились неудачей. Так, по просьбе министра внутренних дел марионеточного правительства Мюфида Либоховы верховный главнокомандующий итальянских войск в Албании генерал Пьячентини перебросил на своих транспортных средствах батальон албанской милиции к Люшне с приказом разогнать конгресс силой. Однако албанские офицеры-католики из Шкодры, ознакомившись на месте с ситуацией, не только не выполнили распоряжения, но стали охранять конгресс на протяжении всех дней его работы.

21 января 1920 г. более 50 делегатов, представлявших почти все районы страны, собрались в Люшне. Они приняли решение о свержении дурресского правительства, заявили о непризнании условий секретного Лондонского договора 1915 г. о разделе Албании и со всей определенностью высказались против закулисных сделок на Парижской мирной конференции. "Собрание постановило не признавать никакого иностранного мандата или протектората, — говорилось в обращении, единогласно принятом делегатами конгресса. — Албанцы готовы идти на любые жертвы, отдать все до последней капли своей крови, чтобы воспрепятствовать любому действию, которое могло бы поставить под угрозу независимость Албании и ее территориальную целостность".

Заседания продолжались десять дней, до 31 января. На конгрессе ставился, но не получил окончательного решения вопрос о государственном строе Албании. Откладывая кардинальное решение этой проблемы до созыва Учредительного собрания, конгресс занялся образованием рабочих административных органов. Был создан Высший совет в составе четырех человек, облеченный функциями регентства, что являлось уступкой монархическим настроениям многих делегатов. Причем его членами становились представители четырех основных религий — католик, православный, мусульманин-суннит и бекташи. Верховная власть в стране осуществлялась Национальным советом (сенатом) в составе 37 человек, избираемых согласно временному конституционному акту (так называемому статуту Люшни) Национальным собранием. На деле же сенаторы были назначены присутствующими на заседании делегатами. Новое правительство возглавил Сулейман Дельвина, находившийся в то время в Париже, где он в составе делегации проживавших в Турции албанцев выступал в защиту независимости Албании. Членами правительства и других руководящих органов стали крупные торговцы, помещики, военные, представители интеллектуальной элиты и духовенства.

Решением конгресса столицей государства становилась Тирана — небольшой город с населением 12 тыс. жителей. Для подготовки помещений к приему правительства в город был направлен во главе вооруженного отряда новый министр внутренних дел Ахмет Зогу, сумевший преодолеть кружным путем заградительные посты итальянских войск. После переезда всех членов правительства началось изгнание представителей старой власти из административных органов всех уровней, а три министра — Мюфид Либохова, Фейзи Ализоти и Мустафа Круя — не только лишились своих портфелей, но и были объявлены предателями отечества.

Процесс становления новой власти и распространения ее юрисдикции на всю территорию страны наталкивался на многие препятствия. В обществе продолжало сохраняться влияние италофилов, не веривших в жизнеспособность албанского государства без поддержки извне. С ними солидаризировались активисты и руководство Косовского комитета, считавшие, что только при поддержке Италии возможно гарантировать воссоединение Косова с Албанией. К их числу принадлежали как молодые интеллектуалы (Реджеп Митровица, Халим Гостивари, Бедри Пейя), так и участники национально-освободительного движения начала века (Байрам Цурри, Хасан Приштина). Существование такой довольно многочисленной прослойки в правительстве и околоправительственных кругах не способствовало выработке единой политической линии.

Сразу после конгресса активизировался Эсад Топтани, сторонники которого присутствовали в Люшне, ограничившись поначалу наблюдательными функциями. Он и не стремился присоединиться к процессу строительства независимого государства, считая ближайшей целью в условиях пока еще не устоявшейся обстановки внутри страны подготовку к вооруженному свержению кабинета Сулеймана Дельвины с последующим формированием карманного правительства и созывом Учредительного собрания, призванного избрать главу государства.

Объединение несхожих по своим взглядам политиков в борьбе против дурресского правительства не сняло ранее существовавших личных трений между ними. Некоторые из них проявляли недовольство выбором кандидатуры премьера только потому, что сами считали себя более достойными этого поста. Либерально (и антифеодально) настроенные политики юга внушали опасения байрактарам и крупным землевладельцам своими идеями реформ в аграрной и образовательной сферах. Начались трения в руководстве "Краху комбтар". Быстрое выдвижение на первые роли Ахмета Зогу привело к выходу из организации некоторых ее влиятельных членов, в частности члена Верховного (регентского) совета Акифа-паши Эльбасани

(Бичаку), возмущенного не только неуемными амбициями Зогу, но и тем, что он сблизился с одним из богатейших людей Албании Шефкетом Верляци.

А. Зогу быстро завоевывал популярность и столь же стремительно наживал врагов неразборчивостью в выборе средств для достижения своих целей. Сейфи Вламаси, работавший с ним в одном правительстве и в одной организации, вспоминал о том, как Зогу предполагал найти выход из тяжелой ситуации, сложившейся в Албании весной 1920 г. "Так как мы не располагаем хорошо подготовленными и организованными силами для строительства современного государства, — делился Зогу своими соображениями с собеседником, — то я придумал практичный и радикальный, но несколько варварский путь выхода из положения. Мы пригласим всю албанскую знать на конгресс, чтобы обсудить и принять меры по стабилизации и укреплению государства. В то же самое время я беру на себя обязательство заложить две бомбы в здание, где будет проходить конгресс. В последний момент мы с нашими товарищами выйдем под каким-нибудь предлогом наружу, а конгрессисты взлетят на воздух. Так ситуация стабилизируется сама собой". Сейфи ему возразил, что такими средствами будет трудно завоевать симпатии цивилизованного мира, который "сочтет нас за группу преступников, подлежащую уничтожению". Зогу парировал тем, что не надо жалеть албанских вождей, особенно с севера, которые только и думают, чтобы стать главами государств, премьер-министрами и министрами. Что касается иностранных органов печати, то они "уже через одну неделю агитации против нас станут более объективными и одобрят наш быстрый и практичный акт, гуманный в какой-то мере, ибо целью нашей является спасение народа".

Несмотря на то что вышеупомянутый экстравагантный способ устранения разнобоя в политических настроениях албанской знати не нашел применения, положение в стране постепенно приходило в норму. Так, был ликвидирован внутренний нарыв — заговор Эсада, который руководил своими сторонниками из Парижа. В самой Албании он опирался на содействие Мустафы Круи. В апреле 1920 г. М. Круя, добившись поддержки со стороны некоторых северных байрактаров, предъявил ультиматум сенату, требуя отставки правительства. В случае отказа он угрожал походом на Тирану. Правительство приняло вызов, провело мобилизацию тех немногочисленных вооруженных сил, которые имелись в его распоряжении, и смогло отбросить сторонников Эсады. Однако сам он не успокоился на этом и попытался объединить освободившиеся на Салоникском фронте свои отряды с северянами для нового антиправительственного выступления. Неизвестно, чем могла бы закон-

читься эта акция, если бы не смерть Эсада. 13 июня он был застрелен в Париже при выходе из отеля "Континенталь" албанским студентом Авни Рустеми.

К лету 1920 г. перешла под юрисдикцию правительства Тираны Шкодра. Но часть прилегающих к ней районов (так называемая Мбишкодра) продолжали находиться под оккупацией югославских войск. В ходе проходивших в Париже переговоров возникло англо-франко-итальянское предложение компенсировать передачу Италии порта Риеки (Фиуме) присоединением Шкодры к Югославии. Белградское правительство отвергло этот проект, ибо само претендовало на обладание Риекой. Начались двусторонние итало-югославские переговоры. И в этот момент албанский вопрос снял президент Вильсон, заявивший в ноте, адресованной участникам конференции, о неприемлемости какой-либо компенсации в пользу Югославии за счет территории Северной Албании.

Оккупационные зоны на юге страны почти полностью исчезли. Греческое правительство, занятое войной в Малой Азии, не смогло выполнить свою давнишнюю мечту и захватить юг Албании. Однако греческие войска все же удерживали здесь довольно обширный пограничный сельский район из 27 деревень. Французские войска ушли из Корчи еще в мае. Только итальянская армия продолжала контролировать Влёру и ее окрестности. Выполняя антиимпериалистическую программу конгресса в Люшне, правительство приступило к осуществлению насущной задачи момента — изгнанию иностранных войск с территории страны. Начало этому положила борьба за Влёру.

Подготовка к освобождению Влёры и ее окрестностей началась еще в первые месяцы 1920 г. В марте представители тиранского правительства предложили итальянскому командованию начать переговоры о судьбе города, но натолкнулись на решительный отказ. Им было предложено ждать результатов мирной конференции. Угроза нового закулисного соглашения заставляла албанцев взяться за оружие. "Перед нами закрыты все двери, куда бы мы ни стучались, — говорилось в редакционной статье газеты "Дрита" ("Свет"), начавшей выходить в Гирокастре. — Теперь нам остается справляться с нашими бедами только самим. Единственно, чем мы можем спастись, — это опорой на собственные силы". Но тогда правительство только начинало свою деятельность. Его власть в стране еще не утвердилась, а внутренние разногласия и борьба группировок не способствовали выработке согласованных решений. Оно опасалось вооруженного конфликта не только из-за страха перед более сильным внешним врагом, но и перед собственным народом.

Во Влёре сформировался нелегальный комитет по подготовке восстания — Комитет национальной защиты. Итальянские

власти тем временем стали тайно вооружать своих агентов и произвели в городе серию арестов своих потенциальных противников. Одновременно в Париже шли переговоры с Э. Топтани, которому была обещана поддержка в случае, если ему удастся сформировать правительство.

Тиранское правительство, опасаясь за свою дальнейшую судьбу, было готово пойти на уступки итальянцам. Иногда оно предпринимало шаги конфронтационного характера (например, неудавшаяся попытка захватить в мае контролировавшуюся итальянцами супрефектуру Тепелены), но всякий раз отступало, получив отпор. Постепенно противостояние приняло характер не мирного противоборства между итальянским и албанским правительствами, а силового — между населением и оккупационными властями.

20 мая 1920 г. в деревне Барчала, около Влёры, на собрании Комитета национальной защиты было принято решение обратиться с воззванием к жителям оккупированных районов, призвав их подняться на вооруженную борьбу, если итальянские войска откажутся уйти из Албании. Собрание постановило послать делегатов во все районы страны, чтобы обратиться за поддержкой к народу. Во Влёре и в прилегающих районах формировались вооруженные четы, которые по призыву комитета стягивались к горе Беуни — месту сбора ополченцев. Особенно активно откликнулись крестьяне Курвелеша и Тепелены. Только немногим более половины из 2 тыс. добровольцев были вооружены. Остальные пришли с лопатами, кирками и кольями.

Комитет, самим ходом событий побуждаемый к активным действиям, послал 3 июня ультимативное требование итальянскому командованию вывести оккупационные войска из Албании. "Сегодня албанский народ, — говорилось в ультиматуме, — как никогда сплоченный, будучи не в состоянии терпеть, чтобы им торговали, как скотом, на базарах Европы в угоду итало-греко-сербам, решил взять в руки оружие и потребовать у Италии, чтобы управление Влёрой, Тепеленой и Химарой было передано как можно скорее национальному правительству Тираны".

Срок ультиматума истекал на следующий день, но ответа от генерала Пьячентини не последовало. Вечером 5 июня началось наступление повстанцев на Влёру. Призывая народ к вооруженной борьбе, Комитет национальной защиты рассчитывал не столько на победу, сколько на то, что вооруженное выступление сможет оказать влияние на ход переговоров между Тираной и Римом. "Мы не настолько легкомысленны, — заявили члены комитета, — чтобы думать, что такой маленький народ, как албанский, сможет убедить силой своего оружия такое великое правительство, как правительство Италии. Но каким бы

великим ни было итальянское правительство, оно не сможет запретить маленькому народу Албании умереть за свой идеал свободы".

К вечеру 10 июня после упорных боев с итальянскими войсками повстанцы подошли вплотную к Влёре и завязали бои в городских кварталах. К тому времени в руки ополченцев попали до 1000 пленных, 7 пушек и более 70 пулеметов. Командование оккупационными войсками, мстя за свои неудачи, не делало различия между бойцами сопротивления и мирным населением. Повстанцы посылали обращения ко всем правительствам мира через делегатов на Парижской мирной конференции, протестуя против зверств оккупантов. Еще до того, как началось наступление, итальянские власти по доносам своих агентов стали арестовывать патриотов, а их дома сжигать. С моря итальянский флот расстреливал беззащитные прибрежные деревни. А в деревне Бабице, в двух километрах от Влёры, были замучены все женщины и дети, не сумевшие спастись бегством. «То, как любит нашу независимость Италия, мы очень хорошо знаем, — писала издававшаяся в Констанце албанская газета "Шпикрия э ре" ("Молодая Албания"), — но того, как мы любим нашу независимость, итальянцы не знают. Они не поняли, что все мы готовы скорее пожертвовать наши жизни на алтарь свободы, чем жить рабами».

Назревший в Италии очередной правительственный кризис привел к власти кабинет Дж. Джолитти. Новый премьер продолжал настаивать на особых правах Италии в Албании. "Валона является таким стратегическим пунктом, который в случае захвата недружественным Италии государством станет настоящей угрозой для Италии", — говорил он в начале июля в парламенте. Далее Джолитти утверждал, что вообще Влёра нужна не столько Албании, сколько Италии. В таком же духе он отвечал и депутатам-социалистам Дж. Маттеотти и А. Маффи, требовавшим от правительства вывода войск из Албании.

Само албанское правительство сначала отмежевывалось от влёрских событий, заявляя о непричастности к ним. Запрещалась всякая деятельность в поддержку восстания. Внутри страны общество раскололось на сторонников и противников решительных действий. Некоторые считали самоубийственным бороться против более сильного противника, стремясь уберечь цвет нации от физического уничтожения. Другие — убежденные италофилы — продолжали видеть в великой адриатической соседке единственную опору, без которой Албания не сможет выжить в послевоенной Европе. В эти дни выступил с осуждением своих соотечественников Фаик Коница, популярный в то время политический и общественный деятель, много сделавший для поддержания и развития албанского языка и

культуры. "Я и мои друзья огорчены слепотой и нелепым поведением тех албанцев, которые ответственны за эти враждебные действия", — писал он в "Джорнале д'Италия".

21 июня была одержана очередная победа — сдался итальянский гарнизон в Тепелене. Оккупантам становилось ясно, что без новых подкреплений они не смогут удержаться на земле Албании. Однако этим их ожиданиям не суждено было осуществиться. Почти во всех крупных городах Италии, а особенно в портах Адриатического побережья развернулось движение протеста против отправки войск в Албанию. По инициативе Итальянской социалистической партии и Всеобщей конфедерации труда проходили митинги протеста под лозунгами "Руки прочь от Валоны!", "Вывести итальянские войска из Албании!".

В конце июня всю Италию облетело известие о событиях в Анконе. Там отказались отправиться на войну в Албанию берсальеры (солдаты горных войск). Они ответили вооруженным сопротивлением карабинерам, пытавшимся заставить их начать погрузку на суда. Рабочие Анконы поддержали солдат и на массовом митинге, в котором приняли участие более 6 тыс. человек, заявили о солидарности с ними. Отправка подкреплений в Албанию была сорвана. Итальянский военный министр оправдывался перед командованием оккупационных войск в Албании: "Внутренние условия в стране не позволяют послать войска в Албанию. Одна лишь попытка сделать это повлечет за собой всеобщие стачки, народные демонстрации, очень опасные из-за солидарности с армией".

Вынужденное согласиться на переговоры о перемирии с повстанцами, итальянское правительство стремилось все же сохранить за собой Влёру и Сазани под любым предлогом. В какой-то момент оно прибегло к прямому шантажу угрозой применения силы. 17 июля итальянское командование издало приказ о возобновлении военных действий, кончавшийся словами: "Мы стоим в Валоне и здесь останемся!" На это последовали ответный ультиматум уже от имени тиранского правительства, волна забастовок и демонстраций в Италии, реальная угроза вооруженного захвата Влёры повстанцами. Итальянское правительство оказалось вынужденным признать свое поражение в борьбе за Влёру. Оно могло бы стать полным, если бы правительство Сулеймана Дельвины не пошло на уступку. Подписанный 2 августа 1920 г. в Тиране итало-албанский протокол предусматривал вывод итальянских войск со всей территории Албании, за исключением острова Сазани, расположенного у входа в бухту Влёры.

Официальное восстановление албанской администрации в городе произошло 2 сентября 1920 г. Тогда состоялось торжест-

венное прохождение перед зданием мэрии, над которым был поднят национальный красно-черный флаг, отрядов добровольцев, участвовавших в освобождении. Чествовали возвращенных с острова Сазан ссыльных патриотов. Как сообщала газета "Коха" ("Время"), на митинге в честь освобождения присутствовали более 10 тыс. человек, прибывших из близлежащих городов и деревень. Позже, в последних числах сентября, в город вошли регулярные части албанской жандармерии, сформированной во времена Корчинской республики. Смена администрации не отразилась на положении живших в городе итальянских гражданских лиц. "Итальянская колония во Влёре, — сообщала газета "Шкиприя э рэ", — вполне довольна албанцами, так как уверена, что ей будет хорошо жить и в албанском государстве. Ведь в албанском государстве иностранцев уважают больше, чем своих".

Вывод итальянских войск из Албании, в том числе и с севера страны, стал важным шагом на пути установления суверенной власти тиранского правительства на всей территории. Однако не все в Италии смирились с этим. Реваншистская печать возлагала вину за моральную и политическую катастрофу Италии на правительство Джолитти. Муссолини еще в середине июля поместил в "Пополо д'Италия" статью под характерным названием "Амариссимо" ("Очень горько")[2*], а после подписания итало-албанского протокола опубликовал статью с еще более "грустным" названием "Прощай, Валона!" В ней он взывал к отмщению: "Валона должна была стать первым вознаграждением за мучения и за итальянскую кровь. Валона должна была стать отправным пунктом нашего мирного проникновения на Балканы". Заманчивый план завоевания албанского плацдарма не был заброшен. И воспоминания о влёрской катастрофе — "албанском Капоретто" — еще долго занимали умы фашистских политиков. Готовя в конце 30-х годов оккупацию Албании, тогдашний министр иностранных дел Италии Г. Чиано записал в дневнике: "Мы не отступим, как в 1920 г."

Победа над итальянскими оккупантами позволила сосредоточить ограниченные вооруженные силы молодого государства на отражении очередной внешней опасности. На заключительном этапе битвы за Влёру вспыхнул вооруженный конфликт на албано-югославской границе. В конце июля югославские войска двинулись в направлении Шкодры, пытаясь отодвинуть "стратегическую линию" обороны от возможной итальянской угрозы с территории Албании и вернуться в ранее оставленные районы. Вооруженных сил у тиранского правительства не хва-

---

[2*] *Amarissimo* имело еще одно символическое значение — так называлось Адриатическое море.

тало, и оно опиралось на вспыхнувшее народное восстание в Пешкопии и в пограничных районах Косово. Орган коммунистической партии Югославии "Радничке новине" ("Рабочая газета") 6 октября 1920 г. выступила в защиту национальных прав албанского народа, попираемых югославскими шовинистами. Осуждая жестокие репрессии в отношении мирного населения албанских деревень, газета писала: "И наш и албанский народы нуждаются в мире и свободе, в то время как войны служат интересам завоевателей, позволяя им грабить и убивать людей".

Призыв к оружию поднял на восстание всю Северную Албанию, и части югославской армии были отброшены за "стратегическую линию". После безрезультатно окончившихся прямых албано-югославских переговоров правительство С. Дельвины обратилось с нотой протеста в Лигу наций и направило 2 октября в Женеву делегацию во главе с Ф. Ноли, который обратился с просьбой о принятии Албании в члены этой организации. Делегации Югославии, Греции, Франции выступили с возражениями, выдвигая в качестве предварительного условия определение границ Албании и признание ее правительства другими государствами. В какой-то момент к ним присоединилась и Италия. Однако небескорыстная поддержка Великобританией албанской просьбы решила дело.

Пользуясь тяжелым положением, в котором находилась Албания, британское правительство обещало оказать содействие приему Албании в Лигу наций в том случае, если Англо-персидской компании будут предоставлены исключительные права на разведку нефти на площади 200 000 га с последующей добычей (при положительных результатах изысканий) на 50 000 га нефтеносных земель. Правительство Ильяза Вриони, сменившее в ноябре 1920 г. кабинет С. Дельвины, согласилось на выдвинутые условия, и 17 декабря 1920 г. Албанию приняли в члены Лиги наций по предложению представителей двух британских доминионов — Канады и Южно-Африканского Союза. Признание европейским сообществом реально существовавшего государства не могло не состояться. Сначала Великобритания, а затем Франция и Италия заявили об установлении с Албанией дипломатических отношений.

Югославское правительство не спешило с признанием независимого албанского государства, предприняв новую попытку вмешательства в его внутренние дела. На этот раз оно поддержало сепаратистское движение в Мирдите, направив туда военных советников и оружие. Историческая область, пользовавшаяся автономными правами еще во времена османского господства, католическая Мирдита на всех этапах продвижения Албании к независимости стремилась выступать самостоятельно, по возможности дистанцируясь от властей Влёры, Дур-

реса, Шкодры или Тираны. В июне 1921 г. вернувшийся из Югославии на родину наследственный глава области капитан Марка Гьони заявил о создании независимой "республики Мирдита" и поднял антиправительственное восстание, получившее косвенную поддержку югославских войск, вновь перешедших "стратегическую линию". До глубокой осени шла с переменным успехом вооруженная борьба албанских правительственных войск с отрядами сепаратистов. Только с конца ноября, когда тиранское правительство направило в Мирдиту подкрепления, а во главе их поставило Ахмета Зогу и Байрама Цурри, сопротивление мятежного Марка Гьони было подавлено, и он вновь укрылся в Югославии.

Официальное закрепление границ Албании затянулось на продолжительное время. 9 ноября 1921 г. Конференция послов четырех держав (Англия, Франция, Италия и Япония) в Лондоне приняла решение о границах Албании с Югославией и Грецией. В отношении северо-восточных границ Албании был произведен их частичный пересмотр по сравнению с установлениями 1912—1913 гг. Югославии отошла часть территорий Лики, Хаса и Голоборды. Албано-греческая граница устанавливалась в соответствии с Флорентийским протоколом 1913 г. Причем за Италией признавались особые права вмешиваться в разрешение проблем Албании в случае создания угрозы ее границам или экономической безопасности.

От феодальной монархии к буржуазной республике

Освобождение Влёры и ликвидация югославского вмешательства на северо-востоке страны создали благоприятные условия для налаживания внутренней жизни Албании. Но, как это часто случалось в истории, сообщество, объединенное перед лицом внешней угрозы, распадалось на составные части, когда опасность исчезала. Так произошло и в Албании в самом начале 20-х годов.

В еще неокрепшем государстве с его аморфной административной и социально-политической структурой развернулась борьба между общественными течениями и отдельными группировками. Заговоры, политические убийства, замаскированные под кровную месть, соперничество лидеров, завидовавших успехам друг друга, стали почти обычным явлением. В правящую элиту вошли как те представители знати и чиновничества, которые хотели сохранить свои привилегии, унаследованные от старых имперских времен, так и новые политики, стремившиеся к руководящим постам в интересах личного обогаще-

ния. Для некоторых наиболее амбициозных деятелей сама власть превращалась в притягательную цель, и они шли к ней, эксплуатируя лозунги патриотизма и демократии. Стало размываться понятие единства албанского народа под влиянием развернувшейся в печати полемики относительно существования различий (и противоречий) между тосками и гегами, между христианами и мусульманами.

В середине ноября 1920 г. в обстановке нараставшего в обществе раскола подало в отставку правительство Сулеймана Дельвины. Ему на смену пришел кабинет Ильяза Вриони, выходца из влиятельного и многочисленного рода. Снискавший известность своими патриотическими настроениями и умеренными взглядами, он устраивал как радикалов, так и традиционалистов из "Краху комбтар" ("Национальное крыло") — единственной политической организации того времени. Приступая к формированию кабинета, И. Вриони приглашал в него близких себе по духу людей, без ясно выраженных политических симпатий и антипатий. Тем временем острая внутриполитическая борьба продолжалась. Однако общий для всех балканских стран процесс, а именно размывание находившегося у власти класса земельной аристократии за счет вовлечения в политическую жизнь разночинцев, вплоть до выходцев из получивших образование крестьян, Албании не коснулся. Она меньше всего оказалась подверженной изменениям в социально-политической области. Помещики (беи) на юге и в центре, а также байрактары северных и северо-восточных районов составляли тот тонкий слой политической элиты, из которого формировались властные структуры государства. Не случайно поэтому все кабинеты министров с 1912 по 1924 г. состояли в основном из одних и тех же лиц.

С первых дней 1921 г. началась подготовка к выборам. Албания формально продолжала оставаться монархией. Бегство, но не отречение монарха и последующее поражение в войне группировки Центральных держав, сопровождавшееся распадом империй, военный разгром и фактическое уничтожение армии, в которой служил князь В. Вид, — все это требовало окончательного определения государственного устройства Албании при его фактически изменившемся статусе. Поэтому уже в Люшне планировались выборы в Учредительное собрание. Но в результате фактического распада всех созданных в январе 1920 г. властных структур, из которых оставался один только институт регентства, победила идея проведения парламентских выборов.

5 декабря 1920 г. правительство приняло закон о первых в истории независимой Албании выборах в парламент. Решение сделать их двухступенчатыми, а не прямыми диктовалось внут-

ренними условиями страны, где практически отсутствовали политические партии ("Краху комбтар" не было в полном смысле партией)", а подавляющее большинство населения составляли элементарно неграмотные люди, которые не имели понятия, что такое избирательная система в гражданском обществе. В интересах феодально-клановой верхушки, стремившейся сохранить свою власть и влияние, народ на законных основаниях выводился из правового поля. В голосовании могли принимать участие только мужчины с 20-летнего возраста в первом туре и с 25-летнего — во втором, прожившие в избирательном округе не менее шести месяцев. Военные не получили права голоса. Фамилия кандидата вписывалась в бюллетень от руки, а так как не всегда выборщик знал грамоту, то за него это делал кто-нибудь из присутствовавших на выборах "добровольцев", что создавало богатую почву для злоупотреблений и фальсификаций.

В ходе предвыборной кампании возникали проекты кантонального устройства Албании по религиозному принципу. Так, например, православная буржуазия Корчи, недовольная засильем во властных структурах помещиков-мусульман, обратилась 13 февраля 1921 г. в правительство с предложением предоставить югу права самостоятельного управления и выборов своего парламента. Тогда же оживились католическая церковь и буржуазия Шкодры, потребовавшие аналогичных прав для своего "кантона". Правительство Ильяза Вриони смогло отбить эти атаки, и 5 апреля 1921 г. выборы в Национальный совет, как назывался тогда парламент, завершились, а 21 апреля состоялось его первое заседание, но без депутатов от префектуры Шкодры. Там еще в течение нескольких месяцев (до сентября) продолжался спор о пропорциональном представительстве католических и мусульманских депутатов в зависимости от численности того и другого населения. А так как достоверных статистических данных не существовало, то счет велся весьма приблизительно. Одна комиссия давала преимущества католикам, а другая — мусульманам. Начались споры за места в парламенте среди католиков. В итоге в Тирану отправились 8 католических депутатов и 4 мусульманских, присоединившихся к ранее избранным, всего же в Национальный совет было избрано 75 членов. На первом заседании парламента его ряды пополнил Фан Ноли в качестве посланца американской "Ватры", внесшей большой вклад в дело независимости Албании.

Особенностью парламента, избранного в 1921 г., стало то, что в первые же дни его работы сформировались две партии. Одна из них стала называться народной, а другая — прогрессивной. По сути дела это были внутрипарламентские фракции, носившие название партий. Народная партия во главе с Фаном Ноли первоначально объединила 28 депутатов от организации

"Краху комбтар", от префектур Гирокастра, Мат и некоторых других. Она символизировала преемственность реформаторских идей, основы которых только начинали закладываться в Люшне. Со временем в нее вошли политики, которые по разным причинам, часто сугубо личным, предпочитали оказаться именно в этом лагере. В частности, лидерами этой партии стали как приверженец демократии западного типа Фан Ноли, так и Ахмет Зогу, чьи диктаторские замашки проявлялись с первых шагов на политической арене.

Прогрессивная партия, идеология которой не имела ничего общего с названием, состояла в основном из мусульманских землевладельцев и их сторонников, кровно заинтересованных в сохранении привилегий и в защите от непредвиденных осложнений, которые могла им принести аграрная реформа. К ним примыкали представители консервативных католических кругов, боровшиеся против светского образования. Наконец, в противовес "народникам", выступавшим за полную независимость Албании, "прогрессисты" отстаивали италофильскую линию в политике. Только опираясь на Италию, считали они, возможно экономическое возрождение Албании и воссоединение с ней Косова. Возглавил партию выходец из Косова, дипломированный в Стамбуле юрист Кадри Приштина, более известный под именем Кадри Ходжа.

Прогрессивная партия, несмотря на большинство в парламенте, не смогла сформировать однопартийное правительство. Все ее предложения блокировались "народниками". Положение складывалось отчаянное: на севере и северо-востоке создалась угроза целостности страны, на юге активизировались греческие националисты, в Лиге наций дебаты о границах Албании достигли кульминационной точки, а в Тиране образовался вакуум власти. Правительство Ильяза Вриони фактически потеряло свою легитимность, а о новом составе депутаты никак не могли договориться. Тогда представители обеих фракций и независимые образовали "Священный союз", который создал комиссию в составе трех человек (Байрам Цурри, Кязим Коцули, Авни Рустеми), сформировавшую в октябре 1921 г. двухпартийный кабинет министров во главе с Пандели Эвангели. Это был компромиссный вариант, мало кого удовлетворявший.

Вне состава кабинета оказалось слишком много амбициозных людей, претендовавших на министерские посты. Интриги и заговоры привели к тому, что развернулась открытая борьба за власть. Миниатюрная столица Албании была буквально терроризирована вооруженными отрядами. Сейчас трудно установить последовательность смещений и назначений премьер-министров. Достоверно лишь то, что во время очередного правительственного кризиса в декабре 1921 г. А. Зогу, вернувший-

ся в Тирану после удачной операции по усмирению мятежной Мирдиты, взял на себя командование жандармерией и навел в столице порядок. Такой, каким он себе его представлял.

Это был по сути дела вооруженный путч Ахмета Зогу. Тирана оказалась окруженной его воинскими частями. Именно он распорядился созвать парламент, который низверг погрязший в политических махинациях регентский совет и избрал в него других людей. Освободившись под разными предлогами от неугодных ему депутатов, Зогу согласился на выдвижение премьер-министром Джафера Юпи, ставшего марионеткой в его руках. Он действовал от имени Народной партии, которая после всех перипетий получила большинство в парламенте и смогла ввести в правительство своих людей. Зогу сохранил за собой пост министра внутренних дел, а Фан Ноли традиционно стал министром иностранных дел.

Несмотря на все более откровенную нетерпимость режима к любым проявлениям несогласия со взятым им курсом на авторитаризм, в правительстве и в обществе стала постепенно формироваться оппозиция тандему Юпи — Зогу. Ее составили диссиденты из Народной партии, феодалы и байрактары из числа противников Зогу, офицерство и др. Оппозиция не ограничивалась парламентскими формами борьбы. В марте 1922 г. она решилась на вооруженное восстание под лозунгами восстановления законности. Первоначально локальные беспорядки возникали в связи с попытками сил правопорядка разоружить мелкие вооруженные формирования противников режима в Центральной Албании. Иногда столкновения кончались сдачей оружия и роспуском отрядов, после чего побежденному разрешалось живым уйти в эмиграцию. В других случаях, когда властям оказывалось упорное сопротивление, противник уничтожался. Весной 1922 г. ситуация осложнилась тем, что против Зогу объединились Байрам Цури, Элез Юсуфи, Халит Лэши и Хамит Топтани, стоявшие во главе довольно крупных ополчений из родных мест каждого. Требуя от правительства созыва Учредительного собрания, они рассчитывали тем самым добиться устранения Зогу и его группировки.

Повстанцы намеревались выступить одновременно в направлении Шкодры, Эльбасана и Тираны, чтобы захватить правительство врасплох. Общий план действий был согласован заранее. Но уже на ранней стадии восстания взаимодействия не получилось. В отсутствие телефонных средств связи, находившихся исключительно в распоряжении правительственных органов, каждый командующий отрядом вынужден был поступать на свой страх и риск. Байрам Цурри, надеясь на свой действительно высокий авторитет, обратился к знати Шкодры с призывом присоединиться к движению за созыв Учредитель-

ного собрания, а для начала открыть дорогу на Тирану. Получив отказ, он не стал искушать судьбу и вышел из игры. Второй руководитель восстания Халит Лэши атаковал Эльбасан, но потерпел поражение от правительственных войск. Более удачливым оказался Элез Юсуфи, который после упорных боев вступил в Тирану и вынудил правительство спасаться бегством в Эльбасан. В то же время к столице подтянулись отряды Хамита Топтани. Казалось, что успех повстанцев обеспечен. Но Юсуфи не решился захватить правительственные здания и не прервал телефонную связь. Это позволило осажденным вызвать в Тирану подкрепление с периферии. К тому же решительное вмешательство британского посланника в Албании Г. Эйрса позволило Зогу переломить ситуацию.

В начавшихся при содействии Эйрса прямых переговорах Юсуфи с Зогу последнему удалось убедить собеседника в том, что у того нет никаких шансов на успех ввиду четырехкратного перевеса в численности правительственных войск. "Ты — патриот, и ты ни в чем не виновен. Виноваты Зия Дибра и Мустафа Круя", — заявил Зогу и потребовал выдачи подстрекателей. Элез согласился только на Зию, выговорив взамен собственного изгнания сохранение тому жизни. Всем руководителям мятежа удалось покинуть страну и уйти в Югославию. Байрам Цури скрывался в горах албанской префектуры Косова, иногда перебираясь в югославский край Косово. Так потерпело неудачу первое крупное вооруженное выступление против Зогу.

После поражения мартовского восстания было сформировано второе правительство Джафера Юпи, в котором пост министра иностранных дел занял Пандели Вангели. Находившийся в те дни в Риме Фан Ноли добровольно подал в отставку и вышел из рядов Народной партии. Зогу произвел кардинальную чистку административного аппарата в центре и на местах. Народная партия стала его личной карманной фракцией в парламенте. Несогласные с его политикой депутаты вышли из ее рядов и составили ядро демократической оппозиции, вокруг которого концентрировались все оппозиционные силы. Укрепление реальной власти позволило Зогу занять 2 декабря 1922 г. вожделенный пост премьер-министра, сохранив при этом пост министра внутренних дел. Оппозиция обвинила его в бонапартизме, что не помешало ему действовать так, как он считал нужным в интересах наведения в стране порядка.

Заняв пост главы правительства, Зогу заявил в первой речи в парламенте о намерении проводить в жизнь "европейскую программу", выдвинув четыре основных принципа: парламентаризм, демократия, борьба против феодализма, аграрная реформа. Он обещал провести выборы в Учредительное собрание

после истечения срока полномочий парламента, т.е. осенью 1923 г. В принятой действующим парламентом 8 декабря 1922 г. новой конституции (так называемый Расширенный статут Люшни) не был решен вопрос о форме правления — быть Албании монархией или республикой. Сохранялось регентство (или Верховный совет), четыре члена которого избирались парламентом сроком на три года. В его руках находилось командование вооруженными силами, он назначал премьер-министра и министров.

Законодательная власть принадлежала Национальному совету (парламенту), состоявшему из одной палаты. Депутаты избирались путем двухступенчатых выборов мужским населением по достижении 18 лет. Возрастной ценз депутатов определялся 25 годами. Судебную власть представляли судьи, назначавшиеся Верховным советом по представлению особой комиссии. Ими могли быть лица, обладающие гражданскими и политическими правами, умеющими свободно говорить и писать по-албански.

Либерально-демократические идеи, приверженность которым провозглашал Зогу не без влияния оппозиции, чьи многие члены были его недавними соратниками, не нашли практического применения в повседневной практике правительства. Не только он сам, но и некоторые из его противников считали, что в переживаемый Албанией переходный период страна нуждалась в твердой руке и авторитарных методах правления. Сначала наведение элементарного порядка и только потом стимулирование экономического развития.

Страна, разоренная войнами и междоусобными распрями, не могла обеспечить свое население зерном и продовольствием. Приходилось ввозить многое из того, что могло производиться на месте, в частности хлеб бедняков — кукурузу. Несмотря на колоссальное превышение импорта над экспортом (1921 г. — в шесть с половиной раз), на довольно значительную финансовую поддержку со стороны диаспоры, постоянную продовольственную помощь от комиссий Лиги наций, положение населения оставалось бедственным. В Албании не было своей денежной единицы. В обращении находились золотые турецкие монеты, австрийские кроны, металлические и бумажные деньги Италии и Франции, греческие драхмы. После 1919 г. появились доллары. Все операции с иностранной валютой просчитывались по золотому паритету. Министр финансов в 1920—1921 гг. Теф Цурани ввел для расчетов золотой франк (1 кг золота равнялся 3437 зол. фр.) и золотой наполеон (1 зол. наполеон равнялся 20 зол. фр.). Цурани выпустил в 1920 г. первый государственный заем, выплата по которому стала возможной только в 1929 г. Другой министр финансов Коль Тачи в

1923 г. предпринял поездку по ряду западных столиц, чтобы договориться о создании албанского Национального банка. Но никто из зарубежных финансистов не захотел подвергнуть себя риску, и эта инициатива заглохла.

Отсутствие сети коммуникаций стало еще одной бедой. При турках дороги не строились. Во время первой мировой войны австрийские и итальянские военные инженеры проложили дорогу вдоль побережья от Шкодры до Саранды с ответвлениями на юге к Гирокастре и Тепелене. По трассе возводились мосты, но они строились из дерева и разрушались в половодье. Специально оборудованных морских портов фактически не было. Пристани в естественных гаванях Шенгини, Дурреса, Влёры, Саранды не могли принимать морские суда, которые останавливались на рейде, и погрузо-разгрузочные работы велись с помощью примитивных прибрежных плавсредств. Более или менее успешно развивалось каботажное судоходство на линии Шкодра — Шенгини.

Интересы стабилизации и развития экономики требовали привлечения дипломированных специалистов, которые за отсутствием таковых в Албании привлекались из-за рубежа. Австрийский профессор Э. Новак вместе с его помощником Г. Луисом, исходив пешком всю страну, составили в 1921 — 1922 гг. геологическую карту Албании. Однако тогда их труд не нашел практического применения. В 1922 г. Лига наций прислала своего эксперта профессора А. Кальме, который сделал подробный анализ финансово-экономического положения Албании и разработал предложения по его оздоровлению. По его мнению, страна нуждалась в предоставлении ей на 40 лет займа в 50 млн зол. фр. под низкий процент для проведения общественных работ и мелиорации. Предлагалось учредить эмиссионный банк с иностранным капиталом, выпускающий албанские денежные знаки под обеспечение золотом. Однако в тогдашней нестабильной обстановке ни одно из пожеланий профессора не могло быть реализовано. Единственной зарубежной организацией, которая вплоть до 1924 г. оказывала непосредственную помощь народу, был американский Красный Крест. Многое сделал для борьбы с малярией Фонд Рокфеллера, а в 1921 г. одна из филантропических американских организаций открыла в Тиране политехническую школу, просуществовавшую вплоть до 1939 г.

Основу албанской экономики составляло сельское хозяйство, и положение в нем определяло глубину кризиса, в котором пребывала страна. Выход из него виделся в изменении всей системы землевладения и землепользования, т.е. в освобождении от пут феодализма. Политически османское владычество было ликвидировано, но его экономические корни остались. Поэто-

му в программах (или намерениях) всех политических деятелей, приходивших к власти и декларировавших курс реформ, аграрные проблемы выдвигались на передний план. Однако они регулярно терпели крах в результате сопротивления землевладельцев. Так, осенью 1921 г. группа депутатов-"народников" представила на утверждение парламента законопроект, по которому предполагалось передавать крестьянам на основе выкупа наделы, обрабатывавшиеся им на протяжении многих лет. Усилиями фракции "прогрессистов" предложение отвергли. Лишь с огромным трудом группе депутатов во главе с Ф. Ноли удалось провести законопроект о бесплатном наделении землей из государственных фондов иммигрантов — переселенцев из Косова и Чамерии. Размеры участков были смехотворно малы — по 0,5 га, — но и эта мера до некоторой степени облегчила положение неимущих слоев общества.

Методы эксплуатации, унаследованные от турецких времен, продолжали господствовать в албанской деревне, пребывавшей в состоянии перманентного кризиса. Крупный землевладелец и бедный малоземельный крестьянин — вот те две фигуры, от которых зависело состояние главной отрасли экономики. Бремя налогов и низкий уровень сельскохозяйственной техники, произвол помещиков и безземелье истощали крестьянское хозяйство. Постоянные нарекания вызывала система сбора десятины, а именно через откупщиков, которые произвольно увеличивали ее размер. Бесправная деревня страдала от увеличивающихся поборов, от спекуляций торговцев, которые скупали урожай на корню и придерживали его до времени, когда можно было выбросить зерно на рынок по завышенным ценам. Весной 1923 г. в результате подобных махинаций угроза голода нависла над многими районами страны, и тогда начались "хлебные бунты". В марте тысячи крестьян прибыли в Корчу, требуя открыть амбары с зерном и отдать его народу. Они прошли по улицам города и, остановившись перед зданием префектуры, призвали власти принять меры против зарвавшихся спекулянтов. Частично их просьбы были удовлетворены. Крестьянские движения протеста распространились по всему югу. В конце того же месяца около 3 тыс. крестьян из районов Курвелеша, Тепелены, Малакастры и Химары собрались на митинг во Влёре. И там прозвучали те же требования. Не удовлетворившись обещаниями, данными им вышедшими к народу чиновниками, демонстранты взломали двери хлебных складов, принадлежавших перекупщикам, и экспроприировали их содержимое.

Сообщения о крестьянских волнениях просачивались на газетные полосы. Общее полевение массового сознания, характерное для всех балканских стран, коснулось и Албании. В ми-

нистерство внутренних дел поступали с мест сведения о крестьянских волнениях, об участившихся случаях отказа от уплаты налогов, об угрозах "вскормленных на принципах большевизма" крестьян насильно захватывать помещичьи земли. В прессе стали появляться призывы последовать примеру России и Ленина в решении насущных проблем. Выходившая в Корче газета "Коха" ("Время") писала 27 октября 1923 г.: «Туман рассеивается. Народы пробуждаются и спрашивают: "Разве это жизнь?" Это каждодневно подталкивает к поиску идеала истинной свободы, каковым является большевизм... Родной народ, никогда не давай тирании запугать себя, но стой непоколебимо, как поступали всегда наши предки, и покажи миру, что и в Албании родился большевизм!»

Под незнакомым словом "большевизм", пришедшим в Албанию из России и вошедшим в повседневную лексику без перевода, подразумевалось разрешение аграрного вопроса путем насильственной экспроприации помещичьих земель. В это понятие вкладывалось также стремление к завоеванию свободы для народа в духе буржуазно-либеральных требований. Такая постановка вопроса в годы назревания революционного кризиса в Албании проистекала из социальной структуры албанского общества, зависела от положения и уровня сознательности рабочего класса.

Малочисленный рабочий класс, рассеянный по мелким предприятиям большей частью полуремесленного типа, не имел своих организаций и партий. Социалистические идеи проникали в Албанию через левую эмигрантскую печать, но их влияние на общество было невелико. Забастовки были редкими и носили экономический характер. Наиболее значительными из них стали двухнедельная забастовка типографских рабочих в Гирокастре в январе 1921 г. и стачка на битумных разработках в Селенице осенью 1923 г. Рабочие принимали участие в деятельности общедемократических организаций и групп, создававшихся в Албании в начале 20-х годов.

В то время радикальное решение аграрного вопроса стало первоочередным требованием момента. Сформулированное в общей форме как ликвидация феодализма в деревне, оно входило в программные установки всех политических групп — Национальной народной партии, "Ни паши, ни бея", Национального комитета, Демократической группы и некоторых антиклерикальных организаций. "Краху комбтар" практически перестало существовать, а его члены влились в состав других новообразований. Руководящую роль в едином демократическом движении играли представители буржуазно-либеральной интеллигенции и национальной буржуазии. В своей пропагандистской и просветительской деятельности они опирались на

поддержку органов печати, выходивших как в стране, так и за ее рубежами.

В целях объединения всех разрозненных движений, выступавших за прогрессивные преобразования в политической и общественно-экономической жизни Албании, в конце апреля 1921 г. была создана федерация "Атзэу" ("Родина") во главе с Авни Рустеми. Ее программа содержала ряд умеренных общедемократических требований: всемерная поддержка частной инициативы; создание кооперативных, торговых, промышленных объединений; улучшение положения крестьянства; организация аграрного банка; повышение культурного уровня народа; усовершенствование системы образования и здравоохранения и т.п. Кроме этой официальной программы существовала и другая, скрытая от посторонних глаз. Ее разработал сам А. Рустеми, считавший возможным применение насилия против феодальной реакции вплоть до свержения существующего режима вооруженным путем.

Федерация какое-то время опиралась на финансовую поддержку правительства, но очень скоро она прекратилась, а в августе 1922 г. министр внутренних дел А. Зогу закрыл бóльшую часть первичных ячеек "Атзэу". А. Рустеми не смирился с этим и вместе с соратниками приступил к созданию новой организации на базе ликвидированной. Так 13 октября 1922 г. в Тиране появилось общество "Башкими" ("Единение"), открывшее филиалы во всех наиболее крупных городах Албании. Основную массу его членов составляли учителя, мелкие служащие, представители мелкой городской буржуазии, ремесленники.

Программа "Башкими" предусматривала борьбу за проведение демократических реформ, выдвигала требования защиты отечественной промышленности и предпринимательства. Важнейшим пунктом, привлекшим впоследствии на сторону общества симпатии крестьянства, явилось оказание помощи в развитии сельского хозяйства. "Путем аграрной реформы большинство народа должно быть освобождено от ярма, а государство выведено из экономического кризиса. Только в этом случае возможно обработать каждую пядь плодородной земли Албании, и крестьянин, знающий, что он работает на себя, станет полезным также и государству", — говорилось в программе.

К концу 1923 г. в Албании возродилось, но на более широкой, поистине общенародной основе движение за созыв Учредительного собрания, призванного решить вопросы о форме государственного правления и о конституции. Формально эти задачи укладывались в неоднократно провозглашаемую Ахметом Зогу программу "оксидентализма", т.е. вхождения в западную цивилизацию. Но на деле правительство пошло на выборы только под давлением оппозиционных демократических сил.

Пресса того времени выступала против политической и экономической власти феодалов, призывая народ к бдительности и единству, ибо они (феодалы) "забудут все свои недавние разногласия и тут же объединятся, когда создастся угроза их власти со стороны народа". Однако оппозиции не удалось добиться единства в подходе даже к таким ключевым проблемам, как форма режима и аграрная реформа. Требованиям провозглашения республики противостояли идеи сохранения монархии в форме регентства. Только две группы — "Ни паши, ни бея" и Демократическая группа — считали проведение аграрной реформы необходимым условием развития страны по пути демократии и прогресса. Остальные ограничивались лозунгами расширения и защиты демократических свобод, независимого судопроизводства и т.п.

Разобщенность в обществе привела к тому, что и проправительственные круги не могли добиться единства. Предпринятые Зогу попытки создать на обломках Народной партии новое политическое объединение натолкнулись на традиционные амбициозность и соперничество феодальных вождей. Тем не менее правительственному блоку удалось провести в парламенте очередной антидемократический избирательный закон, несмотря на активное противодействие оппозиции, выдвинувшей свой альтернативный проект прямого и тайного голосования. Правда, некоторые поправки к закону были приняты, но они не смогли изменить его характер.

Выборы в Учредительное собрание проходили в условиях подкупов и прямых фальсификаций. Полиция прибегала к открытому давлению на избирателей демократического толка, избивая их и подвергая аресту. Массовые протесты вызвало убийство двоих из них. "Вы добьетесь такими действиями того, что в Албании повторится французский 1789 год", — предрекалось в неподписанной телеграмме в адрес правительства.

Избирательная кампания завершилась 27 декабря 1923 г. и принесла победу правительственному блоку. Его успеху способствовали не только злоупотребления в ходе выборов, но и отсутствие политической культуры в целом, а также элементарная неграмотность основной массы избирателей — крестьян. Оппозиция пренебрегла "хождением в народ" и устной пропагандой своих идей среди простых людей. В результате наименьшее число выборщиков прошло по ее спискам в районах, где господствовало крупное помещичье землевладение. «Во время выборов сформировалась куча партий с кучей программ, — писала газета "Дрита". — И в обстановке этой анархии в избирательной кампании человек просто не мог сообразить, кому отдать свой голос, какой партии отдать предпочтение».

Возглавлявшийся А. Зогу кабинет министров не подал в отставку ни после выборов, ни после открытия 21 января 1924 г. Учредительного собрания. Более того, он попытался в одностороннем порядке укрепить свои позиции, вернув для начала пост министра внутренних дел, утраченный незадолго до этого после неудачной попытки устранить неугодного ему командующего жандармерией. Однако его намерению не суждено было осуществиться. Убежденный в силе оружия как решающего аргумента в политической борьбе, он пал жертвой этого представления.

Наиболее радикально настроенные деятели оппозиции стали формировать отряды добровольцев в Дибре и Мати, чтобы вооруженным путем свергнуть диктаторский режим. Выступление назначалось на 23 февраля 1924 г., и в тот же день 17-летний студент из Мати Бекир Вальтер совершил покушение на Зогу у входа в парламент. Он стрелял с двухметрового расстояния почти в упор, но только легко ранил премьера. При аресте Вальтер показал на А. Рустеми как на вдохновителя теракта. Зогу заявил об отставке с поста премьер-министра и покинул страну, чтобы залечить полученные раны.

3 марта новый кабинет министров сформировал один из самых богатых людей Албании, эльбасанский помещик Шефкет Верляци. Стремясь приглушить волну протеста, вызванную действиями своего предшественника и эвентуального зятя, он пошел на некоторые уступки крестьянам путем частичной отмены налогов, а также ввел в правительство двоих представителей оппозиции, чтобы создать видимость сформирования коалиционного правительства. Однако никакие паллиативные меры не могли остановить недовольство, нараставшее во всех слоях общества и предвещавшее неминуемый взрыв насилия. Очередная полоса нестабильности ознаменовалась загадочным убийством в первых числах апреля двух американцев, направлявшихся по делам из Тираны в Шкодру. Некоторые современники склонялись к мнению, что инцидент был спровоцирован Зогу, другие считали это ошибкой беглого преступника, метившего в своих "кровников". Скорая расправа жандармов по ложному доносу с двумя ни в чем не повинными братьями всколыхнула всю страну.

Восстание 1924 года

Революционные выступления, прокатившиеся по всем балканским странам после окончания первой мировой войны, не оставили в стороне и Албанию. Пример России, деятельность В.И. Ленина и большевиков вдохновляли албанских политиков

на решительные действия. Вера в то, что именно денонсация советским правительством тайного Лондонского договора 1915 г. способствовала восстановлению независимости и сохранению территориальной целостности Албании, прочно вошла в сознание людей. Поэтому, когда 4 февраля 1924 г. на заседании Учредительного собрания депутат Яшер Эребара призвал почтить память умершего накануне президента США В. Вильсона, то единодушную поддержку присутствовавших получило также предложение А. Рустеми воздать должное и В.И. Ленину как защитнику интересов Албании, разбившему стальные сейфы царского министерства иностранных дел.

Атмосфера насилия и произвола, установившаяся в стране, была чревата взрывом. Манипулировавший действиями правительства А. Зогу, провоцировавший разного рода инциденты в надежде, что его вновь призовут в министерство внутренних дел для наведения порядка, не разглядел той черты, пересечение которой грозило ему губительными последствиями. Он решил убрать своего наиболее опасного противника.

20 апреля 1924 г. на одной из улиц Тираны рука наемного убийцы настигла Авни Рустеми. Получив тяжелые огнестрельные ранения, он тем не менее смог ответить нападавшему, но промахнулся. Через два дня Авни умер в больнице от внутреннего кровотечения. Тело забальзамировали и повезли во Влёру для последующего погребения. Сторонники Зогу не скрывали имени заказчика покушения, оправдывая происшедшее необходимостью соблюдения обычаев кровной мести. Однако никакие ссылки на "законность" возмездия не оказали успокоительного воздействия. Траурная процессия, на которую съехались множество людей со всех концов Албании, плавно перетекла в митинг. В отчете итальянской дипломатической миссии в Рим сообщалось, что в церемонии приняли участие члены общества "Башкими", регенты, депутаты Учредительного собрания, служащие, офицеры, народ (крестьяне), т.е. все те, кого можно отнести к национально-демократическим силам.

После похорон Влёра стала центром готовящегося восстания. Возглавил его так называемый административный совет во главе с Фаном Ноли. Вооруженные выступления начались одновременно в конце мая в нескольких районах страны — в префектуре Косова, в Шкодре и Влёре. В Тиране при содействии дипломатических представителей иностранных государств, из которых выделялся своей активностью британский посланник Эйрс, был составлен список министров нового кабинета Ильяза Вриони без Верляци и Зогу. Но военные успехи отрядов Байрама Цурри на северо-востоке и повстанцев на севере и юге сделали манипуляции тиранских властей бесполезными. Сопротивление правительственных войск было подавлено, и

10 июня вооруженные силы оппозиции вошли в столицу. Зогу и его сторонники бежали в Югославию с отрядом в 500 человек.

Общество "Башкими" приветствовало победу восстания как "блестящий пример торжества демократии" и выдвинуло перед будущим правительством ряд требований. Они предусматривали чистку административного аппарата, "обеспечение экономической независимости крестьянства посредством широких аграрных реформ", "восстановление подлинной демократии, защита которой никогда не должна быть доверена феодалам и псевдодемократам".

16 июня 1924 г. было сформировано революционное правительство во главе с Фаном Ноли, составленное по принципу удовлетворения всех групп, участвовавших в восстании. Поэтому наряду со сторонниками реформ, представлявших интересы буржуазно-либеральных кругов, в кабинет вошли феодалы. Так, министром иностранных дел стал Сулейман Дельвина, проявивший себя защитником прав и привилегий крупных землевладельцев в прежних составах правительства. Тиранское отделение "Башкими" обратилось к руководству восстанием с призывом не привлекать феодалов к участию в административных органах любого уровня. Однако пожелания такого рода не принимались во внимание.

Правительство выступило с декларацией демократических свобод и программой реформ в буржуазном духе. Обещая народу постепенный выход из критического положения, программа, состоявшая из 20 пунктов, предусматривала "восстановление царства законности", искоренение феодализма, установление демократии, проведение радикальных реформ в административной и военной областях, изменение системы налогообложения, улучшение положения крестьянства и его экономическое освобождение, привлечение иностранных инвестиций, защиту и поощрение отечественного предпринимательства, организацию просвещения "на современной национальной и практической основе", установление дружественных отношений со всеми государствами, особенно с соседними, и т.п. Правительство обещало провести выборы в парламент на основе прямого и тайного голосования после нормализации положения в стране.

Весть о победе, одержанной албанским народом в ходе июньского восстания, вызвала большой резонанс в Европе и на Балканах. На фоне спада революционной волны в соседних странах события в Албании воспринимались правительственными кругами в качестве угрозы относительной стабилизации внутриполитической обстановки, которую мог взорвать албанский прецедент. Эти опасения усиливались ввиду безоговорочной поддержки событий в Албании демократической общест-

венностью Европы и, в особенности, Коминтерном. Президиум Коммунистической балканской федерации и компартии Италии обратились 25 июня 1924 г. с воззванием к рабочим и крестьянам балканских государств и Италии, к трудящимся Албании. В нем отмечалось большое значение всенародного движения в Албании, направленного на уничтожение феодализма, установление политических свобод, сохранение независимости государства "против империалистических поползновений Италии, Югославии и Греции". Обращая внимание на опасность, грозившую со стороны внутренних реакционных сил, авторы воззвания предупреждали: "Рабочие и крестьяне Албании! Позаботьтесь о том, чтобы ваши цепи снова и еще сильнее не сковали вас. Именно теперь вы должны напрячь все силы, чтобы защитить ваши социальные и политические завоевания. В противном случае вы будете обмануты, и тогда ваша борьба станет вдвое трудней".

Программа правительства воспринималась албанским народом с большим энтузиазмом. В газетах, различных посланиях с мест, резолюциях митингов и собраний высказывались предложения о том, какие конкретные меры необходимо принять в первую очередь для быстрейшего осуществления намеченных преобразований. Повсеместно лейтмотивом становилось требование борьбы с феодализмом. "Искоренение феодализма является основным условием движения Албании путем цивилизации... Самое надежное средство — освобождение крестьянина. Возвратите крестьянину его землю, ту землю, которую он полил потом и кровью, и феодализм падет", — писала выходившая в Гирокастре газета "Дрита".

В министерство общественных работ и сельского хозяйства стекались многочисленные сведения о бедственном положении отрасли. Так, префект Гирокастры сообщал, что возделывание сельскохозяйственных культур ведется "повсюду крайне примитивными методами", крестьяне "вынуждены оставлять свои плуги и уезжать на поиски счастья в чужие страны". Выход из создавшегося положения можно найти, только устранив основные причины, которые, по мнению специалистов сельского хозяйства префектуры, сводились к следующему: а) неосведомленность подавляющего большинства крестьян в отношении рациональных методов ведения сельского хозяйства; б) отсутствие современных средств сообщения; в) нехватка денежных средств; г) сохранение архаичной системы сбора налогов и десятины; д) преобладание чифликов, т.е. мелкой крестьянской собственности. Решение технических вопросов, связанных с повышением культуры земледелия, зависело от осуществления коренных преобразований в сельском хозяйстве.

Аналогичные требования скорейшего проведения аграрной реформы поступали из центральных и южных районов страны. Крестьяне одной из деревень в окрестностях Дурреса обратились к премьер-министру с просьбой передать в их владение помещичьи земли, которые обрабатывались ими испокон веков, а теперь, после смерти их хозяина, должны были перейти к государству. Исходя из того, писали они, что правительство сформировалось по воле народа и должно защищать его интересы, особенно интересы неимущих, премьер-министр должен обеспечить им жизненные права и спасти их от угрозы сгона с земель, на которых жили их предки. "Мы слыхали, — продолжали они, — что другие демократические государства выкупают землю и помещают на нее крестьян, освобождают их от ярма рабства и зажигают свет свободы. Они парализуют действия аристократии, чем обеспечивают спокойствие и привлекают к себе симпатии".

Правительство понимало первостепенное значение аграрной реформы и уже с первых дней после прихода к власти стало принимать меры по облегчению участи крестьянства — движущей силы революции. Некоторые довольно существенные изменения наметились в налоговой системе. Например, права на сбор десятины передавались деревне, а не посреднику между крестьянином и государством. Десятина не взималась с фруктовых деревьев и ульев. Однако просьбы о прощении или, по меньшей мере, об отсрочке сбора других налогов, которые беднейшее население горных районов севера и юга просто физически не могло уплатить, игнорировались властями. Был подготовлен проект закона "О деприватизации государственной собственности", согласно которому наделы передавались безвозмездно тем крестьянам, которые их обрабатывали. Другим же представлялось право выкупа земли. Законопроект не касался крупных феодальных собственников. Даже проведенное секвестрирование владений и имущества бежавших за рубеж и объявленных государственными преступниками А. Зогу, Ш. Верляци, И. Вриони и др. не отразилось на положении крестьян, живших на их землях.

Частичные преобразования в сельском хозяйстве происходили в первые два-три месяца функционирования кабинета Ноли. При содействии демократической печати и энтузиастов из "Башкими" крестьяне знакомились с правительственной программой, а проникнув в суть заложенных в ней идей, стали претворять их в жизнь в одностороннем порядке. В ряде мест они приступили к самовольному разделу земель, отказывались уплачивать налоги. При поддержке консервативно настроенных элементов в центральном правительстве (ведь сам министр сельского хозяйства Кязим Коцули относился к их числу) мест-

ные власти пресекали такие акции, призывая на помощь жандармерию.

Постепенно правительство теряло опору в массах. Внутри него наметились настолько серьезные разногласия, что примирение оказалось невозможным. Развитие событий показало, что реформаторы уступали одну позицию за другой. Фан Ноли проявлял опасную нерешительность. Позднее он сам признавал: "Я возбудил ненависть земельной аристократии. Не в состоянии изгнать ее, я лишился тем самым опоры в крестьянских массах. Мои коллеги в правительстве и большая часть офицеров были или врагами, или в лучшем случае индифферентно относились к реформам, хотя первоначально и высказывались в их пользу... Господин Эйрс смог убедить мое окружение, что аграрные реформы являются опасным большевистским нововведением".

Неблагоприятное для судеб албанской революции стечение обстоятельств, когда решение внутренних социально-экономических проблем стало напрямую зависеть от признания правительства на международной арене, завело кабинет Ф. Ноли в тупик. Стало очевидно, что без моральной и материальной поддержки извне Албания не сможет подняться на ноги. Поэтому с первых дней своего пребывания у власти Ноли занялся, как впоследствии оказалось, неблагодарной работой по утверждению демократической Албании в рядах суверенных европейских государств. Еще 16 — 17 июня он обратился к правительствам Италии, Югославии, Греции, Великобритании, Франции и США с выражением доброй воли к сотрудничеству. Открытое неприятие нового правительства последовало только со стороны Н. Пашича, председателя югославского совета министров. Поддержка, оказанная укрывшемуся в Белграде Зогу, исключала реакцию иного рода. Даже приход к власти нового кабинета во главе с Л. Давидовичем не изменил первоначальной позиции. Правительства других стран под разными предлогами уклонились от принятия решения, заняв в лучшем случае выжидательную позицию.

Ноли пытался вывести страну из изоляции, обратившись за помощью к Лиге наций, членом которой являлась Албания. Он хотел использовать казавшийся ему благоприятным момент, когда на Ассамблее Лиги в Женеве должны были присутствовать главы ведущих европейских держав, и сам возглавил албанскую делегацию. В течение полутора месяцев — с конца августа до середины октября — шла напряженная борьба за признание Албании и за получение реабилитационного займа. Однако ни переговоры в кулуарах Дворца наций, ни прямые обращения с трибуны не достигли результата. Блестящий оратор, Ноли срывал аплодисменты присутствующих, но этого оказа-

лось недостаточно для того, чтобы разрушить стену отчуждения, разделявшую респектабельных буржуазных политиков от "красного епископа", пришедшего к власти революционным путем. И он с горьким сарказмом произнес в своем знаменитом выступлении 10 сентября 1924 г.: «Я боюсь, что даже самый убежденный пацифист, бросив взгляд на деятельность Лиги за все пять лет ее существования, должен будет в отчаянии воздеть руки к небу и возопить: "Лучше война, чем эта набившая всем оскомину пустая болтовня о мире!"». Поездка в Женеву не дала желаемого результата. Ноли не мог тогда знать о закулисных переговорах между представителями тех стран, на поддержку которых он рассчитывал, и продолжал добиваться дипломатического признания и получения финансовой поддержки.

Негативное отношение Великобритании к кабинету Ноли было вызвано тем, что представители оппозиции, вошедшие в его состав, активно выступали против соглашения прежнего правительства с Англо-персидской нефтяной компанией, предоставившего ей по сути дела преимущественное право на разведку и эксплуатацию албанских нефтяных месторождений. Британский посланник в Тиране Г. Эйрс активно вмешивался во внутриполитические коллизии в Албании, открыто поддерживая группировку Зогу, а когда ее поражение стало свершившимся фактом, направил все свое красноречие на дискредитацию правительства Ноли в глазах коллег по дипкорпусу. Он предрекал быстрое падение нового режима и, признавая за одним лишь Зогу способности навести порядок в стране, считал необходимым вернуться к практике великих держав в 1913—1914 гг. в отношении Албании, чтобы обеспечить жизненные условия для этого, как он называл ее, "несчастного создания". Отозванный для консультаций в Лондон, Эйрс смог убедить Форин офис в правоте своих оценок.

Албанский посланник Мехмет Коница, посетивший министерство в надежде получить ответ на обращение о признании нового албанского правительства, удовольствовался официальным письмом премьер-министра Дж. Макдональда, утверждавшим следующее: "Практика правительства Его Величества заключается в том, чтобы не признавать иностранные правительства, взявшие власть в результате революционного движения, пока правительство Его Величества не получит явное подтверждение волеизъявления народа, не убедится в том, что новое правительство пользуется поддержкой большинства в стране. Информация, которой располагает правительство Его Величества, не дает оснований считать, что в конкретном случае дело обстоит именно так".

В США вопрос о признании правительства Ноли не рассматривался в практической плоскости. Сначала госдепартамент

ограничил рекомендации своему представителю в Албании поддерживать контакты на том уровне, на котором они находились при прежнем правительстве. Но по мере того как увеличивался поток донесений о нестабильном положении в стране и о колебаниях в вопросе о признании правительства другими странами, сформировалось негативное к нему отношение и в Вашингтоне.

Неопределенностью характеризовалась и позиция Франции. Премьер-министр Э. Эррио ответил Ноли приветственной телеграммой, в которой заверял в моральной поддержке. Но по дипломатическим каналам поступило разъяснение, что этот жест вежливости нельзя считать официальным признанием правительства. В начале июля албанцев поставили в известность (окружным путем, через итальянского представителя А. Маркетти), что французы в принципе выступают против немедленного официального признания и поэтому правительству Ноли нет ни малейшего смысла настаивать на нем.

Не оправдались надежды и на благожелательную позицию Италии, где с удовлетворением было воспринято свержение проюгославской группировки Зогу. Однако в период развития острого внутриполитического кризиса, связанного с убийством фашистами депутата парламента от Унитарной социалистической партии Дж. Маттеотти, Муссолини предпочел занять очень осторожную, в целом выжидательную позицию. Она обусловливалась также состоянием итало-югославских отношений, находившихся в стадии мирного развития. Белградское правительство заявило о невмешательстве в албанские дела, призвав Муссолини предпринять аналогичный шаг. Тот не только согласился, но и выступил инициатором совместной декларации об отношении к албанским событиям. Опубликованная 8 июня декларация констатировала полное совпадение взглядов и содержала обязательство невмешательства в борьбу в Албании, считая все происходившее там внутренним делом этой страны.

В ответе Муссолини от 21 июня на сообщение Ноли о формировании правительства содержалось заверение, что "как и в прошлом, Италия будет продолжать вносить свой вклад в мирное развитие и процветание дружественной соседней страны". Это было воспринято в Албании и за рубежом как признание правительства Ноли де-юре. Муссолини в срочном порядке опроверг это. Тем не менее Ноли, рассчитывавший сыграть на заинтересованности Италии в албанских делах и разорвать кольцо непризнания, обращался в начале июля к Муссолини за поддержкой в споре Албании с Югославией и Грецией по пограничному урегулированию. Тогда же шли переговоры о предоставлении Албании займа на сумму 100 млн итальянских

лир и о поставках снаряжения и вооружений для албанской армии.

В действиях итальянской дипломатии чувствовалась неуверенность. Желание не упустить подходящий момент и добиться политических и экономических преимуществ в Албании наталкивалось на опасения в очередной раз заработать обвинения в экспансионистских устремлениях. Тем не менее Муссолини выразил готовность встретиться с Ноли конфиденциально в конце августа в Риме, где тот намеревался остановиться по пути в Женеву, направляясь на заседание Ассамблеи Лиги наций. Он даже определил тему беседы — консультирование албанцев по экономическим вопросам в рамках выработанной к тому времени формулы "поддерживать албанское *государство*, а не это или какое-либо другое албанское *правительство*". Однако встреча состоялась только на обратном пути в середине октября и закончилась ничем. Ноли впоследствии сказал, что она носила "чисто дружеский характер". Дескать, встретившись в перерывах между заседаниями Лиги наций с премьерами двух великих западных держав Дж. Макдональдом и Э. Эррио, Ноли не смог не нанести визит вежливости также и Муссолини. Однако присутствовавший на встрече личный представитель Муссолини в Албании А. Маркетти свидетельствовал о другом: Ноли рассчитывал на конкретную помощь, но ему дали понять, что переговоры возможны только с законным правительством после проведения в Албании парламентских выборов.

Правительству Ноли не удалось пробить стену дипломатической изоляции. Только Советская Россия проявила понимание и согласилась признать его. Вопрос об установлении дипломатических отношений между Албанией и РСФСР возникал еще в январе 1923 г. по инициативе советской стороны. Но на соответствующий запрос наркома иностранных дел Г.В. Чичерина тогдашний министр иностранных дел Албании П. Эвангели сообщил, что албанское правительство не может опережать в этом вопросе великие державы. "В тот день, когда Российское правительство возобновит дипломатические отношения с этими державами, — писал он, — албанский народ сочтет для себя счастьем иметь в Албании представителя Великого Российского государства".

В феврале 1924 г. после признания Советской России Англией и Италией албанская сторона стала зондировать почву насчет открытия консульства в Одессе для защиты интересов своих граждан, оказавшихся в России еще до революции. Тогдашний заместитель наркома иностранных дел М.М. Литвинов ответил положительно, но только при условии установления дипломатических отношений.

Сразу после прихода к власти Ноли постановлением албанского правительства от 28 июня было решено возобновить контакты через советское полпредство в Риме. В Москве согласились. Однако когда тогдашний министр иностранных дел Албании С. Дельвина обратился за консультацией в Лондон и Париж, то известие о готовившемся акте вызвало бурную негативную реакцию. Албанскому правительству было сделано официальное заявление о недопустимости внедрения большевиков на Балканы. Дельвина с явным неудовольствием (Албания жизненно нуждалась в международном признании) передал 19 августа своему представителю в Риме следующую ориентацию: в настоящих условиях установление албано-советских отношений не ко времени, но в разговорах с советскими представителями не следует говорить об этом прямо и по возможности давать уклончивые ответы.

Г.В. Чичерин, не зная о закулисной стороне дела, обратился в середине сентября в Тирану с предложением о переходе от принципиальной договоренности к конкретным действиям. Поэтому Ноли, находившийся в середине октября в Риме, встречался не только с Муссолини, но и с первым полпредом СССР в Италии К.К. Юреневым, с которым разговаривал о практических шагах по установлению дипломатических отношений. Отзвуки этой встречи вызвали очередную истерику в британских газетах. По возвращении в Тирану Ноли попросил своего представителя в Риме строго конфиденциально довести до сведения "советских", что албанское правительство вынуждено отложить обсуждение этого вопроса, чтобы не дать козырь реакционерам и оппозиционным партиям в преддверии выборов. Однако его директива запоздала. Советский полпред А.А. Краковецкий вместе с семью другими сотрудниками дипломатической миссии, получив визы в албанском представительстве в Вене, 16 декабря прибыл в Тирану. Уже на следующий день, 17 декабря, в адрес албанского правительства посыпались протесты от Великобритании, Италии и Югославии. На севере страны готовились перейти границу отряды Зогу. Британский представитель предъявил по сути дела ультиматум: если "большевики" (Краковецкий и его сопровождение) останутся в Тиране, то его правительство отнесется к вторжению Зогу, как к внутреннему делу Албании, т.е. не будет вмешиваться. Если же они уедут, то угроза вторжения сама собой отпадет, ибо дело будет улажено дипломатическим путем. Краковецкий покинул Албанию, но это не спасло правительство Ноли.

В начале декабря из Белграда стали распространяться слухи, что Зогу собирается во Францию. В подтверждение этого в местной газете "Политика" появилось сообщение, что он перед отъездом встретился с королем Александром и премьер-мини-

стром Н. Пашичем, после чего дал интервью следующего содержания: "Мы уезжаем в Париж, чтобы там провести зиму. Я благодарю югославское правительство, которое смогло понять и оценить наш искренний патриотизм". И он действительно отбыл из Белграда, но в другом направлении.

11 декабря отряды Зогу совместно с частями югославской армии и врангелевцами уже вели бои с правительственными войсками на границе, когда еще шли переговоры о судьбе советской дипломатической миссии. В самой Албании его поддержали байрактары с севера и из Косова — Исуф Элези, Марко Гьони, Акиф Лэши, Мухаррем Байрактари, Цено Крюэзиу и др.

Главные пособники вооруженного вмешательства поспешили сообщить о непричастности к нему. Итальянское агентство "Стефани" передало, что незадолго до этого во время переговоров Муссолини с югославским министром иностранных дел М. Нинчичем произошел обмен мнениями по албанскому вопросу и оба правительства подтвердили свое желание действовать в полном согласии, "не препятствуя развитию независимой Албании, и считать исключительно внутриалбанским делом любые межпартийные столкновения, которые там могут произойти". Муссолини писал тогда итальянскому посланнику в Албании маркизу Дураццо, что провозглашение политики невмешательства поможет установлению взаимопонимания с новым правительством после реставрации Зогу.

Несмотря на неоднократные обращения Ноли к Лиге наций с просьбой помешать агрессии, она не предприняла никаких мер. Еще в конце ноября Ноли отправил в Женеву официальное письмо с детальным описанием приготовлений, которые велись на югославской территории. "Албания находится накануне иностранного вторжения", — предупреждал он. Но ни это, ни другие обращения не встретили отклика. 18 декабря албанский представитель в Женеве направил генеральному секретарю требование срочно поставить на Совете вопрос о югославском вмешательстве в Албании на основе статей 12 и 15 Устава Лиги наций. Но пока письмо проходило по всем бюрократическим инстанциям, правительство Ноли пало.

24 декабря 1924 г. после двухнедельных боев Ахмет Зогу вошел в Тирану. Через три дня он разослал во все дипломатические представительства Албании за рубежом телеграммы, что "революционное правительство Фана Ноли" свергнуто им, "главнокомандующим операции", и "законное правительство" восстановлено. А спустя полтора месяца Зогу отозвал из секретариата Лиги наций письмо Ноли.

Буржуазно-демократическая революция, как принято называть события 1924 г., потерпела поражение, ибо она не смог-

ла создать механизм, обеспечивающий претворение в жизнь провозглашенной в июне программы радикальных реформ. История отпустила на это слишком мало времени. Демократические силы не сумели консолидироваться, в то время как сопротивление феодалов нарастало. Пришедшее к власти в результате народного восстания правительство Фана Ноли в своей деятельности не смогло найти опоры ни в "верхах" общества, ни в народе. Его деятельность развивалась в период спада революционной волны в Европе и утверждения на Балканах реакционных монархических режимов. Решающую роль в низвержении правительства Ноли сыграло иностранное вмешательство — революционному правительству было отказано в признании, а следовательно и в самом существовании.

Фану Ноли и еще шестерым членам кабинета министров (всех их заочно приговорили к смертной казни) удалось покинуть Албанию на итальянском пароходе, на борту которого находилось более 200 политических эмигрантов. Он напоминал Ноев ковчег. Среди покидавших страну были люди разных, зачастую полярных, политических взглядов, в частности Али Кельменди, ставший впоследствии одним из организаторов коммунистического движения в Албании, и Мустафа Круя, неприглядную роль которого в истории страны невозможно определить каким-либо одним словом.

Кратковременный период демократии (точнее — иллюзии демократии) кончился, наступило время "торжества законности", а по сути дела — диктатуры Ахмета Зогу. В исторической литературе нет определенного мнения, благо или зло принес Албании этот правитель, находившийся у кормила власти почти 15 лет. И, может быть, именно такой человек, как Зогу, исповедующий закон силы и знающий нравы и обычаи албанского народа, изощренно эксплуатировавший его слабости, более соответствовал духу того времени, а не прекраснодушный приверженец идеалов то ли Французской, то ли Американской революций, каким был православный епископ Фан Ноли, проживший в Албании от силы пять лет.

"Красный епископ" Фан Ноли

Пароход с разношерстной компанией албанских политических эмигрантов прибыл в итальянский порт Бриндизи. Остановившийся в местном отеле "Интернациональ" Фан Ноли пригласил к себе друзей по несчастью и, обращаясь к своему соратнику Л. Гуракучи, сказал: "А мы ведь наделали много ошибок". Он как бы предложил осмыслить все пережитое и прочувствованное за последние полгода. Но искреннего разговора не по-

лучилось. Никто из присутствовавших, а некоторые из них занимали министерские посты в революционном правительстве, не рискнул взглянуть самокритично на свою деятельность. Говорят, что именно тогда Ноли сбрил усы и роскошную черную бороду, обретя несколько аскетичный облик, запечатленный впоследствии в живописных и скульптурных портретах.

1924 год пришелся на середину жизненного пути Фана Ноли. Тогда ему было 42 года и столько же предстояло еще прожить. Он пробыл в Италии около месяца, а затем уехал в Вену, продолжая верить в неминуемую победу демократии в Албании. Ради достижения этой цели он много и активно работал.

25 марта 1925 г. в Вене была созвана конференция, в которой приняли участие противники режима Зогу. Образованную на ней патриотическую организацию Национально-революционный комитет (КОНАРЕ — Komiteti nacional-revolucionar) возглавил Ноли. Программа КОНАРЕ предусматривала освобождение страны от тирании Ахмета Зогу, установление подлинно республиканского режима, проведение аграрной реформы и др. Определенные в ней задачи отражали интересы самых различных течений антизогистской оппозиции, в которой принимали участие представители либерально-демократической интеллигенции, националисты, революционно (и отчасти анархично) настроенная молодежь, пришедшая впоследствии в компартию, и некоторые другие группы.

Уже при создании организации выявилась разноречивость, а подчас и взаимоисключаемость целей, которые ставили перед собой ее участники. Так, в КОНАРЕ входила группа "Башкими комбтар" ("Национальное единение"). Ее руководителей не устраивал лично Ахмет Зогу, но основы режима они не собирались ниспровергать. Более того, в программе этой группы содержалось обязательство "бороться против любой большевистской или подобной ей идеи, которая направлена на подрыв социальных устоев Албании". Сам Ноли возглавлял течение, ориентировавшееся на Советский Союз и на сотрудничество с Коммунистической балканской федерацией, находившейся под эгидой Коминтерна.

В первые годы изгнания Ноли осмысливал происшедшее. Он признавал, что, получив власть в свои руки, победители часто не знали, что нужно делать. Правительство хотело переустроить страну на современной демократической основе и тем самым укрепить ее независимость. Оно продекларировало программу, но механизм ее претворения в жизнь не выработало. Уступки феодалам, поддержавшим его в момент взятия власти, ограничили его реформаторские возможности. Надо было отобрать владения у всех латифундистов, а не ограничиваться обещаниями удовлетворить крестьян за счет государства и бежав-

ших собственников. Лишь при этом условии стала бы возможной народная поддержка правительства в его борьбе с режимом Зогу.

При всех трагических последствиях поражения революции для демократического антифеодального движения в целом и для личных судеб многих людей героический порыв народных масс не прошел даром. Для Ноли все пережитое дало импульс поэтическому творчеству. Он облекал свои представления в яркие романтические или гротескно-сатирические образы, широко использовал мифологические сюжеты, албанские народные сказания и библейские притчи. Основной их темой была революция 1924 г.: ее герои и антигерои, политическая и моральная трактовка ее уроков.

За пять лет — с 1926 по 1930 г. — он создал стихотворные произведения, которые поставили его в число виднейших албанских поэтов новейшего времени. Здесь и знаменитая "Песнь о Салеп-Султане", написанная на провозглашение Зогу "королем всех албанцев" (она имеет и другое название — "Монархическая песнь"). Ноли дает блестящую сатирическую зарисовку новоиспеченного монарха и его лакейского окружения. Это — открытый удар по политическому противнику, духовному антиподу Ноли, который называет по именам тех, с кем иносказательно полемизирует в цикле стихотворений на библейские сюжеты. В частности, он упоминал перешедшего после поражения революции 1924 г. на сторону Зогу Фанка Коницу, с которым сотрудничал еще в "Ватре". В столкновении постулатов Христа с прагматизмом апостола Петра, с "умыванием рук" Понтия Пилата Ноли показывает себя и своих прежних, отошедших от него соратников. Тема попрания бывшими единомышленниками общих идеалов борьбы за независимость, демократию и прогресс Албании настойчиво звучит в его творчестве, воплощаясь в художественных образах.

События 1924 г. (революция и контрреволюция) поставили перед Ноли вопрос об отношении к революционному насилию и к проблеме народовластия. Его упрекали в нерешительности и уступчивости врагам, в абсолютизации принципов ненасилия. При этом часто ссылались на его известное высказывание, что "от внешней угрозы свободу надо защищать силой оружия и бесстрашием, а от внутренней — силой духа, гражданской смелостью, которая выше силы оружия". Но его жизнь и творчество опровергают это. В своих стихотворениях он говорит, что встал во главе восстания для того, чтобы прогнать торгашей, разбойников и менял, принести людям веру в свободу, помочь бедным, развенчать богатство и тиранию, а не для того чтобы господствовать над ними. Он восстает не против насилия как такового вообще, а против насилия над народом. В стихо-

творении "На берегах рек" он прямо призывал "рабочих и крестьян от Шкодры до Влёры" восстать против тирании Зогу. Только это откроет дорогу домой невольным изгнанникам:

Как весна сменяет зиму,
Так и мы вернемся к нивам,
К нашим семья, очагам,
К мирной Вьосы берегам[3*].

Его отношение к насильственному свержению неугодной народу власти настолько противоречило традиционным представлениям о долге священнослужителя (а ведь он принадлежал к высшим иерархам православной церкви), что даже современники видели в нем атеиста, а определения "красный епископ" и "опасный большевик" сопровождали его на протяжении всей долгой жизни. Такой славой Ноли был обязан некоторым экстравагантным поступкам, каким стало, например, посещение Москвы в ноябре 1927 г. и пламенное выступление на конгрессе друзей Советского Союза, приуроченном к десятой годовщине победы Октябрьской революции. От имени КОНАРЕ, вобравшей в свои ряды албанских патриотов, не сложивших оружия после поражения возглавленного им революционного движения, он приветствовал страну, в которой воплотились его представления о торжестве демократии и социальной справедливости. "Я восхищен тем, — говорил он, — что лично увидел первое рабоче-крестьянское государство, которому предстоит великая будущность и которая является прообразом будущих таких же рабоче-крестьянских республик"[4*].

Восторженное восприятие достижений СССР вскоре прошло, но факт остается фактом, что именно в это время его взгляды ближе всего подошли к коминтерновским представлениям о неизбежности победы коммунизма во всем мире. Ноли поддерживал идею балканской федерации социалистических стран. Его статьи, содержавшие анализ перспектив развития балканских стран по этому пути, печатались во французской коммунистической печати и в выходившем в Вене журнале "Федерасьон бальканик". Однако путей реализации этих целей в ближайшем будущем он не видел и поэтому в октябре 1932 г. возвратился в США, вновь возглавив албанскую православную

3* Здесь и далее перевод автора книги.

4* Хасан Приштина, глава ирредентистского Косовского комитета, обращался в мае 1927 г. в министерство иностранных дел Италии с просьбой о субсидировании его антизогистской деятельности. Вероятно для того, чтобы утвердить себя в глазах итальянцев наиболее авторитетным оппозиционером Зогу, он попытался опорочить Ноли. "Фан Ноли более не представляет никого, разве что самого себя, вернее сказать, Москву. Он человек конченный, на которого не стоит делать ставку", — убеждал он личного представителя Муссолини капитана Мадзотти.

церковь с центром в Бостоне. Но и тогда он не отрешился от мирских дел — основал еженедельник "Республика".

Исполнение епископских обязанностей оставляло Ноли свободное время, и он углубился в литературное творчество, завершил перевод "Дон Кихота" М. де Сервантеса, начал изучать албанский фольклор. Вероятно, Ноли и сам чувствовал себя "рыцарем печального образа", что позволило ему сделать перевод художественно достоверным. Круг его творческих интересов еще больше расширился. Для подведения прочной базы под свой дилетантский интерес к музыке он поступил в консерваторию в Бостоне. Окончив ее в 1938 г. по классу композиции, сочинил рапсодию "Скандербег", а также ряд духовных произведений. В 1945 г. Ноли получил ученую степень доктора философии в Бостонском университете по специальности "История Ближнего Востока и России", защитив диссертацию о Скандербеге, опубликованную через пять лет.

В 1947 г. вышло его исследование "Бетховен и Французская революция". Бернард Шоу высоко оценил этот труд, сказав, что в нем виден почерк первоклассного критика и биографа. Однако значение этой книги выходит за рамки музыковедческого произведения. Ноли рассматривает творчество композитора в социально-политическом контексте той эпохи. Более того, здесь можно найти параллели между взглядами Ноли на Французскую революцию и идеями, нашедшими отражение в его поэтическом цикле и статьях 1925—1932 гг.

В частности, Ноли ставит вопрос о применимости трех известных лозунгов Французской революции — свобода, равенство и братство — к Албании, где "царствуют драконовские законы, ведущие свое начало от турецких обычаев", где "невежественна молодежь, а сельское хозяйство развивается, как во времена Ноя, на основе далеких от науки методов". Он склоняется к возможности существования демократии в таких странах, но при условии понимания всей сложности их проблем в том числе и великими державами.

В книге о Бетховене нашли отражение размышления Ноли о соответствии морали политика принципам правления в условиях победившей революции. С юношеских времен у Ноли было три идола, которым он поклонялся, — Христос, Скандербег, Наполеон. Каждый из них являлся соответственно символом веры, национального самосознания, героической личности. Сквозь призму Французской революции рассматривает он отношение Бетховена и эволюцию его взглядов на эти понятия, а также причины падения славы Наполеона на германской земле, приводя широко известную историю с "перепосвящением" Героической симфонии, давая свою версию героизации Наполеона после его смерти.

Анализ "наполеоновской линии", преломленной через жизнь Бетховена, позволяет понять течение мыслей самого Ноли, пережившего свой "термидор" в 1924 г. Анализируя причины поражения албанской революции, он выдвигал на первый план недооценку роли крестьянства. "Все буржуазно-демократические революции, направленные против феодализма, — писал он в одной из статей, — могут победить только при условии привлечения на свою сторону крестьян. А получить эту поддержку можно только при условии проведения глубокой аграрной реформы". Что касается Албании, то там правительство обещало реформу, но не сдержало слова и поэтому потерпело поражение. Ту же недооценку роли крестьянства он видит в качестве одной из причин падения Наполеона. Претензии на аристократизм, отдаление от народа (т.е. крестьянства), создание мифов о божественном провидении героев и о том, что современная цивилизация создана усилиями привилегированных классов, — все это является историческим абсурдом, категорически заявляет Ноли. Ибо своим рождением цивилизация обязана итальянским буржуазным городам-государствам и ...крестьянству. Конечно, он идеализирует крестьянство, но, с другой стороны, в этом выражается его демократизм, противопоставляемый бетховенскому и ницшеанскому культу вождей и героев.

Ноли выделяет особой строкой проблему религии во Французской революции, отметив (и одобрив!) ее рационалистический антиклерикальный характер. Полгода он, православный епископ, возглавлял кабинет министров мусульманской по преимуществу страны и на практике знал, что решение социально-политических и национальных проблем никак не связано с религиозной ориентацией населения. Он сознательно выступал за отделение церкви от государства, против преподавания основ теологии в школе, считал опасным религиозный фанатизм, препятствующий формированию гражданского общества и национального самосознания. Ноли никогда не верил в некую "самодейственность" религии, религиозных догм. Христианство дало ему тот набор моральных и этических норм, которые помогали в повседневной, в том числе и политической, жизни. В остальном же его гражданская и церковная деятельность развивались по двум параллельным линиям.

Отношение Ноли к религии представлялось современникам настолько нетрадиционным для священнослужителя, что его часто называли атеистом. Хотя всей своей жизнью и воистину подвижнической деятельностью на благо албанской автокефальной церкви он заслужил право называться истинным христианином. Другое дело, что его поэтический дар подсказывал ему оригинальные формы выражения своего мнения, в частности и по поводу религии.

В 1971 г. в Албании впервые увидел свет черновик стихотворения, которому сам Ноли дал условное название "Богохульства перед распятием". Оно стоит из 10 четверостиший, каждое из которых представляет собой обращенную к Христу сентенцию, вложенную автором в уста реальных исторических личностей и символических персонажей. Это Ленин и Кальвин, Арий и архиепископ Афанасий, фетишист и теофизит, милитарист и еретик, антисемит и иудей, принимавший участие в распятии Христа. Через все их высказывания проходит мысль самого Ноли: одной лишь верой (религией) невозможно решить ни одной общечеловеческой проблемы. Более того, с помощью религиозных догм легко оправдывается любая несправедливость.

Фан Ноли показывает бессмысленность теологических споров, высказывая воистину еретическую идею: единственно безобидное применение, которое он может найти христианскому кресту, — это в коллекции амулетов Африканского музея в Париже. Он как бы обращается за поддержкой к Ленину, который сочувственно говорит Христу:

> Эх, товарищ, товарищ, ты распят понапрасну,
> Ведь как прежде над бедным насилье всевластно,
> И как знак тирании, как орудие гнета,
> Воздымается крест в море крови и пота[5*].

Милитарист и Еретик логически развивают ту мысль, что смерть страдальца-пацифиста Христа вдохнула силы в милитаризм, вызвав к жизни многочисленные крестовые походы. А не удовлетворившись кровью неверующих и язычников, его последователи набросились на "своих" христианских еретиков-отступников, подавляя инквизиторскими пытками свободу мысли и слова. Критический настрой мятежного епископа как бы усмиряется фатально-примирительным высказыванием Кальвина: если страдания Христа не привели к изменению жизни к лучшему, "то верно так было угодно судьбе". По всей вероятности, такое смирение с судьбой, которая не позволила Ноли выполнить мессианское предназначение в отношении своего народа, окончательно пришло к нему в начале 30-х годов. Поэтому его отъезд в США означал отказ от попыток повторить опыт вмешательства в политическую жизнь своей исторической родины, как он это сделал десятилетием раньше.

Оккупация Албании фашистской Италией в 1939 г., вспыхнувшая национально-освободительная борьба албанского народа против итало-немецких захватчиков вновь пробудили гражданские чувства в душе Ноли. Он занимается сбором средств

[5*] В оригинале слово *товарищ* дается без перевода в такой транскрипции — tavarish, tavarish — с ударением на последнем слоге.

для помощи сражающемуся албанскому народу, выступает в печати и по радио с пламенными призывами к своим соотечественникам. В какой-то момент, летом 1943 г., когда на Западе стали предприниматься попытки сформировать эмигрантское правительство, он едва не согласился войти в него. Однако, узнав, что в стране набирает силу народное освободительное движение, выступил с обращением к албанскому народу по радио, текст которого был опубликован в коммунистической газете "Зери и популыт" ("Голос народа"): "Если вы хотите спасения Албании, то отдайте этому делу душу и тело, не останавливайтесь ни перед какими жертвами. Никто, кроме вас, не сможет построить свободную Албанию". Руководство "Ватры" приняло решение поддержать всеми средствами Временное демократическое правительство Энвера Ходжи. Но, когда тот пригласил Ноли вернуться в Албанию, он отказался, ссылаясь на преклонный возраст.

Когда в начале 1945 г. Временное демократическое правительство обратилось ко всем странам-учредительницам ООН с заявлением о праве своей страны участвовать в работах конференции в Сан-Франциско, его поддержали все зарубежные землячества. Тогда же от имени "Ватры" и албанской православной церкви Фан Ноли направил соответствующее письмо президенту США Ф. Рузвельту. Просьбы не имели успеха, Албания стала членом ООН только через десять лет. Но тот факт, что Фан Ноли, формально отошедший от политической деятельности, выступил в переломный период албанской истории в защиту прав победившего в антифашистской борьбе народа, свидетельствует об устойчивости его демократических убеждений. Не все происходившее в Албании принималось им, но он безоговорочно одобрял свержение тирании и власти феодалов. В этом проявилась верность Ноли делу революции 1924 г. Не случайно на склоне жизни, в 1960 г., он писал: "Была ли напрасной революция 1924 г.? Отнюдь нет. Она доказала, что албанский народ не желал доле терпеть феодальных землевладельцев. Она подтвердила, что землевладельцы не смогли бы возвратиться, если бы не вмешательство извне. Она доказала, что с феодалами покончено. Ведь они так никогда и не смогли оправиться от этого удара".

13 марта 1965 г. архиепископ Фан Ноли скончался в своей зимней резиденции в Форт-Лодердейле (Флорида). Памятник на его могиле был сооружен на средства православных, мусульманских и католических албанских землячеств США и девяти других зарубежных стран. Только после смерти вклад этого самого выдающегося общественно-политического и культурного деятеля Албании XX в. нашел признание на его исторической родине.

Глава IV

Пятнадцать лет диктатуры Зогу

Внутренняя и внешняя политика республики

В результате победы контрреволюционных сил 24 декабря 1924 г. восстанавливалось правительство Ильяза Вриони, находившееся у власти всего две недели — с 27 мая по 10 июня 1924 г. Но тогда, в декабре ни правительства, ни парламента, ни регентства не существовало. Вся полнота государственной и военной власти находилась в руках "полковника Зогу, главнокомандующего операций". Первыми его шагами стала чистка государственного аппарата и подавление оппозиции. Пришедшие с ним из Югославии вооруженные отряды со рвением приступили к выполнению чисто полицейских функций. Реальную угрозу себе Зогу ожидал от Байрама Цурри, не сложившего оружия и ушедшего со своим отрядом на север страны в горы Драгобии. Там один из самых популярных народных героев 29 марта 1925 г. нашел смерть от выследивших его агентов бывшего соратника по Народной партии*. Незадолго до этого, 2 марта, в Бари (Италия) был убит Луидь Гуракучи — ближайший соратник Фана Ноли.

6 января 1925 г. кабинет Ильяза Вриони уступил место новому — с Ахметом Зогу в качестве премьер-министра и министра внутренних дел. В новый кабинет вошли ближайшие соратники Зогу — Кочо Котта, министр народного хозяйства, и Мюфид Либохова, получивший портфели министра юстиции, финансов и заместителя министра иностранных дел. Другие министерства временно упразднялись. Таким образом возник любопытный феномен — правительство из трех министров.

15 января в Тиране собрались сохранившие верность Зогу парламентарии. Через шесть дней на сессии собрания, названного учредительным, была торжественно провозглашена республика и образована комиссия для выработки конституции

* В 1952 г. расположенный недалеко от места гибели Байрама Цурри поселок городского типа Кольгецай (в прошлом деревня) получил его имя и стал административным центром округа Тропоя.

"под президента". Первые ее статьи депутаты утвердили уже через 10 дней после начала заседаний, что дало основание для избрания Ахмета Зогу президентом, который одновременно являлся премьер-министром, министром иностранных дел и главнокомандующим армии. Он стал самым молодым президентом Европы: ему исполнилось тогда 30 лет.

Зогу стремился как можно скорее добиться признания законности своего возвращения во власть европейскими правительствами и в первую очередь соседних с Албанией государств — Италии и Югославии. Уже 3 января 1925 г. он встретился в Дурресе с итальянским посланником маркизом Карло Дураццо. Заклеймив "большевистское правительство" Фана Ноли, Зогу выразил надежду на установление нормальных дипломатических отношений с Италией, которой он обещал предоставить существенные преимущества в экономической области. Президент сообщил о намерении ликвидировать армию как таковую (нет внешних врагов), а для поддержания внутреннего порядка свести все вооруженные силы в один корпус хорошо обученной и дисциплинированной жандармерии численностью около 3500 человек. "Кто знает Зогу, как я его знаю, — писал Дураццо в Рим Муссолини в отчете о результатах своей беседы, — тот не поверит на слово ни одному его обещанию". А обещал он под конец встречи, что постарается освободиться от своих обязательств перед Белградом... Муссолини оперативно отреагировал, сообщив о намерении не спешить с признанием и не опережать других.

Тем временем в Югославии, которая пребывала в состоянии урегулирования своих весьма непростых отношений с Италией, крепла надежда на взаимопонимание также и в албанском вопросе. В середине января 1925 г. король Александр по пути из Парижа в Белград остановился в Венеции, где разговаривал с итальянским посланником в Югославии Алессандро Бодреро. Он изложил (для передачи Муссолини) принципы политики своего правительства в отношении некоторых интересующих Италию проблем: а) ориентация на близкие взаимоотношения с Италией; б) тяготение в сторону Эгейского моря ("Он с улыбкой намекнул на Салоники", — записал Бодреро); в) демонстрация перед Европой хороших итало-югославских отношений. Что касается Албании, то король, признавая итальянские интересы в этой стране, намекнул, что она может переметнуться на сторону Великобритании. Муссолини и без этого предупреждения подозревал Зогу в пробританских симпатиях: слишком активно выступал в роли "отца-опекуна" Албании британский посланник Эйрс. Вероятно поэтому итальянская дипломатия довольно быстро откликнулась на предложение албанской стороны о признании.

22 января председатель кабинета министров и министр иностранных дел Албании Ахмет Зогу обратился к председателю кабинета министров и министру иностранных дел Италии Бенито Муссолини с официальным письмом. Он заверял в своем желании установить в стране правление, соответствующее требованиям современности и обеспечивающее период длительной политической стабильности, а также выразил надежду на моральную поддержку итальянского правительства, "которое так много сделало для укрепления албанской независимости". 26 января Муссолини ответил согласием признать правительство Зогу и обещал ему дружественное содействие со стороны Италии. Правда, тут же он посоветовал своему специальному представителю Уго Соле, направленному в Албанию для налаживания итало-албанских связей (он находился там с 16 января по 25 февраля), занять осторожную позицию в отношении нового правительства. Предстояла серьезная борьба за нефтяные концессии, а по сути дела за влияние в Албании между Италией и Англией, при этом Зогу поддерживал последнюю.

Зогу в спешном порядке выстраивал структуру государственной власти, учитывая ошибки прежних правительств. 2 марта была принята в окончательном варианте конституция, подтверждавшая введение республиканской формы правления. Она устанавливала двухпалатную систему: сенат в составе 18 сенаторов, 6 из которых назначались президентом, а 12 избирались сроком на 6 лет, и палата депутатов, избиравшаяся на 3 года двухстепенным голосованием.

16 марта президент опубликовал декрет о выборах в парламент. Выборы принесли полную победу сторонникам Зогу, тем более что никаких легальных политических партий и группировок не существовало, а в условиях террора, наступившего после контрреволюционного переворота, никакие оппозиционно настроенные политические деятели не рисковали выставлять свои кандидатуры.

Новый парламент собрался 1 июня 1925 г. Первое его заседание носило парадный характер, так как все необходимые законодательные мероприятия, направленные на упрочение власти Зогу, были к тому времени в основном осуществлены. В конце того же месяца он созвал съезд байрактаров, поддержкой которых рассчитывал пользоваться и впредь. 26 июня около 350 байрактаров из Шкодры, Косова и Дибры, одетых в красочные национальные костюмы, вооруженные старинными пистолями и кинжалами, прошли нестройной колонной перед принимавшим этот парад президентом республики. Начавшийся дождь не помешал торжественной церемонии: они дали ему "бесу" — клятву верности. Байрактарам гарантировались права, принадлежавшие им испокон веков на основе "законов

гор", присвоены звания офицеров запаса и установлено постоянное жалованье. Другой вооруженной опорой режима стали отряды жандармерии и милиции, приобретавшие профессиональные навыки под руководством британских инструкторов.

На создание и содержание аппарата подавления направлялись большие средства, а субсидирование иных, менее важных, с точки зрения правящей верхушки, статей сокращалось. Так, например, уменьшился объем денежных средств, предназначенных на развитие школьного обучения, — и это при почти поголовной неграмотности населения. Результатом стало сокращение числа школ, а в тех, которые сохранились, учителя месяцами не получали зарплату. "Ваше превосходительство, — писали президенту Зогу в декабре 1926 г. учителя города Корчи — вот уже четыре месяца мы стучимся во все двери, но, к сожалению, везде нас встречают угрюмые лица, и никто не дает нам ни капли надежды. Вы, который как никто другой знает цену просвещения и высоко уважает миссию учителя, не должны пройти мимо этой нашей горячей просьбы, Вам адресованной". Однако понимания нужд образования не произошло.

Основной заботой Зогу стало упрочение личной власти, а она достигалась в том числе и укреплением позиций феодалов, с помощью которых он победил. В государственном бюджете 1926/27 г. 75% его доходной части выделялось на содержание вооруженных сил и госаппарата, и только 25% на развитие экономики, общественных работ, образование, культуру и т.п. Президент тратил на свои нужды гораздо больше, чем выделялось на здравоохранение, образование и сельское хозяйство вместе взятые.

После всех социально-политических потрясений, обрушившихся на Албанию по окончании первой мировой войны и формального обретения независимости, в стране, где вся экономика держалась на сельском хозяйстве, воцарился хаос именно в аграрном секторе и прежде всего в сфере земельных отношений. То стихийное перераспределение земель, которое происходило за счет государственных (в недалеком прошлом османского государства и султанской семьи) земель, а также заброшенных или в силу разных обстоятельств отобранных владений частных лиц, стало вновь подвергаться пересмотру после реставрации Зогу. В основу лег закон 1923 г. о поселении иммигрантов из соседних государств, главным образом из Югославии, на земельных участках, выделяемых из государственного фонда. Феодалы, торговцы, высшие гражданские и военные чиновники регистрировались в качестве крестьян-иммигрантов и получали бесплатные наделы, в то время как перед действительно обездоленными земледельцами вырастали непреодолимые препятствия.

Ничего и говорить, что не претерпела значительных изменений система налогообложения, существовавшая еще во времена Османской империи. По-прежнему, сохранялись десятина, налоги на скот, пастбища, воду и т.п.

Положение в сельском хозяйстве оставалось в рамках внутренних проблем экономики. В то же время развитие добывающей промышленности и упорядочение финансов находились в непосредственной зависимости от помощи извне, а это в свою очередь ставило вопрос о выборе покровителя. Зогу пытался лавировать между претендентами на монопольное влияние в Албании. Югославия, с помощью которой он вернул себе власть, скоро оказалась оттесненной двумя более сильными соперниками — Италией и Великобританией. Она же получила утешительную награду: в июле 1925 г. состоялась передача ей монастыря св. Наума на берегу Охридского озера и часть территории Вермоша на границе с Черногорией.

После реставрации режима Зогу вновь встал на повестку дня вопрос о нефтяных концессиях. Договор марта 1921 г. о передаче Англо-персидской компании преимущественного права на разведку и добычу нефти не был ратифицирован парламентом. Тогда проявили интерес другие иностранные компании: Франко-албанский синдикат, американские "Синклер" и "Стандард ойл", итальянские "Селеница" и "Ферровие делло стато" (Железнодорожная компания итальянского государства). В 1923 г. Зогу, который еще не решил для себя, кого выгоднее было бы ему поддерживать, попытался поставить вопрос о пересмотре условий соглашения с Англо-персидской компанией. Но Эйрс от имени своего правительства оказал такое давление, которое, как писал один из итальянских дипломатов, "намного перехлестывало границы того, что могло позволить себе иностранное представительство в отношении суверенного государства". Последовавшие за этим политические бури не дали сделать окончательный выбор.

В конце января 1925 г. расстановка сил прояснилась: Зогу поддерживал англичан, а на стороне итальянских претендентов находились тогдашний второй человек в государстве Мюфид Либохова и его брат Экрем, занимавший пост албанского посланника в Риме. Эйрс приманивал албанцев обещанием поддержать в Лиге наций выделение стабилизационного займа на сумму в 3 млн ф. ст. Тогда Муссолини лично включился в борьбу, предложив Соле "нейтрализовать англичан", претендующих на монополизацию нефтяных концессий. В ход пошли ультимативные требования, подкрепленные, в отличие от англичан, не абстрактными хлопотами перед Лигой наций о займе Албании, а выделением вполне конкретной суммы лично Зогу.

Когда в начале февраля 1925 г. возникла угроза ратификации договора с Англо-персидской компанией, Муссолини дал указание Соле довести до сведения Зогу, что подобный шаг будет расценен как враждебный по отношению к Италии и к тому же посягающий на экономическую независимость Албании. Итальянскому послу в Лондоне П. Томази делла Торретте предлагалось воздействовать непосредственно на министра иностранных дел О. Чемберлена, чтобы тот умерил пыл своего подчиненного. Демарши не достигли желаемого успеха: в Албанию прибыла группа британских предпринимателей, получивших предварительное одобрение со стороны албанского правительства на строительство портовых сооружений, мостов, трамвайных и железнодорожных линий.

Муссолини прибегает к последнему аргументу. "Чтобы дать доказательства моих дружественных чувств по отношению к Албании, — пишет он Соле 22 февраля, — и моего живейшего желания помочь ей по мере моих возможностей, я решил ... предоставить заем в 1 млн золотых франков, чтобы обеспечить Ахмету Зогу ту независимость, которая так необходима ему для ведения дел". По всей вероятности, Сола увидел в намерениях своего шефа признаки альтруизма, и поэтому выступил со встречным предложением, расписав его по пунктам: 1) албанское правительство разрывает договор с британской группой; 2) Италия немедленно переводит Зогу 500 000 золотых франков ("безвозвратно, повторяю, безвозвратно"); 3) одновременно албанское правительство делает некий благожелательный жест "в нашу сторону". И тогда ровно через две недели можно перевести оставшиеся полмиллиона в тот же адрес и на тех же условиях.

Сола смог переломить ситуацию. Группа предпринимателей отбыла ни с чем. Забегая вперед, необходимо сказать, что после ухода англичан никто не взял на себя ведение тех работ, которые они собирались сделать. Трамвайных линий ни в одном городе Албании нет до сих пор, первая железная дорога вступила в строй только в 1947 г.

Развивая успех, итальянские эмиссары приступили к переговорам с Мюфидом Либоховой, занимавшим в то время пост министра финансов, об учреждении банка Албании и получении нефтяных концессий. Правда, Сола весьма скептически относился к перспективам развития нефтедобывающей промышленности Албании. Все говорят о нефтяных богатствах этой страны, все туда стремятся, но "тем не менее нельзя исключить, что все стали жертвами миража, ложных научных представлений", — не без основания делился он своими сомнениями с Муссолини, полагая, что надо вкладывать деньги в разведку месторождений хотя бы для того, чтобы подстраховаться от англичан.

Албанскому направлению придавалось большое значение в итальянской внешней политике. Об этом свидетельствовал тот факт, что в конце марта 1925 г. в Министерстве иностранных дел Италии был создан подчинявшийся непосредственно Муссолини специальный албанский отдел во главе с директором Общего отдела министерства Винченцо Лояконо. Весьма деликатной, а поэтому и тайной стороной его деятельности стало оказание материальной помощи политическим противникам Зогу. Щедрые субсидии на себя и детей, обучавшихся в колледжах, получал Мустафа Круя. Оплачивалась деятельность главы ирредентистского Косовского революционного комитета Хасана Приштины. В справке МИД о нем говорится как об "агенте по Албании большевистского центра в Вене и друге Габриэле Д'Аннунцио". Сам Хасан Приштина не скрывал собственной двойной "подчиненности" и, получая от итальянского правительства субсидии на свою деятельность, просил вручать их тайно, "чтобы избежать случайной дискредитации в глазах друзей, не унизить свое достоинство и репутацию революционера"[2*]. Субсидирование "на всякий случай" оппозиции Зогу составляло лишь часть задач албанского отдела. Основные усилия направлялись на подготовку военно-политического договора с Албанией, в который предполагалось включить секретные статьи о военном сотрудничестве и экономическую конвенцию.

Тогда идеи политического союза и экономической конвенции не удалось реализовать на практике, хотя сотрудничество в военной области было оформлено секретным албано-итальянским договором, датированным 26 августа 1926 г. Он предусматривал введение итальянских войск в намеченные итальянским генштабом пункты на территории Албании в случае возникновения угрозы последней; осуществление руководства албанской армией итальянским генштабом; автоматическое объявление Албанией войны любому балканскому государству, которое окажется в состоянии войны с Италией; обещание албанской стороны не заключать ни с одним другим государством военного или союзного договора без согласия Италии. Существовала также договоренность, что в случае войны с Югославией (и, естественно, победы над ней) будут приняты во внимание территориальные претензии Албании.

Политика "открытых дверей", проводившаяся правительством Зогу, казалось, предоставляла одинаково широкие возмож-

---

[2*] После разгрома революции 1924 г. Али Кельцюра и Бахри Омари нашли убежище в Италии и получали денежную помощь от министерства внутренних дел Италии. Впоследствии они стали лидерами созданной в годы второй мировой войны националистической организации "Балы комбтар" ("Национальный фронт").

ности всем соперничавшим в Албании державам. Однако признание лишь за Италией ее особых интересов делало ее шансы на выигрыш более предпочтительными. После того как Англо-персидская компания потеряла право на монопольное приобретение нефтяных концессий, заявки на разведку и эксплуатацию нефтяных месторождений подали в течение 1925—1926 гг. пять других иностранных компаний. Это были: итальянские АИПА (Azienda Italiana Petroli Albania) и СИМСА (Societa Italiana Miniere di Selenizza), американские "Стандард ойл" и "Генри Раштон", а также Франко-албанский синдикат. Итальянские компании получили право на добычу угля в Мемалиае, немецкая — на разведку пиритов, хромитов и марганца в префектуре Мирдита, Сербо-албанский (югославский) банк — на разведку нефти в Пуке и т.д.

Исход борьбы за Албанию решило создание двух акционерных объединений, поставивших ее под полный финансовый и экономический контроль Италии — Национального банка Албании ("Банкальба") и СВЕА (Societa per lo sviluppo economico dell'Albania — Общество по экономическому развитию Албании).

Вопрос о создании национального банка поднимался уже в первые годы после окончания первой мировой войны и восстановления независимости Албании. Нестабильная обстановка в стране, часто меняющиеся правительства, хозяйственный хаос — все это не внушало доверия потенциальным инвесторам. Только выдвижение группировки Зогу на первый план общественно-политической жизни создало реальную субъективную предпосылку для внедрения в страну путем овладения ключевой финансово-экономической опорой. На первых порах Зогу отдавал предпочтение Великобритании. Английская группа предпринимателей, приезжавшая в феврале 1925 г., имела более обширные планы, чем строительство мостов и прокладка в небольших по площади албанских городах трамвайных линий. Ее главной целью было получение от албанского правительства лицензии на основание банка. Тогда Сола с помощью братьев Либохова смог нейтрализовать англичан несмотря на то, что за спиной одной из заинтересованных в сделке компаний просматривалась тень известного нефтяного магната Базиля Захарова. Инициатива перешла к итальянским финансовым группам, ибо к тому времени у них накопился некоторый примечательный опыт общения с Зогу. В ноябре 1923 г. Зогу получил "задаток" за продажу итальянской компании "Ферровие делло стато" принадлежавшего ему леса в районе Мати за круглую сумму в 1 млн 700 тыс. лир. Тогда ему выплатили только 700 тыс. лир, а остальные буквально накануне подписания 12 марта 1925 г. соглашения о нефтяной концессии с вышеупомянутой компа-

нией. По всей вероятности, вырученные за продажу леса деньги убедили Зогу сделать следующий шаг в сторону Италии.

15 марта 1925 г. министр финансов Мюфид Либохова и Марио Альберти, представлявший рекомендованную итальянским правительством финансовую группу, подписали конвенцию об учреждении Национального банка Албании, ставшего известным под названием "Банкальба", и о выделении албанскому правительству займа на производство общественных работ. После утверждения конвенции обеими палатами албанского парламента банк конституировался 2 сентября того же года как акционерное общество с постоянным местопребыванием в Риме. Филиалы создавались в Тиране, Дурресе, Шкодре, Влёре и Корче, причем тиранский офис считался главным.

Известие о подписании конвенции дало уверенность маркизу Дураццо утверждать в письме Муссолини, что отныне Италии "обеспечено решающее преобладание в экономической, а поэтому и в политической жизни этой страны". Сам дуче поспешил известить об этом лично короля Виктора Эммануила III, выразив уверенность в том, что овладение Албанией становится реальностью. Правда, Зогу оценил происшедшее иначе. "Я никогда не дамся в руки Италии", — заверил он Эйрса. И действительно, тогда еще не очень ясно вырисовывался окончательный выбор. "Албания — это служанка-госпожа двух хозяев с неким любовником, маячащим в отдалении", — так охарактеризовал ее положение в начале 1926 г. итальянский делегат в Лиге наций Витторио Шалойя. Несколько фривольный образ в целом правильно отражал сложившиеся к тому времени отношения между этой страной и тремя соперничавшими за нее державами (Великобритания, Италия и Югославия).

Распределение акций банка свидетельствовало о намерении итальянских финансистов, за которыми стояло правительство, направлять финансово-экономическую политику албанского государства. Впоследствии, в 1937 г., М. Альберти издал трехтомник под характерным названием "Война денег" ("La guerra delle monete"), где описал все перипетии напряженной борьбы за контрольный пакет акций. В итоге итальянская финансовая группа получила блокирующий пакет акций — 26% капитала банка. Но так как ей принадлежали все учредительные акции, она получила право распоряжаться почти 38% активов. Итальянское присутствие усиливалось тремя частными акционерами (19% акций). Все другие иностранные банки (югославские, швейцарские, бельгийские) располагали 25% акций. С албанской стороны держателями 30% акций стали братья Экрем и Нуредин Влёра, а также Айет Либохова, единственный из албанцев, кто вошел в административный совет банка, составленный преимущественно из итальянцев. В последний момент

в него был включен в качестве советника Стефано Цурани, номинальный представитель албанского правительства, а по сути дела наблюдатель, не оказывавший никакого влияния на политику банка. Албанские держатели акций довольно скоро отказались от своей доли, перепродав свои ценные бумаги итальянским банкам.

Банк получил исключительное право на эмиссию банкнот и чеканку металлических денег. В обращение поступили бумажные и металлические (золотые и серебряные) албанские франки, а также новая монета — лек. Пять леков приравнивались одному франку. По всей видимости, над развитием и упорядочением албанской финансовой системы работали весьма квалифицированные итальянские специалисты, что позволило превратить албанский франк в одну из самых надежных валют Европы межвоенного периода. Он всегда имел стопроцентное золотое покрытие и никогда не подвергался опасности обесценения, как это случилось с английским фунтом в 1931 г., американским долларом — в 1933 г. и швейцарским франком — в 1936 г.

В концепцию банка как главного кредитора албанского государства изначально закладывалась идея учреждения акционерного Общества по экономическому развитию Албании (СВЕА) с основным капиталом в 15 млн итальянских лир через месяц после начала функционирования самого банка. На самом деле оно было создано 25 апреля 1925 г., до того как сам банк прошел утверждение по всей бюрократической цепочке. СВЕА должно было предоставить кредит албанскому правительству в размере 50 млн золотых франков траншами от 7,5 до 12,5 млн золотых франков в течение пяти лет. Условием предоставления кредита являлось его направление на так называемые общественные работы, т.е. на прокладку автострад и железнодорожных линий, осушение болот, развитие сельского хозяйства, обустройство портов. Предусматривалось привлечение специалистов и квалифицированной рабочей силы из Италии, но не более 50% от общего числа занятых в проектах, если в самой Албании таковых будет недоставать.

Создание банка и СВЕА сопровождалось многочисленными финансовыми махинациями, в которых оказались замешанными ближайшие сподвижники Зогу. В коррупции и в "заимствованиях" из государственной казны был уличен министр финансов Мюфид Либохова, вынужденный подать в отставку. Расследование в парламенте всех обстоятельств аферы выявило новые злоупотребления со стороны высшего чиновничества, но "своевременное" самоубийство М. Либоховы остановило дальнейшие разоблачения. Сам Зогу, убедившись в устранении с политической арены своего эвентуального соперника, не про-

явил заинтересованности в доведении дела до конца. К тому же именно с этого времени началось его быстрое личное обогащение. Небогатый, обремененный многочисленной родней человек в начале своей карьеры, он постепенно превратился в крупного помещика, владельца обширных земельных угодий, а также вилл в Тиране, Дурресе и Широке.

1926 год стал решающим для итальянской политики в Албании. Победа Италии в "нефтяной войне" 1925 г., подписание серии финансово-экономических соглашений, заключение секретного военного договора обеспечили прочную базу дальнейшей экспансии.

В начале февраля 1926 г. в Албанию прибыл новый итальянский посланник — барон Помпео Алоизи, получивший самые широкие полномочия в ведении албанских дел. Перед отъездом его принял Муссолини, который дал следующие директивы: "По экономическим вопросам производить сильное давление на Ахмета Зогу. Всякий раз, когда он попытается избежать принятия на себя экономических обязательств, необходимо заставить его принять и выполнить их. В политических вопросах *абсолютное воздержание*, потому что у меня нет ни малейшего к нему доверия. Давать широковещательные заверения в дружбе, но избегать до времени ангажироваться политически".

Вето с ведения политических переговоров было снято в июне 1926 г. Зогу обратился с очередной просьбой к итальянскому правительству о займе — 1,5 млн золотых франков на реорганизацию жандармерии. Муссолини выразил принципиальное согласие, но обусловил предоставление новых кредитов подписанием политического договора. Переговоры велись долго и трудно. В какой-то момент возникли опасения срыва из-за возможного вмешательства англичан или югославов. Итальянскому послу в Лондоне маркизу делла Торретте поручалось добиться подтверждения в Форин оффис преимущественных интересов Италии в Адриатике. Чемберлен прямо не высказался, заявив, что у Великобритании нет других интересов в Албании, кроме поддержания мира. И только 30 сентября 1925 г. на встрече с Муссолини в Ливорно он заверил его в безусловной лояльности английского правительства в отношении итальянской политики в Албании и в бассейне Адриатики и даже обещал отозвать посланника У. О'Рейли, вызывавшего нарекания итальянской стороны. Собеседники единодушно заклеймили Зогу, его двуличие и интриги, при помощи которых он пытался поссорить Великобританию и Италию.

Итало-английское согласие лишило Зогу возможности маневра. Он продолжал выторговывать более выгодные экономические условия взамен на политический союз, но было очевидно, что до бесконечности переговоры не могли продолжаться.

Муссолини был непреклонен. "Если с Зогу ничего не получится", — направил он 25 октября 1926 г. инструкцию Алоизи, — то нужно будет обрушиться на него, сметя его полностью. Необходимо только постоянно иметь в виду, что на настоящий момент Зогу является тем единственным человеком, который при помощи кулака может управлять Албанией". Случай помог убедиться в этом. 30 ноября на севере страны вспыхнуло антизогистское восстание, поддержанное Югославией. С жестокостью подавленное правительственными войсками, оно тем не менее напугало Зогу своей внезапностью и размахом. Он сделал окончательный выбор.

27 ноября 1926 г. в Тиране итальянский посланник Алоизи и министр иностранных дел Албании Хюсен Вриони подписали договор "О дружбе и безопасности", который получил впоследствии название 1-го Тиранского пакта. Статья 1 договора констатировала, что нарушение политического, юридического и территориального статус-кво Албании противоречит политическим интересам договаривающихся сторон. В статье 2 фиксировались обоюдные обязательства не подписывать политические и военные соглашения, наносящие ущерб интересам другой стороны. Договор заключался сроком на пять лет, подлежал ратификации в парламентах обоих государств и регистрации в Лиге наций.

Итало-албанский договор вызвал бурную и разноречивую реакцию в Европе. Официальная британская оценка была в целом положительной, свидетельствуя о надеждах Форин оффис на укрепление позиций англо-итальянского альянса на Балканах в противовес Франции и ее союзникам. Во французских дипломатических кругах обращалось внимание на то, что договор заключен между государствами разной весовой категории и поэтому сильно напоминает пакт о протекторате. Негативной с самого начала была реакция правительства и общественности Югославии.

Муссолини отчетливо представлял себе неблагоприятные последствия для итало-югославских отношений подписания такого пакта и сознательно шел на обострение, понимая, что дело может кончиться разрывом или даже войной. Складывающаяся на Балканах ситуация представлялась многим настолько тревожной, что это побудило Чемберлена в личном послании Муссолини дать "дружеские советы", чтобы тот снял наслоения, возникшие в связи с албанским вопросом. В ответ он получил резкую отповедь. «Относительно Албании я непреклонен, — писал Муссолини, отвергая самую мысль о дискуссии вокруг Тиранского пакта. — Албания является вопросом жизни для Италии. Допустила бы Англия дискуссии насчет Гибралтара, Мальты, Суэца? Нет. Для Италии Албания имеет аналогичную

ценность, что в конце концов торжественно признано великими державами. Я не допускаю дискуссий об итальянских правах на Албанию, как не допустил бы, положим, разговоров о правах Италии на Пьемонт. Вот в чем суть вопроса: "*To be or not to be*"».

Итало-албанский договор 1926 г. знаменовал собой принципиальный отказ Италии от союзников в проведении балканской политики. Он если и не обеспечивал полный протекторат над Албанией, то во всяком случае гарантировал достижение этой цели в ближайшем будущем. В стране расширялось итальянское военное присутствие. Если руководство жандармерией продолжало по традиции оставаться в руках британских офицеров, то в сухопутных войсках должности инструкторов занимали итальянцы. Военным атташе в итальянском дипломатическом представительстве стал полковник, а затем генерал Альберто Париани, с именем которого связана вся последующая история итальянской экспансии в Албании вплоть до оккупации в 1939 г. Свыше 50 итальянских топографов из военно-географического института проводили картографические работы в Центральной Албании. Все это по идее предпринималось Италией ради укрепления и обеспечения обороны своей балканской союзницы, а итальянская периодическая печать усердно поставляла материалы об угрозе Албании с севера.

В марте 1927 г. возник кризис в итало-югославских отношениях в связи с действиями на албанской границе вооруженных отрядов косовских албанцев, якобы собиравшихся начать наступление на Тирану в целях свержения Зогу. 19 марта в Париж, Лондон, Берлин были направлены соответствующие ноты, а в Северную Италию начали подтягиваться войска, готовые выполнить условия Тиранского пакта. В ответ Югославия потребовала разбирательства в Лиге наций. Едва усилиями британской дипломатии конфликт удалось потушить, как возник новый — так называемое "дело Джурашковича", переводчика югославского консульства в Албании.

По всей вероятности, югославские спецслужбы поддерживали антизогистскую оппозицию и, подобно итальянцам, имели свою кандидатуру на высший пост в албанском государстве. И те и другие периодически производили своеобразный смотр резервов. В мае 1927 г. глава Косовского комитета Хасан Приштина зондировал почву в Италии, где встречался с Д'Аннунцио. Сохранивший склонность к рискованным авантюрам поэт, которому в то время было за 60 лет, обещал максимум содействия в свержении Зогу. Но тогда Муссолини не проявлял заинтересованности в замене последнего. Специальный албанский отдел МИД порекомендовал Приштине ограничиться публикациями, компрометирующими авторитарный королевский режим Югославии. В самой Югославии рассматривалась кандидатура

преемника Зогу — Цено-беги Крюэзиу, уроженца Косова, женатого на одной из сестер Зогу и сыгравшего большую, если не решающую, роль в реставрации власти своего шурина.

Среди недостатков Цено-беги был один, перевешивающий все достоинства, — он являлся югославским агентом. Переписка с ним и его албанскими сторонниками велась через югославское консульство, а переводы на сербский язык делал натурализовавшийся в Албании черногорец В. Джурашкович. Переводчик не укладывался в рабочее время, брал материалы на дом, что и позволило албанской полиции их изъять, не нарушая иммунитета иностранного консульства, а Джурашковича арестовать по обвинению в шпионаже против албанского государства в конце мая 1927 г. Разгоревшийся скандал привел к разрыву дипломатических отношений между Албанией и Югославией. И хотя в начале августа они были восстановлены благодаря усилиям великих держав, Зогу уже не мог использовать Белград в качестве противовеса. "Дело Джурашковича" имело последствия для судьбы Цено-беги. Его постарались изолировать от югославских и албанских сторонников, отправив послом в Прагу, где он погиб от руки наемного убийцы 14 октября 1927 г. Молва возлагала вину за его смерть на Зогу, избавившегося таким образом от опасного соперника.

Осенью 1927 г. итальянская дипломатия открыла новый тур переговоров с Зогу, стремясь расширить завоеванные год назад позиции. По итальянской инициативе был возбужден вопрос о своего рода легализации секретного итало-албанского военного соглашения 1925 г., которое должно было принять форму оборонительного союза. Кроме того, стремясь укрепить личную власть Зогу, Муссолини предложил ему через нового посланника, но не нового для Албании человека Уго Солу подумать о возможности преобразования албанской республики в монархию, а следовательно, о браке и порядке наследования. Зогу и сам к тому времени созрел для такого шага и поэтому ответил принципиальным согласием, выразив в то же время опасения в связи с неизбежными финансовыми и психологическими (так он их определил сам) осложнениями. В частности, он предугадал, что выдвижение его кандидатуры может натолкнуться на противодействие феодальной знати. Но главную трудность Зогу видел в подведении под эту идею материальной базы. Сола обещал ему всемерную поддержку и, предвидя, что содержание короля может вылиться в круглую сумму, написал Муссолини ободряющее письмо, прибегнув к ссылке на практику крупнейшей и мудрейшей колониальной державы мира: "Англичане считают вассально зависимым не того властителя, который платит дань британской короне, а того, который короной субсидируется".

В Риме приняли решение выплачивать Ахмету Зогу по цивильному листу 2—3 млн лир ежегодно. Однако создание королевства оказалось делом длительным, на которое понадобился год. Прежде всего для основания династии требовался наследник, но Зогу все еще оставался холостяком. Он разорвал помолвку с дочерью Шевкета Верляци, одного из богатейших феодалов Албании, нажив в его лице заклятого врага. Албанки, даже и очень знатные по местным понятиям, его не устраивали. Поэтому параллельно с подготовкой договора начались поиски невесты. В Италии найти не удалось. Зогу склонялся к кандидатуре королевской дочери. Но принцесса Джованна предпочла выйти замуж за болгарского царя Бориса. В семье маркиза Д'Аулетта, род которого восходил чуть ли не к самому Скандербегу, не имелось девицы брачного возраста. Потерпев неудачу еще с двумя-тремя матримониальными проектами, итальянцы отступили, занявшись чистой политикой. В воспоминаниях Сола свидетельствовал, что провозгласить монархию можно было уже тогда, но в Риме не хотели, чтобы это выглядело как предоставление Зогу трона в обмен на военный договор.

Согласование статей договора происходило по стихийно установившейся в албано-итальянских контактах схеме: итальянская сторона разрабатывала проект, албанская сторона выдвигала чаще всего неприемлемые условия, Сола "утрясал", совершая челночные поездки через море. Буквально накануне подписания договора Зогу организовал утечку сведений в Англию, стремясь смягчить слишком отдающую вассальным духом преамбулу. Чемберлен весьма оперативно среагировал и попытался если не воспрепятствовать подписанию договора, то по крайней мере отложить, но смог лишь добиться перенесения официальной церемонии с утра 22 ноября на вечер. Так появился на свет "Договор об оборонительном союзе", заключенный сроком на 20 лет и получивший название 2-го Тиранского пакта.

Новый договор предусматривал совместные действия обоих государств в случае "неспровоцированной войны" против одного из них, предоставление в распоряжение союзника всех военных, финансовых и другого рода ресурсов. Более конкретная расшифровка некоторых статей договора содержалась в письме посланника Солы, которое считалось интегральной частью основного документа и также подлежало ратификации. В нем оговаривались принципы руководства военными операциями и использования союзной территории. Инициатива совместных действий против третьей державы отдавалась целиком в руки Италии, которая по своему усмотрению выбирала момент развязывания конфликта.

В официальных комментариях итальянских дипломатических представителей за рубежом необходимость подписания нового договора обосновывалась желанием оградить албанскую независимость, которая подвергалась угрозе и во время мартовского кризиса, и при возникновении "дела Джурашковича". Сугубо оборонительный характер пакта подчеркивал посол в Москве Черрути во время беседы с Г.В. Чичериным. "Когда я спросил Черрути, — записал Чичерин, — против кого это направлено, принимая во внимание, что Югославия не собирается нападать на Албанию, Черрути объяснил, что имеется в виду поддержание самого албанского правительства". Резко негативной была реакция на новый пакт в Великобритании. Чемберлен считал его политической ошибкой, равно как и предшествовавший ему франко-югославский договор. Во Франции предвидели такой поворот в политике Италии, готовой идти на конфронтацию с Францией. Поэтому французский министр иностранных дел Аристид Бриан прореагировал на известие одной энергичной фразой: "Плевать я хотел на это дело".

Тиранские пакты явились важным этапом в осуществлении средиземноморской программы фашистской Италии. Албания, фактически лишенная политической самостоятельности, превращалась в итальянский плацдарм на Балканах, в ее аграрно-сырьевой придаток.

Провозглашение монархии

Озабоченность Зогу укреплением своей личной власти отодвинула на второй план внутренние проблемы. Однако они давали о себе знать спонтанными проявлениями антиправительственных настроений, выступлениями сельской и городской бедноты против произвола властей и активизацией политических противников режима за рубежом. После подписания серии экономических и политических албано-итальянских соглашений волна стихийного народного возмущения направлялась также и против итальянской политики в Албании. Причем протесты имели как чисто экономическую, так и политическую основу.

Одно из первых открытых антифашистских выступлений имело место в Шкодре, где местное отделение "Банкальбы" отмечало 28 октября 1927 г. очередную годовщину муссолиниевского "похода на Рим" поднятием итальянского флага. Ученики местной гимназии организовали демонстрацию, требуя запрещения фашистской символики. Манифестантов разогнали силой, зачинщиков исключили из учебного заведения за участие в политической акции, но власти все же предписали бан-

ку впредь вывешивать в праздничные дни только албанские флаги.

Зимой 1927/28 г. голод поразил северные и центральные, главным образом горные, районы страны, где последствия грабительской фискальной политики ощущались особенно остро. Крестьянские делегации буквально осаждали органы местной власти, требуя принятия мер. Зогу был вынужден создать в январе 1928 г. правительственную комиссию, которая организовала сбор средств для помощи нуждающимся. К весне того же года волна недовольства докатилась до южных областей, захватив города. Взрывоопасная ситуация складывалась на предприятиях добывающей промышленности и на строительных площадках, принадлежавших иностранным владельцам. Зарплата иностранных рабочих и специалистов намного превосходила получаемую албанцами. Начались акты протеста и забастовки, увенчавшиеся частичным успехом, — некоторым повышением ставок квалифицированным албанским рабочим.

Серьезная угроза режиму исходила из-за рубежа в результате деятельности его политических противников, сохранявших связи внутри страны. Создание при помощи Балканской коммунистической федерации в Вене 25 марта 1925 г. уже упоминавшейся организации КОНАРЕ, объединившей в своих рядах идейных и личных противников Зогу, явилось событием большой важности. Организация смогла создать платформу, приемлемую для всех оппозиционеров, основные положения ее сводились к четырем главным пунктам: 1) спасение Албании от А. Зогу и от его сторонников-феодалов, прислужников иностранных империалистических государств; 2) установление истинно республиканского строя; 3) проведение аграрной реформы в интересах трудящихся масс; 4) восстановление этнических границ Албании. Возглавил КОНАРЕ епископ Фан Ноли. Организация имела свой печатный орган — выходившую в Женеве раз в две недели газету "Лирия комбтаре" ("Национальная свобода"). Ее директором стал молодой врач Омер Нишани, а редактором — Халим Джело[3*]. Газета вела бескомпромиссную борьбу против режима Зогу и пользовалась огромной популярностью в среде албанской эмиграции. В апреле 1927 г. в КОНАРЕ произошел раскол — из организации выделились политики из числа личных врагов Зогу, а не того режима, который он олицетворял. Они образовали организацию "Башкими

[3*] Омер Нишани, не входя ни в одну из албанских политических партий, придерживался либерально-демократических взглядов, что не помешало ему стать министром иностранных дел первого коммунистического правительства Албании, а затем председателем Народного собрания. Халим Джело, выпускник университета во Флоренции, придерживался социалистической ориентации. Умер в 1937 г. в Москве, где находился на лечении.

комбтар" (Национальный союз"), многие представители которой после оккупации Албании в 1939 г. стали тесно сотрудничать с итальянскими фашистами. Революционно и просоциалистически настроенные члены КОНАРЕ объединились в "Комитет национального спасения", активно сотрудничавший с Косовским комитетом в том, что касалось национальных и социальных целей движения. В 1931 г. его штаб-квартира переместилась в Париж, где он просуществовал до 1936 г.

Хотя деятельность зарубежных организаций не представляла непосредственной опасности для Зогу, он старался обезопасить себя от возможных покушений на свою власть со стороны как радикальных революционеров, так и претендентов из числа не слишком верных ему сторонников. Физическое устранение не решало вопроса. В целом его позиции в стране представлялись довольно шаткими, как о том свидетельствовал полковник Париани. Он сообщал о своих наблюдениях в Рим: режим опирается на немногочисленную военную касту, и отношение к нему народа двойственное — одни равнодушны, другие ненавидят. "В подобных обстоятельствах, — соглашался с ним посланник Сола, — ни одно правительство не может долго продержаться. Нет сомнения, что и Зогу долго не удержится, если не будет иметь нашей политической и главным образом экономической поддержки". Выход обеим заинтересованным сторонам виделся в политическом решении, и летом 1928 г. Зогу вернулся к заманчивому предложению итальянцев об учреждении монархии, не дожидаясь истечения 7-летнего срока президентства.

Обосновывая в интервью корреспонденту "Дейли экспресс" преимущества монархической формы правления по сравнению с любой другой, Зогу выдвигал в качестве аргумента ее большую устойчивость: дескать, президент зависит от обстоятельств, ибо всегда должен учитывать волю тех, кто его избрал. К тому же существует опасность быть свергнутым какой-либо оппозиционной партией. "Первым же положительным результатом восстановления монархии, — размышлял Зогу, — станет освобождение моей страны от межпартийной борьбы... Король будет выше партий".

В Италии поддержали намерения Зогу, ибо укреплением его позиций в стране обеспечивалась защита также и итальянских интересов. Начались переговоры, которые в очередной раз превратились в откровенный торг. Зогу попросил выделить ему обещанные 10 млн лир на предвыборные затраты (предполагались выборы в Учредительное собрание) и "на трансформацию режима". Муссолини согласился при условии, что Зогу ни в коем случае не превысит эту сумму и, кроме того, приступит к выработке условий военной конвенции.

Итальянцы исходили из того, что Зогу должен ясно осознавать прямую зависимость своего нахождения у власти от благорасположения "великой союзницы", а поэтому не очень с ним церемонились, предъявляя очередные требования. При согласовании текста тронной речи, проект которой готовился итальянцами, предполагалось внести в нее ритуальную албанскую клятву верности (бесу) Италии лично от монарха и от всего албанского народа. Впоследствии от этого отказались, равно как и от предложения албанской стороны упомянуть в официальном документе о поддержке Италией претензий Албании на соседние территории с преобладающим албанским населением. Муссолини счел лишними все формальные заверения. "Весь мир знает и в скором времени убедится лишний раз в том, — подводил Муссолини итог очередному раунду албано-итальянских переговоров в начале августа 1928 г., — что албанский трон является итальянским творением независимо от того, заявит или нет об этом господин Ахмет Зогу".

Тем временем ускоренными темпами шла подготовка к изменению государственного строя. 5 июня 1928 г. правительство издало указ о созыве Учредительного собрания. В течение двух месяцев все предварительные мероприятия, включая выборы, были проведены, и 1 сентября министр иностранных дел Ильяз Вриони направил уведомления всем иностранным дипломатическим представителям в Албании, а Соле — довольно подробное письмо для передачи Муссолини, о провозглашении национальным собранием Зогу I "королем албанцев" (Ахмет I звучало бы слишком по-восточному, не по-европейски). Как бы обосновывая титул, Зогу сказал, что никогда не примирится с расчленением Албании в 1913 г. Это вызвало резкие протесты соседних государств, особенно Югославии, где албанцы составляли третий по численности этнос — после сербов и хорватов. В некоторых официальных дипломатических документах и в прессе обращалось внимание на то, что в самом титуле (не король Албании, а король албанцев) содержался недвусмысленный намек на возможный пересмотр границ. Но в конце концов албанская монархия была признана. Дольше всего (до 1931 г.) упорствовал Мустафа Кемаль Ататюрк, заявлявший, что ликвидация республики является предательством интересов албанского народа и свергнувшая "своего" султана Турция никогда не одобрит даже "чужую" монархию.

Коронация Зогу состоялась в небольшом городе Круя, из которого в середине XV в. начал свою борьбу против турецкого нашествия великий воин Албании — Георгий Кастриоти Скандербег. Первый и последний король Албании вскоре отблагодарил Муссолини за содействие. Он сделал ему поистине бесценный подарок, преподнеся мраморную голову Аполлона,

найденную итальянской археологической миссией при раскопках в Бутринте, одним из центров древней греко-римской культуры на территории современной Албании, и приписываемую предположительно школе Праксителя (около 390 — около 330 гг. до н.э.). Только в 1982 г. итальянское правительство возвратило ее Албании, и скульптурный портрет Аполлона занял достойное место в экспозиции Национальной художественной галереи в Тиране.

Одновременно с провозглашением монархии произошло подписание итало-албанских военных конвенций, дополнивших 2-й Тиранский пакт. Текст конвенций включал 16 статей, которые содержали подробную регламентацию действий сторон в случае войны. Предусматривалось учреждение должности военного советника при генштабе албанской армии и военных инструкторов, ему непосредственно подчиненных. Эти посты должны были замещаться исключительно итальянскими подданными. Все материально-техническое обеспечение албанской армии предполагалось осуществить за счет специальных ассигнований итальянского правительства. Конвенциями оговаривалась даже численность армии — 60 тыс. солдат через пять лет после подписания соглашения.

В специальном приложении, уточнявшем права и обязанности итальянских советников и военных инструкторов, содержался пункт, по которому в случае войны главный военный советник автоматически принимал на себя функции начальника генштаба албанских вооруженных сил. Им стал произведенный к тому времени в генералы Альберто Париани. Возник уникальный в международной практике прецедент, когда военный атташе иностранного государства числился на службе в стране пребывания, сохраняя одновременно пост в официальном дипломатическом представительстве.

1 декабря 1928 г. албанский парламент принял новую конституцию, в соответствии с которой Албания объявлялась "демократической, парламентарной и наследственной монархией". Провозглашение монархии не изменило главных направлений внешней и внутренней политики, определившихся с момента переворота в декабре 1924 г. Несамостоятельность в решении вопросов международного характера и крайняя реакционность в подходе к внутренним проблемам характеризовали годы правления Зогу.

Албания являлась единственной страной на Балканах, где после получения независимости не была осуществлена буржуазная аграрная реформа. Система налогообложения, сохранившаяся в основных чертах со времен турецкого господства, примитивные методы обработки земли, кабала ростовщиков и помещиков, малоземелье продолжали господствовать в албан-

ской деревне. Разорявшиеся крестьяне в поисках заработка уходили в города, эмигрировали. На юге страны набирал силу процесс исхода мужского населения. В ноябре 1929 г. министерство иностранных дел сообщило правительству, что эта тенденция принимает особо опасный характер для национальной экономики и что неотлагательно требуется закон, ограничивающий эмиграцию.

Выход из создавшегося положения виделся в одном — в проведении аграрной реформы. Но помещики, крупные торговцы и ростовщики, составлявшие опору правительства, не были в ней заинтересованы. Сохранение по сути дела феодальных отношений в деревне отвечало интересам также и итальянских предпринимателей, ибо они получали дешевую рабочую силу для принадлежавших им рудников и шахт. И тем не менее правительство пришло к выводу о необходимости предпринять кое-какие меры по улучшению положения в сельском хозяйстве или хотя бы сделать вид, что оно стремится к этому.

Конституции 1925 и 1928 гг. формально положили конец турецкому земельному закону 1856 г., что выразилось в основном в сведении всех видов земельной собственности к трем категориям (государственная, юридических и физических лиц). Кроме того, правительство приняло некоторые постановления, касавшиеся конкретных вопросов сельского хозяйства: о наказаниях за потраву скотом полей и садов (1925), о создании показательных ферм на государственных землях (1926), о выделении министерства сельского хозяйства и лесов из министерства экономики (1927) и т.п. На базе нового Гражданского кодекса 1929 г. предполагалось установить точные размеры землевладений и определить собственников спорных наделов. Некоторые изменения претерпела фискальная система в сторону упорядочения налогов.

В октябре 1928 г. правительство создало комиссию по подготовке аграрной реформы и одновременно обратилось к Италии с просьбой прислать экономического советника, который независимо от этой комиссии разработал бы свой вариант законопроекта. Такой специалист — профессор Дж. Лоренцони — прибыл в июне 1929 г. и к концу года представил свои соображения. Разработанные им рекомендации основывались на необходимости преобразований, которые способствовали бы развитию албанского сельского хозяйства по капиталистическому пути. Непосредственной задачей Лоренцони считал перераспределение земельной собственности, что должно было "создать такие объективные и субъективные условия, которые облегчили бы преобразование албанского сельского хозяйства в интенсивное и прибыльное как для населения, так и для государства".

После обсуждения проекта в различных комиссиях и в парламенте закон о реформе был утвержден и обнародован 13 апреля 1930 г. Он предполагал изъятие у помещиков земельных излишков (свыше 100 га) и продажу земли безземельным и малоземельным крестьянам (до 5 га на семью). Закон, содержавший почти 100 статей, предусматривал большое количество исключений из общих правил конфискации. Не подлежали отчуждению виноградники, оливковые рощи, сады, пастбища, леса. Реформу предстояло проводить в течение 15 лет, причем по каждому землевладению требовалось специальное решение короля.

Естественно, что в таком виде закон об аграрной реформе превратился в новое орудие, которое Зогу использовал для борьбы со своими личными противниками. В итоге помещичье землевладение как таковое не затрагивалось реформой. Более того, фавориты короля, приобретавшие по дешевой цене государственные земли, обогащались и становились обладателями обширных угодий. На продаже малодоходных земель выигрывали собственники, "уступавшие" их казне за крупные суммы. Почти единственным относительно положительным результатом стало расселение албанских беженцев (1888 семей) из югославской области Косово на бросовых заболоченных землях, принадлежавших ранее государству.

Прогрессивная албанская эмиграция по достоинству оценила этот обман крестьянских масс. Издававшаяся в Женеве албанская газета "Лирия комбтаре" ("Национальная свобода") противопоставила громоздкому закону 1930 г. четыре основных требования, осуществление которых, по ее мнению, действительно принесло бы пользу крестьянам: безвозмездное отчуждение всех помещичьих, кулацких и церковных владений; бесплатное наделение землей безземельных и малоземельных крестьян; аннулирование задолженности крестьян по налогам; уничтожение десятины. "Эта программа может быть выполнена полностью только тогда, — писала газета, — когда рабочие и крестьяне Балкан под руководством коммунистических партий поднимутся против местных режимов, являющихся ставленниками иностранных капиталистов и местных богачей, свергнут силой эти кровавые режимы и сами возьмут власть в свои руки".

Аграрная реформа осталась на бумаге. В годы мирового экономического кризиса именно албанское крестьянство первым испытало на себе его губительное воздействие. Значительно упали цены на экспортировавшиеся Албанией продукты животноводства и земледелия, а поразивший страну неурожай создал необходимость ввоза дополнительного количества зерна. Покупательная способность резко снизилась, так как основ-

ная масса населения не могла приобретать даже самое необходимое.

Резко сократились внешнеторговые операции. За годы кризиса, который длился в Албании с 1929 по 1934 г., импорт снизился с 38,6 млн албанских франков до 12,3 млн, а экспорт — с 14,7 млн албанских франков до 4,3 млн. Сильное сокращение экспорта связывалось со значительным падением спроса на традиционные статьи экспорта. Почти полностью был прекращен вывоз сыра и кож, составлявший основную статью доходов населения южных районов. В Гирокастре проходили массовые демонстрации голодных людей, которые требовали хлеба. Совет старейшин Скрапари информировал правительство о случаях смерти в результате хронического недоедания: "Сжальтесь и примите срочные меры для спасения народа, который дошел до крайности".

Разорившиеся крестьяне и городские ремесленники тщетно искали заработка на стройках и промышленных предприятиях, число которых уменьшалось. Хозяева увольняли рабочих, даже не выплатив заработанных ими денег. Существенное сокращение ассигнований на строительные работы и на развитие промышленности, реэмиграция албанских рабочих, не находивших применения своим силам в охваченных мировым экономическим кризисом странах Европы и Америки, — все это увеличивало и без того огромную армию безработных. В той отчаянной экономической ситуации, в которой очутилась страна, вдруг начинали циркулировать самые фантастические слухи о займах из Франции и Англии или о каком-то американском миллиардере, готовом спасти Албанию от поразившего ее кризиса.

Однако правительство ничего или почти ничего не предпринимало для облегчения положения народа. "Внутриполитическая обстановка в Южной Албании представляется в общем неизменной. Население, измученное голодом, видит причину своих страданий в отсутствии понимающего его нужды правительства, которое хотело бы и могло заботиться об интересах страны, — писал в апреле 1931 г. итальянский консул во Влёре С. Мелони своему коллеге в Дурресе. — Коррупция министров и чиновников, которые обогащаются за государственный счет и спекулируют, возбудила такое глубокое негодование, что все уверены в том, что причина обнищания страны может быть уничтожена только путем смены режима". В стране действительно росло недовольство. Полицейские осведомители сообщали в министерство внутренних дел, что на стенах домов в Шкодре появились надписи с призывом свергнуть короля и правительство. Во Влёре был раскрыт заговор.

Власти пытались справиться с возникшими внутренними трудностями, широко применяя репрессивные меры. Министр

внутренних дел Муса Юка, один из самых кровавых руководителей этого министерства за все время существования зогистского режима, добился существенного увеличения ассигнований на нужды "поддержания порядка". Но если полицейскими мерами можно было на время притушить растущее возмущение, то достижение экономической стабилизации представлялось весьма проблематичным. Слабость албанской экономики, ее зависимость от внешнего рынка и от иностранного капитала являлись основными факторами, затягивавшими преодоление кризиса. Когда в ведущих капиталистических странах Европы Великая депрессия пошла на убыль, в Албании кризис продолжал свирепствовать с прежней силой, достигнув наивысшей точки в 1934 г.

Итало-албанский конфликт

Проникновение Италии в Албанию осуществлялось настолько успешно, что еще в ноябре 1928 г. руководитель албанского отдела в министерстве иностранных дел Италии Винченцо Лояконо, посетивший страну по случаю торжественной церемонии открытия филиала "Банкальба" в Дурресе, с удовлетворением констатировал успех итальянской политики "медленного давления и резкого скачка": "*Политическая ситуация.* Хорошая. Не видно и следа деятельности иностранцев, могущей конкурировать с нашей. Ни английской, ни французской активности; ни югославской, ни греческой. Дело Италии победило, и результаты этого видны повсюду". Далее он писал, что сформирована одна дивизия под итальянским командованием, а "Банкальба" продолжает, по его выражению, "выкачивать золото из карманов албанцев". Начинают функционировать две профессиональные (сельскохозяйственные) школы под руководством итальянских специалистов. К организации высшего образования албанское правительство не проявляет интереса, так как в результате этого "плодятся адвокаты и политиканы, т.е. существа бесполезные и даже вредные". Идет разведка нефтяных и других месторождений. Одним словом, Албания превращается в итальянский бастион на Балканах, в настоящую подмандатную территорию, что хорошо, ибо "дорога к Империи начинается в Албании".

Итальянское влияние ощущалось повсюду, даже при королевском дворе. Правила этикета устанавливались по примеру западной соседки. Королева-мать и шестеро сестер занимались благотворительностью. Только старшая из них, задолго до того как стать принцессой, побывала замужем за Цено-бегом Крюэзиу, вернулась в семью после его убийства и вела затворниче-

ский образ жизни, тихо сходя с ума от сознания того, что ее родной брат мог быть виновником смерти мужа. Другие же в ожидании знатных европейских женихов постигали искусство верховой езды под руководством итальянского инструктора капитана Фраги и занимались автоспортом, пользуясь уроками его соотечественника Либерти. У того всегда стоял наготове трактор, чтобы вытаскивать машины сестер из ям, в которых они неизменно застревали. Итальянцы-католики способствовали отделению албанской православной церкви от константинопольской патриархии в начале 1929 г. Правда, Святой синод в Стамбуле официально признал автокефальную албанскую церковь только в апреле 1937 г.

В период мирового экономического кризиса правительство Муссолини, пользуясь тяжелым положением Албании, сделало попытку еще прочнее закрепить ее зависимость от Италии. Дело осложнялось двумя обстоятельствами: частыми болезнями короля и, как следствие этого, опасениями, что он мог в любой момент умереть, и тем, что в 1931 г. истекал пятилетний срок действия 1-го Тиранского пакта. Молва приписывала Зогу чрезвычайно опасные болезни, и когда он в очередной раз исчезал из поля зрения своих подданных, отправляясь на лечение в Вену, то албанцы, собираясь в кафе и просто встречаясь на улицах, страстно обсуждали проблему, что произойдет в стране после его смерти. Поэтому, когда в самом начале 1931 г. по Тиране пронесся слух о каких-то подозрительных коликах во внутренних органах Зогу (оказалось, что это никотиновое отравление) и он исчез в Вену на два с половиной месяца, среди итальянцев возникла тихая паника.

Выяснилось, что Зогу нет равноценной замены. Верные друзья Италии из числа беев — Фейзи Ализоти и Экрем Либохова — оказались в той или иной мере скомпрометированными. Северных байрактаров опасались из-за их тесных связей с Югославией. За православной буржуазией юга ("корчинская плутократия") не признавалась способность управлять мусульманской страной. Значительно ослабли позиции италофилов в окружении короля. Он тяготился слишком откровенным давлением "великой соседки" и, как утверждали сами итальянцы, лучшим способом добиться одобрения королем какого-либо решения было упоминание, что его не поддерживают в Риме.

В отсутствие Зогу вся полнота власти сосредоточилась в руках "серого кардинала" Абдуррахмана Мати, самого могущественного человека в правительственных структурах. Не обладая официальным высоким постом, он тем не менее во многом определял политику двора. В народе он получил прозвище Кроси (Плешивый), ставшее почти что второй фамилией, а за силу

своего влияния на королеву-мать приобрел славу албанского Распутина. "Невежественный, неграмотный, хитрый тип, интриган, лжец и убийца, — характеризовал его итальянский посланник маркиз Антонио Соранья. — Один из самых закоченных негодяев, которых я когда-либо встречал в своей жизни". Абдуррахман славился безграничной преданностью Зогу, неукоснительно выполняя его волю. Придерживался простой и эффективно действующей схемы управления страной — держать на государственных постах только своих людей. Его ненавидели все, особенно молодежь, получившая европейское образование. Итальянцы серьезно опасались, что в случае смерти короля именно Кроси посадит на албанский престол своего человека. Но Зогу выздоровел, возвратился в Тирану, и начался обычный для албано-итальянских отношений переговорный процесс: албанская сторона просила заем, а итальянская, соглашаясь на это в принципе, обусловливала предварительным возобновлением 1-го Тиранского пакта.

Зогу категорически не хотел возобновления пакта, считая, что он исчерпал себя и, более того, перекрыт 2-м Тиранским пактом. Он просил устроить ему поездку в Рим, где он мог бы изложить Муссолини свои аргументы, но получил отказ. Ему удалось привлечь на свою сторону генерала Париани, который в середине мая 1931 г. отправился в Рим с намерением уговорить Муссолини оказать помощь нищей Албании, не выдвигая предварительных условий. Дескать, народ обвиняет в своих нынешних бедах Италию, которая выделяет деньги исключительно на военные нужды, забывая о хлебе насущном для простых людей. А хорошо бы: а) дать заем на поощрение промышленности, перерабатывающей продукцию сельского хозяйства; б) посылать албанских студентов в высшие учебные заведения Италии; в) поощрять ирредентистские чувства албанцев в отношении Косова; г) способствовать тому, чтобы Зогу создал наконец семью. Муссолини внимательно выслушал аргументацию генерала и решил: а) сначала возобновить пакт, а экономикой заняться потом; б) контакты с ирредентистами наладить; в) с поисками невесты для короля повременить.

Видный дипломат, один из идеологов "атлантизма" в послевоенной Италии, а тогда 1-й секретарь миссии в Тиране Пьетро Кварони, неоднократно присутствовавший на переговорах с Зогу, описал в мемуарах тактику короля — "обманщика и актера". Тот открывал свои большие голубые глаза невинного младенца, в которых читалось страдание и непонимание. Затем долго морочил голову, а когда маневр не проходил, говорил: "Но почему же вы раньше об этом мне не сказали сразу — уж давно все было бы решено..." Так и на этот раз. Узнав о позиции Муссолини, Зогу согласился на возобновление пакта,

присовокупив к этому просьбу о займе. Переговоры вступили в решающую стадию.

21 июня 1931 г. стороны достигли соглашения о предоставлении Албании беспроцентного займа в размере 100 млн албанских франков сроком на 10 лет с условием ежегодной выплаты 10 млн, если будет продолжаться "полное и искреннее сотрудничество между двумя правительствами". Предусматривалось удовлетворение следующих требований: 1) командование албанской армии осуществляется итальянским генералом; 2) в министерства финансов, сельского хозяйства, общественных работ назначаются итальянские контролеры, следящие за использованием займа; 3) оба государства заключают таможенный союз; 4) английские инструкторы в жандармерии заменяются итальянскими.

Однако когда первый транш в сумме 1,8 млн золотых франков был получен, выяснилось, что Зогу не собирается держать слово в отношении пакта. Он выдумывал различные отговорки, его приближенные, включая Абдуррахмана, доверительно сообщали итальянцам, что они пытаются переубедить короля, но тот тверд. Муссолини, к тому времени передавший пост министра иностранных дел видному деятелю фашистской партии Дино Гранди, тем не менее лично занялся урегулированием албано-итальянских разногласий. Но все оказалось напрасным. За три дня до истечения срока пакта Зогу послал по-иезуитски вежливые приветственные телеграммы Виктору Эммануилу III и Муссолини, отметив успехи, достигнутые в установлении дружественных связей между обеими странами. Но 27 ноября, в пятилетнюю годовщину пакта, Министерство иностранных дел Италии довело до сведения всех своих дипломатических представительств в Европе, что 1-й Тиранский пакт не будет продлен.

В Италии возникли подозрения, что жест короля был инспирирован извне, ибо, как там полагали, сам он не мог рискнуть на такой шаг. Сначала заподозрили Югославию ("враг № 1 Италии на Балканах"), а затем и Великобританию ("Зогу прислушивается к мнению английских советников"). Югославия на самом деле с большим неудовольствием воспринимала усиление итальянского влияния в Албании, но именно в тот период она не могла решиться на открытое противодействие. В ходе участившихся зимой и весной 1932 г. итало-югославских контактов, которые, по мысли белградских политиков, предполагали согласие обеих сторон на уважение взаимных интересов в бассейне Адриатики и Албании, итальянская дипломатия отстаивала предпочтительные права для Италии. В частности, в одной из бесед югославского короля Александра с итальянским посланником в Белграде Карло Галли речь зашла о сохранении за

Италией права на высадку войск в Албании в интересах обеспечения своей безопасности. Король взмолился: "Ну, можем ли мы с нашими четырьмя баркасами (так он охарактеризовал югославский флот. — *Н.С.*) представлять опасность для Италии на Адриатике?!" Однако в Риме отвергали любое посягательство на умаление своей роли, и давление на Албанию продолжалось.

Различного рода разработки, выходившие из-под пера многочисленных итальянских экспертов, занимавшихся "албанским вопросом", отдавали несомненное предпочтение экономическим и дипломатическим рычагам. Применение силы отвергалось, ибо, по словам генерала Париани, "албанцы очень болезненно реагируют на угрозы своей независимости, которую они завоевали после многовекового периода рабства". Почувствовав, что непосредственной опасности его режиму нет, Зогу стал предпринимать попытки заручиться политической и финансовой поддержкой в третьих странах, одновременно ограничивая активность Италии. В сентябре 1932 г. албанское правительство обнародовало законопроект, по которому албанцам запрещалось обучать своих детей в духовных и светских школах, принадлежавших иностранцам. Подавляющее число таких школ находилось в руках итальянцев. В ответ итальянское правительство отозвало своих преподавателей и вывезло оборудование. С большими перебоями работала постоянная албано-итальянская комиссия по использованию кредитов по займу 1931 г., ибо все возникавшие трудности не могли быть преодолены без урегулирования на межправительственном уровне.

2 января 1933 г. французское агентство Гавас выступило с сообщением о методах давления, применявшихся Италией с целью заставить Албанию согласиться на таможенный союз. Эти сведения, "полученные из информированных источников", сделали достоянием гласности то, о чем только строили догадки европейские политики. Дипломатические круги Белграда, Лондона и Парижа выразили протест против действий Италии. Последовало официальное опровержение итальянского правительства, которое отрицало намерение заключить таможенный союз с Албанией.

В апреле того же года по инициативе Зогу были прерваны албано-итальянские переговоры об урегулировании долговых обязательств, а летом советник короля Мехмет Коница обратился от имени Зогу к югославскому правительству с просьбой о предоставлении Албании кредита на сумму 3 млн албанских франков. "Без нашей помощи или воцарится анархия, или произойдет капитуляция перед Италией", — писал из Тираны югославский посланник. Но само югославское правительство не

располагало свободными средствами в таком размере, а идея *пропорционального размещения займа в странах Малой* Антанты не возымела успеха. Итальянская сторона выжидала. Муссолини дал установку не отступать и не уступать. 21 мая он имел беседу с албанским временным поверенным в делах в Риме Тахиром Штюллой, и ему показалось, что в албанской политике появились колебания и неуверенность. Через несколько дней он следующим образом ориентировал нового посланника в Тиране Оттавиано Коха: "Мы останемся в горах, но с туго завязанным кошельком". Тогда же из Тираны отозвали слишком мягкотелого генерала Париани, а с ним и часть аппарата миссии с группой итальянских инструкторов албанской армии. Новый атташе полковник Рикардо Балокко представлял "жесткую линию" в албанской политике Италии и действовал заодно с Кохом, презиравшим албанскую правящую верхушку, услугами которой приходилось пользоваться за неимением лучшего. Последний писал в одном из своих подробных отчетов в центр о Зогу как о бесперспективном политическом лидере: "Неумолимый ход событий сметет эту маленькую фигурку, слишком ничтожную, чтобы она где-то в придаточном предложении могла остаться на страницах книги судьбы при очередном и неумолимом ее повороте".

Параллельно с зондажем в Белграде албанские представители вели переговоры о займе в США, однако американцы выдвинули столько оговорок, что это было равносильно отказу. В конце мая – первой половине июня 1933 г. Зогу просил финансовую помощь у Франции, подобную той, которую французы оказали Австрии и Венгрии. И здесь последовала неудача. Французское правительство сообщило, что непосредственная помощь исключается, и посоветовало обратиться в Лигу наций. Равным образом, предоставлением финансовой поддержки в размере 5–6 млн албанских франков, обусловливалась возможность вхождения Албании в созданную в феврале 1934 г. Балканскую Антанту.

Итальянское правительство понимало, что Зогу попал в безвыходное положение, и стало усиливать давление вплоть до применения экономических санкций. Так, весной 1934 г. был ограничен или полностью запрещен ввоз в Италию маслин, рыбы, кож, шерсти, являвшихся важнейшими статьями албанского экспорта. Король начал сдавать одну позицию за другой. Последним отчаянным шагом Зогу стало появление в печати его открытого письма к председателю кабинета министров с призывом уменьшить государственные расходы и срочно ввести режим экономии во всех отраслях народного хозяйства. Как бы в развитие этого пожелания состоялась реорганизация албанской армии, что отразилось прежде всего на 60 итальян-

ских офицерах, которые за отсутствием средств на их содержание отпускались на родину.

Напряженность в албано-итальянских отношениях снова стала нарастать, и тогда 22 июня 1934 г. на рейде Дурреса неожиданно появилась итальянская эскадра. В Албании и в соседних странах возникли опасения вооруженного вмешательства. Германский посол в Риме Ульрих фон Хассель считал, что эта акция свидетельствовала о том, что Муссолини окончательно потерял терпение и решил сделать что-то эффектное, чтобы привести в чувство Зогу. "Скорее всего в Риме попытаются снова дать пряник обиженному союзнику, — писал он в Берлин по свежим следам событий, — после того как ему показали кнут".

Военная демонстрация произвела определенное впечатление не только на албанское правительство. В тогдашней международной ситуации маневрирование более чем 20 итальянских военных кораблей вдоль балканского побережья Адриатики воспринималось рядом европейских политических комментаторов (например, Табуи и Пертинаксом) в качестве недружественной акции, приуроченной в том числе и к визиту в Белград французского министра иностранных дел Луи Барту. Албанское правительство дало широкую огласку как самому факту появления военных кораблей, так и внезапности этой акции. Дипломатические представители ряда стран выразили Коху протест против такой формы давления на Албанию. Вынужденное отступить, фашистское правительство заявило, что военно-морская демонстрация как таковая отнюдь не планировалась, а приход эскадры надо рассматривать обычным визитом вежливости, сообщение о котором задержалось на телеграфе. Столичные газеты сообщили о поездке военных моряков на экскурсию в Тирану, после чего корабли ушли, оставив после себя все те же нерешенные проблемы в албано-итальянских отношениях. Только ранней весной 1935 г. стало возможным говорить о преодолении кризиса, и тогда же возобновились прямые переговоры с Зогу об открытии частных светских и религиозных (католических) школ в Албании, о возвращении в албанскую армию итальянских инструкторов, о развитии почти что заглохнувших торговых отношений, о субсидировании албанской экономики по линии СВЕА. И, как всегда, король попросил новый заем — на развитие сельского хозяйства.

Утверждая свой контроль над Албанией, фашистская Италия методично превращала ее в опорный пункт последующего экономического и политического закрепления на Балканах. Формально независимая страна, член Лиги наций, Албания чувствовала себя скованной незримыми цепями. В связи с инициативами советского правительства по расширению диплома-

тических отношений с балканскими странами Зогу пошел на установление, а вернее, на восстановление отношений между СССР и Албанией. Это произошло в сентябре 1934 г. Казалось бы, подписание в сентябре 1933 г. в Риме советско-итальянского договора о дружбе, ненападении и нейтралитете должно было стимулировать также и развитие советско-албанских отношений, но этого не случилось. Советское правительство предложило через свое торгпредство в Милане экспортировать сельскохозяйственную технику заинтересованным в ней албанским организациям. Однако власти Тираны блокировали сделку.

Восстание в Фиери

Затянувшийся до конца 1934 г. экономический кризис сменился, как казалось, некоторым улучшением положения. Во всяком случае официальная статистика свидетельствовала, что увеличился объем внешнеторговых операций, расширились разведка и добыча полезных ископаемых, возобновились строительные работы и т.п. Но ни экспорт, ни импорт не достигли уровня предкризисного 1928 г. Что касалось промышленности, то развивались в основном те ее отрасли, где господствовали иностранные (по преимуществу итальянские) предприниматели. Не случайно поэтому Албанию вновь поразил голод.

Толпы истощенных хроническим недоеданием крестьян и горожан бродили по дорогам в поисках хлеба и работы. В июне 1935 г. министерство внутренних дел информировало премьер-министра о том, что горцы районов Дибры и Косова так сильно страдают от голода, что не исключены смертные случаи. Правительство прибегло к насильственным мерам: полиции был дан приказ возвращать крестьян к месту жительства. Одновременно Зогу выступил инициатором кампании по организации помощи населению. 7 июля он обратился с открытым письмом к премьер-министру Пандели Эвангели: "Мы узнали, что имеются случаи самоубийства, вызванные отчаянием из-за невозможности обеспечить себе существование. Некоторые бедняки, стыдясь протянуть руку за подаянием, остаются безо всякого вспомоществования..." Это говорил человек, который, по подсчетам его итальянских покровителей, тратил на нужды двора и свои собственные по меньшей мере 7 млн франков из 13 млн, составлявших годовой национальный доход страны. Лицемерное обращение короля не имело никаких последствий. Правительство было вынуждено через Красный Крест просить помощи для тех районов, где обстановка становилась катастрофической. Однако размеры этой единовременной по-

мощи оказались незначительными, и существенных улучшений так и не произошло. Не изменилось и отношение народа к монархии, существование которой едва перевалило пятилетний юбилей.

Одной из побудительных причин неожиданного, но довольно продолжительного противодействия Зогу итальянской политике явилось его желание пробудить в народе симпатии к себе, разрушить сформировавшийся в сознании людей образ ставленника и верного слуги фашистской Италии. Поэтому во многом прав оказался Кох, когда писал в Рим о том, что "народ должен был колоссально возненавидеть режим грабежа и насилия, который при поддержке Италии наживался за его счет". И далее о короле: "Мегаломан, как он мог только подумать, что, получив с нашей помощью королевство, ему удастся завоевать моральный авторитет у своего народа, возбуждая в нем чувства ненависти к иностранцам". Демагогические шаги, предпринимавшиеся королем для привлечения симпатий общественности (уменьшение расходов на управленческий аппарат, закрытие в целях экономии некоторых албанских консульств за рубежом, заявление в печати о сокращении расходов на содержание королевского двора), не дали ожидаемых результатов. Постоянно боявшийся покушения, ни на мгновение не остававшийся без охраны, руководивший страной через посредника между собой и народом, в качестве которого выступал "папаша" Абдуррахман Мати-Плешивый (итальянцы даже в официальных записках называли его "иль падрино дель Ре", — "крестный отец", или "папаша Короля"), Зогу смог удержаться у власти только потому, что ему не было замены. В самой стране организованная оппозиция отсутствовала, а за рубежом противники режима рассредоточились по нескольким странам.

После разгрома революции 1924 г. объединившая на какое-то время почти всех политических эмигрантов организация КОНАРЕ (подробнее см. гл. III) раскололась в 1928 г. на две новые организации — "Члирими националь" ("Национальное освобождение") и "Башкими комбтар" ("Национальное единение"). Первая поддерживала контакты с международным коммунистическим движением, издавала свой печатный орган — газету "Лирия комбтаре" ("Национальная свобода"), которая выходила в Женеве и распространялась в Албании. Она выступала с программой создания единого фронта угнетенных трудящихся, ибо, как утверждалось в одной из редакционных статей, только фронт может добиться победы в "великой революционной борьбе, которая увенчается свержением феодально-фашистского режима и установлением Республики трудового народа". Что касается "Башкими комбтар", то она объединяла в своих рядах ультраправое крыло албанской эмиграции.

На рубеже 20—30-х годов зародилось албанское коммунистическое движение. Первая албанская коммунистическая группа была создана политэмигрантами в Москве в 1928 г. с помощью Коминтерна и Балканской коммунистической федерации. Большую заботу о первой албанской коммунистической ячейке проявлял лидер болгарских коммунистов коминтерновец Г. Димитров. В записке Балканскому секретариату Исполкома Коминтерна от 12 сентября 1928 г. он предложил развернутый план работы по созданию в будущем албанской коммунистической партии. "Само собой разумеется, — писал Димитров, — что осуществление правильного решения требует долгой и тщательной подготовки, которую должны провести сами албанские товарищи". Он подчеркивал, что албанские коммунисты в СССР, Франции, Швейцарии, Австрии, в самой Албании не связаны между собой и не работают систематически среди албанских трудящихся и национально-революционной интеллигенции. Без образования сети коммунистических групп в Албании, без широкой пропаганды марксизма, без большой работы в массовых организациях не мыслилось создание боеспособной албанской компартии. Поэтому необходимо было, чтобы албанские коммунисты возвращались на родину и включались в революционно-демократическое движение.

К рекомендациям руководства Коминтерна прислушались, московская ячейка была распущена в 1930 г., и некоторые ее члены стали возвращаться в Албанию. Среди них был Али Кельменди (1900—1939), принявший активное участие в создании коммунистических ячеек в Тиране, Влёре, Круе и Эльбасане. Он установил тесные связи с коммунистической группой Корчи, созданной почти одновременно с московской группой. А. Кельменди происходил из Косова и с ранних лет включился в национально-освободительную борьбу, сражаясь в отряде Байрама Цурри. Он участвовал в июньской революции 1924 г. и после контрреволюционного переворота уехал в Советский Союз. Несмотря на болезнь, а он страдал тяжелой формой туберкулеза и рано ушел из жизни, А. Кельменди внес большой вклад в развитие албанского коммунистического движения. После его кончины руководство Коминтерна рассматривало кандидатуры его преемника. Среди них назывались Сейфула Малешова, Кочо Ташко и Лазар (Заи) Фундо. Однако фашистская оккупация Албании и начало второй мировой войны смешали все предварительные планы.

В Албании самая крупная организация, поставившая своей целью свержение режима Зогу, сформировалась в апреле 1934 г. в Тиране. "Тайная организация" (так она называлась) создала разветвленную сеть филиалов в городах Берат, Фиери, Дуррес, Корча, Влёра. Движение объединяло людей разных по-

литических взглядов и убеждений. В нем участвовали революционно настроенная молодежь, увлекавшаяся социалистическими идеями, офицеры-республиканцы, буржуа, недовольные проитальянской политикой правительства, и даже некоторые италофилы из числа личных противников Зогу. Руководство находилось в руках недовольных королем беев и высших офицеров, из среды которых вышли Али Шефкети, Рамиз Дибра и Муса Кранья. Политическим руководителем стал журналист Кост Чекрези, участвовавший ранее в одном из антизогистских вооруженных выступлений. Свержение короля должно было произойти путем верхушечного переворота, силами боевых отрядов, отдельных воинских частей и жандармерии. Народ привлекать не предполагалось. В президенты новой республики (монархию заговорщики намеревались упразднить) прочили Нуредина Влёру, представителя знатной албанской фамилии, женатого на мультимиллионерше из Чили и большую часть жизни проводившего за границей. Его выдвигали потому, что он происходил из семьи основателя албанского независимого государства Исмаила Кемали и к тому же придерживался умеренных политических взглядов.

С "Тайной организацией" наладили контакты коммунисты, имевшие свою программу переустройства страны в случае успеха восстания: народная демократическая республика, аннулирование всех кабальных договоров с фашистской Италией, ликвидация монополий и концессий, амнистия политическим заключенным. По всей видимости, эта программа не отразилась на планах руководства (даже если она и была ему известна), помышлявшего лишь о приходе к власти в рамках парламентской республики. Единственный коммунист, входивший в руководство "Тайной организации", Риза Церова незадолго до восстания вернулся из СССР и не принадлежал ни к одной из внутриалбанских коммунистических групп. Вся его организаторская деятельность в сельских районах Скрапари и Малакастры, где он пользовался большим авторитетом, строилась во многом на личной инициативе, диктовалась собственным пониманием долга перед народом в конкретной ситуации, выдвинувшей на первый план задачу свержения диктатуры Зогу. Всего же на разных ступенях подготовки и проведения восстания принимали участие девять коммунистов из Тираны, Круи и Фиери.

Восстание планировалось на осень 1935 г. или даже на весну следующего года. Однако силою обстоятельств его сроки сместились во времени, и оно началось раньше, чем предполагалось. Несмотря на тщательную конспирацию, соблюдавшуюся заговорщиками, ищейками министра внутренних дел Мусы Юки удалось напасть на след организации. Узнав об этом, руко-

водство "Тайной организации" в начале августа 1935 г. приняло решение выступить вечером 14 августа. Но уже 10 августа Н. Влёра и несколько военных руководителей были арестованы. Фиерский филиал организации взял инициативу в свои руки и приступил к решительным действиям днем 14 августа. В рядах повстанцев оказалась часть жандармерии во главе с лейтенантом Мустафой Краньей. Они арестовали супрефекта и при поддержке населения овладели положением в городе. Однако, вместо того чтобы постараться развить успех и двинуться дальше, на Тирану, победители устроили митинг с пламенными речами, обличавшими режим Зогу. Неожиданно на площадь въехала автомашина, в которой находился генеральный инспектор албанской армии, один из приближенных короля, генерал Гилярди. В Фиери он заехал по пути в Поян, куда направлялся по делам службы. Раздались выстрелы, и генерал был убит на месте.

Повстанцы двинулись на Тирану. Ожидалось, что к ним присоединятся боевые группы из других районов. Центральной и Южной Албании. Однако из Влёры, Берата и Гирокастры поступили сообщения, что подкрепления не будет, так как местные организации разгромлены. Люшня встретила фиерских повстанцев огнем правительственных войск. Перестрелка продолжалась всю ночь. К утру стало ясно, что восстание потерпело неудачу. Цепь неожиданных осложнений деморализовала руководителей, и они решили спасаться бегством.

Кост Чекрези, Муса Кранья и еще трое участников восстания добрались на автомашине до побережья в районе Караваста. Там под видом английских инженеров, любителей морских прогулок, они попросились на итальянскую рыболовную моторную лодку. В море они заставили команду плыть в Италию. В Бари они были задержаны пограничниками и взяты под стражу. Беглецы провели в заточении три месяца. Их просьбы об освобождении оставались без ответа. Например, письмо Чекрези к Муссолини пролежало нераспечатанным в Архиве Министерства иностранных дел Италии около 40 лет. Оно было обнаружено, вскрыто и прочитано автором этих строк. Прекрасно сохранившееся, оно содержало слезную мольбу о помиловании, подкрепленную высокопарным восхвалением Муссолини и фашистской Италии.

Оставшиеся без руководства повстанцы сдавались правительственным войскам. Отряд Ризы Церовы попытался пробиться к государственной границе с Югославией. Недалеко от Пограделца 22 августа 1935 г. произошла стычка с жандармами, во время которой Р. Церова получил тяжелое ранение. Соратники смогли перенести его в укромное место. Он прожил после этого несколько часов и, прощаясь с семьей, написал в пред-

смертной записке: "Придет время, когда Албания станет свободной, и народ не будет больше страдать. Но этого он добьется без беев и ага, т.е. так, как это произошло в Советском Союзе".

Уже на следующий день после подавления восстания по всей стране было арестовано около 900 человек. Правительственная газета "Беса" вышла 17 августа с призывом к королю последовать примеру Гитлера и устроить албанскую "ночь длинных ножей". Однако советы такого рода оказались излишними. Люди Мусы Юки хватали любого, кто подозревался в оппозиционных настроениях. Арестованных свозили в Фиери, где их размещали по 10—20 человек в комнатах грязного отеля под громким названием "Националь" и в соседних домишках, превращенных во временные тюрьмы. Для получения нужных показаний к заключенным применяли самые изощренные пытки — от вырывания ногтей до накачивания кишечника воздухом с помощью автомобильных насосов. Суд готовился в большой спешке. По словам корреспондента югославского пресс-бюро из Тираны, "одни ответят за свои демократические убеждения, другие — за веру в то, что Земля вертится".

Суд над участниками восстания проходил в конце августа — начале сентября в Фиери. Заседания шли на подворье имения бея Джемаля Вриони, где на специально сколоченном помосте восседали пять судей. Внизу располагались обвиняемые, привязанные один к другому. Около 100 жандармов и солдат с винтовками наперевес несли охрану, а также выдворяли журналистов, если подсудимые начинали обличать режим и предъявлять суду доказательства пыток и издевательств.

Арестованные проходили через судилище группами по 30—70 человек. Первым слушалось дело 27 жандармов, обвиненных в убийстве генерала Гилярди. 11 из них были приговорены к расстрелу, что и было немедленно исполнено. Следующая группа — из 48 человек, непосредственно участвовавших в подготовке восстания, обвинялась в намерении свергнуть государственную власть. То, что говорили обвиняемые, суд практически не принимал во внимание. Председатель трибунала Али Риза определял меру наказания в зависимости от предписаний лично Зогу. Четверо из этой группы были приговорены к повешению, остальные — к каторжным работам.

В следующую группу вошли бывшие сенаторы, депутаты, высшие офицеры, крупные собственники, чиновники. Многие из них не участвовали в движении. Они были потенциально опасны для режима, являясь личными врагами Зогу. Им также выносились смертные приговоры. Всего же в ходе процесса были приговорены к смерти 52 человека, десятки получили сроки от 3 лет до 101 года.

В Европе развернулось движение солидарности в поддержку осужденных. Призывы содержали требования обуздать "тиранов из Тираны". Группа бывших депутатов албанского парламента обратилась к генеральному секретарю Лиги наций с просьбой не остаться равнодушным к общенациональному избиению, происходившему в Албании. "Мы верим, — писали они, — что Лига наций и великие державы, подписавшиеся под гарантиями албанской независимости и признавшие режим, навязанный вопреки воле нации, имеют не только право, но и моральную обязанность перед маленьким албанским народом и мировым общественным мнением вмешаться, чтобы положить конец этим ужасам". Зогу не решился санкционировать исполнение новой серии смертных приговоров. Характерно, что итало-фашистские политики, способствующие становлению Зогу как политического и государственного деятеля и поэтому поддерживавшие его, сделали вывод из фиерского восстания о возможной замене короля. Как отмечал итальянский генеральный консул во Влёре Гранде, "хотя движение и подавлено, но оно доказало вероятность успеха при минимальной организации".

Начальник отдела политической полиции в итальянском министерстве внутренних дел Ди Стефано, предпринявший своего рода инспекционную поездку в Албанию сразу же после восстания, пришел к заключению о шаткости режима. "Революционное движение в Фиери ясно продемонстрировало миру, что ни сам король Зогу, ни его приверженцы не пользуются никакой поддержкой ни в одном слое населения, ни у одной партии". В результате анализа положения дел в стране у него сложилось вполне определенное убеждение о возможности создания общенационального фронта борьбы против режима при активной роли в нем коммунистов, "готовых использовать любую возможность, чтобы довести движение до конца". Сам Муссолини, который внимательно следил за событиями в Албании, соглашаясь с характеристиками своих подчиненных, считал, что час отставки Зогу еще не пробил. Просто надо использовать ситуацию и заставить его принять все итальянские предложения.

Восстание в Фиери получило высокую оценку Балканской секции Коминтерна, рассмотревшей его уроки на одном из своих заседаний в декабре 1936 г. Выступивший там Али Кельменди отметил, что для албанских коммунистов восстание стало "крещением огнем и пробным камнем". Этот экзамен, говорил Кельменди, "они выдержали с честью и показали себя достойными своих братьев — коммунистов из других стран".

Неудача курса на либерализацию

Восстание в Фиери испугало дворцовую камарилью и заставило ее пойти на некоторое, хотя бы чисто внешне, смягчение репрессивного характера режима. В октябре 1935 г. кабинет во главе с престарелым Пандели Эвангели, фактически не имевшим никакого веса в государственных делах, был заменен так называемым либеральным правительством. Новый премьер-министр Мехди Фрашери, принадлежавший к интеллектуальным кругам общества и известный своими либеральными взглядами, выступил с широковещательной программой. Он обещал гарантировать народу свободу слова, собраний, печати, установить контроль над экспортно-импортными операциями, сбалансировать бюджет, способствовать развитию капиталистических начал в сельском хозяйстве, превратив каждую деревню в некий самоуправляющийся синдикат, и т.п. Ушел в тень "папаша" Абдуррахман заодно с самым одиозным в межвоенной истории Албании министром внутренних дел Мусой Юкой. Место последнего занял Этхем Тото. Не будучи замешанным в кровавых делах режима, он прославился "цивилизованными" методами борьбы с инакомыслием, а именно созданием секретной комиссии по контролю за "опасной литературой", распространявшейся в Албании.

"Либеральное" правительство не выполнило ни одного из своих обещаний в области внутренней политики. Зато оно связало Албанию новой серией договоров с Италией. Начав с восстановления прав итальянских военных и гражданских инструкторов и советников, вынужденных покинуть Албанию во время конфликта, правительство пошло на заключение 19 марта 1936 г. кабальных соглашений с Италией в экономической области. Албания получила два новых денежных займа взамен реструктурированного, а вернее говоря, "прощенного" займа 1931 г. Итальянское правительство обязалось покрыть дефицит в платежном балансе, создавшийся к концу 1934/35 бюджетного года. Взамен албанское правительство отменило все ограничения на ввозимые в страну итальянские товары. Предусматривалось расширение итальянского военного контроля над Албанией. На средства, предоставленные фашистским правительством, предстояло возвести новые сооружения в порту Влёра, охранявшие военно-морскую базу Италии на острове Сазан, а также реконструировать дурресский порт.

Соглашения были ратифицированы парламентом 1 апреля 1936 г. в первом чтении и при полном единодушии депутатов. Мехди Фрашери, вводя присутствовавших в курс дела, подчеркнул бескорыстие фашистской Италии, пострадавшей от наложенных на нее Лигой наций экономических санкций за аг-

рессию против Эфиопии и тем не менее нашедшей средства, чтобы помочь Албании. Премьер ничего не сказал о том, что именно он в качестве делегата Албании в Лиге наций голосовал против введения санкций, чем вызвал благодарность Муссолини.

"Либеральное" правительство подвергалось нападкам как со стороны патриотических сил, обвинявших его в капитуляции перед Италией, так и "отцов нации" из числа приверженцев короля — сторонников жесткой линии. Последние, стремясь к восстановлению старых порядков, использовали обычные для Албании того времени волнения в сельскохозяйственных районах, забастовки, демонстрации городской бедноты в качестве аргументов, подтверждавших неспособность "молодых" поддерживать порядок и спокойствие в стране. В итоге правительство Мехди Фрашери подало в отставку в ноябре 1936 г. Новый премьер-министр Кочо Кота и вернувший себе кресло министра внутренних дел Муса Юка открыто восстановили прежние террористические методы правления, упразднив даже те куцые проблески демократии, которыми было отмечено правление их предшественников.

Король поспешил назначить на 31 января 1937 г. выборы в парламент, мобилизовав "силы порядка" на обеспечение победы кандидатам, внесенным в правительственный список. Вести агитацию за других просто запрещалось, хотя формально на некоторых избирательных пунктах независимые депутаты числились. Министерство внутренних дел издало распоряжение привести в готовность вооруженные силы на местах, "чтобы воспрепятствовать каким-либо неожиданным событиям". Все эти меры принесли плоды, и правительственный блок добился полной победы.

Весной 1937 г. на юге страны возникла новая угроза свержения режима вооруженным путем. 17 мая газета "Штюпи" ("Пресса") сообщила, что в Дельвине вспыхнуло большевистское восстание. В Тиране создалось напряженное положение. Зогу объявил дополнительный набор солдат в районе Мати для усиления столичного гарнизона и поддержки регулярных войск, брошенных на подавление мятежа. Официальная печать, не давая оценки событиям, перепечатывала сообщения из различных европейских газет о том, что восстание инспирировано коммунистами и они-де руководят им. Затем появилось известие, что предводитель восстания убит в бою с правительственными войсками. Им оказался один из бывших друзей и соратников Зогу, активный участник декабрьского переворота 1924 г., недавний министр внутренних дел в правительстве Мехди Фрашери, а в момент восстания начальник жандармского управления Гирокастры Этхем Тото. Новым руководителем

стал его брат Исмет. В свое время он пытался организовать фашистскую молодежную организацию по образцу "гитлерюгенда", но, потерпев неудачу, перешел к нападкам на правящую клику. Падение кабинета Мехди Фрашери объединило обоих братьев — и фашиста, и "либерального" жандарма — в одном лагере. Бунтарский дух в братьях Тото поддерживала также их личная вражда не на жизнь, а на смерть с тогдашним министром внутренних дел Мусой Юкой.

Восстание, к которому примкнула часть офицерства, удалось довольно быстро подавить. Главные зачинщики, не успевшие бежать в Югославию, были схвачены и казнены. Так закончилась неудачей попытка совершить переворот, наделавшая тогда много шума в Европе, но не имевшая серьезной политической базы.

Установленный в Албании полицейский режим исключал всякую возможность легальной деятельности для любой оппозиции. Случай с кабинетом "молодых", отличавшимся от прежних лишь либеральной окраской и более мягкими методами проведения все той же антинациональной и антинародной политики, свидетельствовал о том, что подлинного изменения курса можно было добиться только вооруженным путем. Однако пока Зогу и его ближайшее окружение могли рассчитывать на поддержку фашистской Италии, любые оппозиционные выступления обрекались на неудачу.

Во второй половине 30-х годов в Европе складывался блок фашистских держав. Итало-эфиопская война завершила поисковый период во внешней политике Италии и определила ближайшего союзника в Европе. Им стала гитлеровская Германия. Хотя формальное подписание итало-германского политического соглашения состоялось 25 октября 1936 г., но именно кровавая авантюра в Африке сблизила эти режимы. Открытое выступление итальянской дипломатии в поддержку оккупации Рейнской области 7 марта 1936 г. явилось конкретным вкладом в формирующийся союз. Вместе с тем противоречия на Балканах сохранялись, предполагая развитие самостоятельных направлений каждой из стран. В интересах реализации экспансионистских планов Муссолини возрастала роль Албании в итальянской внешней политике. Речь шла об укреплении политических и экономических позиций в этой стране. Через небескорыстное посредничество Италии Албания вовлекалась в сферу общеевропейского капиталистического хозяйства, однако это достигалось путем приспособления старых форм и методов эксплуатации к новым условиям путем развития черт, характерных для колониальной экономики. Сохранявшиеся докапиталистические формы эксплуатации накладывали на всю экономическую жизнь страны отпечаток застоя и отсталости.

К концу 30-х годов исчезли огромные по албанским понятиям латифундии размером 10—15 тыс. гектаров: только 7 семейств владели угодьями, средний размер которых несколько превышал 2 тыс. га, причем в их площадь входили наряду с обрабатываемыми землями леса и пастбища. В албанской деревне усилилась прослойка "новых" хозяев — городской буржуазии и крепких хозяев (ага), к которым в социалистической Албании прочно прикрепился русский термин — *кулак*. Они устанавливали более широкие связи с внешним рынком, производя и экспортируя продукты земледелия и скотоводства, пользовавшиеся спросом за рубежом (табак, маслины, цитрусовые, сыр, кожи и т.п.).

Крупные и средние землевладения концентрировались в равнинных и холмистых районах страны — в Центральной Албании, особенно вдоль Адриатического побережья от Дурреса до Влёры. Но только три-четыре хозяйства на всю страну приближались по своему типу к капиталистическим. Подавляющая часть землевладений не имела единственного хозяйственного профиля. Разделенные на небольшие участки, лишь частично пригодные для обработки (от четверти до половины площади) или под пастбища, они эксплуатировались путем сдачи в аренду крестьянам-издольщикам.

Земельные площади находились во владении государства, религиозных учреждений, хотя в целом размеры государственных земель за годы зогистского режима заметно сократились: со 100 тыс. га в 20-е годы до 50 тыс. в конце 30-х годов, что составляло около 13% всей площади пригодных к обработке земель. За счет государственного фонда обогащались король, его семейство и фавориты. Под видом концессий часть владений переходила в руки итальянских предпринимателей. По конституции продажа сельскохозяйственных угодий иностранцам была запрещена. Однако итальянские концессионеры покупали землю через подставных лиц или арендовали на длительные сроки (от 25 до 99 лет). К концу 30-х годов насчитывалось 11 таких итальянских капиталистических ферм, обеспеченных современной сельскохозяйственной техникой и кадрами специалистов. Эти небольшие "государства в государстве" имели настолько широкие права, что им разрешалось селить на арендованных землях итальянских колонистов, беспошлинно ввозить технику и вывозить произведенную ими сельскохозяйственную продукцию.

Основная часть земельного фонда была распределена между землевладельцами, причисляемыми официальной статистикой к разряду богатых собственников, а также между крестьянами — середняками и бедняками. Богатые землевладельцы, составлявшие 3% всего сельскохозяйственного населения, вла-

дели 23% всех земельных угодий. Причем в среднем на каждую семью приходилось по 19 га. 129 тыс. семей середняков и бедняков (83% всего сельскохозяйственного населения) владели 61% всех земель, т.е. на каждую семью приходилось в среднем по 1,8 га. Большинство же этой категории земельных собственников составляли крестьяне-бедняки, наделы которых не превышали 1 га. В некоторых высокогорных районах страны земля оставалась во владении деревни, общины, в которую входили представители одного рода. Там сохранялись пережитки патриархальных отношений.

Крестьянам-беднякам, наделы которых не обеспечивали прожиточного минимума их довольно-таки многодетным семьям, а также безземельным крестьянам приходилось идти в кабалу к помещикам, ага или работать за нищенскую плату у итальянских концессионеров. Они становились арендаторами и сверх государственных налогов должны были вносить землевладельцу арендную плату натурой в размере от трети до половины урожая, выполнять ряд повинностей феодального характера: отдавать определенное число домашней птицы, яиц, поставлять к столу хозяина мед, молочные и другие продукты в зависимости от профиля их небольшого хозяйства. В обязанность крестьян входили также бесплатная работа в усадьбе землевладельца от 10 до 40 дней в году и выделение установленных обычаем сумм на содержание религиозных учреждений.

Животноводство имело больший удельный вес в сельском хозяйстве по сравнению с земледелием. Его продукция превышала половину всего экспорта страны, достигая в некоторые годы 60—65%. Однако это не свидетельствовало о его высоком уровне. Скот (главным образом, овцы и козы) был малопродуктивным, содержался на естественных пастбищах, и пастухам приходилось совершать многокилометровые переходы в поисках новых выпасов, покидая на 6—7 месяцев свое жилье. Главные богатства — стада и пастбища — принадлежали крупным феодалам-собственникам, эксплуатировавшим неимущих чабанов. В горных скотоводческих районах, отсталых в экономическом и культурном отношениях, прочно сохранялись пережитки родовых отношений. Представители местной знати (байрактары) держали в своем материальном и духовном подчинении основную массу населения, опираясь зачастую на авторитет обычаев и "законов гор".

Тяжелое положение сельского населения усугублялось грабительской налоговой системой. Сбор налогов и особенно десятины (ашара) превращался для тружеников в настоящее бедствие. Сборщики налогов — откупщики, пользуясь неграмотностью и темнотой крестьянства, устанавливали произвольные размеры поборов, намного превышавших их официальную ве-

личину. Продуктов, оставшихся после внесения натуроплаты, не хватало до конца года, и крестьяне пребывали в вечном долгу у ростовщиков, которые брали до 200% годовых.

В 1938 г. 96,5% всех посевных площадей приходилось на зерновые. Остальные были заняты техническими (табак), фуражными и овощными культурами. Однако две основные — кукуруза и пшеница — неизменно возглавляли список продуктовых товаров, импортировавшихся в Албанию. Парадоксальность (и ненормальность) этой ситуации осознавалась в правящих кругах, но никаких практических мер по исправлению положения не предлагалось. Все надежды возлагались на будущее. В отчете министерства национальной экономики за 1937 г. провозглашалось: "С развитием мелиорации, осушением и обводнением больших площадей, чему в последнее время уделяет особое внимание министерство национальной экономики, Албания в скором времени не только обеспечит себя хлебом, но и станет государством-экспортером". Пока же эти радужные прогнозы разбивались о неприглядную действительность. Заболоченные земли в равнинных районах Центральной Албании являлись рассадником малярии — воистину общенациональной беды, которая наряду с сифилисом и туберкулезом угрожала самому существованию албанской нации. Многолетняя борьба благотворительного Фонда Рокфеллера по искоренению болезни не дала ощутимых результатов. И об этом с откровенностью говорилось в том же отчете.

Не только отсутствие мелиоративных работ и сокращение ассигнований на сельское хозяйство вели к поддержанию перманентного состояния кризиса, в котором пребывала эта отрасль. Низкая культура земледелия, незнание химических удобрений, обработка полей исключительно деревянной сохой (парменд) и мотыгой — все это исключало понятие *прогресс* применительно к развитию албанской деревни. Достаточно сказать, что до 1938 г. в страну было завезено всего 32 трактора, 19 уборочных машин, 395 молотилок, 24 тыс. железных плугов.

Заинтересованность итальянских кредитно-финансовых организаций в оказании помощи в первую очередь итальянским сельскохозяйственным предприятиям привела к закреплению за Албанией статуса сырьевого придатка. "Банкальба", СВЕА и, наконец, созданный в 1937 г. Сельскохозяйственный банк, зависевший от Банка Неаполя, являлись носителями этой политики. Кредитование албанских зажиточных землевладельцев осуществлялось в зависимости от их политических пристрастий, поощряя расширение проитальянски настроенной части общества.

Промышленный сектор албанской экономики, включая ремесленное производство, давал 18% национального дохода. На-

иболее важной отраслью считалась добывающая промышленность. Однако удельный вес ее был ничтожно мал — всего 2,7% национального дохода в 1938 г. Все предприятия, за исключением только трех оставшихся у албанских владельцев небольших шахт по добыче бурого угля в окрестностях Корчи и Тираны, принадлежали итальянским компаниям.

Албания считалась весьма перспективной с точки зрения запасов полезных ископаемых, в том числе и редких. Созданное в 1926 г. при министерстве национальной экономики геологическое управление сразу же попало в руки иностранцев. Сначала там заправляли австрийские и венгерские инженеры, а с 1928 г. — итальянцы. Основное внимание уделялось добыче нефти. Во время итало-эфиопской войны (1935—1936) албанские месторождения давали немногим более 12 тыс. т нефти в год, что не имело практического значения для Италии. Однако надежды на то, что Албания может давать до 1 млн т в год, побуждали итальянское правительство вкладывать значительные средства в разведку новых месторождений, кроме уже работавших промыслов в Патоси и Кучове, принадлежавших Итальянскому предприятию по разработке албанской нефти (АИПА — Azienda Italiana petroli Albania). Почти вся нефть вывозилась необработанной на нефтеочистительные заводы промышленных зон Венеции и Фиуме через порт Влёра, соединенный нефтепроводом с Кучовой.

Итальянские фирмы получили долгосрочные концессии на эксплуатацию медных рудников Пуки и Рубику (САМИА), на разведку и эксплуатацию хрома в Поградеце, Кукесе и Тропое (АММИ). Разведку цветных металлов и других полезных ископаемых вели АММИ и группа "Монтекатини".

Обрабатывающая промышленность работала на местном сырье, и число предприятий, принадлежавших как албанским, так и итальянским собственникам, было невелико. По некоторым сведениям, существовало около 50 предприятий, производивших продукты питания (оливковое масло, макароны, муку, вина) 6 небольших ткацких, 5 трикотажных, 2 обувные фабрики, 5 кожевенных предприятий и около 5 тыс. разрозненных ремесленных мастерских. О величине этих "фабрик", как тогда называла их официальная статистика, свидетельствуют следующие данные по самым крупным из них: на пивном заводе в Корче в 1937 г. было занято 60 рабочих, на фабрике в Шкодре, обслуживавшей хлопчатобумажным обмундированием жандармское управление, — 30, на папиросной фабрике СТАМЛЕС в Дурресе — 20, и т.д. Вся продукция текстильной промышленности в 1938 г. выражалась скромной цифрой 358 тыс. метров тканей в год.

*Наибольшая концентрация рабочих отмечалась в нефтедо*бывающей промышленности. На промыслах в Кучове и на

предприятии по добыче битума в Селенице в конце 30-х годов трудились 1500—1800 рабочих. В целом же число рабочих по всей стране не превышало 15 тыс. человек, причем преимущественно это был не промышленный пролетариат, а работники ремесленных предприятий, сезонные строительные рабочие, еще не порвавшие связей с деревней. С разной степенью интенсивности велись поисковые работы по нефти, хромовой и железной рудам, свинцу и др. Однако до разработки уже разведанных месторождений дело так и не дошло. Своих капиталов не имелось, а иностранные инвесторы предпочитали не ввязываться в рискованные проекты по освоению труднодоступных районов Албании в обстановке общей нестабильности.

Чрезвычайно сложно складывалась социально-политическая атмосфера. Рабочего движения как такового не существовало. Противоречия, а следовательно и конфликты между трудовым народом и работодателями выливались в экономические забастовки, акции протеста. Но они носили локальный характер и не имели организующего начала.

Итальянские концессионеры, стремясь извлечь из своих предприятий максимальную прибыль, снижали оплату труда, увеличивая одновременно продолжительность рабочего дня. На нефтепромыслах и шахтах он достигал 14—16 часов. При этом, албанцам платили в 2—3 раза меньше, чем занятым на тех же операциях итальянским рабочим. Почти полностью отсутствовала система охраны труда. В условиях безработицы владелец предприятия без всякого риска в любой момент мог уволить забастовщиков, заменив их более сговорчивыми людьми, готовыми принять любые условия.

Работники ремесленных мастерских видели источник своих бедствий главным образом в конкуренции фабричных товаров. Поэтому на многих демонстрациях конца 30-х годов выдвигались требования закрыть фабрики, деятельность которых вела к разорению ремесленников. Сапожники Корчи, Берата, Гирокастры упорно требовали от министерства национальной экономики запретить производство летней обуви. Их вынуждала на эту бесперспективную борьбу реальная угроза безработицы, так как низкий уровень развития промышленности не позволял обеспечить работой разорявшихся кустарей.

Крах режима

Возросшая в конце 30-х годов дипломатическая и военная активность фашистских государств в Европе создала непосредственную угрозу Балканам. В рамках раздела сфер влияния между странами "оси" Берлин—Рим Италии отводились в качестве

приоритетных направлений Балканы и Средиземноморье. Однако на практике гитлеровская Германия, претендовавшая на господство также и в этом регионе, не собиралась строго придерживаться достигнутых договоренностей, вызывая тем самым небезосновательные подозрения у своего союзника. Вынужденное согласие Муссолини на аншлюс Австрии в марте 1938 г.,с одной стороны, безусловно способствовало дальнейшему итало-германскому сближению. К тому же лаконичная телеграмма Гитлера ("Муссолини, я никогда не забуду сделанного тобой") позволяла "дуче" надеяться на благодарность по формуле "я тебе — Австрию, ты мне — Балканы". Но, с другой стороны, слишком реальной представлялась опасность прорыва Германии к Адриатическому морю, чтобы в Италии не учитывали ее и не попытались бы окончательно закрепиться на албанском плацдарме.

Стратегическое значение Албании в цепи захватнических планов итальянского фашизма признавалось и военными, и дипломатами, и промышленниками. При том сырьевом голоде, который испытывала итальянская промышленность, несомненный интерес представляла эксплуатация природных ресурсов этой страны. Существовал и морально-политический аспект, а именно стремление к реваншу за позор поражения в битве за Влёру в 1920 г.

После официального признания европейскими государствами захвата Италией Эфиопии и включения ее в состав итальянской фашистской империи настала очередь Албании. С начала 1938 г. подготовка к ее оккупации перешла в разряд практических задач, причем главную роль взял на себя министр иностранных дел Италии и зять Муссолини Галеаццо Чиано. Его особый интерес к албанской проблеме обусловливался в какой-то мере тем, что семейству Чиано принадлежали относительно крупные капиталовложения в албанскую нефтяную промышленность. Но не последним было и то обстоятельство, что Чиано стремился албанской операцией обеспечить себе политический авторитет в фашистской партии и в правительственных верхах. Он относился к Албании, как к своей вотчине, назначая туда своих людей и ревниво относясь к любой попытке постороннего вмешательства в дела этой страны.

27 апреля 1938 г. Чиано присутствовал на бракосочетании 43-летнего короля Зогу с венгерской графиней Джеральдиной Аппоньи, которая была моложе его на 20 лет. По линии матери она происходила из семьи нью-йоркских банкиров Стюартов и получила прекрасное образование в Европе в области общественных наук и финансов (ее воспитывали венгерские родственники). Свадьба была гражданской, так как Ватикан отказался благословить католичку на брак с мусульманином. Тем не

менее церемония прошла с приличествующей этому событию торжественностью, а молодожены получили поздравления от царствующих домов и от ряда видных государственных деятелей, включая президента США Ф.Д. Рузвельта.

Чиано использовал поездку для того, чтобы на месте выбрать окончательный вариант действий в отношении Албании. В итоге из-под пера министра появился план "интегрального разрешения" албанского вопроса, т.е. оккупации страны с частичными незначительными территориальными уступками в пользу Югославии. Проект был доведен до сведения Муссолини и одобрен им уже 30 апреля. С тогдашним правительством Милана Стоядиновича у римских политиков установились прекрасные отношения, и они изъявляли готовность передать северной соседке Албании контроль над районами вокруг Шкодринского (Скадарского) озера. Правда, принц-регент Павел отнесся к этому предложению весьма скептически. "У нас проживает столько албанцев в границах нашего государства, – заявил он, – и мы имеем от них столько неприятностей, что у нас нет ни малейшего желания увеличивать их число".

Более подробный и конкретный план действий излагался в составленной Чиано докладной записке от 2 мая 1938 г. Детальный обзор экономики Албании и приспособления ее к нуждам Италии начинался словами: "Страна богата, действительно богата..." Далее излагались соображения Чиано по поводу того, почему необходимо именно оккупировать эту страну. Последние события – и бракосочетание короля дало тому дополнительные доказательства – свидетельствовали об угрозе итальянскому влиянию. Венгерские родственники молодой албанской королевы, хотя и происходили из дружественной страны, тем не менее позволяли нелояльные высказывания в отношении Италии и итальянцев. Настораживало также то, что в апреле начались конфиденциальные албано-германские переговоры о заключении торгового договора и что самый дорогой свадебный подарок поступил от Гитлера. А во время открытия автострады Тирана – Дуррес, построенной на итальянские деньги итальянскими инженерами, одна из сестер Зогу сказала Чиано, кивая на дорогу: "Конечно Вам это нравится, Ваше превосходительство. Нам же эта автострада представляется весьма посредственной по сравнению с дорогой из Тираны в Эльбасан". Принцесса намекала на высокое качество немецкого строительства. Чиано ничего не ответил, но в дневнике обругал разом всех шестерых сестер, записав, что все они годятся разве что для выступлений на подмостках провинциальной оперетки.

Муссолини согласился со всеми доводами своего зятя, одобрил план действий, и подготовка агрессии вступила в решаю-

щую фазу. Ориентировочный срок "акции" намечался на май следующего, 1939 г. Для итальянской дипломатии задача соответствующей обработки европейского общественного мнения облегчалась тем, что политика кабинета Стоядиновича ориентировалась на полное признание исключительных прав Италии в Албании. Его возросший авторитет в Балканской Антанте мог в какой-то мере гарантировать более или менее спокойное отношение других членов этой организации к возможным изменениям в судьбе Албании.

Во время нарастания международной напряженности в связи с судетским кризисом предчувствия скорой развязки в отношении также и Албании оказались настолько сильными, что в Тиране начиная с 25 сентября 1938 г. стали проводиться ежедневные совещания. Все свидетельствовало о том, что в случае вооруженного конфликта из-за Судет итальянское правительство воспользуется случаем, чтобы оккупировать Влёру, а затем и всю страну. Военный министр Аранити обсуждал с высшим офицерством меры по приведению в боевую готовность албанской армии в предвидении возможного итальянского вторжения. Однако до всеобщей мобилизации дело не дошло, так как было получено сообщение о Мюнхенском соглашении. Позиция, занятая "миротворцем" Муссолини, а он настойчиво подчеркивал свою решающую роль в урегулировании кризиса невоенными методами, как казалось, отвела от Албании угрозу вооруженного вмешательства, по крайней мере на ближайшее время.

Но и после Мюнхена напряженность в итало-албанских отношениях не спала. 13 октября Зеф Середжи, адъютант Зогу, доставил Чиано личное послание короля, содержащее попытку выяснить намерения итальянской стороны. Смысл письма, в изложении Чиано, сводился к следующему: "Теперь Албания находится в руках Италии, которая контролирует все области национальной деятельности. Король верен вам. Народ благодарен. Почему же вы хотите еще большего?" Чиано постарался успокоить Середжи, а для себя отметил: "Надо поскорее разделаться с этой Албанией". И уже 13 ноября Муссолини распорядился начать дипломатическую и военную подготовку к захвату Албании.

30 ноября Муссолини выступил перед большим фашистским советом: "Я объявляю вам о ближайших целях фашистского динамизма. Подобно тому, как был взят реванш за Адуа, то так же произойдет и с Валоной (итальянское название Влёры. — *Н.С.*). Албания станет итальянской. Я не могу, да и не хочу пока говорить вам, когда и каким образом это произойдет. Но это будет". Угрожающий тон заявления вызвал новую волну опасений. Король Зогу, потерпевший неудачу в попытках дого-

вориться со своими итальянскими покровителями через посредников, решил сделать это лично. Под предлогом отдыха на озерах Северной Италии, так необходимого его беременной жене, он отправился в начале декабря 1938 г. в морское путешествие на находившейся в его пользовании итальянской яхте "Иллирия". Сильный шторм принудил его возвратиться в Дуррес. Так рухнула надежда Зогу на встречу с Муссолини, от которой он многого ожидал.

Тем временем подготовка "акции" продолжалась. В Риме не исключали вероятности дипломатических осложнений, так как в случае оккупации Албании нарушался статус-кво на Балканах. Муссолини, уверенный в невмешательстве Франции, Англии и Греции, выражал беспокойство в отношении югославской позиции. Он поручил Чиано переговорить со Стоядиновичем и предложить Югославии греческие Салоники и "некоторое исправление границы с Албанией" в качестве компенсации за согласие на итальянскую оккупацию. Во время бесед Чиано с принцем Павлом и Стоядиновичем в конце января 1939 г. условия двустороннего соглашения уточнялись. Причем в белградских кругах отношение к возможной сделке было весьма осторожным. Опасение, что на Балканы ступит нога враждебной по сути своей державы, перевешивало желание получить территориальные приращения. Но 4 февраля кабинет Стоядиновича пал. "С уходом Стоядиновича, — писал Чиано, — югославская карта потеряла для нас 90% своего значения. Поэтому дело будет завершено не с Югославией, а без нее и, возможно, против нее". Решение было принято, но внешне политика не претерпела изменений: Югославия, а тем более Албания оставались в неведении об истинных планах Италии. Тогдашний посланник в Тиране Франческо Якомони получил инструкцию из министерства иностранных дел, рекомендовавшую давать Зогу любые заверения и "мутить воду так, чтобы воспрепятствовать раскрытию наших истинных намерений". Уже 7 февраля генштаб итальянской армии определил срок нападения — между 1 и 19 апреля.

С конца марта между Римом и Тираной начался интенсивный обмен письмами, в которых обсуждались планы нового итало-албанского союза. 25 марта 1939 г. в Тирану прибыл секретарь канцелярии министра иностранных дел барон Карло де Феррарис с проектом договора, смысл которого сводился к установлению итальянского протектората над Албанией. Итальянское правительство настаивало на введении в Албанию своих войск, на праве свободного пользования аэродромами, портами, шоссейными дорогами, на отмене таможенных и валютных ограничений, на назначении во все албанские министерства итальянских генеральных секретарей, а также на предостав-

лении албанского гражданства проживавшим в Албании итальянцам.

Зогу всячески затягивал переговоры, выдвигая контрпредложения, которые тут же отвергались Римом. Наконец Муссолини в ультимативной форме потребовал согласиться на все итальянские условия. "Пусть Зогу подумает о том, какие доказательства моей дружбы он получал за последние тринадцать лет, — инструктировал он Якомони. — Я хотел бы и дальше следовать этой линии поведения. Но если это будет сочтено неприемлемым, то за последствия будут расплачиваться король Зогу и албанский народ". Только безоговорочное согласие устраивало агрессоров.

Тем временем в иностранную печать просочились сообщения об итало-албанском конфликте, чреватом вооруженным столкновением. Обе стороны официально опровергли эти слухи. Когда под давлением британской общественности, обеспокоенной угрозой возникновения очага агрессии на Балканах, посол в Риме лорд Перт обратился к Чиано с официальным запросом о намерениях Италии, министр ответил, что речь идет не об оккупации, а о защите итальянских интересов в Албании при сохранении статус-кво и без ущемления ее суверенитета. Это позволило Н. Чемберлену сделать 6 апреля заявление в палате общин, что Великобритания не имеет прямой заинтересованности в Албании, но выражает беспокойство, опасаясь возникновения угрозы миру. Муссолини немедленно направил Чемберлену телеграмму, в которой заявлял, что "разрешение итало-албанской проблемы будет осуществлено в такой форме, которая не вызовет кризиса ни в англо-итальянских отношениях, ни в международной обстановке в целом".

Французское правительство не делало даже таких формальных жестов, которые позволяли себе английские официальные лица. Развитие итальянской агрессии в албанском направлении на какое-то время отводило угрозу от Франции и ее колоний, и 7 апреля в беседе с английским послом в Париже Э. Фиппсом министр иностранных дел Франции Ж. Бонне заметил, что Франция была уведомлена заранее о намерениях Муссолини, но никогда не собиралась защищать Албанию силой оружия.

Наибольшее беспокойство проявляла югославская дипломатия. В Белграде знали о положении в Албании, равно как и об ухудшении итало-албанских отношений, из агентурных источников. Посланник Югославии в Риме Б. Христич неоднократно пытался выяснить истинные намерения Италии по официальной линии, но неизменно получал заверения, что в отношении Албании не будет предпринято ничего такого, что могло бы ущемить интересы Югославии.

Албанское правительство до последнего момента надеялось уладить свои отношения с Италией миром. Поэтому, когда 4 апреля в Тиране состоялся массовый митинг жителей города, участники которого направили к Зогу делегацию с требованием принять меры по организации обороны, король заявил, что стране не угрожает никакая опасность. В тот же день состоялось заседание кабинета министров, принявшее решение отклонить итальянский проект договора. В срочном порядке была создана специальная комиссия для выработки контрпредложений.

На рассвете 5 апреля 1939 г. у албанской королевской четы появился на свет наследник, получивший имя Лека I. Почти одновременно Зогу узнал об итальянском ультиматуме с требованием дать ответ к 12 часам следующего дня. Опасность, нависшая над Албанией, привела в движение народ, который требовал оружия. Король не решился ни на принятие ультиматума, ни на его отклонение, ни на вооружение народа. Он попросил итальянцев продлить срок ответа и стал вывозить свою семью, значительную часть государственной казны и средства, принадлежавшие Красному Кресту. Следуя примеру короля, начали тайно пробираться к границе с Грецией некоторые министры и другие официальные лица режима. Правительство распалось.

Албания осталась беззащитной перед угрозой нападения. Малочисленная армия (2200 кадровых военных и 2000 резервистов), даже при условии ее трехкратного увеличения за счет новых призывников, не могла оказать эффективного сопротивления агрессору. Так называемый генштаб меньше всего занимался проблемами военного строительства, погрязнув в придворных интригах и мздоимстве. Не случайно поэтому буквально накануне итальянского вторжения потерял свой пост глава этого ведомства генерал Мирдач, обвиненный в предательстве. Его место занял бывший австрийский офицер, подполковник албанского генштаба Кирхнер.

В 4 час. 30 мин. 7 апреля, в страстную пятницу, 35—40-тысячная итальянская армия под командованием генерала Альфредо Гудзони начала высадку в портах Шенгин, Дуррес, Влёра и Саранда. Чиано лично ознакомился с обстановкой, совершив ранним утром инспекционный полет над районом высадки у Дурреса. "Зеркальное море. Зеленая долина и горы — высокие и величественные, увенчанные коронами из снега", — так вдохновенно он изливал впечатления от увиденного на страницах дневника. Дымки выстрелов из окон, цепочка из распластавшихся на земле берсальеров, охранявших порт со стороны города, — все это свидетельствовало о сопротивлении, оказанном передовым частям. При поддержке орудий, установленных

на военных судах, отдельные его очаги удалось подавить, и к 10 часам утра город был занят.

Однако наступления на Тирану в тот же день не последовало. Генерал Гудзони принял парламентеров от Зогу, вручивших ему новые албанские предложения (к тому времени сам король бежал на юг и уже приближался к греческой границе), и отложил военные операции на 6 часов с тем, чтобы проконсультироваться с Муссолини. К тому же оказалось, что моторизованные части остались без горючего, по неизвестным причинам не работала связь, не вовремя подходили подкрепления. Некоторые воинские подразделения даже не были осведомлены о том, против кого и где им предстояло сражаться. Многие солдаты были уверены, что едут на завоевание колоний в Африке, и распевали антифранцузские песни, а другие, высаживаясь в Дурресе, справлялись, не Абиссиния ли это.

Задержка вызвала негодование Муссолини, приказавшего немедленно продолжить наступление. Гудзони на следующее утро преодолел оставшиеся 30 км и вступил в Тирану в 9 час. 30 мин. того же дня. 9 апреля 1939 г. пали Шкодра и Гирокастра, а 10 апреля оккупация всей страны стала свершившимся фактом. Сопротивление итало-фашистским захватчикам, оказанное отдельными группами военных и гражданских лиц, удалось подавить. В Риме праздновали победу. Однако причины столь легкого успеха раскрыл в мемуарах один из видных дипломатов того времени, Филиппо Анфузо: "Десант в Албании был осуществлен со столь детским дилетантизмом, что, будь у короля Зогу хотя бы одна хорошо обученная пожарная команда, он сбросил бы нас в море".

Прибывший 8 апреля в Тирану Чиано приступил к "политическим маневрам", как он сам называл серию мероприятий по юридическому оформлению оккупации. Был создан Временный административный комитет во главе с бывшим министром двора Джафером Юпи. Комитет обратился с прокламацией к албанскому народу, в которой говорилось, что 26 лет существования независимого государства доказали неспособность албанцев к самоуправлению. Комитет призвал оказать благожелательный прием итальянской армии, которая находится в Албании "как друг", и направил Муссолини верноподданническую телеграмму.

12 апреля на заседании спешно созванной Конституционной ассамблеи рассматривался проект "личной унии" Албании и Италии. Из 159 депутатов этой ассамблеи 68 являлись помещиками, 25 — байрактарами, 26 — крупными торговцами, 20 — духовными лицами, 20 — офицерами и представителями интеллигенции. Но и это собрание верных фашистской Италии людей с неудовольствием встретило проект "личной унии", пони-

мая, что предложение албанской короны Виктору Эммануилу III будет означать полную ликвидацию независимости страны. Соглашаясь на капитуляцию перед фашистской Италией, они хотели сделать вид, что произошла простая смена династии при сохранении статуса независимого государства. Поэтому и байрактар Гьон Марка Гьони, и глава францисканцев Андон Харапи, и влиятельный в кругах интеллигенции католический поэт Дьердь Фишта настаивали на том, чтобы корону вручили принцу Савойской династии, а не самому Виктору Эммануилу III. Чиано провел серию встреч с депутатами и с обычным для него цинизмом записал в дневнике, что приобрел их согласие при помощи конвертов с албанскими франками, которые он на всякий случай захватил с собой. В результате голосование прошло "единодушно и даже с энтузиазмом". Сомнительную честь формирования кабинета ассамблея предоставила Шефкету Верляци. Одним из первых актов нового правительства стало решение о выходе из Лиги наций.

15 апреля 1939 г. в Риме состоялось заседание большого фашистского совета, одобрившего "личную унию". На следующий день делегация албанского марионеточного правительства поднесла Виктору Эммануилу III "корону Скандербега". Присутствовавший при этой церемонии Чиано нарисовал весьма унылую картину: Верляци голосом уставшего человека сказал что-то приличествующее случаю, а затем неуверенным и каким-то дрожащим голосом произнес ответную речь король. Албанцы, подавленные контрастом между величественными залами Квиринала, по которым они прошли, и фигурой маленького человечка, восседавшего на большом позолоченном троне, смотрели на все это и не понимали, как такое могло случиться.

В течение последующих двух месяцев мероприятия по закабалению Албании завершились. В конце апреля появилось правительственное постановление об уравнении итальянцев в гражданских и политических правах с албанцами. Тогда же оформилась и таможенная уния. 3 июня специальным соглашением устанавливалось, что впредь "все внешние связи Италии и Албании унифицируются и концентрируются в королевском министерстве иностранных дел в Риме". Место албанского министерства иностранных дел заняла созданная при МИД Италии комиссия по иностранным делам.

Изменение статуса албанского государства было отражено в новой конституции, "дарованной" Виктором Эммануилом III 3 июня 1939 г. По этой конституции, которая так никогда и не была одобрена ни одним албанским правительственным учреждением, Албания считалась монархическим государством, вся полнота законодательной и исполнительной власти принадлежала итальянскому королю. Бывший итальянский посланник в

Албании Франческо Якомони стал королевским наместником. Без его визы не имело силы ни одно постановление албанского совета министров. Государственный флаг Албании сохранялся, но на его темно-красном полотнище появился новый символ — ликторский пучок.

Фашистское правительство оценило рвение своих албанских прислужников. Шефкет Верляци, Гьон Марка Гьони, Мустафа Круя, Вангель Туртули получили титулы сенаторов Италии. Не осталось незамеченным и усердие министра иностранных дел Италии. За заслуги по расширению "империи" Виктор Эммануил III наградил Чиано "орденом Благовещения", который возводил его обладателя в ранг кузена короля Италии. Чиано уверовал в то, что Албания стала чуть ли не личным владением его семьи, и добился того, что один из красивейших городов Южной Албании Саранда получил новое имя в честь его жены — Порто-Эдда.

Захват Албании имел серьезные последствия для всей ситуации в Европе, давая перевес фашистским государствам. В правящих кругах Великобритании и Франции осознавалась опасность, которая таилась в расширении фашистской агрессии. Тем не менее и Чемберлен, и Даладье фактически поддержали итальянскую акцию. Их позиция повлияла на обсуждение албанского вопроса в Лиге наций, в секретариат которой поступило сразу три документа: письмо албанского временного поверенного в делах в Париже от 8 апреля, в котором тот от имени своего правительства обращался с просьбой о помощи; письмо короля Зогу от 8 апреля аналогичного содержания, в котором, кроме того, обращалось внимание на нарушение Италией Устава Лиги наций; наконец, телеграмма от 13 апреля за подписью нового премьера Верляци о выходе Албании из Лиги наций. Генеральный секретарь лиги Жорж Авеноль дал ход только последнему документу, а именно обещал Верляци довести содержание его телеграммы до членов Лиги наций.

Представитель СССР И.М. Майский, председательствовавший на заседании Совета Лиги 22 мая 1939 г., сделал попытку внести вопрос об итальянской агрессии против Албании в повестку дня. Однако его инициатива была отвергнута.

Так в обстановке нараставшего общеевропейского кризиса прекратило существование одно из самых молодых государств Европы.

Глава V
Годы войны

В составе "Новой Римской империи"

Оккупация Албании и включение ее в состав так называемой Итальянской империи привели к созданию в стране такой общественно-политической структуры, которая копировала в миниатюре основные звенья фашистского режима в самой Италии. Прежде всего оккупанты приступили к тотальной фашизации. 2 июня 1939 г. было объявлено о создании албанской фашисткой партии, секретарь которой Тефик Мборья вошел в состав национального совета итальянской фашистской партии. Учащаяся молодежь автоматически включалась в систему "Балилла"*, объединявшую всех детей и молодежь от 8 до 16 лет. Развернули свою деятельность в Албании такие итальянские фашистские организации, как "Дополаворо" ("После работы") и "Данте Алигьери", монополизировавшие культурно-просветительную работу среди рабочих и служащих. В рамках итальянской Академии наук сформировался Институт албанологических исследований, из 33 мест в штате которого 15 занимали итальянцы.

Пытаясь играть роль благодетелей Албании, спасших народ от "тягот рабства кровопийцы Зогу", как тогда говорил еще недавно входивший в ближайшее окружение короля Джафер Юпи, оккупанты предприняли шаги по завоеванию популярности среди населения. Так, командующий экспедиционным корпусом генерал Гудзони уже в день вступления войск в Тирану дал информацию в печать, что беднякам столицы будут розданы 1000 золотых франков, какое-то количество кукурузы и т.п. Вскоре из аппарата наместничества поступили сведения о намерениях осуществить планы масштабных строительных и мелиоративных работ, об увеличении числа сельскохозяйственных ферм, призванных снизить уровень безработицы и увеличить трудовую занятость городского и сельского населения.

---

* Организация получила название по имени итальянского мальчика, участника борьбы за освобождение Италии в XIX в.

Это привело к определенному затишью в стране и породило в некоторых кругах албанской общественности надежды на возможное оздоровление экономики с помощью Италии.

Развернувшееся строительство автомобильных дорог и общественных зданий действительно позволило заработать на кусок хлеба довольно большому числу неквалифицированных рабочих. Вместе с тем буквально хлынувшие в страну итальянские колонисты и сезонные рабочие сузили сферу приложения рук для самих албанцев. Так, за период с 8 апреля 1940 г. по 31 октября 1941 г. в Албанию прибыло более 50 тыс. итальянских сезонников, из которых в течение этих полутора лет вернулись на родину 44 тыс. Итальянцам обеспечивались лучшие по сравнению с албанцами бытовые условия, а также более высокая заработная плата. Если итальянский рабочий получал в среднем 7—8 золотых франков в день, то занятый на той же работе албанец — 2—4. Албания стала отдушиной также и для итальянских сельскохозяйственных рабочих, занятых на фермах, принадлежавших итальянцам. В целом Албания подключилась к автарктической системе фашистской Италии, что привело в конечном счете к выкачиванию из страны продовольственных ресурсов.

До недавнего времени принято было считать, что строительные работы в Албании того времени производились в интересах обеспечения захватнических целей фашистской Италии на Балканах. И это действительно так. В Албанию передислоцировалась 9-я армия, усиленная авиацией. К концу 1940 г. численность итальянских войск достигла 100 тыс. И хотя итальянцы рассчитывали воевать и побеждать только на чужой территории, обеспечение нужд тыла в будущей войне требовало немалых средств. Шоссейные дороги, прокладывавшиеся в направлении греческой и югославской границ, портовые сооружения в Дурресе, Шенгини и Саранде, военно-морская база во Влёрском заливе и т.д. — все эти объекты вписывались в формулу "превращения Албании в итальянский плацдарм на Балканах". Но ряд общественных зданий, сохранившихся до наших дней, служили и служат вполне мирным целям. В Тиране это университет, сооружавшийся как Дворец фаши и корпорации[2*], отель "Дайти", до середины 90-х годов выполнявший функции центрального и самого престижного отеля страны, особняк наместника, ставший прительственным Домом приемов после второй мировой войны, комплекс коттеджей для итальянских военных в Новой Тиране, составивший уже в ком-

[2*] Палата фаши и корпораций — албанский аналог административной структуры, заменивший палату депутатов в фашистской Италии по закону от 19 января 1939 г.

мунистические времена ядро заповедного квартала (так называемый "блок"), заселенного семьями правящей элиты, и т.п.

Необходимость расширять военное производство вызвала повышенный интерес итальянских компаний к добыче стратегического сырья. Наибольшее значение приобрела эксплуатация разведанных незадолго до начала войны месторождений хромовой руды, которую Италия полностью импортировала. Вывозились из Албании бурый уголь, нефть, натуральный битум, медная руда. Такие крупные финансовые учреждения и промышленные компании, как "Банко д'Италиа", "Банко ди Наполи", "Монтекатини", "Ферровие делло стато", "Сниа вискоза" и др., уже имели свои филиалы в Албании. Только за один год, прошедший с начала оккупации, число итальянских предприятий в стране достигло 140, а к марту 1942 г. — 366.

Относительное спокойствие в стране, установившееся в первые месяцы после оккупации, было обманчивым. Новые хозяева осознавали это и принимали меры по пресечению возможных беспорядков. Главным репрессивным органом стала созданная декретом наместника Ф. Якомони в июне 1939 г. специальная комиссия под началом командующего королевскими карабинерами в Албании генерала Кристино Агостинуччи. Комиссия рассматривала дела участников апрельских боев 1939 г., демонстрантов, саботажников и других "неблагонадежных" лиц. Сотни людей попали в тюрьмы и концлагеря Италии и Албании. Но это не могло остановить патриотов.

Окончилась неудачей попытка итальянских властей разоружить население. Соответствующий указ наместника, предписывавший в 30-дневный срок сдать оружие, остался без внимания. Угроза применить силу в случае неповиновения не могла быть реализована в отношении горных районов. Отряд майора зогистской армии Абаза Купи, оказавшего вооруженное сопротивление итальянцам в момент высадки, укрылся в родных местах около Круи. Выжидательной тактики придерживались другие региональные вожди, не примирившиеся с потерей независимости. До поры до времени оставался вне досягаемости оккупационных властей горный район Пезы в Центральной Албании, негласно контролировавшийся братьями Мюслимом и Шюкри Пеза. Резервом антифашистского Сопротивления становились албанцы — участники гражданской войны в Испании, сражавшиеся в рядах XII интернациональной бригады им. Гарибальди, которые после разгрома республики, пройдя через всю Европу, стали возвращаться на родину.

Начало второй мировой войны не отразилось на положении Албании. Муссолини не пошел за Гитлером в сентябре 1939 г., заявив о временной "невовлеченности" в вооруженный конфликт. Италия не сочла себя достаточно подготовленной к уча-

стию в "большой" войне против западных держав, отдав предпочтение укреплению своих политико-экономических позиций в ранее захваченных странах. Неожиданно быстрый разгром Франции гитлеровской Германией зародил опасения в умах римских политиков, что они могут опоздать к разделу Европы. Буквально за несколько дней до капитуляции Франции Италия объявила ей войну и уже вместе с Германией приняла участие в подписании перемирия. Аппетиты у Муссолини разгорались, и в повестку дня встали планы агрессивных акций на Балканах.

Летом 1940 г. в итальянском генштабе неоднократно обсуждались ситуации, связанные с планами нападения либо на Югославию, либо на Грецию. В зависимости от этого велась пропаганда и в Албании, которой обещали поддержать ее претензии соответственно в отношении Косова или Чамрии. К осени в качестве приоритетного направления атаки было окончательно выбрано греческое.

Муссолини торопился. Опасаясь вмешательства своего партнера по "оси" в балканские дела, он стал готовиться к "прыжку в Грецию". Гитлер, развернувший на полный ход подготовку к нападению на СССР, не хотел осложнений в тылу. Он рассчитывал на мирное использование ресурсов балканских стран. Именно этим диктовалось, в частности, введение определенного контингента войск в Румынию 10 октября 1940 г. и размещение его на нефтепромыслах и в дельте Дуная. Румыния занимает ключевые позиции на Балканах, говорилось в директиве Гитлера командованию вермахта, и контроль над ней "может обеспечить решающее воздействие на отношения Германии с другими балканскими странами, с Италией и особенно с Советской Россией".

Итальянского союзника не уведомили о готовившейся акции. "Гитлер всегда ставит меня перед свершившимся фактом, — говорил с возмущением Муссолини графу Чиано 12 октября. — На этот раз я отплачу ему той же монетой: он узнает из газет, что я оккупировал Грецию. Так будет восстановлено равновесие".

14 октября 1940 г. Муссолини вызвал к себе начальника генерального штаба маршала Пьетро Бадольо и начальника главного штаба сухопутных войск генерала Марио Роатта, чтобы сообщить им о "политической необходимости оккупировать Грецию". Военные высказали осторожные возражения против этого, считая кампанию недостаточно подготовленной. Однако их аргументы не были приняты во внимание, и на следующий день в присутствии Чиано, Якомони и командующего итальянскими войсками в Албании генерала Себастиано Висконти Праски была определена дата начала операции — 26 октября.

Якомони и Висконти Праска в чрезвычайно восторженных выражениях обрисовали политические и военные аспекты намечавшейся агрессии. "В Албании ожидают эту акцию с нетерпением, — говорил Якомони. — Страна полнится волнением и энтузиазмом; даже можно сказать, что в последнее время этот энтузиазм так возрос, что чувствуется разочарование, почему же акция еще не началась". Что касается Греции, то там царит дух уныния, греки воевать не хотят. В таком же оптимистичном духе было составлено сообщение Висконти Праски о боеготовности. Численность итальянских войск он определил в 70 тыс. солдат, не считая специальных батальонов. Кроме того, 2500—3000 обещало дать албанское правительство. Греки же располагали 30-тысячной армией, а переброска подкреплений по горным дорогам представляла большие трудности.

Характерно, что высокогорные дороги не страшили генерала. Он заверил, что 250 км до Афин (после завершения оккупации Эпира) итальянская армия пройдет без особых осложнений даже по горным тропинкам, преодолевая двухкилометровые перевалы, и завершит операцию в течение двух недель. Никого из присутствующих не смутило такое парадоксальное обстоятельство, что из рассуждений Висконти Праски вытекало, будто дороги от албанской границы до Афин были хорошие, а в обратном направлении — от Афин до границы — плохие...

Муссолини был удовлетворен оптимистичными выкладками своего генерала, но потребовал, чтобы это мероприятие внешне носило бы вынужденный характер или, как он выразился, нужен предлог, "чтобы запалить фитиль". За этим последовала молниеносная реакция Чиано.

"Когда Вы хотите, чтобы произошел инцидент?" — задал он вопрос. — "Двадцать четвертого", — последовал ответ. — "Двадцать четвертого инцидент будет".

Одним из пропагандистских маневров, применявшихся в тот период итальянскими фашистами, стало выдвижение версии о необходимости защиты интересов Албании от греческих посягательств. Албанская фашистская газета "Томори" призывала "освободить братьев-чамов", обеспечить "демографическое и экономическое развитие" албанского меньшинства, включив его в состав итальянского королевства.

Акция началась 28 октября 1940 г., на несколько дней позже запланированной даты. Итальянские войска перешли границу со стороны Албании, двигаясь под проливным дождем в двух направлениях — на Янину и Флорину. Авиация, на которую возлагались большие надежды, бездействовала по причине ненастья. И уже на второй день после начала войны наступление захлебнулось. В горах Пинд потерпела поражение дивизия "Джулия". Ее откат до албанской границы и далее оказался

столь поспешным и беспорядочным, что около пяти дней главнокомандующий не мог наладить с ней связь. Тогда же начали поступать первые сигналы о ненадежности албанских воинских частей, участвовавших в военных действиях.

Правительство Верляци объявило войну Греции и стало таким образом соучастником итало-фашистской агрессии[3*]. Однако марионеткам итальянских фашистов не удалось заставить народ воевать за чуждые ему интересы. На фронте участились случаи массового дезертирства албанских солдат. Пример подал албанский батальон "Томор". Заградительный отряд итальянских карабинеров попытался силой остановить албанцев, но попал под ответный огонь. Итальянские войска в албанском тылу подвергались нападениям на дорогах и в казармах. В городах проходили массовые демонстрации с требованиями прекратить бессмысленную войну, наносившую ущерб Албании: военные действия разворачивались на албанской территории, и менее чем через месяц после начала военных действий, 22 ноября, пала Корча, а в первых числах декабря Гирокастра.

23 ноября глава греческого правительства генерал Яннис Метаксас выступил со следующей декларацией: "Мы боремся не только за свое собственное существование, но также и за интересы других балканских народов и за освобождение Албании". Это заявление, рассчитанное на внешний эффект и сделанное на начальном этапе военных успехов, уже тогда настораживало общественное мнение в Албании и за рубежом: а не явится ли это освобождение от итальянских захватчиков шагом к осуществлению старой идеи "Великой Греции", к завоеванию так называемого Северного Эпира, т.е. Южной Албании. Дальнейшее развитие событий частично подтвердило такие опасения.

Отказываясь воевать против Греции, албанские солдаты сдавались в плен или укрывались в горах, образуя партизанские четы (отряды). Однако уже с самого начала войны правительство генерала Метаксаса распорядилось интернировать сдающихся в плен албанцев и не разрешать им воевать на стороне греков. Правда, в конце декабря 1940 г. всех албанских военнопленных, проявивших готовность влиться в греческую армию, освободили из лагерей и стали посылать на фронт. Тогда ходили слухи, что это было сделано по настоянию англичан. Но такая практика вскоре прекратилась, ибо греческие власти осознали таившуюся в этом опасность: борьба может приобре-

---

[3*] Объявление марионеточным правительством Албании войны Греции имело далеко идущие последствия для албано-греческих отношений. После окончания второй мировой войны Греция сочла себя в состоянии войны с Албанией, которое было прекращено официально только в 1987 г.

сти или антифашистскую или национальную албанскую окраску. Они предпочли свой вариант — оккупацию Южной Албании и ее присоединение к греческому королевству. Показателен в этом отношении эпизод с освобождением Корчи.

Местные антифашисты заняли позицию безоговорочной поддержки действий греческой армии, считая ее освободительницей. После отступления из Корчи итальянских войск в городе в течение двух дней отсутствовала какая-либо власть. Однако группа активистов из числа патриотически настроенных граждан не предприняла никакой попытки взять в свои руки бразды правления. Более того, они сами передали греческой армии оружие из захваченных ими итальянских складов, а после этого стали просить разрешения у греческого командования сформировать собственные албанские части. Естественно, им в этом отказали, и они очутились как бы между двух огней, преследуемые и греками, и итальянцами. Что касается интернированных албанских солдат, то они содержались в лагерях по обе стороны линии фронта — одни как дезертиры, другие как военнопленные.

Греческая авантюра итальянского фашизма имела бесславный финал. Неудачи на албанском фронте усугублялись поражениями в Африке. Провал весной 1941 г. широко разрекламированного итальянского наступления на албанском фронте вызвал вмешательство Гитлера, поспешившего на помощь своему обанкротившемуся союзнику, чтобы обеспечить спокойствие в тылу своих войск в преддверии осуществления "плана Барбаросса" — нападения на Советский Союз. Переворот в Белграде, приведший к падению откровенно прогерманского правительства Драгиши Цветковича, ускорил развитие событий. На рассвете 6 апреля, в воскресный день, германская авиация нанесла бомбовый удар по мирному Белграду. Германия при поддержке своих сателлитов — Болгарии и Венгрии — начала наступление на Югославию и Грецию.

При всей безнадежности положения, в котором оказалась югославская армия, она тем не менее смогла "отыграться" на севере Албании. Сразу же после начала войны югославская армия перешла албанскую границу и атаковала итальянские части, которые стали отходить в направлении Шкодры. Начальник итальянской военной разведки генерал Чезаре Аме писал в послевоенных мемуарах, что уже 7 апреля югославы легко могли захватить Шкодру, и только вмешатлеьство его службы помешало этому. Командованию югославских войск, продвигавшихся в направлении Кукеса и Шкодры, подчиненными Аме были посланы телеграммы, зашифрованные югославским кодом, с приказом прекратить наступательные действия и отойти в направлении Подгорицы и Косовской Митровицы. Через не-

которое время подлог обнаружили, но упущенное в неразберихе время и начавшееся широкомасштабное наступление немецких войск делало бессмысленным удержание отвоеванных у итальянцев позиций. С 13 апреля началось постепенное, почти без боев, отступление из Албании греческих войск, а 17 апреля в разрушенном бомбардировками Белграде представители югославских вооруженных сил подписали акт капитуляции. В Греции последней прекратила сопротивление эпирская армия. Ее главнокомандующий генерал Цолакоглу подчеркнул при подписании акта 21 апреля, что он сдается именно германскому командованию, а не итальянцам, которых он победил. Правда, через два дня по настоянию Муссолини документ переоформили, включив в него подписи итальянских представителей. А 2 июня оккупацией острова Крит завершилась балканская кампания.

Югославия и Греция были поделены на оккупационные зоны. Под юрисдикцию итальянского наместника в Албании подпадала большая часть Косова, кроме районов Митровицы, Трепче и Подуево, включенных в "независимую" Сербию Милана Недича, и относительно небольшой территории, прилегающей к Македонии, вошедшей в оккупационную болгарскую зону. В создавшейся ситуации стало возможным возвращение из Италии на родину членов ирредентистского Косовского комитета. Для них как бы открывалось поле деятельности в объединенных под итальянской эгидой населенных албанцами районах, хотя формального их воссоединения в одном государстве тогда не произошло.

Коммунисты объединяются

Расширение оккупационных зон на Балканах в результате вторжения немецко-фашистских войск в Югославию и Грецию не могло не привести к началу освободительного антифашистского движения и, как следствие, к объединению разрозненных очагов сопротивления. Не составила исключения и Албания.

В первые месяцы оккупации в стране сохранялось относительное спокойствие. Увеличение занятости в сфере строительства, добывающей промышленности и сельского хозяйства способствовало рождению иллюзий относительно возможности улучшения условий жизни трудового населения. Фашистская пропаганда эксплуатировала национальные чувства албанцев, поощряя распространение в интеллектуальных кругах общества надежд на возможность объединения всех албанцев в одном государстве под эгидой Италии. Даже в нарождающем-

ся коммунистическом движении эти идеи нашли своеобразное преломление. Исходя из известного тезиса Коминтерна об империалистическом характере войны, коммунисты считали неприемлемым для себя выступление на стороне какой-либо группировки. Более того, они строили свои расчеты на возможном расширении территории Албании, а вместе с этим и усилении коммунистического и пролетарского элемента за счет присоединения новых районов. Впоследствии коммунисты признавали, что народ "до известной степени в первое время введен в заблуждение фашизмом".

С момента вступления Италии во вторую мировую войну в июне 1940 г. и, особенно, с началом итало-греческой войны социально-политическая напряженность в Албании стала нарастать, выражаясь на первых порах в конфликтах экономического характера. Оккупанты высасывали из нищей Албании сырье и продовольствие, ее южные районы подверглись опустошению и разорению в ходе военных действий. Постепенно недовольные ужесточением оккупационного режима люди стали переходить от актов саботажа и диверсий, совершаемых в ночное время, и от молчаливого бойкота мероприятий наместничества к организации постоянных партизанских чет, возрождая традиционные формы вооруженной борьбы начала века. Однако только с момента нападения Германии на Советский Союз, вызвавшего подъем народного сопротивления агрессору во всем мире, коренным образом изменилась ситуация и в Албании. Характерной особенностью момента стало постепенное расширение участия коммунистов в антифашистских акциях. Одновременно с этим развивался процесс объединения коммунистических групп в партию.

В Албании, как и в большинстве других европейских стран, подвергшихся фашистской оккупации, борьба против захватчиков начиналась стихийно, без какого-либо организующего начала. Коммунисты участвовали в различных акциях протеста индивидуально, в меру осознания ими своего патриотического долга. О какой-либо руководящей роли, о которой в конъюнктурно-политических целях писалось во всех партийных албанских изданиях, не могло быть и речи.

Подпольные левацкие группы, сформировавшиеся с начала 30-х годов и называвшие себя коммунистическими, враждовали между собой, их лидеры расходились во взглядах на многие вопросы теории и практики, в частности когда и как следует начинать борьбу за освобождение. Они представляли собой малочисленные объединения молодых интеллектуалов, имевших весьма смутное представление о марксизме. В работе групп принимали участие вернувшиеся в страну эмигранты, спасавшиеся от режима Зогу в СССР и во Франции и ставшие там чле-

нами компартий. Но их можно было пересчитать по пальцам. Основную же массу составляла анархиствующая молодежь. Например, пользовалась популярностью так называемая "теория сохранения кадров", согласно которой участие в демонстрациях протеста и тем более в вооруженных акциях признавалось нецелесообразным, ибо влекло за собой опасность раскрытия себя и даже гибели. Сохраняя кадры для "дня икс", когда созреют международные и внутренние условия, гарантирующие победу в антифашистской борьбе, коммунисты готовились взять на себя руководящую роль на ее заключительном этапе.

Имела также хождение идея "растворения" в фашистских структурах власти, согласно которой коммунистам рекомендовалось проникать в ряды фашистской партии, поступать на работу в государственные учреждения, чтобы, с одной стороны, сохранить свои кадры, а с другой — раскрывать вражескую агентуру. В результате и во время войны и после ее окончания некоторые весьма видные деятели национально-освободительного движения должны были оправдываться перед своими товарищами по партии, доказывая, что их нахождение во вражеской среде диктовалось партийным долгом, а не конформизмом или сочувствием фашистской идеологии. Особенно это касалось учащейся молодежи, которая механически зачислялась в соответствующие фашистские организации. Подобные обвинения касались таких видных деятелей партии и государства, как Рамиз Алия, Нико Спиру, Вито Конди, Бедри Спахиу и др.

К началу 1939 г. в Албании существовали две коммунистические группы — в Корче и Шкодре. Ими руководили соответственно — *вернувшийся из Москвы незадолго до оккупации* Кочо Ташко (группа Корчи) и Зеф Маля (группа Шкодры), вскоре попавший в итальянский концлагерь после провала группы. Его сменил Василь Шанто. Руководство Коминтерна неоднократно выдвигало перед албанскими коммунистами задачу объединения в партию. В сентябре 1939 г. в развитие этих указаний помощь в создании компартии Албании была возложена на югославскую компартию, но условия военного времени затрудняли непосредственные контакты. Итальянские власти арестовали и интернировали посланного в Албанию секретаря областного комитета КПЮ по Косово и Метохии Милади-на Поповича, и албанцы сами предприняли шаги по объединению. Осенью 1939 г. переговоры между руководителями групп завершились созданием Центрального комитета, в который вошли по два представителя от каждой группы. ЦК выполнял функции органа, координирующего совместные антифашистские выступления, например, в день независимости 28 ноября 1939 г., когда в нескольких городах состоялись антифашист-

ские манифестации. Но организационного слияния не произошло. Более того, в феврале 1940 г. от корчинской группы откололась "группа молодых" во главе с Анастасом Люлей, объявившая настоящую войну корчинцам.

Создание фронта антифашистской борьбы в связи с началом Великой Отечественной войны Советского Союза и возникновение очагов партизанского движения в Югославии заставило албанских коммунистов искать выход из тупика, в который их завели групповщина и сектантство. Ускорение процесса формирования партии произошло после консультативных встреч различных групп албанских коммунистов с участием посланцев КПЮ.

История создания Коммунистической партии Албании (КПА), переименованной на первом ее съезде в 1948 г. в Албанскую партию труда (АПТ), обросла многими мифами, в основе которых лежали как недоступность документальных источников, так и прямые фальсификации, предпринятые албанскими и югославскими авторами. Протоколы партийных конференций и совещаний в военный период не велись, а заметки, которые делались их участниками для себя, не сохранились. Какие-то разрозненные материалы, вышедшие из-под пера югославских эмиссаров, попали в архив КПЮ. Поэтому оснований для кривотолков, особенно в связи с организационным собранием главных коммунистических групп в ноябре 1941 г. в Тиране, которое зафиксировало создание КПА, оказалось более чем достаточно.

Официальная албанская историография послевоенного периода категорически отвергала какую-либо причастность югославских коммунистов к такому сугубо внутреннему делу, как создание компартии. Правда, после публикации резолюции Коминформа[4*] о положении в компартии Югославии (1948 г.) и начала полемики с титовскими "ревизионистами" в югославской печати стали появляться материалы и документы, призванные доказать, что и созданием КПА и организацией антифашистского сопротивления албанцы обязаны коммунистической партии Югославии и двум ее посланцам — Миладину Поповичу и Душану Мугоше, выполнявшим поручение И. Броз Тито по мандату Коминтерна. Эта точка зрения принималась на Западе всеми историками и политологами, писавшими по балканским проблемам. После падения коммунистического режима в Албании произошла разительная метаморфоза с оценкой начального периода коммунистического движения частью албанских историков и политиков. Стал активно пропаганди-

[4*] Информационное бюро коммунистических и рабочих партий, созданное в 1947 г. (см. ниже)

роваться тезис, что именно югославы виноваты в том, что в стране восторжествовала чуждая национальным традициям и укладу албанского народа коммунистическая идея и все, что было с ней связано. Создалась опасность конъюнктурного поворота на 180 градусов во всем, что касалось истории страны, и нагромождения новых мифов. Вместе с тем начавшаяся в Албании во второй половине 90-х годов публикация документальных свидетельств по различным периодам истории Албании, в том числе и времен второй мировой войны, позволяет реконструировать события, дополнив давно рассекреченные материалы архива КПЮ — отчеты Миладина Поповича и других югославских представителей при ЦК КПА, составленные по горячим следам событий.

Объединению трех коммунистических групп предшествовали консультации с югославскими коммунистами в Витомирице (около Печа) 11—12 октября 1941 г. Заседаниями, которые продолжались в общей сложности 18 часов, руководил оргсекретарь обкома Космета Борис Вукмирович. С югославской стороны присутствовали Душан Мугоша, Павле Йовичевич, Али Шукри, с албанской — Кочо Ташко, Джевдет Дода, Фадиль Ходжа. В протокольной записи, которую вел Вукмирович, отмечалось, что главным вопросом было создание компартии. По предложению К. Ташко принцип формирования Центрального комитета предусматривал отказ от введения в его состав руководителей групп и их заместителей, чтобы исключить саму возможность продолжения соперничества между ними, и выдвижение новых людей из числа рядовых активистов. Он же предложил выделить в качестве делегатов от КПЮ Душана Мугошу и Миладина Поповича, которого предстояло вызволить из концлагеря, устроив побег.

Организационное совещание состоялось в Тиране 8—14 ноября, в условиях подполья[5*]. На нем присутствовали 15 делегатов от главных коммунистических групп (Корчи, Шкодры, "молодых"). В ходе дискуссии, развернувшейся на собрании, выявились в концентрированном виде все трудности начального периода, предшествовавшего созданию партии. Они нашли отражение в резолюции, отметившей ряд организационных и политических ошибок, извращений теории. Совершенно очевидно, что совещание явилось первым шагом на пути создания партии. Предстояло наладить контакты с другими коммунисти-

---

[5*] Небольшой двухэтажный дом, принадлежавший некоему Хасану Курдари, где проходили заседания, в 1947 г. был превращен в музей и получил название "Дома партии". После краха коммунистического режима мемориал перестал существовать, дом обветшал, и наследники Курдари 2 июля 1998 г. снесли его.

ческими группами и предоставить возможность их членам присоединиться к основному ядру.

Политическая программа связывала воедино освободительные задачи с борьбой за уничтожение старой государственной машины. Основные пункты этой программы сводились к следующему: 1) создавать и расширять боевое сотрудничество и единство трудящихся города и деревни; 2) бороться за национальную независимость и за создание в освобожденной от фашизма Албании народного демократического правительства; 3) популяризировать достижения советского народа и передовую роль СССР в освободительной борьбе против фашизма; 4) готовить народ в политическом и военном отношениях ко всеобщему вооруженному восстанию, привлекая все патриотические и антифашистские силы; 5) развивать чувство боевого сотрудничества со всеми народами Балкан и особенно с народами Югославии и Греции, которые героически борются за свое национальное освобождение; 6) бороться за жизненные права трудового народа Албании — рабочих, крестьян, интеллигенции, за будущее молодого поколения.

Собрание постановило распустить все прежние ячейки, ибо они являлись носителями главных болезней: местничества, фракционности, недисциплинированности. В основу своей деятельности компартия, претендовавшая на звание партии нового марксистско-ленинского типа по примеру ВКП(б), положила два принципа: искоренение своих внутренних ошибок, групповщины, а также принятие ориентации на борьбу против классового врага. Особое внимание обращалось на привлечение в партию рабочих и крестьян, на теоретический рост кадров. Главным источником изучения марксистско-ленинской теории рекомендовалось сделать "Историю ВКП(б). Краткий курс", перевода которого на албанский язык в то время еще не существовало. Его только предстояло сделать с текста на сербохорватском языке, выполненном в свое время "товарищем Вальтером", т.е. Тито, и нещадно критиковавшимся в коминтерновских кругах за низкое качество.

Два югославских коммуниста, присутствовавшие на всех заседаниях, взяли на себя всю тяжесть конкретной работы по организационному оформлению партии и по составлению соответствующих документов. Разработанные ими основные уставные положения, принятые во всех компартиях так называемого ленинского типа, предусматривали следование принципу демократического централизма, т.е. выборность руководящих органов снизу доверху, их периодическая отчетность, подчинение меньшинства большинству. Определялись права и обязанности членов партии, за низовую (первичную) организационную единицу принималась ячейка, утверждался порядок выбо-

ров в руководящие органы и т.п. Однако эта стройная схема рушилась, не успев воплотиться в жизнь, так как наталкивалась на стену непонимания элементарных вещей. Никто из албанцев не знал, что такое ЦК или политбюро, что такое пленум, чем отличаются друг от друга члены и кандидаты в члены ЦК. "Помогли" югославские товарищи, используя принятую в КПЮ практику назначения на все руководящие посты лично генсеком, т.е. Тито, тех, кого он считал нужным.

На заключительном заседании Мугоша просто зачитал согласованный в Витомирице список членов первого (временного) ЦК КПА, в который вошли: от группы Корчи Энвер Ходжа, Кочи Дзодзе, Гьин Марку, от группы Шкодры Тук Якова, Кристо Темелько, Кемаль Стафа, от "группы молодых" Рамадан Читаку. Таким образом, в новое руководство не вошли Кочо Ташко, Василь Шанто, Анастас Люля. Не избирался (и не назначался) секретариат. Отдельным членам ЦК поручались конкретные участки работы. Политическими вопросами занимался Тук Якова, организационными — Кочи Дзодзе, финансовыми — Энвер Ходжа, работой с молодежью — Кемаль Стафа. Последний стал руководителем Союза коммунистической молодежи, созданного 23 ноября 1941 г. Сферы их деятельности могли меняться в зависимости от ситуации и от понимания Миладином Поповичем соответствия занимаемому посту того или другого албанского товарища. Именно он, зашифрованный под псевдонимом Али Гостивари, являлся главным лицом в КПА, и ему одному был обязан своим выдвижением на первую роль в партии Энвер Ходжа.

Официальная албанская историография социалистического периода стала приписывать Энверу Ходже славу единоличного создателя компартии по мере ухода из жизни участников организационного собрания. К середине 50-х годов этот очевидный миф окончательно утвердился после того, как на очередном пленуме ЦК АПТ один из тогдашних секретарей ЦК, Тук Якова, попытался в порядке разворачивавшейся тогда кампании по преодолению "культа личности" восстановить истину. Его обвинили в клевете на партию и в попытке подорвать авторитет вождя, обнаружили еще ряд прегрешений, и его политическая карьера завершилась изгнанием из партии в звании "врага народа" и смертью в концлагере. Правда же состояла в том, что только к концу 1942 г. Энвер Ходжа стал выдвигаться на первые роли в партии не без энергичной поддержки Миладина Поповича.

Бессменный генеральный (первый) секретарь ЦК КПА/АПТ Энвер Ходжа, занимавший этот пост с 1943 по 1985 г., родился 16 октября 1908 г. в городе Гирокастра в небогатой семье, в доме на улице, носившей странное название "Тупик сумасшедших".

Мулла Халиль, его отец, не мог на скромное жалованье мелкого служащего (он разносил повестки в суд) обеспечить семью. Известно, что Энвера и его сестер воспитывал дядя Хюсен, активно работавший на ниве просвещения. Получив сносное домашнее образование, Энвер продолжил его в начальной школе, а потом во французском лицее в Корче. 1934 – 1936 гг. он провел во Франции и Бельгии, пытаясь получить высшее образование на выделенную ему государственную стипендию. В архиве советского Общества дружбы с зарубежными странами сохранилась анкета почетного члена общества советско-албанской дружбы Энвера Ходжи. В графе "Образование" написано "высшее". Но ответ на вопрос: "Какое вышее учебное заведение окончил?" гласит: "Не окончил университет в Монпелье". Его сверстники вспоминали в начале 90-х годов (когда за распространение сведений такого рода можно было уже не опасаться тюрьмы), что лишили его стипендии за неуспеваемость – дескать, не смог сдать ни одного экзамена по причине ведения легкомысленного образа жизни, чрезмерного увлечения вином и прекрасным полом. Партийная иконография приводит другую причину – приверженность социалистическим идеям.

Вернувшись в Албанию, Э. Ходжа какое-то время преподавал французский язык в младших классах лицея Корчи, а затем переехал в Тирану, где некоторое время жил в семье своей сестры Фахрие, бывшей замужем за видным общественным деятелем Бахри Омари. Либерально настроенный хозяин дома принимал у себя и своих соратников по национальному движению и новых друзей своего шурина – коммунистов Юмера Дишницу и Мустафу Гиниши. В столице Э. Ходжа вошел в тиранскую ячейку корчинской коммунистической группы, которой руководил вернувшийся из московской эмиграции Кочо Ташко, и активно участвовал в ее акциях. А в условиях итальянской оккупации задача освобождения родины сближала всех патриотов, независимо от их политических взглядов. С этим периодом в жизни будущего албанского лидера связан еще один миф – о табачной лавке "Флора", которой он владел до октября 1941 г., якобы являвшейся центром конспиративных встреч коммунистов. Однако, по сведениям итальянского публициста Индро Монтанелли, находившегося в Албании во время итало-греческой войны, Э. Ходжа снабжал итальянских военных контрабандными греческими сигаретами "Самос" и "Папастратос". Впоследствии все более или менее видные деятели АПТ "вспоминали", что именно там они усвоили первые уроки коммунизма из уст самого основателя партии. Лавка, превращенная в мемориальный музей, была разгромлена в начале 90-х годов.

Таким представляется жизненный путь Э. Ходжи до того, когда он в возрасте 33 лет вошел в состав Центрального коми-

тета фактически еще не оформившейся коммунистической партии. Менее чем через полтора года он становится ее генеральным секретарем, а в глазах народа — полулегендарным "команданти" — главнокомандующим армии освобождения. Он не обладал многими качествами, которыми его наделяли окружавшие, тем не менее его возвышение стало закономерным именно в тех условиях и в той обстановке. У Э. Ходжи была располагающая внешность, и он быстро входил в роль публичного политика. Правда, его первые выступления, перенасыщенные галлицизмами, не воспринимались "простой" аудиторией. Но он быстро приноровился к народному говору, французские и итальянские пословицы уступили место албанским. Слабая начитанность в марксистской литературе компенсировалась готовностью признавать и выполнять установочные положения, формулировавшиеся М. Поповичем.

Резолюция организационного собрания 1941 г. отражала скорее тенденцию развития коммунистического движения в Албании, чем то, каким оно тогда было. Имелось желание создать партию нового типа, марксистско-ленинскую коммунистическую партию. Но основу ее, материал, из которого предстояло ее сделать, составляли группы, бывшие в лучшем случае пропагандистскими кружками. В большинстве своем они объединяли представителей интеллигенции, учащейся молодежи, которые имели весьма слабое представление о том, каким должно быть коммунистическое рабочее движение в слаборазвитой крестьянской стране. Итоговый документ собрания содержал решительное осуждение ошибок прежних коммунистических групп и отвергал методы работы их бывших руководителей. Ставились задачи преодоления местничества и сектантства. Однако вопросы теории при всей их важности для любой создающейся политической партии отступали на второй план в сравнении с насущными задачами по организации антифашистского сопротивления. Причем методы их решения разрабатывались не на основе опыта КПА, которого просто не имелось, а с использованием югославской практики. К тому времени уже был создан 27 июня 1941 г. главный штаб партизанской армии во главе с Иосифом Броз Тито, а вооруженные столкновения с оккупантами в Словении, Хорватии, Сербии и Черногории стали сигналом к общенародному восстанию. Поэтому готовые организационные формы, созданные в Югославии, переносились на албанскую почву.

В письме временного ЦК в феврале 1942 г., посвященном празднованию очередной годовщины Красной армии и направленном в местные партийные комитеты, предписывалось проводить митинги и конференции, на которых популяризировать героическую борьбу советского народа. Кроме того, как под-

черкивалось в документе, необходимо было по мере развертывания вооруженной борьбы "образовывать народные национально-освободительные советы, которые со временем станут зародышами нашего будущего правительства, возьмут на себя функции судебной власти, поддержания общественного порядка в тылу и заботы о бедных". При всей правильности поставленных задач рекомендации насчет методов их осуществления носили порой наивный характер, например следующая: "В эти дни организовать среди коммунистов социалистическое соревнование по привлечению масс и по проникновению в массы (чтобы привлечь как можно более широкие массы, чтобы разъяснить им как можно лучше, чтобы убедить их как можно глубже). Особенно это касается деревни".

В марте того же года временный ЦК КПА выработал и разослал во все областные партийные комитеты "Директивы в связи с созданием национально-освободительного фронта, образованием национально-освободительных советов, групп сопротивления, партизанских чет, укреплением организационной работы в партии". Создание национально-освободительного фронта провозглашалось важнейшей политической задачей партии. В общих чертах программа создания этой общенародной антифашистской организации предусматривала проведение последовательных мероприятий по формированию военных единиц и административно-хозяйственных органов.

Разъясняя, какими должны быть национально-освободительные советы, ЦК писал: "В этих советах должны находиться предствители всех политических течений в народе, которые выступают за решительную борьбу против оккупантов, и в особенности рабочие и беднейшие крестьяне". Советы должны оказывать экономическую помощь партизанам, поднимать народ на всеобщее восстание. Такими рекомендациями практически исчерпывались конкретные указания, что надо было делать.

Этот документ примечателен тем, что в нем постановка крупномасштабных задач освободительного движения не соответствовала реалиям внутренней обстановки в самой Албании. Констатировалось, что партия молода и не обладает опытом работы в массах, чтобы поднять их на борьбу против фашистских оккупантов, в то время как последним удалось мобилизовать какую-то часть граждан в милицию, армию и полицию. Еще не было ни одной освобожденной зоны, если не считать таковыми небольшие сельские районы, контролировавшиеся братьями Пеза или Абазом Купи, а в директивах предписывалось создавать там национально-освободительные советы, в которые "включать боевых представителей от всех политических течений, особенно из числа рабочих и бедных крестьян, выступаю-

щих за решительную борьбу против оккупантов". Правда, говорилось, что советы должны были формироваться и в не освобожденных районах, но как это делать в условиях оккупации, не раскрывалось.

Естественно, что результативность таких рекомендаций была невелика. До тех пор, пока сами коммунисты не взяли в руки оружие, принятые решения оставались на бумаге. Они со всей очевидностью копировали формы военной и властной организации партизанской борьбы в Югославии. Кроме того, вдохновляющим примером для албанцев должны были служить победы Красной армии, "в которых весь мир ясно видит, что военная и политическая катастрофа Гитлера неизбежна и близка".

Тем временем КПА росла численно, и по мере расширения ее рядов стали проявляться те недостатки, которыми страдала в свое время деятельность групп. Часто критериями приема становилось личное знакомство (друг, товарищ, хороший парень), а не деловые и моральные качества. Отсутствие общепризнанных авторитетов приводило к ослаблению внутрипартийной дисциплины. Отказ коммуниста подчиняться решениям вышестоящей организации мотивировался, например, тем, что в таком-то комитете "сидят необразованные рабочие", в другом — "нет наших друзей", в третьем — "плохой руководитель, которого потом же сами исключили из партии". В ряде первичных организаций продолжали бытовать взгляды, что работа среди крестьян невозможна, так как они темные люди, что нельзя объединить вокруг партии рабочих, так как они немногочисленны и разбросаны по всей Албании.

Для албанской компартии создалась реальная угроза так и не выбраться из сектантства, которое питалось пережитками групповщины, влиянием мелкобуржуазной психологии, грузом прежних идейных и теоретических заблуждений. В одном из отчетов для Тито М. Попович писал, объясняя трудности работы в Албании: "Товарищи еще не научились проводить грань между партией, группами и коммунистами вне партии. Эти и многие другие ошибки и болезни роста, упомянутые в Резолюции (речь шла о резолюции организационного совещания 1941 г. — *Н.С.*), тормозили развитие партии. Препятствием являлось также отсутствие единого руководящего ядра, которое в то время еще только формировалось. Тогда нельзя было понять с определенностью, кто ошибается по незнанию, а кто намеренно вносит разлад, чтобы ослабить едва начинающуюся борьбу. Неясно, на кого можно полностью положиться, ибо товарищам, пока они не встали на ноги, нужна помощь".

Положение в компартии препятствовало организации национально-освободительной борьбы, и, чтобы выбраться из по-

рочного круга, было принято решение провести консультативное совещание или, как его часто называют, 1-ю конференцию актива КПА. Совещание состоялось 8 — 10 апреля 1942 г. в Тиране. В нем приняли участие 20 — 25 человек, представлявших все областные комитеты партии. Основным вопросом повестки дня стала проблема связи с массами, их мобилизации на национально-освободительную борьбу. Доклад делал Энвер Ходжа, бывший в то время политическим секретарем Тиранской областной организации КПА. Перечень достижений за полгода существования партии занял небольшое место как в самом докладе, так и в резолюции. Упоминались забастовки, демонстрации, акты саботажа, в которых коммунисты принимали участие или выступали в роли организаторов. Отмечалось, что партия сделала первые шаги по расширению своего влияния среди молодежи и женщин.

На других заседаниях партактива отмечалось, что рабочие еще не видят в КПА свою партию. Коммунисты, занимаясь поисками сочувствующих, забывают о рабочем классе в целом. "Как может наша партия быть сильной без рабочих, когда именно рабочие должны являться ее опорой?" — совершенно справедливо ставился вопрос в резолюции конференции. Но при малочисленности рабочего класса массовость движения достигалась вовлечением в него крестьянства, и в резолюции формулируется задача: опираясь на рабочий класс, стремиться к обеспечению союза со всем крестьянством в борьбе против фашизма, за национальное освобождение; не бояться испачкаться в деревенской грязи, идти к крестьянам, к народу. "Однако почти все товарищи плохо знают деревню. Внимание большинства не распространяется за пределы городских стен, а поэтому они говорят о деревне как о чужой стране. Естественно, что следствием этого является как недооценка роли крестьянства, так и неспособность понять его жизненные проблемы и беды. Вот почему во время наших манифестаций крестьянин остается в стороне и смотрит на толпу демонстрантов как на кинокадры", — констатировала резолюция.

Совершенно очевидной представляется еще одна причина пассивности простого народа: люди должны были зарабатывать на жизнь тяжелым ежедневным трудом, чтобы обеспечить средства на содержание своих семей. Максимум того, что мог позволить себе занятый добыванием хлеба насущного антифашистски настроенный человек, так это участие в нерегулярных ночных актах саботажа против оккупантов. Что касается молодежи, об успехах в работе с которой говорилось в начале резолюции, то при подведении итогов она упоминалась в разделе о недостатках: "Часть молодежи, пусть даже небольшую, еще увлекали фальшивые идеи фашизма. Другая часть

сельской и городской молодежи сгибалась под тяжестью изнурительного труда и фашистского ига, а мы не протянули ей руку помощи".

Преодоление трудностей зависело в первую очередь от самих коммунистов, от того, как скоро они смогут добиться сплоченности своих рядов и выступать единой командой. Партактив сделал два важнейших вывода: следует очистить партию от оппортунистов, фракционеров и укрепить ее социальный состав путем привлечения в ее ряды рабочих и крестьян. Расширился состав ЦК за счет кооптации Юмера Дишницы (доктор медицины, бывший член французской компартии), Лири Гега (учащаяся), Бедри Спахиу (офицер, политический секретарь обкома Гирокастры), Гого Нуши (рабочий, бывший член французской компартии), Хюсни Капо (политический секретарь обкома Влёры). Материалы партактива было решено направить в Коминтерн. Для этого Д. Мугоша совершил длительное и небезопасное путешествие в ставку Тито, которому в свою очередь предстояло связаться с Коминтерном и получить одобрение на созыв общеалбанской партконференции и на выборы постоянного ЦК.

Сразу после партактива началась первая чистка рядов партии. За два месяца было исключено около 80 человек. Этот процесс шел параллельно приему новых членов. Состав партии обновился более чем наполовину. Если к началу чистки в ней состояло 200 членов, то к июню 1942 г. ее численность возросла до 300 человек. Чистка завершилась чрезвычайной конференцией 29 июня 1942 г., на которой семь человек исключались на неопределенный срок, как говорилось в информационном письме в первичные организации, а три человека на три месяца. В семерку исключенных попали бывшие руководители "группы молодых" А. Люля и С. Премте[6*].

М. Попович считал, что в апреле — июне 1942 г. произошел перелом в партии. Впервые к организационным проблемам был применен политический подход, а не обычные для албанских условий критерии личного знакомства и дружеских отношений. "Наконец-то, — писал он в ЦК КПЮ, — стало возможным думать не об увеличении численности рядов партии и о ее консолидации, но также и о борьбе против оккупантов". Это последнее обстоятельство имело немаловажное значение, так как сопротивление оккупантам с момента захвата Албании оказывали исключительно некоммунистические четы и группы со-

---

6* В марте 1943 г. по секретному распоряжению Э. Ходжи и М. Поповича они подлежали уничтожению. А. Люля был убит, а С. Премте, пользовавшийся поддержкой в парторганизации Влёры, избежал смерти и в конце войны эмигрировал из страны.

противления, возглавлявшиеся офицерами, региональными лидерами (в том числе байрактарами), патриотической интеллигенцией, религиозными деятелями (бекташи). Это были А. Куши, М. Байрактари, М. Пеза, Х. Лэши, Баба Файя Мартанеши (Мустафа Джани) и др.

Коммунисты "первого призыва", составившие руководящие органы партии, не имели непосредственных связей с народом, в интересах которого они собирались этот народ "организовывать" и "мобилизовывать" на борьбу. Поэтому они старались войти в руководство создаваемых или уже действовавших чет, что им редко удавалось на начальном этапе войны, или отправлялись в родные места, чтобы сколачивать небольшие группы сопротивления. Так, весной и летом 1942 г. было создано 10 партизанских коммунистических чет, насчитывавших от 20 до 50 участников каждая. Тогда же партия понесла первые потери. В мае 1942 г. погиб член ЦК КПА, секретарь комсомола, 22-летний поэт Кемаль Стафа. В июле того же года в Шкодре пали в уличных стычках с карабинерами Перлят Реджепи, Бранко Кадия и Йордан Мисья.

Большую помощь в разъяснении целей и задач национально-освободительной борьбы сыграла подпольная партийная печать. Первый номер органа ЦК КПА газеты "Зери и популыт" ("Голос народа") вышел 25 августа 1942 г. Он открывался передовой статьей, в которой ставились следующие задачи: объединение всех патриотов и антифашистов Албании независимо от вероисповедания, принадлежности к политическим группам и течениям "ради достижения святой цели — создания независимой, свободной, демократической Албании". Безымянный автор писал: "Мы знаем, что наш народ не одинок в своей борьбе за свободу. У нас много сильных и решительных друзей в мире. С нами все свободолюбивые народы — от героического Китая Чан Кайши до Югославии и Франции. Три великих союзника борются за одну цель — разгром фашизма и освобождение народов. Во главе идет Советский Союз, а за ним следуют две великие демократии — Англия и Америка".

В год своего рождения газета выходила раз в месяц, сброшюрованная в тетради из 12—24 обычных листов писчей бумаги. В ней освещались международные и внутренние события, связанные с антифашистской борьбой. Вскоре появился бюллетень с тем же названием "Зери и популыт", в котором давалась информация о военных действиях. С августа стал выходить "Куштрими и лирис" ("Зов свободы"), орган ЦК комсомола Албании.

Создание Национально-освободительного фронта

При всех трудностях, на которые наталкивалось антифашистское движение в Албании, оно постепенно набирало силу. Оккупантам приходилось туго. Патриоты разрушали коммуникации, взрывали склады вооружения и электростанции, саботировали добычу нефти, срывая тем самым поставки горючего итальянской армии. Смелые вооруженные вылазки совершали партизанские четы. Против них предпринимались карательные экспедиции, не приносившие, однако, зримых результатов. Премьер-министр Верляци объявил о вознаграждении в размере 20 тыс. золотых франков тому, кто захватит живым или мертвым Хаджи Лэши, руководителя четы района Дибры. Но предателей не нашлось. Более того, чета продолжила свои рейды. Рассказывали, что в ходе одной из операций партизаны разоружили группу итальянских саперов и оставили их на свободе. "Мы боремся с фашистскими оккупантами, а не с итальянскими рабочими", — сказал Х. Лэши. После этого албанцы и итальянцы вместе спели революционную песню "Бандьера росса" ("Красное знамя") и мирно разошлись.

Усиление сопротивления народа беспокоило оккупантов. Наряду с демагогическими лозунгами, от которых итальянские фашисты не отказывались до последних дней своего пребывания в Албании, они все чаще стали применять полицейские и военные меры. Наместничеству стало ясно, что правительство Верляци не справилось с возлагавшейся на него задачей — усмирением страны и народа. 3 декабря 1941 г. Ф. Якомони принял отставку председателя марионеточного правительства и членов его кабинета. Новым главой стал, как подчеркивалось, старый друг Италии Мустафа Мерлика Круя. Состав кабинета расширился за счет включения в него министра "освобожденных земель", т.е. Косовы, как по-албански звучит название края Косово.

М. Круя играл на национальных чувствах албанского народа, не смирившегося с решением великих держав после балканских войн 1912—1913 гг. о передаче территорий с преобладающим албанским населением соседним славянским странам. Он прославлял итало-фашистских оккупантов, якобы защитивших народ от произвола Зогу и от славянской опасности. М. Круя провел мобилизацию молодежи в албанскую армию и жандармерию. Они должны были со временем заменить итальянскую милицию и карабинеров, а пока бороться против как албанских, так и славянских коммунистических партизан.

Наибольшего успеха пропаганда М. Круи добилась в северных и северо-западных горных районах Албании и в Косово.

Социально-экономическая неразвитость, дань патриархальным отношениям, что проявлялось, в частности, в том, что слово старейшины села или байрактара имело решающее значение в определении позиции рода или нескольких родов, — все эти факторы привели в конечном счете к созданию довольно обширной территории, управляемой родовой знатью, которая использовала традиции "обычного права" в своих целях. Содержание этой категории наемников обходилось довольно дешево, так как надо было платить только байрактару. Но эта система имела и отрицательную сторону: горцы отказывались воевать в "чужих" районах, занимая свою, а не проитальянскую или прогерманскую позицию. Кстати, этим и объяснялась длительная борьба албанских и югославских коммунистических властей против такого рода "врагов народа" после окончания второй мировой войны.

Несмотря на все усилия М. Круе не удалось создать себе ореол "освободителя" косовских албанцев. С одной стороны, под юрисдикцию итальянских оккупационных властей перешло не все Косово, а его бóльшая часть, исключив стратегически важный для немцев северо-запад. Мнимое объединение не коснулось албанских районов Македонии и Черногории. С другой стороны, разграбление оккупантами сырьевых и продовольственных ресурсов края вызвало глубокое недовольство населения. Всякие попытки сопротивления произволу сопровождались суровыми репрессиями. "С рук Мустафы стекает кровь албанцев, — писала в августе 1942 г. газета "Зери и популит", разоблачая политику мнимого освобождения. — Во многих семьях матери и сестры надели траур из-за того, что их родных убил Мерлика". Вместе с тем проблема воссоединения албанского народа в одном государстве в процессе антифашистской борьбы (или после ее завершения) стала камнем преткновения во взаимоотношениях коммунистов и националистов, а к концу войны осложнила межпартийные отношения между КПА и КПЮ.

Расширение участия коммунистов в антифашистских акциях делало привлекательными для простых людей пропагандируемые ими лозунги национально-освободительной борьбы, независимости, демократии. Создавалась основа для слияния в едином фронте многочисленных разрозненных течений и групп. К осознанию необходимости участия в антифашистском освободительном движении люди приходили разными путями, по-разному они представляли себе и будущее страны после освобождения. Но в тот момент их объединяло желание изгнать оккупантов. Тогда получило распространение понятие "честные, или подлинные, националисты". Ими считались все те, кто боролся с оружием в руках против захватчиков и марионеточ-

ного правительства. К ним же относились отряды как уже упоминавшихся выше байрактаров, так и мусульманского дервишского ордена бекташей. Влиятельные лидеры бекташей Баба Файя Мартанеши и Баба Феза Малакастра возглавили четы, сформированные из своих приверженцев. Правда, глава секты Деде Абази остался в стороне, занимая на первых порах нейтральную позицию, а затем открыто перешел в лагерь врагов движения. Но то, что наиболее влиятельные региональные лидеры бекташизма превратили текке (молельные дома и монастыри) в партизанские центры, возрождая в новых условиях традиции борьбы за независимость, как это было в начале века, имело большое значение для определения позиции верующих крестьян Центральной и Южной Албании.

Расширение базы движения сопротивления способствовало формированию общенационального координирующего и руководящего центра. Эта тенденция, характерная для всех оккупированных стран, увенчалась в Албании созывом 16 сентября 1942 г. конференции в деревне Большая Пеза. В ней приняли участие делегаты, "представлявшие все тенденции албанского национализма, коммунистической партии, националистической молодежи, коммунистической и женской народной молодежи". Такой состав зафиксировали документы того времени. Среди ее участников преобладали националисты, но инициативу по выработке организационных структур получила КПА. При всей ее тогдашней слабости она могла опираться на значительный к тому времени опыт КПЮ (М. Попович выступал в качестве соавтора всех документов) и авторитет "англо-советско-американского блока, возглавившего борьбу порабощенных фашизмом народов", как подчеркивалось в резолюции конференции.

Результаты работы конференции нашли отражение в резолюции, содержавшей платформу национально-освободительной борьбы. Главные ее пункты состояли в следующем: бороться за свободную, неделимую, независимую и демократическую Албанию; крепить основу боевого союза албанского народа путем вооруженной борьбы против захватчиков и предателей; сплотить все патриотические силы страны в единый национально-освободительный фронт независимо от классовой принадлежности, политических и религиозных убеждений.

Конференция определила свое отношение к косовской проблеме. Делегаты осудили поцытки фашистских оккупантов и их марионеток из правительства Мустафы Круи представить включение части Косова в состав оккупационной итальянской зоны в качестве освобождения от сербского господства. В действительности Косово превратилось в разменную монету в тор-

ге между германскими, итальянскими и болгарскими оккупантами.

Большое значение имело решение конференции о создании национально-освободительных советов, которым в ходе борьбы предстояло преобразоваться в органы народной власти. Четко определялись их функции в оккупированных и освобожденных районах. Им вменялось в обязанность руководство вооруженной и политической борьбой против оккупантов в защиту трудового народа. Несколько преждевременным, принимая во внимание относительно невысокий уровень развития вооруженной борьбы, явилось выдвижение лозунга всеобщего восстания как последнего и решающего этапа национально-освободительной борьбы.

Несмотря на развернувшуюся дискуссию делегаты так и не смогли договориться о единой символике движения. Так, например, было решено, что партизанские четы (т.е. коммунистические) должны сражаться под знаменем Скандербега — черный двуглавый орел на темно-красном поле, — имея в качестве отличительного знака от чет добровольцев (т.е. националистов) еще и красную звезду.

Важным итогом работы конференции стало избрание коллегиального органа — Генерального национально-освободительного совета, который должен был направлять всю деятельность низовых организаций. Представительство в совете распределялось следующим образом: четыре места получили националисты (Абаз Купи, Баба Файя Мартанеши, Мюслим Пеза, Хаджи Лэши) и три — коммунисты (Энвер Ходжа, Юмер Дишница, Мустафа Гиниши). В июне 1943 г. в Албанию вернулся Сейфула Малешова. Кооптированный в состав Генсовета, он "уравновесил" представительство коммунистов с националистами, что вызвало недовольство последних.

Генсовет стал издавать свой печатный орган — журнал "Башкими" ("Единение"), трансформировавшийся с течением времени в ежедневную газету. В первом номере так определялись общедемократические задачи движения: "У нас нет проблемы борьбы тенденций, националистических или коммунистических, равно как и проблемы борьбы между красными и белыми. Для нас существует только совместная борьба за освобождение нашей страны. Окончание совместной борьбы приведет к осуществлению нашей цели: созданию свободной народно-демократической Албании".

Образование Национально-освободительного фронта (НОФ) окончательно убедило оккупантов в бесперспективности усилий по "успокоению" албанского тыла. Попытки мобилизовать албанцев на войну в Ливии, а затем сформировать чисто символическое воинское формирование для отправки на

советско-германский фронт потерпели полную неудачу. Правительство Мустафы Круи все чаще прибегало к жестоким репрессиям. Известно его распоряжение префектам, в котором содержался призыв к расправам на месте, ибо "является совершенно ненужным заполнять тюрьмы и тем самым задавать лишнюю работу судьям, загружая их делами преступных элементов, место которых на веревке".

Наместник Якомони издал декрет, объявлявший, что в городах в ответ на каждый акт саботажа будет сжигаться дом, а в сельской местности предусматривавший коллективный штраф на население, проживавшее в радиусе пяти километров от места действий партизанских чет. Выполнение карательных мероприятий возлагалось на специально созданное Главное управление по обеспечению общественного порядка в королевстве. Возглавивший его итальянский генерал Дзаннини провел первую операцию против Пезы с участием около 6 тыс. албанских милиционеров и итальянских солдат, поддержанных танками и авиацией. Чете Мюслима удалось уйти в горы практически без потерь. Однако мирное население подверглось жестоким репрессиям. Каратели жгли дома, грабили имущество, насиловали женщин.

Волна террора захлестнула юг и докатилась до Тираны. В стычках с оккупантами гибли участники групп сопротивления, действовавших в столице. Но подавить набиравшее силу антифашистское движение не удалось. 28 ноября 1942 г., день 30-летия провозглашения независимости Албании, ознаменовался массовыми выступлениями патриотов по всей стране. К концу года не только была восстановлена свободная зона в Пезе, но и отвоеваны у врага новые территории, главным образом, в горных районах. Наместничество забило тревогу, но обращения в Рим ничего не дали. "Мало сил, — записал в дневнике Чиано. — Ведь это только считается, что там у нас четыре дивизии. На самом же деле это всего лишь одиннадцать тысяч человек".

Оккупационная система в Албании переживала кризис. На Крую стали возлагать ответственность за неудачи даже его ближайшие соратники. Активизировались его личные враги, а среди них и председатель албанской корпоративной палаты Теренц Точи. Однако созванное по инициативе последнего закрытое заседание палаты, на котором предполагалось доказать неспособность Круи к выполнению возложенных на него задач и "наметить пути обеспечения спокойствия и порядка в стране", вылилось в обсуждение просчетов итальянской политики. Представители местных органов власти говорили о тяжелом экономическом положении в стране, о том, что независимость является фиктивной и видимость парламентского правления не

может обмануть народ. Выдвигались требования создания албанской армии и жандармерии. "Нынешнее правительство, — говорил один из участников, — не пользуется ни малейшей симпатией в народе, а поэтому я предлагаю уполномочить председателя [собрания] обратиться куда следует, чтобы было образовано правительство национального единства".

Просьба возымела действие. Чиано и Якомони стали подбирать новую кандидатуру на пост премьера. Их мысли сходились на том, что следует вернуться к правлению беев, которые еще имеют авторитет в обществе. 20 января 1943 г. председателем кабинета министров стал Экрем Либохова, министр иностранных дел при Зогу, которого менее чем через месяц, 13 февраля, сменил другой бей — Малик Бушати. Уже через три дня после своего назначения новый премьер объявил, что между Италией и Албанией устанавливаются дипломатические отношения, что предполагается пересмотреть все экономические, таможенные, валютные конвенции апреля 1939 г., что формируются албанская национальная армия и жандармерия, что вместо албанской фашистской партии создается организация "Стражи Великой Албании" и т.д. и т.п.

Одним словом, провозглашался некий новый курс итальянской политики в отношении Албании. Но вместо кажущейся ее либерализации наступило ужесточение. Гражданский наместник Якомони уступил место генералу Париани, переведенному в Албанию с поста начальника генштаба сухопутных войск. Перед ним и командующим итальянской оккупационной зоной в Далмации, куда входила и Албания, генералом Далмаццо ставилась задача покончить с партизанским движением, руководимым коммунистами. В Риме предвидели раскол в албанском национально-освободительном движении, как это уже произошло к тому времени в Югославии, и вырабатывали новую схему взаимоотношений с националистами на фоне ухудшающегося международного и внутреннего положения самой Италии. В начале февраля 1943 г. Муссолини отправил в почетную отставку Чиано, предложив ему выбирать между двумя назначениями — наместник в Албании или посол в Ватикане. Он выбрал последнее, обосновав свой отказ от албанского поста тем, что не мог бы выполнять расстрельные и палаческие функции в стране, которой он обещал братство и равные права.

Тем временем экономическое положение в Албании становилось все более тяжелым. Зимой 1942/43 г. необеспеченность топливом и продуктами первой необходимости поставила ряд районов страны перед угрозой голода. Производство зерновых во время войны значительно сократилось, но и собранный урожай пшеницы и кукурузы, во всяком случае его львиная доля,

вывозился в Италию. Расширилась эксплуатация полезных ископаемых, особенно нефтяных месторождений. После оккупации страны упрочились позиции семейства Чиано, которое смогло наладить добычу на нефтепромыслах, покинутых англичанами и американцами. За годы войны производство этого важнейшего для Италии энергоносителя увеличилось более, чем в два раза: с 752 тыс. баррелей в 1938 г. до 1 млн 600 тыс. в 1942 г. За счет вывоза нефти и медной руды Италия покрывала до 10% собственных потребностей в этих видах сырья. Кроме того, Албания являлась единственным поставщиком хромитов и битума.

Ограбление страны итальянскими захватчиками шло при помощи албанских предпринимателей и чиновников марионеточного правительства. Наряду с уже действовавшими с довоенного времени итальянскими компаниями в годы оккупации было создано Акционерное торговое и сельскохозяйственное албанское общество (САСТЕБ), финансировавшееся Национальным банком Албании и Банком Неаполя. Контракты, подписанные обществом с министерством национальной экономики, давали ему исключительное право покупать и продавать зерно по монопольным ценам. Оно освобождалось от уплаты всех государственных налогов и других форм обложения. Особенно сильно пострадали от деятельности САСТЕБ плодородные районы Косово.

Ухудшение экономического положения расширило ряды недовольных. Все большее число людей включалось в вооруженную борьбу. К концу 1942 г. число партизанских чет увеличилось до 22. Кроме того, одновременно с ними и в тех же районах формировались крестьянские отряды самообороны, противостоявшие произволу оккупационных властей. Доверие крестьян к партизанам росло по мере того, как они убеждались в том, что те защищают их интересы. В освобожденных зонах, где устанавливалась власть национально-освободительных советов, отменялись налоги, введенные оккупантами, распределялось среди населения содержимое продовольственных складов.

Неизбежное в тех условиях расширение социальной базы сопротивления вызвало формирование и включение в борьбу альтернативных освободительных организаций. Самой крупной из них стал "Балы комбтар" ("Национальный фронт"), созданный в ноябре 1942 г. Даже в самом названии подчеркивалось, что это подлинная *албанская* организация: и НОФ и "Балы комбтар" означают одно и то же – национальный фронт. Но в первом случае название интернациональное латинизированное (Fronti nacional), а во втором – национальное албанское (Balli kombëtar).

"Балы комбтар" создавался как некоммунистическое национальное антифашистское движение. Возглавил его участник антитурецкой борьбы начала века известный политик и публицист либерального толка Митхат Фрашери (псевдоним Люмо Скендо), к тому времени уже перешагнувший 60-летний рубеж. Его авторитет в патриотически настроенных кругах интеллигенции позволил привлечь в ряды организации видных деятелей национального движения — А. Кельцюра, Б. Омари, А. Эрмени, С. Бутка и др. "Балы комбтар" заявил о себе как о демократической организации, которая должна объединить всех албанских патриотов и бороться за свободу народа. Десять пунктов программы (декалог) обещали землю крестьянам, свободу слова для всех граждан, свободу предпринимательства и т.п. Завершалась программа призывом бороться за этническую Албанию, т.е. за объединение населенных албанцами земель в единой, освобожденной от оккупантов стране. "Балы комбтар" имел свой денежный фонд, формировавшийся из ежемесячных взносов членов организации, издавал газету "Мбройтья комбтаре" ("Защита нации"). По примеру НОФ создавались балыстские советы и бывали случаи, когда в одной деревне существовали и взаимодействовали структуры обеих организаций.

Появление новой организации произвело определенное впечатление в народе. Простые люди, которые никогда прежде не принимали участия в политической жизни, не видели особой разницы между НОФ и "Балы". Поэтому они охотно вступали в ряды последнего, если в его пользу высказывались деревенские старейшины или другие авторитетные граждане. На низовом уровне сотрудничество членов националистических и партизанских чет в операциях против оккупантов стало обычным делом в первые месяцы существования обеих организаций.

В декабре 1942 г. освободительная борьба албанского народа была официально признана державами антифашистской коалиции. К этому времени три ведущие державы формировавшейся антигитлеровской коалиции определили свои цели и задачи в войне, а также наметили общие принципы политики. В Атлантической хартии, подписанной президентом США Ф. Рузвельтом и премьер-министром Великобритании У. Черчиллем 14 августа 1941 г., провозглашался отказ от захвата территорий, признавалось право "всех народов избрать себе форму правления, при которой они хотят жить", содержалось обещание содействовать "восстановлению суверенных прав и самоуправления тех народов, которые были лишены этого насильственным путем". 24 сентября того же года советское правительство выразило согласие с основными принципами Ат-

лантической хартии в форме декларации, провозглашенной на межсоюзной конференции в Лондоне, на которой, кроме СССР, присутствовали представители Бельгии, Чехословакии, Греции, Польши, Голландии, Норвегии, Югославии, Люксембурга и Свободной Франции.

Албания в числе участников этой встречи отсутствовала, так как ни один находившийся в эмиграции политический деятель не мог говорить от имени народа этой страны. Не попала она также и в число 26 стран, подписавших Декларацию объединенных наций 1 января 1942 г. Один из разработчиков этого документа вспоминал впоследствии, что уже после его подписания на обеде в Белом доме кто-то упомянул короля Зогу. "Зог!" — воскликнул Рузвельт, наклонился над столом и обратился к Черчиллю: "Уинстон, мы забыли Зога! Албания же воюет на нашей стороне! Я думаю, что здесь сыщется какой-нибудь албанский министр или представитель и мы можем дать подписать ему наш маленький документ". Действительно такая возможность существовала. В Декларации содержалось приглашение к другим нациям, солидарным с принципами Атлантической хартии, присоединиться к ней. Однако об Албании вспомнили только в конце 1942 г., когда в рядах Большой тройки назрела необходимость определить свое отношение к этой стране, потерявшей свою независимость в результате фашистской агрессии. 17 декабря с соответствующими заявлениями выступили правительства США и Великобритании, 18 декабря — СССР.

В заявлении НКИД СССР отвергались притязания итальянского империализма на Албанию, выражалась уверенность в том, что "борьба албанского народа за свою независимость сольется с освободительной борьбой других угнетаемых итало-германскими оккупантами балканских народов, которые в союзе со всеми свободолюбивыми странами изгонят захватчиков со своей земли. Вопрос о будущем государственном строе Албании является ее внутренним делом и должен быть решен самим албанским народом".

Государственный секретарь США К. Хэлл и министр иностранных дел Великобритании А. Иден исходили в своих заявлениях из положений Атлантической хартии и давали высокую оценку участию албанского народа в общей борьбе против фашизма. Однако позиция правительства Великобритании несколько отличалась от американской. Содержавшаяся в британской декларации фраза о том, что "вопрос о границах албанского государства должен быть рассмотрен при заключении мира", расценивалась в политических кругах Европы и Америки как намерение способствовать в будущем передаче Южной Албании Греции. Такому толкованию способствовало настой-

чивое обращение греческого эмигрантского правительства Э. Цудероса с просьбой к Рузвельту включить в декларацию формулу, аналогичную английской, но президент отказался это сделать.

Из трех великих держав только Англия, вернее ее внешнеполитическое ведомство, серьезно занималась албанской проблемой. Отношение к Балканам как к сфере своих государственных интересов заставляло Форин оффис тщательно просчитывать свои шаги в отношении той или иной страны. В Лондоне находились греческое и югославское правительства в изгнании во главе с монархами. Именно с ними предполагалось сотрудничество в первую очередь, а не с королем Зогу, завышенные территориальные претензии которого к своим соседям были хорошо известны. И это при том, что его собственные перспективы возвращения в страну уже тогда представлялись весьма сомнительными. Вероятно поэтому известный британский дипломат Брюс Локкарт, занимавший в то время посты заместителя министра иностранных дел и генерального директора Комитета по вопросам политической войны, заметил в апреле 1942 г.: "Албания находится на последнем месте в списке наших приоритетов в Европе". Эта оценка сохранялась вплоть до зимы 1942/43 г.

Албанские патриоты восприняли заявления великих держав с энтузиазмом. Декларации Хэлла, Молотова и Идена (именно в таком порядке они упоминались в январском номере "Зери и популит") укрепили уверенность в том, что только бескомпромиссная борьба против фашистов и предателей в союзе со всеми свободолюбивыми народами мира, во главе которых идет Советский Союз со своими великими союзниками — Англией, Америкой и Китаем, — принесет победу.

В рядах албанских коллаборационистов декларации вызвали серьезное замешательство. Впоследствии Ф. Якомони писал в воспоминаниях, что после декабрьских заявлений очень многие албанские националисты, в том числе и члены марионеточного правительства, признавались, что постановка вопроса о границах Албании в таком виде, как сделал это Иден, вынудила их с большей надеждой взирать на Россию. Дескать, еще с царских времен эта страна проявляла благожелательный интерес к Албании. Сейчас трудно судить о том, насколько искренними были эти слова ближайшего соратника Муссолини и Чиано, проходившего в Италии по процессу главных военных преступников. Однако несомненным фактом является то, что политика СССР и героическая борьба советского народа вызывали в Албании на протяжении всего периода национально-освободительной борьбы неизменное восхищение.

От партизанских чет к Национально-освободительной армии

Наступление Красной армии зимой 1942/43 г. завершилось победами над немецко-фашистскими захватчиками под Сталинградом, на Дону, Северном Кавказе, под Воронежем, в районе Великих Лук и южнее Ладожского озера. Партизаны Албании приветствовали эти успехи. Для них вдохновляющим моментом явилось то, что под Сталинградом потерпела катастрофическое поражение 8-я итальянская армия. После этого сообщения, распространенного в многочисленных листовках, операции против итало-фашистских оккупантов участились несмотря на трудность суровых природных условий.

В соседней с Албанией Югославии Народная армия, насчитывавшая в конце 1942 г. 150 тыс. бойцов, освободила пятую часть территории страны. 27 ноября в боснийском городе Бихач участники учредительного собрания, представлявшие все антифашистские политические группы, создали Антифашистское вече народного освобождения. В Греции расширял сферу своей деятельности Национально-освободительный фронт (ЭЛАС), организационно сформировавшийся еще в сентябре 1941 г. Отряды освободительной армии Греции (ЭАМ) действовали в непосредственной близости от границ Албании, в итальянской оккупационной зоне. С начала 1943 г. операции этой армии охватывали почти всю территорию континентальной Греции. С этого времени стала налаживаться координация действий между партизанами Албании, Греции и Югославии.

Эти успехи союзников НОФ Албании имели немаловажное значение потому, что, с одной стороны, албанское партизанское движение получало непосредственную поддержку борющихся народов, а с другой — оно заимствовало некоторые формы организации, проверенные практикой аналогичных объединений, руководимых компартиями. Соответственно рос в народе и авторитет КПА, которая все еще находилась на стадии становления и только своими силами, на основании собственного к тому времени небогатого опыта не была еще в состоянии разработать конкретные мероприятия по претворению в жизнь принятых решений. Правильность линии КПА как бы подкреплялась авторитетом СССР, солидарностью с борьбой всех свободолюбивых наций. В том же направлении развивались контакты с Коминтерном, руководство которого старалось доводить до сведения компартий оккупированных стран свои ориентировки и сообщать о положении на фронтах.

Правда, рекомендации зачастую приходили с запозданием, и албанским коммунистам оставалось лишь проверять по ним правильность уже сделанного. Так было с письмом ЦК КПЮ за подписью Тито от 22 сентября 1942 г. с рекомендациями относительно создания общенационального фронта борьбы, к тому времени уже сформировавшегося в Албании. Это письмо было ответом на информацию Поповича об образовании коммунистической партии. В нем одобрялся сам факт создания КПА и санкционировалось проведение общеалбанской партийной конференции для выборов постоянного Центрального комитета. Из конкретных рекомендаций на будущее можно выделить следующие: "Основной задачей конференции должно стать создание единого крепкого партийного руководства и выработка конкретных решений:

а) организация подъема национально-освободительной борьбы албанского народа против итальянцев и немцев;

б) создание и укрепление национального фронта всех патриотов, избегая в настоящий момент выдвижения лозунгов, которые шли бы дальше лозунга национального освобождения Албании;

в) привлечение к руководству партизанской борьбой большего числа уважаемых албанских националистов и патриотов".

Тито рекомендовал энергичнее проводить чистку партии. "Коммунистическая партия Албании может стать руководителем народно-освободительной борьбы албанского народа только в том случае, если она будет едина и монолитна, если все члены партии будут дисциплинированно выполнять все указания", — резюмировал Тито и, обращая внимание на необходимость борьбы против сектантства и антипартийных элементов, назвал в качестве примера Лазара Фундо, "врага Коминтерна и компартии". Один из наиболее подготовленных в теоретическом отношении албанских социалистов, Лазар (Заи) Фундо эмигрировал во Францию, а затем в Советский Союз, спасаясь от преследований зогистского режима. Он являлся представителем от Албании в МОПР (Международная организация помощи борцам революции), и какое-то время его кандидатура рассматривалась руководством Коминтерна в качестве лидера будущей албанской компартии. В результате пока еще неясных (в связи с отсутствием соответствующих документов) обстоятельств Фундо вошел в очень сложные взаимоотношения с Тито и Димитровым, покинул Москву с обычным для того времени ярлыком троцкиста и возвратился в Албанию буквально накануне итальянской оккупации. Когда Тито давал указание Ходже бороться с ним, как с "врагом Коминтерна", тот четвертый год отбывал наказание за ан-

тифашистскую деятельность в фашистском концлагере на острове Вентотен[7*].

Письмо КПЮ и содержавшиеся в нем директивы Коминтерна обсуждались на специальном заседании временного ЦК КПА 29 декабря 1942 г. В порядке подготовки ко всеалбанской партийной конференции всем обкомам партии предписывалось провести перевыборы руководящего состава и обсудить письмо. В ходе перевыборной компании в феврале 1943 г. выяснилось, что работу партии продолжали осложнять неизжитые еще болезни: сектантство, семейственность, слабая теоретическая подготовка. Указания временного ЦК о принципах организации национально-освободительной борьбы понималась по-разному. Одни коммунисты, стремясь к взаимодействию с националистами, становились на их позиции. Другие же, например во Влёре, напротив, навязывали националистам свое понимание национально-освободительных советов как партийных коммунистических организаций. Все зависело от авторитета руководителей. Если Баба Файя как член Генсовета НОФ соглашался принять в свою чету коммунистического политкомиссара, то участие последнего в определении политики и тактики бекташского отряда сводилось к чисто представительским функциям. На другой основе строились взаимоотношения в чете Пезы, где и Байрактар Мюслим Пеза и политкомиссар Мустафа Гиниши входили в Генсовет НОФ, являясь таким образом равновеликими политическими фигурами. Кроме того, будучи сами по себе весьма колоритными личностями авантюрно-героического склада, они находились в дружеских отношениях, чему способствовало одинаковое понимание целей борьбы.

Подготовка к конференции велась в сложных условиях. Оккупационные власти периодически проводили карательные экспедиции против очагов сопротивления и на освобожденных территориях. Несмотря на это, временный ЦК КПА смог завершить необходимые подготовительные мероприятия, и 17—22 марта 1943 г. в небольшом городке Лябинот, расположенном в Центральной Албании недалеко от Эльбасана, состоялась 1-я Всеалбанская партийная конференция, на которой присутствовали около 70 делегатов, представлявших 600—700 членов партии. Были заслушаны доклады по организационным вопросам, политическим, о национально-освободительной армии,

---

[7*] После краха фашистской Италии Лазар Фундо был освобожден союзными войсками из концлагеря и возвратился в Албанию, чтобы принять участие в антифашистском сопротивлении в Косово в рядах четы Гани Крюэзиу. Однако "рекомендация" Тито нашла воплощение в распоряжении Э. Хаджи командованию 5-й ударной бригады в апреле 1944 г. найти его и уничтожить, что и было исполнено в сентябре того же года.

о союзе рабочего класса и крестьянства, о работе среди женщин, о молодежи, о финансах.

В резолюции конференции, а это единственный достоверный документ, по которому можно судить о проблемах, обсуждавшихся на конференции, подчеркивалось, что задачей коммунистов является разъяснение народу антифашистского демократического характера национально-освободительной борьбы и что любая попытка выхода за рамки этой борьбы и придания ей социалистической окраски причинит большой ущерб как самой борьбе, так и партии. Далее рекомендовались практические меры по расширению массовой базы НОФ "в неясной обстановке": создавать новые четы и батальоны, укреплять старые, переходить к созданию более крупных воинских соединений, чтобы из них была сформирована в ближайшем будущем национально-освободительная армия. Бороться должны все, но особая роль коммунистической партии состоит в создании боевого союза рабочего класса и крестьянства, в разъяснении рабочим и беднейшим крестьянам, что они "являются естественными союзниками и путем совместной борьбы избавятся от лишений, голода и гнета, добьются лучшей и счастливой жизни".

Обширный раздел резолюции, посвященный внутрипартийной жизни, трактовал вопросы дисциплины, критики и самокритики, взаимоотношений руководства и рядовых членов партии. Обращалось внимание на опасность влияния троцкистов — того же Фундо — на "некоторых честных патриотов, а поэтому задачей парторганизаций и отдельных товарищей является открытое разоблачение этих бандитов". Большинство присутствовавших на конференции не знали, чем виноваты "троцкисты" и "оппортунисты", заклейменные в документах конференции, да и вообще, существовали ли они в природе. Коминтерновская риторика при шельмовании виртуальных "врагов" объяснима. Как вспоминали впоследствии Ходжа и его соратники, отвечая на критику своих ошибок в годы войны на бератском пленуме в ноябре 1944 г., дело было в том, что прибывшие на конференцию югославские товарищи принесли с собой массу документов, отражавших политику КПЮ на том этапе. После соответствующей подработки они вошли в общеполитические разделы резолюции.

Что касалось действительно важных конкретных проблем, стоявших перед КПА, то две из них нашли отражение в резолюции: а) антифашистская борьба народа не преодолела региональной ограниченности. Крестьяне не подошли к пониманию задач. "Можете себе представить, что же это за революционное движение, если в нем участвует одно село, да и то не целиком", — писал в свой ЦК Попович; б) КПА оказалась застигну-

той врасплох появлением "Балы комбтар", в результате чего возможности завоевания масс на свою сторону были сужены. Так, в резолюции отмечалась разница в позиции руководства этой организации и ее рядовых членов, но ни ее политическое лицо, ни принципы взаимоотношения с ней не определялись.

На конференции был образован постоянный ЦК в составе 15 членов и 5 кандидатов в члены. Как и на организационном совещании партии в ноябре 1941 г., выдвижение происходило по ранее согласованному списку. Мугоша вызывал по одному, прибегая в целях конспирации к партийным кличкам. Названный человек поднимался с места, ему объявляли, кем он будет, и на этом завершалось формирование руководящих органов КПА. Попович же распределял обязанности среди партийных функционеров. Поэтому генеральным секретарем стал самый близкий и послушный ему человек — "Тарас", т.е. Энвер Ходжа, сохранивший впоследствии лидерство в партии на протяжении более 40 лет, вплоть до своей смерти в 1985 г. Попович так обосновывал в отчете в ЦК КПЮ, который спустя некоторое время поступил в Коминтерн, выбор именно этой кандидатуры: "Способный руководитель, быстро растущий, самый последовательный борец за чистоту партии, хороший организатор, решителен. Недостатком является то, что он не выделяется из всех своей теоретической подготовленностью. Наипопулярнейшая личность в партии". Политбюро составили Юмер Дишница, Рамадан Читаку, Кристо Темелько, Кочи Дзодзе (заочно, ибо он находился в тюрьме), Панди Кристо, Лири Гега, Гьин Марку, Нако, Спиру.

Все выдвинутые на руководящие посты лица вошли в пленум ЦК КПА, который оказался никому не нужным образованием: его первое заседание состоялось только в мае 1944 г. Впоследствии Ходжа объяснял причины бездействия этого главного органа партии физической невозможностью созывать разбросанных по всей стране людей. Все вопросы решались в рабочем порядке, "когда собирались вместе я, Али [Миладин Попович], Нако [Спиру], и иногда Баца [Рамадан Ситаку]". После выхода из тюрьмы все организационные дела решал единолично Кочи Дзодзе, к которому иногда присоединялась Лири Гега, выступавшая в роли интерпретатора указаний Душана Мугоши.

Несмотря на все несовершенство созданных в ходе работ конференции руководящих органов КПА, они стали основой складывающейся жесткой структуры военной и гражданской власти в освобожденных районах Албании. Использование в той ситуации опыта югославских советников в организации антифашистского движения, которое должно было увенчаться всеобщим восстанием народа и приходом к власти правитель-

ства, основанного на принципах народовластия и демократии, имело большое значение. Именно в развитие решений этой конференции началось планомерное строительство армии при помощи югославских военных советников и в соответствии с организационными принципами, принятыми в Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ).

В апреле 1943 г. ЦК КПА издал специальное распоряжение, касавшееся создания национально-освободительной армии на основе партизанского движения. В этом документе настойчиво подчеркивалась необходимость такой подборки командного состава, которая свидетельствовала бы о стремлении к разрешению общенациональных проблем в ходе освобождения от фашистской оккупации. Например, при формировании штаба зоны рекомендовалось придерживаться следующей схемы: "Командующий (лучше, чтобы он был из честных националистов), политкомиссар, его заместители (если есть кадры на должность замполита, то это хорошо, если нет, то ничего не поделаешь), оперативная часть, т.е. некто с заместителем, оба — знакомые с военной стороной дела (если первый из честных националистов, то заместителем непременно должен быть член партии). Кроме них в штабе могут быть и другие люди, пользующиеся влиянием в данной местности, и, возможно, духовное лицо".

При всей рациональности вышеприведенных рекомендаций они не срабатывали в тогдашних албанских условиях, ибо *честные националисты* (их называли также *добровольцами свободы*) демонстрировали готовность бороться против оккупантов, иногда взаимодействуя с партизанами при проведении военных операций, но отказывались входить в организационные структуры НОФ. Таким образом, националисты, примкнувшие к НОФ на начальной стадии борьбы, продолжали находиться в его рядах и подчиняться общим установкам. Что касалось новых партизанских отрядов, то они создавались в основном под руководством коммунистов и для них проблемы соблюдения пропорций не существовало. Сложнее обстояло дело с "Балы комбтар". Являясь с формальной точки зрения антифашистской организацией, она все больше обособлялась. Если на среднем и низшем уровне сотрудничество и взаимодействие с НОФ осуществлялись, но в обход руководящей верхушки, то на высшем уровне они отсутствовали.

Создание армии предполагало объединение разрозненных партизанских чет и отрядов в более крупные структуры — ударные батальоны, — исходя из территориального принципа их формирования. К маю 1943 г. в стране действовало уже более 20 ударных батальонов, которые могли проводить относительно крупные операции. В частности, с мая по июль партизанам удалось освободить ряд районов юга. Партизаны раздавали

крестьянам награбленное фашистскими оккупантами продовольствие и призывали оказывать врагу сопротивление.

Размах партизанского движения выдвинул в качестве неотложной задачи организацию единого оперативного центра. 4 июля 1943 г. в Лябиноти состоялось заседание Генсовета НОФ, на котором было принято решение об организации генштаба Национально-освободительной армии (НАО). Его начальником стал бывший майор королевской армии Спиро Моисиу, а политкомиссаром — Энвер Ходжа. Одновременно создавались штабы основных оперативных зон, непосредственно подчиненных центру. В августе произошло утверждение структуры армии. Самой крупной единицей являлась бригада, состоявшая из четырех-пяти батальонов, которые в свою очередь образовывались из трех-четырех партизанских чет.

5 июля произошло первое столкновение партизан с немецкими оккупантами. На дороге Эрсека — Лесковик партизаны из засады обстреляли немецкую колонну, перебазировавшуюся из Македонии в Грецию. Вступив в бой с партизанами, автоколонна была вынуждена задержаться почти на сутки. В отместку гитлеровцы сожгли дотла деревню Борову и почти полностью уничтожили ее население.

Итальянские войска при поддержке частей армии марионеточного правительства пытались организовать наступление против освобожденных зон. Некоторых успехов им удалось добиться. Однако дни итальянской оккупации были сочтены. 10 июля 1943 г. произошла высадка англо-американских войск на острове Сицилия, а 25 июля пал режим Муссолини. Перед албанским национально-освободительным движением вставала неотложная задача объединения всех патриотических сил, чтобы продолжить борьбу за освобождение Албании.

Соглашение в Мукье, или Фронт против Фронта

Поражение за поражением, которые терпел фашистский блок на полях сражений второй мировой войны весной и летом 1943 г., вселяли уверенность в неизбежность краха нацистской Германии и ее балканских сателлитов. В Албании приветствовали высадку союзников на Сицилии и на юге Апеннинского полуострова, видя в ней открытие долгожданного второго фронта. Успехи Красной армии под Орлом и Белгородом, широко пропагандировавшиеся партизанской печатью, продолжали свидетельствовать в пользу развенчания мифа о непобедимости германской армии в то время, когда над самой Албанией нависла угроза новой, более жестокой оккупации. Наконец,

успехи освободительного движения в соседних Югославии и Греции, где сражающийся народ закладывал основы новой власти, стимулировал албанских патриотов на проявление инициативы и в этом направлении.

Стремление к единству действий всех борцов за освобождение стало велением времени. Особенно это касалось двух самых крупных организаций — НОФ и "Балы комбтар", взаимодействовавших, как уже отмечалось выше, на низовом уровне. Летом 1943 г. начались личные контакты между руководителями обеих организаций с предложениями объединить усилия и по возможности выработать формулу организационного объединения. Из сохранившихся документов, обнародованных в последнее время, стало известно, что попытки к сближению предпринимались с конца июня. Так, в письме к руководству "Балы", подписанном Юмером Дишницей и Энвером Ходжей, сообщалось, что они по поручению ЦК КПА уполномочены договориться со всеми честными националистами в интересах народа, который стремится к единству действий: «Это проявилось на демонстрациях солидарности с жертвами фашистского террора в Тиране, Дурресе, Эльбасане и в других местах. В Тиране местная организация "Балы комбтар" выступила с инициативой, которую мы подхватили, провести забастовку, прекратить торговлю, закрыть учреждения в знак траура по четырем юношам из организации НОФ Влёры, расстрелянных по приказу фашистского генерала Дзаннини».

Руководство "Балы" не ответило на прямой призыв коммунистов, предпочитая вести ни к чему не обязывающие переговоры с некоторыми лидерами националистов в НОФ. Оно не препятствовало взаимодействию партизанских и балыстских чет, но и не поощряло его, так как к тому времени еще не удалось договориться в принципе, а стоило ли вообще ввязываться в вооруженную борьбу. Положение в стане итальянских оккупантов порождало распространение иллюзий на скорое окончание войны. Лидеры "Балы" готовились без боя войти в Тирану, приветствуемые ликующей толпой сограждан. Для коммунистов, как тогда считал бывший десантник, а впоследствии видный британский дипломат Р. Хибберт, выпустивший в 1991 г. книгу о национально-освободительной борьбе в Албании, очевидцем и в какой-то мере участником которой он был, освобождение страны и вопрос о власти соотносились одно с другим в пропорции "фифти-фифти" (50 на 50%). Для балыстов представляла интерес только борьба за власть.

10 июля 1943 г. Генсовет НОФ и генштаб НОА выступили с прокламацией о необходимости создания общенациональной освободительной организации, которая предполагала объединение всех патриотов. Ее сущность и цели определялись следу-

ющим образом: 1. В этой организации могут состоять все честные патриоты, независимо от вероисповедания, места жительства, партийной принадлежности. Двери ее открыты для всех тех, кто действительно желает бороться против внешних врагов; 2. Она борется за освобождение страны от ига итальянского фашизма, за независимую, демократическую, народную Албанию; 3. Она выступает гарантом частной собственности и частной инициативы в промышленности и сельском хозяйстве; 4. Она не намерена вносить радикальные изменения в общественную жизнь, в законодательство и в организацию труда; 5. Офицерам, вступающим в национально-освободительную армию, сохраняются их звания; 6. После изгнания внешних врагов сам народ решит вопрос о форме правления.

На консервативную часть вождей "Балы" прокламация оказала эффект разорвавшейся бомбы. Молодежь и приверженцы активных действий с большим удовлетворением восприняли призыв, и их отношение к возможному объединению повлияло на решение руководства. Характерной для таких настроений в рядах балыстов стала позиция группы имени 28 ноября из Шкодры. Патер Лека Люля не только объединил вокруг себя молодых католиков этого северного района на платформе конференции в Пезе, но и принял самое активное участие в начавшемся процессе сближения обеих организаций.

Генсовет НОФ выступил инициатором проведения координационного совещания в деревне Тапизе, послав 18 июля соответствующее приглашение "Балы". В нем сообщалось о формировании официальной делегации НОФ (ее возглавил Ю. Дишница), которая уполномочена обсуждать все актуальные вопросы "ради блага нашего дорогого отечества" и особенно об объединении "всех сил нации на борьбу против врага". "Балы" откликнулся не менее пылким призывом: "Мы, националисты, обращаемся к вам, коммунистам, которые, как мы повторяем вновь, являетесь нашими братьями, потому что у нас у всех одна мать — Албания: как мы протягиваем вам правую руку, так и вы ответьте нам тем же".

На встречу в Тапизе 25 июля прибыл сам Митхат Фрашери с двумя другими членами руководства. Там он разыграл сцену удивления: дескать, он рассчитывал увидеть только Абаза Купи, но так как с ним оказались еще и другие люди, то, так и быть, поговорит и с ними. Несмотря на такое начало, переговоры прошли успешно. Делегация НОФ включала самых уважаемых представителей национализма в составе Генсовета — А. Купи и М. Пезу, а также коммунистов — Ю. Дишницу и М. Гиниши, свободных от предубеждений в отношении инакомыслящих политиков. После четырех часов переговоров была достигнута договоренность о формировании Комитета спасе-

ния Албании. Программа его деятельности включала следующие пункты.

1) немедленная борьба против оккупантов ради освобождения Албании;

2) полная независимость Албании в границах 1913 г. и осуществление воссоединения албанской родины за счет населенных албанцами земель, в соответствии с общепризнанными принципами самоопределения народов, гарантированными Атлантической хартией;

3) Албания должна быть свободной, независимой и истинно демократической;

4) форма режима будет определена самим народом на конституционной ассамблее открытым голосованием;

5) Комитет спасения Албании прекратит свое существование сразу же после формирования временного правительства.

Предварительные договоренности подлежали обсуждению и утверждению на завершающем собрании в той же самой деревне Тапизе всего в 6 км к северу от столицы, но в последний момент неожиданное появление итальянских солдат смешало планы. Место встречи пришлось изменить, и она состоялась 1–2 августа в деревне Мукье, расположенной в некотором удалении от Тираны, на полпути по направлению к Круе.

Официальные делегации состояли из 12 человек каждая. Причем если "Балы комбтар" представляли первые лица организации, то НОФ ограничился старым составом во главе с Ю. Дишницей с добавлением в одинаковой пропорции националистов и коммунистов. Значимость мероприятия возрастала из-за присутствия представителей молодежных организаций "Балы" и НОФ, вооруженных бойцов из чет А. Купи, М. Пезы, Х. Лепеницы, И. Петрели, М. Аранити, которые всегда сопровождали своих вождей.

Выработанная в Тапизе программа обсуждалась постатейно. Решение о создании Комитета спасения Албании встретило безоговорочное одобрение. В 1-й пункт добавили слова: "...и против любого эвентуального врага-оккупанта". Албания находилась под угрозой немецкого вторжения, и такое добавление представлялось весьма своевременным. Наибольшие дискуссии вызвал 2-й пункт, содержавший положение о борьбе за воссоединение всех населенных албанцами земель. Нет сомнения, что все албанцы с детства мечтали об этом. Но в тот момент выдвижение именно такого лозунга могло вызвать недовольство югославских советников. И, как писал в отчете Э. Ходже Ю. Дишница, "мы настояли на бесполой формуле", т.е. оставили только упоминание об общепризнанных принципах самоопределения народов, гарантированных Атлантической хартией. Правда, появились слова об "этнической Албании", что мог-

ло быть воспринято (и это случилось) в качестве метафоры все того же лозунга "Великой Албании". Остальные пункты подверглись лишь редакционной правке.

2 августа делегации вновь встретились и договорились об изменении 5-го пункта следующим образом:

"Окончательный состав Комитета должен определиться к 8 августа 1943 г. До утверждения постоянного Комитета его функции, определенные протоколом соглашения, будут осуществляться Временным комитетом. Комитет, кроме прочих прав, обладает правом провозглашения независимости. Временный комитет будет состоять из 12 человек, по 6 представителей от каждой стороны".

В этот же день из числа присутствовавших сформировался Временный комитет, в котором перевес принадлежал националистам, так как три делегата НОФ также относились к этому направлению. Первое заседание Временного комитета, проходившее под председательством балыста Хасана Дости, приняло решение обратиться к народу с прокламацией и выработать программу совместных действий. Девизом движения стал лозунг "Или смерть, или свобода!", заменивший "НОФовский" "Смерть фашизму, свобода народу!" и балыстский "Албания албанцам, смерть предателям!". Окончательный состав комитета предполагалось утвердить 8 августа на встрече обеих делегаций.

Сразу же по окончании конференции в Мукье Ю. Дишница послал "дорогому другу" Э. Ходже подробное письмо с отчетом о происшедшем. Он писал о разногласиях в стане балыстов и о том, как это использовалось в ходе дискуссий. Позиция делегации в отношении лозунга "этнической Албании" объяснялась положением в Косове, где освободительное движение практически не развивается, "оно оторвано от основной массы албанцев, которые в большинстве своем стоят на стороне реакции, а часть — на стороне реакционных балыстов, которые открыто предрекают славянскую (сербо-черногорскую) угрозу", — размышлял Дишница. Конечно, нужно прислушиваться к мнению югославских товарищей, но «если мы хотим, чтобы Косово наконец зашевелилось, перестало служить сегодня "резервом Италии", а завтра "резервом реакции", то надо коренным образом пересмотреть нашу позицию». Ведь сегодня партизана ни в одной деревне в дом не пустят, куска хлеба не дадут, передавал он слова присутствовавшего в Мукье косовского сторонника союза с НОФ. В поддержку своих слов Дишница сделал конкретные предложения накануне 8 августа, когда должно было произойти окончательное формирование Комитета спасения Албании.

В ответ Дишница получил датированное 6 августа письмо от Ходжи, в котором тот в директивном порядке предписывал де-

завуировать принятые в Мукье решения, так как балысты не воюют, а только делают вид. Никто из них ружья в руках не держал, да и держать не собирается. С "Балы" можно сотрудничать, если эта якобы освободительная организация включится в борьбу на деле, а не на словах и откажется от антикоммунистической пропаганды. Нужно аргументированно разоблачать "Балы" публично на собраниях и в беседах, объясняя разницу между реакционным руководством и рядовыми членами. В развитие этой новой линии в отношении "Балы" ЦК КПА издал 8 августа распоряжение, запрещающее распространение прокламации о создании Комитета национального спасения и о его планах. Нам нужно не объединение ради объединения, а союз на "здоровой основе". "Пусть пересмотрят свою политику, осудят ее и вольются в общую борьбу", — говорилось в документе. Обращение завершалось призывом создавать партийные организации в партизанских четах, без чего невозможно само развитие национально-освободительной борьбы, и привлекать в партию рабочих, ибо "наша партия — это партия рабочих", а их-то как раз практически и нет.

"Подписанное тобой письмо произвело эффект бомбы, вдруг оказавшейся в моих руках, — так эмоционально отреагировал Дишница на кардинальное изменение политики КПА в отношении "Балы комбтар" в письме к тому же "дорогому другу". — Ведь мы все в делегации выполняли твои указания... Впервые в жизни я оказался поставленным в таком ложное положение перед Партией". И как теперь он сможет смотреть в глаза людям, с которыми вместе работал в сложнейшей ситуации? Он пункт за пунктом объяснял правильность шагов в отношении "Балы", обосновывал возможность совместного участия организации, открыто объявившей себя антифашистской и освободительной, в борьбе против оккупантов. Однако уже ничего нельзя было изменить. В разосланных в первичные парторганизации письмах за подписью Э. Ходжи позиция представителей КПА на переговорах с "Балы комбтар" квалифицировалась как оппортунистическая, а судьбы самых активных участников делегации — ее официального руководителя Ю. Дишницы и его фактического заместителя М. Гиниши — имели трагическое завершение. Первый из них сразу же был лишен всех постов в руководстве партии и в Генсовете НОФ, а по окончании войны арестован как предатель и интернирован; второй — вероломно убит своими же по приказу Э. Ходжи.

Соглашение в Мукье, а вернее несостоявшееся объединение двух национально-освободительных организаций, является одной из самых дискуссионных проблем современной албанской истории. Непосредственной причиной смены курса КПА в отношении националистов стало давление представителей

КПЮ на Э. Ходжу. Это признавали как сами М. Попович и делегат верховного штаба Народно-освободительной армии Югославии С. Вукманович-Темпо, так и Э. Ходжа. Подавалось это как корректировка соглашательской капитулянтской политики албанских коммунистов. К тому времени в самой Югославии четническое движение Д. Михайловича, поддерживаемое Англией, встретило самое резкое осуждение со стороны компартии ввиду его сотрудничества с итальянскими и немецкими оккупантами. Поэтому аналогичная, т.е. не контролируемая коммунистами, албанская организация неизбежно вызывала такое же к себе отношение. Кроме того и по части сотрудничества с оккупантами "Балы" не был безгрешен: по секретному соглашению одного из его лидеров, Али Кельцюры, с генералом Далмаццо обе договаривающиеся стороны обязались не выступать друг против друга.

Югославские советники при ЦК КПА не могли согласиться и с тем, что албанские националисты фактически навязали коммунистам свое понимание национально-освободительной борьбы как завоевание албанцами Югославии (в основном Косова и Метохии) права на воссоединение с исторической родиной, т.е. того права, которого они безуспешно добивались в годы правления великосербской династии Карагеоргиевичей.

Другой причиной разрыва с балыстами стало фактическое согласие коммунистов на раздел с ними власти после освобождения страны. До этого в освободительном движении Албании развивались те же самые процессы, что и в соседней Греции, где летом 1943 г. началось движение за единство нации в борьбе против оккупантов. Там Национально-освободительный фронт (ЭАМ), в котором преобладало влияние коммунистов, действовал более эффективно, чем албанский НОФ, создав уже в январе 1942 г. Греческую национально-освободительную армию (ЭЛАС). В рядах борцов против оккупационного режима в Греции числили себя и эмигрантское королевское правительство и традиционные буржуазные партии. Несмотря на то что вооруженные отряды "буржуазного" сопротивления явно проигрывали коалиции ЭАМ—ЭЛАС, политический климат складывался в пользу формирования правительства национального единства, которое и после войны продолжит сотрудничество на благо страны. Таким образом, при создании объединенного командования ЭЛАС согласилась с принципом "равновесия сил", получив равное количество мест с другими формированиями. Поэтому все шаги по объединению прокоммунистической и националистической организаций в менее развитом и политизированном освободительном движении Албании вполне укладывались в греческую схему и представлялись объективной реальностью.

В директивном письме Э. Ходжи, разосланном во все низовые парторганизации, прямо говорилось: "В первую очередь перед нами встает вопрос о власти. Только власть Советов и никакая другая. В этом вопросе не может быть ни компромисса, ни двоевластия". Факты неправильного с его точки зрения отношения к этой проблеме он проиллюстрировал на примере Гирокастры, куда балысты вошли первыми "со своими шестью сотнями башибузуков". Полторы тысячи партизан подоспели позже, но, вместо того чтобы очистить город от "этих нечистот" (он употребил более грубое слово), они занялись политикой. "В подобных случаях мы должны вмешиваться и громить без пощады", — подытожил он. Так был сделан первый шаг на пути к развязыванию гражданской войны.

Денонсация результатов соглашения в Мукье дала единовременный моральный перевес "Балы". После эйфории в связи с результатами встречи в Мукье решение коммунистов выглядело по меньшей мере неоправданным, а по большому счету вероломным. Возлагая на НОФ вину за несостоявшееся объединение, лидеры националистов смогли сохранить свое влияние в массах. Впоследствии Ходжа объяснял поражение компартии в Мукье тем, что ясным лозунгам Комитета спасения Албании противостояла размытая платформа НОФ, не понятая народом. "Центральный комитет осознал, что Мукья была ошибкой, — признавался он на бератском пленуме в ноябре 1944 г., — но не проанализировал ее хладнокровно. Вместо этого нас охватила паника, и мы не знали, как из этого выпутаться... Из оппортунизма мы бросились в сектантство и заняли жесткую позицию". Причем непосредственным виновником сектантских ошибок партии он назвал М. Поповича, который "давил" на руководством КПА. Это касалось и тактики. Коммунисты сначала отложили встречу на неделю, а затем просто не явились в назначенный день. Ответ балыстам прозвучал в резолюции спешно собранной конференции НОФ.

Вторая конференция Национально-освободительного фронта открылась 4 сентября 1943 г. в Лябиноти. Она подвела итоги деятельности за год, прошедший после первой конференции в Пезе. Обсуждались вопросы об отношении к различным течениям, не входившим в НОФ: о новых задачах Советов, о работе союза антифашистской молодежи, о положении в северных районах страны.

Отношение к "Балы комбтар" стало одним из главных предметов обсуждения. В докладе Генсовета, от имени которого выступал Э. Ходжа, подтверждалась обоснованность осуждения и денонсации соглашения в Мукье. В отношении "Балы" провозглашалась политика разоблачения его реакционных вождей в глазах массы рядовых членов. Дальнейшее сотрудничество не

исключалось, но признавалось возможным только в случае включения в активную борьбу против итало-немецких оккупантов, поддержки борьбы соседних народов (Югославии и Греции), прекращения антикоммунистической пропаганды и признания национально-освободительных Советов как единственной демократической власти народа в Албании. Выполнение этого последнего условия отрицало возможность создания каких-либо, даже временных, совместных властных структур любого уровня. В этой связи декларативно звучало утверждение, что сотрудничество НОФ с другими организациями якобы не исключало "сохранения независимости каждой из сторон". После Лябиноти это стало невозможным, ибо в практику борьбы все увереннее внедрялся тезис: "Кто не с нами, тот против нас".

Впервые на общедемократическом форуме прозвучала оценка компартии, подчеркивалась ее руководящая роль в организации национально-освободительной борьбы, а отказ от антикоммунистической пропаганды ставился в качестве непременного условия вхождения в НОФ.

Намечая пути дальнейшего политического и организационного укрепления Национально-освободительных советов, конференция утвердила их устав. Это — пространный документ, регламентирующий административные, хозяйственные, юридические функции. Советы получали широкие административные права в освобожденных районах: отменяли налоги и сбор десятины, осуществляли конфискацию собственности врагов народа, обеспечивали снабжение партизанской армии, осуществляли мобилизацию населения на трудовой фронт, приостанавливали на военный период действие обычая кровной мести и т.д. Характерны меры, которые они могли применять для пресечения кровной мести: убийство кровного врага приравнивалось к политическому убийству, виновный приговаривался к смерти, а его имущество подлежало конфискации. В случае сопротивления властям дом виновного сжигался, а если к преступлению оказывались причастными члены семьи, то и они уничтожались. В Уставе Советов это называлось "принимать драконовские меры против семьи".

Устав гарантировал открытые всеобщие выборы в Генсовет НОФ, который выделял из своего состава исполнительную власть — президиум в составе восьми человек. Должность председателя уставом не предусматривалась, ибо в обязанности каждого члена президиума входило ведение заседаний по очереди. Однако принцип коллегиальности не соблюдался ни в этом, ни в любом другом военном или административном органе. Все дела решались Поповичем и Ходжей с привлечением двух-трех наиболее приближенных к ним в данный период людей.

Впоследствии на бератском пленуме в ноябре 1944 г. Ходжа говорил, что проведение конференции в Лябиноти было ошибочным шагом, ибо привело не к единению народа в борьбе, а к расколу в обществе. Вместо того чтобы вступать в НОФ, колеблющиеся выходили из него. Так произошло с Абазом Купи, который принимал активное участие и в вооруженной борьбе, и в объединительном процессе. Когда он убедился в отказе коммунистов от сотрудничества с "Балы", то просто не прибыл в Лябиноти, заняв выжидательную позицию, На конференции его заслуги в борьбе против итальянских оккупантов были отмечены, а сам он вновь избран в Генсовет.

Конференция в Лябиноти выявила непредсказуемость и непродуманность политики в отношении националистов, отвергавших любую иностранную оккупацию. После принятия жестких решений в отношении "Балы" стало невозможным сближение на основе совместных военных действий также и с такими видными деятелями национально-патриотического движения, как бывший полковник королевской армии Мухаррем Байрактари, который одним из первых начал сопротивление итальянским захватчикам во главе четы района Люмы. После прихода гитлеровских оккупантов он стал бороться и против них. Он никогда не выступал против НОФ, но входить в какие-либо организационные структуры отказывался.

Аналогичную позицию руководство НОФ заняло и в отношении влиятельного в Северной Албании и в прилегающих к ней районах Косово рода Крюэзиу. Братья Гани и Хасан, интернированные итальянцами, вернулись в родные места после падения Муссолини и включились в вооруженную борьбу, взаимодействуя как с албанскими, так и с югославскими партизанами. Однако то, что вместе с братьями Крюэзиу освободился из итальянского концлагеря и остался вместе с ними "враг народа" Лазар Фундо, механически переводило их всех (вместе с рядовыми членами четы) в разряд врагов НОФ. Еще более запутанно строились отношения с чрезвычайно влиятельным в Дибре родом, глава которого Цен Элези иногда участвовал в делах НОФ, а член семейства Дали Ндреу входил в ЦК КПА и командовал Первой ударной дивизией. Однако убедившись в сектантской политике и двуличии, по его мнению, коммунистов, Цен Элези отошел от НОФ и был сразу же объявлен предателем.

Проиграв политически, прокоммунистическое движение сопротивления стало набирать очки в военной области. Следуя югославскому опыту, генштаб НОА приступил к формированию вооруженных сил. Первоначально самой крупной единицей являлась бригада, состоявшая из четырех-пяти батальонов. Батальоны, в свою очередь, образовывались из трех-четырех

партизанских чет. Вся территория Албании делилась на оперативные зоны, в пределах которых действовали штабы, подчинявшиеся центру, 15 августа 1943 г. по решению генштаба была сформирована 1-я бригада, возглавляемая одним из первых руководителей партизанских чет, членом ЦК КПА Дали Ндреу. В подробном сообщении об этом знаменательном событии в специальном бюллетене "Зери и популыт", подчеркивалась его торжественность и представительность. Присутствовали начальник генштаба майор Спиру Моисиу, политкомиссар штаба Энвер Ходжа, делегаты от Генсовета НОФ, компартии, антифашистской молодежи, женщин и военная британская миссия в Албании. Имя командира бригады не сообщалось. Известно, что Дали Ндреу недолго пробыл в этой должности и его вскоре сменил Мехмет Шеху, ставший вскоре после войны вторым после Энвера Ходжи человеком в партии и государстве, оказывавшим существенное (а временами решающее) влияние на формирование политического курса социалистической Албании.

Один из самых одиозных коммунистических политиков Албании, Мехмет Шеху, родился 10 января 1913 г. в деревне Чорруш, расположенной в горном районе Малакастра на юге страны. Официальная пропаганда приписывала ему крестьянское происхождение, но на самом деле его отцом был мусульманский священнослужитель, причем настолько состоятельный, что, как говорили, мог позволить себе совершить хадж в Мекку. В 1935 г. М. Шеху получил государственную стипендию для учебы в военной школе в Неаполе. После начала гражданской войны в Испании он нелегально перебрался в эту страну и вступил в ряды интербригады им. Гарибальди, где стал членом итальянской компартии. После разгрома республиканцев он вместе с остатками бригады перешел через французскую границу, был интернирован и, переходя из концлагеря в концлагерь, провел в заключении более трех лет.

Только в августе 1942 г. М. Шеху смог вернуться в Албанию. Он считался одним из наиболее подготовленных и опытных в военном отношении партизан Малакастры. Его авторитет интербригадовца и борца против фашизма позволил ему сделать также и партийную карьеру: в марте 1943 г. он стал кандидатом в члены ЦК КПА. М. Шеху приветствовал произошедший после Мукье поворот в сторону отказа от союза с националистами, считал их отбросами общества, которые будут сметены созданной в годы войны Красной гвардией. Причем он не был одинок, понимая именно так уроки гражданской войны в Испании и трансформируя их применительно к албанским условиям. Революционно-коммунистический романтизм завоевывал все большее число сторонников среди партизан и тем самым вну-

шал опасения националистам, что НОФ служит лишь ширмой для компартии.

Растерянность, которая охватила командование и рядовой состав итальянских оккупационных войск, позволили партизанам значительно расширить освобожденные территории и ускорить формирование частей и соединений НОА. Впервые за все время войны удалось освободить побережье Ионического моря от Логоры до Саранды, создав в перспективе возможность установления связей с находившимися в Южной Италии англо-американскими войсками. Однако наряду с сообщениями об успешных операциях, проведенных партизанами против захватчиков, все чаще стали встречаться отчеты о стычках с балыстами. Причем эпитеты, которыми награждались недавние союзники по переговорам, не отличались умеренностью. Оценки типа "предатели", "продавшиеся", "итальянские агенты", применительно к балыстам стали обычными. А в сообщении "Зери и популыт" о боях 4 сентября около деревни Блюши нападавший на обедавших партизан во главе четы балыстов Мюслим Кодраси характеризовался как "разбойник-преступник, известный во всей округе шпион". В целом же наметившаяся тенденция становилась устойчивой: НОФ укреплялся в военном и организационном отношениях, "Балы комбтар" быстро деградировала, превращаясь в маргинальную коллаборационистскую организацию.

Подписание Италией акта о безоговорочной капитуляции, а затем объявление ею войны Германии означали конец итальянской оккупации. 270 тыс. итальянских солдат, находившихся в Далмации, Черногории и Албании, по условиям акта о капитуляции должны были сложить оружие. Однако генерал Далмацо отдал приказ сдаваться только немецким войскам. Вся 9-я итальянская армия выполнила указание. Исключение составили 16 тыс. солдат и офицеров, большая часть которых сдалась партизанам, а другая, дислоцированная на юге, стала пробиваться к Адриатике и к Ионическому морю в районе Саранды. Только полторы тысячи из числа итальянских военнопленных вступили в ряды албанской партизанской армии. Наибольшую известность получил батальон в составе 1-й ударной бригады, названный именем основателя итальянской компартии Антонио Грамши.

Суровая зима 1943/44 года

Гитлеровские оккупанты, вошедшие в страну незадолго до капитуляции Италии, объявили, что они намерены восстановить суверенитет Албании, попранный итальянцами. Албанцы уже

смогли испытать на себе методы действий "освободителей", стерших с лица земли деревню Борову. Разоблачая перед народом истинное лицо новых завоевателей, газета "Зери и популыт" напоминала об их преступлениях в октябре 1943 г.: "Разрушенная Герника, сожженные Варшава, Роттердам, Афины, Белград, сотни советских городов, превращенных в развалины, расстрелы тысяч невинных людей от Норвегии до Греции, от Франции до Польши — вот путь немецких агрессоров, пытавшихся потопить в крови антифашистскую борьбу народов... 6 июля 1943 г. воинство Адольфа Гитлера оставило свои следы в Албании. В Борове убито 70 человек. Детей вырывали из рук матерей и бросали в огонь... Народ поднял оружие и не сложит его до тех пор, пока эта ненавистная тирания, нависшая над всем человечеством, не будет уничтожена раз и навсегда".

В июле—августе 1943 г. верховное командование вермахта приступило к реорганизации оккупационной системы на Балканах. Повышалась роль марионеточных правительств, включая и их вооруженные силы, в подавлении движения Сопротивления. Албания не стала исключением. Игры в восстановление независимости начались с отмены "личной унии". 1939 г. и создания Комитета по провозглашению независимости Албании. По инициативе комитета было созвано некое подобие учредительного собрания, которое избрало регентский совет во главе с видным деятелем национального движения Мехди Фрашери, не скомпрометировавшим себя сотрудничеством с итальянцами. Премьер-министром прогерманского марионеточного правительства стал богатый косовский помещик Реджеп Митровица, опиравшийся на поддержку вооруженных отрядов Северной Албании и Косово. Антисербские и антигреческие лозунги, антикоммунистическая риторика составляли пропагандистский арсенал нового кабинета. «Мы будем бороться против коммунизма, — определил его кредо М. Фрашери, — потому что албанец никогда не примирится с "коллективной тиранией" в силу своего индивидуализма».

Репрессии против мирного населения стали обыденным явлением. Оккупанты установили режим чрезвычайного положения и пригрозили, что за каждого убитого или раненого германского военного будет повешено без суда и следствия 10 албанцев.

Правительство Митровицы объявило о создании на севере страны в районе Шкодры "добровольческих священных батальонов как орудия сопротивления коммунистам и другим врагам". Правительство брало на свое содержание руководителей батальонов, так называемых "священных офицеров", т.е. не профессиональных военных, а патриархальных вождей, родовых старейшин. На территории Косова в составе немец-

кой группы армий "F" сражалась набранная из албанцев, проживавших как на югославской, так и на албанской территории, десятитысячная дивизия СС "Скандербег". Расчет строился на том, чтобы создать на севере плацдарм борьбы против освободительного движения народов Албании и Югославии.

Оккупанты принимали меры по укреплению своих экономических позиций и просто грабили из сырьевых запасов то, что не удалось вывезти итальянцам. Они наложили руки на валютные резервы Национального банка, дополнив ими "добычу", захваченную в Риме, — находившийся там золотой запас албанского государства. Решением нового кабинета министров было создано немецко-албанское бюро (DAB — Deutsch-Albanische Warenausgleicheburo), которое регулировало германо-албанские торговые отношения. Бюро считалось межгосударственной организацией, освобождалось от уплаты налогов и пошлин, устанавливало цены на импортируемые и экспортируемые товары.

На новом этапе развития национально-освободительного движения (после Лябиноти) происходила поляризация политических сил. Соперничество НОФ и "Балы" переросло в открытую борьбу, обладающую всеми признаками начинающейся гражданской войны. НОФ превратился в хорошо организованную военно-политическую силу, которая едва ли не единственная вела вооруженную борьбу против оккупантов. Продолжали существовать независимые от него отдельные четы честных националистов, или добровольцев свободы, выступавшие против оккупантов, но они действовали в пределах "своих" территорий.

Что касается "Балы", то из аналитических записок, которые посылали в Лондон сотрудники британской миссии связи, находившиеся в Албании с мая 1943 г., вырисовывалась неутешительная картина. "Не надо думать, — писал майор Энтони Куэйл, — что это партия, организованная наподобие НОФ. Это собрание отдельных недисциплинированных личностей, которых объединяет ненависть к коммунизму, анархии и терроризму, а также страх перед тем, что может случиться в Албании после того, как партизаны распространят свои идеи на всю страну". Признавая честность, патриотизм, умеренные политические взгляды руководителей организации, он обращал внимание на то, что они сотрудничают с немцами. Некоторые же являются настоящими террористами, отвечающими террором на террор партизан.

Руководство "Балы" оправдывало отказ вести борьбу против оккупантов тем, что не хотело провоцировать оккупантов. «Партизаны — предатели, — говорилось в одной из балыстских листовок осени 1943 г. — Они хотят стереть Албанию с лица зе-

мли. Если они будут и дальше так продолжать, то немцы сотрут с земли наш народ и наши деревни. Мы, "Балы комбтар", их предупреждаем, что будем нападать на них, если они тронут немцев. Вперед, за свободную демократическую этническую Албанию! Вперед под знаменем Скандербега!»

На севере страны и в прилегающих районах Косова создавались различные объединения — "Лига гор", "2-я лига Призрена" и др., — связанные "великой клятвой верности", так называемой бесой. Нарушителем клятвы считался всякий, кто совершил враждебные действия в отношении немецких оккупантов и албанской администрации. Правительство объявило мобилизацию в горных районах около Шкодры "добровольческих священных батальонов как средства организации сопротивления коммунистам и другим врагам". Во главе их стояли субсидируемые властями "священные офицеры", т.е. патриархальные вожди, старейшины родовых кланов.

Поздней осенью вышел из Генсовета НОФ Абаз Купи. Он выразил протест в связи с тем, что в новом составе президиума генсовета фронта коммунисты получили большинство мест, и 21 ноября 1943 г. на собрании своих единомышленников-монархистов объявил о разрыве с коммунистами и об образовании партии "Легалитет" ("Легитимность"), ставившей своей целью реставрацию режима Ахмета Зогу. "Зогу был вынужден временно покинуть Албанию, но он еще сохраняет права на трон, и поэтому мы выступаем за восстановление законности", — говорилось в решении собрания. Генсовет НОФ исключил А. Купи из своих рядов на чрезвычайном заседании 7 декабря и квалифицировал его организацию как политическую группу, образованную на началах компромисса с внутренней реакцией. Всем организациям НОФ предписывалось развернуть решительную борьбу против ее вождей и лозунгов.

К началу зимы 1943/44 г. партизанская армия выбила оккупантов из многих городов и районов Центральной и Южной Албании. Вооруженные силы НОФ насчитывали в тот период около 20 тыс. бойцов. Важным событием стало освобождение некоторых районов Северной Албании и прилегающих к ним югославских территорий со смешанным албано-славянским населением. В совместных операциях укреплялось боевое взаимодействие албанских и югославских партизан. Однако тогда же стали возникать трения на национальной почве.

В Черногории в начале сентября 1943 г. 2-й ударный корпус НОАЮ под командованием легендарного генерала Пеко Дапчевича освободил часть района Васоевичи и стал развивать наступление в направлении албанской столицы. Неожиданно появившиеся отряды албанских байрактаров и части регулярной немецкой армии остановили партизан, а затем оттеснили их на

исходные позиции. ЦК КПЮ обратился в ЦК КПА со специальной просьбой послать "одну крупную единицу албанской армии на территорию Плав и Гусинье. Она могла бы быть противопоставлена албанским шовинистам, которые сейчас открыто служат немцам ... Ваше согласие будет способствовать укреплению братства между нашими и вашими вооруженными силами, что имело бы большое политическое значение для народа Косова и Метохии". Э. Ходжа ответил согласием и сообщил, что шкодринский батальон под командованием Садыка Бектеши уже направлен в Черногорию. Боевое албано-югославское сотрудничество принесло успех, и только начавшееся широкое наступление немецко-фашистских войск в направлении всего Адриатического побережья помешало его дальнейшему развитию.

Более сложное положение создалось в Македонии. Там также в начале сентября отряд Хаджи Лэши освободил город Дебар, поднял над ним албанский флаг и установил власть национально-освободительного совета. Делегат югославского верховного штаба на переговорах с албанскими и греческими партизанами С. Вукманович-Темпо, присутствовавший на конференции в Лябиноти и после ее окончания перебравшийся в Призрен, очень резко прореагировал на известие об установлении в македонском Дебаре албанской администрации. Он направил Э. Ходже два письма (13 и 23 сентября) с протестом против "великоалбанских шовинистических действий" Хаджи Лэши.

Э. Ходжа не стал отвечать Темпо, а в письме к Х. Лэши одобрил его действия и дал следующую инструкцию: "Вопрос о границах не упоминать хотя бы сейчас. Не говорить, будет ли Дибра югославской или албанской. Мы-то знаем, что македонцы там в меньшинстве, а город находился в границах старой Югославии". Но, развивал дальше свою мысль Ходжа, в этом районе господствуют албанские реакционеры. Если же албанские партизаны покинут город, то македонцы не смогут удержать его в своих руках. Главное — освобождение, а вопрос о государственной принадлежности этих территорий будет решен особо. 5 октября 1943 г. Ходжа в письме своему ближайшему соратнику Рамадану Читаку называет позицию Темпо немарксистской и сообщает, что собирается обо всем этом поставить в известность самого Тито.

Сложилась весьма деликатная ситуация. Югославы признавали, как писал об этом Темпо в письме к Тито, что освободительное движение в албанских районах Югославии могло значительно выиграть, если бы им руководили НОФ и КПА, "но в этом случае мы повредили бы себе в глазах сербского народа". Из аналогичной предпосылки, но с противоположным этниче-

ским подтекстом, исходил и Ходжа, напоминая 29 октября в письме к Темпо, что "национально-освободительное движение в Македонии под руководством югославского штаба находится в эмбриональном состоянии". Что касается того, резюмировал Ходжа, почему после капитуляции Италии "мы не установили в городе (Дебаре. — *Н.С.*) македонскую власть, могу ответить: если бы мы так поступили, наш народ нас бы не понял, так как он и без этого считает нас продавшимися славянам".

Первый открытый албано-югославский конфликт на национальной почве остался неразрешенным. Уже упоминавшееся выше зимнее наступление немецко-фашистских войск, в результате которого были существенно сужены освобожденные партизанами территории Югославии и Албании, сделало спор беспредметным.

Наступление гитлеровской армии началось в ноябре 1943 г. в Южной и Центральной Албании и развернулось по нескольким направлениям. Командование вермахта ставило своей задачей обеспечение широкого коридора для прохода своих войск из Греции в Центральную Европу через Албанию и Югославию при одновременной ликвидации движения Сопротивления в этих странах. И частично эти цели были достигнуты. В результате блокады генштаба НОА в горном районе Черменики (на северо-востоке от Эльбасана, оказались надолго прерванными его связи с региональными партизанскими силами. В результате нелётной погоды, стоявшей весь ноябрь, прекратились союзные поставки вооружения и боеприпасов.

Вместе с немцами в боевых действиях против партизан участвовали балысты. С этой позорной для "Балы" страницы в истории этой организации связана трагедия британской миссии связи в Албании. Глава миссии при генштабе НОА генерал Э. Девис, ставший за три месяца пребывания у партизан убежденным сторонником опоры на НОФ как на единственную реальную военную силу, попал в январе 1944 г. раненым в плен к немцам. Возможно, этого бы не случилось, если бы не предательство балыстов, обнаруживших его и выдавших врагу. Ближайший сотрудник Дэвиса подполковник А. Николс, также получивший ранение, смог избежать участи шефа. Вместе с майором А. Хэйром он стал пробираться к Тиране, надеясь найти врачебную помощь у связанных с англичанами националистов. Жители отказывались предоставлять им убежище из страха перед немцами и балыстами. В результате Николса все же смогли укрыть в доме Абаза Купи и пригласить к нему одного из лучших албанских хирургов. Но было поздно: он скончался от гангрены.

В начале января 1944 г. немецкие оккупанты предприняли новое общее наступление против партизанских сил на юге и в

центре страны. На сравнительно небольшой территории между Корчей и Бератом развернулись напряженные бои. Несмотря на получение подкреплений из Греции, немцам не удалось занять Пермет — важный стратегический пункт в системе обороны освобожденных зон. Полицейские отряды марионеточного правительства подкрепляли наступательные операции оккупантов террором против мирного населения. Кровавая трагедия разыгралась 4 февраля в Тиране. Накануне этого дня газета "Башмиким и комбит" ("Единение нации"), орган марионеточного правительства, вышла с передовой статьей, начинавшейся словами: "Кровь жаждет крови! Кровопускание является радикальным средством для борьбы с заразой. Кровь должна литься рекой по улицам Тираны, если мы хотим восстановить порядок, если мы хотим видеть народ спокойно занимающимся своими ежедневными делами. Проблема проста, способ действия тот же, традиционный: для восстановления абсолютного порядка абсолютно необходим террор". В ночь на 4 февраля началась "операция устрашения". Более 300 человек были арестованы по заранее составленным спискам. Под предлогом поисков партизан жандармы врывались в дома, выволакивали людей наружу и зверски избивали. Более 80 трупов мирных граждан остались лежать на улицах Тираны.

Но ни террор, ни попытки открыть новую серию наступательных операций против освободительной армии не достигли цели. Постепенно инициативой овладевали бригады НОА. Шаг за шагом, город за городом отвоевывали они у оккупантов захваченные в годы зимних операций территории. Наиболее восторженными откликами отмечались дела 1-й дивизии, руководимой Мехметом Шеху. В частности, операция по прорыву блокады и вызволению из окружения генштаба во главе с Э. Ходжей, блокированного немцами в декабре 1943 — начале марта 1944 г. в горном районе Черменика к востоку от Тираны, вошла в "золотой фонд" воинских подвигов. М. Шеху уже в 1945 г. написал документально-художественную повесть о героическом марше 1-й партизанской бригады. Однако в начале 80-х годов после его самоубийства и разоблачения как "полиагента" нескольких разведок Э. Ходжа развенчал миф о героическом подвиге своего недавнего ближайшего соратника, заявив, что сам генштаб прорвал блокаду, а М. Шеху там и близко не находился.

Несмотря на вынужденный откат в горы, самороспуск едва сформировавшихся воинских частей НОА, партизанам удалось не только сохранить основной боевой потенциал, но и быстро восстановить его. Этому способствовала хорошо организованная (насколько это было возможно в тех сложных условиях) система военно-политической подготовки партизан, организо-

ванная югославскими советниками. В частности, наибольшую известность получили своеобразные курсы повышения квалификации, организованные компартией в марте 1944 г. в местечке Панарит недалеко от Корчи для командиров и комиссаров НОА. Наряду с усвоением основ военного дела вырабатывалась идеология движения. М. Попович высказал мысль, которая впоследствии получила статус партийной директивы, о необходимости дать народу вождя, вокруг имени которого можно было бы мобилизовать массы, взяв в качестве примера то, как в соседней Югославии создавался героический образ Тито. В Албании на эту роль он предложил Энвера Ходжу, чем сразу же вызвал возражения со стороны некоторых влиятельных деятелей компартии. Они говорили, что авторитет Тито вырос на основе его известности как военного руководителя, а Энвера в армии не знают. Компромисс нашли: надо "сделать" его "комманданти" (командующим), а затем уже создавать из него всенародного лидера. Забегая вперед надо сказать, что впоследствии и критики идеи (Тук Якова, Нако Спиру, Сейфула Малешова), и сторонники (Лири Гега) были Ходжей устранены.

Как бы тяжело ни складывалась обстановка для партизан, весна 1944 г. принесла первые успехи и возродила надежды на освобождение. Победа советских войск под Ленинградом и Новгородом, на Буге и Днестре, выход на границу с Румынией и Чехословакией заставили германское командование приступить к выводу части войск с запада Балканского полуострова и переброске их на Восточный фронт. Албанская Национально-освободительная армия восстанавливала власть Советов, расширяла свободные зоны в Южной и в значительной части Центральной Албании.

Освобождение и вопрос о власти

К весне 1944 г. в Албании действовали четыре окружных Национально-освободительных совета, осуществлявших административные функции в освобожденных городах и деревнях префектур Гирокастры, Влёры, Берата и Корчи. Они заменили старый административный аппарат префектур, супрефектур, деревенских коммун. Им подчинялись отряды охраны порядка — партизанская стража и областные гарнизоны, формировавшиеся с августа 1943 г. по решению генштаба НОА. Таким образом, в руках Советов концентрировалась вся гражданская и военная власть.

Вместе с тем на деятельности Советов отрицательно сказывались такие факторы, как отсутствие управленческих навыков принимать решения в интересах всех слоев населения. По-

этому все чаще стали встречаться коллизии, когда при возникновении проблем во взаимоотношениях между коммунистами и некоммунистами, партизанами и гражданским населением приоритетными оказывались интересы коммунистов и партизан. Это грозило нарушением социальной справедливости, ибо все чаще коммунисты стали придерживаться принципа "кто не с нами, тот против нас". Так, в деревне Божиград (округ Корча) местный Совет произвел конфискацию скота у жителей, не поддерживавших НОФ, рискуя тем самым увеличить число недовольных. Генштабу НОА удалось исправить чреватую конфликтом ситуацию, отдав распоряжение вернуть скот. "Такие акты недопустимы, — говорилось в письме генштаба властям округа. — Скот подлежит конфискации только у врагов народа, но нельзя же забирать его у всей деревни только за то, что деревня не с нами. Это вы должны отвечать за то, что деревня не с нами, поскольку именно вы не провели соответствующую политическую работу".

Национально-освободительные советы обладали широкими правами в хозяйственно-экономической сфере деятельности в свободных зонах. Под их контроль переходило имущество итальянских акционерных обществ. Они получили право распоряжаться секвестрированной собственностью итальянских граждан, у которых изымалось все, за исключением того минимума средств, который был необходим для обеспечения жизненных потребностей семьи. В функции Советов входило снабжение частей Национально-освободительной армии и населения свободных зон продовольствием и промышленными товарами. Они оказывали помощь жертвам фашистского террора и их семьям, помогали крестьянам создавать группы по коллективной обработке земли, устанавливали твердые цены на дефицитные товары в целях пресечения спекуляции. Президиум Генсовета НОФ предоставил низовым организациям право перераспределения хлеба и продовольствия, а также отбирал излишки земли у одних крестьян и передавал другим, чтобы обеспечить обработку возможно бóльших площадей. Эта временная мера имела определенное значение в весенний период, когда закладывались основы будущего урожая.

По мере расширения влияния НОФ вставал вопрос о создании единого центра власти, как это происходило в соседних странах. К весне 1944 г. укрепились позиции Национального комитета освобождения Югославии как высшего исполнительного и административного органа народной власти. В марте того же года представители всех партий Национально-освободительного фронта Греции образовали Политический комитет национального освобождения, который сделал важный шаг на пути формирования коалиционного правительства. Правда, в

силу целого ряда обстоятельств по так называемому Ливанскому соглашению (май 1944 г.) в составе кабинета министров большинство мест получили не участники внутреннего сопротивления, а представители партий, находившихся в эмиграции. Во многом именно такому исходу борьбы за власть способствовала политика правительства Великобритании. Аналогичные попытки предпринимались и в Албании.

Усилия английских служб на Балканах исходили из необходимости: а) поддерживать ориентированные на Запад эмигрантские и внутренние круги; б) обеспечивать условия для высадки союзных (или только британских) войск.

С 1943 г. в Лондоне началась разработка планов создания албанского эмигрантского правительства. Речь шла и о реставрации монархии, и о создании республики. Однако все эти планы разбивались о невозможность найти лидера. Зогу был неприемлемой кандидатурой для большинства, а поиски другой "сильной личности" не увенчались успехом. С соответствующими предложениями обращались даже к Фану Ноли. Он в какой-то момент заявил о готовности поддержать своего заклятого врага — Зогу, если того примет народ. Но вскоре отказался от этой идеи, выступив с радиообращением к албанцам, сражающимся за независимость своей страны. Ф. Ноли считал, что только они способны построить свободную Албанию. Однако проблема состояла в том, что антифашистское движение еще не охватило всю страну. К тому же, по наблюдениям сотрудников британской миссии связи, албанцы оказались вовлеченными в гражданскую войну: коммунисты охотнее боролись против балыстов, чем против немцев, а балысты в союзе с немцами столь же рьяно пытались уничтожить коммунистов.

Генерал Дэвис в декабре 1943 г., незадолго до пленения, отправил в Лондон свои соображения о необходимости опоры исключительно на НОФ. Его предложение не встретило поддержки, а личное присутствие в конце этого года в Каире первого (до Дэвиса) главы британской миссии связи подполковника Б. Маклина, одного из самых информированных разведчиков, контактировавшего как с коммунистами, так и с националистами, позволило Интеллидженс сервис разработать план создания коалиционного (коммунистическо-националистического) правительства Албании. Для этого надо было договориться о сотрудничестве Абаза Купи и глав северных кланов с коммунистами. Единственное "но" состояло в том, что Купи отказался воевать против оккупантов, а северные вожди с ними сотрудничали напрямую. Маклин считал, что северных албанцев можно направить против немцев только в том случае, если Тито заявит о согласии вернуть Косово Албании после плебисцита. Он разговаривал в Каире с югославским представителем при ко-

мандовании союзных войск в Средиземноморье полковником В. Велебитом, и тот заявил, что такая декларация якобы уже готова. Осуществление плана откладывалось до весны. В апреле 1944 г. Маклин вернулся в Албанию и обосновался при А. Купи, надеясь убедить его сделать хотя бы один выстрел по оккупантам.

Пока аналитики западных спецслужб составляли прогнозы вероятного развития общественно-политических процессов на Балканах, в Албании произошло событие, определившее судьбу страны на вторую половину XX в. 24 мая 1944 г. в освобожденном городе Пермети собрался 1-й Антифашистский национально-освободительный конгресс, сформировавший центральный представительный орган с функциями временного правительства. Делегаты на конгресс избирались на народных собраниях открытым голосованием, т.е. по сути дела выдвигались в освобожденных районах публично, в оккупированных — в условиях подполья. Несмотря на все процедурные изъяны, продиктованные условиями военного времени, это был первый действительно представительный форум, собравший около 200 человек.

В обширном докладе, представленном Э. Ходжей от имени генсовета и генштаба и озаглавленном "О развитии национально-освободительной борьбы албанского народа в связи с международными событиями", содержались характеристики ряда моментов внутреннего порядка. В частности, в нем подчеркивалась отличительная особенность албанского освободительного движения в годы второй мировой войны от прежних восстаний: его возглавила КПА, сумевшая стать выразителем общенародных чаяний, а Национально-освободительные советы превратились в зародыши народной власти. Что касается социальных задач движения, то они формулировались в общей форме как "завоевание подлинной свободы и демократии для всех общественных слоев".

Конгресс принял решение об избрании Антифашистского национально-освободительного совета (АНОС) как верховного законодательного и исполнительного органа, представляющего суверенную власть албанского народа и государства, функции которого в перерывах между сессиями осуществлялись президиумом. Председателем совета стал Омер Нишани, заместителями — бекташ Баба Файя Мартанеши, коммунист Кочи Дзодзе, беспартийный Хасан Пуло, секретарями — коммунисты Кочи Ташко и Сами Бахолы. Подавляющее число членов ($^2/_3$) составляли также коммунисты. Совету предоставлялось полномочное право образовать Антифашистский национально-освободительный комитет (АНОК). Последний обладал всеми атрибутами временного правительства: председатель Э. Ходжа, за-

меститель Мюслим Пеза, члены, т.е. министры, Хаджи Лэши (внутренние дела), Омер Нишани (иностранные дела), Маноль Кономи (юстиция), Медар Штюла (экономика), Рамадан Читаку (финансы), Спиро Колека (общественные работы), Юмер Дишница (здравоохранение), Сейфула Малешова (просвещение), Бедри Спахиу (восстановительные работы). Все министры являлись коммунистами или сочувствовали им.

Конгресс постановил "не признавать никакого другого правительства, которое может быть сформировано внутри Албании или за ее пределами против свободно выраженной воли албанского народа, представляемой только Антифашистским национально-освободительным советом". В принятой конгрессом декларации провозглашалась следующая цель: "Построить новую народно-демократическую Албанию согласно воле народа, которую он сегодня торжественно выразил созданием Антифашистского национально-освободительного совета (АНОС), являющегося подлинно народной властью, вышедшей из национально-освободительной борьбы албанского народа". Монархический строй не ликвидировался, но и в самой декларации, и в специальном постановлении бывшему королю Зогу категорически запрещался въезд в страну, хотя и признавалось, что "вопрос о нем и о форме правления будет решен народом после освобождения".

В общеполитическом разделе декларации содержалось опрометчивое утверждение, исключенное из всех публикаций документов, — о балканской конфедерации. Призывая к боевому сотрудничеству со всеми народами Балкан, документ утверждал: "Создаются условия для создания балканской конфедерации, в которой все народы получат равные права, где всем им будут предоставлены возможности для развития и прогресса во всех областях деятельности". Аналогичный прогноз содержался и в заключительном слове, произнесенном Э. Ходжей в конце заседания, также впоследствии никогда не публиковавшемся.

Собравшийся на свое первое заседание АНОС принял постановления о пересмотре, аннулировании и замене новыми всех экономических и политических договоров, подписанных правительством Зогу с иностранными государствами в ущерб интересам албанского народа. Совет постановил также не признавать никаких соглашений и международных договоров, которые могли быть заключены впредь вне и внутри Албании реакционными кликами — как политическими группами, так и правительствами.

Одно из решений Совета касалось введения воинских званий в НОА. Э. Ходже присваивалось звание генерал-полковника, и он назначался главнокомандующим армии. Вторым гене-

ралом стал начальник генштаба Спиру Моисиу, бывший майор королевской армии, получивший теперь звание партизанского генерал-майора. Звание полковника было присвоено М. Пезе, тогдашнему командующему 1-й дивизией Д. Ндреу и его заместителю М. Шеху. На конгрессе в Пермити пробил звездный час для Э. Ходжи: *он впервые официально сконцентрировал* в своих руках партийную, политическую и военную власть.

В развитие решений конгресса АНОК выразил желание видеть в Албании военные миссии Советского Союза и США, аккредитованные при генштабе НОА. Это касалось прежде всего присылки советской миссии. Британские офицеры уже давно и в относительно большом количестве находились в Албании на правах кураторов "своей" заповедной балканской зоны, деля симпатии и антипатии между всеми албанскими политическими и военными группировками. Накануне открытия конгресса в распоряжение партизанских войск прибыл американский капитан Том Стефани с двумя другими сотрудниками из ведомства генерала Доновена. Выходец из семьи албанских иммигрантов, он знал язык, свободно ориентировался в обстановке и присутствовал на конгрессе в качестве стороннего наблюдателя. Как видим, формально из Большой тройки отсутствовали только советские представители, но их появлению в Албании всячески препятствовали англичане.

В Англии надеялись на возможность повторения в Албании греческого опыта ограничения влияния коммунистов во временных органах власти. Но для этого надо было создать хотя бы видимость готовности националистов бороться против немцев, что позволило бы им претендовать на участие в правительстве. О степени заинтересованности британского руководства в албанских делах свидетельствовало выступление тогдашнего заместителя премьер-министра К. Эттли в парламенте 23 мая 1944 г. с кратким анализом ситуации в Албании. Он высказал уверенность, что объединение НОФ, "Легалитет" и "Балы комбтар" возможно. Но все попытки Маклина уговорить А. Купи вернуться к сотрудничеству с НОФ окончились неудачей. Руководитель монархической организации требовал от английского правительства официального признания Зогу, принятия Албании в ООН, обеспечения самоопределения для Косово и т.п. На самом же деле, как писал в одном из своих отчетов в центр майор Дж. Сеймур, все эти условия служили отговорками, чтобы оправдать бездействие Купи, истинной целью которого являлось сохранение сил, "достаточных для совершения государственного переворота после ухода немцев".

Вероятно, Маклин также понимал это, считая тем не менее необходимым, чтобы националисты хотя бы символически выразили готовность к борьбе. Поэтому он собирал северных во-

ждей, побуждая их выступить против немцев, дни которых были сочтены. Нужно это, чтобы остановить коммунистов, убеждался он. Но и эти усилия оказались напрасными.

Когда стало ясно, что поддержка реакционных вождей может лишь подорвать престиж Великобритании, было принято решение сделать ставку на завоевание авторитета среди руководства НОФ. Официальной политикой Лондона стала ориентация на НОФ как на единственную реальную военную силу, но с намерением не признавать никакого созданного на его основе правительства. Первым шагом стал отзыв военной миссии, находившейся при штабе А. Купи. Когда же немецкие войска начали серию наступательных операций против партизан летом 1944 г. (первой целью стал Пермети), то части НОА получили поддержку с воздуха от базировавшейся около Бари эскадрильи "Спитфайеров". Там же в Бари проходили переговоры между делегацией генштаба НОА и Верховным командованием союзников в бассейне Средиземного моря о помощи вооружением и снаряжением.

В Англии весьма болезненно воспринимали любой намек на возможность ущемления британских позиций на Балканах. Поэтому когда в августе 1944 г. в Албанию прибыла советская военная миссия связи во главе с майором К.П. Ивановым, в Форин оффис началась легкая паника. А. Иден писал тогда У. Черчиллю, что "отправка этой миссии в Албанию ... свидетельствует о попытках русских сделать Балканы коммунистическими у нас под носом". Он сообщил премьеру, что советский посол в Лондоне И.М. Майский не смог ничего сказать по этому поводу и было бы целесообразным, чтобы британский посол в Москве А. Кларк Керр "поставил вопрос лично перед Молотовым и потребовал бы у него объяснений по поводу отправки советской миссии в Албанию". Посол не добился разъяснений у Молотова, и Черчилль посоветовал Идену не драматизировать ситуацию. Британским политикам представлялось, что тогда в Албании еще существовала объективная возможность создания временного переходного правительства на коалиционной основе подобно тому, как это произошло в Греции. Тем более что и Э. Ходжа, и другие представители НОФ официально подчеркивали общедемократический, надпартийный характер формирующихся органов власти.

В сентябре 1944 г. начался отвод немецких войск из южной Греции. Их основной путь пролегал через Албанию. Командование британских войск через свою миссию в Албании потребовало у генштаба НОА разрешения высадить десант на побережье Ионического моря в районе Саранды, чтобы принять участие в освобождении города и таким образом создать видимость совместной борьбы против оккупантов. Генштаб согла-

сился, но поставил в качестве условия отвод войск сразу же после завершения операции, что и было выполнено. Англичанам не удалось легализовать свое присутствие в Албании, что позволило бы с большим основанием давать "дружеские" советы о расширении состава правительства. Они тем не менее не отказались от попыток достичь этого старыми методами, сблизив позиции находившихся вне НОФ националистов и коммунистов.

К осени 1944 г. в Албании действовали 24 бригады НОА, которые наносили ощутимые удары по отступающим немецким войскам и открыто вставшим под их командование отрядам националистов. Серьезную проблему для судьбы освободительного движения в масштабах всей страны представляло положение в горных районах севера. Там еще со времен турецкого господства имелись анклавы, отрицавшие любую центральную власть, если она не обеспечивала им определенный уровень автономии. Характерным в этом отношении можно считать пример католической области Мирдиты.

В отсталой в экономическом отношении Мирдите фактически продолжало бытовать внутреннее деление на 12 байраков, как и во времена турецкого господства. Байрактары использовали нормы обычного права ("законы гор") для поддержания патриархальных порядков и формирования вооруженных отрядов, в которых состояло все мужское население. Прежние режимы прикармливали родовую верхушку, предоставляя ей ряд привилегий и субсидируя материально в качестве платы за лояльность к центральной власти. Враждебно настроенная к партизанскому движению на юге и в центре страны католическая церковь поддерживала идеи самобытности Мирдиты, в пределы которой до того времени не удавалось войти ни одной армии. "Только войско господне, только ангелы небесные могут проникнуть за те заколдованные скалы, где дьявол нашел себе убежище", — проповедовали приверженцы мирдитской исключительности. Тем не менее изоляция области от остального албанского мира оказалась прорванной в результате наступления частей НОА при поддержке местного населения в конце августа 1944 г. После упорных боев Мирдита признала власть Национально-освободительных советов.

С Мирдиты началось освобождение Северной и Северо-Восточной Албании. Но если в префектуре Шкодры и в прилегающих к ней районах борьба шла против вооруженных отрядов региональных вождей, создавших нечто вроде правительства (октябрь 1944 г., "Лига Шкодры") в противовес сформированному в Пермети АНОС, то на северо-востоке речь шла о крупномасштабных операциях против частей регулярной германской армии и находившейся в ее подчинении косовской (албан-

ской) дивизии "СС – Скандербег" в сопредельных районах Албании и Югославии (Косово и Македония).

Сложность и деликатность ситуации, в которой оказались албанские и югославские партизаны в октябре 1944 г., объяснялась тем, что события развивались на югославской территории в населенных албанцами районах, из-за которых уже возникали конфликты между коммунистическими лидерами Албании и Югославии. *Об одном (в связи с освобождением Дебара отрядом Хаджи Лэши в 1943 г.)* уже упоминалось выше. Другой был спровоцирован конференцией в деревне Буяна 31 декабря 1943 – 2 января 1944 г., принявшей решение о воссоединении Косово и Плато-Дукагьина с Албанией на основании принципов Атлантической хартии. Резолюция конференции подверглась решительному осуждению со стороны руководства КПЮ, которое поставило на первый план задачу освобождения и обязалось вернуться к обсуждению территориальных вопросов после изгнания оккупантов. Однако полностью отказаться от привлечения частей НОА к борьбе против албанских же коллаборационистов командование НОАЮ не могло, опасаясь перехода конфликта в затяжной и чисто национальный (славяне против албанцев). С такой постановкой вопроса вторично согласился ЦК КПА. Поэтому необходимость участия албанцев в освобождении Косово обосновывалась с достаточным тактом.

Начальник штаба 1-го ударного корпуса НОА Дали Ндреу и политкомиссар Хюсни Капо обратились в октябре 1944 г. с прокламацией "К народу Косово" от имени НОФ. "Большая часть народа Косово, гнусно обманутая пропагандой немецких захватчиков, – писали они, – поставила себя на службу германской армии, вступила в ряды предателей и боролась с оружием в руках против национально-освободительных югославской и албанской армий. Косовские банды обрушились на албанское население Южной Албании, безжалостно жгли, грабили, убивали, насильничали. И сегодня, когда всем стало ясно, что Германия стоит на пороге капитуляции, а национально-освободительные войска Тито и Энвера выступают за свободу народов, значительная часть косоваров продолжает бороться в рядах немцев и предателей против этих войск". Они призывали всех националистов присоединиться к НОФ, пока не поздно, и выражали надежду, что даже байрактар Гани Крюэзиу поймет необходимость этого. Неизвестно, чем было вызвано персональное обращение к последнему. Дело в том, что он находился в близких родственных отношениях с Дали Ндреу, который еще 12 сентября 1944 г. получил конфиденциальный приказ от Э. Ходжи выступить в Косово и ликвидировать Гани.

3-я и 5-я бригады НОА вместе с косовско-метохийской бригадой НОАЮ приняли активное участие в освобождении

Юника, Дечане, Призрена и Печа с 26 октября по 17 ноября 1944 г. В Македонии они взаимодействовали с 5-й болгарской дивизией.

Окончательное освобождение Албании приближалось, а вместе с этим вставал вопрос о придании законности той форме власти, которая де-факто утвердилась на конгрессе в Перми. 19 сентября 1944 г. на заседании президиума Генсовета НОФ Э. Ходжа выдвинул предложение о преобразовании АНОС во Временное правительство. Однако большинством голосов оно было отклонено как преждевременное на том основании, что еще невозможен созыв Учредительного собрания. Через месяц ситуация изменилась. Скорое освобождение всей страны стало настолько реальным, что назрела неотложная необходимость пренебречь излишними формальностями.

20 октября на 2-м собрании Антифашистского национально-освободительного совета произошло преобразование Антифашистского национально-освободительного комитета во Временное демократическое правительство. В нем заняли посты все те, кто вошел в комитет в мае 1944 г. Э. Ходжа, занимавший пост премьер-министра и министра национальной обороны, обосновал своевременность создания Временного правительства необходимостью усиления позиций Албании на международной арене.

Более четко была определена структура органов власти и утверждено административное деление страны. В специальном законе подтверждались ранее принятые решения о Советах как единственных органах власти: "Вся власть в Албании представлена Национально-освободительными советами деревень, городов, супрефектур и Антифашистским национально-освободительным советом Албании. Основой народной власти в Албании являются Национально-освободительные советы, которые зародились в огне национально-освободительной борьбы и развились в силу исторической необходимости и согласно воле самого народа в органы народно-демократической власти".

Собрание приняло закон о выборах в Национально-освободительные советы. Возрастной ценз устанавливался в 18 лет, причем участники национально-освободительной борьбы имели право выбирать и быть избранными и до наступления этого возраста. На время войны предусматривалось открытое голосование. Составленная в общедемократическом духе Декларация прав гражданина провозглашала и гарантировала равенство всех перед законом, свободу совести и вероисповедания, свободу собраний, слова, печати, уравнение в правах женщин как в политической, так и в экономической областях, "частную собственность и личную безопасность, а также свободу частной инициативы в экономической жизни" и пр.

Временное правительство обнародовало свою программу, ближайшей задачей которой ставилось полное освобождение страны. После окончания войны избранное всеобщим тайным голосованием Учредительное собрание должно будет "определить форму государственного устройства и выработать конституцию албанского государства". В программу закладывалось положение об обязательном пересмотре всех политических, военных и экономических соглашений, заключенных во время зогистского режима и аннулирование тех, которые "наносили ущерб албанскому народу и государству". Подтверждая приверженность демократическим ценностям, правительство обращалось к великим державам с просьбой признать Временное демократическое правительство.

Развитие и совершенствование властных структур получило также отражение в решении о том, что Национально-освободительные советы впредь должны были выполнять только функции органов власти. Они вышли из подчинения Национально-освободительному фронту, который стал общественно-политической организацией. Низовыми ячейками фронта являлись вновь образованные Советы фронта. Им вменялось в обязанность разъяснять постановления властей всех уровней, организовывать народ на окончательное освобождение Албании от ига оккупантов, а после окончания войны бороться за строительство демократического албанского государства.

По всей вероятности, в тот период решение о создании фронта как политической организации явилось некритическим копированием югославской модели. Создавалась громоздкая система из двух неравноценных по значению пирамид: Национально-освободительные советы как органы власти и Советы фронта с весьма расплывчатыми общественными функциями. Если же сравнить персональный состав обоих советов, то обнаруживаются одни и те же люди. Коммунисты и некоммунисты — вот единственное, причем не всегда существенное, различие, которое принималось во внимание при замещении руководящих постов. Можно привести несколько примеров. Считалось, что председателем президиума Антифашистского национально-освободительного совета должен быть некоммунист. По традиции избрали на эту должность беспартийного Омера Нишани. Он же (не могли подобрать другой подходящей кандидатуры из числа некоммунистов) стал председателем Генсовета фронта. Одним из трех заместителей Нишани по президиуму Совета был Кочи Дзодзе, являвшийся его заместителем также и по Генсовету фронта.

Формально фронт был создан на конференции представителей компартии, Союза антифашистской молодежи, Союза

женщин, делегатов рабочих профсоюзов и беспартийных патриотов. Это с формальной точки зрения. А фактически и здесь деление шло на коммунистов и некоммунистов. Так, от имени Союза антифашистской молодежи протокол о создании фронта подписали член политбюро ЦК КПА Нако Спиру и жена Энвера Ходжи коммунистка Неджмие Джулини, которая также выступала от Союза женщин. Джоджи Блюши и Ламби Макина считались представителями синдикатов, хотя тогда в Албании профсоюзов еще не существовало. Они появились почти через год, в 1945 г. Список беспартийных возглавляли О. Нишани и М. Пеза. Таким образом, широкая представительность фронта носила чисто внешний характер. Фронт не стал коалицией партий. В него входили КПА и руководимые ею организации.

Это была усложненная система, призванная обеспечить руководящую роль КПА в новом обществе, что с большей эффективностью (применительно к албанским условиям) достигалось самой структурой народной власти. Фронт стал формой существования коммунистической партии, единственной правящей партии страны, которая тем не менее официально не признавалась в качестве легальной организации, следуя югославскому примеру. Партийная газета "Зери и популит" перестала выходить, уступив место органу фронта газете "Башкими".

Временное правительство, выполняя собственные решения, попыталось уже на этой стадии получить признание от союзных держав, обратившись 23 октября 1944 г. с соответствующим посланием к правительствам СССР, США и Великобритании. Английское правительство 3 ноября направило свои соображения по этому вопросу союзникам по антифашистской коалиции, предложив воздержаться от официального признания до тех пор, пока в Албании будет сохраняться неясная ситуация. Госдепартамент одобрил это предложение. Выполняя союзнические обязательства о согласовании позиций по вопросам, связанным с признанием вновь создаваемых правительств, присоединился к мнению своих партнеров по коалиции и Советский Союз.

Немногим больше, чем через месяц после образования Временного демократического правительства его власть утвердилась по всей стране. 17 ноября 1944 г. была освобождена Тирана. 29 ноября войска немецко-фашистских оккупантов и их албанские приспешники покинули Шкодру — последний опорный пункт немецко-фашистских войск в Северной Албании. Несколько бригад Национально-освободительной армии совместно с частями НОАЮ приняли участие в освобождении Черногории. 28 тыс. человек — таков счет потерь маленькой Албании в войне против итальянских и германских агрессоров.

* * *

Национально-освободительная эпопея албанского народа завершилась за пять месяцев до официального окончания войны в Европе. Это стало возможным благодаря разгрому фашистских войск на Советско-германском фронте. Решающая роль Советского Союза в великой антифашистской битве народов неоспорима. И несмотря на то что албанцы гордятся тем, что они добились освобождения своими силами, признание вклада советских войск в их победу всегда находило отзвук и на партийно-правительственном уровне и в сердцах простых людей. Как бы напыщенно ни звучали эти слова в конце XX в., когда многие привычные понятия оказались переоцененными и обесцененными, суть именно такого понимания событий оставалась неизменной. Тогда же, в октябре 1944 г., в обращении бератского форума к советскому руководству говорилось следующее: "Красную армию мы считаем главной силой, которая разгромила заклятого врага человечества. Более того, для нас она является символом антифашистской борьбы за свободу, величайшей гарантией наших прав. За это мы признательны Советскому Союзу, и наш народ никогда не забудет большую помощь и героическую борьбу Красной армии, которая спасла нас от катастрофы".

Высокую оценку получила также помощь югославов как в партийном строительстве, так и в организации национально-освободительного движения. В одном из приветственных писем генштаба НОА к Тито на заключительном этапе войны говорилось: "Ваша борьба послужила маяком для всех порабощенных народов Европы и оказала огромную помощь народам порабощенных Балкан. Мы никогда не оставались без вашей поддержки, о которой наш народ знает и за которую благодарен. Братство по оружию наших народов скреплено совместной борьбой, и пролитая кровь сцементировала эту дружбу, которую ничто не может разрушить". Авторитет ЦК КПА во главе с Э. Ходжей создавался в известной степени искусственно, путем планомерного внушения "массам" идеологии вождизма, что впоследствии получило название "культа личности". Но, по всей вероятности, только такой путь и оказался наиболее приемлемым в стране, где с момента провозглашения ее независимости в 1912 г. только каких-нибудь 10 — 15 лет можно назвать мирными — гражданское общество просто не успело сложиться.

В официальной албанской историографии социалистического периода вся история страны рассматривалась через призму деятельности компартии, во главе которой стоял с первых дней ее основания общенациональный кумир Энвер Ход-

жа. Периодические жестокие чистки в партии и в обществе заставили замолчать тех, кто знал правду или подозревал партийных пропагандистов во лжи и в создании мифов. Так формировалось представление о каком-то интуитивно правильном восприятии коммунистических идей именно албанскими коммунистами и только ими. Долгое время оставалось загадкой, как это стало возможным в отсталой аграрной стране, где не было ни пролетариата, ни политических партий. Сам Э. Ходжа так обрисовал начальный период деятельности партии в отчетном докладе на IV съезде АПТ в феврале 1961 г.: "Ребенок, едва появившись на свет в Тиране 8 ноября 1941 г., и дня не жил без дела, но поднял свою железную руку и стал беспощадно разить фашистов и предателей".

Только после падения коммунистического режима в Албании в 1991 г., когда заговорили документы и немногочисленные из оставшихся в живых свидетели тех событий, стало возможным постепенное восстановление истины. Она же оказалась весьма неприглядной. Речь идет о публикации материалов 2-го пленума ЦК КПА (Берат, 23 – 27 ноября 1944 г.) и сопутствовавших ему документов, позволивших по-новому взглянуть на историю национально-освободительной борьбы албанского народа в годы второй мировой войны и, в особенности, на роль компартии, на деятельность ее руководства. В Албании материалы пленума стали достоянием гласности только в 1995 г. До этого они публиковались в выдержках в югославской научной и публицистической печати. Главное внимание в них уделялось критике Э. Ходжи, которого называли "носителем всех ошибок".

В послевоенной албанской историографии бератский пленум относился к числу "черных страниц" истории партии и народа, характеризовался как свидетельство враждебного и пагубного вмешательства КПЮ во внутренние дела АПТ. Но в то время, когда это событие происходило, оно называлось участниками пленума "важным поворотным моментом" в истории КПА, а нового инструктора ЦК КПЮ при ЦК КПА Велимира Стойнича, сменившего на этом посту Миладина Поповича[8*], Э. Ходжа и другие благодарили за помощь. Стойнич принимал самое непосредственное участие в подготовке пленума, присутствовал на нем и выступал с довольно резкой критикой, которую был вынужден признать справедливой даже Э. Ходжа.

[8*] М. Попович был отозван в Югославию в сентябре 1944 г. В марте 1945 г. он был убит в Приштине (Косово). По официальным сообщениям того времени, убийство совершил албанский националист. При аресте он якобы сказал: "Я сделал это потому, что он хотел отдать Косово сербам". Албанская версия обвиняет в этом секретную югославскую службу А. Ранковича.

На пленуме выступили с докладами Сейфула Малешова (о международном и внутреннем положении), Энвер Ходжа (о политической линии) и Кочи Дзодзе (об организационных вопросах работы партии). Доклад Малешовы не сохранился. Что касается двух других, то они даются по двум протокольным записям. Доклад Ходжи содержит перечень ошибок партии по всем проблемам, которые возникали в связи с проведением конференций в Пезе и в Лябиноти, на встрече с представителями "Балы комбтар" в Мукье. Он признавал неверной политику в отношении националистов, британских союзников и греческого меньшинства, что в ряде случаев наносило прямой ущерб интересам развития национально-освободительной борьбы. Элементарное неумение работать влекло за собой слепое следование указаниям авторитетов, т.е. М. Поповича, Д. Мугоши, Б. Йовановича и др. Так, Э. Ходжа косвенно критиковал югославских советников, возлагая на них часть ответственности за свои ошибки.

Доклад К. Дзодзе был выдержан в классическом стиле партийных отчетов. Сначала — недостатки работы по партийному строительству и кадровой политике. Критиковались пережитки сектантства, отсутствие критики и самокритики и т.п. Затем шло развернутое изложение целей и конкретных задач, подчеркивалось тесное взаимодействие Югославии и Албании, которые под руководством коммунистических партий пойдут по пути к социализму. В качестве важнейшей меры выдвигалась необходимость проведения аграрной реформы, ибо крестьяне требуют землю, но не верят властям, что они могут ее дать. Дзодзе признал сложность ситуации, в которой оказалась партия, но выразил уверенность, что перед ней открываются широкие перспективы и пленум создаст условия для важнейшего поворота в ее истории.

Тон дискуссии задал политический секретарь обкома КПА Тираны Гого Нуши. "Из докладов Энвера и Кочо видно, что ЦК партии не функционировал. Состоялось лишь одно заседание в Хельмсе. Я хотел бы знать, — спрашивал член ЦК с марта 1943 г., — кто избирал политбюро партии. Имеются такие товарищи, которые долгое время не знали, что они являются членами ЦК". Э. Ходжа признал фактическое всевластие "товарища Али", т.е. М. Поповича, опиравшегося на "тройку", или "клику", приближенных (Ходжа—Гега—Читаку) и определявшего состав руководящих органов партии и НОФ[9*]. Что касалось таких организационных "мелочей", как бездействие ЦК и политбюро, то Ходжа сослался на неосведомленность всех, в том чис-

---

[9*] Лири Гега — член ЦК КПА с 1943 г. и член политбюро. Рамадан Читаку — член ЦК с ноября 1941 г., член политбюро с марта 1943 г.

ле и югославских инструкторов, относительно функций и методов работы этих органов.

Самое сильное впечатление производит критика террористической практики, укоренившейся в партии. Только С. Малешова квалифицировал терроризм как политику слабых. Остальные же ссылались на недопонимание и на все тех же югославских инструкторов, которые поощряли расправы над своими же людьми. Когда кто-нибудь приходил в генштаб, свидетельствовал один из выступавших, и говорил, что такой-то товарищ плохо себя повел, то тут же принималось решение расстрелять его. Известно, что в отрядах самым жестоким образом пресекались даже намеки на возможность интимных отношений между молодыми людьми, не говоря уже о том, что очевидное доказательство отклонения от революционного долга — беременность, стоило жизни влюбленным. Одного партизана расстреляли на месте за то, что он сказал: "Мы воюем за усы Сталина". Выжигались деревни, если жители их подозревались в плохом отношении к партизанам или сопротивлялись их мародерству. Особенно отличался своей чуть ли не патологической тягой к разоблачениям и расстрелам "врагов" Мехмет Шеху. На пленуме глухо упоминалась история с гибелью Мустафы Гиниши, участника революционного движения 1924 г. и одного из первых албанских коммунистов. В кулуарах говорили, что его убили свои, но только непосредственные исполнители знали, что приказ исходил лично от Э. Ходжи.

Бератский пленум готовился при содействии нового инструктора ЦК КПЮ Велимира Стойнича, который старался опереться на тех политических деятелей, которых третировали М. Попович и "тройка" Ходжи. Но если с К. Дзодзе ему удалось наладить взаимопонимание, то с главным критиком Ходжи с Сейфулой Малешовой, назвавшим лидера КПА "носителем всех наших ошибок", тесный контакт установлен не был. Тот в своем выступлении четко определил границы, за которые не должны выходить югославские советники: их выделили для оказания помощи КПА, но никто не давал им полномочий руководить партией, определять состав ЦК и т.п. С. Малешова, будучи участником революционного движения 1924 г. в Албании, а после приезда в Советский Союз — членом ВКП(б) и албанской секции Коминтерна одновременно, имел более высокую теоретическую и практическую подготовку, чем все албанские коммунисты и их югославские советники вместе взятые. Он был единственным из выступавших, кто четко определил задачи этапа буржуазно-демократической революции, на котором находилась Албания: создание демократической системы власти, расширение социальной базы НОФ за счет привлечения всех, кто признает его платформу, проведение соответст-

вующих велению момента социально-экономических преобразований.

Пленум завершился сформированием нового состава политбюро, в котором Э. Ходжа сохранил пост генерального секретаря, но остался без своих ближайших соратников. Рамадан Читаку и Лири Гега были выведены из политбюро, а кооптированы Сейфула Малешова, Бедри Спахиу и Тук Якова. Главной фигурой в партии стал секретарь по организационным вопросам Кочи Дзодзе.

Бератский пленум закрыл последнюю страницу истории КПА военного времени. Его участники оптимистично и в целом единодушно предсказывали историческое значение этого события для судеб страны в целом. Однако оно не стало таковым. Закрытый характер всех партийных документов, принимавшихся в то время, равно как и условия, в которых они создавались, способствовали тому, что сведения о произошедшем остались неизвестными для рядовых коммунистов и тем более для народа. В последовавшие за освобождением три года (1945—1947) Албания развивалась в тесном сотрудничестве с Югославией. Поэтому когда в 1948 г. резолюция Коминформа отлучила Югославию от социалистического лагеря, то вслед за этим произошел кардинальный пересмотр всего комплекса албано-югославских отношений. Бератский пленум, который обнаружил компрометирующие обе стороны обстоятельства этой дружбы, был подвергнут официальной албанской пропагандой решительному осуждению, а затем и забвению.

Глава VI
Образование Народной Республики

Становление режима

Двадцать девятое ноября 1944 г. — день освобождения Шкодры от немецко-фашистских оккупантов — стал официальной датой окончания национально-освободительной борьбы албанского народа в годы второй мировой войны. В 1996 г. эта дата оспаривалась некоторыми ветеранами войны. Дескать, на самом деле Шкодра была освобождена 28 ноября, но Энвер Ходжа и его ближайшие соратники в угоду своим югославским друзьям перенесли празднование освобождения на один день позже, чтобы оно не совпадало с днем провозглашения Федеративной народной республики Югославии 28 ноября 1945 г. К тому же, говорили наиболее радикальные критики режима Ходжи, вопрос *о национальном освобождении* нельзя считать решенным, так как населенные албанцами районы Югославии продолжали оставаться вне пределов государственных границ Албании, а установление тоталитарного режима в самой Албании привело к коммунистической диктатуре, т.е. к лишению свободы большинства народа. В результате главным праздником стал "День флага" — годовщина поднятия национального флага в городе Влёре 28 ноября 1912 г., когда была провозглашена независимость Албании.

Независимо от того, какими мотивами руководствовались политики в посткоммунистической Албании, изменяя праздничные даты, правда состояла в том, что война для Албании не закончилась в ноябре 1944 г.

Около шести месяцев шли кровопролитные сражения на Балканах и в Европе. Отдельные бригады НОА перешли государственную границу и вместе с югославскими партизанами приняли участие в освобождении населенных албанцами территорий. В самой Албании, в горных районах Севера, традиционно относившихся настороженно к любой центральной власти, обосновались отряды монархистов и байрактаров, сотрудничавших до поры до времени с прокоммунистическим антифашистским движением, но отошедших от него из-за несогла-

сия с политикой руководства в отношении альтернативных течений. От Шкодры до Тропои и дальше до Кукеса шла зона, охваченная режимом чрезвычайного положения. Поголовное вооружение народа, с чем не могли справиться ни турки, ни король Зогу (байрактаров можно было разве что "приручить" материальными и моральными подачками), служило той питательной средой, из которой произрастали планы британских секретных служб по свержению коммунистического режима в Албании. Наиболее известной из них стала операция 1946 г., предотвращенная советским разведчиком Кимом Филби.

Тем не менее изгнание оккупантов из пределов страны и законодательное введение юрисдикции Временного демократического правительства на всей территории Албании открыли новую страницу в ее истории. Народ, победивший в кровопролитной борьбе силы внешней и внутренней реакции, получил возможность свободного и независимого развития. Пришедшая к власти в стране компартия Албании, партия нового, непарламентского типа, завоевала в годы войны право выступать выразителем общенациональных интересов. Однако конкретное воплощение идеи строительства справедливого общества представлялось весьма туманным. Югославский опыт давал примеры того, как должна строиться новая государственная власть. Деятельность Временного демократического правительства свидетельствовала о том, что законодательная основа под эту систему подводится. Но каким должно быть ее политическое и социально-экономическое наполнение?

Газета "Башкими", орган Демократического фронта Албании, выступила в конце 1944—начале 1945 г. с серией статей, посвященных текущим проблемам. Автором наиболее содержательных из них выступил Сейфула Малешова. Он предложил свое понимание принципов народной демократии применительно к условиям Албании, сгруппировав их в своде из 13 пунктов. Основной вывод: "Демократия народа представляет в первую очередь политическую власть трудящихся. Это — союз рабочих, крестьян, ремесленников, мелких и средних предпринимателей, интеллектуалов. Союз, направленный против фашизма и реакционных клик". В этих статьях говорилось, что национально-освободительное движение в Албании никогда не ставило в качестве своей цели радикальное изменение системы частной собственности.

Впоследствии усилиями главным образом советских идеологов марксизма-ленинизма была разработана теория строительства государства народной демократии, т.е. такой формы политической организации общества, которая обеспечивала перерастание демократической революции в социалистическую в условиях многопартийной системы. В качестве непре-

менного условия предполагалось осуществление руководства со стороны рабочего класса, т.е. компартии как его авангарда. Так в общих чертах выглядела теория народной демократии. Однако она не соответствовала условиям Албании. Отсутствовали два основных признака народной демократии — многопартийность и руководящая роль рабочего класса. Партий, кроме коммунистической, не было, а рабочий класс по причине своей малочисленности, разобщенности и отсутствию организационного опыта не мог претендовать на заметное место в обществе. Вместе с тем строительство нового демократического государства на развалинах марионеточного королевства представлялось не только насущной, но и выполнимой задачей. Гарантию давало сотрудничество с освободившимися от фашизма странами Восточной Европы, а также использование опыта и помощи Советского Союза.

КПА была самой молодой компартией Европы. В годы войны ее численность увеличилась со 130 членов в 1941 г. до 5267 в конце 1944 г. Причем основную массу составляли крестьяне, а руководящие органы формировались по преимуществу из непролетарских слоев. Например, в 1945 г. при населении страны, несколько превышавшем 1 млн человек, рабочих насчитывалось всего около 15 тыс. В КПА они составляли 15%, а крестьяне — 50%. Остальные 35% приходились на интеллигенцию, учащуюся молодежь, вышедшую из состоятельных слоев общества.

Несмотря на то что во время войны энергия коммунистов направлялась на освободительные цели, значительное внимание уже тогда уделялось общеобразовательной и партийно-политической подготовке. Однако этот процесс затруднялся ввиду того, что большинство рядовых членов КПА были малограмотными людьми, что снижало эффективность идеологической работы. Да и сами руководители, за редким исключением, слабо ориентировались в марксистско-ленинской теории. Для них социализм являлся во многом абстрактной идеей, не ассоциирующейся с конкретными формами строительства нового общества.

Членство в партии стало считаться престижным и давало уже тогда определенные преимущества при продвижении по административной и производственной линиям. Это обстоятельство часто использовалось в сугубо карьеристских целях. Численность партии стала быстро увеличиваться. Назрела необходимость освободиться от чуждых элементов. В ноябре 1945 г. ЦК КПА принял решение провести чистку партийных рядов, в результате чего до середины 1946 г. из партии было исключено 1264 человека, т.е. более 10% состава. Подавляющее число исключенных из партии, как свидетельствовали материалы специальной комиссии ЦК, проводившей эту работу, со-

ставляли люди, не имевшие даже приблизительного представления о том, что такое партия вообще и какие цели преследует та партия (коммунистическая), членами которой они являлись.

Положение в низовых организациях отражало общую ситуацию в КПА, которая за четыре года своего существования не провела ни одного съезда, не имела устава и программы, а ее руководство весьма слабо представляло способы решения проблем, стоявших перед страной. Упоминавшийся выше бератский пленум (ноябрь 1944 г.) предлагал выход, который коротко можно сформулировать так: использовать накопленный к тому времени опыт КПЮ применительно к албанской специфике. Это был единственный в тех условиях вариант и при всех издержках, неизбежных ввиду первопроходческого характера избранного пути, претворение его в жизнь имело несомненно положительное значение.

В конце 1944—начале 1945 г. истощенная и опустошенная войной Албания являла собой печальную картину: парализованная торговля, пришедшие в негодность коммуникации и средства связи, лишенное крова и хлеба коренное население, к которому прибавилось 25 тыс. беженцев из Северной Греции. Согласно переписи, проведенной 30 сентября 1945 г., население страны составляло 1 122 044 человека, из которых 21,3% жили в городах и 78,7% — в сельской местности. В Тиране насчитывалось несколько больше 50 тыс. жителей, а во втором по величине городе страны Шкодре — вдвое меньше. Большинство малых городов внутренней Албании отличались от деревень разве только статусом, определенным административным делением.

Оккупанты разрушили или серьезно повредили нефтепромыслы Кучовы и Патоси, оставили шахты Селеницы и Рубика в таком запущенном состоянии, что их не представлялось возможным эксплуатировать. Уцелевшее промышленное оборудование нуждалось в обновлении. Значительная часть предприятий легкой и пищевой промышленности простаивала ввиду отсутствия средств, сырья и специалистов. Объем промышленной продукции в первый год после освобождения не достигал довоенного уровня: на 58% снизилось производство электроэнергии, на 35% — текстильных товаров и строительных материалов и т.д. Горнорудная промышленность оказалась полностью выведенной из строя, золотой запас страны разграблен королем Зогу и оккупантами, подорвана внешняя и внутренняя торговля. Только нацисты вывезли из страны свыше 250 млн золотых франков.

Тяжелая ситуация сложилась в сельском хозяйстве. Многие деревни были сожжены, не обрабатывались большие земельные площади, так как мужское население воевало. На треть со-

кратилось поголовье скота. 1945 год ознаменовался стихийным бедствием — засухой. Стране угрожал голод. Только своевременное вмешательство ЮНРРА*, выделившей Албании немногим более 27 млн долл. в качестве экстренной помощи продовольствием, а также на восстановление и развитие сельского хозяйства, предотвратило гуманитарную катастрофу.

Перед Временным демократическим правительством встали задачи наведения порядка и быстрейшего восстановления народного хозяйства. В разряд преобразований, имевших большое принципиальное значение для дальнейших перспектив развития страны, входила реорганизация управления промышленностью. Государственный контроль, введенный в последний год войны на всех предприятиях, принадлежавших иностранцам и наиболее крупным албанским предпринимателям, получил законодательное оформление. 15 декабря 1944 г. эту систему распространили на все промышленные предприятия и акционерные общества, принадлежавшие албанской буржуазии, чем ограничивалась возможность открытого саботажа и обеспечивался учет всех наличных материальных ресурсов.

На предприятиях контроль осуществлялся правительственными комиссарами, назначавшимися министерством экономики. Функции комиссаров были следующие: инвентаризация собственности предприятия, наблюдение за производством и распределением, визирование всех актов купли-продажи. В своей работе комиссар опирался на поддержку контролера из числа рабочих, который выделялся профсоюзной организацией. Он обращал особое внимание на защиту экономических интересов рабочих, на правильное распределение доходов предприятия. Это означало первый шаг на пути к освоению рабочими методов управления.

В декабре 1944 г. правительство приняло решение о конфискации собственности всех политических эмигрантов. Специальным постановлением президиума Антифашистского национально-освободительного совета правительству, военному командованию, Национально-освободительным советам предоставлялось право реквизировать на нужды вооруженных сил и в интересах восстановления страны строительные материалы, горючее, транспортные средства, строения и т.д. Автотранспорт изымался на условиях арендной платы, а остальные виды собственности — по твердым ценам, установленным государственными органами. Постановление послужило основой для ре-

* ЮНРРА (United Nations Relief and Rehabilitation Administration) — Администрация помощи и восстановления Объединенных наций — создана в Вашингтоне 9 ноября 1943 г. представителями 14 стран в целях оказания помощи странам, пострадавшим во время второй мировой войны.

квизиции в апреле 1945 г. всех транспортных средств и немногочисленных автомастерских.

Еще в конце 1944 г. была объявлена гражданская мобилизация специалистов. Инженеры, геологи, врачи, представители других профессий в обязательном порядке участвовали в восстановлении страны. В довоенной Албании должности инженеров, квалифицированного технического персонала на фабриках, шахтах, электростанциях занимали преимущественно итальянцы или представители албанской интеллигенции, получившие образование в Италии, Австрии и других странах. Не все отечественные специалисты приняли новую власть, которую считали временной. Поэтому новые хозяева вовлекали их в производственный процесс не силой убеждения, а принудительными мерами.

В январе 1945 г. появился закон о конфискации находящейся на территории Албании государственной собственности Италии и Германии. Вслед за этим специальными решениями Временного правительства была безвозмездно национализирована собственность наиболее крупных итальянских обществ. На их базе создавались государственные предприятия. Практически это означало, что вся добывающая промышленность и значительная часть обрабатывающей, а также сельскохозяйственные капиталистические фермы на концессионных землях перешли во владение государства.

Тогда же, в январе 1945 г., был введен чрезвычайный прогрессивный налог на доходы, полученные в годы войны. Им облагались все иностранные и албанские торговцы и промышленники, причем величина налога определялась специальными комиссиями, в которые входили представители власти, армии, молодежи, профсоюзов и др. Принятие этих мер натолкнулось на противодействие представителей имущих слоев общества, которые стремились полностью или частично уклониться от уплаты налогов. ЦК КПА в марте 1945 г. обратился с закрытым письмом ко всем партийным организациям с призывом усилить работу в комиссиях. В письме разъяснялось, что изъятие средств у спекулянтов, нажившихся при поддержке оккупационных властей, на страданиях народа, является необходимым и справедливым шагом. "Эти люди и сегодняшним своим поведением поддерживают реакцию. Взиманием налогов с военных доходов наносится сильный удар по их позициям, которые они пытаются удержать любым способом", — отмечалось в письме ЦК. Правда, расплывчатость определения того, кто мог считаться "спекулянтом", привела к включению в эту категорию практически всех частных торговцев и предпринимателей.

В случае отказа от уплаты налогов власти имели право применять крайние меры вплоть до секвестирования имущества

и уголовного преследования виновных. В результате применения этого закона около 80% прибылей поступило в пользу государства. Об эффективности этой меры говорит тот факт, что в первые два года после освобождения взимание этого налога составляло около половины доходной части бюджета. Меры пресечения в отношении злостных неплательщиков (безвозмездная конфискация имущества) привели к тому, что в течение 1945 г. бóльшая часть оптовой внутренней торговли перешла в руки государства.

Задаче ликвидации иностранной зависимости и подрыва экономической силы буржуазии подчинялось другое важное мероприятие — национализация банков. В годы войны значительная часть золотого запаса Национального банка Албании, хранившегося в Риме, попала после капитуляции Италии в руки немцев, а от них — англичанам. Эпопея с урегулированием имущественных претензий к Великобритании затянулась до 80-х годов. Но и судьба находившихся в Албании золотовалютных средств оставалась неясной. Когда 13 января 1945 г. по закону, принятому Временным демократическим правительством, ликвидировалась банковская концессия 1925 г. и все активы и пассивы перешли во вновь созданный Государственный банк Албании, преемственность передачи документов не была соблюдена. Служащие-итальянцы не допускались к работе в новое учреждение, некоторые из них находились под арестом и только в сентябре того же года им предложили подписать протокол о сдаче дел. В то же время была осуществлена национализация собственности двух других более мелких итальянских банков. При всей неразберихе и неизбежных в тех условиях финансовых злоупотреблениях (в начале 90-х годов, когда расследовалась деятельность режима Э. Ходжи, судебные органы обращались к событиям вокруг Государственного банка в 1945 г.) создание национальной банковской системы имело безусловно положительное значение для экономики и политики Албании. Причем, как говорил один из руководителей министерства финансов на церемонии открытия Госбанка 22 января 1945 г., создание единого кредитно-финансового института призвано оживить частную инициативу в торговле и промышленности, поддержать национальный сектор экономики и реорганизовать народное хозяйство на современной основе.

Осуществление вышеперечисленных мероприятий давало в руки государства надежные рычаги управления хозяйством. В то же время в ЦК КПА и в правительственных органах развернулась дискуссия о путях дальнейшего развития страны. Часть партийного актива полагала, что необходимо пойти на экономические уступки частному сектору в промышленности и торговле, поощряя развитие инициативы состоятельных сло-

ев населения, пострадавших от иностранной оккупации. Наиболее последовательным защитником этой линии выступал С. Малешова. Другие считали такую "либеральную" политику нецелесообразной, ибо речь шла о сохранении духа и практики частного предпринимательства. В конечном итоге стала побеждать ориентация на возможно более широкое применение принципов национализации. Строительство социалистического сектора в промышленности было признано наиболее целесообразным в условиях Албании того времени. Об этом не говорилось пока открыто, но это учитывалось на практике.

Национализация промышленных предприятий, принадлежавших албанским собственникам, производилась на основе закона от 14 января 1945 г. "Об общих положениях о конфискации частной собственности". Решение выносилось по каждому предприятию в отдельности, причем никакого материального возмещения не предусматривалось. Хозяева автоматически отстранялись от руководства, и назначалась новая администрация из рабочих и тех специалистов, которые при проведении национализации проявили лояльность к новой власти. Открытых выступлений против этих мероприятий со стороны бывших владельцев не было из-за опасений неизбежных в таких случаях обвинений в экономическом саботаже и, как следствие, суда военного трибунала. Таким образом, в течение 1945 – 1946 гг. наиболее крупные предприятия стали государственными. В конце 1946 г. социалистический сектор в промышленности уже производил 84,1% всей продукции.

Мастерские ремесленников национализации не подлежали. Отсутствие необходимых данных не позволяет судить о причинах резкого снижения доли ремесленного производства в экономике страны. Вероятнее всего предположить, что в годы войны и по ее окончании произошло разорение ремесленников из-за нехватки сырья и отсутствия спроса на традиционные статьи – на прикладное народное искусство и ювелирные изделия.

Восстановительные работы, начавшиеся еще на начальном этапе войны, широко развернулись по ее окончании. Правительство выделило на эти нужды больше половины государственного бюджета 1945 г. На общественных работах была занята в основном молодежь. Ее силами стало возможным осуществить строительство 60-километровой шоссейной дороги Кукес – Пешкопия, названной "Дорогой молодежи" и положившей начало ликвидации замкнутости северных и северо-восточных районов.

Для отсталой аграрной страны, каковой была довоенная Албания, первостепенное значение имело урегулирование земельных отношений, которые основывались на приспособле-

нии (и некотором изменении) форм феодального турецкого землевладения и землепользования к нуждам аграрной политики итальянского капитала.

По данным 1944—1945 гг., до 87% крестьянских семей или вообще не имели земли, или имели ее в размере от 0,1 до 3 га. Семь семей крупнейших собственников Албании располагали поместьями, каждое из которых насчитывало в среднем по 2 тыс. га обрабатываемых земель, лесов и пастбищ. К разряду богатых относились владельцы поместий площадью в среднем около 20 га. Государственные земли занимали 50 тыс. га.

Каждая категория сельского населения имела собственные представления о том, какой должна быть аграрная реформа. По данным албанской статистики, крестьянские семьи, в личном владении которых было как минимум 2,5 га, могли прожить на доходы от своего хозяйства. Обладатели меньших наделов прибегали к аренде дополнительного количества земли, например 2 га своих плюс 2 арендных. Для чифчи (безземельных крестьян) размер арендуемых участков не мог быть менее 3 га, ибо только в этом случае он обеспечивал самые насущные потребности семьи и выполнение договорных обязательств перед владельцем и государством. Поэтому для арендаторов и чифчи, а они составляли большинство, вопрос стоял о получении прав собственности на землю, которую они обрабатывали. Этот принцип ("земля принадлежит тем, кто ее обрабатывает") лежал в основе всех проектов аграрной реформы. Однако конкретное его применение наталкивалось на большие трудности.

В Албании не было ни земельного кадастра, ни топографических карт, ни технического персонала, который мог бы произвести квалифицированный учет земельного фонда. Правительство обратилось за помощью к общественным организациям и к самим крестьянам. Созданный при правительстве Центральный комитет по проведению аграрной реформы опирался на результаты работы комитетов, созданных при каждой супрефектуре. В них входили два представителя исполкома местного Совета, два сотрудника статистического бюро и министерства земледелия и общественных работ, по одному представителю от народной армии, молодежной и женской организаций, а также восемь—десять крестьян, преимущественно малоземельных или безземельных. Кроме того, в каждой деревне в помощь комитету при супрефектуре создавался крестьянский комитет, в котором участвовали пять—восемь крестьян, представитель супрефектуры и сельский учитель.

Низовые комитеты оказывали большую помощь центру, но и они не всегда могли получить достоверные данные о распределении земель. Богачи пускались на всякие ухищрения, чтобы скрыть истинные размеры принадлежащих им земель, перепи-

сывали часть их на родственников. Неверные сведения давали и менее состоятельные крестьяне из-за страха за свою собственность и традиционного недоверия к властям и городу вообще как носителям постоянной угрозы фискальных поборов. Тем не менее данные комитетов выгодно отличались от официальных большей достоверностью. Например, в префектуре Эльбасан новая регистрация выявила в 3 раза больше земель по сравнению со сведениями, собранными чиновниками министерства.

Кроме того, в самой Центральной комиссии по аграрной реформе, а по сути дела в ЦК КПА, за которым было решающее слово, разгорелись споры относительно концепции реформы. В общих чертах спор сводился к тому, перераспределять ли землю практически поровну, чтобы избежать появления кулаков (это русское слово уже вошло в албанский язык без перевода), или наделить бедняков по минимуму, необходимому для удовлетворения насущных нужд семьи, оставив за владельцами, ведущими товарное хозяйство, количество земли, способное обеспечить не только себя, но и город. Споры продолжались все лето, и в конце концов победил второй вариант.

По закону от 29 августа 1945 г. разделу подлежали государственные земли и вся собственность, конфискованная у частных владельцев и религиозных общин (пахотные земли, оливковые рощи, сады, виноградники, хозяйственные постройки, сельскохозяйственный инвентарь, рабочий скот). Земледельцам, которые вели хозяйство "с применением культурных методов и средств производства", оставлялось максимум 40 га земли. В распоряжении хозяйств, где применялись культурные методы, но владельцы пользовались "обычным для нашей страны сельскохозяйственным инвентарем", а также в распоряжении религиозных учреждений разрешалось оставлять до 20 га. В тех же районах, где земельный фонд был чрезвычайно ограничен, Комитет по проведению аграрной реформы мог увеличивать размеры отчуждаемых земель, если землевладелец имел побочный источник доходов.

Конфискованную или отчужденную землю крестьяне получали бесплатно, причем преимущественное право на наделение землей имели семьи участников национально-освободительной войны. Каждой крестьянской семье передавалось 5 га земли и дополнительно 3 га на каждого члена семьи, имевшего собственную семью. Если количество членов семьи превышало шесть человек и не было оснований для добавления указанных 3 га, то на каждого выделялось дополнительно по 0,5 га. Закон предусматривал отклонения от установленной величины наделов в зависимости от качества земли. Так, на лучших землях размер участков мог быть уменьшен на 30% по сравнению с

нормой, а на худших увеличен на 50%. Был урезан размер владений, собственники которых не вели хозяйство. В таких случаях, оставлялось 7 га с условием отчуждения через два года, если владельцы не начнут сами обрабатывать эти участки.

Земли, полученные крестьянами в результате реформы, не могли быть подвергнуты переделу или сданы в аренду. Обмен участков разрешался только с ведома Комитета по проведению аграрной реформы. Получившие землю крестьяне освобождались от всех долгов, числившихся за бывшими собственниками этой земли.

В начале 1946 г. правительство внесло некоторые дополнения и изменения в закон об аграрной реформе, согласно которым запрещалось применение наемного труда на всех обрабатываемых землях, будь то пашни или виноградники, под угрозой их конфискации. И наконец, ликвидировалось право передачи сельскохозяйственных угодий другим лицам, что в целом приближало условия экспроприации земли к национализации. Проведение реформы завершилось к ноябрю 1946 г.

Начало работ по восстановлению народного хозяйства и проведение социально-экономических преобразований инициировались Временным демократическим правительством. Придание ему постоянного статуса встало на повестку дня сразу же после освобождения страны. Формально до начала 1946 г. Албания продолжала оставаться монархией. Но фактически признание национально-освободительных советов единственной формой власти и запрет на возврат в страну короля Зогу закрывали дорогу к реставрации режима. Поэтому естественным шагом стала легитимизация новой власти.

В начале августа 1945 г. в Тиране состоялся съезд Антифашистского национально-освободительного фронта, на котором были подведены итоги его деятельности, принята программа и произошло переименование в Демократический фронт. В него вошли коммунистическая партия, Союз антифашистской молодежи, Союз женщин и профсоюзное объединение, организационно оформившееся незадолго до этого, в феврале 1945 г. Все общественные союзы возглавлялись руководящими деятелями компартии. Только во главе Союза женщин непродолжительное время находилась активная участница войны член Генсовета НОФ беспартийная Олга Плюмби. Но и она вскоре уступила свое место председателя Неджмие Джулини — жене Э. Ходжи, члену ЦК КПА.

В принятой на съезде в августе 1945 г. программе говорилось: "Демократический фронт всеми силами защищает народную власть, которая родилась в огне войны за освобождение Албании и является величайшим завоеванием албанского народа". Монархический режим объявлялся "несовместимым с во-

лей и высшими интересами народа". В программе провозглашались широкие демократические права для всех граждан страны. С. Малешова, выступивший в докладом от Генсовета фронта, обратил внимание на то, что после окончания войны произошло расширение массовой базы фронта за счет тех, кто занимал до этого нейтральную позицию, а также лиц, сотрудничавших с оккупантами, но не запятнавших себя кровавыми преступлениями, солдат и офицеров армии марионеточных правительств, перешедших на сторону НОФ. Это не означало, что наступила полоса примиренческого отношения к реакционным элементам. С их происками велась и будет вестись беспощадная борьба, подчеркивал докладчик, но следует дать возможность всем гражданам Албании принять участие в восстановлении страны. "Сейчас только энтузиазма и героизма недостаточно, — говорил С. Малешова. — Они должны быть помножены на профессиональную подготовку, знания и культуру. Необходим повседневный созидательный труд".

Экономическая политика Демократического фронта сводилась к следующему:

а) восстановление объектов, разрушенных войной, и оживление экономики, парализованной ею;

б) укрепление государственного сектора в экономике;

в) полное и последовательное осуществление аграрной реформы;

г) создание широкой сети кооперативов для крестьян, ремесленников и средних слоев;

д) электрификация и индустриализация Албании;

е) активизация и поддержка инициативы частного сектора в системе общего экономического плана;

ж) все хозяйство страны строится на плановых началах.

Программа предусматривала объединение всех сил народа в борьбе за построение независимой народно-демократической Албании. Признание права частного сектора на существование и даже известное его поощрение диктовалось необходимостью найти выход из тяжелой экономической ситуации, в которой оказалась страна. Кроме того, это положение явилось тем ключевым пунктом, привлекательность которого для патриотически настроенных некоммунистических кругов общества оправдывала их присоединение к Демократическому фронту в преддверии выборов в Учредительную (конституционную) ассамблею.

По всей видимости, в тот период руководство КПА действительно стремилось к созданию широкой предвыборной платформы, к завоеванию на свою сторону симпатий широких слоев общества. Этим объяснялось личное и конфиденциональное обращение к Фану Ноли, направленное 27 августа 1945 г. Сей-

фулом Малешовой, с приглашением хотя бы временно посетить Албанию в преддверии выборов. "Энвер Ходжа, я и все правительство убеждены, что Ваш приезд в Албанию будет для нее большим благом, — писал он. — Таким образом не только Ваша прошлая патриотическая деятельность найдет достойное завершение, но и наша страна получит в нынешней ситуации большую моральную и политическую помощь... Мы все с нетерпением ждем Вашего Слова". Епископ, занятый делами своей епархии, не приехал. Но он выступил со словами благословения и поддержки вскоре провозглашенной Народной республики Албании и правительства Э. Ходжи.

В сентябре 1945 г. на очередном заседании Национально-освободительного совета состоялось рассмотрение и принятие ряда документов, которые регламентировали порядок выборов в Учредительную ассамблею. Предусматривались всеобщие равные и тайные выборы, в которых могли участвовать все граждане Албании, достигшие 18-летнего возраста. Лишались права избирать и быть избранными бывшие министры и другие чиновники, находившиеся на службе у оккупантов, военные преступники, враги народа и другие лица, лишенные гражданских прав по суду. Утвержденный на этом же заседании закон об Учредительной ассамблее наделял этот орган правом окончательного выбора формы государственного устройства и предусматривал утверждение им конституции.

На заседании впервые выступила оппозиционная группа во главе с членом Национально-освободительного совета и министром образования Дьердем Кокоши, оформившаяся в феврале 1945 г. и преобразованная осенью того же года в Демократический союз. Видный юрист, либеральный демократ по убеждениям, профессор Кокоши поддержал НОФ и во многом способствовал тому, чтобы патриотически настроенная интеллигенция вступала в его ряды. Поддерживая общедемократическую платформу Демократического фронта, Кокоши высказывал несогласие с претензиями на гегемонию КПА, считая, что Э. Ходжа, будучи премьер-министром, должен оставить пост генерального секретаря партии. Он выступил с критикой избирательного закона, назвав его антидемократическим, и вышел из фронта, так как осознал несоответствие его обнародованной программы с конкретной политикой коммунистического руководства.

Состоявшиеся 2 декабря 1945 г. выборы в Учредительное собрание принесли полную победу Демократическому фронту: в голосовании приняло участие 90,2% всех граждан, зарегистрированных в избирательных списках, а подавляющее большинство голосов — 91,1% — завоевали кандидаты Демократического фронта.

Однако результаты выборов не отражали ни подлинной расстановки сил в стране, ни настроений избирателей. Демократический фронт не являлся союзом единомышленников. Он, по определению, должен был состоять из различных партий и общественных организаций, объединенных общей задачей восстановления разрушенной войной экономики и строительства нового справедливого общества. Но представление о том, каким должно стать это новое общество, еще не сложилось. Провозглашенный накануне выборов лозунг "Фронт без ограничений" свел в его рядах людей, готовых строить социализм советского (сталинского) типа, и сторонников несостоявшейся модели, условно говоря, буржуазно-демократической республики 1924 г. Последний вариант имел право на существование хотя бы потому, что в Албании жили участники тех событий. Правда, их было очень мало и они, за исключением С. Малешовы, не имели солидного политического веса в обществе. Независимые, а также близкие им по духу депутаты, прошедшие по списку Демократического фронта, образовали небольшую, но довольно активную фракцию в парламенте.

Весьма своеобразным стало участие в выборах населения Северной Албании, которая (включая Шкодру) все еще оставалась на военном положении. Поэтому ни о каких свободных демократических выборах там не могло быть и речи. Отряды Мухаррема Байрактари, Джема Гостивари и других почти беспрепятственно переходили по горным тропам из Албании в Югославию и обратно, совершали террористические акты против представителей власти. Население было терроризировано, но именно поэтому оно чаще всего отказывалось помогать властям, опасаясь мести.

Неспокойное положение на севере вынуждало центральное правительство идти на непопулярные меры. В частности, там органы власти укомплектовывались не из числа местных жителей, а из участников партизанского движения юга. Во время выборов контроль за порядком иногда превращался в прямое давление на избирателей: им выдавались пронумерованные шары, по которым можно было проследить, за кого голосует тот или иной человек. Встречались случаи, когда пришедшая на выборы деревня коллективно отказывалась голосовать, ибо кандидат (будь он хоть трижды героем освобождения) находился на низшей ступени родовой иерархии. За него отказывались голосовать такие же бедняки, как и он сам, только потому, что обычаи гор увековечили традицию посылать "во власть", в данном случае в парламент, представителей знати. Впервые получив демократические права, местное население с настойчивостью, отличавшей этих темных и забитых горцев, действовало в ущерб себе, не понимая этого. Весь уклад прежней жизни, во-

шедшие в кровь и плоть людей нормы обычного права (законы гор) тянули вспять.

"Северная проблема" еще ждала своего разрешения. Правда, несмотря на все трудности, которые эта проблема создавала для новой власти в 1945 г., существенного влияния на общую обстановку в стране она не оказывала. Даже по свидетельствам пристрастных западных журналистов, выборы стали доказательством всенародной поддержки Демократического фронта, как об этом сообщала, приводя конкретные имена и фамилии, албанская печать.

Открывшаяся 11 января 1946 г. Учредительная (конституционная) ассамблея провозгласила Албанию народной республикой, утвердив де-юре то, что было установлено де-факто в годы войны. Получили официальное одобрение законодательные акты, принятые Национально-освободительным советом после конгресса в Пермети. 12 января состоялось избрание президиума Учредительной ассамблеи, председателем которого стал Омер Нишани. Оппозиция в лице депутата Ризы Дани представила свои предложения по составу президиума, но при тайном голосовании они не прошли.

Временное демократическое правительство представило собравшимся депутатам проект конституции республики. После дискуссии заседание было прервано на два месяца. В итоге всенародного обсуждения и учета замечаний 14 марта 1946 г. ассамблея утвердила Конституцию Народной Республики Албании (НРА) и приняла решение о своем преобразовании в Народный кувенд (собрание).

Конституция определила общие принципы народовластия, структуру законодательных и исполнительных органов. Признавались три вида собственности: государственная, кооперативная и частная. Но если отношение государства к государственной и кооперативной собственности уложилось в одну строчку в статьях 9 и 10 (первая пользовалась особой защитой, а вторая особой заботой и поддержкой), то существование частной собственности, с одной стороны, гарантировалось законом (в том случае частная инициатива и наследственные права), но, с другой стороны, определялись условия экспроприации и национализации, "если этого требуют общественные интересы"; запрещались монополии, тресты и картели и т.п. Государство провозглашалось безусловным владельцем недр, лесов, вод. Демократические права и свободы граждан, в частности и свобода совести, гарантировались конституцией, устанавливалось равенство всех граждан республики независимо от их национальности, расы, пола или вероисповедания. Определяя общественное и политическое устройство Албании, конституция исходила из принципов, характерных для государства народ-

ной демократии. Ввиду отсутствия собственного опыта албанские разработчики конституции опирались на текст Основного закона Югославии от 31 января 1946 г.

18 марта 1946 г. Народный кувенд поручил Э. Ходже сформировать правительство, которое и было утверждено через четыре дня. С минимальными изменениями оно повторило состав Временного демократического правительства, сформированного в Берате в октябре 1944 г.

Борьба за международное признание

Проведение свободных выборов в Учредительное собрание, определившее форму государственного устройства, и все последующие акты — принятие конституции и сформирование правительства — являлись теми непременными условиями, от выполнения которых зависело дипломатическое признание Албании великими державами. Поэтому главные усилия в области внешней политики правительство НРА направляло на то, чтобы утвердить себя на международной арене.

На заключительном этапе войны контакты между албанским освободительным движением и тремя ведущими державами антигитлеровской коалиции поддерживались через находившиеся в Албании военные миссии связи, которые после освобождения страны от немецко-фашистской оккупации получили статус постоянных военных представительств при Временном демократическом правительстве. В октябре—декабре 1944 г. и в январе 1945 г. Временное демократическое правительство обращалось к СССР, США и Великобритании с просьбой о его признании в качестве единственного правительства Албании. Британское правительство, поддерживая связи с альтернативными освободительными (или псевдоосвободительными) группами внутри страны и за ее пределами, отказывалось от этого шага. Советский Союз, связанный обязательством действовать согласованно со своими союзниками в деле помощи освобожденным народам, не мог пойти на установление дипломатических отношений в одностороннем порядке. 30 октября 1945 г. советское правительство направило ноту на имя посла США в Москве А. Гарримана, в которой указало на желательность установления дипломатических отношений и выразило готовность вместе с США и Великобританией одновременно признать Временное демократическое правительство Албании. Союзники согласились с этим.

Первой страной, признавшей правительство НРА в мае 1945 г., стала Югославия. Вслед за ней в октябре—ноябре ее примеру последовали Польша, Болгария и Чехословакия.

10 ноября того же года глава новой советской военной миссии, прибывшей в Албанию в июле 1945 г., полковник С.В. Соколов от имени правительства СССР передал в Министерство иностранных дел Албании ноту о признании новой албанской администрации в качестве законного правительства. 11 января 1946 г. первый советский посланник Д.С. Чувахин вручил верительные грамоты председателю президиума Народного кувенда Омеру Нишани, а в декабре дипломатические отношения были установлены в полном объеме.

Позиция англо-американских союзников отличалась значительными колебаниями. В январе 1945 г. США и Великобритания отозвали свои военные миссии, находившиеся при руководстве генштаба и Генсовета НОФ, чтобы заменить их новыми, задачей которых должна была стать подготовка почвы для дальнейшего развития отношений. В марте 1945 г. в Тирану прибыла новая британская миссия, а в мае — дипломатическая миссия госдепартамента США.

12 ноября 1945 г., почти одновременно с вручением албанскому правительству советской ноты, направили аналогичные документы и англо-американские союзники. Общим для них являлось пожелание получить от албанских властей гарантии, что выборы 2 декабря будут проведены демократическим путем при условии беспрепятственного допуска на них представителей печати. Американская нота к тому же настаивала на признании албанским правительством юридической силы за всеми договорами и соглашениями, заключенными между США и Албанией до 7 апреля 1939 г. Требование о допущении прессы было удовлетворено, но в отношении договорных обязательств албанское правительство настаивало на формуле, принятой конгрессом в Пермети, а именно на безусловном пересмотре всех международных соглашений и сохранении только тех из них, которые не нарушают суверенитет Албании. Албанская сторона выражала готовность совместно обсудить конкретное содержание этих документов и оставить те, которые учитывали бы интересы обеих стран. Начавшиеся летом 1946 г. переговоры не увенчались успехом. К тому же в стране шли судебные процессы, на которых разоблачались антинародные заговоры, связи албанских путчистов и саботажников с англо-американской разведкой. В набиравшем силу противостоянии между Востоком и Западом рутинные албано-американские переговоры оказались обреченными на провал, и в ноябре 1946 г. американская миссия покинула Тирану.

Аналогичная судьба постигла албано-британские отношения. Причиной несостоявшегося установления дипломатических отношений между обеими странами стали не только упомянутые выше политические процессы, но и небезызвестный

инцидент в проливе Корфу в октябре 1946 г. Тогда два британских миноносца подорвались на минах в албанских территориальных водах, что повлекло за собой человеческие жертвы. Албанское правительство отрицало свою ответственность за происшедшее, и Великобритания обратилась в ООН с жалобой. Международный суд в Гааге признал Албанию виновной, что, как выяснилось впоследствии, не было лишено оснований, и своим решением от 10 декабря 1949 г. обязал ее выплатить значительную денежную компенсацию. После отказа Албании выполнить постановление суда британское правительство блокировало золото "Банка Албании", хранившееся в Риме и попавшее в конце войны в Лондон. Дипломатический представитель Великобритании так и не появился в Тиране, безуспешно дожидаясь в Италии окончания спора.

Негативное отношение англо-американских союзников к политическим и социально-экономическим процессам, начавшимся в Албании, стало непреодолимым препятствием на пути принятия Албании в члены ООН. 4 января 1945 г. Временное демократическое правительство обратилось в подготовительный комитет ООН с заявлением о допущении Албании к участию в учредительной конференции ООН в Сан-Франциско, ссылаясь на то, что борьба албанского народа против итало-фашистских оккупантов неоднократно встречала признание в официальных декларациях союзников. В поддержку этого требования выступил епископ Фан Ноли, обратившийся 17 февраля 1945 г. с личным посланием к президенту США Ф. Рузвельту.

Создалась парадоксальная ситуация, которую западные союзники использовали в качестве формального предлога, чтобы не допустить Албанию на конференцию в Сан-Франциско. Условием приглашения на конференцию являлось подписание Декларации Объединенных Наций в Вашингтоне 1 января 1942 г. или позднейшее присоединение к ней и объявление войны странам "оси" до 1 марта 1945 г. Но Албания формально не объявляла войну ни фашистской Италии, ни гитлеровской Германии, хотя и боролась против них с 1939 по 1945 г. Усилению антиалбанской аргументации способствовала также поддержка западными державами позиции греческого правительства, резко возражавшего против допущения Албании в ООН и против ее дипломатического признания на том основании, что она якобы находилась в состоянии войны с Грецией со времени итало-греческой войны 1940—1941 гг. Поэтому объяснима та горечь, с которой звучали слова передовой статьи газеты "Башкими" от 10 марта 1945 г., специально посвященной конференции в Сан-Франциско: "Мы с величайшим сожалением констатируем, что Албания не приглашена присоединиться к Декларации Объединенных Наций и принять участие в конфе-

ренции. И как же нам не сожалеть, когда другие страны, которые не сделали ни одного выстрела, не понесли ни единой жертвы в борьбе против фашизма и нацизма, приглашены в Сан-Франциско... Туда приглашены Турция, Саудовская Аравия, Либерия и другие, которые выжидали, пока шла война против фашистского чудовища, и не приглашена Албания, испепеленная за ту героическую борьбу, которую вели ее сыновья".

Враждебная пропаганда, писала в те дни "Правда", пытается воспрепятствовать участию ряда стран в конференции в Сан-Франциско. К таким странам относится и маленькое албанское государство, народ которого принес больше жертв, чем некоторые другие страны, приглашенные в Сан-Франциско. "Надеемся, что эта несправедливость будет в скором времени исправлена", — заключала газета. Но этого не произошло. Лишь позднее, в связи с подписанием мирного договора с Италией, после долгой и упорной борьбы за признание прав Албании, которую вели Советский Союз, Польша и Югославия, она получила в феврале 1947 г. статус "присоединившейся державы", а принятие ее в члены ООН произошло только через десять лет после создания этой организации — 14 декабря 1955 г.

Албания не смогла принять полноправное участие в работах Парижской мирной конференции 1946 г., где обсуждался вопрос о мирном договоре с Италией, несмотря на общеизвестный факт, который ранее признавался также правительствами Англии и США, что Албания являлась одной из первых жертв итало-фашистской агрессии. Предоставленное ей право совещательного голоса албанская делегация использовала для изложения обстоятельной аргументации по всем вопросам, касавшимся интересов Албании. Глава правительства Э. Ходжа привел конкретные факты об ущербе, нанесенном Албании итальянской оккупацией. Однако, несмотря на очевидное, британский представитель попытался провести предложение о лишении Албании прав на репарации. Когда же это не удалось, представители англо-американского блока постарались свести их к минимуму. Сумма репараций составила 5 млн американских долларов. Для сравнения: Италия должна была выплатить Эфиопии 25 млн долл., Греции — 105, Югославии — 125.

Греческая делегация использовала трибуну мирной конференции для того, чтобы предъявить ряд территориальных претензий к Албании: на Южную Албанию (так называемый Северный Эпир) и о-в Сазани (Сасено). Причем в поддержку этих притязаний выступили все политические партии Греции, включая и оппозиционные. 31 июля 1946 г. в адрес советской делегации поступило соответствующее письмо от ЭАМ (Национально-освободительный фронт), которое подписал от имени ком-

партии Греции член политбюро ЦК Д. Парцалидис. 21 сентября того же года официальная греческая делегация прибегла к откровенному шантажу конференции, сделав заявление о сохранении оговорок в отношении территориальной целостности Албании до тех пор, "пока вопрос о Северном Эпире не будет разрешен в соответствии со справедливостью". Урегулирование этой проблемы, говорилось далее в заявлении, — "будет содействовать восстановлению дружественных отношений между обеими соседними странами".

Требования Греции не встретили поддержки даже наиболее активных ее сторонников. Однако начавшаяся летом 1946 г. гражданская война в Греции вновь вынесла албано-греческие отношения на газетные полосы. В условиях нараставшей в мире напряженности, вызванной "холодной войной", Албании пришлось защищаться от многочисленных провокационных нападок в связи с искусственно раздутым "греческим вопросом". Англо-американское большинство в ООН поддержало жалобу на Албанию со стороны афинских властей, обвинявших ее (наряду с Болгарией и Югославией) во вмешательстве во внутренние дела Греции.

Нарастание международной напряженности вокруг Албании объективно способствовало сплочению всех сил народа против внешней угрозы. Но это обстоятельство имело и отрицательные последствия, позволив правящей верхушке КПА объединить образы врага внешнего и врага внутреннего ради удержания страны в состоянии чрезвычайного положения.

Выбор социалистической альтернативы

Строительство нового общества происходило в условиях неразвитой гражданской и экономической структуры государства, опыт независимого существования которого исчислялся двумя десятками лет авторитарного режима. Шесть лет итало-немецкой оккупации ввергли страну в состояние разрухи. Новому правительству НРА предстояло решить тяжелейшую задачу не просто восстановления экономики, но строительства народного хозяйства на совершенно новых основах, имея перед собой пример Советского Союза. Интерпретаторами этого опыта выступали югославские коммунисты. Большинство членов тогдашнего руководства КПЮ и югославского правительства неоднократно посещали Советский Союз, а маршал Тито не только длительное время жил в Москве, но и находился в дружеских отношениях, как тогда считалось, с "самим" Сталиным. Поэтому ни один митинг, ни одно собрание в Албании не обходилось без скандирования "Сталин — Энвер — Тито!"

Наивный революционно-романтический задор народных масс, характерный для первых месяцев после освобождения, постепенно ослабевал под напором суровой житейской прозы. Вдруг оказывалось, что конкретные действия центральной власти очень часто отклонялись от официально провозглашенных лозунгов. Причем не в направлении либерально-демократических свобод, а в противоположную сторону — сторону строительства тоталитарной модели советского (сталинского) образца. Причины таких метаморфоз коренились в разногласиях относительно генеральной линии КПА, существовавших в ее руководстве. На это накладывался вопрос о власти, вернее о борьбе за власть в партийной верхушке.

После бератского пленума пошатнулся авторитет Э. Ходжи, что не могло не привести к обострению соперничества. Ходжа лишился своих ближайших соратников — Рамадан Читаку и Лири Гега выпали из руководящей обоймы, заработав сомнительную славу политических авантюристов. Был убит друг и главный советник Ходжи Миладин Попович, а на его место пришел другой, чуждый ему по духу представитель ЦК КПЮ Велимир Стойнич. Пришел не один, потянув за собой вереницу гражданских и военных советников. Э. Ходжа спасся тем, что, во-первых, беспрекословно "сдал" своих и признал все ошибки, а, во-вторых, его гонители не нашли соответствующей обстоятельствам замены. Альтернативы ему тогда не существовало, и он прекрасно это понимал.

На первые роли в партии вышел оргсекретарь ЦК КПА Кочи Дзодзе, который к тому же занимал пост министра внутренних дел. В отличие от Ходжи, которому партийная пропаганда создавала авторитет теоретика марксизма-ленинизма, Дзодзе был практиком. Даже при чисто внешнем сравнении выигрывал Ходжа. Обаятельный, высокого роста, прекрасно говорящий публичный политик, он подавлял невзрачного крепыша, не отличавшегося красноречием и поэтому державшегося в тени. Дзодзе хорошо ладил как с югославами, так и с советскими товарищами, отличался исполнительностью и трудолюбием. К тому же его сильным козырем являлось пролетарское происхождение, чем могли похвастаться лишь немногие руководители. Его амбиции не простирались дальше роли "серого кардинала", чего нельзя сказать о Нако Спиру.

Член политбюро, человек решительный и честолюбивый, Спиру, по всей вероятности, претендовал на самую высокую должность в партии, о чем свидетельствует его позиция на бератском пленуме. Реальная расстановка сил в 1945 г. заставила его изменить тактику. Спиру включился в подковерную борьбу за влияние на Ходжу и параллельно старался зарекомендовать себя с деловой и идейно-политической сторон. Но ему мешало

социальное происхождение, ибо он ушел в борьбу и революцию из богатой семьи, а также отсутствие надежной поддержки со стороны югославских советников. Такой представляется сейчас тогдашняя расстановка сил на самом верху партии и государства, когда принимались поистине судьбоносные решения о выборе пути.

Все выступали за социалистический выбор, но в определении сроков и методов перехода к этой конечной цели движения наметились разногласия. Победивший на раннем этапе общедемократический подход, весьма убедительно отстаивавшийся С. Малешовой, начал подвергаться критике. Сначала в узком кругу товарищей по политбюро.

Первое после выборов в Учредительную ассамблею заседание политбюро (6—10 декабря 1945 г.) было посвящено "новой ситуации, которая обязывает нас пересмотреть нашу линию", и констатировало преобладающее влияние оппортунистических тенденций. Далее шло подробное перечисление признаков оппортунизма в политике Фронта: народ не нацелили на систематическую борьбу против реакции, которая воспользовалась этим и восстановила свои позиции; создали сильную оппозицию в ассамблее, допустив формирование коалиции между буржуазией, католической церковью и реакционной интеллигенцией; не занимались созданием государственного и кооперативного секторов, и поэтому оппортунизм в отношении частного сектора привел к анархии в нашей экономике; не ориентировали народ на осознание опасности англо-американской политики в связи с вопросом о признании правительства и не говорили о Советском Союзе как о нашем подлинном союзнике. Заключение гласило: "Под влиянием этой оппортунистической тенденции мы не сориентировались должным образом на здоровое братство с Югославией, что является необходимым условием существования народно-демократической Албании. Это позволило нашей буржуазии надеяться на возможность ориентации наших экономических отношений на Запад и, в первую очередь, на Италию".

Только три с половиной месяца понадобилось руководству КПА для осознания неприемлемости курса на общедемократические преобразования и пять дней для выявления виновника. "Тон этой оппортунистической тенденции нашей линии, — говорилось в резолюции, — задал товарищ Сейфула Малешова. Считая его самым зрелым и самым подготовленным, Бюро вполне естественно попало под его влияние". Документ подписали все семь членов политбюро, включая и самого "оппортуниста". Правда, в самой последней фразе сообщалось, что все члены Бюро согласны с вышесказанным, "за исключением товарища Сейфулы Малешовы, который возражает".

Это было начало конца одного из самых замечательных общественно-политических деятелей Албании XX в., значение которого еще только предстоит оценить должным образом. Участник революции 1924 г., секретарь епископа Фана Ноли, ставшего его старшим другом, С. Малешова верил в тот социализм, который означал для него воплощение идеи социальной справедливости. В годы эмиграции в Советском Союзе он стал главой организационный комиссии по созданию Московской коммунистической группы. Он жил в СССР в годы нэпа, и, может быть, воспоминания о тех методах оживления экономики и натолкнули его на поиски компромиссных решений в тяжелой ситуации, в которой оказалась послевоенная Албания. К тому же и из трудов советских теоретиков он читал (а некоторые даже переводил), что весьма симптоматично, работы Н.И. Бухарина.

Звездным часом для С. Малешовы стало возвращение в 1943 г. в Албанию. В газете "Башкими" он вел колонку, откликаясь на злобу дня. Кроме того, он публиковал в ней статьи по вопросам текущей политики, собранные и изданные отдельной брошюрой в 1945 г. Что такое демократия вообще и народная демократия в частности, каковы принципы экономической политики в новой Албании и особенности коллективизации — вот те актуальные проблемы, о которых писал и говорил С. Малешова. Но особенно впечатляет в его работах выделение тех приоритетных направлений, следование которым могло бы вывести, по его мнению, страну на путь прогресса. Так, в условиях полной разрухи хозяйства, всеобщей неграмотности населения, левацких перегибов и тлеющей гражданской войны он издает в 1945 г. работу "Роль культуры в нынешней Албании". Обращение к опыту западноевропейской демократии, к идеям и практике народных фронтов во Франции и Испании позволило ему поставить вопрос об албанской интеллигенции как носительнице культуры в широком понимании этого слова и о ее роли в обществе. "Проблема культуры тесно увязана со всеми проблемами нашей страны, со всеми чаяниями албанского народа, с его борьбой за свободу и прогресс, — писал он. — Этим определяется роль культуры в современной Албании. Все силы культуры — техника, наука, искусство, литература — должны быть поставлены на службу отечеству ради выполнения великих исторических задач, стоящих перед албанским народом".

Тогда же, в 1945 г., вышел в свет первый и последний прижизненный сборник стихов С. Малешовы, изданный под его литературным псевдонимом Ляме Кодра[2*]. Он начал свой твор-

[2*] В 1998 г. в Тиране вышел трехтомник произведений С. Малешовы, подготовленный к печати Мехметом Гежулы: *Lame Kodra*. Vepra letrare. Tiranë, 1998.

ческий путь в 20-е годы и был замечен М. Горьким, благожелательно отозвавшимся о нем в речи на 1-м съезде советских писателей в 1934 г. В Албании его называли мятежным поэтом, поэтом революции. Самыми популярными в народе стали патриотические стихи "Как я люблю Албанию", "Клич Драгобии" и другие, включавшиеся в школьные учебники. Даже в качестве исходного материала для переводов он брал иногда произведения, пронизанные революционно-бунтарским духом, как, например, "Интернационал" Э. Потье, "Песня о Буревестнике" и "Песня о Соколе" М. Горького.

С. Малешова много и с удовольствием переводил. Из его богатого литературного наследства хотелось бы выделить то, что можно объединить названием "русский цикл". Правда, многое утеряно. Известно, например, что он много переводил А.С. Пушкина, но найдено только стихотворение "Анчар", опубликованное в 1937 г. Более всего сохранилось переводов Н.А. Некрасова, в том числе поэма "Кому на Руси жить хорошо" и впервые опубликованные в 1998 г. "Тройка", "Памяти Добролюбова", "Поэт и гражданин", "Дедушка Мазай и зайцы", "Железная дорога" и др.

Знаменательно, что русская тема появилась в творчестве С. Малешовы еще до его эмиграции в Советский Союз. 16 сентября 1924 г., в разгар революции, в газете "Башкими" появилась его лирическая миниатюра в жанре стихотворения в прозе о русском хоре "А слушали ли вы когда-нибудь русский хор?" Произведение настолько вневременное (Фан Ноли в Женеве, в Лиге наций борется за признание своего правительства, а Сейфула с ним рядом) и настолько выпадающее из его творчества, что стоит привести несколько строк:

— Несколько часов подряд, в течение всего вчерашнего вечера мы пьянели и уносились в прозрачный и прекрасный мир искусства.

— Глубокие голоса, полные боли и взывающие к состраданию, потрясали наши души, заплесневевшие от ежедневных интриг и шума.

— Ночь на концерте русских — это излечение и очищение!

— Эту музыку называют византийской!

— Но не созвучна ли она божественному искусству Бетховена и Шумана!

В Москве муза Ляме Кодры молчала. Действовало его второе "я" — политик, социалист по убеждениям, албанский патриот и антифашист Сейфула Малешова. Он до конца выполнил свой долг, как он его понимал. После декабрьского (1945 г.) заседания политбюро за ним закрепился ярлык оппортуниста. Он отстаивал свою точку зрения, но проиграл. В феврале 1946 г. его вывели из состава политбюро и освободили от постов, которые он занимал в экономических организациях. Год с неболь-

шим С. Малешова возглавлял министерство пропаганды и культуры, но после майского пленума ЦК КПА 1947 г., исключившего его из партии, сошел с политической арены.

Дальнейшая судьба этого незаурядного человека сложилась трагично. На два-три года его интернировали в концлагерь в Бальше, откуда перевели в Фиери под надзор полиции. Его имя было забыто. В маленьком городе, в котором он жил и работал в какой-то конторе, все его знали, но никто не рисковал даже здороваться. 11 июня 1971 г. С. Малешова умер от аппендицита, перешедшего в перитонит. Его хоронили родная сестра, гробовщик и два агента "сигурими" — службы безопасности.

Отвергнув идеи С. Малешовы о народной (широкой) демократии в Албании как переходного периода к более высокой — социалистической, политбюро ЦК определило свой выбор. На V пленуме ЦК КПА в феврале — марте 1946 г. была принята ориентация на строительство социализма. Она предполагала использование советской модели организации власти и производительных сил применительно к албанским условиям. Отмечалось, что путь к социализму отнюдь не прост и албанскому народу придется преодолеть трудности экономического и политического характера, чтобы добиться построения нового общества. Наиболее важные конкретные мероприятия, намеченные пленумом, предусматривали следующее: завершение национализации промышленных предприятий, максимальный контроль над частным сектором и еще большее ограничение его деятельности, реквизиция всех строительных материалов, принадлежавших торговцам и частным предпринимателям, повышение продуктивности сельского хозяйства и поощрение создания кооперативов, ликвидация неграмотности, посылка на обучение в СССР и Югославию студентов, очищение органов государственной власти от саботажников и враждебных элементов и т.п.

В решениях пленума подчеркивалась необходимость ориентации на СССР, "который является величайшим гарантом нашей независимости и нашей народной власти". В отношении Югославии говорилось следующее: "Наша политика должна ориентироваться на более тесную и конкретную связь с Югославией. Наш народ должен понимать, что это братство является гарантией нашего существования". Так родилась формула, определявшая взаимоотношения в треугольнике СССР — Албания — Югославия: "Дорога из Тираны в Москву лежит через Белград". То, что судьба Албании должна решаться в Москве, но по югославской схеме, как бы само собой подразумевалось албанскими руководителями. Еще в июле 1946 г., возвратившись из Белграда, Ходжа изложил советскому посланнику Чувахину мнение Сталина (в передаче Тито) о том, что "Албания

рассматривается советским правительством как братская республика, которой необходимо оказывать всеобъемлющую помощь. При этом было отмечено, что Советский Союз будет помогать Албании через Югославию, поскольку, по мнению советского правительства, прямая помощь Албании в нынешних условиях может вызвать лишь придирки со стороны союзников".

Однако это не означало, что СССР полностью отказался от прямых торгово-экономических связей с Албанией. Еще до установления дипломатических отношений, с июня 1945 г., Москву стали посещать албанские представители, налаживавшие двусторонние контакты. Переговоры 4 сентября между тогдашним албанским министром экономики Медаром Штюлой и наркомом внешней торговли СССР А.И. Микояном определили ассортимент товаров, а 22 сентября в Москве состоялось подписание первого соглашения о поставках в Албанию зерна и химических удобрений на условиях кредита, сумма которого составила 1,5 млн американских долларов.

Осенью 1945 г. в Дуррес прибыл первый советский пароход с зерном; его восторженно встретили собравшиеся в порту жители и приехавшие из Тираны официальные лица. Наряду с поставками продовольствия, промышленных товаров, оборудования для восстанавливаемых предприятий добывающей промышленности советское правительство взяло на себя обязательства по подготовке кадров специалистов высшей квалификации, а также направило в Албанию технических консультантов в нефтяную промышленность и сельское хозяйство. В 1945/46 учебном году в московские вузы были приняты 20 молодых албанцев, участников национально-освободительной борьбы.

Ориентация на строительство социализма, принятая на пленуме, приобрела значение директивы, обязательной к исполнению. При такой постановке вопроса дискуссии о выборе пути, возможные лишь в государстве с неясной общедемократической ориентацией, полностью исключались. В Албании взяли жесткий курс, предусматривавший быструю ликвидацию политических и экономических позиций эксплуататорских классов, которые несколько оживились в период так называемой "формальной демократии" 1945 г.

В апреле 1946 г. правительство приступило к пресловутому "блокированию" товаров первой необходимости, а проще — к изъятию их у частных лиц и реализации по карточкам через немногочисленные государственные магазины. Порядок компенсации за изъятые товары не был точно определен. Сначала предполагалось, что возмещение потерь не коснется только крупных торговцев. Но затем выяснилось, что у государства

нет денег ни для кого, и все "блокированные" товары оказались конфискованными. В итоге атака на частный сектор в торговле привела к значительному ухудшению снабжения в первую очередь городского населения в условиях неразвитости государственной и полного отсутствия кооперативной сети магазинов.

Вся сельскохозяйственная продукция реализовывалась через рынки трех видов. Гарантированный государственный рынок снабжал трудящихся города на основе карточной системы. Встречный рынок обслуживал крестьян в порядке обмена излишков сельскохозяйственной продукции на промышленные товары через купоны. Свободный рынок с высоким уровнем цен был рассчитан на людей, располагавших денежными средствами. Для характеристики уровня цен на этих трех видах рынка можно привести следующие цифры: 1 кг муки стоил на гарантированном рынке 6,5 лека, на встречном — 19, на свободном — 75; 1 кг сахара соответственно — 40, 75 и 250; 1 литр керосина — 25, 25 и 75; 1 м хлопчатобумажной ткани — 60, 90 и 260.

Все вышеперечисленные меры свидетельствовали о решительном наступлении на частный сектор. Статистика зарегистрировала почти полную его ликвидацию во второй половине 1947 г. в промышленности и особенно в торговле, где частники имели наиболее сильные позиции.

Государственный сектор стал создаваться на селе. Его основу составили национализированные сельскохозяйственные предприятия (часто это были смешанные земледельческо-скотоводческие фермы), принадлежавшие до освобождения итальянским концессионерам. Так возникли 13 государственных сельскохозяйственных предприятий, организованных по типу совхозов.

Первые семь сельскохозяйственных кооперативов, образовавшихся в 1946 г., объединяли сравнительно небольшое число семей (217) и занимали 943 га, что составляло 0,3% от общей площади обрабатываемых земель. На первых порах в кооперативы вступали малоземельные крестьяне, имевшие минимум рабочего скота и инвентаря. В основном это были семьи с малым числом работоспособных людей (семьи погибших в годы национально-освободительной борьбы).

Кооператив создавался, если о своем согласии объединиться заявили как минимум 25—30 семей, владевших общей площадью сельскохозяйственных угодий не менее 200 га; распределение доходов происходило из расчета 40% от количества земли и 60% по труду; поголовье скота, остававшегося в личном владении, не ограничивалось; тягловый скот и посевной материал обобществлялись; приусадебные участки могли быть размером до 12 соток.

Кооперативы пользовались материальной поддержкой государства. Законом от 9 ноября 1945 г. Государственному банку давалось право предоставлять кооперативам сельскохозяйственные кредиты под небольшие проценты (1,5% годовых). Кооперативы в первую очередь обеспечивались химическими удобрениями, им на 50% снижался налог на производимую ими продукцию и др. Несмотря на льготы, кооперирование шло медленными темпами. Получив землю в личное владение, крестьяне не торопились ее отдавать в общий котел. К тому же это было объединение хозяйств, не обладавших машинной техникой. На то время в стране насчитывалось всего 40 тракторов. Они находились главным образом на государственных сельскохозяйственных предприятиях, но и там они по большей части простаивали из-за отсутствия запчастей и горючего. Только в 1947 г. стали создаваться машинно-тракторные станции (МТС), которые комплектовались сельскохозяйственной техникой, ввозимой из Югославии, а с 1948 г. — из СССР. Объем выполняемых работ был весьма скромным. 10 МТС за первый год своего существования вспахали 6% всех обрабатываемых земель в республике. Неэффективная организация труда, низкая квалификация кадров, повременная оплата работы трактористов, не учитывавшая объем и качество выполненной работы, не стимулировали заинтересованность кооперативов в пользовании услугами МТС.

Формирующаяся система государственного регулирования экономики предусматривала развитие централизованного планирования. Вскоре после освобождения, 13 января 1945 г., были созданы при совете министров два органа, обеспечивающие планирование народного хозяйства: Экономический совет, который вырабатывал план для всей страны, и Плановая комиссия, составлявшая проекты по каждому ведомству. Принятый в августе 1946 г. Закон об общегосударственном народнохозяйственном плане и о Плановой комиссии упразднял два прежних планирующих органа и на их базе создавал единую Государственную плановую комиссию. Первоначально планы составлялись поквартально, затем на один год, позднее на два, и только в 1951 г. появился первый пятилетний план.

Решение задач по подъему экономики представлялось невозможным без резкого повышения общеобразовательного уровня всего народа, без подготовки кадров специалистов средней и высшей квалификации. Согласно закону о реформе народного образования, принятому 17 августа 1946 г., создавалась новая система бесплатного и обязательного обучения детей в начальных государственных школах. Предусматривался 11-летний цикл учебы: четыре года начальной и семь лет средней школы.

Делались шаги по налаживанию профессионально-технического обучения внутри страны. В 1946 г. произошло открытие художественного лицея им. Йордана Мисьи, политехнического и педагогического институтов. Широко внедрялось заочное обучение. Все эти меры были рассчитаны на получение долговременного результата, но время поджимало, и правительство издало 21 сентября 1949 г. закон об обязательном обучении чтению и письму всех граждан от 12 до 40 лет. Уклонявшиеся наказывались исправительными работами до одного месяца или штрафом до 200 леков.

Своеобразной проверкой правильности пути, избранного албанским руководством, явилось обсуждение проблем страны с советским руководством во время первого официального визита правительственной делегации НРА во главе с Э. Ходжей в Москву в июле 1947 г.[3*] Встречи со Сталиным и Молотовым носили скорее информационный характер. Причем если Ходжа рассказывал об освободительной борьбе албанского народа в годы второй мировой войны, о борьбе с противниками режима, о восстановлении народного хозяйства и об экономических трудностях, с этим связанных, то Сталин буквально сразил собеседника познаниями в области происхождения албанского народа, древнейшего народа на Балканах, как он сказал, и поделился своими соображениями о возможном родстве албанского языка с баскским. Сталин расспрашивал о жизни народа, о религиозных проблемах, о положении крестьян, о кустарных промыслах, о нефти, о залежах полезных ископаемых. Обсуждались некоторые внешнеполитические проблемы, связанные с гражданской войной в Греции и происками англо-американского блока.

Одобрение политики КПА материализовалось в соглашениях о предоставлении Албании существенной помощи кредитами, промышленным оборудованием, подготовкой специалистов. Входившие в состав делегации председатель Госплана С. Колека, министр финансов А. Келэзи, министр внешней торговли К. Нгеля, уже бывавшие до этого в Советском Союзе, встретили самый радушный прием в аналогичных министерствах и ведомствах СССР. Албанцы уезжали, договорившись о выделении на льготных условиях кредита в размере 6 млн американских долларов — колоссальной по тем размерам суммы. Э. Ходжа, известный до этого Сталину только по весьма благо-

---

[3*] Энвер Ходжа совмещал тогда семь руководящих государственных и общественных постов: генеральный секретарь КПА, председатель совета министров, министр иностранных дел, министр обороны, главнокомандующий армии, член президиума Народного кувенда, председатель Демократического фронта.

желательным отзывам Тито, завоевал признание и симпатии вождя. На заключительной встрече Сталин, выразив глубокое удовлетворение результатами визита и готовность помогать Албании и дальше, сказал: "Нужно создавать свои национальные кадры, и имейте в виду, что специалисты, которых мы к вам направим, должны будут скоро возвратиться на родину. Албания должна встать на собственные ноги".

11 августа 1947 г., без какой-либо видимой связи с текущим моментом, по прошествии почти что трех лет после освобождения Албании Э. Ходжа получил наконец признание своих военных заслуг и удостоился получения от советского правительства Ордена Суворова 1-й степени.

Поворотный 1948 год

Визит албанской правительственной делегации в СССР в июле 1947 г. не остался незамеченным в Белграде. Там почувствовали угрозу своеобразной "монополии на дружбу" с Албанией, установившейся во взаимоотношениях между обеими странами и, как казалось, поощрявшейся советской стороной. Тито в беседе с советским послом в Белграде А.И. Лаврентьевым 14 августа просил последнего довести до сведения советского правительства о неправильном, с его точки зрения, поведении некоторых албанских руководителей в отношении Югославии, проявившемся сразу после поездки в Москву. Дескать, некоторые говорят о том, что "Югославия хочет дешевой ценой наложить лапу на Албанию, что Югославия очень много обещает, но ничего практически не дает". Вместе с тем Югославия оказывала большую помощь, исходя из интересов самого албанского народа. К тому же она "заинтересована в Албании, как в важнейшем географическом и военно-стратегическом пункте".

Тито нашел и главного виновника. Им был, по его мнению, член политбюро ЦК КПА и министр экономики Нако Спиру, который проводил политику отрыва Албании от Югославии. За год до этого в беседе с Тито Нако Спиру так открыто наговаривал на Энвера Ходжу, что югославскому лидеру пришлось взять албанского генерального секретаря под защиту. Тито считал, что нельзя допустить разлада между Югославией и Албанией, а поэтому следовало бы внушить албанцам, что помощь Советского Союза направлена не на отрыв Албании от Югославии, а на сближение двух соседних стран, а тех, кто не понимает этого (т.е. Спиру), следовало бы предложить отстранить от работы.

Холодок в албано-югославских отношениях, ставший явным после визита Ходжи в Москву, ощущался и раньше. В пер-

вые месяцы после освобождения взаимопонимание и взаимодействие, особенно во внешнеполитической сфере, было полным. Югославия первой признала Временное демократическое правительство Албании и подписала с ним договор о дружбе и взаимной помощи (9 июля 1946 г.). Первым обществом дружбы и культурного сотрудничества стало албано-югославское (декабрь 1945 г.). Первый официальный государственный визит за границу глава правительства Э. Ходжа совершил в июне 1946 г. в Югославию. Там его наградили первым иностранным орденом — югославским Орденом народного героя.

Экономические соглашения, подписанные в те годы, базировались на взаимном доверии. Вместе с тем практика реализации этих соглашений обнаружила склонность югославского руководства к патернализму, к стремлению навязать свою точку зрения. Югославские советники и специалисты, которых в Албании насчитывалось к концу 1947 г. около тысячи человек, упорно насаждали социалистическую модель организации общества в своем понимании. Ходжа как-то пожаловался Чувахину, что югославы считают все сказанное ими подлежащим безоговорочному выполнению, ибо «они во всем, даже в мелких коммерческих делах, видят "социализм" и буквально засыпают албанцев цитатами из Маркса и Энгельса, не забывая при этом о своих интересах и не считаясь с интересами албанского народа».

В марте—апреле 1947 г. в Белграде проходили переговоры о заключении двустороннего югославо-албанского торгового соглашения на основе югославского проекта. Он предусматривал отказ Албании от монополии на внешнюю торговлю, ибо все импортно-экспортные операции должны были осуществляться исключительно югославскими организациями. Глава албанской делегации министр экономики Нако Спиру отказался подписать невыгодные для Албании условия договора без консультации с правительством. Тогда югославская делегация временно отступила, перенеся центр тяжести дискуссий в двустороннюю комиссию по выработке первого пятилетнего плана восстановления и развития народного хозяйства Албании. Проект предусматривал развитие тех отраслей экономики, которые представляли преимущественный интерес для Югославии. Переработка сельскохозяйственной и горнодобывающей промышленности должна была производиться в Югославии. В обмен на это Албания стала бы получать югославские промышленные товары.

Попутно достигались такие договоренности, которые совершенно определенно вели к превращению Албании в зависимую от Югославии провинцию. От парификации монетной системы выигрывал югославский динар. Соглашения об унифи-

кации цен, о таможенном союзе, об обязательности согласования народнохозяйственных планов, о создании совместных албано-югославских обществ также давали преимущества югославской стороне. Принимая во внимание разницу в уровнях экономического развития обеих стран, более низкую квалификацию албанских хозяйственных кадров, практическое осуществление всего вышеперечисленного не могло не поставить Албанию в полную зависимость от ее северной соседки. Однако дружественный характер двусторонних отношений до поры до времени позволял сглаживать периодически возникавшие трения.

Оппонентом югославов и в этих переговорах выступал все тот же Нако Спиру. Он был молод (28 лет) и решителен. К тому же его позиции усилились за счет обретения единомышленника в лице генерала Мехмета Шеху, вернувшегося из СССР, где он в течение года учился в Академии генштаба и подрабатывал в албанской редакции Радиокомитета не столько из-за денег, сколько из чувства партийного долга. В СССР тогда не было специалистов, знающих албанский язык, и привлечение иностранных коммунистов для пропаганды советского образа жизни в своих странах входило в повседневную практику средств массовой информации.

Поддержка такого авторитетного человека имела для Спиру первостепенное значение. Его позиции усиливались и за счет привлечения симпатий некоторых других членов ЦК КПА. Поэтому руководство КПЮ стало предпринимать шаги по его дискредитации. В первых числах ноября 1947 г. в Тирану возвратился после почти трехмесячного отсутствия представитель ЦК КПЮ Саво Златич. 5 ноября он встретился с Ходжей и Дзодзе и от имени своего ЦК сделал им устное заявление о том, что, по мнению югославского руководства, ЦК КПА и албанское правительство занимают ошибочную позицию в вопросах дальнейшего развития экономики, строя свои планы (или собираясь строить) обособленно от экономических планов Югославии, и что в Албании существует скрытый антиюгославский фронт. Это по сути было прямое требование найти, разоблачить и убрать несогласных. В заявлении, письменный текст которого передали Ходже, назывались конкретные фамилии, но до поры до времени они держались в секрете.

Над головой Спиру стали сгущаться тучи. Албанские руководители с явным нетерпением ждали возвращения из Москвы Чувахина, который после июльского визита Ходжи так и не объявился в Тиране. Советский посланник пользовался большим уважением у сотрудничавших с ним официальных лиц. Отзывчивый и контактный, он был готов в любую минуту помочь своими советами, в чем так нуждались молодые руководи-

тели страны. Тогдашняя албанская политическая элита формировалась в основном из молодых и очень молодых (20 – 30 с небольшим лет) участников партизанского движения коммунистического толка, которые смотрели на 43-летнего дипломата из легендарной Страны Советов как на многоопытного старшего товарища. Не имевшие соответствующей их высоким постам профессиональной подготовки и опыта работы, они нуждались в помощи. Однако на все запросы в Москву о причинах столь затянувшегося отсутствия им отвечали, что посланник продолжает свой отпуск на берегу Черного моря.

Замещавший Чувахина первый секретарь миссии А.Н. Гагаринов сообщил в МИД о беседе со Спиру 10 ноября, когда тот рассказал ему о демарше Златича. Дескать, Ходжа и Дзодзе познакомили членов политбюро с югославскими обвинениями лишь частично. А поступили они так потому, что заняли капитулянтскую позицию югославов. Затем, писал Гагаринов, Спиру поднял глаза на портрет Сталина и сказал, что обо всем этом "должен знать тот, кто направляет политику всех демократических стран".

18 ноября состоялось заседание политбюро ЦК КПА в узком составе. Кандидаты в члены политбюро Мехмет Шеху, Лири Белишова, Фадиль Пачрами не присутствовали. "Они не подставляют покорно головы под югославский кулак и являются людьми, которых не любят югославы", – прокомментировал их отсутствие Спиру, подробно рассказавший о заседании Гагаринову. Докладчиком выступил сам Ходжа, который полностью солидаризировался с югославскими обвинениями. Спиру был неприятно поражен тем, что Ходжа и Дзодзе, несколько раз говорившие с ним о письме ЦК КПЮ, скрыли, что "югославы прямо ставят вопрос о том, что якобы он, Нако Спиру, является вдохновителем антиюгославских тенденций в Албании. Только из доклада Энвера Ходжи на политбюро я узнал об этом. Это грозит мне гибелью. На албанском языке это означает, что я враг". И далее: "Пусть я виноват, но все шаги я согласовывал с Энвером Ходжей и Кочи Дзодзе".

Днем 20 ноября Ходжа пригласил к себе Гагаринова и изложил ему суть внутреннего конфликта в партии. Он рассказал о решимости всех членов политбюро улучшить отношения с югославами, об их возмущении поведением Спиру, который "в любое время, по любому поводу мог говорить часами, а по вопросу, который является основным содержанием его работы, дважды отказался выступить". Спиру действительно старался оттянуть неприятный момент встречи со своими соратниками в роли обвиняемого до того, пока не поговорит начистоту с Ходжей. Но тот отказался. Спиру вечером того же дня передал Гагаринову письмо, в котором изложил тезисы своего выступле-

ния на политбюро, обещав назавтра рассказать обо всех подробностях. Однако "завтра" для Спиру не наступило. Он застрелился у себя в кабинете на глазах у помощников.

1 декабря 1947 г. в докладе Дзодзе в Тиранской партийной школе были сформулированы обвинения, выдвинутые против Спиру как руководителя фракции, возникшей "под носом у генерального секретаря". Спиру обвинялся в шовинистической антиюгославской деятельности, в стремлении насадить автаркию, в связях с классовыми врагами и даже в шпионской деятельности. Утверждалось, что враждебное отношение Спиру и его сторонников к рабочему классу, к здоровым, т.е. рабочего происхождения, кадрам партии проистекает из его буржуазного происхождения. Только рабочий класс никогда не ошибается, говорил Дзодзе, а интеллигенция легче всего поддается чуждым влияниям.

В целях ликвидации последствий "вражеской деятельности" Спиру намечалось провести чистку государственного и партийного аппарата от его сторонников, а в области внешней политики наладить более тесное сотрудничество с Югославией. Для укрепления контактов в военной области в конце декабря 1947 г. Албанию посетили начальник штаба югославской армии К. Попович и два заместителя начальника политуправления югославской армии. К тому времени М. Шеху, выступавший против объединительных планов, был смещен с поста начальника генштаба. Сменивший его Б. Балуку стал работать рука об руку с югославскими генералами. Речь шла, в частности, о вводе в район Корчи одной югославской дивизии якобы для совместной защиты южных границ Албании против готовящегося нападения греческих монархо-фашистов и англо-американских империалистов.

Тем временем обсуждение "дела Спиру", вернее сложившейся в связи с этим делом ситуации в партии, продолжалось в декабре 1947 — январе 1948 г. Состоялось шесть заседаний политбюро, на которых подверглись критике не только сторонники "антиюгославской линии" Спиру, но и занимавшие позицию невмешательства. Вспомнили и Малешову, который вместе со Спиру наиболее резко высказывался на братском пленуме в отношении Поповича, Мугоши и Ходжи. Наконец состоялся VIII пленум ЦК КПА (26 февраля — 8 марта 1948 г.), окончательно, как тогда казалось, заклеймивший Нако Спиру. Была исключена из партии и освобождена от всех должностей его жена Лири Белишова, секретарь ЦК Союза коммунистической молодежи, выведен из числа кандидатов в члены ЦК Мехмет Шеху, а из политбюро — Тук Якова и Бедри Спахиу.

Выработка резолюции заняла 19 дней и была утверждена 27 марта. В ней содержался весь набор обвинений Спиру во

вражеской антиюгославской деятельности и в извращении линии партии в области экономики (имелся в виду пятилетний план). "Наша партия считает, что самые прочные отношения и тесное сотрудничество с Югославией маршала Тито, — говорилось в этом документе, — являются наиболее быстрым, надежным и естественным путем, который создает возможности для строительства социализма в нашей стране".

Резолюция Информбюро[4*] "О положении в Компартии Югославии" 1948 г. стала рубежом в албано-югославских отношениях. В советской историографии сложилось представление, что гегемонистские устремления Тито на Балканах и, в частности, попытка присоединить Албанию к Югославии в качестве седьмой республики явились определяющими причинами разрыва между Сталиным и Тито. Эту легенду поддерживали утверждения албанских политиков и лично Ходжи, любившего повторять, что Сталин спас Албанию, разоблачив происки "банды Тито" и его албанских агентов. Однако только после краха коммунистического режима в Албании и начавшейся публикации документов стало возможным частичное восстановление происшедшего.

Выяснилось, что советское руководство не проявляло большого интереса к тому, как развивались албано-югославские отношения. Все время, пока наращивался клубок интриг вокруг "дела Нако Спиру", посланник Чувахин находился в Москве. За ситуацией в Албании наблюдал изнутри и старательно описывал ее со слов Дзодзе "товарищ Петров" — референт Отдела внешней политики ЦК ВКП(б) П.И. Манчха. По его информации, в КПА боролись две группировки, объединившиеся вокруг Спиру, которого поддерживал Ходжа, и Дзодзе. Спиру, "маскируя свою вражескую деятельность ложным стремлением к искреннему и тесному сотрудничеству с СССР, проводил антиславянскую политику", — сообщал Манчха. Но КПА ликвидировала гнездо заговорщиков, приняла решение еще теснее сотрудничать с Югославией в экономической и военной областях. Информация, датированная 15 января 1948 г., оказалась настолько важной, что ее разослали И.В. Сталину, В.М. Молотову, А.А. Жданову, Л.П. Берии, А.И. Микояну, Г.М. Маленкову, Н.А. Вознесенскому.

10 февраля 1948 г. в Москве состоялось совещание представителей компартий Советского Союза (Сталин), Болгарии (Димитров) и Югославии (Кардель). На нем обсуждался в том чис-

[4*] Информбюро, или Коминформ, — Информационное бюро коммунистических и рабочих партий (1947—1956), членами которого являлись коммунистические и рабочие партии Болгарии, Венгрии, Италии, Польши, Румынии, СССР, Франции, Чехословакии, Югославии (до 1948 г.).

ле и вопрос о несогласованном с СССР решении о вводе в район Корчи югославской дивизии. "Если Тито вводит туда дивизию или полк, то это не может быть скрыто от внимания Америки и Англии. Они начнут кричать, что Албания оккупирована. И тогда они (эти мерзавцы из Америки и Англии) явятся в роли защитников албанской независимости. Возможна военная интервенция. Вы должны их (албанцев. — *Н.С.*) вооружить, а защититься они смогут и сами", — негодует Сталин. Но выход из этой ситуации он предлагает весьма неожиданный. "Югославы, видимо, боятся, что мы отнимем у них Албанию, — говорит он далее и, обращаясь непосредственно к Карделю, призывает: *Вы должны взять Албанию, но по-умному* (курсив мой. — *Н.С.*)".

Одним из вариантов "умного" решения Сталин считал вхождение Албании в состав Югославии через балканскую федерацию. Такое объединение возможно хоть завтра, рассуждал он, но его надо подготовить парламентскими постановлениями. "Лучше начать с политического объединения (т.е. с федерации. — *Н.С.*) и тогда послать войска в Албанию — тогда это не может служить предлогом для нападения, — советовал он. — Если вы устроите объединение через национальные собрания — все будет хорошо. Федерация решает все вопросы. Между болгарами и югославами близость в расовом отношении и в бытовом отношении очень велика, и любой поймет это объединение. А албанцы тоже выиграют при федерации, потому что будет создана объединенная Албания с почти удвоенным населением".

Известно, что к тому времени идея балканской федерации потеряла для Сталина всякую актуальность, но совет насчет "взятия Албании по-умному" и использования Косово в качестве приманки был принят белградскими политиками к сведению. В конце марта 1948 г., когда после первого письма Сталина и Молотова в адрес Тито и Карделя с резкой критикой политики югославского руководства создалась реальная угроза изоляции Югославии от складывающегося социалистического лагеря, С. Златич попытался выбросить албанцам козырную карту. Он конфиденциально сообщил Ходже, что наступило благоприятное время для передачи Косова Албании и сам Тито собирается в Тирану, чтобы закрепить этот акт лично. Сообщение оказалось блефом, но расчет на получение определенных выгод от "тесного союза" с Югославией продолжал, по-видимому, вдохновлять албанское руководство на поддержку этой идеи.

Характерно, что кремлевское руководство не информировало Чувахина о советско-югославских трениях, в том числе и из-за Албании, когда тот вернулся в начале марта в Тирану. Посланник не знал также многих подробностей того, как настойчиво и успешно югославы укрепляли свои политические и

экономические позиции в стране. 9 марта на первой встрече с Ходжей Чувахин сообщил ему, казалось бы, радостную весть, что советское правительство в соответствии с ранними пожеланиями албанцев согласилось увеличить число советников и специалистов в их народном хозяйстве. Ходжа весьма сдержанно ответил на лестное предложение, сославшись на трудности с претворением в жизнь рекомендаций советников при министерствах: они должны будут пройти обязательную апробацию в возглавлявшейся югославским представителем албано-югославской координационной комиссии, которая к тому времени обрела полуофициальный статус общего экономического правительства. Поэтому, заключил он, албанское правительство хотело бы ограничиться приглашением советских специалистов только на конкретные предприятия, в конкретные отрасли. Даже по сухой протокольной записи беседы чувствуется, что Ходжа раздосадован тем, что вынужден выкручиваться из какой-то непонятной ему ситуации. Он чуть ли не открытым текстом говорит Чувахину: да разберитесь вы там в Москве с югославами, кто из вас здесь в Албании главнее, а пока я и политбюро будем следовать указаниям из Белграда. Через неделю, 16 марта, состоялся еще один разговор Чувахина с Ходжей в присутствии Дзодзе. Албанский лидер информировал посланника о разоблачении антипартийной деятельности Нако Спиру, сожалел, что не смог его вовремя "раскусить", сообщил, что все материалы о пленуме передал "товарищу Петрову".

Тем временем в течение всего марта 1948 г. в Тиране проходили заседания политбюро, на которых рассматривался вопрос об объединении с Югославией путем прямого союза или в составе болгаро-югославо-албанской федерации. 30 марта было наконец решено считать последнюю неактуальной, а к союзу с Югославией относиться так, как будто он уже есть, но публично его не афишировать. И вообще сначала определиться самим, а потом уже информировать "советских".

В конце апреля состоялся обмен письмами между Тито и Ходжей, в которых признавалось некоторое ухудшение отношений и выражались надежды на преодоление недоразумений в интересах дальнейшего конструктивного сотрудничества. В середине апреля 1948 г. в Албании была получена наконец копия письма ЦК ВКП(б) от 27 марта с обвинениями КПЮ и ее лидеров в антисоветской линии, оппортунистических ошибках и ревизии важнейших положений марксизма-ленинизма. Но состоявшееся 25 апреля заседание политбюро ЦК КПА происходило так, как будто ничего чрезвычайного не случилось. Большинство присутствовавших сошлись на том, что до письма ЦК ВКП(б) они полностью доверяли югославам, а после ознакомления с ним стали возникать сомнения, все ли было правиль-

но. На пленуме подробно обсуждались проблемы албано-югославских отношений, подход к которым признавался несколько идеализированным. Восстанавливали подробности того, как шло обсуждение и принятие решений по вопросам военного сотрудничества (ввод дивизий, унификация армий) и о союзе двух стран. Но в целом югославскую помощь, оказанную Албании, признали "правильной, марксистско-ленинской", решив проанализировать весь объем взаимоотношений за истекший год "в свете письма ВКП(б)".

И, конечно, обескураживающим выглядит письмо Ходжи к Тито от 23 мая. К тому времени все пять восточноевропейских членов Коминформа прислали в ЦК ВКП(б) резолюции в поддержку письма от 27 марта. КПА не входила в Коминформ и, по всей вероятности, от нее такой реакции и не требовалось. Однако шквал обвинений, обрушившийся на руководство КПЮ и на Тито лично, должен был побудить албанское руководство сделать свой выбор. Тем не менее в письме Ходжи после обычных выражений благодарности за помощь, за интернационалистский подход и т.п. следовало: "Мы готовы рассмотреть все вопросы, касающиеся наших совместных дел и исправить всё ошибочное, чтобы наши отношения развивались и впредь на благо наших народов".

Только в конце июня 1948 г. позиция КПА прояснилась окончательно. В Варшаве во время конференции министров иностранных дел социалистических стран Европы по германскому вопросу Ходжа попросил Молотова о встрече и в ходе беседы с ним заявил, что письмо ЦК ВКП(б) дало возможность албанским руководителям понять действительную линию КПЮ в отношении Албании, ибо до этого они были убеждены, что политика КПЮ и Тито "соответствует указанию ЦК ВКП(б)". Обвиняя югославов в стремлении подчинить себе Албанию экономически, Ходжа упомянул о самоубийстве Спиру. Неожиданно Молотов сказал: "У нас сложилось впечатление, что в лице Нако Спиру Албания потеряла хорошего работника и друга СССР". Застигнутый врасплох Ходжа заговорил что-то о честолюбии Спиру, но после нескольких наводящих реплик собеседника признался в совершении ошибки в отношении своего бывшего друга, "поддавшись влиянию югославов".

Резолюция Информбюро "О положении в Компартии Югославии" была опубликована 28 июня 1948 г., а уже 1 июля албанское правительство объявило об аннулировании договоров с Югославией и о высылке из страны югославских советников, число которых к тому времени приближалось к 600.

Выработка политической оценки албано-югославских отношений произошла не сразу. Даже после присоединения КПА к резолюции Информбюро прошли месяцы, прежде чем был

дан ответ на основные вопросы. Эмоциональное потрясение, вызванное неожиданно возникшим советско-югославским конфликтом, заглушало на первых порах сигналы о возможных изменениях в Албании. Достоверные данные о том, как шла борьба в руководстве партии, почти полностью отсутствуют. А она началась сразу же. Однако только после судебного процесса над Кочи Дзодзе в мае — июне 1949 г. его стали именовать заговорщиком, врагом народа и прямым агентом Тито. Но в июле — августе 1948 г. отношение к нему было иным. Все знали, что именно он подписал первый документ о поддержке резолюции Информбюро. Были широко известны его симпатии к СССР и хорошие деловые отношения с кремлевским руководством. Являясь оргсекретарем ЦК КПА, он в течение всего 1947 г. консультировался на Старой площади по вопросам партийного строительства, подготовки первого съезда партии, выработки устава, кадровой политики, военного строительства. Может быть, именно эта сторона его деятельности привела к победе его сторонников на выборах в областные и районные комитеты КПА 26 августа 1948 г.

Через месяц ЦК аннулировал результаты голосования, ибо выборы "происходили в период существования нездоровой обстановки в партии, когда отсутствовала критика и самокритика, партийные массы не могли свободно решать вопросы и действовать самостоятельно". Заодно ЦК постановил переизбрать всех секретарей первичных организаций, ибо они "также не выражали воли масс, которыми руководили". Новые выборы накануне проведения первого съезда КПА должны были обеспечить руководству такую расстановку кадров на всех ступенях партийной иерархии, которая исключала бы возникновение сомнений у так называемых масс в правильности поворота на 180 градусов.

Основы новой политической линии партии определились на XI пленуме ЦК КПА, продолжавшемся 11 дней — с 13 по 24 сентября 1948 г. Обсуждение доклада Э. Ходжи "О положении в партии" проходило в свете писем ЦК ВКП(б) и резолюции Информбюро, а поэтому содержало резкую критику "националистической троцкистской группы Тито, предавшей дело марксизма-ленинизма и скатившейся на националистические буржуазные позиции". В обширной резолюции пленума подчеркивалась решающая роль ВКП(б) в разоблачении Тито, что помогло албанским коммунистам осознать пагубность "грубого, враждебного, произвольного и противозаконного" вмешательства югославов во внутренние дела албанской компартии и государства. Тогда же возникла формулировка, ставшая впоследствии трафаретной, согласно которой линия партии всегда была правильной, но ошибались отдельные люди и группы людей.

В данном конкретном случае вина за ошибки возлагалась на представителей ЦК КПЮ и на поддавшихся их влиянию "прислужника буржуазии" Сейфулу Малешову, а также Кочи Дзодзе и Панди Кристо. При этом как-то сразу забылось, что именно Малешова всегда выступал в роли самого резкого критика некомпетентности югославских советников. Дзодзе обвинялся в том, что он, игнорируя генерального секретаря и других членов политбюро, монополизировал власть, а в качестве министра иностранных дел поставил партию под контроль органов безопасности. Полицейская информация подменила революционную бдительность — таков был окончательный вывод.

XI пленум дезавуировал решения II (братского, 1944 г.) и VIII (февраль — март 1947 г.) пленумов ЦК как сфабрикованных под югославским давлением. Даже то, что Ходжа вынужденно признавал ошибки, которые он якобы не совершал, также списывалось на козни титовцев. В итоге Нако Спиру был признан "жертвой подлых интриг троцкистского националистического югославского руководства" и реабилитирован, а Мехмет Шеху и Лири Белишова восстановлены в качестве кандидатов в члены политбюро. Пост секретаря ЦК по организационным вопросам занял Тук Якова "как наиболее подходящий для этой работы руководитель, вышедший из недр рабочего класса, один из основателей нашей партии и ее славный борец". Кочи Дзодзе остался членом политбюро ЦК, а Панди Кристо — только членом ЦК. Вместо Дзодзе министром внутренних дел некоторое время был Нести Кереньджи, но после его ареста в октябре министерское кресло занял М. Шеху. С этого времени и до своего самоубийства в 1981 г. он руководил силовыми структурами или курировал их по линии ЦК партии.

Пленум принял ряд важных решений: о легализации партии, о возобновлении издания газеты "Зери и популыт", о созыве первого съезда партии.

Э. Ходжа смог не только сохранить, но и укрепить свой авторитет в народе. Обсуждение решений пленума совпало с 40-летним юбилеем Ходжи. По всей стране прошли торжественные заседания. Из городов и деревень на его имя в ЦК КПА поступали письма и телеграммы, в которых прославлялись его политическая дальнозоркость, верность марксизму-ленинизму, бесстрашие в борьбе против политики раскола и шантажа, проводившейся троцкистским руководством КПЮ. И все-таки провидцем Ходжа никогда не был. Эмпирик со склонностью к нарциссизму, он позволял использовать свое имя ради претворения в жизнь наиболее выгодной в данный момент или перспективной чужой идеи и так же легко от нее отказывался в случае неудачи, отдавая свой голос в поддержку диаметрально противоположной точки зрения. Полулегальное положение

партии, строгая секретность во всем том, что касалось внутрипартийной борьбы, способствовали сохранению о нем легенды как о герое войны и самом уважаемом лидере.

Первый съезд КПА открылся 8 ноября 1948 г., ровно через семь лет после основания партии, и его заседания продолжались ежедневно в течение двух недель, до 22 ноября. В его работе приняли участие 563 делегата с правом решающего голоса и 299 делегатов с правом совещательного голоса, представлявшие 45 382 членов и кандидатов в члены партии. В повестку дня были вынесены следующие вопросы: 1. Отчет ЦК КПА и новые задачи партии (докладчик Э. Ходжа); 2. О государственном экономическом плане (докладчик Г. Нуши); 3. Об организационных вопросах и уставе партии (докладчик Т. Якова); 4. Выборы ЦК и ревизионной комиссии.

Наиболее остро проходило обсуждение поворота в политике партии в связи с коренным изменением характера албано-югославских отношений. Съезд подводил итоги этого мучительного и сложного процесса. На первый взгляд казалось, что осуждение политики югославского руководства и группы Кочи Дзодзе встретило единодушную поддержку. Но только на самом съезде, уже после основательной чистки органов министерства внутренних дел, которую провел новый министр М. Шеху со своим свояком и ближайшим помощником Кадри Хазбиу, стала очевидной победа сторонников Э. Ходжи. Стенограммы съезда не печатались, а поэтому неизвестно, насколько свободно обсуждались внутрипартийные дела.

Из резолюции съезда можно узнать, что Дзодзе и Кристо получили слово, но суть их выступлений не раскрывалась, за исключением того, что они попытались использовать трибуну съезда "для нападок на правильную линию партии, партийного съезда и на партию в целом, последовательно защищая свою троцкистскую линию". Из отчета Чувахина о беседе с Дзодзе накануне открытия съезда известно, что тот советовался с посланником, как лучше построить свое покаянное выступление. Он заявил о согласии с решениями партии, о том, что готов рассказать о своих контактах с троцкистским руководством КПЮ, начиная с бератского пленума. Со слезами на глазах, как отмечал Чувахин, Дзодзе говорил об антимарксистской деятельности югославских представителей в Албании и о том, что ему пытаются приклеить ярлык антисоветчика, но этого никому не удастся сделать.

Как он заблуждался, пытаясь спастись и рассчитывая на пробуждение чувства справедливости у соратников по партии! Вся система взаимоотношений в мировом коммунистическом движении предполагала цепную реакцию предательств, доносов и самых фантастических обвинений. КПА не была исклю-

чением: Спиру разоблачил "оппортуниста" Малешову, самого его "съел" Дзодзе, которого добил как антисоветчика и югославского агента Шеху, покончивший жизнь самоубийством в 1981 г., на что подтолкнул его Ходжа...

В отчетном докладе ЦК КПА, чтение которого Ходжей заняло первые три дня съезда, излагалась история партии с момента ее основания. Она была поделена на два периода — до бератского пленума в ноябре 1944 г. и после него. Относительно первого периода вывод делался вполне определенный: "Ошибались Юмер Дишница и Лири Гега, но не Центральный комитет и не генеральный секретарь". Первого критиковали за компромисс в Мукье, вторую — за создание нездоровой обстановки в партии. Что касается содержания генеральной линии партии, то оно не раскрывалось, а делалась отсылка: "Это линия Центрального комитета, которую защищали товарищи Энвер Ходжа и Миладин Попович".

В период после бератского пленума восторжествовали враждебные тезисы ЦК СКЮ, в результате чего оказались подорванными единство Центрального комитета и правильная линия партии, нарушен принцип демократического централизма, критика и самокритика служила целям дискредитации людей, поощрялись амбициозность и мания величия, создан культ героев, спасающих партию от вымышленных опасностей, поощрялся карьеризм, стали господствовать произвол, военные, путчистские и анархистские методы. В докладе Тука Яковы обличительный пафос сосредоточился на сфере организационно-партийной работы. Он констатировал (и это положение вошло в резолюцию), что "партия превратилась в полицейский аппарат, где господствовал страх перед репрессиями со стороны органов безопасности, во главе которых находился К. Дзодзе". И в докладе, и в резолюции подчеркивалось, что все эти извращения стали возможны "из-за низкого идеологического уровня партии".

На съезде приводились примеры произвольной расправы над коммунистами, зачитывались письма безвинно осужденных или взятых под подозрение, а поэтому (и из-за этого) покончивших жизнь самоубийством. Во всех докладах, каких бы вопросов они ни касались, основное место занимали обвинения против югославского руководства и его агентуры в Албании. Так, на съезде в прениях выступили Бедри Спахиу с содокладом "О правах и обязанностях члена партии" и Мехмет Шеху с сообщением "Органы безопасности — верное и любимое оружие нашей партии и народа". Несмотря на разные названия, смысл обоих выступлений сводился к одному, — отталкиваясь от "величественного и исторического доклада товарища Энвера", осудить "восточные, деспотичные методы", при помо-

щи которых фракция Дзодзе проводила свою "троцкистскую антимарксистскую антиалбанскую и антисоветскую политику".

На съезде был обсужден и утвержден Устав партии, а также принято решение о переименовании Коммунистической партии Албании в Албанскую партию труда (АПТ), исходя из ее социального состава. Приводились следующие цифры: в стране сельское население составляло подавляющее большинство (90%), причем и сама партия объединяла главным образом крестьян (бедняки — 54%, середняки — 13%). Рабочие, в том числе и сельскохозяйственные, составляли 22,6%. Невысоким был и общеобразовательный уровень. Полностью неграмотных насчитывалось больше, чем людей с высшим и незаконченным высшим образованием, — соответственно 548 (1,8%) и 397 (1,4%). Более 80% членов партии имели лишь начальное образование.

Переименование партии имело свою историю. Еще в июле 1947 г., когда Ходжа и Дзодзе находились в Москве, состоялась их беседа с А.А. Ждановым и М.А. Сусловым по всем организационным вопросам, включая и переименование партии. Соответствующая рекомендация была дана Сталиным во время его первого разговора с Ходжей. Когда Жданов спросил, возможны ли возражения против этого, Ходжа заверил, что перемена названия партии будет встречена с пониманием, исключая, как он сказал, отдельных сектантски настроенных коммунистов. Действительно, бывшие партизаны стали протестовать против нового "некоммунистического" названия партии и только тогда, когда им сказали, что такое пожелание высказал лично товарищ Сталин, дискуссия прекратилась. Новый оргсекретарь Тук Якова заверил, что переименование партии не означает отказа от коммунистических идеалов. В уставе АПТ конечная цель формулировалась так: «Создание коммунистического общества, в котором будут полностью ликвидированы классовые различия, стерты грани между городом и деревней, достигнут высокий уровень производства, обеспечено претворение в жизнь принципа "от каждого — по способностям, каждому — по потребностям"».

На съезде избрали новый состав политбюро. В него вошли Э. Ходжа (генеральный секретарь), Т. Якова (секретарь ЦК), М. Шеху (секретарь ЦК), Б. Спахиу (секретарь ЦК), Х. Капо, Г. Нуши, Л. Белишова, С. Колека, Б. Балуку. Членами ЦК АПТ стал 21 человек, а кандидатами в члены ЦК — 10.

Съезд исключил из партии Кочи Дзодзе и Панди Кристо, "как троцкистских элементов, которые сознательно и по-вражески действовали против партии и нашего народа". Их уже не называли товарищами, как это было при открытии съезда. Чу-

вахин впоследствии писал в воспоминаниях, что он заметил, как ужесточалась критика по мере приближения заключительной стадии съезда. Выступавшие явно жаждали крови, требуя *отдать Дзодзе и Кристо под суд, "покончить с ними раз и навсегда"*. Тогда он решил внести следующее предложение в центр: "Поручить мне встретиться с Ходжей и обратить его внимание на необходимость несколько унять рьяных борцов против группы Дзодзе—Кристо и заняться планами развития экономики страны. Смысл ответа, который я получил немедленно, сводился к тому, чтобы я не вмешивался". В 1998 г. текст этой телеграммы стал известен: «Вашу оценку работы съезда албанской компартии считаем односторонней и неправильной, а ваши характеристики действий партийного руководства по разоблачению антипартийной группы Кочи Дзодзе как "туретчины", "азиатчины" и т.п. совершенно неуместными и ошибочными. Ваши предложения о советах Энверу Ходже считаем неприемлемыми». Подпись под телеграммой "ИНСТАНЦИЯ" — так подписывался Сталин.

За Чувахиным прислали самолет, чтобы доставить его в Москву "для консультаций". Пробыл он там недолго. Получив инструкции от Сталина и Молотова, он вернулся в Тирану, чтобы готовить визит Ходжи в СССР.

Тем временем вовсю шла подготовка показательного суда над группой Дзодзе—Кристо. "Дело" этой группы шло в русле политических процессов, прокатившихся тогда по всем народно-демократическим странам Восточной Европы. Но если в большинстве из них разоблачения "агентов Тито" в руководстве коммунистических и рабочих партий инспирировались в основном сверху, из Кремля, то в Албании судилище происходило как бы естественно, само собой, по требованию возмущенных рядовых коммунистов.

Судебный процесс — с момента ареста и до вынесения приговора — шел долго, около полугода. 130 дней Дзодзе держали в кандалах, подвергая моральным и физическим пыткам. Он сознавался в связях с югославами, в каких-то серьезных (и не очень) ошибках, совершенных по незнанию новой для него работы в качестве оргсекретаря ЦК КПА и министра внутренних дел. Клялся, что не монополизировал в своих руках руководство Центральным комитетом, что всегда придерживался коллективных методов и во всем консультировался с Ходжей. Дзодзе давал подробные показания и писал объяснительные записки в следственную комиссию. Из тюремной камеры он обращался к Ходже и Чувахину, доказывая несправедливость выдвинутых против него обвинений. 8 апреля 1949 г. он заверил их, что готов понести любое наказание за содеянное, но клеветы, провокаций и ложных обвинений он терпеть не может. Конец пись-

ма завершали призывы: "Да здравствует Советский Союз, ВПК(б), Сталин! Да здравствует наш народ и партия во главе с Энвером! За победу социализма и коммунизма!" Предчувствуя расправу, он дважды предпринимал попытку самоубийства.

Генеральный прокурор Бедри Спахиу обвинил Дзодзе в организации тотальной слежки за всеми руководителями партии и государства, в поощрении расправ без суда и следствия. Дзодзе отрицал это. Если и были такие случаи, не уставал повторять он, то только в отношении людей в надежности которых сомневался и на которых указывал Команданти (Ходжа). "Грязный троцкист!", — закричал на него Спахиу. Это было одним из последних заседаний. 10 июня судья Фредерик Носи зачитал приговор: Кочи Дзодзе приговаривался к расстрелу, Панди Кристо — к 20 годам заключения и принудительных работ, Васке Колеци — к 15 годам, Нури Хута — к 10 годам, Ванго Митройорги — к 5 годам. Мехмет Шеху хвастался в кругу друзей, что это он лично привел в исполнение приговор в отношении Дзодзе, а в албано-советских партийных кругах стал ходить стишок:

Жили-были два троцкиста
Кочи Дзодзе, Панди Кристо,
А теперь почили в бозе
Панди Кристо, Кочи Дзодзе

Однако Панди Кристо выжил. Отбыв в тюрьмах и лагерях 15 лет, он попал в ссылку и, дожив до краха коммунистического режима, умер в 1991 г.

"Наша линия – ориентация на СССР"

Разрыв с Югославией и ориентация непосредственно на Советский Союз без сомнительных интерпретаторов универсальной модели истинного социализма, какими были, как оказалось, многочисленные югославские советники, открыли перспективы восстановления и развития народного хозяйства Албании. Проработка решений I съезда КПА/АПТ в ноябре 1948 г. переросла в митинговую эйфорию: "Советский Союз и Сталин нас спасли — они нам помогут!" В стране ощущалась катастрофическая нехватка средств и, как говорил в начале марта 1949 г. Чувахину председатель госплана Спиро Колека, все планы развития строятся на получении кредитов от дружественных стран, а прежде всего, от СССР.

В Москве понимали стратегическую важность Албании как опорного пункта в идеологической борьбе с Тито и, что было на тот момент еще более значимо, в противостоянии с Западом. В Греции шла затяжная гражданская война, которая начинала

тяготить Сталина. База переподготовки греческих партизан на территории Югославии закрылась. Они стали пробираться через горные перевалы в нищую Албанию, а за ними потянулись и их семьи. Раскол в компартии Греции, набиравший силу конфликт с компартией Югославии, "холодная война" — и на этом тревожном фоне существует где-то в отдалении нуждающаяся в помощи Албания, отрезанная от складывающегося соцлагеря югославской "мертвой зоной". Наземный транзит через ее территорию запрещен, воздушный коридор закрыт.

К тому времени албанское правительство решительно отказалось от помощи по "плану Маршалла", а в феврале 1949 г. Албанию приняли в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), учрежденный за месяц до этого без ее участия. Когда же албанские представители побывали в столицах стран — участниц СЭВ, то они стали открыто осуждать политику своего правительства в области внешней торговли. Группа видных практических работников во главе с председателем горсовета Тираны Юсуфом Кечи высказывала недовольство отсутствием прямых связей со странами Западной Европы. Албания много теряет оттого, что не продает свои товары, в частности нефть, битум и др., непосредственно, утверждали критики, а делает это через Болгарию и Венгрию, которые закупают, к примеру, нефть по низким ценам, а продают эту же нефть в страны Западной Европы по более высоким.

Для упорядочения албано-советских отношений в конце марта в СССР отправилась албанская партийно-правительственная делегация во главе с Э. Ходжей. Неблизкий путь из Дурреса в Одессу шел по пяти морям в штормовую погоду. Сталин принял замученного морской болезнью Ходжу на второй день после прибытия делегации в Москву в 10 часов вечера. В ходе длившейся более двух часов беседы были согласованы основные принципы торгово-экономических взаимоотношений, закрепленные конкретными договоренностями в течение последующих 20 дней пребывания делегации.

Сталин сделал несколько политических рекомендаций. В частности, он заметил, что деятельность югославских националистов в Албании имела не только антисоветскую и антиалбанскую направленность, но и "против мусульман". Совершенно неожиданным был совет атеиста-коммуниста Сталина атеисту-коммунисту Ходже учитывать при формировании правительства религиозный фактор и назначить главой правительства мусульманина. Неожиданное предложение, если принять во внимание, что премьер-министром был уже мусульманин — сам Ходжа. Правда, его отец принадлежал к нетрадиционному направлению ислама — бекташизму, как и родители некоторых других тогдашних партийных и государственных деяте-

лей — Бедри Спахиу, Мюслима Пезы, Местани Уянику и др.[5*] Ходжа никогда не упоминал об этом совете Сталина.

Были и другие рекомендации Сталина: не торопиться с коллективизацией, особенно в горных районах, не отталкивать от себя интеллигенцию. Когда же он узнал, что у буржуазии отобрали фабрики, магазины и дома, то назидательно заметил, что даже Ленин считал необходимым на определенном этапе сотрудничество с национальной буржуазией. В качестве положительного опыта Сталин привел политику и практику китайских коммунистов.

Программа экономического развития, намеченная в общих чертах на съезде, предполагала корректировку всех ранее выработанных проектов, и она воплотилась в заданиях по двухлетнему плану развития народного хозяйства на 1949—1950 гг, основные направления которого были утверждены съездом. Программа социалистического строительства предусматривала индустриализацию и электрификацию страны, постепенное проведение коллективизации сельского хозяйства и осуществление культурной революции. Однако Албания не располагала соответствующими средствами. Поэтому при разработке двухлетнего плана принимались во внимание те капиталовложения, которые были обещаны Москвой. Излагая главные положения плана при утверждении его на заседании Народного кувенда в июле 1949 г., Э. Ходжа отмечал, что строительство основ социализма в Албании "невозможно без моральной, политической и материальной помощи Советского Союза".

Намечалось расширение производства в легкой, горнодобывающей и энергетической отраслях промышленности. В частности, предусматривались строительство текстильного комбината в Тиране, сахарного завода в Малике, небольшой, мощностью 5 тыс. квт, гидроэлектростанции в Селите, модернизация нефтепромыслов Кучовы и Патоси и др. Советский Союз не только предоставлял кредиты на строительство этих объектов, но и обеспечивал техническую помощь в процессе строительства, в наладке станков и оборудования, брал на себя подготовку кадров высшей и средней квалификации. В частности, с началом строительства тиранского текстильного комбината группа албанских техников была послана в Ташкент, где уже работало предприятие, построенное по аналогичному проекту.

[5*] Единственным религиозным лидером, участвовавшим в руководящих структурах национально-освободительного движения, был получивший звание полковника Баба Файя Мартанеши. В марте 1947 г. его, а также Бабу Фезу Малакастру убил выстрелами в упор глава секты бекташей Деде Баба Абази, затем покончивший с собой.

После принятия Албании в СЭВ началось сотрудничество в рамках этой организации. Народное хозяйство Албании получило в 1949—1950 гг. по поставкам в счет кредитов: два небольших парохода, дизельные моторы, цистерны из Польши, сахар, грузовики, станки, школьное оборудование, сельскохозяйственные машины, текстиль из Чехословакии, оборудование для телефонных и телеграфных станций, разные виды кож из Венгрии, горючее, цемент, стекло, бумагу, гвозди, сахар, кукурузу, овес из Румынии, проволоку, фанеру, рис, черенки сортового винограда, саженцы фруктовых деревьев, породистый скот из Болгарии.

Значительные капиталовложения направлялись на нужды развития сельского хозяйства (568 млн леков против 1103 млн, выделенных на нужды промышленности). По оптимистическим подсчетам албанских экономистов, выполнение заданий двухлетнего плана должно было избавить страну от ввоза зерновых и обеспечить производство технических культур (главным образом, сахарной свеклы и хлопка) в объемах, полностью покрывающих потребности в сырье соответствующих предприятий. Предполагалось расширение посевных площадей за счет освоения новых земель, осушения болот, улучшения агротехники, проведения мелиоративных работ. Производство животноводческой продукции намечалось довести до такого уровня, чтобы не только удовлетворялся спрос населения, но и увеличивался экспорт. Задачи были явно завышены. Недостаточный профессиональный уровень руководства, малопродуктивное, слабо поддающееся регулирующему воздействию государства индивидуальное хозяйство не способствовали выполнению намеченного. Социалистический же сектор давал едва 6% всей стоимости валовой продукции сельского хозяйства.

Сталин на встречах с Ходжей в Москве предупреждал против слепого копирования советского опыта. Однако именно эта практика начала внедряться в повседневную жизнь. На промышленных предприятиях вводился хозрасчет (этот термин даже не переводился на албанский язык). Из СССР пришли в Албанию формы и методы социалистического соревнования. Появились свои ударники и стахановцы, но этот последний титул ("стахановист" по-албански), лишенный для албанских трудящихся какого-то конкретного содержания, не прижился. С течением времени его сменило звание Героя труда, а затем Героя социалистического труда. Ударные молодежные бригады, посылаемые на новостройки, на первых порах показали свою эффективность. Так, они участвовали в сооружении железнодорожных веток Дуррес—Тирана (37 км) и Печин—Эльбасан (30 км), которые являлись продолжением вступившей в строй в 1947 г. первой в стране железной дороги Дуррес—Печин

(43 км). Однако привлекательность добровольно-принудительных строительных бригад вскоре потускнела. И с затянувшейся чуть ли не на все 50-е годы "стройки социализма" — строительства гидроэлектростанции на реке Мат — молодежь тихо дезертировала, называя ее "Ульза-бург" ("Ульза-тюрьма") за существовавшие там тяжелейшие условия жизни и труда.

Выполнение плана натолкнулось на трудности, связанные в первую очередь с отсутствием опыта хозяйствования среди руководящих кадров и низкой производительностью труда рядовых исполнителей. Правда, в докладе на пленуме ЦК АПТ в октябре 1949 г. о результатах первого полугодия председатель госплана С. Колека основной причиной неудач назвал "отсутствие достаточной заинтересованности со стороны партийных и государственных органов в преодолении трудностей, явившихся последствием вражеской деятельности клики Тито". До известной степени это утверждение имело под собой реальную почву, ибо поиски вражеских агентов в своей среде, с одной стороны, и надежды на всемогущество советской помощи — с другой, отвлекали партийное руководство от повседневных хозяйственных забот. Сталин сумел подметить эту опасность, когда спрашивал Ходжу, а будут ли работать сами албанцы после получения всеобъемлющей помощи средствами и кадрами. Тогда Ходжа ответил утвердительно, но в своих воспоминаниях он приписал сложившееся у Сталина мнение "результату злонамеренного информирования его армянским торговцем Микояном".

В феврале 1950 г. с критикой политбюро выступили два члена ЦК министр транспорта Ниязи Ислями и министр промышленности Абедин Шеху, которые утверждали, что партия находится в тупике, руководство не ориентируется в экономических вопросах, запланировав на двухлетку нереальные цифровые показатели, в частности по добыче нефти. Н. Ислями представил доклад о состоянии транспортных средств, из которого следовало, что положение улучшается медленно, а поставленные Советским Союзом грузовики "ЗИС" не приспособлены к албанским дорогам и неэкономичны в эксплуатации. Секретарь ЦК Б. Спахиу квалифицировал отчет как антисоветскую акцию и предложил передать дело Н. Ислями на рассмотрение комиссии партконтроля. Не ожидавший такого резкого поворота событий Н. Ислями покончил жизнь самоубийством. Привлеченные к ответу его единомышленники продолжали защищать свои позиции. Однако их выступления были приравнены к попытке вражеского саботажа двухлетнего плана, а то, что А. Шеху поддержали некоторые военные, позволило обвинителям говорить о существовании заговора.

На 2-й национальной конференции АПТ в апреле 1950 г. группу А. Шеху—Н. Ислями назвали троцкистской. Как сказал

Э. Ходжа, "они хотели захватить руководящие посты в партии и правительстве, заполучить власть в свои руки, свергнуть ЦК и правительство и, естественно, установить ненавистный режим буржуазии". Арест оппозиционеров и их сторонников как "врагов народа" завершил на тот момент разбирательство по партийной и государственной линиям. М. Шеху расширил ряды своих сторонников: освободившиеся места кандидатов в члены ЦК заняли его жена Фикрет и шурин Кадри Хазбиу.

На самой конференции и после ее окончания акцент во внутрипартийной работе делался на разоблачении врагов в самой партии. Э. Ходжа обратился ко всем рядовым членам АПТ с призывом не считать революционную бдительность уделом только руководства партии. Такие фразы, как "известие об этом подобно разорвавшейся бомбе" или "и кто только мог подумать, что имярек враг, шпион и диверсант", надо забыть, говорил генеральный секретарь. Они свидетельствуют о пассивности организации, о нежелании выводить на чистую воду многочисленных притаившихся врагов. В такой истеричной обстановке началась проверка партийных документов, в результате которой за первые полгода из партии исключили 8% от общего числа ее членов.

В феврале 1951 г. пленум ЦК вывел из состава политбюро и снял с поста оргсекретаря ЦК Тука Якову. Человек, которого Э. Ходжа совсем недавно называл "великим сыном Албании" и "одним из самых способных руководителей", был обвинен в том, что начиная с 1943 г. его деятельность как руководящего работника и коммуниста "характеризовалась глубоким оппортунизмом, нетерпимым либерализмом, отсутствием достаточно сильной ненависти к классовому врагу" и т.д. Ему вменялось в вину воспитание в духе католичества и мелкобуржуазного всепрощенчества, а также то, что "он думал вразрез с политической линией партии и действовал против нее". На Якову как на оргсекретаря возлагалась ответственность за невыполнение двухлетнего плана: так как он не верил в реальность многих цифр и не смог мобилизовать парторганизации на выполнение заданий. К тому же он считал Н. Ислями не врагом партии, а просто упрямым человеком, страдавшим манией величия. Ему вменялось в вину также отсутствие критики и самокритики в партии. Одновременно с Ислями получили партийные взыскания министр юстиции, один из старейших членов партии Маноль Кономи и начальник управления кадров при ЦК АПТ Теодор Хеба, выведенные из состава ЦК "за капитуляцию перед трудностями и дезертирство с фронта борьбы партии".

Двухлетний план был выполнен, как свидетельствовали официальные данные того времени, только на 87,2%. Не удалось достигнуть намеченных показателей по добыче нефти и

хромовой руды, по которой Албания входила в число ведущих мировых производителей. Медленными темпами росла сельскохозяйственная продукция. Вместе с тем, несмотря на просчеты в планировании и организационные трудности, объем валовой продукции в конце двухлетки в 4 раза превысил уровень 1938 г., а увеличение сельскохозяйственного производства позволило начать постепенное снижение цен на государственном рынке.

Анализ недостатков, выявленных в ходе воплощения в жизнь плановых заданий двухлетки, должен был помочь при составлении первого пятилетнего плана на 1951—1955 гг. Но ориентировочные наметки, представленные госпланом на рассмотрение пленума ЦК АПТ в сентябре 1951 г., свидетельствовали о переоценке внутренних сил и возможностей[6*]. Доработка плана, продолжавшаяся еще полгода, не привела к существенной корректировке его основных показателей. В марте—апреле 1952 г. директивы были рассмотрены и обсуждены II съездом АПТ, а в мае того же года одобрены Народным кувендом.

Съезд определил в качестве главных политических задач периода "укрепление союза рабочего класса с трудовым крестьянством и упрочение руководящей роли рабочего класса в этом союзе; ограничение капиталистических и спекулятивных элементов в городе и деревне; повышение культурного уровня трудящихся масс; повышение социалистического сознания рабочего класса и усиление революционной бдительности и патриотизма всех трудящихся". Эти декларативные идейные установки повторялись из плана в план с небольшими модификациями. Разрабатывались они в центре международного коммунистического и рабочего движения, т.е. в Москве, а затем приспосабливались к условиям каждой из стран социалистического лагеря. Тогда все занимались строительством экономических основ социализма, но конкретная задача для Албании заключалась в усилении темпов, "чтобы к концу пятилетки наша страна из отсталой аграрной превратилась в аграрно-индустриальную".

Средством для достижения этой цели должно было стать развитие социалистической индустриализации повышенными темпами, а также ускоренное развитие сельского хозяйства. Объем промышленной продукции предполагалось увеличить к концу пятилетки на 239% по сравнению с 1950 г., т.е в 12 раз по сравнению с довоенным уровнем. А валовую продукцию

[6*] Рассмотрение всех вопросов политического и экономического развития страны проходило в партийных органах в соответствии с поправками, внесенными Народным кувендом в конституцию НРА в июле 1950 г. В частности, именно тогда была добавлена статья о руководящей роли партии в обществе и государстве.

сельского хозяйства планировалось увеличить за тот же отрезок времени на 71%.

Намечая резкий скачок в темпах индустриализации, руководство АПТ не учло реального потенциала и возможностей народного хозяйства. Показатели были взяты произвольно, что называется с потолка. Плановые задания, установленные на 1951 г., т.е. до официального утверждения закона о пятилетнем плане, не удалось выполнить. Это же произошло и с планом 1952 г. Во всех отраслях народного хозяйства сохранялась напряженность, становилось очевидным, что распределение капиталовложений не учитывало потребностей развития сельского хозяйства и повышения материального уровня трудящихся. Недооценка экономического стимулирования, характерная для всех псевдосоциалистических экономик Восточной Европы, стремление к администрированию привели к дальнейшему углублению диспропорций между темпами развития отдельных отраслей экономики, отрицательно сказались на сельском хозяйстве.

Это обнаружилось при подведении итогов 1951 – 1952 гг. на пленуме ЦК АПТ в январе – феврале 1953 г. Тогда приняли решение пересмотреть задания на 1953 г., а дефицит, образовавшийся в первые годы пятилетки, покрыть в 1954 – 1955 гг. Однако в декабре 1953 г., когда большая часть пятилетнего пути была пройдена, пленум ЦК внес в план существенные изменения. Произошло по сути дела перераспределение капиталовложений с учетом нужд сельского хозяйства и легкой промышленности. Предусматривалось снижение темпов промышленного строительства, сокращение на 30% управленческого аппарата, освобождение крестьян от задолженности по обязательным поставкам продуктов земледелия и животноводства, уменьшение норм обязательных поставок и др.

Сроки окончания строительства таких крупных промышленных предприятий, как нефтеперерабатывающий комбинат в Черрике, гидроэлектростанция на р. Мат, были перенесены на вторую пятилетку, а строительство сталелитейного завода и завода по брикетированию каменного угля вообще исключалось из плана. Ошибки в планировании не укладывались в старую схему, когда все списывалось на неблагоприятный внешний (югославский) фактор. Пришлось брать ответственность на себя, и в апреле 1954 г., анализируя причины допущенных ошибок, пленум ЦК глухо признал: "Центральный комитет и правительство недостаточно руководили работой, не изучали глубоко экономические проблемы и не контролировали выполнение принятых решений".

Подведение итогов первой пятилетки свидетельствовало и об успехах в экономике. Наиболее важными промышленными

объектами, пущенными в эксплуатацию в эти годы, стали текстильный комбинат им. Сталина, сахарный комбинат им. 8 ноября, два небольших хлопкоочистительных завода, цементный завод им. Ленина и др. Среднегодовой рост промышленной продукции составлял в первой пятилетке 22,8%. III съезд АПТ (май—июнь 1956 г.), рассмотревший итоги пятилетнего плана, отметил выполнение главной экономической задачи: Албания из отсталой аграрной страны превратилась в страну аграрно-индустриальную. Однако точность этой констатации представляется весьма условной, ибо отсталость сельского хозяйства сохранялась.

В огромной массе мелких крестьянских хозяйств, способных обеспечить только минимальные потребности семьи, 13 национализированных сельскохозяйственных предприятий, организованных по типу совхозов на землях бывших итальянских концессий, не делали погоды. Кооперирование к тому же шло медленно. К 1949 г. число сельскохозяйственных кооперативов выросло с 7 в 1946 г. до 58. Две с небольшим тысячи семей образовали общий земельный фонд в 11 400 га, что составляло 3,5% всех сельскохозяйственных угодий. Они так и не стали образцами хозяйствования, продолжая оставаться нерентабельными.

I съезд сельскохозяйственных кооперативов в феврале 1949 г. утвердил устав кооперации, основывающийся на организационных принципах советских колхозов. Установочный лозунг "Не торопиться, но и не топтаться на месте" был уточнен на апрельском пленуме ЦК в том же году рекомендацией, что следовало бы повременить с созданием новых кооперативов, пока не окрепнут в хозяйственном отношении прежние объединения. Ориентация на постепенное развитие кооперативного движения соответствовала внутренним условиям Албании. Предстояло пройти период определенной психологической подготовки. Вместе с тем некоторым упущением стало впоследствии считаться почти полное игнорирование промежуточных простейших форм кооперации (создание товариществ по совместной обработке земель, по продаже продукции и др.). Но на начальной стадии движения отсутствовала разъяснительная работа среди крестьян, которые так и не прониклись пониманием выгод совместного труда. Когда же организация кооперативов переросла в массовую политическую кампанию, практика убеждения отступила перед натиском административных мер.

В албанской деревне долгое время существовала система продразверстки, которая стала тормозом на пути развития сельского хозяйства. Весной 1949 г. обязательная практика продажи государству всех излишков сельскохозяйственной

продукции была заменена системой погектарного обложения натурой в зависимости от категории земли. Новая система предполагала создание у крестьян стимула к повышению производства сельскохозяйственной продукции, излишки которой он мог реализовывать на свободном рынке или продавать торговым кооперативам. В связи с этим изменился порядок снабжения населения. Для рабочих, служащих и их семей вводились карточки, по которым нормированные продовольственные и промышленные товары отпускались по низким государственным ценам.

Рассмотрение мер по выправлению положения в сельском хозяйстве постоянно выносилось на повестку дня пленумов ЦК, разнообразных активов и конференций, на которых вырабатывались рекомендации о еще большей помощи деревне и о материальной поддержке кооперативов. Зачастую принятое решение заменялось через непродолжительное время другим, кардинально менявшим предыдущее. В апреле 1951 г. пленум ЦК специально рассмотрел проблему кооперирования крестьянских хозяйств и принял установку на ускорение этого процесса. Но уже через месяц внеочередной пленум отменил это решение, признав, что существующие сельскохозяйственные кооперативы еще не достигли такой степени развития, чтобы практическим примером способствовать добровольному вступлению бедняков и середняков на путь коллективизации. "Всякая спешка в этом деле в сегодняшних условиях может повлечь за собой тяжелые ошибки, что, в свою очередь, нанесет ущерб самой идее коллективизации сельского хозяйства", — говорилось в принятой пленумом резолюции.

Линия на постепенную коллективизацию, основанную на принципах полной добровольности, закреплялась в первом пятилетнем плане развития народного хозяйства на 1951 — 1955 г. Практическая помощь деревне состояла на этом этапе в увеличении капиталовложений и в расширении сети МТС. Крестьянам прощалась задолженность государству за 1949 — 1952 гг., сокращались размеры обязательных поставок натурой, снижались налоги на плуги, культиваторы, бороны.

В апреле 1954 г. было решено оказывать содействие крестьянам-единоличникам, не применявшим в хозяйстве наемную рабочую силу. Результаты сказались быстро. Особенно впечатляющими выглядели достижения животноводов. Их успехи пропагандировались на осенних сельскохозяйственных выставках, где они выступали наравне с государственными и кооперативными предприятиями. Однако возможности увеличения продуктивности сельского хозяйства за счет резервов личного крестьянского подворья не были приняты во внимание руководством республики при выработке долгосрочной политики

в деревне. Сигнал к прекращению эксперимента дал тогдашний председатель совета министров М. Шеху, присутствовавший на общенациональной конференции передовиков-животноводов в Шкодре в декабре 1955 г. Он резко оборвал одного из секретарей сельской парторганизации, увлеченно рассказывавшего о том, как он один управляется со своей отарой из 110 овец: "Чем же ты, коммунист и партизан, похваляешься?! Тем, что у тебя больше овец, чем у всех крестьян деревни? Ведь ты кулак!" Обескураженный горец покинул трибуну, а конференция приняла резолюцию, в которой намечались меры по подъему госферм и животноводческих кооперативов.

Состоявшийся в декабре того же года очередной пленум ЦК констатировал, что в стране созданы необходимые предпосылки политического, экономического, социального характера, позволившие ускорить процесс коллективизации. С декабря 1955 по май 1956 г. число кооперативов выросло более чем в два раза (с 318 до 694). За полгода было сделано больше, чем за весь предыдущий почти 10-летний период. В кооперативах сосредоточилось 31,5% всех посевных площадей.

Политика на ускорение темпов кооперирования продолжилась и во второй пятилетке. Благодаря помощи стран СЭВ повысился уровень насыщенности сельскохозяйственной техникой. Впервые на полях страны появились комбайны и автокомбайны. Подведение итогов второй пятилетки в 1961 г. позволило констатировать успешное завершение коллективизации сельского хозяйства. "Принимая во внимание, что не коллективизированная земля, составляющая 14% посевных площадей республики, расположена в горных районах, — говорил М. Шеху на IV съезде АПТ, — можно утверждать, что коллективизация сельского хозяйства успешно завершена. В нашей стране создана экономическая основа социализма".

В целом коллективизация сельского хозяйства принесла положительные результаты в производстве зерновых и технических культур. Несмотря на то что процесс создания кооперативов шел неравномерно, а в политике партии чувствовалась неуверенность, неоспоримым фактом являлось то, что албанская деревня шагнула вперед по сравнению с довоенным периодом. Достаточно сказать, что в октябре 1957 г. смогла быть частично отменена карточная система и снижены цены в розничной торговле. Но главная задача, выдвинутая еще в двухлетнем плане, — обеспечить такие урожаи зерновых, которые позволили бы избавиться от их импорта, — не была выполнена.

Начиная с 1957 г. социалистический сектор стал производить больше половины сельскохозяйственной продукции. С этого времени успехи и неудачи албанского сельского хозяйства зависели от организации производства в кооперативном и

государственном секторах. Разрыв между темпами развития промышленности и сельского хозяйства продолжал сохраняться. К этому имелись объективные предпосылки. Деревню надо было преобразовывать и перестраивать, ломать складывавшийся веками стереотип ведения патриархального, по сути дела натурального хозяйства. Переделывать всегда труднее, чем делать.

Коллективная собственность большой патриархальной семьи, сохранявшаяся в качестве пережиточного явления в горных районах Албании, не смогла в подавляющем большинстве случаев "врасти" в социализм. Отличие этой формы коллективной организации производителей состояло в том, что она предполагала сохранение примитивных, архаических способов ведения хозяйства и упорно боролась против новой техники, новых сельскохозяйственных культур, новых методов содержания скота. Албанское партийное руководство пошло на разрушение этой общности и, вероятно, совершило ошибку. Политика югославского руководства в отношении черногорских и косовских семейных общин была иной: их не загоняли в колхозы и не отбирали у них землю, как это в конечном счете произошло в Албании. Сравнение жизненного уровня албанцев в 90-е годы XX в. в Косово (до кровавых событий 1998 – 1999 гг.) и в самой Албании свидетельствует не в пользу последней.

В промышленности, находившейся в довоенной Албании в зачаточном состоянии, все создавалось с чистого листа: новые отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности, новые рабочий класс и интеллигенция, новая культура взаимоотношений между работодателем (государством) и производителем непосредственных благ. Но сама Албания, без помощи извне, не могла бы совершить скачок через формацию. Ставшая привычной формулировка о строительстве социализма, минуя стадию развитого капитализма (а там и неразвитого практически не было), предполагала поднятие общими усилиями самой маленькой и отсталой страны социалистического содружества до какого-то среднецивилизационного уровня, что и произошло за 15 послевоенных лет, в течение которых дружба и сотрудничество с социалистическими странами, и в первую очередь с Советским Союзом, были краеугольным камнем политики АПТ.

Албания активно участвовала в работе СЭВ и Политического консультативного комитета стран – участниц Варшавского договора. Основным внешнеполитическим фактором, способствовавшим развитию албанской экономики, являлся Советский Союз и его кредиты. Как правило, поставки товаров и оборудования осуществлялись на основе долгосрочных кредитов, предоставляемых на льготных условиях. Однако, учитывая то,

что Албания испытывала большие затруднения с выполнением принятых обязательств, советское правительство прибегало к практике реструктуризации долгов или к освобождению от выплаты задолженности по кредитам.

Самый крупный пакет торгово-экономических соглашений между СССР и Албанией был подписан по результатам визита в Москву в апреле 1957 г. албанской партийно-правительственной делегации во главе с Э. Ходжей. Советское правительство освободило Албанию от необходимости погашения задолженности по кредитам, сумма которых к тому времени составила 422 млн руб. Идя навстречу просьбам албанской делегации, советское правительство выделило дополнительные кредиты на нужды развития албанской экономики в 1958 – 1959 гг., а также дополнительные денежные средства и продовольственные товары в целях оказания помощи в связи с полной отменой карточной системы.

СССР помог Албании создать костяк промышленности, поставив 93% всего оборудования для нефтяной и горнорудной отраслей, около 90% грузового автотранспорта, свыше 80% тракторов, 65% других сельскохозяйственных машин. Из СССР ввозился племенной скот, сортовые семена зерновых и технических культур, удобрения и пр. Неоценимый вклад в становление системы образования (от начальной до высшей школы), в развитие науки, культуры и искусства, в подготовку специалистов для всех отраслей народного хозяйства внесли советские люди, как на официальном уровне, так и в процессе повседневного делового общения со своими албанскими коллегами. Достаточно сказать, что многие из впервые в истории Албании сооруженных объектов культуры обязаны своим существованием Советскому Союзу.

Албания значительно расширила внешнеполитические связи. Она экспортировала главным образом в страны социалистического содружества хромовую и железную руду, нефть, битум, черновую медь, фанеру, табак и табачные изделия, кожсырье, маслины, фруктовые и рыбные консервы. Основное место в импорте занимали оборудование для нефтяной и горной промышленности, электроматериалы, автомашины, тракторы, сельхозмашины, химические товары и другие промышленные изделия.

Албания долго добивалась признания на международной арене. В декабре 1955 г. она была принята наконец в члены ООН. В 1960 г. Албания имела дипломатические отношения со всеми социалистическими странами, с 10 капиталистическими и была членом 18 международных организаций, наиболее важными из которых являлись Европейская экономическая комиссия ООН, Международная организация труда, Всемирная орга-

низация здравоохранения, ЮНЕСКО и др. Активно сотрудничая на международной арене в интересах сохранения и упрочения мира на Балканах, Албания поддержала ряд инициатив, с которыми выступали представители социалистического содружества. Большой международный отклик получило совместное советско-албанское заявление от 30 мая 1959 г., выработанное в период пребывания в Албании Н.С. Хрущева. В нем говорилось, что интересам народов Балканского полуострова и Адриатики отвечало бы создание в этом районе зоны, свободной от атомного и ракетного оружия.

Сотрудничество в рамках социалистического содружества выявляло различия в подходах к некоторым вопросам экономического, политического и идеологического характера. До 1960 г. они разрешались в порядке конструктивных переговоров. В связи с возникновением разногласий в международном коммунистическом и рабочем движении, когда основными оппонентами в споре стали Коммунистическая партия Советского Союза и Коммунистическая партия Китая, осложнились отношения между Албанией и СССР, что привело к их разрыву.

Кризис в советско-албанских отношениях

Первые албанские пятилетки приходятся на годы, когда в стране шел процесс становления и упрочения командно-административной системы, аналогичной той, которая сформировалась в СССР и в большинстве стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Авторитарная структура, основывавшаяся на монопольной власти одной партии — АПТ, вернее, ее номенклатурной верхушки, опиралась на традиции государственного насилия, существовавшие в Албании испокон веков и представленные в XX в. диктатурой короля Зогу.

1951—1961 гг. стали периодом тесного и плодотворного сотрудничества Албании с Советским Союзом. В практике освоения широкомасштабной советской помощи зачастую имело место механическое заимствование готовых форм, их шаблонное нетворческое перенесение на албанскую почву, что снижало эффективность внедрения нового в промышленности и сельском хозяйстве. И это было неизбежным при все еще недостаточной технической подготовке основной рабочей силы. СССР выполнял роль главного донора албанской экономики, выражая готовность по мере появления дополнительных просьб со стороны руководства АПТ удовлетворять их по сути дела на безвозмездной основе. Так постепенно стали возникать

и крепнуть иждивенческие настроения, вызвавшие к жизни крылатое выражение: "Великий Советский Союз не поест один день – Албания будет сыта год".

Тесные албано-советские связи сложились в межпартийных отношениях. Они носили характер устоявшейся тенденции. И к главе первой советской миссии связи К.П. Иванову на заключительном этапе войны, и в мирное время к посланнику Д.С. Чувахину обращались за советом албанские руководители самого высокого уровня. Приходили, как к друзьям, забывая, что они являются иностранцами, представителями другого государства. В конце 90-х годов, когда в России и в Албании стали публиковаться различного рода документы, можно было услышать гневные реплики представителей нового поколения политиков: "Как они могли так откровенно говорить о наших внутренних делах?!" Но в этом ничего предосудительного не было: неопытная в делах молодежь набиралась ума у старших товарищей. Гораздо более опасные последствия для будущего страны в целом имело перенесение на албанскую почву негативного опыта ВКП(б)/КПСС.

Присвоивший себе название "диктатуры пролетариата" режим, устойчивость которого обеспечивалась авторитетом силы, не допускал существования различий во мнениях ни в области политики, ни в вопросах экономики, ни в сфере культуры. Правильность линии руководства АПТ признавалась априори, а возможные отклонения относились за счет внешнего враждебного влияния и давления. Поэтому, когда в генеральной линии АПТ происходил сбой и поставленные задачи оказывались на грани срыва, начинался поиск причин, помешавших их осуществлению, который заканчивался обычно разоблачением очередных врагов. Тем временем цифры плановых заданий пересматривались, если это касалось экономики. Несогласные с политикой партии, критиковавшие отдельные моменты в ее деятельности, пусть даже с благородной целью совершенствования ее работы, причислялись к лику "врагов народа" и уничтожались физически и морально. Так пресекалась в корне любая оппозиция.

Разрыв с Югославией привел к появлению теории "существования Албании в условиях капиталистического окружения". Влияние внешнего фактора на возникновение трудностей в экономической области преувеличивалось, а тем самым затушевывались огрехи, допущенные в результате неквалифицированного руководства со стороны министерств и различных хозяйственных организаций. В резолюции II съезда АПТ (апрель 1952 г.) впервые появилась формула "строить социализм, держа в одной руке кирку, а в другой ружье". Она оправдывала увеличение ассигнований на содержание армии и полицейско-

го аппарата, способствовала поддержанию в стране обстановки, близкой чрезвычайному положению военного времени.

Смерть И.В. Сталина и мероприятия по преодолению "культа личности" и его последствий оказали большое влияние на АПТ. В связи с процессами, начавшимися в международном коммунистическом движении под влиянием событий в СССР, ЦК АПТ рассмотрел внутрипартийное положение именно с учетом новых веяний и провел 14 июля 1954 г. пленум. Признавалось ослабление коллегиального руководства во всех звеньях, снижение принципиального уровня критики и самокритики, отдаление руководства от масс. Говорилось, что в ЦК "уже давно постоянно поднимался голос за то, чтобы положить конец этой вредной и немарксистской практике возвеличения личности генерального секретаря АПТ". Судя по принятой пленумом резолюции выходило, что единственным критиком культа личности Ходжи являлся сам Ходжа. Якобы он ставил перед политбюро вопрос о том, чтобы был положен конец «необузданным проявлениям чувств в отношении его личности, которые выражались в практике скандирования его имени "Энвер Ходжа", чтобы был положен конец установлению его бюстов в городах, помещению его фотографий без повода и причин в журналах и газетах».

На апрельском пленуме 1955 г. борьба против "культа личности" продолжилась. По докладу политбюро ЦК "Об идеологической работе партии и мерах по ее улучшению", который делала секретарь ЦК АПТ по идеологическим вопросам Лири Белишова, было принято развернутое решение, осудившее извращения в духе "культа личности", укоренившиеся в партийной пропаганде, литературе, науке, искусстве, в области просвещения, подчеркивалось, что это "не просто ошибки в практической работе, но следствие глубокого непонимания роли масс". В развитие положений доклада на пленуме выступил секретарь ЦК Тук Якова, который предложил приступить к написанию правдивой истории АПТ, отказавшись от преувеличения роли одного лишь человека. Этого Ходжа стерпеть не мог.

В июне того же года очередной пленум ЦК вывел Якову из своего состава и снял с должности заместителя председателя совмина с формулировкой "за антипартийную, антимарксистскую и ревизионистскую деятельность". Его предложение о восстановлении истины при освещении истории создания партии было воспринято в качестве необоснованной претензии на признание собственных несуществующих заслуг в этом деле, а также как недостойная попытка приписать честь создания партии "нескольким иностранцам". Решением пленума утверждалась железная схема, выходить за пределы которой не рекомендовалось: "С самого начала нашей партией руководил

Центральный комитет во главе с товарищем Энвером Ходжей, ее основателем и организатором". Вскоре Якову исключили из партии и посадили в тюрьму.

Такая же судьба постигла Бедри Спахиу, в недалеком прошлом главного обвинителя на процессе по делу группы Дзодзе, а ко времени рокового для него июньского пленума ЦК, занимавшего пост министра культуры и просвещения. Он был назван "антимарксистом с фашистским идеалистическим мировоззрением" и обвинялся в том, что, состоя в коммунистической группе, одновременно являлся послушником в теке (монастырь секты бекташей), а в компартию пришел из фашистской партии Гирокастры. Ему вменялся в вину сговор с Яковой, а то, что он это категорически отрицал, расценивалось как проявление "чрезвычайного высокомерия" и "ненависти к членам ЦК".

Тук Якова не был одинок. Идеи о необходимости восстановления правды истории и изменения методов руководства в сторону демократизации прозвучали в апреле 1956 г. на предсъездовской конференции самой крупной партийной организации страны — тиранской. Ей предшествовал ряд событий международного и внутреннего характера, которые не могли не отразиться на характере вопросов, поднятых участниками конференции. 14 апреля 1955 г. Албания подписала вместе с другими европейскими социалистическими странами Варшавский договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи, а в декабре того же года ее приняли в члены ООН. В июне состоялось подписание Белградской декларации, в результате чего были нормализованы советско-югославские взаимоотношения. И, наконец, в феврале 1956 г. в Москве прошел исторический XX съезд КПСС.

На тиранской конференции выплеснулось недовольство рядовых членов АПТ ограниченным толкованием внутрипартийной демократии, практиковавшимся руководством. В выступлениях многих ораторов звучала резкая критика в адрес партийного руководства, в том числе и в первую очередь против первого секретаря тиранской партийной организации Фикрет Шеху, жены М. Шеху. Замечания касались внутрипартийной демократии и экономического положения, международных отношений и слабых связей руководства с массами. Звучали требования пересмотра политических процессов 1948—1949 гг. и реабилитации невинно осужденных.

На третий день работы конференции в дискуссии принял участие Э. Ходжа, признавший справедливость некоторых критических замечаний. Его выступление несколько охладило страсти, но только известие о назначении специальной комиссии по разбору антипартийной деятельности ряда выступавших на конференции ораторов положило конец спорам. Приз-

нанные виновными понесли наказания разной степени строгости — одним выносили партийные взыскания, других к тому же увольняли с работы и привлекали к уголовной ответственности. Через полтора месяца после этих событий, на III съезде АПТ, прозвучавшая на тиранской конференции критика квалифицировалась как враждебная попытка демагогов, авантюристов и "нездоровых интеллигентов", нанести удар по единству партии, ее генеральной линии и руководству.

III съезд АПТ в мае — июне 1956 г. продемонстрировал единство партии по всем вопросам внешней и внутренней политики, специально подчеркнув в решении полную солидарность партии и народа Албании с политической линией XX съезда КПСС на восстановление ленинских норм внутрипартийной жизни через преодоление явлений "культа личности". В отчетном докладе, с которым выступил Э. Ходжа, признавалось, что в партийной пропаганде применялись "ненавистные и чуждые марксистско-ленинскому духу возвеличения личности по отношению к руководителям и, главным образом, по отношению к генеральному секретарю ЦК КПА".

В материалах съезда подчеркивалось, что все это стало возможным ввиду общего невысокого образовательного уровня населения. Сам Ходжа критиковал тезис о "непогрешимости руководителей" и заявлял, что культ личности является порождением и гнилым пережитком представлений, характерных для эксплуататорских классов и мелких производителей. "Возвеличение отдельных личностей становилось очень опасным, особенно в нашей стране, при таком социальном составе, где личная храбрость героев легко затмевает подвиги народных масс, которые веками боролись за свободу и независимость родины". На первый взгляд, Ходжа прибегнул к самокритике. На практике все свелось к тому, что решительно осуждаемые черты болезненной надменности, хвастливости, мелкобуржуазного самолюбия, превосходства и непогрешимости существовали только в средних звеньях партийного руководства и никак не касались политбюро и ЦК, тем более партии, которая "не потеряла главного направления, не позволила себе впасть в ошибки".

Документы съезда были выдержаны в духе полного оправдания политики АПТ в отношении Югославии и всех политических процессов 1948 — 1949 гг. и последующих лет. Высоко оценивалась совместная героическая борьба народов Албании и Югославии в годы второй мировой войны, а также сотрудничество в строительстве социализма. Подчеркивалось, что принципиальные расхождения, возникшие в отношениях между коммунистическими партиями обеих стран, могли быть преодолены нормальным путем. Но этого не случилось, ибо в результате

"провокации подлого агента империализма Берии" КПА и все другие коммунистические и рабочие партии оказались введенными в заблуждение и таким образом произошло смешение воедино нескольких вопросов, в частности в "деле" Кочи Дзодзе. Осуждение Дзодзе и его единомышленников признали правильным, поскольку "было покончено с одной из более опасных фракций, которая стремилась расколоть единство партии и ликвидировать ее".

В резолюции съезда по отчетному докладу говорилось, что всю работу АПТ по экономическому и политическому руководству страной намечалось ориентировать на дальнейшее и все более широкое усвоение опыта КПСС, а массы воспитывать "в духе верности и вечной дружбы с Советским Союзом".

Шаги по нормализации межгосударственных албано-советских отношений предпринимались под непосредственным воздействием примера и внешнеполитической инициативы советского правительства. Но этот процесс во многом носил чисто формальный характер. Официальные декларации расходились с психологическим настроением широких народных масс, созданным многолетней пропагандой. Со стен домов убрали плакаты-карикатуры, на которых Тито и глава его секретной службы Ранкович изображались с топорами, окрашенными кровью албанцев Косово и Македонии. Но фольклор продолжал создавать песни и баллады о "Тито-предателе". Нельзя также сбрасывать со счетов личную неприязнь, возникшую после 1948 г. между руководителями обеих стран, которые слишком много друг о друге знали и слишком плохо друг о друге думали.

Югославия являлась политическим и экономическим антиподом Албании. Ведь на резкой критике руководства Союза коммунистов Югославии, острота которой была усилена косовским вопросом, строилась идеологическая работа АПТ. При сложившейся к тому времени практике взаимоотношений резкий поворот исключался: привычная схема рушилась, а новой не успели (да и не хотели) создать. Это в Москве начавший привыкать к волюнтаристским решениям партийного руководства народ мог беззлобно шутить: "Дорогой товарищ Тито, | Ты — наш лучший друг и брат, | Нам вчера сказал Никита, | Ты ни в чем не виноват". В Албании такой юмор не мог пройти. Поэтому, когда всего за два дня до отъезда Н.С. Хрущева в Югославию в мае 1955 г. руководство АПТ получило письмо лидеров КПСС с просьбой дать согласие на денонсацию ноябрьской резолюции Информбюро 1949 г. и на пересмотр резолюции 1948 г., ЦК АПТ 25 мая в ответе, направленном советским руководителям, выразил свое несогласие с единоличным решением. "Мы считаем, — говорилось в письме, — что имеется большая разница между содержанием вашего письма от 23 мая 1955 г. и

основным изложением той позиции, которую мы занимали сообща до сих пор в отношении югославов". Далее после нескольких конкретных возражений следовало суждение, что "такое поспешное (и опрометчивое) решение по вопросу столь принципиального значения без его предварительного глубокого анализа совместно со всеми заинтересованными в этом деле партиями и тем более его опубликование в печати и его представление на белградских переговорах не только было бы преждевременным, но и причинило бы серьезный ущерб общему курсу".

Реакция Тито на события 1956 г. в Венгрии, приветствовавшего свержение Ракоши и приход к власти Имре Надя, лишь укрепила прежние взгляды руководства АПТ на характер и политику югославского режима. А советское руководство использовало албанскую компартию в своей критике Югославии. Так, 8 ноября 1956 г. в "Правде" появилась статья Э. Ходжи, посвященная 15-летию АПТ. В ней без упоминания имени Тито содержалась критика в его адрес. Уже через день югославская "Борба" поместила резкую отповедь, а 11 ноября в Пуле Тито произнес речь, включив в нее выпады личного характера против албанского лидера. Так через год с небольшим наступило обострение в албано-югославских отношениях и вновь возобновилась резкая обоюдоострая полемика по идеологическим вопросам.

Тезис о капиталистическо-ревизионистском окружении Албании был восстановлен со всеми вытекающими из этого последствиями. 23 ноября 1956 г. "Зери и популыт" сообщила о состоявшемся суде над Лири Гегой, ее мужем Дали Ндреу и полковником Петро Булати, которых приговорили к смерти "за шпионаж в пользу иностранного государства". Партийная пропаганда внутри страны не скрывала, что их расстреляли по обвинению в работе на югославов. Демонстративный характер этого акта очевиден. Первые двое — опальные герои национально-освободительной борьбы — давно жили где-то на периферии под наблюдением полиции и не имели никакого доступа к государственным тайнам. Что касается Булати, то по слухам, он пострадал "за кампанию": выходец из Югославии (его настоящее имя Петар Булатович), он подал прошение о выезде на родину, пользуясь некоторым смягчением албано-югославских отношений.

Началась новая полоса шпиономании и борьбы с "ревизионизмом". Поводом к этому послужило чрезвычайное происшествие: 16 мая 1957 г. бежал в Югославию один из популярнейших в народе героев национально-освободительной борьбы, член ЦК АПТ, депутат Народного кувенда генерал Панайот Пляку, получивший сведения о том, что он намечен в качестве

очередной жертвы. Неизвестно, являлись ли оправданными его подозрения, но о том, что он не мог смириться с положением дел в АПТ, свидетельствовало его письмо в ЦК КПСС, отправленное через месяц после бегства. П. Пляку надеялся найти убежище в СССР, но что-то помешало Хрущеву и Брежневу предоставить его. Живя в Белграде, он не давал интервью, не выступал с политическими заявлениями. Только 27 мая 1961 г. он коротко поделился с корреспондентом газеты "Борба" своими соображениями о процессе адмирала Теме Сейко. Однако начиная с 1960 г. в югославской печати начали появляться анонимные статьи о некоторых вопросах истории АПТ, насыщенные такими подробностями, которые мог знать только очевидец событий. Не исключено, что им мог быть П. Пляку. После его смерти в 1969 г. таких публикаций не стало.

С февраля 1957 г. руководство АПТ начинает постепенно восстанавливать положительную оценку роли Сталина. Сначала этот процесс шел в соответствии с тенденциями, наметившимися в СССР, а затем стал развиваться опережающими темпами. Вслед за этим возродился в полном объеме осужденный III съездом АПТ культ героев, спасающих партию. Энверу Ходже помогло то, что он к этому времени остался единственным политически активным деятелем из числа первого ЦК КПА. За ним прочно утвердилась слава основателя партии и ее непогрешимого руководителя. Отсвет его величия падал на Мехмета Шеху, что находило отражение в наглядной агитации. В праздничные дни в витринах магазинов на центральных улицах Тираны и некоторых других городов можно было видеть выполненные по специальному заказу в Чехословакии портреты Ленина. Они состояли из мельчайших трехгранных линз, и оптический эффект заключался в том, что лицо советского вождя виделось, если человек смотрел на него прямо. Когда же начиналось перемещение вправо или влево, то на портрете проступали черты то Ходжи, то Шеху.

Послесъездовский период не принес ничего принципиально нового в официальную внешнюю (политическую и экономическую) ориентацию Албании. Дружба и сотрудничество с социалистическими странами продолжали оставаться краеугольным камнем политики АПТ. Поставки из социалистических стран на условиях кредита зачастую превышали реальные возможности его использования. В конце 50-х годов в албанской печати стали появляться призывы к соответствующим экономическим структурам и предприятиям вывезти оборудование и машины, скопившиеся в морских портах страны.

Вершиной в албано-советских отношениях стал визит Н.С. Хрущева в Албанию в мае 1959 г. Это было первое посещение страны советским государственным деятелем такого высо-

кого ранга. Восторженно встреченный и принятый народом, Хрущев осматривал построенные советскими специалистами предприятия, выступал на митингах. Покоренный благодатным албанским климатом и роскошной растительностью, он вдруг неожиданно высказался в том духе, что албанцам не нужны ни тяжелая промышленность, ни производство зерна. "Литр бензина из вашей нефти будет стоить дороже килограммы икры, — убеждал он Ходжу. — Мы дадим вам зерна, сколько попросите. У нас мыши съедают больше, чем вам надо". По словам Хрущева, Албания должна бы стать цветущим садом, снабжающим страны социалистического содружества плодами субтропиков. Это, как выяснилось впоследствии, было его серьезной ошибкой, ибо позднее его албанские критики утверждали, что он хотел превратить Албанию в сырьевой придаток более развитых стран соцлагеря...

Вместе с тогдашним министром обороны маршалом Р.Я. Малиновским Хрущев посетил военно-морскую базу стран Варшавского договора в Паша-Лимане около Влёры, а затем они совершили поездку на юг к озеру Бутринто. Осмотрев две византийские базилики, античный амфитеатр, развалины бани в водолечебницы, где, по преданиям, врачевал Асклепий, советские гости остановились у лагуны, соединенной с морем небольшой перемычкой, и один из них сказал: "Какая прекрасная база для подводных лодок могла бы получиться, если бы срыть перешеек". Хрущева мало заботило, как вспоминал впоследствии Ходжа, что при этом уйдут под воду бесценные памятники иллирийской и античной культуры. Такого кощунства над своей природой и историей ни Хрущеву, ни Малиновскому албанцы не простили. Неприятный осадок у хозяев оставил и преждевременный отъезд советской делегации на родину. Десятидневный срок визита оказался слишком продолжительным для деятельного Никиты Сергеевича.

Изменение во внешнеполитической ориентации Албании произошло тогда, когда сочетание политических и экономических моментов посулило руководству АПТ больше выгод от смены "титульного" партнера. Решение о поддержке КПК созрело не сразу. Даже во время бухарестской встречи представителей ряда коммунистических и рабочих партий, прибывших на III съезд Румынской рабочей партии в июне 1960 г., албанцы не выражали открытого несогласия с позицией делегации КПСС. Согласно предварительной договоренности, на встрече представителей компартий стран социалистического содружества, присутствовавших на съезде, предполагалось определить место и дату совещания всех компартий мира. Но вместо этого советская делегация за несколько часов до открытия совещания распространила конфиденциальный материал с критикой

КПК, который предлагалось обсудить на закрытом заседании. Руководитель делегации АПТ Хюсни Капо после консультации с Тираной отказался от участия во встрече с такой повесткой дня, считая необходимым разрешить возникшие между КПСС и КПК разногласия в двустороннем порядке.

Хрущев назвал позицию АПТ "бунтарским актом", но в конце концов было решено вернуться к начальным планам, и присутствующие избрали местом совещания всех коммунистических и рабочих партий Москву, а датой — ноябрь того же года. Силовые методы воздействия на Албанию стали определяющими в тогдашней политике Москвы. Не рискуя выступить открыто против крупнейшей компартии Востока, Хрущев решил сделать это косвенно, "наказав" строптивую Албанию. С задержкой и не в полном объеме стали удовлетворяться ее просьбы о дополнительной продаже зерна, в котором она остро нуждалась в связи с неурожаем. Тиране пришлось обратиться за помощью к Франции. Были отклонены также заявки на поставки советских тракторов. Подобные действия производили обратный эффект, вели к открытой конфронтации.

В сентябре 1960 г., участвуя в работе политической комиссии ООН, албанская делегация не поддержала болгарское предложение о полном региональном разоружении на Балканах, а вслед за этим выступила против одобренного представителями всех социалистических стран польского проекта резолюции XV сессии Генеральной ассамблеи ООН, включавшего в себя пункт о прекращении создания военных баз на чужих территориях.

Нарастание напряженности в советско-албанских отношениях вызывало тревогу ряда руководящих деятелей партии. Не встречала единодушной поддержки и явная переориентация на Китай. Сложившийся к тому времени прочный тандем Ходжа—Шеху избрал иезуитскую тактику: с одной стороны, они внешне продолжали делать вид, что линия на сотрудничество с СССР и КПСС продолжает служить основой политики, а с другой — исподволь выявляли тех, кто не понял или не захотел понять грядущую смену ориентиров. 9 сентября 1960 г. в печати появилось краткое сообщение: "Пленум ЦК АПТ, рассмотрев тяжелые ошибки в проведении линии партии, совершенные товарищем Лири Белишовой, членом политбюро секретарем ЦК АПТ, единогласно постановил исключить ее из рядов пленума ЦК АПТ". Ее сменил кандидат в члены политбюро Рамиз Алия[7*]. Решением этого же пленума был исключен из партии "за враж-

[7*] Когда после VIII пленума ЦК КПА в 1948 г. Лири Белишова была снята с должности секретаря ЦК Союза молодежи, на ее место также пришел Рамиз Алия.

дебную деятельность" ветеран коммунистического движения Албании, председатель Ревизионной комиссии ЦК АПТ Кочо Ташко. Белишову обвинили в том, что она выступала за продолжение сотрудничества с Советским Союзом в противовес наметившейся переориентации на Китай. Дело в том, что в июне 1960 г. она посетила Пекин в составе албанской правительственной делегации, возглавляемой председателем президиума Народного кувенда НРА Хаджи Лэши[8*]. Руководящие деятели КПК — Лю Шаоци, Чжоу Эньлай, Дэн Сяопин — в ходе бесед с албанскими коллегами подробнейшим образом обрисовали круг принципиальных разногласий с политикой КПСС, якобы отошедшей от "классовой ленинской линии". Они, в частности, утверждали, что мирное сосуществование и соревнование с капиталистическими странами является антимарксистской идеей, а победить империализм и добиться тем самым торжества социализма во всем мире возможно только силой. Не исключалось применение ядерного оружия и, как следствие этого, гибель сотен миллионов людей. Зато оставшиеся в живых, утверждали китайские идеологи, построят на развалинах старого прогнившего общества новую счастливую жизнь.

Тогда же завершилась подготовка международного совещания компартий в Бухаресте и на встрече в албанском посольстве в Пекине с советником посольства СССР члены делегации кратко проинформировали его о китайской позиции. Обратный путь на родину лежал через Москву, и Л. Белишова поделилась со встречавшими делегацию советскими партийными деятелями своими впечатлениями о поездке. По возвращении в Тирану выяснилось, что Ходжа и Шеху приняли решение о переориентации на Китай. По итогам рассмотрения отчета товарищи Л. Белешовой по делегации, такие же члены политбюро ЦК АПТ, получили по выговору, как было сказано, "учитывая их политическую малограмотность", а она сама была отправлена решением специальной комиссии МВД в бессрочную ссылку. Ее освободили через 30 лет, в 1990 г., в связи с посещением Албании генеральным секретарем ООН Пересом де Куэльяром.

В ноябре 1960 г. на совещании 81 партии в Москве Э. Ходжа выступил в поддержку теоретической части доклада Дэн Сяопина. Он повторил аргументацию китайской стороны, заявив о несогласии с позицией КПСС по вопросу о мирном существовании, о путях перехода к социализму, о критике культа лично-

---

8* Хаджи Лэши занял пост председателя президиума Народного кувенда в 1953 г. Малообразованный человек, благодарный партийной верхушке, что она не укоряла его байрактарским прошлым, он преданно выполнял чисто представительские функции. Он сменил на этой должности доктора Омера Нишани, тяготившегося необходимостью прикрывать своим авторитетом неблаговидные дела режима. Тот покончил с собой в 1954 г.

сти Сталина. Более подробно Э. Ходжа остановился на югославской проблеме, обосновав необходимость возврата к оценкам 1949 г. Говоря о стремлении руководства СКЮ навязывать силой свои ревизионистские идеи, он подкрепил это утверждение тем, что: а) Ранкович во главе службы безопасности (УДБА) развернул кампанию по физическому уничтожению албанского населения Косово и Македонии; б) УДБА готовила побег Лири Геги и Дали Ндреу, чтобы они затем из Югославии возглавили наступление против Албании; в) Тито организовал контрреволюцию в Венгрии; г) югославы договорились с греками о разделе Албании. В отношении двух последних пунктов Ходжа добавил, что югославское руководство действовало с одобрения Хрущева. Значительную часть выступления Ходжа посвятил критике экономической помощи Советского Союза, обвинив руководство КПСС в желании превратить Албанию в аграрную полуколонию.

Ходжа подводил присутствовавших к мысли о том, что суть спора АПТ с КПСС не в частных разногласиях, а глубже. Он не говорил прямо о буржуазном перерождении советского общества и КПСС (это он заявит через год), но подбор аргументации был направлен на доказательство великодержавной, шовинистической политики советского правительства.

Выступление встретило решительный отпор со стороны подавляющего большинства участников совещания. Но это уже мало волновало албанских лидеров. В отличие от осторожных китайцев, оставлявших за собой путь к отступлению, албанцы, сделав выбор, шли до конца, сжигая за собой все мосты. Глава китайской делегации Чжоу Эньлай больше молчал, предоставляя Дэн Сяопину играть первую роль в идеологических схватках. Зато 1 декабря он первым подписал Декларацию совещания, отодвинув тем самым на какое-то время обнародование разногласий между КПК и КПСС. Что касается албанцев, то Ходжа брал на себя основную тяжесть полемики. Советские руководители пытались переломить ситуацию и вызвать на приватный разговор Ходжу и Шеху, но те категорически отказались и, не дожидаясь окончания совещания, демонстративно отбыли на родину.

На Старой площади в Москве было подготовлено два обширных документа, касавшихся взаимоотношений с КПК и АПТ. Если бы Чжоу Эньлай не подписал декларацию, то в ход предполагалось пустить оба материала. Но этого не случилось, и среди делегаций нашла распространение только антиалбанская филиппика, хотя оставшийся в Москве Хюсни Капо подписал итоговые документы совещания. С тех пор в практике КПСС на длительное время укоренилась привычка критиковать АПТ за ошибки КПК.

После московского совещания советское руководство перенесло идеологические разногласия в сферу межгосударственных отношений и пошло на разрыв экономических связей. Последовало аннулирование советской стороной уже согласованных кредитов по третьему пятилетнему плану (1961 – 1965), а по ранее предоставленным выдвигалось требование их досрочного погашения. Из Албании отозвали специалистов, работавших в народном хозяйстве, а албанские студенты, в том числе и слушатели военных учебных заведений, лишались права продолжать обучение в СССР. Из Севастополя были откомандированы находившиеся там на практике албанские моряки.

13 февраля 1961 г. открылся IV съезд АПТ. Подведение итогов социалистического строительства в годы второй пятилетки укладывалось в привычные рамки партийно-хозяйственного актива: достижения, отдельные неудачи, очередные задачи. Многочасовой общеполитический доклад Э. Ходжи прерывался бурными аплодисментами и скандированием до хрипоты в голосе: "Энвер – Партия!", "Партия – Энвер! Мы всегда готовы!" По-албански этот призыв хорошо рифмовался: "Parti – Enver! Jemi gati kurdoherë!" Один из присутствовавших иностранных гостей съезда сбился со счета, фиксируя моменты, когда делегаты вскакивали с мест с громкими криками приветствия. В речи Ходжи не содержалось и тени намека на те обвинения, которые выдвигались им против КПСС на московском совещании. Напротив, он подчеркивал универсальность опыта социалистического строительства в СССР, восхвалял "великую интернационалистскую помощь, которую СССР оказывал и оказывает Албании". Клятвы верности принципам дружбы с советским народом в буквальном смысле слова пронизывали выступления делегатов съезда и нашли свое отражение в резолюциях.

Выступивший с докладом о директивах по третьей пятилетке председатель совета министров М. Шеху нацелил первичные партийные делегации на борьбу за выполнение экономических планов, на искоренение вредных пережитков в сознании и, что особо подчеркивалось, на укрепление революционной бдительности. Этому последнему моменту, который теснейшим образом увязывался с разоблачением "современного (т.е. советского) ревизионизма", придавалось большое значение. В заключительной части доклада Шеху как бы ответил на критику, прозвучавшую в адрес АПТ на московском совещании. Он в безличной форме отверг обвинения в национализме, догматизме, сектантстве, незнании теории голословным, но решительным утверждением: "Нас обвиняют потому, что мы незапятнанные и до конца последовательные марксисты". Под возгласы, раздававшиеся в зале ("Правильно говоришь, това-

рищ Мехмет!"), оратор напомнил, что единство рядов АПТ всегда помогало ей устоять перед давлением врагов, и закончил фразой, обошедшей всю мировую печать: "Кто коснется этого единства, получит лишь один ответ от нашей партии и народа — плевок в лицо, удар в нос, а если понадобиться, то и пулю в лоб! Мы не умеем отвечать по-другому тому, кто хочет похоронить наше единство".

В конце апреля 1961 г. состоялся V съезд профсоюзов Албании. В приветствии ЦК АПТ съезду говорилось, что внешняя политика Албании нацелена в первую очередь на дружбу и сотрудничество с Советским Союзом и "нет такой силы или интриги, которая могла бы оторвать наш народ от народов Советского Союза". Эти слова, вынесенные на первую полосу "Зери и популыт" 25 апреля соседствовали с набранным жирным шрифтом коротким сообщением, что в Пекине были подписаны три документа об экономических отношениях КНР и НРА: протокол о поставках Китаем комплектного оборудования и об оказании технической помощи в сооружении 25 промышленных предприятий в Албании; протокол об условиях обмена специалистами; протокол об использовании китайского кредита, договоренность о предоставлении которого была достигнута еще 2 февраля 1961 г. Размеры помощи выглядели весьма внушительно: 112 млн 500 тыс. инвалютных руб. В официальном коммюнике подчеркивалась благодарность албанского народа за "чрезвычайно быстро проявленную готовность оказать интернационалистскую помощь", а китайская сторона выражала удовлетворение "братской поддержкой, постоянно получаемой китайским народом от ЦК АПТ, правительства НРА и албанского народа".

Все стало на свои места. Внутренняя пропаганда пустила в обиход новый лозунг: "Великий Китай не поест один день — Албания будет сыта год". Говорилось о блестящих перспективах развития индустриализации страны, ибо единовременная китайская помощь больше, чем все прежние советские кредиты. В ход пускалось все — от мелких булавочных уколов до крупных политических выпадов. В памяти народной вытравлялось само воспоминание о некогда дружественных албано-советских отношениях. В Албании еще работали советские специалисты, но они были поставлены в такие условия моральной изоляции и полицейской слежки, что становилось бессмысленным с практической точки зрения и унизительным для человеческого достоинства само их дальнейшее пребывание в стране. На ряде предприятий инициатива, проявленная их руководителями, привела к тому, что стали счищаться заводские клейма на советских станках и оборудовании (например, на нефтеперерабатывающем заводе в Черрике).

В первой половине 1961 г. создалась напряженная обстановка вокруг военно-морской базы во Влёре, а также на нескольких подводных лодках, на которых в учебных целях действовали совместные советско-албанские экипажи. Советские моряки были вынуждены проходить службу в атмосфере подозрительности, мелких придирок, постоянных проверок. Предупреждая возможные эмоциональные срывы с их стороны, ЦК КПСС обратился к морякам со специальным письмом, призывая спокойно выполнять свой служебный долг.

В марте 1961 г. было принято постановление президиума ЦК КПСС о ликвидации военно-морской базы во Влёре, утвержденное на ближайшем заседании Политического консультативного комитета стран—участниц Варшавского договора. Присутствовавший на этом заседании министр обороны Албании Бекир Балуку выступил с протестом против этого решения, заявив, что Албанию оставляют один на один с 6-м американским флотом. Но его возражения не встретили поддержки[9*]. Хрущев, только недавно строивший планы того, как расширение военно-морской базы во Влёре позволит Советскому Союзу взять под свой контроль бассейн Средиземноморья от Босфора до Гибралтара, поверил во всемогущество баллистических ракет и отказался от единственной на тот момент базы в регионе. 4 июня 1961 г. плавучий док и восемь подводных лодок покинули албанские воды под командованием адмирала В.А. Касатонова и проследовали в направлении Гибралтара, вызывая неподдельное изумление натовских наблюдателей. Четыре подводные лодки, обслуживавшиеся албанскими экипажами, остались на базе.

Ликвидация базы до предела накалила атмосферу в советско-албанских отношениях. В Тиране одновременно с переговорами о судьбе базы состоялся политический процесс. Разбиралось дело о заговоре, якобы организованном югославскими ревизионистами, греческими монархо-фашистами и 6-м американским флотом. Группу заговорщиков из 10 человек возглавлял воспитанник одной из советских военных академий адмирал Теме Сейко, а замыкал список "шпионов" неграмотный пастух, к концу процесса доведенный до умопомешательства.

9* После ноябрьского совещания 1960 г. в Москве албанцы перестали присылать на совещания стран содружества делегации, возглавляемые первыми лицами в партии и государстве. Это позволило Хрущеву нанести публичное оскорбление Рамизу Алии, заменившему Энвера Ходжу на созванном в Москве в начале августа 1961 г. совещании первых секретарей коммунистических и рабочих партий стран—участниц Варшавского договора, где решался вопрос о сооружении берлинской стены. Прежде чем отказать Алии в праве участвовать в заседании, Хрущев сказал: "А потом Ходжа пришлет свои штаны и скажет: мои штаны представляют меня".

Обвинения носили фантастический характер: некоторые подсудимые якобы использовали поездки в Советский Союз для сговора со своими "хозяевами", а генерал Панайот Пляку неоднократно проникал на территорию Албании по горным тропам, чтобы передать заговорщикам указания югославской секретной службы. Что касалось главного обвиняемого, то он должен был организовать захват военно-морской базы во Влёре и передать ее 6-му американскому флоту. Смертные приговоры и долгосрочные тюремные заключения подвели итог этой инсценировке, имевшей явный антисоветский душок.

В октябре 1961 г. на XXII съезде КПСС албанский вопрос занял одно из центральных мест в повестке дня. В отчетном докладе, в выступлениях делегатов и гостей подвергалась резкому осуждению деятельность АПТ и допускались выпады личного характера против отдельных албанских деятелей. Заключительное слово Хрущева в части, касавшейся взаимоотношений с Албанией, было столь грубым, что наиболее "эмоциональные" выражения пришлось исключить из стенограммы.

ЦК АПТ еще во время работы съезда КПСС выступил с опровержением обвинений, выдвинутых против партии и линии ее руководства. А 7 ноября 1961 г. Э. Ходжа на торжественном заседании в Тиране, посвященном 20-летию со дня основания АПТ и 44-й годовщине Октябрьской революции, более половины своего доклада отвел оценке личности Хрущева, осуждая его за создание культа собственной персоны, за неоправданные претензии за роль зодчего победы над фашизмом, за примирение с югославским ревизионизмом, за антимарксистские взгляды вообще.

Конфликт перекинулся на межгосударственные отношения. 25 ноября 1961 г. заместитель министра иностранных дел СССР Н.П. Фирюбин сделал два устных заявления временному поверенному в делах НРА в СССР Г. Мази. Первое содержало информацию об отзыве советского посла, во втором выдвигалось требование покинуть СССР албанскому послу. 3 декабря Фирюбин сделал новое устное заявление Мази о принятом советским правительством решении отозвать весь персонал посольства и торгпредства СССР в НРА, а также о требовании, "чтобы весь персонал посольства и торгового советника Албании в Москве покинул территорию Советского Союза". 4 декабря МИД НРА высказал посольству СССР в Тиране "глубокое недоумение и сожаление" своего правительства в связи с отзывом советского посла и "удивление и глубочайшее возмущение" по поводу выдворения албанского. В ноте выражался решительный протест, а действия советской стороны характеризовались как совершенно несправедливые и находящиеся в вопиющем противоречии с принципами международного права.

Не без воздействия со стороны СССР большинство социалистических стран Европы приняли соответствующие постановления в отношении Албании. Правда, ни одна из них не пошла на разрыв, ограничившись понижением дипломатического представительства. Сохранились двусторонние экономические связи с европейскими социалистическими странами. Прекратилось участие Албании в СЭВ, хотя какое-то время у албанцев еще теплилась надежда на оставление ее в совете. После ввода войск стран – участниц Варшавского договора в Чехословакию в 1968 г. НРА заявила о выходе и из этой организации.

Албанские делегации приезжали в СССР в 1961 г. на 5-й международный конгресс профсоюзов и в 1963 г. на Всемирный конгресс женщин. В течение некоторого времени в Москве и Тиране оставались по три человека из числа технического персонала посольств, но затем уже по инициативе албанской стороны и они были отозваны. Полный разрыв всех отношений стал свершившимся фактом. Наступил глухой период взаимного отчуждения, продлившийся без малого 30 лет.

Хрущев повторил ошибку Сталина, когда тот в 1948 г. изгнал Югославию из складывавшегося социалистического содружества. Потеря Албании в 1961 г. имела еще более тяжелые последствия для СССР, значительно ослабив военно-стратегические позиции всего соцлагеря в отношении блока НАТО. Западногерманский публицист Харри Хамм, размышляя в самом начале 60-х годов о последствиях отлучения Албании, сделал такой неутешительный вывод в книге "Восставшие против Москвы: Албания – плацдарм Пекина в Европе": "Для коммунистических балканских стран отныне стало невозможным проведение единой политики в отношении Турции и Греции при мощной поддержке Советского Союза".

В результате экспромтов Хрущева пострадал авторитет СССР в мире. Расправа над маленькой, хотя и строптивой, страной воспринималась довольно критически как в национальных республиках Советского Союза, особенно с немногочисленным населением, так и в таких зарубежных странах, как, например, Куба. Сам подход типа: "Каких-то два миллиона", "голь перекатная, а еще свое мнение хотят иметь..." – не встречал понимания и служил подтверждением существования извечных великодержавных привычек Москвы, ее стремлений к диктату.

В сложной международной обстановке начала 60-х годов не выглядели безгрешными и невинно пострадавшими албанские лидеры. Они руководствовались сугубо прагматическими расчетами. Условием их сохранения во власти являлась ориентация на моральный авторитет и материальную поддержку "великого друга". В 1961 г. место Советского Союза заняла Китайская Народная Республика. Албания вступила в "китайский период".

Глава VII
Создание и крушение мифов

"Опора на собственные силы"

Год 1961-й стал очередной вехой в истории послевоенной Албании. Начало его не предвещало того драматического перелома, который наступил в результате ухудшения, а затем и разрыва советско-албанских отношений.

Во всех странах социалистического содружества утвердилась практика (по примеру СССР) планирования всей политико-экономической жизни общества по пятилеткам и съездам компартий. Съезд принимал директивы по очередной пятилетке, которые охватывали все — от внешней политики до культуры, парламент утверждал их, народ под руководством партии выполнял и перевыполнял задания, затем новый съезд подводил итоги, намечал очередные задачи, и далее все шло по кругу. Когда же происходили сбои и в высших эшелонах власти становилось очевидным, что запланированные показатели далеки от реальных результатов, то "в рабочем порядке" проводилась корректировка, а послушная статистическая наука находила более удобную для фальсификаций точку отсчета. В итоге оказывалось, что даже самая провальная отрасль экономики, а ею всегда и везде обычно было сельское хозяйство, выполняла план на 99%. Албания не являлась исключением.

IV съезд АПТ, сроки созыва которого неоднократно переносились (с ноября на декабрь 1960 г., с декабря на январь 1961 г.), состоялся в феврале 1961 г. Во внутриполитической и международной частях основных докладов уделялось большое внимание вопросам теории, а также обличению *современного ревизионизма*. Этот термин прочно вошел в лексикон официальной албанской пропаганды, когда возникла необходимость критиковать руководство КПСС, не называя его открыто.

В решениях отмечалось, что в Албании в целом покончено с многоукладной экономикой, создана единая социалистическая система хозяйства, страна вступила в период строительства материально-технической базы социализма и ускоренного продвижения по пути превращения из страны аграрно-индустри-

альной в индустриально-аграрную. Для достижения этих целей по плану третьей пятилетки (1961 – 1965) предусматривался значительный рост общественного производства: валового объема промышленной продукции на 52%, сельскохозяйственной – на 72, национального дохода – на 56%. Намечалось заметное повышение материального благосостояния трудящихся.

Однако в выполнении задач третьей пятилетки сразу же возникли значительные трудности. Прекращение межгосударственных советско-албанских связей привело к свертыванию экономического сотрудничества между странами. Не без настойчивых рекомендаций из Москвы европейские страны – члены СЭВ отказались предоставить Албании уже согласованные кредиты, которые ранее составляли 30 – 35% всех капиталовложений в народное хозяйство. Они отозвали своих специалистов, работавших в различных отраслях албанской экономики. В итоге более 40 промышленных объектов, сооружение которых начиналось с помощью иностранных кредитов, частично или полностью консервировалось.

Торговля Албании с Советским Союзом, объем которой в конце второй пятилетки составлял свыше 54% всего албанского внешнеторгового оборота, сократилась в 1961 г. на треть по сравнению с 1960 г., а в 1962 г. практически прекратилась. Значительно упал товарооборот с ГДР, Румынией, Венгрией и Болгарией. Широко разрекламированная помощь Китая, предназначавшаяся для латания прорех, оставшихся после сокращения связей с восточноевропейскими друзьями, запаздывала. Она стала поступать только после 1963 г.

Правительство НРА обратилось к трудящимся с призывом довести до конца строительство некоторых объектов методом народной стройки. Эта инициатива касалась не только промышленных предприятий. Печальная судьба ожидала Дворец советско-албанской дружбы – дар правительства СССР албанскому народу. Его стали сооружать по проекту советских архитекторов из советских стройматериалов при участии советских инженеров на месте снесенного колоритнейшего старого базара в самом центре города. В связи с нарастанием трений между обеими странами в Москве было принято решение о замораживании стройки. Поэтому, когда в апреле 1961 г. в порт Дуррес вошел долго добиравшийся до албанских берегов торговый корабль, на котором находилась фурнитура и еще кое-какое оборудование для здания, то согласно полученной уже в пути соответствующей директиве прибывшие к месту назначения материалы выгружать не стали и увезли обратно на родину. Некоторое время недостроенный символ дружбы стоял без движения, пока реконструированный албанскими специали-

стами не превратился в комплекс, включающий в себя Оперный театр и Национальную библиотеку.

В стране повсеместно вводился режим строгой экономии. Ориентация на поиски внутренних резервов выявила еще один их источник: в портах страны скопилось импортное оборудование, которое не удосужились вывезти нерадивые хозяйственники. В суровых условиях блокады оно дошло наконец до мест назначения.

Положение существенно улучшилось, когда начали поступать китайские кредиты и развиваться торговля. Товарооборот между обеими странами увеличился в 10 раз по сравнению с 1960 г., а удельный вес Китая в общем объеме внешней торговли за этот период повысился с 7 до 55%, полностью компенсировав уход Советского Союза.

И хотя плановые показатели на пятилетку не достигли и половины от намеченных, завершение строительства таких важных промышленных объектов, как медеплавильный комбинат в Рубике, ГЭС в Шкопете, предприятия легкой и пищевой промышленности в Корче, Тиране, Шкодре, Влёре и Гирокастре, свидетельствовало о том, что выход из тупика найден. Партийная пропаганда поспешила сообщить, что прорыв "ревизионистско-империалистической блокады" совершен и, хотя Албания продолжает оставаться "осажденной крепостью", помощь великого Китая гарантирует ее политическую и экономическую безопасность.

Сотрудничество с КНР в области экономики сопровождалось дальнейшим идеологическим сближением. Албанское партийно-государственное руководство усвоило весь набор стереотипов, который выдавался Мао Цзэдуном и его последователями в качестве единственно правильных постулатов социалистической теории и практики.

Принцип "опоры на собственные силы" был воспринят в Тиране на самом раннем этапе албано-китайского сближения, хотя в условиях Албании он не имел практического применения. Ни размеры страны, ни природные ресурсы, ни уровень развития экономики не гарантировали даже сносного существования на основе полного самообеспечения. Поэтому уже в ноябре 1961 г. Э. Ходжа дал иную формулировку албанского варианта "опоры на собственные силы". Он заявил, что Албания "получала и получает от своих друзей и братьев из социалистических стран не милостыню, а только интернациональную помощь кредитами и будет получать их в дальнейшем лишь от тех социалистических стран, которые пожелают такую помощь оказать". Так родилась формулировка "опора *главным образом* на собственные силы". Ничего нового в практику экономического развития этот принцип не вносил, так как даже в годы

первых пятилеток программа в области промышленности и сельского хозяйства разрабатывалась исходя из внутренних возможностей страны.

Лидеры АПТ стали наиболее последовательными приверженцами маоистских идей. Они восприняли теорию двух "сверхдержав", управляющих миром и разделивших его на сферы влияния. Советскому Союзу в этой схеме отводилась роль социал-империалистического партнера империалистических Соединенных Штатов. Три главных постулата — "опора на собственные силы", теории "осажденной крепости" и "двух сверхдержав" — составили идеологическую подоснову политики НРА на долгие годы. Вместе с другими новациями, утверждавшими безусловный приоритет морально-идеологических стимулов над материальными, они были заложены в фундамент директив по четвертой пятилетке. Заповедь Мао Цзэдуна о том, что "победу на хозяйственном фронте можно одержать только после достижения победы на идеологическом фронте", вошла в сборник цитат, который по китайскому образцу стал настольным пособием для всех членов партии. Правда, подозревая, что эта формулировка некоторым образом противоречит марксистскому учению о базисе и надстройке, один из известных албанских партийных теоретиков сделал следующее компромиссное заключение: "АПТ, принимая за *первичное* экономику, выдвигает *на первый план* пролетарскую политику".

В октябре 1965 г. ЦК АПТ и совмин НРА обратились к народу *с призывом обсудить наметки по новому плану*, "углубляя линию масс, борясь за дальнейшую революционизацию всех сторон жизни". Как и следовало ожидать, трудящиеся откликнулись, обещая со страниц газет и журналов повысить производительность труда, не требуя новых инвестиций, расширить посевы зерновых за счет освоения обрабатываемых площадей в горных районах и добиться решающего перелома в животноводстве.

Копируя китайскую практику, 18 января 1966 г. 11 специалистов сельского хозяйства из аппарата исполкома Дурресского округа решили добровольно оставить руководящие административные посты и пойти работать в кооперативы. Их почин подхватили в Эльбасанском округе. Затем о том же заявили 166 работников министерства сельского хозяйства и 125 — из министерства промышленности. Другие министерства и ведомства также включились в эту кампанию. По всей стране прокатилась волна сокращений административного аппарата, около 15 тыс. чиновников добровольно-принудительно направили в производственные отрасли. По предложению правительства в марте 1966 г. Народный кувенд постановил слить ряд министерств, численность работников в которых существенно

сократилась, а количество самих министров уменьшилось с 19 до 13. В ходе этой борьбы с бюрократизмом оказалось ликвидированным даже министерство юстиции, возрожденное лишь в 1990 г.

ЦК АПТ выработал и обнародовал основы "революционизации" общества в письме ко всем трудящимся в марте 1966 г. Они свелись к призывам бороться против бюрократизма, против проявлений буржуазных пережитков, за укрепление морально-политического единства народа вокруг партии. "Каждый коммунист и каждый трудящийся, — говорилось в письме, — должен ежедневно и ежечасно работать и мыслить по-революционному". В ответ стали поступать новые инициативные предложения: то заводская администрация единодушно принимала обязательство безвозмездно отработать один день в неделю на производстве, то крестьяне выражали желание участвовать в сезонных работах на полях соседнего кооператива, то армия подключалась к сельскохозяйственному труду по решению экономического совета, созданного при каждой воинской части, то рабочие добровольно отправлялись на уборку урожая, предоставив возможность оставшихся в цехах товарищам выполнять по две-три нормы без дополнительного вознаграждения. Показывая пример "массам", в поле выезжали работники высших партийных и государственных органов. Во время одного из показательных выходов в народ сам М. Шеху сел за руль трактора.

В 1967 г. Албанцы подхватили эстафету маоистов, разрушивших храмы и монастыри в Тибете. Здания религиозных учреждений всех вероисповеданий преобразовывались в светские культурные заведения или предприятия общественного питания. Правда, меньше всего пострадали старинные христианские церкви, получившие общебалканскую известность своей архитектурой и фресками. Уцелели и минареты нескольких исторических мечетей в Тиране и Шкодре.

Преследованиям подвергалось даже тайное соблюдение религиозных обрядов. Известен случай казни в Шкодре католического священника, крестившего ребенка в домашних условиях. Резкий протест Ватикана не остановил борцов против религиозного дурмана, и Э. Ходжа смог провозгласить Албанию единственной атеистической страной в мире.

Албанское руководство не поддалось соблазну последовать китайскому примеру и осуществить нечто подобное "культурной революции". В Албании не было необходимости "открывать огонь по штабам" или призывать к "расцвету ста школ", чтобы выявить таким образом крамолу. Отлаженная полицейско-бюрократическая машина, включавшая в себя партийно-государственный аппарат, избавляла от необходимости прибе-

гать к масштабным расправам над потенциальными оппозиционерами. Более того, середина 60-х годов являлась относительно спокойным периодом в плане поисков внутренних врагов в руководстве партии и государства. Массовые чистки понадобились в 1973—1975 гг., когда наметилось охлаждение в албано-китайских отношениях. Предстояла новая смена курса, а с ней и новый виток репрессий. Пока же порядок и спокойствие поддерживались традиционными методами, а именно осуществлением постоянного контроля над народом со стороны органов безопасности ("сигурими"), опиравшихся на суровое уголовное законодательство и прямой произвол. Что касается китайской "культурной революции", то поддержка ее выражалась чисто словесно и сводилась к расплывчатой формулировке: "Великая китайская пролетарская культурная революция является дальнейшим развитием социалистической революции в условиях диктатуры пролетариата в конкретных условиях Китая".

В Албании попытались ввести такую форму критики, заимствованную из китайского опыта настенной печати, как "дацзыбао" (буквальный перевод с китайского — газета больших иероглифов), получившую албанское название "флетруфейя" ("листовка-молния"). 6 января 1967 г. Э. Ходжа так определил суть этого начинания: "Пусть каждый, ничего не боясь, возьмет бумагу и напишет на ней большими буквами, что он думает о работе и о людях". Многие восприняли это указание всерьез (а как же иначе!) и буквально: стали критиковать начальство и существующие порядки. Естественно, это не могло понравиться административным органам и некоторые руководители предприятий и общественных организаций (например, профсоюзные работники) стали вывешивать "флетруфейи" с критикой своих подчиненных. Начали вспыхивать конфликты, но вмешалась партия. Она направила критический "революционный порыв масс" в привычное русло — на разоблачение происков империалистов и ревизионистов. Движение вскоре заглохло.

Неудачной попыткой китаизировать албанскую экономику стало копирование "большого скачка". На одном из пленумов ЦК АПТ в конце 1969 г. Э. Ходжа выдвинул лозунг: "1970-й должен стать годом невиданной доселе революционной атаки по всем направлениям". Кончалась очередная пятилетка и проведением широких трудовых кампаний по подъему экономики предполагалось в кратчайшие сроки наверстать упущенное. Организация сверхурочных работ, отправка сформированных из рабочих и служащих бригад в деревню стали привычным делом не только в Албании, но и в большинстве европейских социалистических стран. Однако только албанские партийные

идеологи придали этой практике, свидетельствовавшей о неэффективности экономической системы социализма, характер открытия чего-то нового в организации производства. К любому начинанию прибавлялось слово "революция". Если ставилась задача повышения урожайности, то звучала она призывом: "За революционизирование плановых показателей производства зерновых!" Крестьянская взаимопомощь при строительстве дома — "революционная инициатива", хотя эта практика существовала и при Зогу и даже при турках. Наконец, появилось ничего не выражающее словосочетание "революционизирование пленумов партии".

По китайскому примеру началось внедрение домашней металлургии: в "фурнеллах" — кустарных печах по переплавке железной руды якобы варилась сталь, а на деле изводилось и шло целиком в отход ценное сырье. Это "мероприятие", в скором времени заглохшее, не имело ничего общего с задачами развития экономики, хотя и преподносилось в качестве одного из элементов "большого скачка". Равным образом не укрепляла армию воспринятая у Китая практика ликвидации воинских знаков различия. В обстановке ксенофобской истерии, нагнетавшейся официальной пропагандой, до невероятных размеров раздувался миф о "внешней опасности", о ревизионистско-империалистическом окружении Албании. Именно в этот период началось строительство многочисленных бункеров и дзотов, призванных защищать страну от вторжения врагов с моря и с воздуха. Эти мрачные сооружения, возведенные на народные деньги, зияют черными провалами бойниц высоко в горах, расползлись уродливыми черепахами по морскому побережью. Обветшавшие, полускрытые кустарником и бурьяном, они и в третьем тысячелетии сохранят свое значение памятников преступной глупости выживших из ума правителей.

Тяжелые последствия имело увлечение маоистскими идеями для судеб албанской культуры. Директивное введение метода социалистического реализма в 1949 г. на конференции Союза писателей Албании пополнилось постановлениями ЦК АПТ, открывавшими кампании против космополитизма и буржуазного влияния. Наиболее известное из них — постановление "О дальнейшем развитии литературы и искусства" (май 1961 г.). Писателей направляли в рабоче-крестьянскую среду, чтобы они набирались народной мудрости и создавали затем произведения на производственные темы с обязательным положительным героем. Перенесение маоистских стереотипов на албанскую почву вызвало к жизни в начале 70-х годов кампанию "идейно-эстетической борьбы" против чуждых явлений, особенно либерального толка, "проявлений герметизма и формализма в поэзии, объективизма и абстрактного гуманизма

в прозе", как об этом говорилось на одном из пленумов ЦК АПТ в июне 1973 г. Свой вклад в понимание литературного процесса не мог не внести и главный идеолог партии Э. Ходжа, выступивший на этом пленуме с речью "Писатели и работники искусств — помощники партии в коммунистическом воспитании масс".

Итогом всех этих кампаний и партийных проработок стало то, что творческая интеллигенция вынуждена была отказаться от гонораров и согласилась на такие ограничения, которые сводили к минимуму индивидуальность автора. В результате появилось большое количество конъюнктурных произведений, авторы которых зачастую таким образом зарабатывали себе право на творчество и относительную независимость суждений. Это было обычной данью, которую приходилось платить большинству представителей интеллигенции в условиях административно-командной системы, рискуя получить клеймо приспособленцев и конформистов. Наглядным примером стала судьба одного из наиболее известных в стране и за рубежом албанских писателей послевоенного периода Исмаиля Кадаре (род. 1936).

Обласканный властями баловень судьбы, возведенный партийными идеологами в классики литературы социалистического реализма, И. Кадаре откликался стихотворными фельетонами и прозаическими поделками на все события бурной политической жизни Албании. Откровенное выполнение социального заказа, чем явились романы "Суровая зима" (о разрыве советско-албанских отношений) и "Концерт в конце зимы" (об албанско-китайском конфликте), позволило И. Кадаре быть относительно свободным в выборе тем "для души", и он продолжил линию, открытую романами 60-х годов "Генерал мертвой армии", "Летопись в камне", выпустив в свет такие прозаические произведения, как "Испорченный апрель", "Трехарочный мост", "Досье Г" и др. Переведенные на многие языки, они создали ему европейскую известность. На рубеже 80—90-х годов он попал в число номинантов на Нобелевскую премию в области литературы, чему оказался обязан благоприятной политической конъюнктуре, сложившейся для писателей из стран Восточной Европы.

Призыв партийных идеологов развивать идеологическую, культурную и научно-техническую революцию означал на практике подгонку всей культурной и образовательной политики под искусственные схемы классового подхода к жизни общества. Еще больше усилилось партийно-догматическое воздействие на науку, литературу, искусство, образование. Под прикрытием лозунга об обострении классовой борьбы по мере продвижения к коммунизму и вытекающей из этого необходи-

мости организации отпора буржуазной идеологии развивались процессы, объективно направленные на консервацию невысокого культурного уровня народа. Подтверждением этой тенденции явилось так называемое "революционизирование школы".

Гармоничное развитие человека, эстетическое воспитание, выявление талантов — все это, по мнению ведущих культуртрегеров из АПТ, вело к интеллектуализму и карьеризму, к превращению знания в мелкобуржуазную побрякушку, "в орудие господства над массами, как это имеет место в капиталистических и ревизионистских странах". Страх перед умными людьми, характерный для правящей верхушки при всех диктаторских режимах, владел также и Ходжей с его не очень образованным окружением. Он неоднократно выступал с публичными поучениями о вреде "интеллектуалистских настроений" среди учителей, преподавателей вузов, ученых. "Растворяйтесь в народе, — призывал он, — будьте всегда рядом с ним, учитесь у масс! Только таким образом вы закалитесь как революционеры!"

Интеллектуализм, избыточность знаний и тому подобные "извращения" никогда не угрожали албанской системе среднего и высшего образования, которая только и стала развиваться после победы народной революции. Объявить достижения современной науки буржуазной выдумкой и под этим предлогом лишить трудящихся перспективы овладения всеми богатствами науки, культуры и искусства — таков был естественный итог функционирования албанской модели казарменного социализма, для которого поощрение живой творческой мысли было равноценно самоубийству.

Главным теоретиком реформирования системы образования в "революционном духе" стал сам Э. Ходжа, а практиком — М. Шеху, выступивший осенью 1969 г. с программой военизации школы. Он предложил следующее распределение времени для учащихся средней и высшей школы: 55—56% учебного плана — собственно учеба, 26—27 — производственная практика, 17—19% — военно-физическая подготовка. В шестилетнем возрасте ребенок поступает в первый класс начальной школы, а в 23 года покидает вуз, если ему посчастливится попасть в него, вполне сформировавшимся духовно и физически, аскетически пренебрегающим чрезмерными материальными и духовными ценностями.

М. Шеху поставил задачу подготовки новых учебных пособий, ибо прежние якобы насаждали интеллектуализм. Никаких сказок и рассказов, где отсутствовало бы классовое и революционное содержание, никаких деталей при освещении истории. Два таких и ненаписанных учебника "Политическое и моральное воспитание" и "Начальные сведения о марксизме-ле-

нинизме" должны были стать основой "революционного" преподавания в 1975/76 учебном году.

В порядке обобщения китайского опыта создавались отряды военизированной учащейся молодежи (типа хунвейбинов), призванные защищать и поддерживать политику руководства АПТ. Армия и органы МВД должны были обеспечивать воспитание молодежи в патриотическом духе, а общественные организации активнее вмешиваться в семейное воспитание и бороться с проявлениями индивидуализма. К последним относилось запрещение детям торговать на базарах, чтобы предотвратить формирование у подрастающего поколения частнособственнической психологии, а также помогать родителям на приусадебных участках, ибо это отвлекало от работы на кооперативных полях. Особенную опасность представлял "гнилой интеллектуализм", проявления которого возможны, если у ребенка: а) отсутствует трудовое воспитание; б) непролетарское происхождение; в) чувствуется влияние буржуазии и ревизионизма; г) интеллектуальное домашнее воспитание.

Этот набор совершенно диких представлений о принципах обучения и воспитания детей, к счастью, так никогда и не был осуществлен в полной мере, но некоторые его элементы, ревностно насаждавшиеся отдельными преподавателями, смогли испортить не одну судьбу.

Извращенное понимание борьбы за идеологическую чистоту вылилось в кампанию по искоренению чуждого влияния буржуазной западной и ревизионистской восточноевропейской культуры. Остракизму подвергались произведения классиков художественной литературы и кинематографа, современная симфоническая и эстрадная музыка. Новорожденные дети должны были нарекаться "историческими" именами албанских, вернее — иллирийских, царей и героев, а также "новоязовскими" типа "Богатырь", "Звезда", "Свет", "Счастье" и др. Искореняя тлетворное воздействие Запада, по всей стране уничтожили надписи "кафе", заменив албанским словом "эмбельторья" ("сладкарница"). Правда, очень скоро восточные сладости, которыми славится албанская кухня, из продажи исчезли.

Появилась "инициатива" и в среде крестьянства, которое стало якобы само выступать за сокращение размеров приусадебных участков, чтобы исключить соблазн торговли излишками на рынках. Впоследствии был наложен запрет на содержание скота и даже птицы. По призыву рабочих государственного сельскохозяйственного предприятия им. Георгия Димитрова (район Тираны) начался массовый отказ от личных садовых участков, чтобы не культивировать в себе частнособственнические инстинкты. Как вспоминал впоследствии Дритро Аголы,

популярный писатель и бескомпромиссный критик маразматических решений, принимавшихся тогда партийным руководством, если кто-нибудь осмеливался протестовать против того, что у несчастного крестьянина отбирали корову, овцу, свинью, индюшку, оставив только осла, то этого мятежника осуждали на смерть или сажали в сырую одиночку.

Для производства сельскохозяйственной продукции меры, ограничивавшие частную инициативу, имели пагубные последствия. На приусадебных участках, занимавших 6,5% всей обрабатываемой площади, производилось до четверти продуктов земледелия и около половины мяса, молока и шерсти. Ликвидация этого важнейшего источника снабжения населения повседневными продуктами питания привела к заметному снижению благосостояния народа и к исчезновению крестьянского рынка.

Такой выглядела общественно-политическая обстановка в стране, когда с китайской моральной и материальной помощью была создана и стала претворяться на практике с середины 60-х годов новая концепция экономического развития, а именно ориентация на преимущественное развитие отраслей тяжелой промышленности. Введение в действие мощной системы внеэкономического, административного регулирования, мобилизация государственного и партийного аппарата на выполнение плановых заданий привели к определенному положительному эффекту. Достижения казались впечатляющими особенно при сравнении с предыдущими годами, когда после разрыва с СССР происходила перестройка всего механизма функционирования народного хозяйства.

При подведении итогов пятилетки 1966—1970 гг. отмечалось общее улучшение показателей в промышленности и сельском хозяйстве. В три раза по сравнению с "советским" периодом возросла добыча нефти и составила около 1,5 млн т, в два раза увеличилась добыча хромовой руды. Покупка в Италии на средства целевого китайского кредита и монтаж в Фиери полностью автоматизированного завода азотных удобрений заложили основы новой отрасли промышленности — химической. К 70-му году была достигнута раньше запланированного срока полная электрификация села.

Удалось досрочно выполнить план капитального строительства. Из наиболее важных объектов упоминались текстильный комбинат в Берате, завод по производству запчастей для тракторов в Тиране, цементные заводы в Фуш-Круе и Эльбасане, нефтеперерабатывающий завод, теплоэлектростанция и завод азотных удобрений в Фиери, суперфосфатный завод в Ляче, заводы по производству кальцинированной соды и электроламп во Влёре и др.

Статистика отмечала успехи в сельском хозяйстве. Однако процентный рост по всем показателям, кроме животноводства, не отражал реальной картины. При быстром увеличении численности населения страны абсолютное производство ряда важнейших видов сельскохозяйственной продукции на душу населения оставалось невысоким и значительно отставало от уровня 1962 г., когда учитывалась помощь СССР и восточноевропейских социалистических стран. Наблюдалось постоянное сокращение поголовья скота главным образом из-за необеспеченности его кормовой базой.

Вместе с тем формальное понимание принципа социальной справедливости приводило к уравниловке, что сказалось, например, на так называемом выравнивании зарплаты рабочих и служащих. Периодически, с разрывом в два-три года, повышались ставки низкооплачиваемым категориям трудящихся и соответственно снижалась зарплата высокооплачиваемым. В феврале 1969 г. Народный кувенд принял закон, устанавливавший потолок заработной платы руководителя: она не могла более чем в два раза превышать средний заработок рабочего. Практиковалось также усреднение размеров пенсий.

Довольно убогое существование основной массы населения не укладывалось в рамки насаждаемых партийной пропагандой представлений об успехах Албании во всех областях жизни. Воспевание проектов гигантских (для размеров Албании) новостроек типа металлургического комбината в Эльбасане или завода в Фиери обрамлялись в программных выступлениях партийных и государственных руководителей маоистской фразеологией о революционизации всех сторон жизни, о диктатуре пролетариата, которую если не укреплять постоянно, то она может выродиться в нечто буржуазно-ревизионистское, о новых капиталистических элементах, зарождающихся в условиях социализма, о периодическом усилении классовой борьбы в экономике. Постепенно албанские теоретики и пропагандисты превращались в более правоверных маоистов, чем сами сторонники и последователи Мао Цзэдуна в Китае.

Идеологическая чистота албанского социализма достигалась не столько методами убеждения и демонстрации его успехов, которые были весьма сомнительного свойства, сколько силовыми приемами. Внедрение в массовое сознание психологии "осажденной крепости" как непременного элемента административно-командной системы сталинского типа вызывало необходимость искать врагов, якобы пытавшихся овладеть этой крепостью извне и изнутри. В такой небольшой по численности населения и по размерам территории стране, как Албания, установление тотального контроля над всеми сторонами жизни общества является делом относительно несложным, но в то же

время и опасным для каждого гражданина. Обеспечивали этот контроль находившиеся под непосредственным руководством председателя совмина Мехмета Шеху органы безопасности, полиция и пограничные войска. Всегда готовые к "работе", они осуществляли перманентные рутинные чистки, а также проводили кампании по выявлению "врагов народа".

Одной из наиболее крупных акций такого рода стали репрессии 1973—1975 гг., когда под лозунгами "революционизации" жизни страны и укрепления диктатуры пролетариата упали головы многих видных деятелей. Первый удар пришелся на культуру. Зимой 1972 г. на телевидении прошел фестиваль песни: вечерние туалеты ведущих, красивые костюмы участников и публики создавали атмосферу настоящего праздника. Руководство АПТ увидело в этом признаки преклонения перед западной культурой, перед западным образом жизни. На ближайшем пленуме ЦК АПТ в июне 1973 г. разразился скандал. Сам Э. Ходжа клеймил проявления буржуазно-ревизионистского влияния и либерализма на изобразительные искусства, литературу, радио и телевидение, на интеллигенцию и молодежь в целом. Присутствовавший на пленуме председатель Комитета по радио и телевидению Тоди Любонья сказал встретившемуся ему по дороге домой приятелю: "Боюсь, что за это дело потребуют голову". И он оказался прав. Его объединили вместе с секретарем Тиранского горкома партии Фадилем Пачрами в одну вражескую антипартийную группу, их исключили из ЦК АПТ и из партии, а затем и арестовали*.

Вслед за карательными мерами в отношении работников идеологического фронта последовали репрессии среди высших руководителей армии и народного хозяйства. Скверну вырывали с корнем: одних расстреливали, других заключали в тюрьмы и концлагеря.

В июле 1974 г. пленум ЦК АПТ осудил антипартийную и антисоциалистическую деятельность группы "заговорщиков" во главе с министром обороны Бекиром Балуку, в которую входили начальник генштаба Петрит Думе и начальник политуправ-

---

* Т. Любонья, проведший в заключении 13 лет, в опубликованной в 1993 г. книге воспоминаний "Под гнетом насилия" рассказал, что в годы скитаний по тюрьмам и ссылкам он встретил многих видных деятелей партии и государства. В тюрьме Бурреля он какое-то время провел вместе с Кочо Ташко, которого извлекли из ссылки и посадили за решетку в 70-летнем возрасте, приговорив к 10 годам заключения за фанатичную любовь к СССР. Ташко писал Э. Ходже и другим бывшим соратникам по партии письма, доказывая пагубность разрыва советско-албанских отношений. В прошлом коминтерновец и член ВКП(б), Ташко отмечал в тюрьме и ссылке две памятные даты — день создания Коминтерна и 7 ноября. Отсидев положенные 10 лет, он вышел на поселение в возрасте 80 лет и через четыре года скончался.

ления армии Хито Чако. Они якобы замышляли государственный переворот в целях захвата власти и установления буржуазно-ревизионистского строя. Все трое — обладатели самой престижной воинской награды Ордена народного героя — были расстреляны по приговору военного трибунала. Б. Балуку, считавшийся человеком, безгранично преданным Э. Ходже, шел на казнь, как говорили, с его портретом на груди. После расправы с верхушкой армии прошла чистка среди генералитета: 18 высших офицеров понесли наказания разной степени тяжести — от ссылки до тюремного заключения. Особо сурово преследовались те из них, кто учился в советских военных учебных заведениях.

В 1975 г. судьбу военных разделили председатель Госплана Абдюль Келэзи, министр промышленности Кочо Теодоси и министр торговли Кичо Нгеля. Им также инкриминировались вражеская деятельность, саботаж и извращение экономической политики партии. К тому времени обнаружились серьезные разногласия между албанским и китайским руководством, а поэтому следствие вменяло в вину "саботажникам" подрыв экономики по указке внешних врагов, на службе у которых они состояли. Вероятно, к ним применяли меры морального и физического воздействия, и они признавались во всем, на чем настаивало следствие. Кого-то из них почему-то заставили сознаться в симпатиях... к Карлу Каутскому.

По стране прокатилась волна репрессий, стоившая жизни или длительных сроков заключения многим настоящим и мнимым сторонникам главных "врагов народа". Тогда же были осуждены как иностранные шпионки некоторые советские женщины, вина которых состояла в том, что в конце 50-х годов они вышли замуж за албанцев.

Политические процессы 1973—1975 гг. подводили своеобразный итог принятой албанским руководством ориентации на развитие экономики с "опорой *главным образом* на собственные силы", а на самом деле на масштабные инвестиции Китая. Становилось очевидным, что для такой небольшой страны, как Албания, невозможно развивать ни самостоятельно, ни с помощью извне все отрасли промышленности. Повторялась ситуация 1960—1961 гг., когда назревал советско-албанский конфликт. Китайские советники пытались сдержать гигантоманию планов своего союзника, включая применение экономических рычагов, а именно сокращение кредитования отдельных заведомо нерентабельных объектов. Однако албанская правящая верхушка не могла признать ошибочность своей экономической политики и поэтому относила ее малую эффективность на счет подрывной деятельности объединивших свои усилия внутренних и внешних врагов.

Разрыв с Китаем. Что дальше?

На искусственность и даже в какой-то степени на противоестественность дружбы огромного Китая и маленькой Албании постоянно обращали внимание внешнеполитические комментаторы. Однако определенный смысл в этих взаимоотношениях все же присутствовал. Каждая из сторон извлекала до поры до времени свою выгоду из этого союза: албанцы — материальную, китайцы — политическую. Пока КНР находилась вне ООН и Албания выполняла в этой организации роль проводника китайских внешнеполитических идей, трений между правящими партиями обеих стран практически не было. Но после октября 1971 г., когда КНР заняла принадлежавшее ей по праву место в ООН, узурпированное в свое время Тайванем, и получила непосредственный выход на международную арену, в Тиране стало накапливаться глухое недовольство. Опасения, что прагматичные китайские политики могут пренебречь общими "классовыми" интересами и предать своего союзника, вскоре нашли подтверждение.

Первые серьезные трения обнаружились уже в феврале 1972 г., когда Пекин посетил тогдашний президент США Р. Никсон, привлеченный возможностью, как шутили западные острословы, отведать утки по-пекински, запивая ее водкой "маотай". Тогда, в разгар обострившейся советско-американской полемики, использование китайским союзником одной "сверхдержавы" ради ослабления другой вызвало резкое осуждение албанской стороны. "Враг твоего врага совсем необязательно должен стать твоим другом", — назидательно поучали албанские теоретики своих китайских коллег.

За годы вынужденной изоляции Албании от внешнего мира партийные идеологи выработали некий стереотип взаимоотношений в области внешней политики, который категорически не признавал самую возможность поворота в сторону американского империализма и советского социал-империализма. Даже с Югославией стали налаживаться торговые связи после преобразования в феврале 1971 г. дипломатических миссий обеих стран в посольства. Но со "сверхдержавами" такие контакты категорически исключались.

Сближение с американским империализмом, выдвижение маоистами теории "трех миров" углубляли неожиданно обнаружившуюся пропасть[2*]. Албанские теоретики обвиняли ки-

[2*] Назревание конфликта с Китаем повлияло на расширение контингента политических заключенных в албанских тюрьмах и лагерях. Наряду с китайскими шпионами и их пособниками появилась придуманная самими заключенными категория идеологических извращенцев — "триботистов", которые проповедовали антимарксистскую теорию "трех миров" (по-албански "tri bota" означает "три мира").

тайских в том, что те призывали "третий мир", в который они включали Китай, "движение неприсоединения" и даже западноевропейские страны вкупе с Балканами, объединиться против угрозы войны, исходящей из Советского Союза. В Албании не стерлись воспоминания о 1968 г., когда ввод советских войск в Чехословакию послужил предлогом, чтобы демонстративно выйти из организации стран — участниц Варшавского договора и использовать последовавшие за этим события для получения дополнительной военной помощи от Китая. Стремление объединить страны "третьего мира" воспринималось албанцами в качестве доказательства намерения создать новый внешнеполитический блок.

Разногласия в области внешней политики наложились на споры по экономическим вопросам. Период возникновения трений в двусторонних албано-китайских отношениях совпал с очередной борьбой за выполнение заданий пятилетки 1971—1975 гг. И тогда выяснилось, что китайцы стали склоняться к частичному пересмотру программы индустриализации Албании, исключая из нее заявки на дорогостоящие промышленные объекты, слишком обременительные для экономики страны. Впоследствии Э. Ходжа с возмущением писал в "Заметках о Китае", что маоисты недалеко ушли от "хрущевцев", которые строили планы превращения Албании в аграрно-сырьевой придаток стран СЭВ и поэтому свернули кредитование важных предприятий.

Кредитование действительно сократилось. Но то, что уже было построено, значительно расширило экономическую базу страны. Так, среди сданных в эксплуатацию 155 объектов упоминались фабрики по обогащению хромовой и медной руд в Булькизе и Спаче, теплоэлектростанции в Корче, тонкосуконная фабрика и вторая очередь завода по производству запчастей для тракторов в Тиране, железная дорога Эльбасан—Преньяс и некоторые другие. Даже в сельском хозяйстве удалось впервые за послевоенный период добиться выполнения задачи обеспечения потребностей в продовольственном зерне за счет собственного производства. Правда, почему-то потерял свой пост и был исключен из партии (но не посажен) министр сельского хозяйства Пирро Додбиба.

Албано-китайская дружба трещала по швам. В печати развернулась анонимная критика идеологических и политико-экономических прегрешений впавшего в немилость недавнего союзника. Возмущало все, в том числе и частичная реабилитация религии: в январе 1973 г. появилось сообщение о том, что в главной мечети Пекина состоялось празднование байрама. "Великая культурная пролетарская революция, — сделал вывод

Э. Ходжа из отступничества Мао, — это не великая, не культурная, не пролетарская и не революция".

Дело шло к разрыву. В ноябре 1976 г. состоялся VII съезд АПТ. На нем прошло обычное в таких случаях обсуждение результатов прошедшей пятилетки и принятие директив по новому плану. Во внешнеполитическом разделе традиционно многословного доклада Э. Ходжи наряду с критикой советского, югославского и других "ревизионизмов" подверглись осуждению "антимарксистские и контрреволюционные" взгляды неких ревизионистов, проповедовавших идеи о многообразии форм социализма. Их национальная (или государственная) принадлежность прямо не называлась, но суровый разнос "теории трех миров" безошибочно указывал на их китайское происхождение. Руководство КПК усмотрело в этом безосновательные нападки на Китай, КПК и лично Мао Цзэдуна и решительно их отвергло. Началась открытая и очень резкая полемика между АПТ и КПК.

В середине ноября 1977 г. состоялся пленум ЦК АПТ, где с докладом о враждебной антимарксистской деятельности КПК выступил Э. Ходжа, а его адаптированный текст распространили затем по всем парторганизациям. Бывшим союзникам досталось и за "демонстративное расширение государственных и партийных взаимоотношений с Югославией", и за прием с почестями и помпой Тито, и за терпимое отношение к Общему рынку и СЭВ.

Конфликт углублялся, и 7 июля 1978 г. китайское руководство сообщило в Тирану о своем решении свернуть кредиты, а также экономическую и военную помощь и отозвать всех специалистов. ЦК АПТ направил 29 июля 1978 г. письмо в ЦК КПК, в котором подводились политико-экономические итоги 15-летнего сотрудничества. Наряду с критикой китайской разновидности социализма, которая приравнивалась к "ревизионистской" советской модели, шли упреки конкретного свойства. Из письма следовало, что из 35 объектов, которые намечалось построить с китайской помощью, завершенными оказались 15, а остальные отложены. Китай обвинялся в поставках устаревшего оборудования, в отказе предоставлять кредиты в полном объеме и пр.

В ответе китайской стороны на необоснованные, как говорилось в нем, обвинения говорилось о существенном вкладе Китая в албанскую экономику. Приводились впечатляющие суммы кредитов, освоенных албанской экономикой к 1978 г. только на 75%. Что касается китайской военной помощи Албании, то она в два раза превосходила экономическую. И действительно "калашниковы" китайского производства были завезены в таком количестве, что их хватило в 1997 г. и на вооруже-

ние банд внутри Албании, и на частичное снабжение Освободительной армии Косова. Одним словом, повторялась ситуация 1961—1962 гг., когда происходил советско-албанский "развод".

Летом 1978 г. китайская помощь полностью прекратилась и албанские пропагандисты стали заявлять, что с этого времени страна должна опираться исключительно на собственные силы. Этот тезис носил спорный характер, ибо даже в период самых дружественных отношений с Китаем восстанавливались торговые связи со странами СЭВ и значительно расширилось число европейских стран, с которыми Албания вела торговлю на двусторонней основе. После 1978 г. практически сведенный к нулю объем торговли с Китаем восполнялся за счет капиталистических и развивающихся стран, причем при обязательном соблюдении положительного сальдо.

В отношениях с восточноевропейскими странами стало допускаться подписание торговых договоров на длительные сроки, до пяти лет. Даже с Грецией, с которой Албания восстановила дипломатические отношения только в 1971 г., первое торговое соглашение было подписано в 1972 г. сроком на три года. Несмотря на наличие непримиримых идеологических разногласий с югославским руководством, эта страна занимала приоритетные позиции среди восточноевропейских стран во внешнеторговых связях Албании. С середины 70-х годов налаживались ее непосредственные торгово-экономические связи с Косово.

Однако в международной политике Албания продолжала существовать в отрыве от общеевропейских процессов. Решение об отказе участвовать в подготовительных мероприятиях по созыву конференции в Хельсинки принималось в ноябре—декабре 1972 г., т.е. в период функционирования союза с Китаем. И Хельсинкский процесс, и конференция в июле 1972 г. в Вене по проблемам взаимного сокращения армий и вооружений в Центральной Европе, и едва пробуждавшееся балканское сближение осуждались албанским руководством в духе все той же китайской теории правящих миром двух сверхдержав, к которым неизменно стал добавляться и западногерманский реваншизм как непосредственная угроза миру в Европе. Албания оказалась единственным европейским государством, отказавшимся сначала участвовать в подготовке Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, а затем и в его работе. Э. Ходжа охарактеризовал принятый в 1975 г. в Хельсинки Заключительный акт, как "фарс, разыгранный двумя сверхдержавами с целью обеспечить и узаконить свои зоны влияния в Европе".

Идеологизация внешней политики, подгонка ее под китайские стереотипы 60-х годов как бы выводила Албанию из сфе-

ры общебалканских и общеевропейских интересов и делала более близкими проблемы развивающихся стран, обсуждавшиеся, например, в далекой Лиме в 1975 г. Когда Китай стал постепенно освобождаться от идеологической зашоренности во внешней, а затем и во внутренней политике, АПТ подхватила знамя "истинного марксизма-ленинизма" и Тирана на длительное время стала центром, где могли получить трибуну представители левацких течений в мировом коммунистическом и рабочем движении. НРА поддерживала дипломатические, торговые и культурные отношения с 72 странами, оставаясь по сути дела закрытой страной, изолированной от внешнего мира. Но именно тогда албанская пропаганда создала миф об Албании как о чуть ли не единственной социалистической стране, свято сохраняющей свою идейную чистоту и во внешних сношениях. Утвердилась формула, что Албания "никогда не установит отношения с империализмом США и социал-империализмом Советского Союза".

28 декабря 1976 г. Народный кувенд принял конституцию, согласно которой страна получила новое название — Народная Социалистическая Республика Албания (НСРА). Конституция закрепила идеологизированный миф об идеальном социализме, якобы построенном в стране, но по сути дела она утверждала внеэкономические принципы в народном хозяйстве и существенно ограничивала социальные права трудящихся. Составленная в выспренних выражениях, она провозглашала НСРА государством диктатуры пролетариата, в котором единение народа вокруг АПТ "основывается на союзе рабочего класса с кооперативным крестьянством под руководством рабочего класса". В статье 3 говорилось, что АПТ является авангардом рабочего класса и "единственной руководящей политической силой в государстве и обществе". Идеология марксизма-ленинизма провозглашалась господствующей в НСРА, и ее принципы составляли ту основу, на которой строилось здание "социального социалистического режима".

Статья 14 гласила, что "в строительстве социализма НСРА придерживается принципа опоры главным образом на собственные силы". В статье 15 утверждалось, что во внешних связях НСРА "исходит из принципов марксизма-ленинизма и пролетарского интернационализма, следует политике дружбы, сотрудничества и взаимопомощи с социалистическими странами, поддерживает революционное движение рабочего класса и борьбу народов за свободу, независимость, социальный прогресс и социализм и опирается на их солидарность". Правда, к тому времени число стран, достойных, по мнению лидеров АПТ, называться социалистическими, сократилось до двух. Таковыми признавались лишь Куба и Вьетнам.

Статья 16 запрещала частную собственность и эксплуатацию человека человеком. В понятие *социалистическая собственность* (статья 17) включались государственная и крестьянская кооперативная. Причем кооперативная и даже личная собственность граждан могли быть переведены в разряд государственной, "если этого потребуют интересы общества". Одним словом, как говорилось в обширной преамбуле к конституции, "общественная собственность на средства производства и единая система социалистического хозяйства заняли место частной собственности и многоукладной экономики в городе и деревне".

По статье 28 запрещалось создание обществ и других экономических и финансовых институтов (иностранных или смешанных) с участием монополий, буржуазных и ревизионистских государств, равно как и получение от них кредитов. Статья 31, завершая экономический раздел конституции, освобождала граждан от уплаты налогов в любой форме.

Государство не признавало никакой религии, налагало запрет на все религиозные учреждения и организации, поддерживало и развивало атеистическую пропаганду, чтобы внедрять в сознание людей научно-материалистическую концепцию устройства мира.

Слова *марксизм-ленинизм, коммунизм* и *социализм* присутствовали едва ли не в каждой статье. Так, например, молодое поколение должно было воспитываться "на концепции марксизма-ленинизма, сочетать учебу с производительным трудом и военно-физической подготовкой", а на родителей возлагалась ответственность за коммунистическое воспитание детей.

Мало похожий на конституцию политизированный документ стал тем не менее руководством к действию почти на 10 лет.

Жесткая централизация управления экономикой, планирование завышенных, а потому невыполнимых показателей, изношенность материально-технической базы народного хозяйства, невозможность получения финансовых средств извне из-за конституционного запрета на иностранные займы, низкая конкурентоспособность албанских товаров на мировом рынке, почти полное отсутствие материальных стимулов, поощрявших трудящихся города и деревни в их производственной деятельности, — все это стало тормозить экономическое развитие страны. Показательно, что объем внешней торговли Албании в 1985 г. оказался практически на уровне 1975 г.

Слепая вера в результативность "правильного" планирования вызвала к жизни десятилетнюю (1981 — 1990) программу интенсификации сельскохозяйственного производства на наиболее плодородных равнинных землях. В зону интенсивного

земледелия и животноводства включалось более 100 тыс. га орошаемых земель приморских районов, или около 17% всех посевных площадей республики. В первое пятилетие туда было направлено свыше 1,4 млрд леков капиталовложений, или почти четверть всех средств, вложенных в сельское хозяйство страны. В результате урожайность сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства росли здесь быстрее, чем в остальных районах. Получение в этой зоне в 1985 г. средней урожайности пшеницы в размере 46 центнеров с га стало рекордным для Албании и в перспективе могло обеспечить гарантированный минимум сельскохозяйственной продукции в засушливые годы.

Неизвестно, чем конкретно руководствовались правительственные эксперты в области сельского хозяйства — не иначе, как борьбой с частнособственническими инстинктами, — но в стране продолжилась кампания по сокращению личных подсобных хозяйств членов сельскохозяйственных кооперативов. Максимальный размер приусадебных участков уменьшился до 0,02—0,05 га, и, следовательно, снизилась их доля в общем производстве сельскохозяйственной продукции с 19,2% в 1980 г. до 9,1 — в 1985 г. В 1981—1982 гг. было полностью обобществлено поголовье мелкого рогатого скота и более 70% коров, находившихся у кооператоров. Такая практика, как отмечалось на IX съезде АПТ в 1986 г., привела к нежелательным результатам, так как "из-за ее неправильного понимания и применения в ряде районов страны имели место неблагоприятные последствия для крестьянства".

Лукавая ссылка на непонятливость исполнителей должна была снять ответственность с партийно-государственного аппарата, чья некомпетентность в вопросах руководства экономикой имела катастрофические результаты для страны в целом и для благосостояния народа в частности. Предусматривавшееся в 1985 г. повышение реальных доходов на душу населения на 8—10% по сравнению с 1980 г. не было достигнуто. Средняя заработная плата рабочих и служащих, а также доходы крестьян остались на уровне 1980 г. В торговой сети стала хронической нехватка многих продуктов питания, а также товаров широкого потребления, что привело к введению системы частичного рационирования.

Расставание с тоталитаризмом

11 апреля 1985 г. скончался Энвер Ходжа, с именем которого связывался более чем 40-летний период жизни албанского общества. Тысячи людей, съехавшихся в Тирану со всех концов

Албании, со слезами на глазах провожали в последний путь своего вождя. Его похоронили на мемориальном кладбище у подножия монумента "Мать Албания", а после краха коммунизма тихо переместили на обычное городское кладбище на окраине Тираны. С ним ушла целая эпоха — эпоха тоталитаризма.

С ноября 1941 г. Ходжа находился на руководящих постах в коммунистической партии: сначала в качестве рядового члена ЦК, а с 1943 г. и до самой смерти — генерального (первого) секретаря КПА/АПТ. Его личный и весьма значительный вклад в создание албанского варианта сталинской административно-командной системы не подлежит сомнению. Именно он непосредственно отвечал за то, что происходило в стране и в обществе, выступая инициатором разного рода идеологических кампаний и прикрывая силой своего авторитета на первых порах, а затем авторитетом силы неблаговидные дела, вершившиеся карательными органами по его указаниям.

После устранения в 1949 г. Кочи Дзодзе, на которого возлагалась ответственность за все преступления коммунистической верхушки в военные и первые послевоенные годы, главным палачом режима стал Мехмет Шеху. Энвер Ходжа и Мехмет Шеху, идеолог и практик казарменного коммунизма, более четверти века шли в одной связке. Их тандем распался в 1981 г. Когда в конце 70-х годов ближайшему окружению диктатора стало ясно, что он неизлечимо болен, Шеху слишком самоуверенно и прямолинейно выказал притязание на наследство. Глава правительства, контролировавший через своих родственников и лично преданных людей все силовые ведомства, т.е. человек, обладавший реальной властью в стране, совершил оплошность, согласившись на брак своего сына с девушкой, имевшей родственников за рубежом, в стане противников режима. Супруги Ходжа вроде бы приветствовали это решение. Как оказалось впоследствии они откровенно лицемерили.

События развивались по сценарию, разработанному Неджмие, женой и соратницей Энвера, стоявшей на страже интересов мужа. По крайней мере, такое мнение сложилось у всех хорошо знавших тогдашнюю обстановку в "верхах".

Некий "сознательный труженик" обратился с недоуменным письмом в ЦК АПТ, обвинив премьера по сути дела в утере классового чутья, в предательстве классовых интересов. Сигналу был дан ход, и еще совсем недавно всесильному премьеру стало угрожать разбирательство на политбюро ЦК АПТ. Один из активных создателей репрессивной системы сам стал ее жертвой. Реально сознавая приближение конца, понимая надуманность предлога, которым воспользовались его многолетние соратники по партии, 17 декабря 1981 г. М. Шеху покон-

чил жизнь самоубийством у себя в доме "в момент нервного кризиса". Ходили слухи, что он умер насильственной смертью. Даже в книге "Анатомия страха", написанной Башкимом Шеху, единственным из трех сыновей Мехмета, выжившим в кровавой мясорубке 1981 г., можно обнаружить следы сомнений в официальной версии.

Так или иначе, но прошло полгода и Мехмета Шеху его недавние друзья и соратники стали называть "полиагентом империализма, югославского ревизионизма и советского социал-империализма", ни на мгновение не задумываясь о том, как могло случиться, что на протяжении всего послевоенного периода страной руководили в основном враги народа, а она тем не менее успешно продвигалась к социализму, как говорилось во всех партийных документах. Устранив Шеху, репрессировав всех членов его семьи, вычистив из государственно-партийных органов всех его сторонников, Ходжа успокоился и объявил в 1982 г. амнистию. Злые языки говорили, что он выпустил уголовников, чтобы на освободившиеся нары посадить политических заключенных.

На совести Ходжи физическое или политическое устранение всех членов первого ЦК КПА и многих последующих, а также видных деятелей национально-освободительного движения и просто тех, когда-то близких друзей, которые знали о нем слишком много. Только двое из верных ему людей — Гого Нуши и Хюсни Капо — умерли своей смертью. Остальные заплатили жизнью и исковерканными судьбами своих родных. Несомненно Ходжа был обуреваем жаждой власти, что с годами переросло в болезненную манию величия. Он чувствовал себя полубогом и талантливо играл эту роль, подбирая себе соответствующее окружение. Еще при жизни ему воздвигались памятники, его растиражированные по всей стране бюсты и портреты можно было обнаружить в самых неожиданных местах. Например, в теке (молельный дом бекташей) в Фуш-Круе его увеличенная фотография соседствовала со стилизованным образом основателя секты Хаджи Бекташи и с портретом Карла Маркса, включенного в компанию почитаемых людей, по всей вероятности за окладистую бороду, придававшую лицу основателя марксизма нечто мусульманское.

Среди всех современных политических деятелей Европы Ходжа считался самым печатаемым автором. Одно только собрание сочинений, издание которого началось в 1968 г. и продолжалось после смерти, насчитывало в 1989 г. 65 томов. Неизвестно, какая часть этого наследия принадлежала его перу. Кроме официальных докладов на съездах и конференциях, совершенно очевидно являвшихся плодом коллективного творчества партийного аппарата, в публикацию попали якобы лично напи-

санные работы теоретического и мемуарного характера, относящиеся к последним годам жизни тяжело больного Ходжи, когда он не только не мог писать, но и говорил с трудом. Так, на последнем при его жизни VIII съезде АПТ он молча сидел под своим огромным изваянием, а длинная, растянутая на два дня и заранее записанная речь передавалась по трансляции.

После устранения с политической арены М. Шеху, а его ближайших сторонников из партийно-государственного аппарата в албанских номенклатурных верхах остался лишь один реальный претендент на пост преемника Э. Ходжи — Рамиз Алия, член политбюро ЦК АПТ, секретарь ЦК по идеологическим вопросам, давно уже слывший вторым человеком в партийной иерархии. После смерти диктатора он почти автоматически, без какой-либо подковерной борьбы стал первым секретарем.

Рамиз Алия родился 18 октября 1925 г. в Шкодре. С юношеских лет он включился в национально-освободительное движение, вступив в возрасте 17 лет в албанскую компартию. Был комиссаром 5-й ударной дивизии, которая после освобождения Албании воевала в Югославии. На I конгрессе Антифашистского союза молодежи Албании в 1944 г. он вошел в секретариат ЦК этой организации, а когда в 1949 г. все молодежные организации левого толка объединились, занял пост первого секретаря Союза народной молодежи. К тому времени его уже избрали членом ЦК АПТ. После окончания московской Высшей партийной школы в 1954 г. Алия стабильно занимал высокие должности в партии и государстве, став в 1956 г. кандидатом в члены политбюро, а в 1961 г. — членом этого высшего партийного органа и секретарем ЦК по идеологии вместо Лири Белишовой. Его заслуги в обосновании идейно-теоретической линии АПТ несомненны и состояли в том, чтобы представить колебания и периодические повороты ее на 180 градусов в качестве естественного поступательного развития. Поэтому вполне закономерным стало избрание Алии в 1982 г. также и на высшую государственную должность председателя Президиума Народного кувенда НСРА вместо мирно ушедшего на пенсию Хаджи Лэши, занимавшего этот пост с 1953 г.

Понимание необходимости перемен постепенно, но прочно входило в сознание албанских руководителей, получивших в свои руки тяжелое наследие. Застойные явления в экономике обсуждались на декабрьском 1985 г. и мартовском 1986 г. пленумах ЦК АПТ, на IX съезде партии в ноябре 1986 г. Становилось очевидным, что экономические трудности обусловлены внутренними причинами, а не являются исключительно следствием "капиталистическо-ревизионистской блокады", как это вдалбливала в сознание народа партийная пропаганда на про-

тяжении четверти века. Главными среди этих причин назывались недооценка экономических стимулов поощрения производительности труда и, как следствие, сохранение уравниловки в зарплате для всех категорий тружеников. Назрел вопрос о необходимости изменить экономическое мышление кадров. Следствием застоя в экономической науке, в частности почти полное игнорирование проблемы ценообразования как регулятора производства, стало нерациональное, взятое, что называется "с потолка", планирование развития народного хозяйства. Вместе с тем продолжала декларироваться ориентация на сохранение внеэкономических методов, к которым относились требования укрепления трудовой дисциплины и порядка во всех звеньях хозяйственного аппарата, а также усиления различных форм контроля за его деятельностью.

Все эти робкие поиски новых методов решения назревших и перезревших социально-экономических проблем не выходили за рамки старых идеологических установок. В этом плане был характерен упомянутый выше IX съезд партии. Он прошел под знаком преемственности внутренней и внешней политики, верности духу и букве учения Э. Ходжи. Не подвергался сомнению ни один принцип создававшейся долгие годы политической и социально-экономической системы. В области экономики подтверждались все три старые установочные догмы: опора главным образом на собственные силы, запрещение иностранных кредитов, строго сбалансированная внешняя торговля, укладывавшаяся в лаконичную формулу "без экспорта нет импорта".

Новым стало появление строго дозированной критики слабостей и ошибок в области экономики, что свидетельствовало о накопившихся внутренних трудностях. На повестку дня выносилась задача поисков прагматических решений, открывавших перспективы улучшения условий жизни народа. Из уст Р. Алии прозвучал призыв обратиться к "экономической логике", т.е. к "более активному и сознательному использованию экономических категорий в целях обеспечения роста производительности труда, снижения расходов на производство". Большее внимание предполагалось уделять материальному стимулированию производственной деятельности трудящихся. В области сельского хозяйства это выразилось в признании возможности, правда в очень осторожной форме, содержать на крестьянском подворье некоторое поголовье мелкого скота и птицу.

Внешнеполитическая часть доклада выглядела вполне традиционной, в духе прежней позиции непримиримости к империалистическим и ревизионистским странам. Но именно во внешней политике был сделан первый ощутимый шаг на пути освобождения от старых догм. Им стало установление 2 октяб-

ря 1987 г. дипломатических отношений с ФРГ, которую во времена Ходжи называли не иначе, как фашистской и реваншистской страной. Вскоре Рамиз Алия в "дружеской беседе", как было сказано в официальном коммюнике, с министром иностранных дел ФРГ Гансом Дитрихом Геншером выразил надежду "на сближение и дружбу между двумя странами и народами". Далее излагался такой общий взгляд на внешнеполитическое будущее страны, который свидетельствовал о фактическом отказе от застарелых догм, от психологии "осажденной крепости", хотя преемственность политики Ходжи подчеркивалась при любом удобном случае. Албания, говорилось в коммюнике, "стоит за создание подлинной атмосферы доверия и дружбы между народами, а также за установление нормальных взаимовыгодных отношений со всеми государствами, уважающими принципы, на основе которых регулируются отношения между суверенными государствами".

В августе 1987 г. греческое правительство заявило о прекращении состояния войны с Албанией, которое существовало с октября 1940 г., когда фашистская Италия напала на Грецию и входившая в ее состав оккупированная Албания как бы разделила ответственность за этот акт агрессии. В 1987 — 1989 гг. были повышены до уровня послов дипломатические отношения Албании с ГДР, Болгарией, Венгрией и Чехословакией, установлены тщательно скрываемые от общественности торговые связи с Советским Союзом посредством реэкспорта товаров через третьи страны. Албанская хозяйка, открывая пакет с рисом, могла вдруг обнаружить маленький листочек, на котором незнакомыми буквами на незнакомом языке значилось: "Фасовщица №... Краснодарская рисоразвесочная фабрика". С особой радостью встречали такие подарки с родины советские женщины, не покинувшие своих албанских мужей после разрыва советско-албанских отношений в 1961 г. и отсидевшие по 12 — 13 лет в концлагерях по обвинению в шпионаже. 1987-й стал годом освобождения и для албанских "врагов народа", "троцкистов", "шпионов", "триботистов", и прочих "либералов", тихо возвращаемых из тюрем, концлагерей, мест ссылки.

Одной из новых форм развития связей с другими странами стали соглашения об экономическом, промышленном и техническом сотрудничестве, посредством которого предполагалось обновить производственный потенциал и технологии, не прибегая к получению займов и кредитов в их классической форме, что категорически запрещалось конституцией. Уловкой, позволявшей преступить закон, явилось подписание с некоторыми фирмами западных стран контрактов на компенсационной основе, в частности по обогащению руд и их частичной переработке в стране.

В целях подготовки квалифицированных кадров и стажировки специалистов для народного хозяйства активно использовались соглашения о культурном и научном обмене с Австрией, Швецией, Финляндией, Францией, ФРГ и некоторыми другими странами. Преимущественным правом учебы и повышения квалификации на Западе, как это практиковалось по примеру СССР во всех социалистических странах, пользовались члены семей, принадлежавших к партийно-государственной верхушке, и партийцы — обладатели "чистых" анкет, которые не могли и помыслить о получении политического убежища. По этой линии попал на стажировку во Францию в 1978 г. на стипендию ЮНЕСКО кардиолог Сали Бериша, выходец из небольшого городка Тропои, затерявшегося в горах Северной Албании. В 1986 г. в качестве представителя Албании он стал членом Европейского комитета медицинских исследований в Копенгагене.

К концу 80-х годов Албания поддерживала отношения более чем со 100 государствами, активно участвовала в работе ряда международных организаций. Изменилось отношение к многостороннему сотрудничеству в балканском регионе. Впервые в феврале 1988 г. албанская делегация приняла участие во встрече министров иностранных дел балканских государств в Белграде. Политические комментаторы расценили этот факт как свидетельство существенных перемен во внешней политике Албании. Возглавлявший делегацию тогдашний министр иностранных дел Реиз Малиле не очень убедительно парировал утверждения типа: "Это не мы меняемся, а меняются другие..."

Выступая в югославской столице, Малиле поддержал идею превращения Балкан в зону, свободную от ядерного и химического оружия, высказался за вывод с полуострова иностранных войск и ликвидацию военных баз. Символичным стало обращение к участникам белградской встречи Рамиза Алии: "Мы уверены, что у балканских стран окажется достаточно доброй воли и мудрости, чтобы преодолеть негативные факторы и старые предрассудки и пойти вперед по пути дружбы между народами". Вне рамок форума в конструктивной атмосфере прошли беседы Реиза Малиле с союзным секретарем по иностранным делам Югославии Будимиром Лончаром, которые способствовали углублению взаимопонимания между двумя странами, хотя и не смогли уменьшить накал полемики, развернувшейся в печати обеих стран вокруг обострения обстановки в Косово.

Представители Албании участвовали во встречах заместителей министров иностранных дел в Софии, в совещании министров транспорта балканских государств, встречах ученых, деятелей культуры стран этого региона и других мероприятиях. В январе 1989 г. в Тиране состоялась встреча заместителей министров иностранных дел балканских стран, а в марте мини-

стры экономики и внешней торговли региона собрались в Анкаре.

Таким образом, формально об изолированности Албании от внешнего мира уже не могло быть и речи. Однако во многом это сотрудничество было дозированным, осуществлялось в строго ограниченных пределах. Албанское общество продолжало оставаться закрытым: срабатывал инстинкт самосохранения от новых веяний, исходивших из Советского Союза и социалистических стран Центральной и Юго-Восточной Европы.

Наметились положительные сдвиги во внутренней политике. Обнаружилось, что звучавшие несколько декларативно положения о повороте государственной политики к человеку обрели конкретное содержание. В 1987 г. совмин принял важные постановления "О стимулировании роста производства при помощи заработной платы", "О более правильном использовании дополнительных материальных стимулов и специальных фондов", "О критериях оценки финансово-экономической деятельности предприятий". Цель этих постановлений — использование экономических рычагов для стимулирования производственной деятельности трудящихся прежде всего в отраслях, имеющих первостепенное значение для народного хозяйства. Аналогичные тенденции, но более медленно начали проявляться и в сельском хозяйстве.

В феврале 1987 г. в официальной албанской пропаганде стали постоянно раздаваться призывы к развитию "прогрессивного нового мышления и новых революционных идей", что противопоставлялось "бюрократическим проявлениям" и "инертности мышления". В административном аппарате и в какой-то степени в партии зародились процессы омоложения кадров. По результатам выборов в Народный кувенд 1987 г. его состав обновился почти на 32%, причем около половины депутатов составляли люди моложе 40 лет. В последующие полтора-два года эти процессы начали набирать силу.

Обычная для албанских условий практика планирования, когда приоритет отдавался развитию отраслей промышленности группы А, была нарушена при утверждении планов на 1989 и 1990 гг. Их скорректировали в сторону поощрения промышленности, производящей товары народного потребления, при гарантировании стабильных цен на товары первой необходимости.

С 1989 г. в сельскохозяйственных кооперативах и госхозах вводилась новая система оплаты труда. Устанавливались дополнительные надбавки к оплате на трудодни за производство всей сверхплановой продукции в размере до 50%. Заработная плата руководящим работникам и специалистам также устанавливалась в зависимости от конечного результата.

В порядке очередного эксперимента в 1989 г. девяти сельскохозяйственным кооперативам представлялась большая, чем прежде, самостоятельность, значительно сокращалась директивная регламентация их деятельности. Им было разрешено реализовывать на рынке сверхплановую продукцию, за исключением зерновых и технических культур. С 1990 г. такие принципы стимулирования производства и реализации продукции распространились на все сельскохозяйственные кооперативы страны.

Постепенно по инициативе сверху началось очищение системы организации народного хозяйства от воспринятых в 60—70-е годы волюнтаристских внеэкономических наслоений. Государственно-партийные структуры сохранялись в неизменности, но в их рамках и в строго регламентируемых пределах стала допускаться хозяйственная самостоятельность "низов" и даже критика среднего административного звена. Шло как бы обновление и совершенствование социалистических отношений. Слова *реформа* и *деформация социализма* еще не появились в политическом лексиконе албанских лидеров, считавших эту терминологию присущей исключительно восточноевропейским и советским ревизионистам. В Албании все еще продолжалась провозглашенная Э. Ходжей "революционизация всех сторон жизни".

Стимулом дальнейшей и весьма существенной корректировки внешней и особенно внутренней политики Албании стали бурные события 1989 г. в Центральной и Юго-Восточной Европе. Правящие коммунистические партии столкнулись с одними и теми же проблемами, главная из которых состояла в том, как реформировать систему, не потеряв власти. Лихорадочные поиски путей выхода из кризиса привели в лучшем случае к добровольно-вынужденному отказу от руководящей роли при условии перераспределения властных функций между всеми политическими партиями и движениями, а в худшем — к полной потере политического веса и авторитета в стране и обществе, к расколу и даже к самороспуску. Расставание с казарменным социализмом проходило по-разному. Албания пошла по эволюционному пути.

Год перелома 1990-й...

Ветер перемен, пронесшийся в 1989 г. по социалистическим странам Центральной и Юго-Восточной Европы, не достиг Албании. По крайней мере так могло показаться любому человеку, листавшему тогдашние албанские газеты. Свергаются многолетние диктаторы, летят головы в прямом и переносном

смысле, рушится берлинская стена, а в Тиране все спокойно. В январе 1990 г. собирается IX пленум ЦК АПТ, который вырабатывает оценку происшедшего: народы осуществили свои давнишние чаяния, сбросив ревизионистские режимы, но этим воспользовались правые силы и поддерживающая их мировая буржуазия; трудящиеся, к сожалению, выступили на стороне новых властей, ибо ошибочно связали господство ревизионизма, засилье бюрократических структур, состояние застоя в этих странах с социализмом, с идеологией марксизма-ленинизма. Албанские коммунисты, говорилось в резолюции пленума, всегда сознательно боролись за то, чтобы народ понял опасность дискредитации социализма, его революционной идеологии и политики: "Произошла трагедия, мы ее болезненно переживаем, но не впадаем в отчаяние".

Вставал вопрос о возможности существования многопартийности в Албании, на что пленум ответил отрицательно: "Сохранение ведущей роли АПТ является главным условием продолжения социалистического строительства в Албании", а создание других политических партий "привело бы к ослаблению национального единства, к потере независимости и к уничтожению социализма".

Экономическое положение в стране расценивалось как вполне стабильное. Созданный в стране экономический механизм, как утверждалось в решении, "гарантировал прогресс производительных сил, проложил путь к созданию и консолидации многоотраслевой структуры, гармонизировал экономические и социальные аспекты и поддержал развитие прогрессивных тенденций в стране", которая подошла к этапу интенсификации. Однако за этими общими фразами скрывался вполне конкретный невысокий уровень жизни народа. Три засушливых года углубили кризисное состояние экономики. Сохранялось рационирование мяса, сыра, растительного масла. В открытой торговле можно было встретить лишь лук и стеклянные консервные банки с подозрительным содержимым. Пример Албании являлся еще одним подтверждением того феномена, присущего сталинской модели казарменного коммунизма, когда соблюдение идеологической "чистоты" неизменно сопровождалось "чистотой" прилавков.

Пленум постановил повысить уровень партийной пропаганды, добиться повышения производительности труда в целях реализации плановых заданий, особенно по предназначенной на экспорт продукции и товарам первой необходимости. Задача текущего момента формулировалась весьма расплывчато: экономическими методами следует обеспечить условия для более полного удовлетворения некоторых потребностей трудящихся. Однако имелись и более конкретные рекомендации, предусма-

тривавшие дальнейшее материальное стимулирование производственной деятельности как предприятий в целом, так и отдельных работников.

Тогда, в январе, был сделан еще один важный шаг по совершенствованию государственного механизма, а именно признавалось необходимым строительство правового государства, в результате чего появились рекомендации по восстановлению министерства юстиции, по учреждению института адвокатуры, по пересмотру статуса местных судов и т.д. В мае сессия Народного кувенда приняла соответствующие решения. Претерпело значительные изменения существующее законодательство, а точнее уголовный и другие кодексы. По сообщениям печати, заметно сокращалось число статей (5 вместо 21), по которым ранее выносились смертные приговоры. Сенсацией стало известие о предоставлении гражданам права на свободу вероисповедания. Наконец, была сформирована комиссия по пересмотру ряда устаревших статей конституции 1976 г., чем завершилась законодательная деятельность албанского парламента в первой половине 1990 г.

Но поистине революционный шаг был сделан в области внешней политики. В новый, 1990 г. Албания вступила с новой концепцией международных отношений. Приобретенный к тому времени двухлетний опыт активного балканского сотрудничества подвел руководство страны к пониманию необходимости включаться в общеевропейский процесс. На январском пленуме ЦК АПТ, посвященном главным образом экономическим проблемам страны, в качестве первоочередной задачи внешней политики провозглашалось расширение взаимоотношений с соседями, а в отношении других стран — налаживание связей "с любым государством, которое отвечает дружбой на предлагаемую нами дружбу". Отказ от идеологических шор во внешней политике позволил сделать еще один шаг к многостороннему сотрудничеству и коренным образом пересмотреть позиции по вопросу об отношении к СССР и США. В апреле Р. Алия недвусмысленно заявил о заинтересованности Албании в создании системы европейской безопасности, в сотрудничестве с Европейским сообществом, а также о том, что в свете новых подходов к происшедшим на Европейском континенте изменениям "на повестку дня встал вопрос о восстановлении отношений с США и Советским Союзом".

В СССР благожелательно отозвались на инициативу албанской стороны. Соответствующее заявление было сделано во время встречи тогдашнего министра иностранных дел СССР Э.А. Шеварднадзе с министром иностранных дел Китая Цянь Цичженем 25 апреля в Москве. Подчеркнув негативное влияние существовавшего 25 лет отчуждения между СССР и

КНР на развитие международных отношений не только в Азии, но и во всем мире, Шеварднадзе сказал, что нечто подобное произошло и в отношениях СССР с Албанией. Мы не собираемся снимать свою долю ответственности за то, что произошло, говорил министр. Приветствуя заявления представителей албанского руководства, он сказал, что Советский Союз готов к восстановлению и развитию дружественных отношений с Албанией на основе полного равенства, уважения суверенитета, независимости и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга и взаимной выгоды. Был положен конец вялотекущей дискуссии в околоправительственных кругах насчет того, кто более виноват в разрыве отношений в 1961 г. и нужно ли дистанцироваться от волюнтаризма Н.С. Хрущева, не уронит ли это авторитет СССР.

В июне – июле 1990 г. на встречах делегаций МИД СССР и Албании в Софии и Тиране была достигнута договоренность о нормализации двусторонних отношений. В августе в Москву прибыла албанская экономическая делегация во главе с заместителем министра внешней торговли Костандином Ходжей. Переговоры завершились соглашением о возобновлении прямой торговли, отказавшись от практики товарообмена через третьи страны. Через месяц в Албанию прибыла группа советских экспертов-экономистов, чтобы оценить возможности налаживания производства на предприятиях, сооруженных с советской помощью в конце 40-х – начале 50-х годов. Выводы оказались неутешительными: дешевле разрушить и построить новые. Забегая вперед, необходимо отметить, что выработанные в 1990 г. планы двустороннего экономического сотрудничества остались нереализованными ввиду разрушения системы связей на всем постсоветском пространстве.

Возобновление деятельности посольств в столицах обоих государств произошло в феврале (Тирана) и в апреле (Москва) 1991 г. Аналогичные переговоры между представителями Албании и США состоялись в конце августа 1990 г., во время которых был подготовлен базовый документ. Официальное подписание протокола о восстановлении албано-американских отношений последовало в марте 1991 г. в Нью-Йорке.

Большое значение для развития процесса приобщения Албании к Европейскому сообществу имел первый в истории страны визит генерального секретаря ООН Х. Переса де Куэльяра в Тирану в мае 1990 г. Готовясь к нему, Народный кувенд принял 10 мая закон, разрешающий гражданам республики свободный выезд из страны, в том числе и на постоянное жительство, но... с 1 июля. Не дожидаясь наступления срока, один из столичных жителей попытался ускорить процедуру отъезда

и прорвался на территорию французского посольства. Его немедленно выдворили оттуда сотрудники "сигурими", которые без колебаний нарушили экстерриториальность дипломатического представительства, применив при этом силу к послу и его супруге, пытавшимся отбить нежданного гостя. Инцидент удалось замять, и визит генсека состоялся.

Несмотря на то что на переговорах с албанскими официальными лицами речь шла об общих принципах взаимоотношений Албании с международным сообществом, попутно затрагивались и некоторые другие вопросы. В результате визита генерального секретаря ООН окончился плен шестерых албанцев, получивших убежище в итальянском посольстве в декабре 1985 г. Им гарантировали беспрепятственный выезд из страны. По предварительной договоренности, Перес де Куэльяр посетил места заключения, в частности и печально знаменитый лагерь в Бурреле. Он был шокирован увиденным, хотя администрация предварительно произвела элементарную санацию всей территории и помещений. Завершая визит, высокий гость, с одной стороны, приветствовал выход Албании на общеевропейскую арену, а с другой — довольно решительно заявил своим собеседникам, что без демонтажа репрессивной системы, без коренного улучшения положения с соблюдением прав человека Албания не может рассчитывать на полномасштабное участие в международных организациях.

В целом албанское правительство стремилось не только создать впечатление открытости, но и на деле предпринимало шаги по либерализации режима. Общество "перегревалось", получая импульсы извне и изнутри, необходимо было выпустить пар из котла, готового вот-вот взорваться. Такими мерами стала отмена смертной казни за попытку перейти границу и уже упоминавшееся право беспрепятственного получения заграничного паспорта. Однако одно только выражение желания действовать цивилизованными методами привело к разрушительным последствиям, не поддававшимся прогнозам. Закон о выезде вступал в силу с 1 июля. Тем не менее недоверие к правительственным декларациям настолько глубоко вошло в плоть и кровь простых людей, натерпевшихся сверх всякой меры от этой власти, что многие из них, не дожидаясь того, когда неповоротливая бюрократическая машина в законном порядке поднимет шлагбаум на границе, ринулись к свободе через иностранные представительства.

В первых числах июля около 6 тыс. молодых людей укрылись в посольствах иностранных государств, прося политического убежища. Сначала в ход пошла сила — полицейские дубинки. Мирная молчаливая демонстрация в Тиране в поддержку беженцев и в защиту прав человека была с жестоко-

стью разогнана. Но люди продолжали осаждать иностранные представительства. Пытаясь поддержать перед европейской общественностью представление об Албании как о стране, уверенно вставшей на путь демократизации и либерализации, правительство распорядилось выдать беженцам паспорта и обеспечило их выезд воздушным и морским путями. 31 июля произошел новый пересмотр уголовного кодекса, в результате нелегальный переход границы перестал квалифицироваться в качестве измены родине.

Вскоре с принятием новых упрощенных правил получения виз и паспортов, с созданием комитета по трудоустройству албанских граждан за рубежом обстановка стала несколько нормализовываться. Но возникли трудности с получением въездных виз, что не остановило желающих эмигрировать. С конца декабря 1990 г. и до начала марта 1991 г. албанские граждане с заграничными паспортами, но без въездных виз тысячами переходили в Грецию, плыли на самовольно захваченных пароходах в Италию. Греческое и итальянское правительства оказались вынужденными принять ограничительные меры против наплыва албанских иммигрантов, всячески способствуя их возвращению на родину.

"Беженский кризис" июля 1990 г. стал первым крупным потрясением в жизни албанского общества. Июльские события вызвали противоречивую реакцию в верхах. На состоявшемся в июле 1990 г. пленуме ЦК АПТ Р. Алия осудил в резких выражениях непатриотическую акцию молодых людей, которые вместо того чтобы воспользоваться открытой дверью, ринулись через заборы в иностранные посольства, подрывая тем самым доверие к правительству. На пленуме произошли кадровые изменения. Покинули свои посты в политбюро и правительстве четверо представителей "старой гвардии", в том числе верные соратники Ходжи — Мануш Мюфтиу и Рита Марко. Их места заняли представители все той же партийной номенклатуры из состава действующего ЦК АПТ.

"Партия вдовы", как называли кружок людей, сгруппировавшихся вокруг Неджмие Ходжи, продолжала оказывать влияние на высшее руководство страны, и опасения того, что начавшийся робкий процесс социально-политических преобразований может застопориться в результате противодействия партийных догматиков, сохранялись. Наступило время "господства темных сил", как определили впоследствии период до мартовских выборов 1991 г., в течение которого стражи энверовской ортодоксальности судорожно цеплялись за любую возможность сохранения старого порядка. Система, созданная насилием, сдавала позиции только под угрозой силы, а отступив, вновь пыталась взять реванш.

Неопределенность сложившейся в стране ситуации вызывала неоднозначную реакцию среди интеллигенции. В ряды политических эмигрантов неожиданно перешел писатель Исмаил Кадаре. 25 октября 1990 г., когда в Тиране открылось совещание министров иностранных дел балканских стран, он направил письмо Р. Алии, в котором утверждал, что албанский народ продолжает жить в условиях, когда ущемляются элементарные гражданские права. Страна движется к катастрофе, писал он, а руководство не может отрешиться от каких-то архаичных и абсурдных концепций, способствующих приближению этого конца. "Ввиду невозможности существования легальной оппозиции, — заявил писатель, — я избрал путь, который никому не хотел бы рекомендовать". И. Кадаре по-своему был прав. Оппозиции в стране вроде не существовало. Да и откуда ей взяться, если исторические традиции многопартийности отсутствовали, а инакомыслие во все времена искоренялось вместе с его носителями. Итак, отчаявшиеся уезжали, а не потерявшие надежды оставались, чтобы бороться.

8—11 декабря студенты Тиранского университета вместе со своими преподавателями и при поддержке молодежи других городов во время не прекращавшихся все эти четыре дня массовых манифестаций отстояли право на демократию и плюрализм, как гласили лозунги на их транспарантах. Столицу захлестнула митинговая стихия, наступило время уличных политиков.

Уже находясь в тюрьме, Рамиз Алия вспоминал в интервью газете "Коха йон" ("Наше время") в мае 1995 г., что именно он выбрал известного кардиолога и активиста тиранской парторганизации Сали Беришу для контактов с устраивавшими голодные забастовки и митинги студентами. Очень скоро Бериша осознал обреченность на провал порученной ему миссии, сменил лагерь и вместе с преподавателями Тиранского университета и другими представителями интеллигенции создал Партию молодежи и интеллектуалов, куда вошли экономист Грамоз Пашко, археолог Неритан Цека, врач-кардиолог Шахин Кадаре, юрист Люан Омари, лидер студенческого движения Азем Хайдари и др. Эта группа составила ядро возглавленной впоследствии Беришей Демократической партии (ДП).

19 декабря 1990 г., день официальной регистрации Демократической партии, считается днем рождения многопартийности в Албании. Вслед за ДП образовались Республиканская (РП) и Экологическая партии, Форум в защиту прав человека (январь 1991 г.), Аграрная партия (февраль 1991 г.), Демократический союз греческого меньшинства ("Омония"), "Чамрия", или Общество защиты прав чамов в Греции, Партия национального единства (март 1991 г.). Появилась оппозиционная пе-

чать – газеты "Рилиндья демократике" ("Демократическое единство"), орган ДП, и "Республика", орган РП. Все вновь образованные партии включились в борьбу за отсрочку назначенных на 10 февраля 1991 г. выборов в Народный кувенд на том основании, что в столь короткий срок они не могут подготовиться, чтобы вести предвыборную кампанию наравне с АПТ. Лишь 15 января 1991 г. удалось договориться о переносе голосования на 31 марта.

Резкий подъем общественно-политической активности заставил правящую партию выступить инициатором выработки новой концепции развития страны. Еще на ноябрьском пленуме ЦК АПТ 1990 г. Р. Алия признал просчеты в политике партии. Но он связал их с некритическим использованием считавшегося универсальным опыта Советского Союза, Китая и других стран. Он поставил вопрос так: "Был ли мировой опыт социализма, который мы считали точкой отсчета в нашей практике, абсолютно чистым, и является ли он таковым сейчас?"

Ответ содержался в опубликованной 3 января 1991 г. предвыборной платформе АПТ, которая так формулировала новые задачи: "Осуществить коренные экономические реформы в целях замены централизованной административно-командной системы механизмом рыночной экономики, в рамках которой будут конкурировать и взаимодействовать крупномасштабный государственный сектор с кооперативным и частным при уравновешивающей свободную инициативу роли государства". Признавалась необходимость рационального использования внутренних ресурсов в сочетании с привлечением иностранных кредитов в целях создания рентабельной экономики, насыщения потребительского рынка. Развитие конструктивного диалога со всеми политическими силами должно было обеспечить политическую стабильность в обществе.

Особое внимание АПТ уделяла улучшению положения в деревне. В январе 1991 г. Р. Алия выступил в газете "Зери и популыт" с изложением конкретных мер в области аграрной политики, обещая увеличить инвестиции в сельское хозяйство. 1000 новых тракторов, ввезенных из Китая, были распределены по районам. Предполагалось также к новой посевной кампании увеличить производство и распределение собственных химических удобрений.

В области внешней политики платформа подтвердила твердое намерение включиться в общеевропейский процесс, покончив с предрассудками периода "холодной войны". Подчеркивалось, что албанец должен ощущать себя не только гражданином своей страны, но и гражданином Балкан и Европы. Девизами АПТ стали: "Реализм и обновление", "Интересы родины и нации превыше всего".

В январе 1991 г. в предвыборную кампанию включились созданные к тому времени оппозиционные партии. Главным соперником правящей партии стала ДП. Ее программа отличалась от программы АПТ более радикальным подходом к таким вопросам, как земельная реформа и приватизация. Планировалось превращение Албании в "современную и демократическую страну" путем строительства правового государства и установления полной демократии. Тремя основными программными принципами объявлялись частная собственность, проведение аграрной реформы и улучшение условий жизни народа. Приватизацию предусматривалось проводить под контролем государства при условии гарантии прав личности и общества, а прекращение субсидирования крупных госпредприятий-монополистов должно было способствовать превращению их в акционерные общества. Провозглашалась приоритетность развития отраслей обрабатывающей и легкой промышленности. Крестьянам обещали государственные земли, а также право добровольного выбора форм землевладения и землепользования — от частной до коллективной собственности. Права на собственность крупных землевладельцев, экспроприированных в 1945 г., не признавались.

Один из "отцов-основателей" ДП, Грамоз Пашко, вернувшись из США, заявил о готовности политических и деловых кругов этой страны поддержать партию в случае ее победы на выборах материально путем предоставления гуманитарной помощи и введения в круг таких международных кредиторов, как Международный валютный фонд, Всемирный банк, Европейский банк реконструкции и развития. В органе ДП газете "Рилиндья демократике" стали появляться статьи, знакомящие с потенциальными партнерами и друзьями. В рубрике "Наши исторические союзники" рассказывалось об Италии, о которой ранее иначе, как об оккупационной державе, не говорилось. А в рубрике "Наши естественные соседи" фигурировала Германия.

Тем временем экономическое положение страны резко ухудшилось, несмотря на обнадеживающее заявление в ноябре 1990 г. председателя совмина Адиля Чарчани, что именно в первом квартале 1991 г. падение жизненного уровня будет остановлено. Но даже официальная статистика засвидетельствовала сокращение производства мяса, молока, яиц. Исчезли из продажи картофель, фасоль, капуста. В январе 1991 г. промышленное производство товаров составляло 65—70% по сравнению с тем же периодом 1990 г. Ухудшение продовольственного снабжения вызывало в стране глухое недовольство. Оно выливалось время от времени в стихийные разграбления голодными людьми государственных продовольственных складов. Но принци-

пиальное значение для включения протестного движения в законное русло имела начавшаяся 14 февраля забастовка шахтеров на угольных разработках в Валиасе к северу от Тираны. Эта первая в истории социалистической республики забастовка после издания 25 января 1991 г. правительственного указа, провозгласившего право трудящихся на забастовки, стимулировала к тому же создание независимых профсоюзов.

Новый общенациональный кризис разразился в феврале 1991 г. Он начался с голодовки 720 студентов и преподавателей Тиранского университета, Высшего художественного лицея и сельскохозяйственного института. Первоначально выдвигались требования улучшения бытовых условий в студенческом городке, но затем они приобрели политическую окраску: запретить изучение марксизма-ленинизма, диамата, истмата и трудов Э. Ходжи, изъять его имя из названия университета. Если правительство не выполнит эти требования, то ему предлагалось уйти в отставку. Акция во многом носила демонстративный характер, так как 25 января совмин наряду с провозглашением прав на забастовки издал распоряжение о государственной охране национальных исторических памятников, в число которых вносились сооружения, связанные с именами Скандербега, братьев Фрашери и... Энвера Ходжи. Повреждение памятников каралось тюремным сроком от 3 месяцев до 6 лет.

Официально пиетет в отношении обожествлявшегося вождя сохранялся, и все попытки пересмотреть роль и место Э. Ходжи в истории Албании решительно отвергались властями. К его многочисленным прижизненным монументам добавлялись новые, наиболее значительными из которых являлись беломраморный Энвер, сидящий в стилизованном кресле на вершине холма в Гирокастре, огромный десятиметровый Энвер, шагающий по площади Скандербега в Тиране и музей его имени в Тиране, прозванный в народе "пирамидой", в сооружении которого принимала участие дочь диктатора, носящая поэтическое имя Пранвера, т.е. Весна. В народе отношение к Ходже стало к тому времени довольно равнодушным, величественный музей пустовал. Однако политически активная часть общества раскололась. Партийная печать клеймила студентов и помещала многочисленные письма трудящихся в защиту памяти "основателя партии и государства". На юге страны организационно оформился Союз добровольцев имени Э. Ходжи.

Рамиз Алия оказался в чрезвычайно сложном положении, так как его считали не просто преемником Э. Ходжи на посту первого секретаря ЦК АПТ, но и соавтором теории и действующей модели "истинного" социализма. Став в 1960 г. секретарем ЦК АПТ, он весьма усердно "обосновывал" линию тандема Ходжа–Шеху, а после устранения последнего превратился в

"альтер эго" вождя, одряхлевшего умственно и физически. Тем не менее Р. Алия первым из состава энверовского политбюро понял, что по-старому жить невозможно, и пожертвовал тем, что давно стало анахронизмом. Темной декабрьской ночью 1990 г. демонтируется памятник Сталину на столичном Бульваре Павших Героев. Простертая рука стоявшего напротив него Ильича оказалась устремленной в никуда. Вскоре также незаметно исчез и этот монумент. По решению правительства в Албании была ликвидирована символика, связанная с именем Сталина, в частности возвращено имя городу Кучове (бывш. город Сталин). Народ воспринял эти действия спокойно и даже с одобрением, согласившись с официальным обоснованием о нецелесообразности сохранения памяти об иностранном деятеле, от которого открестилась даже собственная страна. Но к ликвидации культа "своего" вождя, верного последователя Сталина, отношение в обществе еще не сформировалось.

Р. Алия не рискнул взять на себя ответственное решение и созвал 19 февраля 1991 г. пленум ЦК АПТ, который, рассмотрев политические требования студентов, отклонил их. На следующий день в результате спонтанного (или хорошо срежиссированного под спонтанность) выступления жителей Тираны огромную статую Э. Ходжи на центральной площади столицы свалили при помощи металлического троса, вынесенного с территории завода его имени. Вечером того же дня Р. Алия обратился по телевидению с воззванием к народу. Он резко осудил акты вандализма, совершенные экстремистами не только в Тиране, но и в других городах, призвал сограждан к спокойствию и выдержке. Р. Алия заявил о решимости взять в свои руки восстановление порядка и стабильности, пойдя по сути дела на введение военного положения. Прибывшие в столицу войска охраняли правительственный квартал. Уличная толпа ответила кострами, на которых сжигались портреты Ходжи и его печатные труды. В центре Тираны стали совершаться акты вандализма. "Пирамиду" не тронули, но другой мемориальный музей — табачную лавку "Флора", где Э. Ходжа якобы встречался со своими сторонниками-коммунистами в 1939 г. — смели с лица земли. Хулиганствующие элементы провоцировали беспорядки. 22 февраля появились первые жертвы: четверо ни в чем не повинных людей были убиты "силами правопорядка", многие ранены, в том числе и две девочки 12 и 14 лет.

На юге страны вновь подняли голову приверженцы старого (энверовского) режима. Они срывали портреты Р. Алии, который, по их представлениям, не проявил решительности в защите памяти Э. Ходжи и дела социализма, призывали к походу на Тирану и к переносу столицы Албании во Влёру. Они требовали восстановить разрушенные монументы. С декларацией, осу-

ждающей как акты вандализма, так и произвол властей, выступила ДП. Аналогичное заявление сделало руководство РП, призывая положить конец спекуляциям на памяти Э. Ходжи. "Разгул насилия — это главная опасность, угрожающая демократии", — утверждалось в нем. Обе оппозиционные партии поддержали позицию Р. Алии, который на встрече с представителями ряда городов Албании предложил отложить решение вопроса о восстановлении памятников и другие связанные с этим проблемы на послевыборный период.

Стремясь нейтрализовать основной источник осложнений, а именно продолжающуюся студенческую голодовку, совмин принял 22 февраля решение о том, что Тиранский университет не будет носить имя Э. Ходжи. Оказались удовлетворенными и все другие требования бастующих вплоть до смены правительства. В тот же день Р. Алия издал декреты о создании Президентского совета из восьми человек и о назначении нового кабинета министров. Председателем правительства стал еще за год до этого мало кому известный 38-летний кандидат экономических наук, один из лидеров реформаторского крыла в АПТ, Фатос Нано, проработавший в совмине немногим более двух месяцев сначала генеральным секретарем, а затем заместителем премьера.

Прекращение голодовки в Тиранском университете не исчерпало всех сложностей, с которыми встретилось правительство Нано. 7 марта 1991 г. вновь возникла угроза исхода из страны очередной волны беженцев. В меньших размерах повторялся вариант "беженского кризиса" 1990 г. 2 марта 1991 г. власти объявили о создании Комитета по трудоустройству албанских граждан за рубежом, и тут же начался несанкционированный выезд, минуя официальные каналы. Люди пытались прорваться в Италию через порты Дуррес, Шенгини и Влёра, захватывая пароходы и другие плавсредства. Правительство срочно перекрыло доступ в портовые сооружения Дурреса, а итальянские береговые службы блокировали свое побережье. Большинство незаконных иммигрантов были депортированы из Италии обратно в Албанию.

Аналогичная попытка перейти границу с Югославией (в Черногории) предпринималась в то же время двумя тысячами сербов, проживавшими на севере Албании в деревне Врака. Остановленные югославскими пограничниками, они вернулись в свои дома. Правда, уже в 1992 г. им представилась возможность выехать в Югославию на законных основаниях в порядке репатриации. Однако многие из них вернулись, так как их поселили в Косово, раздираемом этнополитическими конфликтами. К тому же их не устраивало проживание не среди сербов, а в албанской среде, из которой они стремились вырваться.

Усилиями всех политических партий и общественных организаций установилось относительное спокойствие в стране. Внутренние потрясения в Албании начала 90-х годов впервые стали европейской проблемой. Нестабильная обстановка в этой стране на фоне бурно развивавшегося процесса распада Югославии таила в себе опасность еще большего обострения общебалканского кризиса. Поэтому западные правительства оказали активную экономическую и политическую поддержку коммунисту-реформатору горбачевского типа, каким воспринимался в то время Рамиз Алия. Начав в марте с гуманитарной продовольственной помощи из Италии и Швейцарии, международные финансово-экономические организации и некоторые фирмы стали договариваться об инвестициях в отдельные отрасли добывающей и перерабатывающей промышленности, в сельское хозяйство и туризм. Наибольшую активность проявляли германские фирмы, выказавшие намерение производить капиталовложения в добычу нефти, меди, хрома, в гидроэнергетику, сельское хозяйство и др. Американская "Оксидентал петролеум" подписала два протокола о предполагавшемся участии в разведке и эксплуатации нефтерождений. Датская и голландская фирмы приступили к реконструкции фабрики стиральных порошков.

Состоявшиеся 31 марта и 7 апреля 1991 г. выборы в Народный кувенд принесли победу кандидатам, проходившим по списку АПТ. Они получили 169 из 250 депутатских мест. Однако, к удивлению многих, сам Р. Алия не прошел. Он вел свою кампанию в традиционном "партийном" стиле, как это было принято у первых лиц в социалистических странах. Если Сали Бериша приглашал народ на площади и стадионы, агитируя до хрипоты в голосе за программу ДП, то Р. Алия полагался на налаженный пропагандистский аппарат. За день до голосования он выступил с большой речью перед активом "своего" избирательного округа, по которому безальтернативно проходил в прежние времена, и оказался побежденным мало кому известным кандидатом от ДП инженером Франко Крочи. За Алию отдали голоса только 36% избирателей. В коммюнике ЦК АПТ по результатам выборов говорилось о большой победе партии на выборах, но также признавалось, что неизбрание Р. Алии "явилось неожиданным и несправедливым". Поражение лидера АПТ контрастировало с абсолютной победой в Кавае его главного соперника — Сали Бериши.

ДП завоевала 75 мест, что свидетельствовало о несомненном успехе политической организации, оформившейся только за три с половиной месяца до выборов. Причем она завоевала голоса преимущественно городских избирателей, а АПТ — сельских. Забитое, нищее крестьянство, привыкшее во всем

следовать "указаниям партии", послушно проголосовало за ее кандидатов, 5 мест получила "Омония" и 1 — Комитет ветеранов войны.

Результаты выборов имели сильный резонанс в стране и за ее пределами. Аккредитованные на выборах иностранные обозреватели (около 260 человек) поражались низкому уровню политической культуры и в особенности деструктивным настроениям, проявившимся сразу же после обнародования результатов выборов. 2 апреля в Шкодре прошла демонстрация молодежи, протестовавшей против злоупотреблений, допущенных избирательной комиссией города. Попытка участников шествия изложить претензии перед партийным руководством города окончилась разгоном демонстрации с применением органами правопорядка огнестрельного оружия. Жертвами пали четверо, в том числе Арбен Броци, один из руководителей шкодринского отделения ДП. Многие получили ранения. Министр внутренних дел Грамоз Ручи в специальном заявлении назвал демонстрантов террористами и обещал навести порядок "всеми законными средствами". Оппозиция потребовала расследования событий 2 апреля, пригрозив бойкотом Народного кувенда.

Конфликты между сторонниками основных партий спорадически происходили по всей стране. Причем, как правило, страдали голосовавшие за коммунистов и ... общественная собственность. В Шкодре избили крестьян, приехавших торговать на местный базар, мстя им за поддержку на выборах коммунистов. В Фиери, где кандидаты АПТ завоевали все 19 парламентских мест, молодежь переворачивала машины и била стекла в административных зданиях. Пострадали от актов вандализма железнодорожный транспорт и школы, оставшиеся без стекол. Один из студентов, участвовавший в погромах, так объяснил находившемуся тогда в Албании в составе группы наблюдателей английскому историку Ноэлю Малькольму причины разгула страстей: "Государство грабило нас 45 лет. Теперь наша очередь отобрать все это у государства". В стране создавалась угроза анархии и многие стали вспоминать "старые времена, когда был порядок".

Тем не менее общественно-политическая жизнь продолжалась. Депутаты от ДП поначалу отказались участвовать в работе кувенда до тех пор, пока не будут наказаны виновники расстрела демонстрантов в Шкодре, и пришли на заседание только после создания комиссии по расследованию инцидента. На открывшейся 22 апреля первой сессии Народного кувенда была учреждена президентская форма правления в Республике Албания, как стала называться страна согласно новой редакции статьи 1 конституции. На заседании 30 апреля 1991 г. Рамиз Алия был избран президентом, получив 172 голоса из 250.

Чтобы выборы имели вид альтернативных (иначе они просто не могли бы состояться), в список внесли еще одну фамилию — главного редактора газеты "Зери и популит" Намика Докле, получившего 2 голоса. ДП своего кандидата не выдвигала и почти вся ее парламентская фракция в голосовании не участвовала: 71 бюллетень был признан недействительным. У ДП не было шансов на выигрыш.

4 мая на пленуме ЦК АПТ Рамиза Алию освободили от обязанностей первого секретаря ЦК, члена ЦК и политбюро в связи с избранием президентом.

Так, через 45 лет после введения в Албании республиканского строя произошло возвращение к общедемократическим принципам мартовской конституции далекого 1946 г.

Глава VIII
Проблемы последнего десятилетия XX века

На пути в Европу

Мартовские выборы 1991 г. принесли победу коммунистам (АПТ), что позволило им сформировать однопартийное правительство. О коалиционном тогда не было и речи. ДП изначально отвергала такую возможность в соответствии с принципом "все или ничего" и перешла в активную оппозицию. Парламентская фракция ДП одержала победу при рассмотрении вопроса о конституции, отклонив предложение коммунистов поддержать проект, разработанный старым аппаратом. Она настояла на принятии Закона об основных конституционных положениях, включив в него статью о департизации государственных органов. Так, согласно статье 6-й политические партии отделялись от государства, их деятельность запрещалась в воинских частях и в учреждениях, министерствах, дипломатических представительствах за рубежом, прокуратуре, следственных органах и др. Основной текст конституции предполагалось доработать и утвердить новым составом Народного кувенда. После продолжительной дискуссии были определены сроки новых выборов — май — июнь 1992 г.

9 мая 1991 г. премьер-министром стал Фатос Нано, который сохранил в основном состав своего первого (февральского) кабинета. Он начинал свою деятельность в обстановке разваливающейся экономики. Инфляция достигала 250% в месяц, резко возросла безработица. Программа, с которой Нано выступил в кувенде, предусматривала ряд кардинальных реформ в интересах быстрейшего перехода к рыночной экономике. Однако ДП заблокировала деятельность правительства, ведя дело к его отставке и в конце концов добилась этого.

В середине мая истекал срок "джентльменского соглашения" АПТ с оппозицией, согласно которому вводился мораторий на акции протеста, дестабилизирующие положение. Независимые профсоюзы не преминули воспользоваться этим для организации всеобщей забастовки, выдвинув нереализуемые на тот момент требования, среди которых фигурировали увели-

чение зарплаты на 100% и пенсий, шестичасовой рабочий день и др. Около 300 тыс. рабочих включились в движение. Правительство отказалось пойти на уступки, и тогда начались голодовки. Р. Алия выступил по национальному радио, призывая приступить к работе. "Положение в стране чрезвычайно тяжелое, — убеждал он. — Экономическая и политическая жизнь почти что застыла на мертвой точке". Руководитель шахтерского стачкома Сами Каричи ответил на это так: "Мы не стремимся разрушить страну. Мы хотим только избавиться от коммунистов".

Правительство Нано подало в отставку. В результате работы согласительной комиссии, в которой участвовали представители всех (в том числе и непарламентских) партий, 11 июня оформилось коалиционное правительство, или правительство национальной стабильности, во главе с коммунистом Юлы Буфи (министр продовольствия в правительстве Нано). Его заместителем и одновременно министром экономики стал один из ведущих деятелей ДП, доктор экономических наук Грамоз Пашко. Половину министерских постов (12 из 24) заняла АПТ, 7 — ДП, по 2 — республиканцы и социал-демократы, 1 — аграрии.

Формирование правительства и обнародование его программы совпали с проведением очередного съезда АПТ, проходившего с 10 по 13 июня в Тиране. Явное и стремительное падение авторитета партии в народе требовало от ее руководства принятия неординарных решений. Непродолжительная предсъездовская дискуссия наметила ближайшую перспективу — идейное и организационное преобразование в социалистическую партию европейского образца. А как быть с 50 годами сталинско-ходжевской азиатчины?

Из триумвирата секретарей ЦК АПТ, руководивших подготовкой съезда, представление коллективного отчета выпало на долю Джелиля Гьони, слывшего в партийных кругах сторонником политики "твердой руки". По всей вероятности, мнение традиционалиста, выходца из консервативного округа Дибра должно было убедить в необходимости перемен. С этого он и начал: "Политический плюрализм, который вывел на албанскую сцену политические партии и силы с противоречащими нашей партии идеями и программами, есть объективная данность и неизбежность". Вся ситуация показывала, что рождение новых партий — дело времени. Но студенческое движение этот процесс ускорило. "В условиях политического плюрализма партия, теряющая инициативу, рискует потерять исторический шанс на победу", — продолжал Гьони.

Остановившись на завоеваниях социализма (бесплатное образование, гарантированное медицинское обслуживание,

социальная справедливость в распределении материальных благ и др.), Дж. Гьони акцентировал внимание на том новом, что партия внесла якобы по собственной инициативе в жизнь албанского общества. Это — принятые в начале 1991 г. законы, способствовавшие переходу к рыночной экономике, опирающейся на все виды государственной, коллективной и частной собственности и привлечение иностранных кредитов и фирм. Исходя из климатических условий страны, ее географического положения, наличия запасов полезных ископаемых, приоритетным направлением экономики признавалось развитие инфраструктуры промышленности средств потребления, сферы обслуживания вообще и туризма в частности.

Значительное место в отчете ЦК АПТ съезду заняли вопросы теории. Жизненность социалистической идеи как таковой признавалась, но ее конкретное воплощение подверглось критике. Оказалось, что была принята не та модель, которая соответствовала условиям Албании. "Экспресс-анализ процессов, развернувшихся в Советском Союзе и в других странах Восточной Европы, — утверждал оратор, — свидетельствует о крахе модели, ставшей воплощением марксистского идеала социализма", ибо она "открыла дорогу административно-командной, централизованной, бюрократической политике". Произошла идеологизация всех сторон жизни, а абсолютизация тезиса "опоры на свои силы" привела к экономической изоляции от мира, что нанесло ущерб не миру, а Албании.

И в обширном докладе, и в выступлениях делегатов содержалась критики отдельных сторон деятельности партии, но порочность созданной в стране социально-политической системы в целом осуждению не подверглась, не произошло переосмысления истории АПТ и роли ее бессменного лидера Энвера Ходжи. К тому времени вернулись из ссылки и тюрем тысячи оставшихся в живых политзаключенных и членов их семей. Но на съезде никто не произнес ни слова об ответственности вождя за репрессии, за физическое уничтожение своих товарищей по партии, не говоря уже о признании его вины за преступления против своего народа. Гьони попытался вывести Ходжу из-под огня критики, подчеркнув значение его личности, определявшей развитие албанской политической жизни в течение полувека. Ошибки были у партии, но не у "товарища Энвера". Это другие абсолютизировали его значение, его идеи и указания, создавая культ личности, против которого только он и боролся. Ход развернувшихся дискуссий показал, что собравшаяся на съезд партийная элита в своей массе не была готова порвать с прошлым.

Члена партии с 40-летним стажем писателя Дритро Аголы, выступившего с резкой критикой партийного руководства,

включая и Ходжу, пытались согнать с трибуны. Он призвал присутствующих поразмыслить над тяжелыми ошибками (они же — *болезни*), *без преодоления которых невозможно строительство* демократического государства. Во-первых, это система подавления свободной мысли в условиях созданной Ходжей железной диктатуры (культ партии и культ органов безопасности), вобравшей в свой высший эшелон приспособленцев и карьеристов, чьи интересы не шли дальше обладания виллами и разнообразными привилегиями; во-вторых, это порочная экономическая политика, приведшая Албанию к изоляции и вытолкнувшая ее сейчас нищей попрошайкой собирать милостыню; в-третьих, это линия на подавление прав и свобод человека под лозунгами обострения классовой борьбы; в-четвертых, это ущербная внешняя политика, которая под предлогом сохранения чистоты идеологии рассорила Албанию со всем миром, лишила ее друзей и тем самым выполнила завет Энвера Ходжи жить в бедности и нищете.

Аголы признал, что, как и все члены партии из числа интеллигенции, он должен нести свою долю ответственности за сложившуюся в стране ситуацию. А закончил он свое эмоциональное выступление вопросом, оставшимся без ответа: "Почему же все партии, включая и нашу, не анализируют перспективы развития общества, а думают только о том, чтобы выпрашивать *подачки у Европы и Америки*"?

Подвергся критике и Р. Алия. В вину ему вменялось то, что, курируя долгие годы вопросы агитации и пропаганды, он замалчивал недостатки, а также не стремился к обновлению высшего эшелона власти, питая сентиментальные чувства к своим старым товарищам. Признавая его заслуги в выработке курса на демократизацию, авторы доклада и выступавшие в прениях ставили ему в вину медлительность в поисках новых путей и даже то, что выдвинутые им прогрессивные идеи не подкреплялись его собственными практическими делами. К чести Алии надо отметить, что в выступлении на съезде он принес покаяние, проанализировав свою деятельность на посту первого секретаря. Он заявил об ответственности Э. Ходжи за просчеты в выработке политики партии, хотя и с оговоркой, что один человек, какого бы масштаба он ни был, не может быть судим за ошибки каждого из членов политбюро или правительства.

Съезд завершился принятием решений, знаменовавших разрыв с прежней линией КПА/АПТ. Изменилось название партии — она стала именоваться Социалистической партией Албании (СП, СПА), символом которой стала красная гвоздика, а не привычные пятиконечные красные звезды и серпы с молотами. *Исчез сакральный пост генерального, или первого, секретаря*, уступив место нейтральной должности председателя пар-

тии. Им стал Фатос Нано. Изменился персональный состав руководства, полностью очистившийся от последователей Ходжи. Они или сами вышли из партии или были исключены из нее. Характерно, что Д. Аголы, самого решительного критика режима, избрали в состав ЦК, а главному докладчику на съезде Дж. Гьони не досталось никакого руководящего поста вообще.

Относительная легкость устранения "старой гвардии" из общественной жизни страны объяснялась тем, что параллельно процессу обновления развивалась борьба против привилегий партийно-государственной верхушки. В Албании, как и в любой другой "стране победившего социализма", сформировалась узкая номенклатурная каста, жившая по коммунистическому принципу: "От каждого по способностям, каждому по потребностям". Способности многих из 34 глав семей, проживавших в правительственном квартале, или "блоке", как называли его в народе, были ниже среднего уровня, а потребности — значительно выше. Они неплохо жили в своем квартале в Тиране и в его "филиалах" в других городах, что гарантировалось спецрешением политбюро от 23 марта 1976 г. Они жили в "блоке" семейными кланами. По данным газеты "Зери и популыт", в особняке семейства Ходжи насчитывалось 25 холодильников, 28 цветных телевизоров и магнитофонов. На территории квартала располагались оранжереи, парники и даже ферма на 150 коров породы "джерси", отличающейся не столько высокими надоями молока, столько его необыкновенными вкусовыми качествами.

В начале 1991 г. состоялось решение о ликвидации "блока" и расселении семейств по обычным городским квартирам. Они покидали номенклатурный рай с неохотой. Особенно упорно сопротивлялись недавние выходцы из рабочего класса и трудового крестьянства, как, например, член политбюро Ленка Чуко, сменившая руководство сельскохозяйственным кооперативом на кресло вершителя кадровой политики АПТ. К 15 июня операция по ликвидации привилегий была завершена, а "блок" открыт для посещения всеми желающими. Сначала виллы превратились в коммунальные квартиры, а затем (к концу 1999 г.) уступили место многоэтажным зданиям. Остался только особняк Э. Ходжи, используемый для представительских целей.

Скандалы, связанные с ликвидацией привилегий номенклатурной верхушки, а также весь процесс трудного расставания с наследием "культа личности" Энвера Ходжи серьезно осложняли деятельность кабинета Юлы Буфи. Мрачная тень АПТ продолжала падать на СП, несмотря на все попытки отмежеваться от нее и начать заниматься конкретным делом. Страна пребывала в тяжелейшем экономическом положении, и все политические партии сходились в одном: без привлечения ино-

странного капитала невозможна модернизация материально-технической базы промышленности и сельского хозяйства, развитие инфраструктуры туризма, насыщение внутреннего рынка продуктами и товарами первой необходимости. Самый популярный лозунг о необходимости интеграции в Европу подхватили все партии и движения.

13 июня Буфи изложил основы внешней политики кабинета: стабилизация экономики с помощью Запада; полная интеграция в Европу; активное участие в СБСЕ, куда Албания была принята полноправным членом на заседании в Берлине 18 июня; развитие многостороннего сотрудничества на Балканах и в Адриатике; углубление всесторонних отношений с Турцией, развитие дружественных отношений с Грецией, Болгарией и Румынией. Премьер акцентировал внимание на особой заинтересованности в установлении и поддержании стабильных политических отношений с Югославией.

Идеальная модель социально-экономического и политического развития Албании виделась в достижении ею среднеевропейского уровня развития. Но методы достижения этой цели не представлялись ясными. Состояние материально-технической базы промышленности, транспорта и сельского хозяйства свидетельствовало о застарелом и глубоком кризисе, ввергнувшем албанский народ в нищету. За часто появлявшимися во всех органах печати призывами к цивилизованным методам приобщения к общеевропейскому интеграционному процессу скрывался вполне определенно подтекст: а подготовлен ли к этому среднестатистический житель Албании культурно и психологически, если он на протяжении 45 лет был вынужден жить в условиях интеллектуальной и экономической деградации?

Правительство рассчитывало на нормализацию положения в стране при условии отказа трудящихся от забастовок и демонстраций, наносивших ущерб народному хозяйству. Но унаследованный от прежнего правительства бюджетный дефицит в 3,2 млрд леков и дефицит платежного баланса в сумме около 400 млн долл. продолжали увеличиваться. Летом 1991 г. сообщалось, что в портах и на пограничных пунктах застревали значительные объемы продовольствия (сахар, масло, рис, мука, маргарин). Расстроенная транспортная система не справлялась с перевозками. Иностранные партнеры, не чувствуя уверенности в том, что товары доходят до потребителя, притормаживали поставки. Из-за нехватки транспорта и горючего останавливались лишенные сырья фабрики и заводы, а одновременно росла и социальная напряженность.

Зыбкость относительной стабилизации внутреннего положения в Албании вызывала обоснованную тревогу на Западе.

Балканский регион в целом не только не успокоился после потрясений 1989—1990 гг., но оказался на грани нового взрыва. Нарастал процесс дезинтеграции Югославии, обострилось положение в Косово, где в результате отмены автономного статуса края и введения прямого правления Белграда стали создаваться параллельные сербским албанские органы власти. В Албанию зачастили зарубежные политики.

Вслед за министрами иностранных дел Италии М. Де Микелисом и ФРГ Г.-Ф. Геншером Тирану посетил 22 июня с однодневным визитом госсекретарь США Дж. Бейкер, который воспользовался своим пребыванием в албанской столице, чтобы обозначить принципы взаимоотношений Запада со странами Восточной Европы. Он несколько поумерил надежды албанцев на получение безвозмездной помощи под декларации о готовности немедленно перейти к рыночным отношениям. Проведение радикальных реформ в социальной и экономической областях, широкая демократизация, создание условий для возможно полного развития рыночных отношений, строительство правового государства — таковы предварительные условия плодотворного сотрудничества для включения Албании в европейское пространство, о которых говорил Бейкер на многотысячном митинге на площади Скандербега и на заседании Народного кувенда. Албания должна наверстать упущенное за долгие годы изоляции, и в этом Запад готов оказать содействие.

В Албании Бейкер встретил фантастический прием, как он сам его охарактеризовал. Он был удостоен звания почетного гражданина Тираны, его имя присвоили одной из улиц в Эльбасане. Несмотря на легкое разочарование обещанием мизерной суммы американской единовременной помощи — 6 млн долл., — пресса оценила его визит как еще одно свидетельство поддержки Албании в ее стремлении войти в Европейское сообщество.

Внешнеполитические шаги правительства Буфи продемонстрировали отход от принципов односторонней ориентации Албании на одну великую державу. В июле состоялись визиты в Тирану государственного министра Франции по гуманитарным вопросам Бернара Кушнера, а также ряда государственных деятелей Румынии и Македонии.

Вместе с тем внутреннее положение страны продолжало оставаться напряженным. На бумаге — в планах и правительственных постановлениях — все выглядело вполне пристойным и осуществимым. Реформирование экономики предполагало организованный (регулируемый) переход от социалистической собственности к частной под жестким контролем государства, определение различных схем и форм приватизации, рассчитанной на ближайшие 10—12 лет. Только выверенный научный

подход, а не сомнительной ценности эксперимент, предостерегали эксперты в области экономики, позволит избежать скатывания к "дикому капитализму" в стадии первоначального накопления. Однако на практике все происходило с точностью до наоборот.

Предварительное подведение итогов за 1991 г. засвидетельствовало падение производства на 50%. Если Ф. Нано в марте говорил о внешней задолженности в сумме 350 млн долл., то в декабре она составила почти 600 млн. Либерализация цен привела к галопирующей инфляции, достигшей 600%.

В стране воцарился правовой произвол. Если суд выносил решение о возвращении собственности, например дома, ее законному владельцу, то добиться выселения теперешнего хозяина никто не мог ввиду отсутствия соответствующих исполнительных структур. Работникам остановившихся в результате нехватки сырья государственных промышленных предприятий полагалось выплачивать за вынужденный простой до 80% заработной платы. Оказалось, что и администрация, и сами рабочие предпочитали получать от государства гроши за ничегонеделанье, чем налаживать работу. Иждивенческие настроения поощрялись самим правительством, которое связывало надежды на оздоровление экономики с получением чрезвычайной (или гуманитарной) помощи из-за рубежа и с иностранными инвестициями. Возник и утвердился феномен потребительской психологии в обществе в целом. Да и доходы государство получало в основном не от производства, а от торговли. Цивилизованный рынок не складывался, уступив место базарам, толкучкам, барахолкам, подпитываемым контрабандой.

В сельскохозяйственной политике правительство придерживалось принципа возвращения земли ее прежним владельцам. Однако многократные укрупнения и разукрупнения сельскохозяйственных кооперативов, процесс урбанизации, занятие обрабатываемых земель под промышленное строительство и дороги создавали трудности при возвращении и разделе земель. К концу 1991 г. официальная статистика зафиксировала завершение раздела земель на 51%. Причем эта средняя цифра складывалась как из показателей округов Эльбасана и Пермети (около 90%), так и Тропои и Гирокастры (соответственно 1,4% и 0%). Новые владельцы сразу же столкнулись с трудностями: декларированное властями предоставление банковского кредита на переходный период не обеспечивалось наличными денежными средствами; не хватало посевного материала, удерживаемого у себя кооперативами, из которых выходили собственники; отсутствовали химические удобрения; механизаторы запрашивали запредельные суммы за обработку индивидуальных наделов. Многие крестьяне-единоличники вынужденно воз-

вращались к сохе и другим примитивным орудиям производства времен натурального хозяйства.

При разделе кооперативной собственности возникали коллизии, связанные с невозможностью справедливого распределения поголовья скота и его просто забивали. На юге страны, на побережье Химары, где оливковые рощи наследовались из поколения в поколение представителями одной семьи, сплошь и рядом нарушались сложившиеся веками традиции. Обобществленные в 1948 г., они были чисто механически перераспределены в 1991 г. между теми членами кооперативов, которые числились в них в самое последнее время независимо от того, являлись ли они собственниками этих деревьев в прошлом.

Культура выращивания оливковых (маслинных) деревьев и изготовления из их плодов масла пришла в Албанию из соседних Италии и Греции в незапамятные времена и стала ведущей отраслью сельского хозяйства. В 1953 г. албанское правительство приняло постановление о 15-летнем плане развития маслиноводства. С конца 60-х годов увлечение различного рода трудовыми акциями породило массовые кампании по закладке маслинных насаждений на склонах обращенных к западу и к юго-западу холмов вдоль побережья Адриатического и Ионического морей. Бесконечные полукружья террас, словно по ниточке засаженные ровными рядами деревьев, поражали воображение иностранцев, посещавших страну после выхода ее из изоляции. Они удивляли почти так же, как и многочисленные бункеры больших и малых размеров, сооруженные якобы для отражения нападения 6-го американского флота и советского социал-империализма. Осенью 1991 г. на старых и на части новых плантаций созрел небывалый урожай. Правительство обратилось к населению с призывом помочь его собрать. И тогда начались хищнические набеги неорганизованных толп людей, которые обламывали плодоносящие ветви, нанося непоправимый ущерб вековым и совсем еще молодым деревьям.

Всплески насилия и мародерства, наблюдавшиеся всякий раз, когда в стране или отдельной ее части возникали форс-мажорные ситуации, способствовали появлению устойчивого деструктивного синдрома. Общество быстро люмпенизировалось. Массовая безработица с неизбежностью вела к тому, что активное трудоспособное население или покидало страну, или превращалось в резерв быстро набиравших силу мафиозных структур. Страна погружалась в хаос, и все чаще простые люди начинали ностальгически вспоминать: "А при Энвере был порядок, было спокойно".

7 декабря 1991 г. декретом совмина вводилось по сути дела военное положение. В декрете говорилось, что поскольку силы правопорядка не могут обеспечить охрану складов, магазинов,

промышленных и торговых центров, хлебопекарен, электростанций, водохранилищ и других объектов, то правительство возлагает выполнение этих функций на армию. Декрет стал последним актом кабинета Юлы Буфи в цепи мер, которые должны были способствовать выходу страны из кризисной ситуации*. 29 ноября на совещании у президента представителей пяти партий, входивших в коалиционное правительство, достигли договоренности о предоставлении кабинету трехмесячного срока на осуществление программы действий. Однако совершенно неожиданно для всех Сали Бериша заявил на пресс-конференции, что из-за отказа СП санкционировать досрочные парламентские выборы министрам-членам ДП предписано выйти из состава правительства.

Заместитель премьер-министра и член руководства ДП Грамоз Пашко, находившийся в Лондоне на церемонии принятия Албании в Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР), выступил с критикой шага Бериши. Правительство должно сохраниться до выборов в прежнем составе, чтобы избежать погружения беднейшей страны Европы в состояние хаоса и анархии, говорил он. Пашко надеялся убедить коллег в правильности своей позиции, предрекая в противном случае раскол в ДП. Правда, впоследствии он признал правильность выхода из правительства, ссылаясь на неуступчивость социалистов. Но в отношении грядущего раскола в ДП он оказался прав.

6 декабря Ю. Буфи подал в отставку, а 19 декабря в газетах появилось сообщение о сформировании нового кабинета министров во главе с 40-летним инженером Вильсоном Ахмети, занимавшим пост министра продовольствия в предыдущем составе правительства. В кабинет вошли беспартийные интеллектуалы, и только сам премьер и еще два министра являлись членами СП. Именно принцип беспартийности, а не профессионализм стали критерием при формировании кабинета, получившего тем не менее название правительства экспертов. Строго говоря, деловые качества министров имели второстепенное значение, ибо их единственной задачей на зимний период стало обеспечение элементарного порядка в стране в преддверии досрочных парламентских выборов, назначенных на 22 марта 1992 г.

Когда правительственный кризис только начал развиваться, министр экономических связей Юлы Чабири предвидел по-

---

* Последним внешнеполитическим актом правительства Ю. Буфи, а вернее Народного кувенда, стало признание Республики Косова как суверенного и независимого государства, основанного на свободном и полном равенстве со всеми другими народами. Кувенд также признавал временное правительство, возглавленное доктором Буяром Букоши.

вторение кошмара голодной зимы 1990/91 г. Политическая нестабильность могла помешать получению гуманитарной помощи (главным образом, из Италии) и дополнительных кредитов. Задерживалось выполнение заранее согласованных поставок: из 150 тыс. т каменного угля, в котором нуждалась страна, к началу декабря было получено по импорту только 80 тыс. Правительству надо срочно продолжить переговоры, сетовал министр, а его гонят в отставку.

Помощь тем не менее продолжала поступать от Общего рынка и отдельных стран. В первую очередь снабжалось население северо-восточных районов. Туда направлялись сахар, растительное и животное масло, мука, рис. Бывали дни, когда в порту Дурреса разгружалось до девяти торговых судов. Но не все продовольствие доходило до адресата. Несмотря на жесткий контроль, часть его неизменно оказывалась на черном рынке.

Руководство СП прилагало большие усилия, чтобы убедить и свой народ и особенно Запад в способности вывести страну из кризиса и обеспечить ее нормальное развитие. В "установочных" статьях, появлявшихся в партийной печати, констатировался крах монистской (однопартийной) системы тоталитарного государства и централизованной экономики. Будущее виделось в продвижении Албании по пути полной демократизации, рыночной экономики с последующей интеграцией в европейские структуры. Призыв "Интересы Албании превыше всего!", появившийся на первой полосе газеты "Зери и популит" 24 декабря, должен был определить приоритетность общенационального единения над партийными интересами ради достижения этих целей.

Однако главный оппонент СП Сали Бериша думал и действовал иначе, отрицая любое сотрудничество с социалистами. Выходец из той же среды, что и Нано, он признавал только за собой право на эволюцию взглядов, оставаясь по сути дела приверженцем все тех же авторитарных ("большевистских") методов.

ДП прочно захватила лидерство в избирательной кампании, надеясь на поддержку с мест не только от своих партийных структур, но и от органов исполнительной власти. В большинстве административных округов она смогла завоевать господствующие позиции. Лишь в Тропое, Кукесе, Скрапари и Грамши СП имела абсолютное большинство, но и там наметилось падение ее авторитета. В конце января в городе Тропоя намечалась встреча Ф. Нано с его потенциальными избирателями. Накануне состоялись два митинга — сторонников Нано и противников, вышедших с антикоммунистическими лозунгами. В итоге лидеру социалистов не удалось даже покинуть машину, так как ее закидали камнями.

Постепенно СП скатывалась на оборонительные позиции. Даже создание в сентябре 1991 г. Коммунистической партии Албании и открытие в январе 1992 г. судебного процесса над 20 представителями старой энверовской гвардии, в числе которых была и Неджмие Ходжа, не убедили общественное мнение в отсутствии преемственной связи между СП и АПТ. Социалистам не удалось вступить в Социалистический интернационал, окончательно открестившись таким образом от коммунистического прошлого. Албанскую нишу на правах ассоциированного члена заняла образовавшаяся в апреле 1991 г. Социал-демократическая партия (СДП), получившая рекомендацию от Социал-демократической партии Германии и лично Вилли Брандта. Председателем СДП стал профессор математики Скендер Гьинуши, занимавший пост министра просвещения в одном из последних коммунистических правительств.

Предвыборная кампания выявила преимущество нового динамичного стиля ведения агитации, продемонстрированного Беришей. Он, как и в первую свою кампанию, не боялся массовой аудитории, обещая в случае победы ДП принять новую конституцию, возродить промышленность, вытащить из нищеты деревню. Повторяя от митинга к митингу утверждение, что только после устранения коммунистов от власти станет возможным получение полновесной западной помощи, он развернул масштабное шоу на футбольном стадионе в Корче. Посвятив значительную часть своего выступления описанию того, как перед албанцами откроются "все двери Европы", он предоставил слово американскому послу Уильяму Райерсону, обещавшему поддержку новой Албании.

ДП выиграла выборы. По результатам двух туров 22—29 марта демократы получили 92 места из 140, социалисты — 38, социал-демократы — 7, республиканцы — 1, Партия прав человека — 2.

Многочисленные иностранные наблюдатели не зафиксировали существенных нарушений в ходе голосования, которые могли бы кардинально повлиять на конечный результат.

Так завершился период перехода от монистской (однопартийной) к плюралистской (многопартийной) системе, как тогда говорили в Албании. Позже время от декабря 1990 г. до марта 1992 г. назовут *годами анархии*.

Победа демократии или победа над демократией?

Парламентская фракция ДП, завоевав квалифицированное большинство голосов в Народном кувенде, получила возможность принимать нужные руководству партии решения. Сразу

же началась масштабная расчистка поля деятельности для "новой политической касты, жаждущей власти", как назвал тогда еще не очень многочисленную группу тесных соратников Сали Бериши публицист и правозащитник Фатос Любонья. Став с юных лет изгоем общества (его родители были репрессированы), он познал на собственной шкуре все тяготы тоталитарного режима и определил смысл происходивших перемен как простую смену политических полюсов. В то время слова *демократ* и *демократический* еще не были девальвированы, и предположение Любоньи, что их можно будет идентифицировать с понятиями, относящимися к коммунистическому прошлому, к перемене знаков, воспринималось с известной долей скепсиса, особенно зарубежными комментаторами.

4 апреля 1992 г. подал в отставку Рамиз Алия, и новым президентом был избран Сали Бериша. По конституции глава страны должен стоять вне партий. Однако, отказавшись от поста председателя ДП, Бериша не вышел из ее руководства, сохранив тем самым в своих руках все бразды правления. Вступив в должность, он поручил формирование правительства инженеру-строителю по образованию, специалисту по византийской архитектуре, 53-летнему Александру Мекси, исполнявшему до того функции вице-председателя кувенда. 13 апреля премьер представил кабинет, составленный преимущественно из демократов, с включением двух беспартийных (министры юстиции и промышленности), одного республиканца (министр транспорта и коммуникаций) и одного социал-демократа (генеральный секретарь кабинета министров). Перед новым правительством стояли старые задачи — восстановление приходящей во все больший упадок экономики и достижение социального мира и стабильности.

Политический климат в стране определяли две основные партии — находящаяся у власти ДП и оппозиционная СП. Председателем ДП после "ухода наверх" Бериши стал выпускник Тиранского университета молодой философ — ему едва исполнилось 30 лет — Эдуард Селями. В 1989 г. он вышел из АПТ и вскоре присоединился к возглавленному Беришей движению. Партия пользовалась славой непримиримого врага старой коммунистической системы и заняла нишу справа от центра, к которому с известной долей условности можно отнести небольшие по численности Республиканскую, Аграрную партии и Партию национального единства.

СП являлась самой крупной и самой организованной партией, насчитывающей в конце 1991 г. 100 тыс. человек. В ходе трансформации из АПТ до СП она потеряла около 50 тыс. членов, являясь ведущей оппозиционной партией, и, несмотря на поражение на парламентских выборах, ощущала в себе силы

при определенных обстоятельствах бросить вызов демократам. Объективные процессы подталкивали ее в направлении социал-демократии, но партия с таким названием уже существовала. На крайнем левом фланге непродолжительное время находилась созданная в ноябре 1991 г. верными последователями Энвера Ходжи — их так и называли энверистами — Коммунистическая партия Албании. На выборах в марте 1992 г. она получила всего 8 тыс. голосов и в июле того же года была распущена на основании указа кувенда, запретившего все тоталитарные партии и организации.

Демпартия настойчиво ликвидировала следы коммунистического прошлого. Уничтожение "культовых" памятников, переименование улиц и площадей завершилось еще в "годы анархии". В мае 1992 г. в условиях строжайшей тайны в предутренних сумерках гробы с телами Энвера Ходжи и 12 других партийных иерархов были извлечены из могил на мемориальном холме, возвышающемся над Тираной, и перезахоронены на обычных кладбищах на окраине города. Говорят, что импортированные из Италии плиты красного мрамора, оставшиеся после ликвидации могилы вождя, были положены в основу сооруженного в столице памятника британским солдатам, погибшим в годы второй мировой войны.

Идея единения всех здоровых сил нации ради прогресса Албании оказалась узурпированной верхушкой ДП. Принцип коллективности руководства постепенно разрушался, и усвоенный Беришей авторитарный стиль стал создавать реальную опасность подмены коммунистического монизма другим — демократическим. В партии, еще не сформировавшейся в полной мере ни идеологически, ни организационно, наметилась эрозия. При таких обстоятельствах демпартия не могла выступать в качестве консолидирующей силы.

Первым симптомом назревающего раскола стала история с отлучением Грамоза Пашко. До него выходили из партии и другие, но как-то не очень заметно, в частности Неритан Цека, не удовлетворенный тем положением, которое он занимал в партии и теми возможностями, которые перед ними открывались в ее рядах. Пашко покидал партию с громким скандалом. Один из основателей демпартии, разработчик ее экономической программы, он не был включен в состав первого правительства демократов. Ему припомнили публично выраженное несогласие с методами провоцирования правительственного кризиса в декабре 1991 г. Человек самолюбивый, Пашко не мог смириться с фактическим отстранением от дел и при первом представившемся случае пошел на открытый разрыв.

25 июня на заседании кувенда, где обсуждалось приветственное послание косовскому парламенту, он задал вопрос о

причинах неожиданного отъезда в США Азема Хайдари, считавшегося тогда заместителем председателя партии. Он не согласился с официальной версией о том, что тот решил усовершенствовать образование, и объяснил его шаг идейными разногласиями с Беришей. Очевидцы скандала вспоминали впоследствии, что Пашко был попросту нетрезв. К тому же защита Хайдари, известного своими авантюрными наклонностями и контактами с сомнительными личностями, выглядела по меньшей мере неубедительно. Пашко сначала исключили из парламентской фракции ДП, а затем в середине августа также и из партии вместе с некоторыми другими "раскольниками". За изгнанными последовали добровольные диссиденты.

В сентябре 1992 г. группа интеллектуалов образовала новую правоцентристскую партию — Партию демократического альянса (ПДА), председателем которой стал Неритан Цека. Демократический альянс провозгласил приверженность идеалам социального мира и социальной справедливости, национального примирения, эффективных экономических реформ и интеграции в ЕС. В манифесте партии просматривалась анонимная критика Бериши. В нем содержался призыв создать в стране политический климат, свободный от риторики и демагогии, утверждалось право граждан на защиту от популистских акций и бесконтрольной власти одной партии.

Партийно-политические разборки проходили на фоне ухудшающегося социально-экономического положения. Летом 1992 г. вновь возникла угроза массового исхода из страны, которую частично удалось ликвидировать в рамках развернувшейся к тому времени операции "Пеликан" — специальной продовольственной и медицинской программы помощи, организованной итальянским правительством в период с сентября 1991 г. по декабрь 1993 г. На какое-то время ситуацию удалось стабилизировать. Однако к этому времени еще не начали претворяться на практике задачи, поставленные в первой правительственной программе реформ, представленной кувенду в апреле 1992 г.

Достижение стабилизации экономики и создание институтов, необходимых для функционирования рынка, входили в число долгосрочных целей программы. Ее первоочередными задачами являлись улучшение системы налогообложения и остановка гиперинфляции, которая в то время дошла до наивысшей точки. В результате претворения в жизнь этой программы ожидалось сокращение в три раза внутрибюджетного финансирования, а также открытие перспектив конвертации лека по отношению к "твердым" валютам. Особо важную роль должны были сыграть банки. Унаследованные от социалистического прошлого и предназначавшиеся изначально для обслуживания

интересов централизованной государственной экономики, они подлежали реструктуризации в новых условиях нарождающегося рынка, что не представлялось возможным без помощи соответствующих международных организаций и без привлечения в народное хозяйство иностранных инвестиций.

В последние два года коммунистического режима полученные на Западе займы были относительно небольшими. При вступлении на пост премьер-министра Фатос Нано говорил о задолженности по внешнему займу в размере 350 млн долл. В прессу попадали сведения о значительно бóльших суммах. Но правительственная чехарда и общая неразбериха мешали установлению истины. В общественном мнении сложилось обычное в таких случаях представление, что деньги были разворованы. С 1993 г. порядок поступления инвестиций несколько наладился благодаря особому статусу, который Албания получила от Международного валютного фонда и Всемирного банка. Значительные средства, превышавшие ежегодный бюджет, поступали от уехавших на заработки родственников и от обширной албанской диаспоры.

Государственный контроль за использованием кредитов дал первые положительные результаты, что отразилось на макропоказателях. По данным международных финансовых институтов, следивших за состоянием экономики Албании, в 1993 г. отмечался рост валового национального продукта на 9,6%, в 1994 г. — на 9,3, в 1995 г. — на 14%. Постоянно снижался уровень инфляции, составив к 1995 г. 6% в год. Под жестким контролем МВФ стабилизировалась национальная валюта.

Крупное промышленное производство продолжало оставаться в состоянии застоя. Приватизация коснулась главным образом мелких (в 1991—1992 гг.) и средних (в 1992—1995 гг.) предприятий, находившихся в государственной собственности. Тендеры не объявлялись, и частными владельцами становились люди, связанные с правительственными или партийными (ДП) кругами, что в конечном итоге являлось одним и тем же. Значительные трудности возникали при приватизации земельной собственности в городе и деревне. Не всегда представлялось возможным восстановить пропавшие документы, подтверждавшие право владения. В подобном случае претендент распоряжался недвижимостью де-факто, не являясь собственником в полной мере. Волна реприватизации коснулась и здания Посольства РФ в Тиране: объявился его прежний владелец и арендная плата стала взиматься в его пользу, чем были ослаблены финансовые поступления в бюджет Управления дипломатической службы.

Методы приватизации вызывали большую критику в печати. Они открывали простор коррупции для наживавшихся на

взятках государственных чиновников. В оппозиционной печати приватизацию часто называли "примитивизацией", однако в целом сам процесс упорядочения имущественных отношений оценивался положительно.

Все послевоенные албанские правительства возлагали большие надежды на развитие нефтедобывающей промышленности, особенно на разведку на адриатическом шельфе. В 1991—1992 гг., когда страна открылась для иностранных инвесторов, правительство подписало контракты с компаниями "Шелл", "Оксидентал", "Шеврон", АДЖИП. В конце 1993 г. Национальное нефтяное агентство составило даже план капиталовложений в отрасль. Однако предварительная оценка запасов не дала обнадеживающих результатов, и ведущие западные компании ушли из Албании, уступив поле деятельности французам и хорватам.

С 1992 г. в Албании осуществлялась сельскохозяйственная программа Европейского союза для Восточной Европы. Полученные тогда 15 млн экю пошли на покупку 174 тракторов, пестицидов и посевного материала. В дальнейшем относительно небольшие инвестиции вкладывались в агропромбизнес и перерабатывающую промышленность, а также в развитие рыболовства и в переработку морепродуктов.

В период югославского кризиса усилилась помощь Албании со стороны США, которые активно поддерживали президента Беришу. Они стремились заполнить вакуум, образовавшийся в Восточной Европе после ухода оттуда СССР. Используя преимущества местонахождения Албании в одной из наиболее важных стратегических точек Восточного Средиземноморья, Бериша расширял и укреплял взаимовыгодные отношения с заокеанским партнером. В январе 1995 г. Тирану посетил специальный представитель президента Клинтона Ричард Холбрук, который выразил готовность американской администрации оказать политическую и экономическую поддержку Албании на пути ее интеграции в европейские структуры, а в перспективе и на вступление в члены НАТО. В бюджете Пентагона были предусмотрены кредиты в размере до 2 млн долл. на приобретение вооружения и обмундирования для албанской армии. На территориях обеих стран регулярно проводились совместные военные учения. Преимущества такого сотрудничества очевидны: предоставление албанских аэродромов для американских самолетов-разведчиков позволило НАТО вести активное наблюдение за территорией Боснии в 1995 г.

Албанию и США сближало то, что обе страны занимали одинаковую позицию в отношении Косова, поддерживая требования по защите прав населения края и предоставления ему широкой автономии и самоуправления в составе Югославии.

Албанское правительство твердо придерживалось принципа уважения существовавших в то время границ на Балканах и отвергало широкомасштабные силовые методы решения территориальных проблем, применявшиеся Белградом. Это отнюдь не означало, что горячие головы в Албании и Косове, слушая призывы боснийских сербов объединиться с Сербией в одном государстве, не мечтали о том же для албанцев. Словесная дуэль между Беришей и известным косовским писателем и общественным деятелем Реджепом Чосьей в начале 1993 г. стала тому подтверждением. С первых шагов Бериши в демократическом движении оба политика были солидарны во взглядах. Говорили, что именно Чосья дал имя газете демпартии — "Рилиндья демократике" ("Демократическое возрождение"). Но очень скоро их позиции разошлись.

Открытый конфликт вспыхнул после интервью, данного Беришей косовской газете "Буйку" ("Крестьянин") и озаглавленного "Идея Великой Албании никогда серьезно не рассматривалась в албанских политических кругах". В ответ на это Чосья в открытом письме Берише обвинил его в том, что он пренебрег страданиями находящихся в сербских тюрьмах албанских писателей, историков, ученых, которые "никогда не примирятся с границами 1912 г., прошедшими по сердцу албанского народа". Бериша ответил столь же эмоциональным открытым письмом. "Косовскую проблему никогда не разрешить на пути терроризма, — подчеркивал Бериша. — Албанское движение в Косове развивается успешно именно потому, что использует цивилизованные и нетеррористические методы... Любое другое решение, навязывающее насилие, только узаконит насилие и агрессию на Балканах и приведет к настоящей трагедии для Балкан и Албании". Албанское правительство выступало за интернационализацию косовского вопроса, за его мирное решение путем двусторонних политических переговоров между Приштиной и Белградом под эгидой международных структур. Оно исходило из того — и Бериша четко обосновал эту позицию в заявлении от 4 июня 1993 г., — что положение почти что трех миллионов албанцев на территории экс-Югославии "имеет общебалканское значение".

Политика демократов в первые два года их нахождения у власти встречала понимание и одобрение на Западе. В частности, Беришу активно поддерживали американцы, считавшие его единственным политиком, способным удержать страну от скатывания к хаосу. Однако внутри страны, в народе, отношение к нему формировалось в зависимости от конкретных шагов, предпринимаемых его правительством. Дело в том, что руководство Демократической партии старалось поставить на ключевые посты в государственном аппарате своих людей.

Торжествовал принцип партийной принадлежности, исключавший учет уровня профессионализма, необходимого для занятия той или иной должности. В итоге страдало дело и люди, подпадавшие под "запрет на профессию". Применение принципа люстрации в отношении бывших членов АПТ исключило возможность выдвижения толковых специалистов также из нижнего и среднего звеньев, для которых партийная принадлежность являлась не столько свидетельством приверженности марксистской идеологии, сколько единственным способом реализовать свои профессиональные возможности.

В стремлении искоренить все коммунистическое демократы заходили слишком далеко, направляя разрушительную энергию своих сторонников, например, против таких якобы символов старого режима, как широкомасштабные зеленые насаждения — результаты массовых молодежных акций.

Свидетели и участники недавних событий не верили в искренность антикоммунизма самого Бериши, который в декабре 1990 г. слишком быстро и радикально сменил политическую ориентацию, перейдя из коммунистического в демократический лагерь. Все это привело к тому, что после убедительной победы на парламентских выборах демократы провалились на первых же муниципальных, которые выиграли социалисты.

Албанские социалисты изначально придерживались курса на развитие рыночной экономики и на интеграцию в европейские структуры, расходясь с демократами, в частности, в отношении приватизационных процессов и роли государства. Лишенные возможности активно участвовать в строительстве нового общества, они ушли в оппозицию режиму. С ними солидаризировались правые, центристские партии и просто независимо мыслящие люди — категория, всегда внушающая опасения правителям, обнаруживающим авторитарные замашки. Характерна в этом отношении судьба Эдуарда Селями, ключевой фигуры в окружении президента в 1993—1994 гг. Бериша не простил ему самостоятельности суждений и обрек его на эмиграцию из страны.

Репрессиям подверглись Рамиз Алия и Фатос Нано, обвиненные по сути дела в уголовных преступлениях. Не было принято во внимание даже то, что именно Алия, прозванный "албанским Горбачевым", развернул на 180 градусов страну, покончив с ее внешнеполитической изоляцией и приступив к постепенной коррекции тяжелейших ошибок в области экономики.

«Нам просто не хватило времени, — вспоминал Р. Алия в одном из своих интервью в декабре 1999 г. — Мы не смогли полностью реализовать нашу программу, поскольку увязли во множестве субъективных трудностей: реформы столкну-

лись с молчаливым сопротивлением бюрократии и консерваторов внутри партии. А мои преемники принялись крушить "коммунизм", понимая под этим разрушение всего построенного — и базис и надстройку. Антикоммунисты хотели все начать с "нулевой отметки"... Те же, кто начинал реформы, стали жертвами политической мести, многие очутились в тюрьме, а новые авторитеты, как оказалось, прикрывали маской демократии свой средневековый примитивизм». Из всех восточноевропейских лидеров, поставленных временем и обстоятельствами перед необходимостью сделать выбор между тоталитарным прошлым и неизвестным будущим, которое представлялось в виде реформированного социализма "с человеческим лицом", Алия стоял ближе всех к Горбачеву и по некоторым личностным характеристикам, и по объективно сыгранной роли. Они действовали в одинаковых режимах ускорения и торможения, уступая в самый последний момент, будучи припертыми к стенке, когда ситуация грозила перерасти в фазу вышедшего из-под контроля взрыва. Однако на этом сходство кончалось.

Масштабы стран и личностей продиктовали свой особый путь развития и разные судьбы для инициаторов реформ. В июле 1994 г. Р. Алию осудили на девять лет тюрьмы за преступления против прав человека — подразумевалось участие в выработке репрессивной идеологии и политики режима Ходжи. Правда, через год его неожиданно освободили. Вместе с ним по той же статье проходил последний коммунистический премьер-министр Адиль Чарчани. Но, учитывая его преклонный возраст и состояние здоровья, пятилетний тюремный срок ему дали условно. За год до этого состоялся суд над Нано, которому вменялись в вину злоупотребления и фальсификация документов по итальянской гуманитарной помощи (программа "Пеликан"), а также связи с итальянской мафией, которая персонифицировалась в лице бывшего лидера социалистов и бывшего премьер-министра Беттино Кракси. Лидера СП приговорили к 12 годам лишения свободы.

Стали совершаться акты насилия против независимых журналистов, которые приписывались ШИК — полицейской службе информации (Sherbimi informativ kombetar), унаследовавшей зловещую славу "сигурими" — органов безопасности коммунистических времен. Политическим изгнанником стал председатель Верховного суда Зеф Брози, высказывавшийся против нарушений прав человека в Албании и поэтому отстраненный от своего поста Беришей.

Авторитарные методы правления порождали недовольство в стране и вели к резкому падению доверия к правительству демократов и лично к Берише. Тревожным сигналом для властей

стал провал президентского варианта конституции на референдуме в ноябре 1994 г.

Тогда Албания жила по закону об основных конституционных положениях, принятых в апреле 1991 г. и заменивших соответствующие статьи социалистической конституции 1976 г. Принятие конституции явилось одним из условий допущения Албании в Совет Европы, и разработка ее началась сразу же после прихода к власти Демократической партии в 1992 г. Новый текст основного закона государства делался "под Беришу", обеспечивая упрочение режима личной власти. Естественно, что оппозиция подвергла его аргументированной критике. Незадолго до референдума трое членов Конституционного суда вышли из его состава в знак несогласия с рядом основополагающих пунктов проекта. Демократы тем не менее развернули по всей стране шумную кампанию в поддержку самой конституции и лично президента. Бериша был уверен в победе и, когда 6 ноября референдум состоялся и стало ясно, что народ сказал "нет", президент испытал легкое потрясение. Он вынужденно признал поражение, о чем заявил в выступлении по телевидению. В течение пяти дней результаты референдума не объявлялись. Только угроза со стороны Социалистической партии вывести на улицу людей заставила власти обнародовать итоги — около 60% голосовавших высказались против.

Провал референдума по конституции стал точкой отсчета, с которой началось изменение соотношения сил в стране в пользу оппозиции. Это явилось также личным поражением Бериши, после чего он обязан был бы подать в отставку, но он этого не сделал. На Западе он продолжал еще котироваться. Однако все чаще финансово-экономическая помощь трактовалась в качестве поддержки страны в целом, независимо оттого, кто лично стоял у власти. Вместе с тем в США стали подыскивать возможную альтернативу Берише, в том числе и из рядов социалистов.

Глава МВФ Мишель Камдесю называл в феврале 1994 г. Албанию страной с самыми высокими темпами роста экономики в Восточной Европе (10% годовых), которая успешно борется с инфляцией. Надежды на то, что положительная динамика сохранится и в будущем, позволили произвести в июле 1995 г. реструктуризацию внешней задолженности, составившей к тому времени около 500 млн долл.

Вместе с тем ни обнадеживающие макропоказатели, ни внешнее благополучие столицы и прибрежных городов не могли скрыть тот факт, что ситуация в стране оставалась сложной. Достаточно привести перечень экспортных товаров, производимых в Албании в 1995 г., чтобы представить себе их качественную характеристику: хромовая и железная руды, обувь,

текстиль, пиломатериалы, горючее, кожи. Импортировались цемент, сахар, пшеница, цыплята-бройлеры и ...бананы. Торговый баланс с 1991 по 1995 г. покрывался с дефицитом: 129 459 тыс. долл. в 1991 г., 693 272 тыс. долл. в 1995 г.

Бичом албанской экономики оставался высокий уровень безработицы. Относительно благополучное развитие малого и среднего бизнеса, внутренней торговли, строительных работ не способствовали появлению достаточного числа рабочих мест для трудоспособной части населения, не нашедшей применения своим силам после закрытия подавляющего большинства крупных предприятий. Молодежь выталкивалась в коммерческие (спекулятивные) структуры, попадала в мафиозные группировки. Наиболее благополучным выходом из ситуации стал выезд на сезонную или постоянную работу за границу, главным образом в Грецию, Италию, Германию.

Унаследованный от социализма взгляд на государственную собственность как на ничейную, а поэтому подлежащую откровенному разворовыванию при попустительстве коррумпированных чиновников, накладывался на новые якобы рыночные отношения. Сложилась довольно значительная прослойка молодых предпринимателей с низким культурным уровнем и с таким же пониманием деловой этики. Для них стремительное обогащение было самоцелью, а уходом от налогообложения они лишали государственный бюджет значительных поступлений, переводя их в сферу теневой экономики.

Неприспособленность банковской системы Албании к условиям рынка стала своего рода экономической бомбой замедленного действия. Экономика страны зависела от импорта и от финансовой помощи эмиграции. Возможности капиталовложений ограничивались потребностями малого бизнеса, а поэтому денежные потоки направлялись в разного рода страховые общества, инвестиционные компании, построенные на пирамидальных схемах. Обычное для всех постсоциалистических экономик явление приняло в Албании гипертрофированные размеры и привело в середине 1996 г. к острейшему политико-экономическому кризису.

Критика режима Бериши, развернувшаяся в оппозиционной печати в начале 1996 г., свидетельствовала, что в намеченных на май 1996 г. парламентских выборах ДП не сможет повторить успех 1992 г. В ее руководстве появились панические настроения и, пользуясь преимуществами правящей партии, она пошла на ряд серьезных злоупотреблений как в период предвыборной кампании, так и на самих выборах, чтобы обеспечить победу своим кандидатам. Оппозиционным партиям запрещалось устраивать митинги и собрания в центре столицы и других городов. Околоправительственные органы печати и ли-

стовки обвиняли СП в получении денег из Белграда. В результате ее произвольно лишили финансирования из государственных фондов.

В день выборов 26 мая 1996 г. откровенный нажим и запугивания избирателей приняли настолько демонстративный характер, что СП, социал-демократы и Партия демократического альянса заявили о бойкоте выборов, потребовали аннулирования их результатов и организации нормальной избирательной процедуры. Когда оппозиция попыталась организовать митинг в Тиране, чтобы открыто выдвинуть свои требования, полиция дубинками разогнала демонстрантов, уже вступивших на площадь Скандербега. Тогда же власти заблокировали офисы оппозиционных партий. Вмешательство европейских стран, приславших на выборы своих наблюдателей, привело лишь к некоторой отсрочке голосования и к пересмотру его результатов в 13 избирательных участках. Оппозиция продолжила бойкот и второго тура. В итоге всех манипуляций ДП удалось получить 122 из 140 мест, социалистам досталось 10, Союзу прав человека — 3, республиканцам — 3, восставшему из небытия "Балы комбтар" — 2. Депутаты от левого крыла в знак протеста отказались присутствовать на открытии кувенда и на всех последующих его заседаниях.

Оппозиция обратилась к мировому сообществу, добиваясь от него поддержки своих требований об аннулировании фальсифицированных выборов и назначении новых на основании заключения комиссии ОБСЕ, отметившей нарушение 32 статей избирательного закона из 79. Европейские структуры вяло прореагировали на выводы комиссии и на обращения албанской оппозиции. Европарламент принял соответствующую резолюцию, осуждающую нарушения демократической процедуры в период выборов и акты насилия. Парламентская ассамблея Совета Европы ограничилась благими пожеланиями в адрес Бериши, предостерегая от повторения "ошибок" впредь, призвала стороны сесть за "круглый стол" переговоров. В Вашингтоне осторожно отнеслись к результатам выборов, высказав опасение, что противостояние Бериши и оппозиции далеко от завершения. Проправительственная печать с еще большей энергией поносила оппозицию, а заодно и скандинавских наблюдателей на выборах, называя их почему-то шпионами и чьими-то агентами. С легкой руки европейских умиротворителей "последний большевик Европы", как окрестили тогда Беришу оппозиционеры, уверовал в свои права на силу.

Конфликт был загнан внутрь. Открытое противостояние переросло в некое состояние "холодной войны". Оппозиция не считала легитимным парламент, а власти усилили административные методы воздействия на особенно активных ее предста-

вителей. Откровенно ущемлялись материальные условия их работы в государственных учреждениях, в том числе в учебных заведениях, что било главным образом по интеллектуальной верхушке оппозиции.

Политический кризис углублялся по мере усложнения экономической конъюнктуры. Зарубежные эксперты в области экономики переходного периода, отмечая глубокое проникновение теневой экономики в правительственные структуры, характеризовали сложившуюся систему власти в Албании как "клептократию" (от греч. *klepto* — краду). Ее основу и подпитку финансовыми средствами составляли инвестиционные фонды, построенные на непрозрачных пирамидальных схемах. Колоссальные проценты, которые обещали выплачивать вкладчикам, сулили быстрое обогащение. Фирмы VEFA, братьев Камбери и некоторые другие владели недвижимой собственностью (по слухам, даже в Италии), супермаркетами на центральных улицах крупных албанских городов. Их офисы располагались в престижных домах, а красивый белый пароход с надписью *VEFA* совершал туристские рейсы в Грецию. Именно эти фонды субсидировали грандиозное красочное шоу в Тиране — конкурс "Мисс Европа" 1996 г.

Впоследствии оппозиционная пресса писала, что "пирамиды" вложили крупные средства в поддержку ДП на парламентских выборах. Может быть, именно поэтому посетившая в ноябре 1996 г. Албанию миссия Международного валютного фонда и Всемирного банка обратила внимание на неминуемый крах фондов и призвала правительство Мекси установить жесткий контроль над ними, власти не вняли предупреждениям. Государство предпочло закрыть глаза на пирамиды, которые снимали с него заботы о гражданах, повышавших свое благосостояние самостоятельно, пусть даже сомнительным путем. Министр финансов Ридван Бозе сделал чисто формальное заявление в духе пожеланий "доноров", но оно произвело обратный эффект. Фирмы, взывая к исключительности албанских условий, стали увеличивать проценты по вкладам. Пропаганда принесла свои плоды. Все новые люди включались в опасную игру. По некоторым данным, вовлеченной в нее оказалась каждая седьмая семья. Вместе с тем в декабре стали рушиться некоторые из пирамид, а в первые дни 1997 г. процесс начал приобретать обвальный характер.

Сомнительные комбинации финансовых дельцов поглотили не только немалые средства, поступавшие от родственников из-за границы, но и дома, квартиры, даже скот. Оказалось, что люди потеряли в общей сложности более 1,5 млрд долл. Крах пирамид вызвал шок в обществе. На улицу вышли тысячи обманутых вкладчиков — жертв финансовых дельцов. Первые мас-

совые выступления разгонялись полицией, что только накаляло обстановку. Осознав опасность складывающейся ситуации, правительство выступило с обещанием частичной компенсации потерь. Оппозиция использовала недовольство народа авторитарными методами правления Бериши, его пособничеством (таковым было общее мнение) деятельности пирамид, коррупцией, проникшей во все сферы общества, углублением социальных противоречий, безработицей, чтобы выступить со своими требованиями. Она решила опереться на народ. В январе 1997 г. албанская оппозиция сформулировала свои требования, главное из которых предусматривало отставку президента и кабинета министров, а также немедленное создание переходного правительства, которое должно было подготовить парламентские выборы осенью того же года.

Бериша не собирался отступать. Опираясь на государственные силовые структуры и личную охрану, он демонстрировал решимость справиться с беспорядками. Но, если в Тиране это до поры до времени удавалось, то к югу от нее положение становилось неподвластным правительству, приобретая черты народного восстания. Во Влёре, Саранде, Тепелене, Гирокастре, Пермети, а вслед за ними и в центральных городах спонтанно создавались "комитеты спасения", ставшие органами самообороны от произвола силовиков Бериши. Возглавленные отставными офицерами, уволенными из армии в начале 90-х годов, и гражданскими лицами, они отказывались подчиняться центральным властям. Бериша предпринял отчаянный шаг, настояв 2 марта на объявлении парламентом чрезвычайного положения по всей стране. Политические митинги запрещались, вводилась цензура, повлекшая за собой приостановку выхода в свет большинства печатных органов. Ночью неизвестные люди обстреляли помещение крупнейшей независимой газеты "Коха йон" ("Наше время"). На следующий день, 3 марта, Бериша добился переизбрания себя президентом на безальтернативной основе, отдал распоряжение открыть воинские склады, чтобы вооружить своих сторонников, и двинул на юг армию. Оружие расхватывалось всеми без разбора, в том числе и любителями пострелять. Продвижение воинских частей застопорилось в самом начале марша: албанцы не захотели стрелять в албанцев. Ситуация в стране полностью вышла из-под контроля. Государственная власть рассыпалась, как карточный домик. Тюрьмы на юге пустели. Свободу получили не только политические заключенные, в том числе и отбывавший свой срок в Тепелене Фатос Нано, но и уголовники. Юридическая система оказалась парализованной, ибо из 36 судов 15 были разгромлены, а хранившиеся в них дела уничтожены.

В стране воцарился хаос. Опустели особняки дипломатических представительств. Новая волна беженцев хлынула в Грецию и Италию. Политическая и экономическая дестабилизация произошла за считанные дни. Овладение легко доставшимся оружием развязало руки многим. "Комитетам спасения" оно помогло диктовать свои условия властям, мародерам — грабить государственное и личное имущество.

Случившееся в Албании могло нарушить хрупкое равновесие на Балканах, установившееся в постдейтонский период[2*]. Пока еще мирное противостояние Милошевича и Объединенной демократической оппозиции в Югославии, массовые антиправительственные выступления в Софии, поражение "гандизма" Ибрахима Руговы в Косове и появление на арене политической борьбы радикалов — все это могло перерасти в вооруженные конфликты. Мировое сообщество предприняло срочные меры по наведению порядка в Албании.

В марте в Тирану прибыл с мандатом от ОБСЕ (Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе) бывший австрийский канцлер Франц Враницкий. Его миссия посредника между различными политическими силами в Албании увенчалась успехом. Собравшиеся наконец вместе 9 марта представители десяти политических партий достигли договоренности о том, что правительство подает в отставку, назначаются досрочные парламентские выборы и формируется переходное правительство. "Комитеты спасения" согласились самораспуститься сразу же после выборов в парламент. Созданное в кратчайшие сроки правительство национального примирения возглавил мэр Гирокастры социалист Башким Фино, и депутаты-социалисты прекратили бойкот парламента. Впоследствии Враницкий вспоминал, что тогда мало кто верил в возможность наладить демократический выборный процесс в обстановке полнейшей анархии. "Но другого выхода не было. Нельзя закрывать глаза на проблемы, надо решать их — вот в чем виделся наш долг, — писал он. — Албания является членом ОБСЕ и Совета Европы и необходимо было приобщить ее к демократическим ценностям".

В апреле 1997 г. правительство Б. Фино обратилось к мировому сообществу с призывом оказать помощь, чтобы предотвратить эскалацию конфликта. Операцию "Альба" возглавила Италия при участии воинских частей Греции, Турции, Фран-

---

2* "Общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине" плюс 12 приложений к нему подписаны 21 декабря 1995 г. в городе Дейтоне (США) представителями Боснии и Герцеговины, Хорватии и Югославии. Этот комплекс документов, получивший в политическом обиходе название "Дейтонские соглашения", утвердил принципы мирного урегулирования после окончания вооруженного конфликта в Боснии.

ции, Испании, Австрии, Румынии и Дании. Первая военная миссия ОБСЕ в истории этой организации насчитывала 7 тыс. "военных туристов", как их называли албанцы, и оказала скорее психологическое воздействие на положение в стране. В целом Операция "Альба" способствовала нормальному проведению избирательной кампании по выборам в Народный кувенд, которые были назначены на 29 июня.

Предвыборная агитация СП строилась на критике негативного опыта правления ДП и лично Бериши. На них возлагалась ответственность за тяжелое политико-экономическое положение страны, за хаос и разруху, за коррупцию, за "пирамиды", за создание атмосферы насилия. В тогдашней ситуации у социалистов была выигрышная позиция — не они находились у власти последние четыре года. И хотя к исковерканной послевоенной судьбе албанцев оказались причастными в большей степени лидеры КПА/АПТ, избравшие для своей страны не самый удачный путь развития, вина демократов не подлежала сомнению. Поэтому, когда на многочисленном митинге в Тепелене Фатос Нано начал свое выступление словами: "Я смог прийти к вам без оков", — уже одно это должно было привлечь к нему голоса избирателей как к жертве произвола. Все знали, что именно в этом городе он в свое время был удостоен звания почетного гражданина, затем по суду лишен его и подвергся тюремному заключению по надуманному обвинению.

Кандидаты от социалистов выступали с изложением краткосрочной и долгосрочной программ действий. Но лозунгом момента стало утверждение: "От севера до юга Албания едина". Привычка к рифмованным сентенциям, — а на албанском языке эта фраза объединена внутренней ритмикой ("Нга югу нэ вери Шкиприя эшт уни" — "Nga Jugu në Veri Shqipëria është uni") — делала понятной старую идею, что в переживаемые родиной переломные моменты албанцы должны быть едины, независимо от областных и религиозных различий. Это имело тем большее значение, что и в самой стране и за ее пределами начинались спекуляции насчет борьбы за власть южан (тосков) и северян (гегов), православного Юга и мусульманского Севера. Споры о чистоте и самобытности диалектов албанского языка, о преимуществах одного перед другим периодически возникали в интеллектуальных кругах, равно как вызвал недовольство призыв Бериши в 1995 г. к жителям горного Севера осваивать южные, якобы мало населенные районы. Однако эти и подобные им моменты в жизни неоднородного во многих отношениях албанского общества никогда не приводили сами по себе к силовому противостоянию. Тем более не имели отношения к вхождению во властные структуры или в руководство политических партий этноконфессиональные различия в условиях

преобладания атеистического миропонимания на бытовом уровне.

Характерна реакция церковных кругов. Католический архиепископ Шкодры Франо Илия призвал паству не голосовать за ДП, так как там "бывшие коммунисты, которые хотят разделить народ на тосков и гегов, на христиан и мусульман". Его слова вызвали протест со стороны многих ведущих политиков страны, выступавших против вмешательства церкви в политику. Общественность списала неосторожное высказывание священнослужителя на его преклонный возраст и болезненное состояние. Возникшая в печати и на телевидении полемика о роли церкви заставила высказаться на эту животрепещущую тему православного архиепископа Тираны и всей Албании Анастасия, который категорически осудил вмешательство церкви в светскую жизнь.

Положение демократов представлялось весьма трудным из-за резкого падения авторитета Бериши. Даже поддержка неожиданно появившегося в Албании Леки Зогу, опереточного претендента на албанский престол и на роль вне- и надпартийного отца нации, который во многом был обязан Берише своим вхождением в албанскую политику, не помогло последнему. Едва ли не единственным козырем демократов в полемике против социалистов — их главных оппонентов и соперников — являлось предостережение, что возвращение социалистов на политическую арену чревато реставрацией коммунизма. Что же касается программы непосредственных действий в свете того, каких плачевных результатов демократы добились за четыре года безраздельного правления, то она выглядела слабо, так как сводилась к азбучной истине о необходимости скорейшей ликвидации последствий мартовского политико-экономического кризиса. Равным образом и по вопросу о компенсации потерь обманутым вкладчикам избирательная платформа демократов не отличалась оригинальностью. Подобно всем другим политическим партиям, они принимали за основу одну и ту же схему: провести инвентаризацию имущества "пирамид", реализовать его на рынке, а недостающие средства попросить на Западе.

Тем временем наступил день выборов 29 июня 1997 г. На них присутствовало более 500 наблюдателей от ОБСЕ, Совета Европы и других международных организаций. Причем, чтобы избежать обвинений в фальсификации, главе миссии ОБСЕ поручалось первому объявить о результатах выборов.

Социалистическая партия победила, получив 52,7% голосов и 101 место в Народном кувенде из 155, Демократическая — 25,8% и 24 места, Социал-демократическая — 2,5% и 9 мест, остальные мандаты поделили между собой девять более мелких партий.

Социалисты возвращаются во власть

Формально выборы 29 июня 1997 г. положили конец разрушительной стихии, разыгравшейся в марте. Но на деле ее последствия были далеко не ликвидированы. К концу года падение совокупного общественного продукта составило 8%, инфляция выросла на 42%, национальная валюта обесценилась почти на 50%, застопорилось сооружение ряда важных строительных объектов, как, например, торгово-туристической трассы вдоль Ионического побережья, субсидируемое греческими фирмами, и др.

Политики, ученые, писатели еще не оправились от шока, вызванного тогдашними событиями, и не могли до конца осмыслить причины, да и саму суть происшедшего. Что это было? Разгулявшаяся анархия? Гражданская война? Вооруженное коммунистическое восстание? "Отложенная" демократическая революция? Народное восстание? Вооруженное восстание? Военный путч? Или комбинация из всего вышеозначенного? Большое количество оружия продолжало гулять по стране, создавая потенциальную опасность нового взрыва. Неужели Албания превратилась в страну автомата Калашникова и он будет определять стиль ее повседневной жизни в XXI веке?

Социалисты завоевали доверие народа — в выборах приняли участие 73% всех потенциальных избирателей — в один из сложнейших периодов истории страны. Несмотря на обструкционистскую позицию руководства ДП, относительно спокойно прошли выборы президента, которым стал Реджеп Мейдани. Председателем совета министров избрали Фатоса Нано. Социалисты получили 13 министерских постов из 21, а остальные заняли представители Социал-демократической и Аграрной партий, Партии демократического альянса и Партии прав человека.

Через месяц после выборов, 29 июля, коалиционное правительство было утверждено парламентом, представив развернутую программу выхода из политического, институционального, экономического и социального кризиса. Общие задачи по утверждению Албании в качестве полноправного члена Европейского сообщества предусматривали восстановление общественного порядка, завершение приватизационных реформ в контексте открытой рыночной экономики, привязанной к европейскому рынку. Возвращение к нормальной жизни не представлялось возможным без непримиримой борьбы с преступностью и коррупцией, без ликвидации криминальных группировок и разоружения гражданского населения. Власть закона провозглашалась основой всей жизни страны. Дух согласия и должен был стать той основой, которая способствовала бы объ-

единению всех граждан Албании, заинтересованных в восстановлении и возрождении страны.

Намечая конкретные меры по развитию экономики, правительство сознавало жизненную необходимость привлечения иностранных инвестиций. Они не поступали в страну, где царил хаос. Так сохранялся порочный круг: без капиталовложений было невозможно восстановление и развитие народного хозяйства, а следовательно, и трудоустройство довольно длительное время существовавшей армии безработных. Отсутствие твердых гарантий для развития частной инициативы (слабое государство их не могло обеспечить) препятствовало установлению порядка, столь необходимого для страны в целом. Вместе с тем, исходя из реальной ситуации, сложившейся в Албании, через соответствующие структуры Европейского союза 31 июля 1997 г. была созвана международная конференция в Риме, выработавшая совместно с экспертами Всемирного банка, Европейской комиссии, Европейского банка реконструкции и развития, Европейского инвестиционного банка итоговый документ "Албания. Директивы по восстановлению и развитию". В дальнейшем помощь Албании и обязательства албанского правительства уточнялись на международных конференциях в Риме и Брюсселе, результатом которых стала разработка программ инвестиций на период 1998—2001 гг. с участием около 30 донорских стран и организаций.

В области внешней политики подтверждалась линия на интеграцию Албании в единую европейскую семью и в евроатлантические структуры, хотя, как говорилось в программе правительства, "к сожалению, мы находимся сейчас в ситуации, означающей шаг назад на пути интеграции в европейские и натовские структуры". Выражая признательность администрации президента США Клинтона за вклад в развитие албанской демократии и рыночной экономики, правительство заявляло о намерении Албании расширять двусторонние отношения со всеми государствами Западной Европы.

Взаимоотношения с балканскими странами провозглашались приоритетными во внешней политике Албании. Подчеркивалась заинтересованность в дальнейшем развитии с ними торгово-экономических и культурных связей. Особенно ценными, как свидетельствовала программа, были понимание ими сложившейся в Албании ситуации и поддержка во время последнего кризиса. При этом приоритет отдавался Италии и Греции как главным партнерам в регионе, правительства которых оказали и оказывают помощь не только в восстановлении хозяйства, но и в предоставлении статуса беженцев албанским эмигрантам, живущим и работающим в этих странах.

Новое албанское правительство заявило, что оно придает большое значение дальнейшему развитию взаимоотношений с Россией, и выразило надежду, что "они будут воплощаться в реальных делах и расширяться во всех сферах деятельности к обоюдной выгоде".

Формально правительство Нано получило мандат на четыре года и могло бы спокойно работать. И оно действительно сразу же приступило в первостепенному делу – параллельно с усилиями по восстановлению общественного порядка разработало схему упорядочения взаимоотношений между обманутыми вкладчиками и финансовыми инвестиционными фондами, более известными как "пирамиды". Речь шла о том, чтобы с помощью Международного валютного фонда и Всемирного банка провести аудит инвестиционных фондов и выявить все их активы, находящиеся в стране и за границей. В свое время крах "пирамид" взорвал ситуацию в стране и вытолкнул на поверхность как оппозиционные Берише силы, так и криминальные структуры. Готовность правительства перекрыть источник дестабилизации должна была служить подтверждением серьезности его намерений навести порядок в стране. Но этого не случилось.

ДП и ее председатель Сали Бериша перешли в ряды непримиримой оппозиции. Немногочисленные депутаты-демократы бойкотировали заседания Народного кувенда. Теперь уже демократы обвиняли правительство Нано в большевизме и коррупции, а контакты с итальянскими социалистами и их лидером, бывшим премьер-министром Беттино Кракси, уличенным в связях с мафией, стали постоянной темой нападок оппозиционной печати.

Демократы любым способом пытались вызвать парламентский или правительственный кризис, чтобы добиться досрочных выборов. И неважно, что термины *клептократия* и *авторитаризм* широко использовались зарубежными политическими комментаторами применительно к режиму, созданному Беришей. В июне Всемирный банк обнародовал сведения об уровне коррупции в экономике стран Восточной Европы, переживающих переходный период, согласно которым Албания занимала первое место в числе наиболее коррумпированных[3*]. Однако экс-президент готовился идти в своей критике до конца, вплоть до отставки кабинета Нано и до перевыборов "криминального парламента".

Убийство в сентябре 1998 г. в Тиране депутата от Демократической партии Азема Хайдари и последовавшая за этим

[3*] В списке 17 стран Россия ненамного отстает от Албании, занимая 6-е место после Украины, Азербайджана, Грузии и Армении. Наименьший уровень коррумпированности отмечался в отношении Венгрии.

13—14 сентября попытка государственного переворота, предпринятая малочисленной, но хорошо вооруженной группой приверженцев Бериши, поставили страну перед опасностью повторения событий предыдущего года. Решительные действия правительства на время успокоили страсти, которые вспыхнули вновь тогда, когда Народный кувенд лишил неприкосновенности шестерых депутатов-демократов, включая и Бершу. Их собирались привлечь к суду по обвинению в организации переворота.

Нано уговаривали, в том числе и советники с Запада, что надо воздержаться от ареста Бериши, так как ни к чему хорошему это не приведет. Нано согласился и... подал в отставку. "В какой-то момент я понял, что возглавляемое мною правительство стало препятствием на пути строительства подлинно демократического государства", — сказал он в обращении к соотечественникам. Решение об отставке, принятое лидером самой крупной политической партии при наличии большинства в парламенте через год с небольшим после назначения премьером, выглядело неожиданным и на первый взгляд неоправданным, хотя объективно Нано тогда не мог оставаться на своем посту без риска затянуть до бесконечности противостояние с Беришей. Переговоры с оппозицией о расширении коалиции и о кадровых перестановках не снимали проблем — тяжелое экономическое положение, нерешенность проблемы обманутых вкладчиков и, наконец, казавшаяся неистребимой коррупция сохранялись.

Сообщая о своем решении, Нано сам же выдвинул кандидатуру преемника. Им стал избранный на заседании руководства СП генеральный секретарь партии 31-летний Пандели Майко. Дипломированный инженер и юрист, получивший высшее образование в Тиранском государственном университете, он вышел на политическую арену в декабре 1990 г. из рядов демократического студенческого движения. В конце 1991 г. Майко вместе с тогдашним своим другом и единомышленником Илиром Мета создал молодежную организацию — Форум евросоциалистов. Со временем албанские евросоциалисты стали членами Социалистического интернационала. Они не зависели ни от одной политической силы внутри страны, и последовавшее позже вступление Майко в СП не воспрепятствовало его активному участию в Форуме евросоциалистов. В СП он быстро выдвинулся на руководящие роли, став в итоге ее генсеком.

28 сентября 1998 г. президент Реджеп Мейдани поручил Майко формирование правительства, на что новому премьеру понадобилась неделя. Оставив неизменным костяк кабинета, Майко несколько обновил его финансово-экономический блок. Символичным стало приглашение на должность вице-

премьера Илира Меты, принадлежащего, как и сам Майко, к поколению тридцатилетних.

Социалисты демонстрировали полное удовлетворение таким исходом дела, ибо пост премьер-министра остался у них. Майко заявил о готовности вести диалог со всеми политическими силами страны ради решения общих задач. Великий насмешник и неисправимый критик любой власти Дритро Аголы, голосовавший тем не менее на бурном заседании руководства СП за молодого премьера, сказал: "Пандели Майко скорее наведет порядок и будет управлять Албанией лучше, чем это делали Бериша и Нано. Он — политик нового образца, он вышел из декабрьской революции". Даже Бериша приветствовал назначение Майко. Он обещал его правительству содействие, но отверг возможность участия в нем членов ДП. На это Майко отреагировал следующим заявлением: "Наилучшей поддержкой новой правительственной команды со стороны Бериши могло бы стать открытие дороги молодому поколению в Демпартии, чтобы именно с ними мы вступили в диалог". Одновременно он выразил пожелание, чтобы в ходе самых острых дискуссий спорящие относились друг к другу не как к врагам, что было характерно для взаимоотношений Нано и Бериши, а как к политическим оппонентам. Решимость оздоровить внутриполитическую обстановку и добиться общенационального примирения ради совместной работы на благо Албании стала лейтмотивом и первого выступления Майко в парламенте.

7 октября П. Майко выступил перед депутатами Народного кувенда с изложением долгосрочной программы действий. Она не внесла ничего принципиально нового, ибо все знали, *что* надо делать, а многие думали, что они знают *как*... Майко сформулировал три первоочередные задачи: поддержание общественного порядка, принятие конституции и окончательное урегулирование косовского вопроса. Когда через год Майко был вынужден оставить пост премьера, то из поставленных им задач оказалось выполненной только одна — принятие конституции. *Обострение югославского кризиса 1989—1999 гг., приведшего* к трагическим событиям в Косове, оказало самое непосредственное, причем дестабилизирующее, влияние на внутриполитическую и экономическую обстановку в Албании.

Когда в октябре 1998 г. по истечении первой недели пребывания у власти иностранные журналисты спросили у Майко, что он понимает под "окончательным урегулированием косовского вопроса", он ответил, что косовская проблема должна быть решена по схеме Дейтонского соглашения по Боснии и Герцеговине. Милошевич должен согласиться на участие международных посредников, чтобы договориться с ними о мерах по поддержанию мира на Балканах. Поэтому он, Майко, обра-

тился к правительствам США, Италии и Греции с предложением выступить с совместной инициативой по урегулированию косовского вопроса.

Албания внимательно следила за развитием ситуации в Косове начиная с 1989 г., когда была ликвидирована автономия края и введено прямое правление Белграда. Последовал разгром системы образования на албанском языке, закрытие газет, изгнание албанцев из государственных учреждений. Правительство Албании не скрывало озабоченности за судьбу своих собратьев. Еще со времени боснийского (1995 г.) кризиса одним из приоритетных направлений албанской внешней политики стала интернационализация косовского вопроса, включение его в общий пакет, касавшийся урегулирования ситуации в бывшей Югославии. Этого, однако, не произошло из-за позиции, занятой официальным Белградом и президентом С. Милошевичем, который объявлял любую попытку обсуждения косовской проблемы вмешательством во внутренние дела Сербии. Вместе с тем он отказывался от прямого диалога с Ибрахимом Руговой, легитимным лидером косовских албанцев.

После Дейтонских соглашений 1995 г. по Боснии, когда стало ясно, что урегулирование косовской проблемы не состоялось в рамках общего пакета, обстановка в крае обострилась. "Гандизм" Руговы потерпел поражение, и на политической сцене активизировались радикальные лидеры — литературовед и эссеист академик Реджеп Чосья и вечный диссидент, отбывший в югославских тюрьмах и лагерях в общей сложности около 30 лет, писатель Адем Демачи. Они выступали за немедленное предоставление Косову полной независимости в противовес формуле Руговы, выработанной в ходе контактов с представителями правительств западных государств и международных организаций, считавших, что Косово должно пользоваться правом широкой автономии, но в границах Югославии. Ругова говорил: "Мы выступаем за независимость, как за наиболее правильное решение, но, исходя из реально складывающейся обстановки, признаем необходимость переходного периода под эгидой международных организаций". В ноябре 1997 г. вышла на поверхность Освободительная армия Косова (УЧК — Ushtrija clirimtare e Kosovës) — военизированная структура, еще годом раньше казавшаяся виртуальной реальностью.

Усилились позиции радикальных националистов в Югославии во главе с Милошевичем, сделавших ставку на силовое решение косовской проблемы, предполагавшее этнические чистки и изменение этнического баланса в крае в пользу сербов. Демонстрацией безальтернативной политики Милошевича стала беспрецедентная по жестокости акция югославской армии в марте 1998 г., когда под предлогом ликвидации базы тер-

ристов УЧК было уничтожено 52 человека рода Яшари, включая стариков, женщин и детей.

С лета 1998 г. белградские власти начали военно-полицейскую операцию на юго-западе Косова, ставившую целью поиск и ликвидацию боевиков УЧК и создание "коридора безопасности". Начались бои с применением сербской армией тяжелой техники. В результате тысячи мирных албанцев-косоваров оказались изгнанными из своих жилищ. К октябрю только в Албании обосновалось около 25 тыс. беженцев, в горных районах края их число колебалось от 300 тыс. до 500 тыс. Приближалась зима, а вместе с ней и гуманитарная катастрофа. Она была предотвращена вмешательством европейской, в том числе и российской, дипломатии. 20 октября перед лицом угрозы ракетно-бомбового удара НАТО по военным объектам Югославии Милошевич подписал соглашение с представителем президента США Ричардом Холбруком о прекращении вооруженного противостояния, о выводе из Косова сербских армейских подразделений, бронетехники и тяжелой артиллерии.

Однако относительное перемирие не продержалось и двух месяцев. Обнаружение 45 трупов албанцев в деревне Рачак едва не привело к его срыву. Только срочное вмешательство 22 января 1999 г. контактной группы, предъявившей к обеим сторонам по сути дела ультимативное требование приступить к переговорам, привело к их открытию 8 февраля в замке Рамбуйе под Парижем.

Переговоры в Рамбуйе завершились принятием оптимального в тех условиях решения — о предоставлении Косову широкой автономии в рамках Югославии. Однако процесс мирного урегулирования оказался сорванным. В нарушение октябрьского соглашения 1998 г. между Холбруком и Милошевичем в край была введена 40-тысячная сербская армия, возобновившая этнические чистки. Мирное албанское население стало прорываться через границы в Македонию и Албанию. П. Майко направил 22 февраля 1999 г. послание генеральному секретарю НАТО Хавьеру Солане с изложением этих фактов.

Ситуация, из которой за пять месяцев до этого удалось выйти с наименьшими потерями, повторилась в марте 1999 г. Снова челночная дипломатия, предупреждения о возможности нанесения бомбовых ударов в случае продолжения силовой акции. Но на этот раз Милошевич решил не отступать.

В командовании НАТО сработало стереотипное мышление, и 24 марта начались бомбардировки военных объектов в Югославии, что развязало руки сербскому политическому и военному руководству. Программа вошедшего в то время в правительство воинствующего националиста Воислава Шешеля, видевшего радикальное решение косовского вопроса в изгнании

одного миллиона албанцев и в уничтожении другого, стала осуществляться. Более миллиона албанцев покинули Косово под дулами автоматов, заполнив многотысячные лагеря беженцев в Македонии и Албании. Гуманитарная катастрофа, под предлогом предотвращения которой начались действия НАТО, стала реальностью. Албанское правительство поддержало акцию НАТО, и это стало причиной разрыва югославской стороны дипломатических отношений с Албанией. Вслед за этим было разгромлено албанское посольство в Белграде.

С момента начала бомбардировок и до конца мая Албания оставалась основным прибежищем косовских беженцев. Главный поток шел вдоль русла Белого Дрина через единственный более или менее цивилизованный переход Морина в направлении Кукеса. По мере переполнения беженских лагерей в Македонии часть изгнанников переходила в Албанию в районе Охрида. Они заполняли общественные здания и стадионы в Корче и других городах. Тысячи беженцев перебирались горными дорогами с севера Косова в Черногорию, а оттуда в Шкодру. В наиболее горячие дни через таможню Хани-и-Хотит переходило по 2 – 3 тыс. человек. Город, насчитывающий около 80 тыс. жителей, из которых своих безработных 20 тыс., принял 30 тыс. лишившихся крова в Косове людей, став "столицей бедности".

"Албания движется к катастрофе", – писали газеты в конце апреля 1999 г., сообщая об отчаянном положении беженцев. Это были люди из наиболее незащищенных слоев населения, выходившие из Косова без денег и документов, отобранных югославскими пограничниками, с тем скарбом, который они могли унести на своих плечах. Тем временем их состоятельные соотечественники, стремясь избежать лишений, уготованных изгоям, уезжали на Запад.

В целом более 400 тыс. человек разместились во временных палаточных городках и строениях барачного типа, разбросанных по всей стране. Благотворительные организации и правительства западных стран оказывали большую помощь в организации беженских лагерей и в их снабжении всем необходимым – от продовольствия до носильных вещей и постельных принадлежностей. Некоторые главы государств и правительств лично посещали лагеря беженцев в Албании и Македонии, чтобы на месте проконтролировать ход акции. Было широко известно, что мафиозные группировки в обеих странах наживались на хищении гуманитарной помощи, а визиты высокопоставленных лиц стимулировали, в частности, албанские правоохранительные органы к наведению хотя бы видимости порядка.

Это имело тем большее значение, что оппозиция не упускала случая и обличала социалистов по более мелким поводам, не

говоря уже о таком известном пороке всех посткоммунистических режимов, как коррумпированность общества. Печать ДП утверждала, что до 70% гуманитарной помощи было разворовано и совершенно открыто распродано на базарах. Завышенными представлялись цифры, но сам факт не вызывал сомнения. Он нашел документальное подтверждение в событиях, развернувшихся после окончания бомбардировок НАТО: когда беженцы стали возвращаться в Косово, тотальному разграблению подвергались практически все палаточные городки, оставленные ими. Так случилось с находившимся под итальянским наблюдением лагерем около Влёры. Жившие там 15 тыс. беженцев тремя колоннами в организованном порядке покинули свое временное прибежище 6—8 июля. 15 июля 1999 г. предполагалось официальное закрытие лагеря, но уже за пять дней до этого начался грабеж. Одна итальянская семейная пара из города Кальяри (о-в Сардиния) снимала происходившее скрытой камерой на видеопленку, а затем обнародовала на телевидении и в журнале "Панорама". Особенно впечатляли активное участие в воровстве албанских полицейских и полное бездействие итальянских миротворцев. Последние оправдывались тем, что они имели право применять силу исключительно в случае самообороны. Главными же задачами они считали содействие установлению мира и оказание помощи косовским албанцам.

Последствия косовского кризиса оказали непосредственное, причем самое негативное, влияние на всю внутреннюю жизнь Албании. Они имели одно вполне определенное название — хаос. Нестабильность, возникшая весной 1997 г., усугубилась в результате превращения северных и северо-восточных районов в прифронтовые территории.

Бандитский анклав между Кукесом и Тропоей зажил своей особой жизнью, не подчиняясь ни центральной власти, ни элементарным правилам общежития, принятым в цивилизованном мире. Когда в соседнем Косове шла война, сбившиеся в стаи "горные люди" наживались на всеядности иностранных журналистов, готовых выложить от 500 до 1500 долл. за возможность познакомиться с "учекистами" или сходить через границу с персональным проводником на ту, косовскую, сторону горного хребта даже под угрозой попасть под беспорядочный обстрел сербов.

По окончании натовских бомбежек и вывода из Косова сербских вооруженных сил началась контрабандная торговля через границу. Контролеры из KFOR (международные силы по поддержанию порядка) вылавливали торговцев оружием, но их не интересовали ни сигареты, ни горючее, ни алкогольные напитки, хлынувшие на восстанавливающийся рынок. Наиболее удачливые из контрабандистов зарабатывали на пе-

реброске товаров от 200 тыс. до 500 тыс. немецких марок в день. Кукесские бандиты монополизировали грабеж на дороге, ведущей в Призрен, по которой возвращались на своих машинах косовские гастарбайтеры и их семьи из Европы. В конце сентября 1999 г. газета "Коха йон" ("Наше время") опубликовала внушительный список преступлений этих банд за предшествующие три месяца. Ограблением века она назвала операцию "масок", *т.е. бандитов в масках, которые только за один день* 9 сентября обворовали больше 30 машин.

Более спокойная обстановка сохранялась на побережье, но и там имелась своя криминальная специфика. Из северных районов Албании шли в Черногорию, а оттуда в Сербию контрабандные поставки горючего и сигарет, несмотря на санкции, введенные ООН в отношении режима Милошевича. Город Шкодра получил печальную известность в Албании как один из центров торговли "живым товаром" — девицами из России, Молдавии и Украины, по легкомыслию попавшими в страну по туристским визам (это при полном отсутствии какого-либо туризма!) и плененными преступными бандами. Их перепродавали в Европу, переправляя через тайный канал на черногорской границе. Некоторые из проституток иностранного происхождения повторяли путь несовершеннолетних албанских девочек, попавших в сети поставщиков "кадров" в публичные дома Северной Италии через Влёру непосредственно из беженских лагерей Албании и Македонии.

Пользуясь неразберихой на восточных границах Албании, в страну стали проникать нелегальные эмигранты, избравшие Дуррес в качестве транзитного порта, открывавшего дорогу *в Италию и дальше. В частности, летом и осенью 1999 г., когда* среди курдов начались волнения в связи с арестом их лидера Оджалана, ожидавшего суда в Турции, стал действовать подпольный коридор Стамбул — Скопье — Приштина — Кукес. На контрольно-пропускных пунктах задерживались курды с турецкими паспортами под видом туристов или с фальшивыми албанскими. Неизвестно, сколько их было отправлено обратно, а сколько осталось в Албании. Не исключено, что кто-то из них вливался в ряды действовавших на юге страны преступных многонациональных кланов, связанных с сицилийской мафией и торговцами наркотиками.

В Албанию бежали цыгане, преследовавшиеся в Косове за пособничество сербам. Их было несколько десятков семей, поселившихся у озера Поградец. Образовался своеобразный перевалочный пункт, где ожидали решения своей участи беженцы из стран, весьма отдаленных от Албании. Например, в сентябре 1999 г. там оказались десять иракских инженеров, попросивших политического убежища в Албании.

Возможность вернуться к внутренним проблемам страны представилась правительству Майко только к концу лета 1999 г. Их конкретное решение было отложено в результате событий в Косове и вокруг него почти за год. Задачи остались прежними, равно как и трудности. Сохранилась вся цепочка взаимозависимых элементов: огромная безработица из-за отсутствия достаточного числа рабочих мест, промышленность не восстанавливается, так как у государства нет средств, а инвесторы не хотят рисковать деньгами в условиях политической нестабильности. Даже строительный бум, совпавший по времени с приходом к власти социалистов, был не в силах обеспечить постоянные рабочие места. На сооружении многоэтажных жилых домов были заняты в основном сезонники — северяне, бежавшие из родных краев в период косовского кризиса. Они же участвовали в качестве подсобных рабочих в строительстве мелких предприятий легкой и обрабатывающей промышленности, если не хватало сил и квалификации у хозяев и членов их семей.

Вместе с тем при такой невостребованности в народном хозяйстве специалистов любого рода — от инженеров до рабочих — на рынке труда котировались менеджеры широкого профиля, компьютерщики и представители других, казалось бы, экзотических профессий в условиях Албании, считающейся самой бедной страной Европы. В конце 1999 г. газеты публиковали объявления одной иностранной компании, работающей в области высокоточных технологий, об открытии 12 вакантных мест для инженеров сразу в трех городах — Тиране, Приштине (Косово) и Бари (Италия). Даже учрежденный в Салониках (Греция) в феврале 1998 г. Черноморский банк торговли и развития, в котором участвовали представители 11 стран региона от Албании и Армении до России и Украины, приглашал албанских специалистов. Подготовленные в высших учебных заведениях Албании и западных стран, прошедшие специализацию на профильных курсах, организуемых, в частности, Фондом Джорджа Сороса, они составляют тот тонкий слой общества, который не смог в конце XX в. в полной мере реализовать свои потенциальные возможности.

Осенью 1999 г. активизировалась внутриполитическая жизнь Албании в связи с партийными съездами двух ведущих партий — социалистической и демократической. Предстояли выборы лидеров. В обеих партиях сформировались соперничающие пары: Фатос Нано — Пандели Майко в СП и Сали Бериша — Генц Поло в ДП. Молодое поколение готовилось взять ответственность на себя, но "старики" не считали свои возможности исчерпанными. Преимуществом Майко и Поло являлось то, что за ними не тянулся шлейф обвинений в коррупции и злоупотреблениях властью и влиянием, как у их старших кол-

лег по партии. Они оба вышли из студенческого движения 1990 г. и уже сформировались как политические деятели. Правда, о Майко в Тиране шутили: ну как можно серьезно относиться к человеку, у которого первым местом работы в трудовой книжке обозначено руководство кабинетом министров?

Обоих молодых претендентов активно поддерживали за Западе. Менее известный Поло долго считался тенью Бериши. Ему отказывали в самостоятельности даже тогда, когда он возглавлял делегации на различных международных форумах или занимал пост генерального секретаря партии. Тем не менее приезжавший с официальным визитом в Албанию в сентябре 1999 г. германский канцлер Герхард Шрёдер сказал ему во время приема: "Вперед, за тобой будущее". Дорис Пак, депутат Европарламента от Христианско-демократического союза Германии, также отдала предпочтение Поло, несмотря на то что раньше она активно поддерживала Беришу. Не она одна считала, что молодым из ДП будет легче разговаривать и взаимодействовать со своими сверстниками из Социалистической партии. Бериша зло реагировал на подобные высказывания. Поэтому, когда он победил на выборах председателя партии, то не простил инакомыслия своим внутрипартийным оппонентам. Демократическая партия вновь стала переживать трудные дни, угрожавшие очередным расколом в ее рядах. Авторитарные замашки Бериши вновь взяли верх. Генц Поло и Тритан Шеху стали внутренними диссидентами и были выведены из парламентской фракции ДП.

Аналогичные процессы проходили и в Социалистической партии. Полемика между Нано и Майко зачастую принимала более резкие формы, чем это допускалось отношениями между товарищами по партии. На выборах председателя победу одержал Нано. Майко подал в отставку с поста премьер-министра, уступив его Илиру Мете, своему заместителю по кабинету, и как-то незаметно и быстро исчез из публичной политики. Он остался членом руководства партии и занял пост заместителя председателя государственной комиссии по разработке и осуществлению албанской части программы Пакта стабильности[4*].

Кончалось последнее десятилетие XX века. Декабрьская революция 1990 г., как довольно часто в Албании называли возникшее тогда студенческое движение за демократию и мно-

---

[4*] Пакт стабильности для Юго-Восточной Европы был принят 10 июня 1999 г. на встрече сстран "большой восьмерки" в Кёльне. Общеевропейская встреча в Сараеве 30–31 июля того же года рассмотрела вопросы политического и экономического возрождения балканского региона и его интеграции в Европейское сообщество.

гопартийность, вывело на политическую арену новых людей. Это были мало кому известный экономист из АПТ Фатос Нано, пробывший всего один месяц в мае – июне 1991 г. на должности главы кабинета министров, врач-кардиолог Сали Бериша, неожиданно почувствовавший вкус к политике, молодежные лидеры Пандели Майко, Генц Поло, Илир Мета. Бериша сразу, а остальные постепенно вошли в число наиболее заметных представителей новой политической элиты. На излете века взаимоотношения именно этих деятелей, представлявших две главные партии страны – Демократическую и Социалистическую, – отражали состояние умов. Страна периодически переживала кризисные явления. Однако меж- и внутрипартийная борьба препятствовала консолидации общества, и оно оказывалось бессильным эффективно им противостоять.

Албанские и иностранные интерпретаторы истории Албании называли 1991 – 1992 гг. *годами анархии*. Но не является ли все последнее десятилетие XX в. десятилетием анархии, если признать это состояние антитезой законности и порядку? Слишком часто охлократия, власть толпы, завладевала улицей и угрожала самим основам государственной власти, а люмпенизированное сознание людей толкало их на погромы и грабежи. В итоге – политическая нестабильность и неизбежная в таком случае дальнейшая экономическая деградация.

Вместо заключения: заглядывая в XXI век

Балканский кризис 1989 – 1999 гг. при всех его разрушительных последствиях региона в целом имел по меньшей мере одну положительную черту. Он заставил правительства соответствующих стран определить свое место в новой расстановке сил в Юго-Восточной Европе и на более широком общеевропейском пространстве. Албания не стала исключением.

Пришедшее к власти в 1997 г. правительство левоцентристской ориентации разработало перспективный план развития Албании до 2003 г. Потрясения, связанные с ликвидацией беженского кризиса 1999 г., не изменили основных направлений деятельности правительства. В области внешней политики они получили подтверждение в обширном документе, утвержденном советом министров в конце 1998 г. и озаглавленном "Платформа и стратегия Республики Албании в контексте европейской и североатлантической интеграции". Вхождение в эти структуры предусматривается через балканскую интеграцию и шире – через Организацию ЧЭС (Черноморское экономическое сотрудничество). Албания активно участвует в работе ЧЭС, целью которого является развитие экономического сотрудничества в интересах превращения черноморско-средиземноморского региона в зону мира, стабильности и процветания.

Албания исходит из того, что НАТО останется в Юго-Восточной Европе на продолжительное время в качестве гаранта по поддержанию региональной безопасности, и она рассчитывает на тесное взаимодействие с этой организацией в рамках Совета североатлантического сотрудничества и по программе "Партнерство во имя мира"*.

Экономическая программа развития Албании до 2003 г. согласована с Международным валютным фондом и предусматривает наряду с макроэкономической стабилизацией глубокие

* Совет североатлантического сотрудничества (ССАС) образовался в конце 1991 г. Албания присоединилась к нему в июне 1992 г. Программа "Партнерство во имя мира" создана в рамках ССАС.

структурные реформы, важнейшими из которых являются программы приватизации и инвестиций, призванные обеспечить перестройку всей инфраструктуры и приведение ее в соответствие с европейскими параметрами.

В области приватизации предстоит денационализация таких стратегических объектов, как банки, средства связи, предприятия энергетической и горнодобывающей промышленности и пр. К ним присоединятся около 600 средних предприятий, относящихся к категории нестратегических. Без широкомасштабной программы инвестиций в народное хозяйство невозможно его восстановление на новой основе.

Перекосы в планировании в период господства административно-командной системы, когда приоритетным направлением в промышленности считалось развитие ее тяжелых отраслей (пресловутая группа А), а в сельском хозяйстве ставка делалась исключительно на крупные коллективные (государственные и кооперативные) предприятия, не были преодолены к началу нового века. Ликвидация пирамидальных схем и разработка законодательства, исключавшего возможность их появления в будущем, явились первыми шагами на пути оздоровления социально-экономической жизни Албании.

Албания продолжала сохранять звание самой бедной страны Европы. Большинство устаревших, морально изношенных предприятий тяжелой и обрабатывающей промышленности не подлежат реконструкции. Механический завод и текстильный комбинат в Тиране полуразрушены. Работает в половину мощности единственное полностью автоматизированное предприятие — завод по производству химических удобрений в Фиери, построенный в период дружбы с Китаем. Металлургический комбинат в Эльбасане, приобретенный одной турецкой фирмой, в основном простаивает из-за аварий.

Горнодобывающая промышленность, обеспечивавшая значительные поступления в государственный бюджет, находится в состоянии застоя. Добыча хромовой руды не приносит существенного дохода из-за падения цен на мировом рынке. Тяжелые условия работы на угольных шахтах и низкое качество сырья привели к их фактическому закрытию. Сократилась добыча нефти и газа при одновременном значительном росте спроса на горючее, потребности в котором покрываются на 70% за счет импорта. Нефтяные месторождения в Патоси и Маринзе не имеют перспектив, равным образом как и добыча на шельфе. "Албпетроль" (государственная нефтяная компания) неконкурентоспособна на рынке, в том числе и по причине плохого управления.

Сельское хозяйство является главной движущей силой албанской экономики, составляя до 50% ВВП. Эксперименты

коммунистического периода — поголовная коллективизация, укрупнения и разукрупнения хозяйств, ликвидация приусадебных участков, запрет на содержание скота и птицы, закрытие рынков — привели к хроническому застою в сельском хозяйстве. Но даже этот уровень развития оказался по макропоказателям выше по сравнению с теми цифрами, которые характеризовали положение в 1990—1992 гг.

В результате деколлективизации и передела собственности крестьяне оказались в неблагоприятных условиях. Эйфория, вызванная обретением свободы работать на своей земле и распоряжаться плодами своего труда, прошла и на первый план выступили трудности переходного периода к рыночной экономике. Менялись структура посевных площадей и формы организации сельскохозяйственного производства. Материально-техническое обеспечение крестьянского труда, включая и сельскохозяйственную технику, и использование удобрений, и ирригационно-мелиоративные работы, не соответствовало тем надеждам, которые возлагались на эту ключевую отрасль народного хозяйства. Размеры земельной собственности, находившейся во владении одной семьи, состоявшей из 5—7 членов, приближались к послереформенным нормам 1946—1949 гг.: в среднем (в зависимости от зон) от 0,3 до 3,5 га. Естественно, что во многих районах так называемые семейные фермы производят продукцию лишь для собственных нужд.

Появился новый термин — *агробизнес*. Однако его содержание, а именно создание объединений (или кооперативов) по маркетингу, по проблемам снабжения и транспорта, по организации переработки сельскохозяйственной продукции и т.д., пока неясно. Нет соответствующего законодательства, отсутствуют специалисты, имеющие опыт хозяйствования в условиях рыночной экономики.

Вместе с тем, по мнению многих экспертов, развитие сельского хозяйства и туристической индустрии должно занять приоритетное место в экономике Албании в XXI в. Прав оказался Н. Хрущев, когда в ходе своего официального визита в 1959 г. говорил, что Албания должна стать цветущим садом. Чрезвычайно благоприятные природные условия страны создают для этого необходимые предпосылки. Но скудные внутренние капиталовложения и почти полное отсутствие внешних при сохраняющейся нестабильности социально-политического и экономического положения не могут обеспечить перелома в ситуации.

Президент Реджеп Мейдани, выступая на Генеральной ассамблее ООН в сентябре 1999 г., назвал две болезни, от которых страдает албанское общество, — преступность и коррупция. С ними Албания вступила в новое тысячелетие и без рез-

кого понижения их уровня невозможна ни внутренняя стабилизация, ни плодотворная работа на международной арене. Они же были названы в перечне неблагоприятных факторов, угрожающих спокойствию и безопасности балканского региона в целом, наряду с религиозными и этническими конфликтами, с контрабандной торговлей наркотиками и оружием, с нелегальной миграцией и т.п., в предложениях албанского правительства, направленных международным форумам, рассматривавшим основные принципы Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы.

Программа конкретных мер по борьбе с коррупцией, названная операцией "чистые руки", разрабатывалась и принималась в 1998 г. Она нацеливалась в первую очередь против злоупотреблений в сфере приватизации, таможенной службы и в судопроизводстве. Проведение операции "чистые руки" было парализовано в связи с массовым исходом беженцев из Косова и возобновилось только с осени 1999 г., когда в стране стал восстанавливаться элементарный порядок.

Перспективы политического и экономического сотрудничества в балканском регионе и те возможности, которые открываются перед странами в рамках программ, разрабатываемых на основе Пакта стабильности, рассматриваются албанским правительством в качестве основы для выдвижения конкретных проектов, в том числе и на ближайшее будущее. Так, например, проводились встречи официальных представителей правительств Албании, Македонии, Греции и Болгарии в интересах разработки многосторонних проектов в области энергетики, транспорта, телекоммуникаций, процедур пересечения границ и пр.

Предусматривается создание единой межбалканской энергетической системы, дополненной новыми тепло- и гидроэлектростанциями в пограничных зонах. Уже разработаны проекты сооружения линий электропередачи от Эльбасана до Подгорицы (Черногория, СРЮ), от Бурреля до Врутока (Македония), от Влёры до Игуменицы (Греция). Предполагается включение Албании в единую нефтегазовую систему через Грецию или Македонию. Но самые большие надежды связываются с панъевропейским транспортным коридором Восток—Запад (коридор № 8), с ответвлением от Кукеса до Приштины, который включает в себя автострады, порты, пункты пересечения границ и железные дороги. Первоочередной задачей является завершение реконструкции Дурреса и Влёры, главных коммерческих портов коридора № 8, чтобы в перспективе связать их с проектируемой (и частично уже строящейся) вертикальной автомагистралью вдоль Ионического и Адриатического морей, от Греции до Хорватии.

Албания жизненно заинтересована в мире на Балканах и в сотрудничестве со всеми странами региона. Ослабленная кризисами 1997 и 1999 гг., она не в состоянии справиться с их последствиями в одиночку. Международные кредитные организации и страны-доноры неоднократно подтверждали свою готовность и впредь оказывать помощь в восстановлении и развитии албанской экономики, так как дестабилизация обстановки в этой стране довольно часто на протяжении последнего десятилетия вызывала беспокойство Европейского сообщества. Это естественно, ибо геостратегическое положение Албании на Балканах и в Юго-Восточной Европе не утратит своего значения и в третьем тысячелетии.

Дело чести всего народа, как об этом неоднократно заявляли албанские политики, писатели, ученые, сделать страну процветающей и по-настоящему демократической. Самое маленькое и слабое государство Европы, завоевавшее национальную независимость в начале XX в., в 1912 г., Албания должна будет наконец расстаться к своему столетнему юбилею с преследующим ее все это время званием самой бедной страны Европы.

Основная литература по истории Албании XX века*

Автономный край Косово и Метохия: факты. Белград, 1998.

Алибали Ю. Историческая наука в Албании // Вопросы истории. 1955. № 8.

Арш Г.Л., Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Краткая история Албании. М., 1965.

Атанасова Е. Буржуазно-демократическая революция 1924 года в Албании и болгарская общественность // Études balkaniques. 1974. № 2/3.

Багламая Дж. К истории национально-освободительного фронта в Албании // Вопросы истории. 1958. № 8.

Башмаков А.А. Через Черногорию в страну диких гегов. СПб., 1913.

Васильев С.В., Пимоненко И.С., Покивайлова Т.А., Решетникова О.Н. Некоторые проблемы социально-политического развития Болгарии, Румынии, Югославии и Албании в послевоенный период // Балканские исследования М., 1979. Вып. 5. Основные проблемы балканистики в СССР.

Галкин И.С. Дипломатия европейских держав в связи с освободительным движением народов Европейской Турции. 1905–1912. М., 1960.

Делчева Г. Внешняя политика Албании. 1944–1948 // Études balkaniques. 1984. № 4.

Иванова Ю.В. Северная Албания в XIX – начале XX в.: Общественная жизнь. М., 1973.

Иванова Ю.В. Косовский кризис: Этнические аспекты проблемы // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 1999. Вып. 128.

Искендеров П.А. Сербская социал-демократия и албанский вопрос (1903–1914) // Развитие общественной мысли в странах Центральной и Юго-Восточной Европы / Отв. ред. З.С. Ненашева. М., 1991.

Искендеров П.А. Многонациональные общности и международные отношения (на примере косовской проблемы) // Человек в многонациональном обществе: этничность и право. М., 1994.

Искендеров П.А. Албанский вопрос и экономические, политические и культурные аспекты истории Балкан в начале XX в. // Национальный вопрос в Восточной Европе: прошлое и настоящее / Отв. ред. М.Д. Ерещенко. М.,1995.

Искендеров П.А. Албания и балканский конфликт // Балканский кризис: что дальше? / Под ред. Е. Гороховой. М., 2001.

Ислями С. Семейная община албанцев в период распада (конец XIX – середина XX в.) // Советская этнография. 1952. № 3.

Карасев А.В. Исторические корни возникновения современного косовского конфликта // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнопо-

* © Г.Д. Шкундин, 2003

литических столкновений XX в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002.
Кирова К.Э. Итальянское проникновение в Албанию (1897–1911 гг.) // Балканский исторический сборник. Кишинев, 1973. Вып. 3.
Конституция и основные законодательные акты Народной Республики Албании. М., 1951.
Косово: международные аспекты кризиса / Под ред. Д. Тренина и Е. Степановой. М., 1999.
Краткая история Албании с древнейших времен до наших дней / Отв. ред. Г.Л. Арш. М., 1992.
Манчха П. Албания на пути к социализму. М., 1951.
Маньковская Г.Л. Литературное творчество Фана Ноли: Критико-библиографическое исследование. М., 1974.
Маньковская Г.Л. История Албании в работах советских авторов // Вопросы истории. 1982. № 12.
Маньковская Г.Л. Советско-албанские культурные связи (1945–1961) // Балканские исследования. М., 1987. Вып. 10. Общественные и культурные связи народов СССР и Балкан XVIII–XIX вв. / Отв. ред. Г.Л. Арш.
Материалы III съезда Албанской партии труда. М., 1957.
Миткевич Г.Н. Албания: по пути перемен. М., 1991.
Нестеров А.В. Краткий очерк развития просвещения и культуры в Народной Республике Албании. М., 1958.
Поло С. Русская революция 1905–1907 гг. и борьба албанского народа за независимость // Первая русская революция 1905–1907 гг. и международное революционное движение. М., 1955. Т. I.
15 лет Народной Албании. М., 1959.
Решетникова О.Н. Албания в межбалканской политике в первой половине 30-х годов XX в. // Материалы к VI международному конгрессу по изучению стран Юго-Восточной Европы (София, август 1989 г.): История, этнография. М., 1989.
Рупник Ж. Косово: дилеммы протектората // Конституционное право: Восточноевропейское обозрение. 2000. № 2.
Рыжкова В.П. Великая Октябрьская социалистическая революция и национально-освободительное движение в Албании (1918–1921 гг.) // 40 лет Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1957. Т. 1.
Селищев А.М. Славянское население в Албании. София, 1981.
Сенкевич И.Г. Младотурецкая революция 1908 г. и албанское национально-освободительное движение // Советское востоковедение. 1958. № 1.
Сенкевич И.Г. Освободительное движение албанского народа в 1905–1912 гг. М., 1959.
Сенкевич И.Г., Смирнова Н.Д. Некоторые проблемы новой и новейшей истории Албании в трудах албанских историков // Новая и новейшая история. 1959. № 6.
Силаев Е.Д. Албания. М., 1953.
Смирнова Н.Д. Из истории национально-освободительной борьбы албанского народа в период второй мировой войны (1939–1944) // Вопросы истории. 1952. № 2.
Смирнова Н.Д. Некоторые проблемы истории Албании в освещении журнала "Bulletin për shkencat shoqërore" // Вопросы истории. 1954. № 12.
Смирнова Н.Д. Из истории итальянской агрессии в Албании (1938–1941 гг.) // Новая и новейшая история. 1957. № 3.
Смирнова Н.Д. Образование Народной Республики Албании. М., 1960.
Смирнова Н.Д. Захват Албании фашистской Италией в 1939 году // Вопросы истории. 1969. № 4.

Смирнова Н.Д. Албанский "красный епископ" Фан Ноли // Новая и новейшая история. 1973. № 3.
Смирнова Н.Д. Албанская партия труда (страницы истории) // Бюл. науч. информ. ИВИ АН СССР. 1974. № 9.
Смирнова Н.Д. Политика Италии на Балканах 1922—1935 гг. М., 1979.
Смирнова Н.Д. Албанский вопрос: в чем его суть? // Этнополитические конфликты в посткоммунистическом мире. М., 1996. Ч. 1.
Смирнова Н.Д. Балканский кризис (Косово) в контексте национальной безопасности России: Взгляд в XXI век // Человек на Балканах в эпоху кризисов и этнополитических столкновений XX в. / Отв. ред. Г.Г. Литаврин, Р.П. Гришина. СПб., 2002.
Улунян Ар.А. Албания после коммунизма (1985—1997 годы) // Общественные науки и современность. 1997. № 4.
Юткевич С. Искусство Народной Албании. М., 1958.

Андонов-Полјански Х. Прилог кон македонско-албанските врски во минатото // Годишен зборник на Филозофски факултет на Универзитетот во Скопје. 1981. Кн. 7(33).
Атанасова Е. Българо-албански политически отношения (1918—1939) // България в света от древността до наши дни.София, 1979.
Balkanicus. Албанская проблема и Сербія и Австро-Венгрія. СПб., 1913.
Балугџић Ж. Кад се стварала Албанија // Српски књижевни гласник. Београд, 1937.
Батаковић Д. Есад-паша Топтани и Србија 1915. године // Србија 1915. године / Уред. Д. Милић. Београд, 1986.
Батаковић Д. Ахмед-бег Зогу и Србија // Србија 1916. године. Београд, 1987.
Батаковић Д. Есад-паша Топтани, Србија и албанско питање 1916—1918 // Србија 1918. године и стварање југолосвенске државе / Уред. С. Терзић. Београд, 1989.
Бобев Б. Развитие на албанския национален въпрос след Първата световна война: Проблемът Косово // Национални проблеми на Балканите: История и съвременност. София, 1992.
Бобев Б., Кацори Т. Близката и непознатата Албания. София, 1998.
Богдановић Д. Повлачење српске војске на приморју и оснивање интендантске базе у Драчу и Скадру. Загреб, 1927.
Божилова Р., Бобев Б. България и албанският въпрос в началото на XX век // Исторически преглед. 1982. № 4.
"Велика Албанија": замисли и могуће последице. Београд, 1998 (то же на англ. яз.: "Greater Albania": Concepts and Possible Consequences. Belgrade, 1998).
Винавер В. Италијанска акција против Југославије на албанско-југословенској граници 1918—1920. године // Историјски записи. 1966. № 3.
Висковић Б. Евакуација српске војске са албанског приморја на оток Крф // Србија 1916. године. Београд, 1987.
Војводић М. Скадарска криза 1913. године. Београд, 1970.
Дамянов С. България и балканските страни по време на войните 1912—1913 г.: Образуване на независимата албанска държава. София, 1987.
Делчева Г. Албанското село между двете световни войни // Балкански проучвания XX в. София, 1972.
Делчева Г. Албанската историография за международните отношения на Балканите от 1918 до 1939 г. // Международни отношения на Балканите 1918—1939 // Отг. ред. С. Дамянов. София, 1984.

Димитров С., Манчев К. Албанските въстания от 1911—1912 г.: Създаване на независимата албанска държава // История на балканските народи. София, 1975. Т. 2. 1879—1918 г.
Документи о питању границе са Арбанијом код манастира св. Наума. Београд, 1924.
Елдъров С. Българите в Албания (1913—1939): Изследване и документи. София, 1999.
Јевтић А. Страдања Срба на Косову и Метохији од 1941. до 1990. Приштина, 1990.
Јелић М. Албанија. Београд, 1933.
Желязкова А. Албанският национален въпрос и Балканите: Теренни проучвания. София, 2001.
Живојиновић Л. Устанак Малисора 1911. године и америчка помоћ Црној Гори // Историјски записи. 1967. № 2.
Игић Ж. Косово и Метохија (1981—1991): увод у југословенску кризу: Дневник. Приштина, 1996.
Кодра М. Буржоаско-демократска револуција во 1924. година // Гласник на Институтот за национална историја. Скопје. 1968. № 3.
Косово и Метохия. Београд, 1998.
Микић Ђ. Албанци и Србија у балканским ратовима 1912—1913 // Историјски гласник. 1985. № 1/2.
Наумоска К. Влијанието на големите европски сили во решавањето на албанското и (не)решавањето на македонското прашање (1912—1913) // Европа и македонското прашање. Делчево, 1995.
Недић М. Српска војска на албанској голготи. Београд, 1937.
Ораовац Т. Арбанашко питање и српско право. Београд, 1913.
Павловић Ж. Опсада Скадра 1912—1913. (Прилог историји првог балканског рата). Београд, 1926.
Ратковић С. Сукоб Италије и Црне Горе око Скадра 1915. године // Историјски записи. 1974. № 1/2.
Соколова Б. Албански възрожденски печат в България. София, 1979.
Спасић К. Један француски војни извештај о повлачењу Срба кроз Албанију и о боравку на Крфу // Србија 1916. године. Београд, 1987.
Србија и Албанци у XIX и почетком XX века. Београд, 1990.
Србија и Албанци у XX веку. Београд, 1991.
Станковић Ђ. Никола Пашић и стварање албанске државе // Марксическа мисао. 1985. № 3.
Становништво словенског порекла у Албанији / Уред. Ј. Бојовић. Титоград, 1991.
Стојанчевић В. Аустро-угарско-српски сукоб у Косовском вилајету на почетку XX века // Југословенски народи пред први светски рат. Београд, 1967.
Ташев С. Българите в Албания (1913—1993 г.) // Етническият проблем и националният въпрос на българите. Пловдив, 1994.
Тодоровиќ Д. Проблем за разграничувањето меѓу Кралството на Србите, Хрватите и Словенците и Република Албанија кај манастирот св. Наум // Гласник на Институтот за национална историја. Скопје. 1976. № 1.
Трайков В. България и възникването на албанската държава // Исторически преглед. 1992. № 10.
Храбак Б. Арбанашки првак Иса Бољетинац и Црна Гора 1910—1912. године // Историјски записи. 1977. № 1.
Храбак Б. Стање на српско-албанској граници и побуна Арбанаса на Косову и у Македонији // Србија 1915. године / Уред. Д. Милић. Београд, 1986.

Храбак Б. Арбанашки упади и побуне на Косову и у Македонији од краја 1912. до краја 1915. године. Врање, 1988.
Џелетовић И. Ко су и шта хоће Шиптари. Београд, 1998.
Юнската буржоазнодемократична революция в Албания. София, 1989.

Abazi G. Pregatitja dhe zhvillimi i luftës së Vlorës në 1920 // Studime historike. 1970. № 2.
Agora L. The Problems of the Economic Development of Albania // Balkan Forum. 1993. № 2.
Akte të Rilindjes Kombëtare shqiptare. 1878—1912 / Përgatitur nga S. Pollo e S. Pulaha. Tiranë, 1978.
Albanien: Stammesleben zwischen Tradition und Moderne / Hrsg. von H. Eberhart und K. Kaser. Wien; Köln; Weimar, 1995.
Alia Z. Die Familie und ihre Struktur in der SVR Albanien. Tirana, 1989.
Alkan N. Historical, Cultural and Political Background of the Kosovo Question // Eurasian Studies. 2002. Winter. № 21.
Andonovski N. Les Albanais de Macédoine: Perspectives et limites d'une double identité // La République de Macédoine. Nouvelle venue dans le concert européen / Red. C. Chiclet, B. Lory. P.; Montreal, 1998.
Arifi T. Albanian Society in Macedonia and Montenegro // Harriman Review. 1996. № 3.
Atanasova E. L'attitude du peuple albanais et des milieux progressistes dans le monde envers l'agression italienne en Albanie en avril 1939 // Grandes puissances et les Balkans. Sofia, 1973.
Avramovski Ž. Italianska ekonomska penetracija u Albaniju od 1925. do 1939. godine // Istorija XX veka: Zbornik radova. Beograd, 1963. T. V.
Avramovski Ž. Problem Albanije u jugoslovensko-italijanskom sporazumu od 25.III.1937 godine // Historijski pregled. 1963. № 1.
Avramovski Ž. Prilog pitanju italiansko-albanske iredentističke propagande na Kosovu i Metohiji u vreme minhenske krise i okupacije Albanije // Istorijski glasnik. 1964. № 2/3.
Avramovski Ž. Akcija jugoslovenske vlade protiv Zoguovog režima u Albaniji preko Cena Ben Kryeziu (1926—1927) // Gjurmime albanologjike. 1965. № 2.
Avramovski Ž. Pitanje podele Albanije u razgovorima Stojadinović — Ciano januara 1939, stav nakih diplomatskih i wojnih ličnosti // Godišnjak pokrainskog državnog arhiva. Pristina, 1965. T. I.
Avramovski Ž. Prilog pitanju istorije Albanije u periodu između dva svetska rata // Gjurmime albanologjike. 1966. № 3.
Avramovski Ž. Dokumentat diplomatike gjermane për gjendjen në Shqipni dhe në Kosovë e Metohi prej mborimit të vjetit 1941 deri me kapitilimin e Italisë // Përparimi. 1967. № 9/10.
Avramovski Ž. Kontribut studimit të historisë së Shqipërisë në periodhën midis dy luftave botërore // Gjurmime albanologjike. 1968. № 2.
Avramovski Ž. Albanske države of 1912. do 1939. godine // Iz istorije Albanaca: Zbornik predavanja. Beograd, 1969.
Avramovski Ž. Fati i rezervave shqiptare të arit pas kapitulimit të Italisë (1943—1944) // Gjurmime albanologjike. Ser. e shkencave historike. 1971. № 1.
Avramovski Ž. La politique anglais envers l'Albanie (1918—1924) // Balcanica. Beograd, 1973. Vol. 4.
Avramovski Ž. Albanija između Jugoslavije i Italije 1918—1924 god. // Vojnoistorijski glasnik. 1984. № 3.
Ballvora S. Vendosja e regjimit kolonial fashist të pushtimit në Shqipëri // Studime historike. 1967. № 5.

Ballvora S. Gllabërimi ekonomik dhe dëmet e shkaktuara nga Italia fashiste dhe Gjermania naziste gjatë viteve të pushtimit 1939–1944 // Studime historike. 1969. № 2.
Bartl P. Die Albaner // Der ruelose Balkan / Hrsg. von M. Weithmann. München, 1993.
Bartl P. Albanien. Regensburg, 1995.
Belegu M. Politika zogiste e dyerve të hapurane 1925–1926 // Studime historike. 1964. № 1.
Belegu M. La révolution de juin 1924 — un événement marque pour l'Albanié et les Balkans. Tirana, 1966.
Benanti F. La Guerra piu lunga. Albania. 1943–1948. Milano, 1967.
Berg P.H. Kosovo–Perspective for the future // Südosteuropa Mitteilungen. 2000. № 4.
Bernard R. Essai sur l'histoire de l'Albanie moderne. P., 1935.
Biberai E. Albanian-Yugoslav Relations and the Question of Kosovo // East European Quarterly. 1983. № 4.
Binder D. Serbisch-albanishe Gezeiten in Kosovo // Blaetter für deutsche und internationale Politik. 1999. № 7.
Blumi I. The Question of Identity, Diplomacy and Albanians in Macedonia: Has the Rain Come? // International Journal of Albanian Studies. 1997. № 1.
Bobev B. La conflit entre l'Albanie et le Royaume des Serbes, des Croates et des Slovénes en 1921 et la position de l'Italie // Études baklaniques. 1980. № 1.
Bobev B. L'Albanie à travers la presse bulgare entre les deux guerres mondiales // Études balkaniques. 1983. № 2.
Bobev B. Bulgaria and Albania between the two World Wars: an Overview of Bilateral Relations // South East European Monitor. 1995. № 1.
Bonomi G. Albania 1943. La tragica marcia dei militari italiani da Tepeleni e Argirocastro a Santi Quaranta. Milano, 1971.
Bourcart. L'Albanie et les Albanais. P., 1921.
Breu J. Das Wachstum der Städte Albaniens 1923–1965 // Mitteilungen der Österreichische geographische Gesellschaft. 1968. № 2/3.
Buchberger C. Erinnerungen aus meinen albanischen Jahren 1911–1914 // Studia albanica. 1973. № 1.
Buck T. Fear and Loathing in Macedonia: Ethnic Nationalism and the Albanian Problem // State and Nation Building in East Central Europe: Contemporary Perspectives / Ed. J. Micgiel. N.Y., 1996.
Calic M.-J. Kosovo von der Katastrophe? // Blaetter für deutsche internationale Politik. 1998. № 4.
Calic M.-J. Kosovo: Krieg oder Konfliktlösung? // Südosteuropa Mitteilungen. 1998. № 2.
Çami F. Partia komuniste e Shqipërisë në luftë për rimëkëmbien e vëndit dhe për zhvillimin e mëtejshëm të revolucionit (1945–1948). Tiranë, 1958.
Çami M. Le mouvement national albanais et la politique italienne à la fin de la Première guerre mondiale. Tirana, 1966.
Çami M. L'opinion politique et sociale de Themistokli Gërmenjien 1915–1916 // Studia albanica. 1967. № 1.
Çami M. Lufta antiimperialiste e Vlorës — faktor vendimtar per rruajtjen e parvaresise dhe terresise tokësore të shtetit shqiptar // Studime historike. 1968. № 1.
Çami M. Lufta e Vlorës — lufta e gjith popullit // Studime historike. 1970. № 3.
Çami M. Lufta çlirimtare antiimperialiste e popullit shqiptar në vitet 1918–1920. Tiranë, 1969.
Çami M. Le mouvement démocratique et révolutionnaire en Albanie durant les années 1921–1924 // Studia albanica. 1975. № 1.

Çami M. Lëvizja kombëtare në trevën e Korçës në muajt e fundit të pushtimit francez, prill – mai 1920 // Studime historike. 1975. № 2.
Çami M. Shqipëria në marrëdhëniet ndërkombetarë (1914 – 1918). Tiranë, 1987.
Ceas C. Italia – Albania e politica europea. Roma, 1939.
Chanlaine P. Les combats d'Albanie de 1918 // Revue historique de l'armée. 1969. № 1.
Chekrezi C.A. Albania, past and present. N.Y., 1971.
Claier N. National and Religious Identity among Albanian Muslims after the Political Upheaval from1990 // Islamic Studies. 1997. № 2/3.
Clunies-Ross A., Sudar P. Albania's Economy in Transition and Turmoil 1990 – 1997. Hants, 1998.
Conflict in Kosovo: Failure of Prevention? An Analytical Documentation. 1992 – 1998. Schleswig, 1998.
Conforti G. Problema Albanese. Napoli, 1916.
Crisis in Kosovo: Report Political Affairs Committee of the Parliamentary Assembly of Council of Europe. Strasbourg, 17 March 1998.
Davies E.F. Illyrian Venture: the Story of the British Military Mission to enemy-occupied Albania. 1943 – 1944. L., 1952.
Demiraj Sh., Prifti K. Kongresi i Manastirit – ngjarje me rëndësi në lëvizjen kombëtare shqiptare. Tiranë, 1965.
Demiraj S. Le Congrès de Monastir // Studia albanica. 1968. № 2.
Dërmaku I. Rilindja Kombëtare Shqiptare dhe kolonitë shqiptare të mërgimit në Rumani dhe në Bullgari. Prishtinë, 1983.
Dezhgiu M. Veprimtaria e shtetit të ri të demokracisë popullore (mai – nëntor 1944). Tiranë,1982.
Die Lage im Kosovo // Hrsg. D. Schlegel. Köln, 1998.
Documents et matériaux historiques de la lutte du peuple albanais pour la liberté et la démocratie. 1917 – 1941. Tirana, 1959.
Dogo M. Anno 1927: propaganda, spionaggio e sovversione nella partita italo-jugoslava per l'Albania // Studi balcanici / Red. F. Guida, L. Valmarin. Roma, 1989.
Dokumenta kryesore të PPSH. Tiranë, 1971. T. I. 1941 – 1948.
Dokumenta të Shtabit të Përgjithëshëm dhe të Komandes së Përgjithëshme të Ushtrisë Nacional-Çlirimtare Shqiptare (5 korrik 1943 – 10 korrik 1945) / Red. Nd. Plassari. Tiranë. Vol. 1 – 2.
Dokumente e materiale historike hga lufta e popullit shqiptar për liri e demokraci (1917 – 1941). Tiranë, 1962.
Dokumente të organeve të larta të pushtetit revolucionar nacional-çlirimtar (1941 – 1944). Tiranë, 1962.
Duce A. L'Albania nei rapporti italo-austriaci 1897 – 1913. Milano, 1983.
Duda H. Nationalismus – Nationalitaet – Nation: Der Fall Albanien. Unter Berücksichtigung des Kosovo. München, 1991.
Durham M.E. High Albania. N.Y., 1971.
Elezi I. Notions sur la vendetta en Albanie. Tirana, 1966.
Essad-pasha. Memoire sur l'Albanie. P., 1919.
Fischer B.J. King Zog and the Struggle for Stability in Albania. N.Y., 1984.
Fischer B.J. Italian Policy in Albania 1894 – 1943 // Balkan Studies. 1985. № 1.
Fishta I. Sistemi monetar dhe krediti në Shqipëri (1924 – 1944). Tiranë, 1971.
Fishta I., Doçi M. Ndërhyrja e imperializmit italian dhe gjerman në financat e shtetit shqiptar (1925 – 1944). // Ekonomia popullore. 1965. № 6; 1966. № 1, 2, 5.
Fishta I., Toçi V. Ekonomia e Shqipërisë në vitet e para të ndërtimit socialist (nëntor 1944 – nëntor 1948). Tiranë, 1984.

Fonderbark D. British Policy and the Demise of Albania, April 7, 1939 // Balkan Studies. 1970.
Frashëri Xh. Pushteti popullor në vitet e luftës antifashiste nacional-çlirimtare. Tiranë, 1983.
Gaba E. Marrëdhëniet italo-shqiptare në prag të pushtimit fashist // Studime historike. 1976. N 3.
Garlicka A. Kwestia podziału Albanii w przededniu II wojny światowej (w świetle dokumentów jugosłowiańskich i brytyiskich) // Studia z dziejow Rosji i Europy środkowo-wschodniej. Wrocław; Warszawa; Kraków, 1992. T. XXVII.
Giannini A. L'Albania dall'indipendenza all'unione coll'Italia. Milano, 1940.
Gjeçovi Xh. Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave në vitet e Luftës Antifashiste Nacionalçlirimtare. Tiranë, 1986.
Gogai J. Shkollat katolike – mjet i rëndësishem i depërtimit fashist në Shqipëri (vitet 30'të shekullit XX) // Studime historike. 1971. N 1.
Greek Helsinki Committee for Human Rights. Albania: Report on the Parliamentary elections of 22.3.1992 and the Political Rights of the Greek Minority // Balkan Studies. 1993. N 1.
Griffith W. Albania and the Sino-Soviet Rift. Cambridge (Mass.), 1963.
Grothusen K.-D. Albanien. Göttingen, 1993.
Gurakuqi L. Veprat. Tiranë, 1962.
Hadri A. Pozita dhe Gjendja e Kosovë në mbretërinë e Jugosllavisë (1918–1941) // Gjurmime albanologjike. 1968. N 2.
Harvalias G. Albanian Irredentism vs. Serbian Ethnocentrism. (The Kosovo Dispute: Threat to Balkan Regional Stability) // Hellenic Foundation for Defence and Foreign Policy. Year Book 1989.
Hasluck M. The Unwritten Law in Albania. L., 1954.
Haxhia F. Politika financiare antipopullore e regjimit zogist // Studime historike. 1966. N 1.
Haxhiu A. Hasan Pristina dhe lëvizja patriotike e Kosovës. Tiranë, 1969.
Hayne M.B. Great Britain, the Albanian Question and the Concert of Europe 1911–1912 // Balkan Studies. 1987. N 2.
Heraclides A. Konfliktlösung am Beispiel der Kosovofrage // Internationale Politik. 1997. N 12.
Hilmija S. Disa aspekte të politikës së çmimeve nën regjimin feudo-borgjez të A. Zogut // Studime historike. 1975. N 2.
Hishow O. Ambivalenz der Transformation in Albaniens Wirtschaft – lange Aufholzeiträume erforderlich // Südosteuropa Mitteilungen. 1995. N 3.
Histoire de l'Albanie des origines à nos jours / Dir. S. Pollo et A. Puto. Roanne, 1974.
Historia e Luftës Antifashiste Nacionalçlirimtare të popullit shqiptar. Tiranë, 1984–1986. Vëll. 1–4.
Historia e popullit shqiptar. Pristine, 1969.
Historia e Shqipërisë. Tiranë, 1983–1986. Vëll. 2–4.
History of the Party of Labour of Albania. Tiranë, 1971.
Hodža H. Proces nacionalne afirmacije albanske nacionalnosti u Jugoslaviji. Priština, 1972.
Hoppe H.-J. Albaniens vorsichtige Öffnung // Südosteuropa. 1985. N 10.
Horn A., Kušić S. Chancen einer exportorientierten Entwicklungsstrategie für Albanie // Südosteuropa Mitteilungen. 2001. N 1.
Hoxha E. With Stalin. Tiranë, 1978.
Hrabak B. Reokupacija oblasti spske i crnogorske države s arbanaškom većinom stanovništva u jesen 1918. godine i držanje Arbanasa prema uspostavljenoi vlasti // Gjurmime albanologjike. 1969. N 1.

Hrabak B. Shqipëria në planet Austro-Gjermane mbi ndryshimin e gjendjes politike në Ballkan (1914–1918) // Përparimi, 1969. N 4.
Hrabak B. Elaborat srpskog Ministarstva inostranih dela o pripremama srpske ocupacije severne Albanije 1915. godine // Godišnjak Arhiva Kosova. Priština. 1970. T. II–III.
Hradečný P. Italsko-jugoslavské soupeření o Albánii a československá zahraniční politika v 20-tých letech // Československo a Juhoslávia. Bratislava, 1968.
Hradečný P. Albánská červnová revolúce u roku 1924 // Slovanský přehled. 1974. N 3.
Hradečný P. Zur Frage der Stellung Albaniens in der internationalen Politik und die Aussenpolitik Albaniens unter der regierung Fan Noli (Juni–Dezember 1924) // Sbornik prací filosofické faculty Brněnske university. Ř. historiská. Praha, 1967. N 14.
Hradečný P. Albánie // Střední a jihových. Evropa ve valce a v revolucí. 1939–1945. Praha, 1969.
Hysi G. L'organisation de l'État albanais et la lutte politique à ce sujet dans les années 1920–1924. Tirana, 1988.
Islami H. Kosova dhe shqiptaret. Cështje demografike. Pristinë, 1990.
Jacomoni di san Sevino F. La politica dell'Italia in Albania nella testimonianza del Luogotenente del Re. Bologna, 1965.
Kaleshi H. Një burim turk mbi kryengritjet shqiptare më 1909–1912 // Gjurmime albanologjike. Ser. e shkencave historike. 1971. T. 1.
Kaltsounis T. Education and the new nationalism in the Balkans: the case of Albania // Balkan Studies. 1995. N 1.
Karabeci K. Rreth veprimtarisë së Ismail Qemalit në kryengritjen përgjithëshem shqiptare te vitit 1912 // Studime historike. 1983. N 1.
Kentrotis K. Der Verlauf der griechisch-albanischen Beziehungen nach dem Zweiten Weltkrieg und die Frage der muslimishen Tschamen // Balkan Studies. 1993. N 2.
Kofos E. The Greek Minority School Textbooks during the Enver Hoxha Period // Balkan Studies. 1993. N 1.
Koka V. La lutte du peuple albanais contre l'impérialisme italien dans les années 20–30 de notre siècle. Tirana, 1966.
Koka V. L'idéologie réactionnaire du clergé aux années 30 du XXe s. // Studia albanica. 1969. N 1.
Kondis B. Greece and Albania. 1908–1914. Thessaloniki, 1976.
Kondis B. The Greek Minority in Albania // Balkan Studies. 1995. N 1.
Kongresit i Lushnjës dhe lufta e Vlorës. Tiranë, 1974.
Kordha H. Bajram Curri në lëvizjen e Marsit 1922 // Studime historike. 1975. N 3.
Koseski A. Albania: Krótki zarys dziejów. Warszawa, 1988.
Kosovo: Avoiding Another Balkan War / Ed. by T. Veremis, E. Kofos. Athens, 1998.
Kosovo: Past and Present. Belgrade, 1989.
Krieg im Kosovo / Hrsg. T. Schmid. Reinbek, 1999.
Krstić B. Kosovo između istorijskog i etničkog prava. Beograd, 1994.
La question albanaise dans les actes internationaux de l'époque impérialiste / Recueil de documents presentes par A. Puto. Tirana, 1985–1988. T. 1–2.
La legge delle montagne albanesi nelle relazioni della Missione volante. 1880–1932 / Red. G. Valentini. Firenze, 1969.
La Marca N. Italia e Balkani fra le due guerre. Saggi sull'espansione economica nel Sud-Est europeo. Roma, 1979.
Laçej F. The Process of Privatization in Albania // Balkan Forum. 1993. N 3.
Lazarov R. The Albanians in Macedonia: Co-Citizenship or ...? // Balkan Forum. 1995. N 3.

Layton W. Le "Coup" du Vendredi-Saint, les Italiens en Albanie 1939 // Historama. 1966. N 176.
Leci T. La politique de terrorisme et des massacres des occupants italo-allemands en Albanie // Studia albanica. 1974. N 2.
Leśny J., Hauziński J. Historia Albanii. Wrocław, 1992.
Lewin E. Die internationalen Auswirkungen der sowjetischen Friedenspolitik und das Scheitern der imperialistischen Teilungspläne gegenüber Albania in der Jahren 1919/1920 // Jahrbuch für Geschichte der UdSSR und der volksdemokratischen Länder Europas. B., 1968. N 12.
Lewin E. Die antiimperialistische Bewegung des albanischen Volkes im Jahre 1920 // Jahrbuch für Geschihte der sozialististischen Länder Europas. B., 1971. N 2.
Lipsius Sabine. Kosovo: Politische Führung zerstritten // Südosteuropa. 1999. N 7/8.
Lipsius Stephan. Untergrundsanisationen im Kosovo // Südosteuropa. 1998. N 1/2.
Logoreci A. The Albanians: Europe's Forgotten Survivors. L., 1977.
Lorenzoni G. La questione agraria albanese. Studii, inchieste e proposte per una riforma agraria in Albania. Bari, 1930.
Maksutovici G. Mişcarea de rezistenţa albanesă împotriva cotropitorilor fascişti italieni şi germani (aprilie 1939 – noiembrie 1944) // Anale de istorie. 1969. N 3.
Malcolm N. Kosovo: A Short History. L., 1998.
Manta E. The Economic Recession in Albania and Italian Infiltration: The Loan of 1931 // Balkan Studies. 1995. N 2.
Marmullaki R. Albania and the Albanians. L., 1975.
Marrëdhëniet shqiptaro-jugosllave 1945–1948: Dokumente. Tiranë, 1996.
Maserati E. Momenti della questione adriatica (1895–1913): Albania e Montenegro fra Austria e Italia. Verona; Udine, 1981.
Mbi influencën e Revolucionit të Madh Socialist të Tetorit në Shqipëri (1917–1924). Tiranë, 1957.
Mbi lëvizjen kombëtare shqiptare. Tiranë, 1962.
Mbi lëvizjen kombëtare dhe demokratike shqiptare në vitet 1918–1924: (Kushtuar 40 vjetorit të Revolucionit të Qershorit 1924) / Red. M. Belegu. Tiranë, 1966.
Melzi d'Eril G. Inverno al caposaldo (Albania 1941). Milano, 1970.
Memoirs of Ismail Kemal-bey. L., 1922.
Miho D. Veprimtaria kolonizuese e shoqerisë ELAA në Shqipëri dhe lufta kundër saj // Studime historike. 1976. N 4.
Milo P. Shqipëria dhe Jugoslavia 1918–1927. Tiranë, 1992.
Milo P. Albania and the Balkan Entente // Association international d'études du Sud-Est européen. Bulletin. Bucureşti, 2001. N 30.
Milosavlevski S., Tomovski M. Albanians in the Republic of Macedonia 1945–1995. Skopje, 1997.
Mitrović A. Srbi i Albanci u XX veku. Beograd, 1991.
Mousset A. L'Albanie devant l'Europe (1912–1929). P., 1930.
Naço V. Vështrim i shkurtër ekonomiko-shoqëror në pragun e pushtimit fashist në qarkun e Beratit // Studime historike. 1975. N 2.
Naska K. Ismail Qemali në lëvizjen kombëtare shqiptare. Tiranë, 1987.
Naska K. L'organisation et le fonctionnement du premier parlement albanais (1920) // Études balkaniques. 2000. N 4.
Nikitovitch T. L'affaire du Monastère de Saint-Naoum. P., 1927.
Nikolitch D. Les différends de Frontière de l'Albanie et le Traité Italo-albanais du 27 Novembre 1926. P., 1927.
Nishova M. Riza Cerova. Tiranë, 1973.

Noli F.S. Veprat. Tiranë, 1988. Vëll. 1–7.
Omari L. Revolucioni popullor në Shqiperi dhe çeshtja e pushtetit. Tiranë, 1977.
Pano G. The Albanian-American effort to Influence Wilson's Policy toward Albania 1918–1920 // South East European Monitor. 1995. N 1.
Papazachariou E. La guerrilla albanaise. Théorie et tradition // La guerre en Mediterranée 1939–1945. P., 1971.
Parvanova Z. Programme and Organizational Transformations of National Movements in European Turkey (1910–1912). Part Two: The Albanian and the Bulgarian Revolutionary Movement // Études balkaniques. 2002. N 1.
Pastorelli P. La penetrazione italiana in Albania // Rivista di studi politici internazionali. 1966. T. 33/1.
Pastorelli P. L'Albania nel patto di Londra // Clio. 1969. N 2/3.
Pastorelli P. Italia e Albania. 1924–1927: Origini diplomatice del Trattato di Tirana del 22 novembre 1927. Firenze, 1967.
Pastorelli P. L'Albania nella politica estera italiana (1914–1920). Napoli, 1970.
Pela M., Starja S. Bashkëpunimi me okupatorët nazi-fashistë i organizatave tradhtare "Balli combëtar" dhe "Legaliteti" kundër Lëvizjes Nacionalçlirimtare // Studime historike. 1975. N 1.
Pernack H.-J. Probleme der wirtschaftlichen Entwicklung Albaniens: Untersuchung des ökonomischen Wandlungsprozesses von 1912/1913 bis in die Gegenwart. München, 1972.
Perspectives on Albania / Ed. by T. Winnifrith. L., 1992.
Petrović A., Bogdanović M. Pošt i poštanske vrednosnice u Albaniji do kraja Prvog svetskog rata // Gjurmime albanologjike. 1970. N 1/2.
Pettifer J. The Albanians in Western Macedonia after FYROM Independence // The New Macedonian Question. L., 1999.
Pfaltzgraff R.L., Jr. America's Crisis Management Strategy and Kosovo // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. N 3.
Pichl E. Die "albanische Frage" in Makedonien // Gordischer Knoten Kosovo/a: Durchschlagen oder entwirren. Völkerrechtliche, rechtsvergleichende und politikwissenschaftliche Analysen und Perspektiven zum jüngsten Balkankonflikt / Hrsg. J. Marco. Baden-Baden, 1999.
Pipinelis P.N. Europe and the Albanian Question. Chicago, 1963.
Politike antikombëtare e Enver Hoxhes. Plenumi i 2-të KQ të PKSH. Berat, 23–27 nëntor 1944: Dokumente. Tiranë, 1996.
Pollo S. Luigi Gurakuqi – un eminent democrate révolutionnaire // Studia albanica. 1979. N 1.
Pollo S., Puto A. The History of Albania. L., 1981.
Prela Z. Aspekte ekonomike të depërtimit paqësor të Austro-Hungarisë në Shqipëri (1900–1912) // Studime historike. 1966. N 2.
Problemi i statutit të Shqipërisë në Lidhjen e kombëve dhe në Konferencën e Ambasadorëve 1920–1921 // Studime historike. 1965. N 3.
Puto A. Sur la relations exterieurs gouvernement démocratique de 1924 en Albanie // Studia albanica. 1964. N 2.
Puto A. Le gouvernement démocratique de 1924 et la solution des differends sur la delimitation des frontieres de l'Allbanie // Studia albanica. 1974. N 1.
Puto A. L'indépendance albanaise et la diplomatie des grandes puissances. 1912–1914. Tirana, 1982.
Puto A. Demokracia e rerthuar (Qeveria e Fan Nolit në marrëdheniet e Jashtme, qershor – dhjetor 1924). Tiranë, 1990.
Qeveria e përkohëshme e Vlorës dhe veprimtaria e saj: nëndor 1912 – janar 1914. Tiranë, 1963.
Qosja R. Fan S. Noli (1882–1965) // Gjurmime albanologjike. 1969. N 1.

Rahimi Sh. Vilajeti i Kosovës më 1878 – 1912. Prishtinë, 1969.
Rahimi Sh. Marrëveshjet e qeverise serbe me Esat pashë Toptani gjate viteve 1914 – 1915 // Gjurmime albanologjike. 1976. N 6.
Rahimi Sh. Lufta e shqiptarëve për autonomie (1897 – 1912). Pristinë, 1978.
Rahimi Sh. Komiteti i Lidhje Maqedone-Shqiptare në Londer me 1902: Gjurmime Historike te rilindjes kombëtare. Pristine, 1986.
Rapper de J. Frontière et transition en Albanie du sud // Europæa. 1997. N 1.
Rasero A. Alpini della Julia. Storia della "divisione miracolo". Milano, 1972.
Regulloreja-Programi i Organizacionit kombëtar te Shqipërisë. Kadhnori, 1912.
Repishti Xh. Revolta e masave të Shkodrës në pranverën e vitit 1916 kundër pushtuesve Austro-Hungarezë // Studime historike. 1973. N 1.
Reuter J. Die Albaner in Jugoslawien. München, 1982.
Reuter J. Wer ist die UÇK? // Blaetter für deutsche und internationale Politik. 1999. N 3.
Reuter J., Clewing K. Der Kosovo-Konflikt. Klagenfurt, 2000.
Revolucioni i Qershorit 1924 në kujtimet e bashkëkohësve // Përgatitur nga H. Kordha, P. Dhimitri, Xh. Repishti. Tiranë, 1974.
Rizaj S. Vilajeti i Kosovës i Shkodrës dhe i Manastirit më 1911 // Përparimi. 1967. N 6 (то же на серб. яз.: *Ризај Б.* Устројство турске царевине у 1911. години – Косовски, Скадарски и Битољски вилајет // Зборник филозофског факултета у Приштини. Приштина, 1967. Т. 4).
Roselli A. Italia e Albania: relazioni finanziarie nel ventennio fascista. Bologna, 1986.
Rugova I. La question du Kosovo. P., 1994.
Russo M. Scusi, lei che ci faceva in Albania? Brescia, 1970.
Scendi S. Albania. N.Y., 1956.
Schanderl H.-D. Die Albanienpolitik Österreich-Ungarns und Italiens 1877 – 1908. Wiesbaden, 1971.
Scharp J. Testfall Kosovo // Internationale Politik. 1998. N 6.
Schmidt-Neke M. Entstehung und Ausbau der Königsdiktatur in Albanien (1912 – 1939). München, 1987.
Schmidt-Neke M. Shwierige Nachbarschaft: Albanien zwichen Griechenland und Makedonien // Südosteuropa. 1994. N 11/12.
Schmidt-Neke M. Makedoniens Albaner: Konfliktpotential oder Stabilisierungsfaktor? // Südosteuropa. 1999. N 2.
Schwanke R. Wirtschafts- und Sozialentwicklung Albaniens vor und nach dem Jahre 1912 // Die wirtschaftliche und soziale Entwicklung Südosteuropas im 19. und 20. Jahrhundert. München, 1969.
Scipano N. The Peole's Republic of Albania. Baltimore, 1968.
Serroi V. Meherheit und Minderheit in Kosovo // Internationale Politik. 1997. N 10.
Sfetas S., Kentrotis K. Oi Albanoi ton Skopion: Themata ethnikis ziniparchis. Thessaloniki, 1995.
Shehu M. La bataille pour la libération de Tirana. P., 1969.
Shkurti S. Pozita ekonomike e bujkut çifçi në Vurk (Sarandë) 1900 – 1944 // Studime historike. 1975. N 1.
Shpuza S. Revolucioni demokratiko-borgjez i qërshorit 1924 në Shqipëri. Tiranë, 1959.
Shpuza G. Atatürku dhe Shqiptaret. Tiranë, 1994.
Shuteriqi M., Bejtja H., Pelo M. Revolucioni demokratiko-borgjez i qërshorit të vitit 1924 // Studime historike. 1973. N 3.
Shuteriqi M., Bejtja H., Pelo M. Veprimtaria e qeverisë demokratikë të Fan S. Nolit dhe reaksioni (qershor – dhjetor 1924, dokumenta dhe materiale) // Studime historike. 1973. N 4.

Shyfflay M. Historija e Shqiptarëve te vëriut. Serbët e Shqiptarët. Prishtinë, 1968.
Siebertz P. Albanien und die Albanesen Landschafts und Characterbilader. Wien, 1910.
Simic P. The Kosovo and Metohija Problem and Regional Security in the Balkans. Belgrade, 1996.
Skendi S. The Albanian National Awakening 1878–1912. Princeton, 1967.
Sokolova B. L'intelligentsia albanaise en Italie (fin du XVIIIe s. – 1912) // Études balkaniques. 1984. N 1.
Spano R. Children of a Lesser God? Albania and Albanians between Balkan Dreams and European Images // The Yugoslav Conflict and its Implications for International Relations. Bologna; Ravenna, 1998.
Spasovska V. Auswirkungen der Kosovo-Krise auf Makedonien // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. N 2.
Starova G. The Religion of the Albanians in the Balkan and European Context // Balkan Forum. 1993. N 4.
Statuti i Republikës popullore të Shqipërisë. Tiranë, 1946.
Stawowy-Kawka I. Problem albański w Republice Makedonii // Prace Komisji Środkowoeuropejskiej PAU / Red. J. Machnik, I. Stawowy-Kawka. Kraków, 1996. T. IV.
Stawowy-Kawka I. Die Albaner in Makedonien – Vergangenheit und Gegenwart // Makedonien / Hrsg. W. Lukan, P. Jordan. Wien, 1998.
Steed H.W. Italy, Yugoslavia and Albania // Journal of Royal Institute of International Affairs. 1927. Vol. VI.
Steindorf L. Der lange Weg zum Kosovo-Krieg // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. N 3.
Sula A.B. Albania's struggle for Independence. N.Y., 1967.
Sulliotti A.I. In Albania. Sei mesi di regno. Milano, 1914.
Sundhaussen H. Kosovo: Himmlischen Reich und irdischer Kriegsshauplatz // Südosteuropa. 1999. N 5/6.
Swire J. Albania, the Rise of a Kingdom. L., 1929.
Tarifa F. Albania's Post-Communist Transition: Can Democracy Thrive? // Balkan Forum. 1993. N 5.
Tarifa S. Qëndresa e rimise shkollore të sryeqytetit kunder pushtuesve fashiste italiane (prill 1939 – nëndor 1941) // Studime historike. 1968. N 3.
Teich G. Das albanische Dorf. Darmstadt. 1969.
The Greek Minority in Albania: A Documentary Record (1921–1933) / Ed. by B. Kondis, E. Manta. Thessaloniki, 1994.
The Truth on Kosova. Tirana, 1993.
Toçi V. Les contradictions entre les puissances impérialistes sur les pétroles albanais (1920–1925) // Studia albanica. 1967. N 1.
Toçi V. Problemi i koncesioneve vajgurore në Shqipëri në vitet 1920–1925 dhe karakteri imperialist i tyre // Studime historike. 1967. N 1.
Toçi V. Projektet dhe orvatjet e monopoleve imperialiste për shfrytëzimin e pyjeve të Shqipërisë (1920–1924) // Studime historike. 1968. N 2.
Toçi V. Bisedimet e Romës dhe traktati i tregëtisë e i lundrimit në mes të Italisë e Shqipërisë (21 nëndor 1923 – 20 janar 1924) // Studime historike. 1969. N 3.
Toçi V. Ndërhyrja e kapitalit të huaj në Shqipëri dhe qëndrimi i qarqeve demokratike në 1921–1925. Tiranë, 1974.
Todorović D. Spolna politika Kraljevine Srba, Hrvata i Slovenaca prema balkanskim državama (Bugarska, Albanija, Grćka i Turska) u periodu 1918–1923. Beograd, 1972.
Tönnes B. Sonderfall Albanien. München, 1980.

Tönnes B. Belastungsprobe für die griechisch-albanischen Beziehungen // Südosteuropa. 1983. N 7/8.
Topp H.-D. Die albanisch-griechischen Beziehungen // Wissenschaftlicher Dienst Südosteuropa. 1978. N 2.
Troebst S. Von der "Makedonischen Frage" zur "Albanischen Frage": Der Balkan am Ende des 20. Jahrhunderts. Vier vorläufige Schlußfolgerungen // Der Balkan: Friedensone oder Pulverfaß? // Hrsg. V. Heuberger, A. Suppan, E. Vyslonzil. Wien, 1998.
Troebst S. The Kosovo War, Round One: 1998 // Südosteuropa. 1999. N 3/4.
Troebst S. Kommunizierende Röhren: Makedonien, die Albanische Frage und der Kosovo-Konflikt // Südosteuropa Mitteilungen. 1999. N 3.
Troebst S. Die Albanische Frage – Entwicklungsszenarien und Steuerungsinstrumente // Südosteuropa Mitteilungen. 2000. N 2.
Umiltá C. Jugoslavia e Albania. Memorie di un diplomatico. Milano, 1947.
Universiteti i Tiranës Enver Hoxha. 1957–1987. Tiranë, 1987.
Vătăşescu C. Aspecte ale relaţiilor albanezilor cu vecinii // Sud-Estul şi contextul European. 1993. Bul. 1.
Vickers M. Between Serb and Albanian: A History of Kosovo. L., 1998.
Vickers M., Pettifer J. Albania: From Anarchy to a Balkan Identity. L., 1997.
Vinaver V. Anglia dhe pozita ndërkombëtare e shqipërise midis dy luftave botërore // Gjurmime albanologjike. 1968. N 1.
What Italy has done for Albania. Roma, 1946.
Whitaker I. Tribal structure and national politics in Albania. 1910–1950. L., 1969.
Wildermuth A. Sich stützen auf die eigenen Kräfte: Eine Analyse der wirtschaftlichen Entwicklungspolitik Albaniens und ihres Scheiterns. München, 1994.
Young A. Albania: World Bibliographical Series. Oxford; Santa Barbara (Cal.); Denver (Col.), 1997. Vol. 94.
Yugoslavia: Dokumenti o Pitanju Granice sa Arbanijom. Belgrade, 1924.
Zamboni G. Mussolinis Expansionspolitik auf dem Balkan. Hamburg, 1970.
Zanette G. Tempesta sulle Alpi albanese. Milano, 1967.
Zanga L. Albanian Foreign Policy in the Wake of 7th Party Congress // Eastern's Europe's uncertain future / Ed. by R. King, J. Braun. N.Y., 1977.
Živanović M. O evakuaciji srpske vojske iz Albanije i njena reorganizacija na Krfu 1915–1916, prema francuskim dokumentima // Istorijski časopic. 1965. Кн. XIV–XV.
Živoinović D. Savezničko bombardovanje Drača oktobra 1918. godine i njegov politički značaj // Vojnoistorijski glasnik. Beograd, 1968. N 1.

Оглавление

Предисловие (*А.О. Чубарьян*) 3

Несколько слов... (*Шакир Вукай*) 6

Штрихи к портрету автора (*И.А. Белявская*) 9

От автора 13

Глава I

Тернистый путь к независимости 25

Эстафета идей Возрождения: от Сами Фрашери к Исмаилу Кемали 25
Албания в начале XX столетия 33
Антиосманская борьба набирает силу 37
Восстания 1910 – 1912 годов 45
Провозглашение независимости 51

Глава II

Обретение утраченной свободы 55

400 дней правительства Исмаила Кемали 55
Албанская государственность под угрозой гибели 63
Театр военных действий в нейтральной стране 70

Глава III

Борьба за независимость, территориальную целостность и демократию (1918–1924) 83

Битва за Влёру 83
От феодальной монархии к буржуазной республике 96
Восстание 1924 года 108
"Красный епископ" Фан Ноли 119

Глава IV

Пятнадцать лет диктатуры Зогу 127

Внутренняя и внешняя политика республики 127
Провозглашение монархии 142

Итало-албанский конфликт 150
Восстание в Фиери 157
Неудача курса на либерализацию 164
Крах режима 171

Глава V

Годы войны 181

В составе "Новой Римской империи" 181
Коммунисты объединяются 188
Создание Национально-освободительного фронта 202
От партизанских чет к Национально-освободительной армии 212
Соглашение в Мукье, или Фронт против Фронта 218
Суровая зима 1943/44 года 229
Освобождение и вопрос о власти 236

Глава VI

Образование Народной Республики 253

Становление режима 253
Борьба за международное признание 268
Выбор социалистической альтернативы 272
Поворотный 1948 год 282
"Наша линия – ориентация на СССР" 297
Кризис в советско-албанских отношениях 310

Глава VII

Создание и крушение мифов 327

"Опора на собственные силы" 327
Разрыв с Китаем. Что дальше? 341
Расставание с тоталитаризмом 347
Год перелома 1990-й 355

Глава VIII

Проблемы последнего десятилетия XX века 370

На пути в Европу 370
Победа демократии или победа над демократией? 381
Социалисты возвращаются во власть 398

Вместо заключения: Заглядывая в XXI век 411

Основная литература по истории Албании XX века (*Г.Д. Шкундин*) 416